Составитель
М. М. Мурдалов

Чечня и Кавказ: этюды, заметки из прошлого

Муслим Мурдалов

Чечня и Кавказ: этюды, заметки из прошлого

«Издательские решения»

Мурдалов М. М.

Чечня и Кавказ: этюды, заметки из прошлого / М. М. Мурдалов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983966-4

Представленный сборник является продолжением публикаций, результатов системных исторических исследований. Материалы и документы будут служить практическим пособием для этнографии и этнологии Кавказа.

ISBN 978-5-44-983966-4

© Мурдалов М. М.
© Издательские решения

Чечня и Кавказ: этюды, заметки из прошлого

Составитель Муслим Махмедгириевич Мурдалов
Набор текста, корректор Джабраил Муслимович Мурдалов
Набор текста Микаил Муслимович Мурдалов

ISBN 978-5-4498-3966-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается: ***Дадаеву Исламу Синмаровичу*** **из славного рода Акки Ткъайист за огромную и неоценимую помощь, оказанную в историко-культурном исследовании чеченского народа**

Введение

Также как и в предыдущих публикациях главной целью являлось предоставить возможность вам читателю, жителям Чечни, близлежащих к Чечне регионов и национальностей, архивные записки, публикации в газетах дореволюционного периода. Выявление редких материалов о Чечне трудоемкое занятие, недавно мы уже выпустили библиографических статей «Чечено-Ингушетия – родина моя» (526 страниц), где приводится история литературы чеченцев и ингушей, история театра, история нефтяной промышленности, история советской партийной власти, быт и культура народов, проживающих в ЧИАССР. Как обычно во всех наших публикациях во главе всего стоит человек, и каждое новое имя, обнаруженное в архивной рукописи, в газетной статье, в научной публикации, самым искренним образом меня радует. Самая большая моя находка выявление имен, и дальнейшее выяснение их жизни. Эти люди являются для меня постоянными героями продолжения публикаций, мысленно я с ними дружу и общаюсь. так или иначе какая нибудь примечательная личность из чеченцев через некоторое время в других материалах обязательно появится. Уверяю, что читая внимательно даже самый опытный историк и краевед найдет в строках этого издания полезное, необходимое для себя. Особенно эту книжку нужно читать туристу как историческая экскурсия, чтобы связать сегодня и вчера.

Муслим Мурдалов *– этнограф, библиограф, научный сотрудник КНИИ (РАН) им. Х. И. Ибрагимова, главный библиотекарь Национальной библиотеки ЧР, заместитель председателя отделения РВИО по ЧР.*

«В лесах и аулах Чечни»

Василий Потто. 1899 год.

(Генералы Лисаневич и Греков). Николай Васильевич Греков был человек обладавший замечательною энергиею и незаурядными военными способностями. Он роде все дышало волей порубежной жизни, и с малолетства сумел воспитать в себе лучшие стороны казачества. Приехав на Кавказ, он поступил на службу в 1805 году в Кабардинский полк, вместе с пятью своими братьями, такими же героями, как сам, и рядом боевых отличий оказанных им в то легендарно-героическом время, скоро успел добиться переводы в гвардию, но остался на Кавказе, и это послужило началом его быстрой военной карьеры. Спустя одиннадцать лет, он был уже полковником и командировал на линии 16-м егерским полком, пользовавшимся громкою славой еще со времен Лихачева. Ермолов, обладавший замечательною способностью выбирать людей, остановил свое внимание на Грекове и, назначив его начальником гарнизона в крепости Грозной, поручил ему важный военный пост начальника левого фланга. На обязанности Грекова лежало делать движения на Сунжу, подробно исследовать местность на всем пространстве лесистой Чечни вплоть до подножие Черных гор, прокладывать на сообщениях между главнейшими пунктами широкие посеки, устраивать дороги, а в случае нужды истреблять аулы, которые будут служить обычным притоном для хищников. Греков принялся за выполнение этой сложной задачи с замечательной настойчивостью и последовательностью. Первые удары русской силы должны были направиться на знаменитое Ханкальское ущелье – ворота в Чечню, видевшие перед собою ряд племен и народов, приходивших померяться там силами с людьми и с природою гор. Ханкальское ущелье тем и было сильно, что, представляя удобный путь из Чечни, оно своими вековыми лесами делало, напротив, путь в Чечню чрезвычайно трудным, если вступавший в страну был враг ее. Весь лес ожидал тогда и, казалось, каждое дерево сыпало смертоносными пулями на дерзкого пришельца. Вырубить этот лес значило сделать путь в чеченскую землю открытым. Но овладеть Ханкальским ущельем открытою силой было бы трудно. Здесь нужна была хитрость, и Греков прекрасно обдумал план своего нападения. Ничего не предпринимая в течение первых месяцев, он исподволь приучил чеченцев к беспечности и к мысли, что слабый гарнизон Грозной не может угрожать им серьезными набегами. И вот, когда в аулах все успокоилось, когда суровые зимние холода разогнали чеченские караулы к очагам их саклей, Греков скрытно притянул войска, стоявшие за Тереком и темною ночью на 29-е января 1819 года, внезапным движением разом захватил в свои руки все Ханкальское ущелье. Еще заря не успела заняться на южном ночном небе, как шестьсот топоров дружно застучали по корням дерев, и с громом и треском стали валиться лесные исполины. В два дня прорублена была широкая просека, и вековой, неприступный оплот грозной Чечни, стоивший столько жертв и крови Булгакову, пал под топорами русских солдат без единого ружейного выстрела. Деревья, сложенные в кучи, запылали огромными чудовищными кострами. И только тогда, когда густой дым гигантскими столбами стал подниматься над лесом, оплошавшие чеченцы бросились смотреть, что такое творится в ущелье… Но там, где некогда были дремучие леса, защищавшие их родину, теперь была широкая просека и, как муравьиные кучки, копошились на ней серые солдатские шинели. Ворота в Чечню стояли отворенными настежь. Непосредственно за Ханкальским ущельем простиралась обширная возделанная равнина; здесь были чеченские поля, засеянные хлебом, здесь паслись стада, вокруг группировались богатейшие селения. Теперь она лежала незащищенною перед русскими войсками, неожиданно без всякого боя, тихо и незаметно овладевшими ключом к ней. Было о че подумать чеченцам. Благоразумие, однакоже, удержало их от неприязненных действий. Бой за Ханкальское ущелье, теперь, когда оно лишилось своей естественной защиты – не приступного леса, не имел более смысла; оставалось хотя бы наружно покориться, потому что дру-

гого выбора не было. И с раненого утра со всех сторон потянулись к русскому стану чеченские депутации с хлебом и солью. Греков, принимая эти выражения покорности, понимал, как мало в них искренности; чеченцы старались только удалить на время неожиданно нависшую над ними тучу, чтобы заручиться помощью со стороны дагестанцев, и Греков зорко смотрел за чеченцами. Скоро сделалось известным, что жители селения Куллара вошли в сношения с чеченцами живущими в дальних горах, и не только снабжают их хлебом и принимают у себя из людей, но мало-по-малу сами перевозят свое имущество в горы. Последнее обстоятельство издавна служило признаком, что чеченцы готовятся к неприязненным действиям; за имущество обыкновенно следовал скот, потом отправлялись семейства и мужское население поднимало оружие. Быстрым движением нагрянул Греков на Куллары и разрушил до основания; в то же время соседним деревням было объявлено, что всякая попытка к восстанию будет строго наказана. Жители обложены были новою податью – доставкою бревен для укреплений. Наступила весна 1819 года. Начавшаяся в то время постройка крепости Внезапной чрезвычайно усложнила задачи Грекова. С ничтожными силами он должен был препятствовать засунженским чеченцам подать помощь мичиковцам и качкалыковцам, находившимся тогда в полном восстании, и в то же время заботиться об устройстве безопасных путей сообщения по направлению к новой крепости. По счастью, угрожающее положение, занятое Грековым у входа в Ханкальское ущелье, уже само по себе оказывало ему огромную услугу; чеченцам приходилось думать огромную услугу; чеченцам приходилось думать о собственной защите, и большая часть враждебных аулов постепенно уходила в горы Ермолова однако тревожило положение Грекова, и как только из России стали подходит полки, он приказал одному из них, Куринскому, остановиться на Тереке, чтобы служить резервом для Грозной; вслед за тем туда же прибыл из-под Внезапной отряд генерала Сысоева, которому приказано было сделать поиск за Сунжу. 30-го сентября 1819 года войска ходили двумя колоннами: Сысоев – через Ханкальское ущелье, Греков – вверх по течению Сунжи. Оба отряда, встречая аулы пустыми, толпами посевы и жгли хлеба и сено, покинутые жителями. Все эти действия в совокупности имели результатом то, что они один чеченец из-за Сунжи не явился на поддержку качкалыковцев в те дни, когда Ермолов громил их аулы. Не лишние заметить, что в экспедиции Сысоева в первый раз является на сцене Кавказской войны Куринский полк, и именно в тех самых местах, в которых впоследствии слава была его неразлучною спутницею в течение почти полувека. На этот раз ему пришлось оказать братскую помощь своим артиллеристам, в критический момент, когда молодецкая горсть их, спасая честь и славу своего оружия, уже готовилась лечь в неравной борьбе с врагами. Пока отряд Сысоева двигался вперед, неприятель издали за его движением, ограничивая бой лишь слабою перестрелкой; но когда началось отступление, чеченцы, пропустив мимо себя отряд за Амир-Хан-Кичу, кинулись на него с такою стремительностью, что едва не захватили двух орудий (батарейное и казачье). Личное мужество командовавшего взводом прапорщика Грамотина, впоследствии известного кавказского генерала, увлекло своим примером артиллерийскую прислугу, смело схватившуюся с неприятелем в рукопашную и отстоявшую пушки. Сотник Назаров, находившийся с казачьим орудием и раненный уже перед тем в Салатавских горах, вновь получил тяжелую рану шашкой и, вероятно был ы изрублен совсем, если бы молодцы-артиллеристы не выручили его, отбиваясь банниками. Командир конно-артиллерийской роты, есаул Алпатов, заметив новые густые толпы пеших чеченец, бежавших к батарее, вынеся на встречу к ним с одним конным орудием и почти в упор сделал в них выстрел гранатою. Граната, попавши в передние ряды, пошла рикошетом, разорвалась и разметала чеченцев. Ошеломленные, они остановились, и в это-то мгновение бегом подоспели курицы… Ермолов, сам артиллерист, вполне оценил подвиг своих товарищей по оружию, и урядник Андреев, наводивший орудие, выпустившее гранату получил из его рук Георгиевских крест; Алпатов и Грамотин стали пользоваться с тех пор его особым расположением. Весною 1820 года военные действия возобновились с новою силою. Одним из опасней-

ших пунктов в Чечне считался в то время богатый аул Герменчуг на Джалке, населенный почти поголовно разбойниками, принимавшими между прочим деятельное участие и в нападении при Амир-Хан-Кичу, вопиявшем об отмщении. Ближайший путь к ним шел в обход Ханкальского ущелья, на селение Топли, охранявшее переправу через Аргун. за топли, охранявшее переправу через Аргун. За Топли тянулся знаменитый сплошной, дремучий лес, служивший преградою для уничтожения герменчугских полей и пастбищ. С этого-то леса Греков и решил начать свои действия, на Герменчуг с ружьем в руке и с топором в другой. Опытный в войне с чеченцами, он опять скрытно сосредоточил в Грозной отряд и, в ночь на 6 марта, осторожно и тихо переправил его за Сунжу. Было темно, туманно и холодно; войска соблюдали глубокую тишину; колеса и цепи у орудий, обмотанные соломой и рогожами, ни разу не брякнули; конь не заржал; горячие фитили, спрятанные под бурками, ни разу не сбросили искры, которая предательски могла бы осветить отряд. Благодаря этим предосторожностям, войска совершенно неожиданно появились перед селением Топли, захватив врасплох даже самые чеченские караулы. Гребенской казачий полк, посланный вперед с майором Ефимовичем, мгновенно и без сопротивления ворвался в аул, погруженный еще в глубокий сон. Не теряя пороху, гребенцы еще в глубокий сон. Не теряя пороху, гребенцы кинулись по саклям с кинжалами. Дикие крики, вопль и стоны внезапно огласили безмолвные дотоле окрестности. На помощь к казакам скоро подоспели три роты егерей. Часть жителей была перерезана прежде, чем успела подняться с постелей, другая просила пощады. Греков остановил кровопролитие, собрал старшин окрестных деревень и приказал им немедленно выслать рабочих с топорами для вырубки леса. Курящиеся развалины деревни, смотревшие угрозой и красноречиво говорившие о судьбе, которая постигнет сопротивляющихся, заставили чеченцев повиноваться. Рабочие явились; в вековых чеченских лесах зазвенели чеченские топоры, и каждый удар их по упругим стволам расчищал путь в страну грозным пришельцам. Войска между тем, выдвинувшись вперед, прикрыли рабочих. Отрывочные выстрелы в цепи свидетельствовали однако, что новый враг стоял перед отрядом, и только пушки, снятые с передков, держали его в почтительном расстоянии. Но топоры звучали от того только быстрее и чаще, чеченцы должны были торопиться окончить работу, чтобы не попасть в перекрест между своими и русскими. Через три дня была готова широкая просека, открывавшая большую поляну, на которой стоял Герменчуг и множество аулов. Но аулы были пусты, и лишь вдали, на задней опушке леса, можно было видеть группы верховьям и слышать оттуда нечастые выстрелы. Войска продвинулись вперед, сожгли Герменчуг и потянулись назад, в Грозную. Все лето 1820 года продолжались работы по обеспечению левого фланга. Едва войска покончили с герменчугскою просекой, как Греков приступил к вырубке леса по Сунже и к постройке на расчищенных полянах двух новых укреплений: Усть-Мартанского редута и Злобного Окопа. Там же поставлены были три укрепления: небольшой Амир-Аджи-Юртовский редут на переправе через Терек, Герзель-Аул на Акташе, в кумыкских владениях и Неотступный Стан при Исти-су, в земле качкалыковских чеченцев. Неотступный стан особенно беспокоил чеченцев. Неотступный Стан особенно беспокоил чеченцев и заставлял их настойчиво препятствовать работам. Они собирались в значительных силах и, изо дня в день, то тревожили русские передовые посты, то угрожали табунам, то нападали передовые посты, то угрожали табунам, то нападали на сенокосы. Нередко происходили при этом и горячие ошибки. Между ними выдается одна, в которой линейные казаки, несравненно меньшие числом, оказали необыкновенную неустрашимость. Русский лагерь стоял тогда на последнем уступе Качкалыковских гор. Перед ним простиралась в необозримую даль, до самого Терека, обширная равнина, вся изрезанная оврагами и балками, которыми чеченцы искусно пользовались для своих засад и внезапных нападений. Командир Гребенского полка, майор Ефимович, каждое утро лично объезжал с разъездами эту опасную местность, и только по возвращении его в лагерь, высылались рабочие, выгонялся скот и выходили фуражиры. Однажды, когда обычный разъезд уже был готов, лошадь, подведенная Ефимовичу, заупрямилась, стала

на дыбы, и он, садясь в село, оборвал шашку; нужно было спешить, и Ефимович поехал в разъезд с одним кинжалом на поясе да пистолетами в кобурах. Пропустив вперед казаков и заметив, что они уже спустились в овраги, Ефимович повернул в сторону, поднялся двумя гребенцами на высокий курган и, сойдя с лошади, по обыкновению стал осматривать в бинокль ближайшие окрестности. Вдруг сильная конная партия чеченцев вынеслась из оврага, между ним и его казаками. Не успел Ефимович вскочить на коня, как чеченцы напали на разъезд. Внезапно охваченные с тылу, гребенцы не устояли под ударом пятисот чеченских наездников и, выскочив с противоположного конца оврага, пустились кратчайшею дорогою в лагерь. Ефимович со своими ординарцами был от них отрезан. Горцы заметили трех всадников, скакавших в густо траве, припав на гривы своих лошадей, и понеслись за ними в погоню. Обе стороны напрягли последние силы, – казаки, чтобы уйти от погони, горцы, чтобы настигнуть. Но вот, несколько отчаянных чеченских наездников, сидевших на лучших скакунах, пересекли им путь. Гребенцы круто метнулись в сторону. Но в это время лошадь казака, скакавшего впереди, запуталась в траве и упала вместе с всадником; Ефимович не успевший сдержать своего коня, а также вместе с ним полетел через голову, а в довершение несчастия упал вместе с лошадью и третий казак, споткнувшись на Ефимовича. Чеченцы уже были тут. Оба казака, не успев выбиться из-под лошадей, были изрублены; Ефимович вскочил на ноги, но лошадь его ушла вместе с пистолетами. И вот он, вооруженный только кинжалом, очутился лицом к лицу с целою сотней чеченцев. Положение его было поистине безвыходное; горцы, заметив по одежде, что перед ними не простой казак, окружили его со всех сторон, и жестокий удар прикладом по голове сбил Ефимовича с ног; он упал без чувств. Но в тот момент, когда большинство чеченцев, увлеченное добычею и не обращавшее уже больше ни на что внимания, спешилось, чтобы связать пленника арканами, в толпе их вдруг произошло смятение, все с копыта шарахнулось и понеслось назад, бросив Ефимовича, лежавшего как труп, без всякого движения, посреди чистого поля. Сучилось вот что: увидев полковницкую лошадь, скакавшую по полю без всадника, с растрепанным седлом, уходивший разъезд мигом сообразил в чем дело и, повернув назад, отчаянно кинулся в шашки… Старые гребенцы не могли примириться с мыслью, что они, хотя и невольно, оставили своего командира, и решили искупить его жизнь или тело своими головами. Минутное колебание чеченцев под внезапным и безстрашным натиском людей, обрекших себя почти на верную смерть, спасло Ефимовича. Казаки мигом схватили его на седло и понеслись домой. Восемь человек из них однакоже были изрублены, – это были жертвы честного исполнения долга, святых казачьих обычаев и привязанности к любимому начальнику. Опомнившиеся чеченцы понеслись в погоню. С террасы, на которой раскинут был лагерь, видели всю эту сцену. Две сотни гребенцов, вскочив на коней, пустились на выручку станичников; в полуверсте от лагеря они столкнулись с пятисотенною чеченскою партиею, врезались в нее, и через мгновение чеченцы скакали назад, а гребенцы настигали и рубили бегущих. Из лагеря этот лихой кавалерийский бой виден был, как на ладони.

«Мы насчитали, говорит один участник этого похода: – более 50 чеченцев, сбитых с лошадей ударами шашек. Были ли они убиты или ранены, не знаю; но во всяком случае чеченцы порядочно поплатились за кратковременное торжество свое над казаками».

Наступил 1821 год. Ермолов был тогда в Петербурге; тем не менее войска левого фланга продолжали настойчиво исполнять начертанную им программу. С 4-февраля Греков приступил к разработке путей в глубь чеченской земли со стороны Злобного окопа. Широкие просеки пролегли через вековые леса до самых земель Мичиковцев. Отсюда отряд повернул назад и старыми просеками воротился в Грозную. В продолжении этой экспедиции неприятель нигде не оказал сопротивления. Зная по опыту, что с Грековым шутить невозможно, что всякое нападение на отряд неминуемо повлечет за собою смертную казнь или ссылку в Сибирь аманатов, чеченцы волей-неволей мирились с теми, что падали и исчезали леса – ихъ вековечная защита. Лишь немногие, не желавшие покориться, бежали в горы, где Ахмет-хан собирал толпы для

нападения на укрепления, строящиеся в Дагестане; остальныя встречали Грекова с наружной покорностью. Войска оставляли их аулы неприкосновенными, и только близ Гельдигена, хутор знаменитого Бей-Булата, за прежние грехи этого старого разбойника, давно укрывающегося в горы, был разорен до основания. В Грозной, войска простояли неделю, другую. А там Греков снова пошел их разрабатывать дороги в Чечню, уже с противоположной стороны, от гор Качкалыковских. Чтобы разгадать, кто за нас и, кто против нас, от всех чеченских и качкалыковских деревень потребованы были рабочие с топорами. Их набралось до 11 тысяч человек, и все безмолвно исполняли даваемые им приказания. Громадное скопище в самом русском лагере людей, питавших к русским затаенную ненависть и все-таки повиновавшихся, представляло любопытный факт, объясняемый только необычайным нравственным влиянием, которое Греков имел на окружающие племена. Жители сами привозили даже провиант, пригоняли скот и доставляли все нужное для работ. Качкалыковцы высылали людей с топорами и рубили лес; кумыки содержали караулы и разъезды. Совершенно упавшие духом чеченцы не могли не понимать, что меры, принятые Ермоловым, скоро поставят их в полную зависимость от русских, что их разгульной жизни набегов и разбоя близится конец. Экспедиция достигла всех своих целей. Войска, собранные при Амир-Аджи-Юрте, 1-го марта быстро пошли вперед, окружили селение Ойсунгур, лежащее на северном склоне Качкалыковского хребта, и в наказание жителей, бежавших перед их приходом, совершенно его разрушили. В это время чеченцы вырубили лес в одну сторону до Исти-су (Неотступный Стан), в другую до Мичика. Когда войска появились в этой местности, еще ни разу не посещенной русскими, качкалыковцы попробовали остановить их оружием и в лесной перестрелке нанесли русским урон из трех офицеров и 30 человек нижних чинов, выбывших из строя. Но падение не могло повлиять на работы просека была довершена, и войска 6-го марта возвратились на линию. Едва войска расположились на отдых, как Греков стал уже получать тревожные известия. В Чечне что-то затевалось, хотя обстоятельно объяснить, что именно, не мог ни один лазутчик. Ясно было одно, что население глухо волновалось и что причиною этих волновалось и что причиною этих волнений было турецкое правительство, распустившее под рукой слух о близкой войне своей с Россиею. Чеченцы вообразили, что борьба с султаном отвлечет все силы России, не оставив свободных средств для действия против них, и что наступает время опять безнаказанно хозяйничать в станицах и селах по Кавказской линии. Мечта была так привлекательна, а характер впечатлительного народа так необуздан, что катастрофа разразилась даже гораздо ранее, чем можно было ожидать. В апреле месяце те служили Грекову с таким усердием при вырубке просек, теперь в значительных силах бросились на Амир-Аджи-Юртовский редут. Это был слабейший пункт русской позиции; в редуте было только 25 солдат, под командою унтер-офицера. Но то были солдаты старого Кабардинского полка (теперь ширванцы), испытанные в битвах, закаленные в опасностях, и чеченцы потерпели неудачу. К сожалению, геройский подвиг унтер-офицера Махонина, целый день защищавшего ничтожный редут против громадного скопища ничтожный редут против громадного скопища чеченцев, не известен во всех его подробностях, сделавшихся жертвою забвения, подобно многим другим славным делам кавказского корпуса, умевшего делать дело молча и не заботившегося о прославлении и передаче своих подвигов потомству. Известно только, что в бою за обладание редутом, продолжавшемся с утра до позднего вечера, кабардинцы положили на месте до сорока человек чеченцев, потеряв и сами большую половину людей. К вечеру озлобленный неприятель бешено кинулся на вал, ворвался внутрь укрепления и резался в рукопашную; сам Махонин был изрублен в куски. Но чеченцы все-таки не могли удержаться в редуте и были отбиты, а подоспевшая помощь окончательно заставила их рассеяться. Взрыв, всегда возможный в народе, как чеченцы, не имел на этот раз никаких серьезных последствий. Как быстро началось волнение, так быстро оно и упало. Понятно, что теперь, когда русские войска приобрели возможность проходить беспрепятственно по Чечне с одной стороны до рр. Хулхулау и Гудермеса, а с другой до Мичика, подоб-

ные вспышки в этих местах и не могли быть особенно опасными. Но между этими двумя рекам, на пространстве в 20 верст, оставался еще мрачный Маюртупский лес, где и сосредоточилось теперь все, что только было враждебного русским. Греков признал необходимым вырубить его и нашел более удобным вести просеку от Мичика, чтобы заодно наказать мятежных качкалыковцев. Но чтобы беспрепятственно пройти дороги чеченские караулы, нарочно и за большую плату нанятые для это этого качкалыковцами. Успех задуманного предприятия зависел, следовательно, от нечаянности и быстроты нападения. И вот, Греков распустил слух, что идет к Внезапной. Действительно, войска от Амир-Аджи-Юрта пошли окружною дорогой на Таш-Кичу и 18-го июля расположились здесь на ночлег со всеми обозами. От обремененного тяжестями отряда чеченцы не могли ожидать никаких энергических, внезапных движений, а между тем Греков в самую полночь тихо поднял отряд, свернул вправо и быстро повел его к Ойсунгуру. Линейные казаки с конными орудиями понеслись вперед напрямик через просеки и кустарники, чтобы отрезать неприятельские посты от Мичика. Главный караул, в 80 человек, был окружен и уничтожен без выстрела. Через день, 20-го июля, Греков столь же удачно снял караул, стоявший при Исти-су, и войска, перевалившись через лесистый Качкалыковский хребет, уже спокойно заняли Мичик. Маюртупский лес был затем вырублен, все находившиеся в нем аулы и хутора уничтожены. Сопротивление неприятеля, захваченного совершенно врасплох, было настолько слабо, что в два дня войска израсходовали только шесть ядер и три картечные заряда. Успех экспедиции Греков приписывал блистательному поведению в бою моздокских и гребенских казаков. «Все казаки без изъятия, – доносил он Ермолову: – заслуживают полнейшей благодарности; никакие преграды и опасности их не останавливают; казачьи орудия не отстают от конных полков, и решительный удар моздокцев и гребенцов под Ойсунгуром и Исти-су достоин величайшей похвалы». Сам Греков, за отличия в этих делах, произведен был в генерал-майоры, на шестнадцатом году своей службы; он остался начальником левого фланга и вместе с тем командовал 2-й бригадой 22-й пехотной дивизии, а 43-й егерский полк принял от него подполковник Сорочан. Несмотря на энергические действия Грекова, волнения в Чечне к началу 1822 года снова приняли довольно серьезные размеры. Турецкие прокламации, призывавшие Кавказ к оружию и имевшие большой успех среди кабардинцев, передавались через них в Чечню. В Герменчуге появился даже проповедник, бывший тамошний кадий, Абдул-Кадыр, под знаменем которого и стали собираться толпы правоверных. Он обещал убитым рай Магомета, предсказывал гибель русских и с клятвой уверял, что через четыре месяца турецкие войска появятся на Сунже. Под влиянием его проповедей и новых известий, что большая часть войск, расположенных по Тереку, ушла в Кабарду, чеченцы простерли до того свою дерзость, что покусились напасть на Неотступный Стан. Их конница, пренебрегая выстрелами крепостного орудия, смело приблизилась к стенам укрепления, но, принятая картечью в перекрест из двух полевых орудий, поспешно повернулась назад и укрылась в балках. Многие аулы стали переселяться в горы; Греков успел, однако принять свои меры и, 4-го февраля сам с небольшим отрядом двинулся к Аргуну, чтобы возобновить старые, уже начавшие зарастать просеки от Топли к Герменчугу и Шали. Чеченцы, под предводительством Абдул-Кадыра, встретили его на Аргуне с оружием. Два часа длился бой за лесную опушку, но наконец наши войска ворвались в лес, и в то же время пушечное ядро оторвало Абдул-Кадыру ногу. Он не пережил этой раны и на третий день умер. Смерть проповедника, так много обещавшего и первого поплатившегося за восстание, образумила чеченцев; волнение опять затихло. Тем не менее Греков двинулся далее, сжег селения Шали и Малые Атаги, расчистил просеки и уже только тогда возвратился в Грозную. Таким образом, к исходу 1822 года передовая линия по Сунже и Кумыкской плоскости до берегов Каспийского моря была окончательно устроена, насколько то было возможно при тогдашних средствах и условиях. 1823 год прошел мирно, но в сентябре 1824 года по всей Чечне за Тереком и Сунжею стали ходить слухи, что появился имам, который избавить чеченцев от власти неверных. Слухи эти распространялись привер-

женцами знаменитого народного чеченского героя Бей-Булата, одного из искуснейших и храбрейших предводителей чеченских шаек. Бей-Булат знал, что с помощью религии всего легче поднять движение среди горцев, что стоит явиться смелому проповеднику, и тысячи людей пойдут на смерть, думая, что они умирают за свою веру. По наущениям Бей-Булата один маюртупский мулла Махома разыграл роль новоявленного пророка, легковерные чеченцы вполне в него уверовали и стали повиноваться всем его указаниям. Народ толпами валил к Маюртупу. Здесь на мечети развевались знамена, по всей Чечне скакали гонцы, кричавшие: «идите, правоверные, поклонитесь святому пророку!» Шли и конные и пешие, скоро у Бей-Булата собралось весьма значительное войско. Вооруженное скопище двинулось через Шалинскую поляну и заняло аул Атаги, расположенный против Грозной за Ханкальским ущельем. Чеченцы ликовали, потому что нигде не видели русского войска. Мало-по-малу они уверовали даже в истину слов проповедника, что имам Махома во все и не будет драться с русскими, а только скажет слово – и они убегут за Терек. Греков понял, что дела начинают принимать нешуточный оборот; тогда он уведомил чеченцев, что через три дня сам придет к ним за Хан-Кале, приказав объявить об этом по всем аулам, чтобы никто не смел впоследствии сказать, что о движении его не было известно. Он писал при этом, что если 30-го июля вся их сволочь удержит его в Хан-Кале, он позволит всякому верить в святость имама и поклоняться ему. Наступило 30-е число. Ночью Греков стянул свою конницу к Грозной, усилив ее двумя слабыми егерскими ротами. И чуть забрезжился свет, он, верный своему слову, уже вел отряд к Ханкальскому ущелью. День выдался весьма ненастный, гремела гроза, со свистом и воем налетали порывы ветра. Орудия и пехота вязли в грязи, замедляя движение всего отряда. Но Греков не думал оставить предприятия, и, молча, завернувшись в бурку, ехал впереди. Ханкальское ущелье отряд прошел без выстрела. Приблизились к Атаги и увидели толпы мятежников, в страшном беспорядке бегущие за Гойту. Дело в том, что как только всадник прискакал с известием, что Греков идет, Махома, по совету Бей-Булата, вышел к волновавшемуся народу и сказал: «Теперь начинать бой не время! Укройтесь за Гойту, в леса, и ожидайте совершения чуда!» Послушные слову имама, толпы не заставили дважды повторять приказания и пустились бежать с такою поспешностью, что менее, нежели в полчаса, Атагинские поля опустели. Только растерянная провизия, папахи и даже бурки свидетельствовали, что еще недавно здесь стояло значительно скопище. Предусмотрительность Бей-Султана была весьма благоразумна; он понимал, что если на этот раз толпы его будут разбиты Грековым, то все предприятие, устраиваемое с таким трудом, разрушится разом, и самая вера в святость имама исчезнет. Заняв Атаги, Греков между тем остановился. И немедленно из всех деревень, лежавших вокруг атагинской долины, явились к нему депутаты с заявлением, что они верные слуги русского правительства и никогда не пойдут за имамом. Нужно сказать, однако, что многие из депутатов только что от него возвратились. «Если хотите разрушить свое благосостояние испытать нищету и разорение, сказал им Греков, то соединяйтесь с мятежниками. Вам известно, что я всегда и везде бил чеченцев, надеюсь и теперь строго наказать вероломных». Страх близкой опасности несколько охладил многих приверженцев пророка. Качкалыковцы и Ауховцы также прислали уверение в своей непоколебимой преданности. И хотя, конечно, это была только преданность на словах, однако, все эти обстоятельства показывают, что угроза оружие еще могла разрушить очарование, каким старались ослепить народ Бей-Булат и его сообщники. К сожалению, Греков не имел достаточно сил, чтобы действовать с тою быстротою и решимостью, какие требовались важностью минуты. Вся линия по Тереку и Сунже охранялась только лишь слабым 43 егерским полком, разбросанным в нескольких укреплениях, а в самой Грозной между тем болезненность была так велика, что не доставало людей даже для караулов. Греков перед тем убедительно просил прислать к нему с минеральных вод хоть сорок человек при офицере; команда эта была к нему отправлена, а вместе с тем Грекову разрешено было остановить батальон 41 егерского полка, проходивший из Дагестана в Кабарду. Но затем больших подкреплений даже и ожидать

было нельзя. Кавказская линия вся переживала чрезвычайно трудное время. Таким образом, достигнув Атаги и полагая, что одного смелого движения его через Ханкальское ущелье в виду главного скопища мятежников достаточно, чтобы образумить чеченцев, Греков в тот же день возвратился в Грозную. Но обычная предусмотрительность на этот раз изменила ему. Бей-Булат именно и воспользовался его отсутствием, разгласив, что русские, не сделав вреда ни одному чеченцу, бежали от одного взгляда святого имама. После торжественных молитв, произнесенных имамом, Благодарившим небо за дарованную ему победу, скопище покинуло Гойтинские леса и стало на Гехинской полян, правее Грозной, как в местности совершенно безопасной от нападения русских. Только тогда понял Греков, насколько было бы лучше, если бы он, не вдаваясь в пустые переговоры, внезапно, ночью, как делывал прежде, напал на атагинское скопище и разбил бы его на голову. Но поправлять ошибку было уже поздно; весь левый фланг, от Аксая и Сулака до Владикавказа, снова был в возмущении. 7-го июля, три роты егерей с двумя орудиями и триста линейных казаков форсированным маршем подошли к Аксаю. Внезапное появление войск наружно усмирило волнение в городе. Греков собрал туда кумыкских старшин и долго уговаривал их не вдаваться в обман и сохранить свою вековую верность русском государству. Кое-кто послушался. Но большинство в тот же день бежало в стан мятежников, расположившийся выше Аксая на полугоре, окруженной лесом. Говорят, что здесь находился сам Бей-Булат. Около полудня неприятель начал спускаться с гор и перестреливаться с жителями. Греков тотчас вышел с отрядом в долину, чтобы завязать бой. Но неприятель поспешно стал отходиться к Качкалыковским горам. К сожалению, преследовать его утомленному форсированным маршем отряду было невозможно, и Греков на время должен был остановиться в Аксае. Мятежники между тем пошли на Амир-Аджи-Юрт, на Тереке, отстоявший от Аксая по прямому пути не более как верст на 25. Это было небольшое укрепленьице, состоявшее из плетневой ограды, окопанной рвом, через который можно было легко перепрыгнуть. Гарнизон его состоял из роты 43 егерского полка, под командою капитана Осипова, человека храброго, но, к сожалению, как говорят предания, черезчур придерживавшегося чарочки. Греков, зная все это и оставаясь сам перед Аксаем для удержания в повиновении кумыков, немедленно послал ему приказание быть осторожным; в сумерках того же дня к Осипову опять прискакал один из аксаевских жителей с запиской, в которой Греков уже положительно извещал его, что сильные толпы чеченцев взяли направление к посту и вероятно ночью его атакуют. Но капитан, получивший в этот день орден св. Анны 3-й степени с бантом, находился в таком расположении духа, что не боялся никаких чеченцев. Когда принесли ему последнюю записку от Грекова, он, лежа на постели, сунул ее под подушку и на вопрос фельдфебеля: на случай тревоги и распустить людей по казармам. Он даже не усилил обыкновенного ночного караула перед воротами. Трагична была развязка истории, завязанной этой беспечностью! Была глухая, мрачная ночь. Ветер гудел по ущельям и под его шум чеченцы тихо и незаметно подошли к укреплению со стороны леса. Едва часовой, стоявший на валу, успел выстрелить, как был уже изрублен, а вслед за тем рухнул плетень и чеченцы с гиком вскочили в укрепление. Только тогда на дежурном посту забили тревогу. Сонные солдаты поодиночке стали выскакивать из казармы и попадали прямо в руки чеченцев, успевших уже захватить часть ружей и осадить казармы. Караул из девяти человек, под командою унтер-офицера, занимавший почт у выходных ворот на противоположной стороне укрепления, стал в ружье. К нему прибежал капитан Осипов с несколькими солдатами. Отсюда открыли по чеченцам ружейным огонь и успели повернуть против них десяти-фунтовой единорог. Грянул картечный выстрел, чеченцы смешались. Но уже некому было воспользоваться этим благоприятным моментом; разрозненный гарнизон потерял единодушие, и поздняя храбрость осталась бесполезною. Чеченцы заняли казармы, офицерские квартиры и прочие строения. Скоро загорелся какой-то сарай; пожар быстро распространился на дощатый навес с камышевою крышей, под которым хранились чугунные пушки, свезенные сюда из уничтоженного укрепления Неотступ-

ный Стан. Там же стояло несколько боченков с порохом; последовал взрыв – и все окрестные здания, патронные ящики, лафеты, пушки и толпившиеся здесь чеченцы и солдаты разлетелись на огромном расстоянии по окрестностям. Взрыв был так силен, что несколько изуродованных трупов перекинуло через Терек. Тогда капитан Осипов, в отчаянии и уже раненый ружейною пулею, бросился в реку. Два офицера и уцелевшие солдаты последовали за ним. Некоторым удалось переплыть на русскую сторону, другие, и в числе их сам Осипов, погибли в волнах. Впоследствии, при разборке обрушившихся стен в укреплении, найдено было под мусором 25 тел; но все они были так изуродованы, что нельзя даже было различить, чеченцы ли то или русские. Из гарнизона спаслись 7 унтер-офицеров и 70 рядовых, в том числе 14 раненых, следовательно, большая половина гарнизона погибла. Чеченцы при взрыве понесли также значительные потери; но это утешение было слишком слабым вознаграждением за потерю укрепления и 70 солдат. Мятежники торжествовали. Упоенные успехом, они двинулись по Сунже, атаковали в 10 верстах от Грозной укрепление Злобный Окоп, заставили гарнизон его отступить на Терек и, перейдя к Преградному Стану, выжгли в нем несколько строений, забрали пленных и увезли два единорога. Мятежники уже мечтали добраться до Грозной, но их удержала молва о приближении Грекова. Получив в Аксае известие о падении Амир-Аджи-Юрта, Греков поспешно притянул себе батальон 41 егерского полка и, оставив две роты для усиления гарнизонов к Герзель-Ауле и Внезапной, которым угрожала явная опасность, поспешно возвратился в Грозную, где присутствие его казалось необходимым. Мятежники между тем устремили все свои силы на то, чтоб завладеть Герзель-Аулом, небольшим укреплением, прикрывавшим сообщение между крепостями Внезапной и Грозной и составлявшим постоянную угрозу аксаевцам. Наступило время тяжелой борьбы. Кумыкские земли волновались и помогали восстанию. В аксае жители вышли из всякого повиновения своему старшине Мусе Хасаеву и сговаривались не только не драть с Бей-Булатом, но и не давать никакой помощи русским в укреплении. Напрасно Муса Хасаев уговаривал их опомниться и не навлекать на себя мщения Ермолова, его никто не слушал, и, напротив, ему самому становилось небезопасно оставаться в ауле. Он уже подумывал бежать в Герзель-Аул, как вдруг узнал, что все выходы из города заперты, и его не выпустят. Тогда, с горстью своих сторонников, он заперся в башне, предоставив жителям поступать, как знают. Большая часть из них тотчас же и перешла к Бей-Булату. Измена аксаевцев поставила Герзель-Аул в весьма опасное положение, он очутился в самом центре восстания. Укрепление было, правда, вооружено весьма хорошо и могло с успехом держаться против мятежников, но ему угрожал недостаток воды; и если бы река Аксай была отведена в старое высохшее русло, которое жители легко могли обстреливать из своего аула, то добывание воды для гарнизона каждый раз стоило бы доброй вылазки. Ночью 11 июня имам благословил нападение. Распущен был слух, что русские пули и ядра не будут вредить чеченцам, и чеченцы ринулись потомком. В крепости их ждали; с валов ее грянул пушечный залп, и пророчество имама едва не сбылось с буквальною точностью, потому что рассохшиеся от сильной жары лафеты гарнизонных пушек не выдерживали залпа и разлетелись, пушки попадали на землю. Гарнизон, состоявший всего из 400 егерей, под командою храброго майора Пантелеева не потерял однако присутствие духа, и первое бешенное нападение чеченцев было отражено штыками. Наступивший день открыл гарнизону, что число осаждавших простиралось за шесть тысяч и что к ним пристали аксаевцы и большая часть жителей Андреевского аула. Неприятель, между тем, отрезав гарнизон от воды, прикрылся окопами, в виде траншей, и повел осаду. Наделав огромных тур-мантелетов, чеченцы подкатывали их на колесах туземных арб под самую крепость и, укрываясь за ними, день и ночь вели перестрелку. Одни толпы чеченцев, уходя на отдых, сменялись другими, а гарнизон все время оставался без смены и без отдыха. Люди не только не имели времени заснуть, но даже сварить себе пищу, и изнемогали. Ко всему этому чеченцы зажгли сухой терновник, которым был обложен эскарп укрепления, и засели во рву; солдаты с тех пор уже не смели отходить от вала, ежеминутно ожидая при-

ступа. Действительно, каждый аз после вечернего и утреннего намаза, чеченцы бешено бросались изо рва на вал, но, к счастью, постоянно были сбиваемы штыками; пули крестили укрепление по всем направлениям; показаться на площади значило почти наверное быть раненым или убитым. Иногда офицеры нарочно выставляли на палках свои шапки в виде приманки, и пули тотчас их сбрасывали. Пробовали было выбить чеченцев изо рва ручными гранатами; но гранаты были так плохи, что одна из них, разорвавшись в руках унтер-офицера, положила на месте его самого. «Прощайте, братцы, сказал он людям, бросившимся его поднимать: – я умираю спокойно, зная, что вы будете спасены». Надежды на спасение однако не много. Уже пятые сутки продолжалась осада. В первые три дня силы людей поддерживались еще запасом льда, сохранившегося в ледниках, но запас его скоро истощился и воды не стало. Четвертый день продержались кое-как, но на пятый все страшно мучились жаждою и ослабели до такой степени, что многие падали, моментально засыпая глубоким сном, из которого вывести их было почти невозможно. Напрасно, однакоже, чеченцы, думая поколебать стойкость гарнизона напоминанием о гибели их товарищей, как бы в насмешку выходили в мундирах и портупеях через плечо, захваченных в Амир-Аджи-Юрте, раздраженные солдаты только осыпали их ругательствами. Напрасно чеченцы требовали сдачи, обещая гарнизону пощаду, хлеб из крепости, что у них вдоволь всего, и в доказательство бросали им последние остатки черствых сухарей и куски драгоценного льда. Храбрый Пантелеев и офицеры, не допускали мысли о сдаче, и своим примером поддерживали мужество нижних чинов. Истощая всю силу солдатского красноречия, Пантелеев уговаривал своих егерей держаться до последней капли крови. Ежеминутно ждали помощи, обращая взоры к Тереку; но там пока все было пусто и безмолвно. Пронесется ли по степи сорвавшийся, Бог весть откуда вихрь – и всем представляется, что скачет на выручку конница; зачернеет стадо – и разгоряченное воображение рисует уже колонны идущей пехоты. Но есть предел и силе человеческого духа. Может быть, сохраняя честь русского оружия, солдаты не сдались бы живыми; но еще день – и все они без всякого сомнения были перерезана чеченцами. Но вот наступил темный вечер пятого дня, и осажденные увидели на горизонте яркое зарево костров; то был верный знак, что к ним идут подкрепления. Получив известие о тяжком положении Герзель-аульского гарнизона, генералы Лисаневич и Греков решились не дожидать помощи, а воспользоваться всем тем, что только можно было собрать на линии. Это все – состояло из трех рот пехоты, шести орудий и четырехсот линейных казаков. Отряд, ничтожный по силам, но имевший во главе двух генералов, не признававших никаких опасностей, бодро и весело двинулся на шеститысячное скопище, рассчитывая впереди на неминуемые кровавые битвы. Но успех обошелся гораздо дешевле, чем можно было предполагать. Внезапное появление отряда совершенно смутило чеченцев, и конница их, увидев линию бивачных огней, первая обратилась в бегство. Это обстоятельство произвело невообразимую путаницу в пешем стане мятежников. Рассеяв чеченцев, вновь прибывшие роты расположились вокруг укрепления биваком, а оба генерала, в сопровождении всех офицеров, отправились внутрь укрепления приветствовать храбрый гарнизон. Там их встретили кумыкский пристав Филатов и аксаевский старшина Муса-Хасаев, все время осады просидевший в башне. Они заявили, что жители Аксая просят пощады; но Лисаневич, желая устрашить мятежников примером строгости, потребовал выдачи виновных. На следующий день, 18-го июля, в Герзель-Ауле собрано было 318 кумыков. Тут были наиболее замеченные в сношениях с мятежниками, и старшины, и наконец люди, сохранявшие все время безусловную преданность России. При этом не было принято никаких предосторожностей; аксаевцы не обезоружены; караул же не только не усилен, но даже не вызван в ружье. С утра были разосланы обычные команды за фуражом, за дровами и по другим хозяйственным надобностям, так что солдат в укреплении оставалось меньше, чем кумыков. Говорят, что Греков намерен был обезоружить последних и приказал нарядить 20 солдат, но нетерпеливый Лисаневич вышел из занимаемого им домика, не дождавшись исполнения этого приказания. Его сопровождали генерал-майор Греков, Муса-

Хасаев, пристав Филатов, переводчик Соколов и адъютант поручик Трони. Надо заметить, что Лисаневич, проведший большую частью своей жизни на Кавказе, в фаталистической самоуверенности и прежде никогда не обезоруживал перед собою азиятцев, чтобы не дать им повода думать, что их опасаются. Подойдя теперь к кумыкам, он в сильных выражениях стал упрекать их в гнусной измене и вероломстве. Зная отлично татарский язык, он объяснялся свободно, без переводчика, и не щадил угроз. Затем он вынул список и стал вызывать виновных. Первые двое вышли без сопротивления; но третий, мулла Учар-Хаджи, в зеленом бешмете и с большим кинжалом на поясе, стоял в толпе с диким, блуждающим взором и не хотел выходить. Лисаневич повторил вызов. Но едва переводчик подошел к Учару и взял его за руку, как тот одним прыжком очутился успел уклониться, нанес ему кинжалом смертельную рану в грудь. Лисаневич упал на руки своего адъютанта. Пораженный греков бросился к нему на помощь, но в то же мгновение пал от руки Учара, получив две раны, из которых последняя, в грудь, была безусловно смертельна. Опьяненный кровью, убийца бросился на Мусу-Хасаева, который спасся, успевши присесть. Учар споткнулся на него, и кумыкский пристав Филатов, человек уже не молодой, воспользовавшись этим моментом, схватил его за руки. Между ними завязалась борьба грудь на грудь, но злодей был сильнее и уже одолевал Филатова, когда подскочивший Муса-Хасаев ударил его шашкой по голове, а другой кумык в упоре выстрелил в него из ружья. Прочие кумыки, объятые в него из ружья. Прочие кумыки, объятые ужасом, бросились бежать. Лисаневич, держа рукою рану, стоял прислонившись к забору, но сохраняя полное присутствие духа. И только тогда, когда ему сказали о смерти Грекова, у него вырвалось роковое «коли!» Солдаты поспешно заперли ворота, и началось истребление всех, кто был в укреплении. Многие из кумыков, видя беду, схватили из сошек солдатские ружья, другие защищались кинжалами, переранили 18 солдат, однакоже все они полегли на месте. В числе погибших были люди и ни в чем не повинные, отличавшиеся испытанной преданностью русским, и даже несколько андреевских жителей. Озлобленные солдаты не давали пощады никому, кто попадался им на глаза в азиятской одежде. Убиты были даже трое грузин, находившихся при генерале, и несколько гребенских казаков.

Мулла Учаръ-Хаджи убивающій генераловъ Грекова и Лисаневича.

Немногие кумыки успели выскочить из укрепления, но и тех, видя тревогу, переколола команда, возвращавшаяся из лесу ожесточенные солдаты хотели даже идти разорять Аксай, и полковнику Сорочану, принявшему начальство после смерти Грекова, стоило большего труда удержать их ярость. Лисаневич, зажимая левою рукою рану, между тем машинально шел к воротам за кумыками, которых кололи. Поручик Трони и Соколов, опасаясь чрезмерной потери крови, его удерживали. «Что вы? Мне ничего! Сказал им генерал: – он меня только ткнул немного». «Однако надо перевязать рану», возразил Трони и повел его в комнату. На пороге Лисаневич лишился чувств; его отнесли в постель и раздели. Осмотр раны

показал, что, пробив два ребра, кинжал прошел насквозь легкое, ниже правого соска. Греков лежал бездыханный. Через несколько дней в Грозной умер и Лисаневич. Так погиб в цветущих летах, когда ему не было и 35 лет, храбрый и даровитый генерал Греков, «гроза чеченцев», которому все предвещало блестящую военную карьеру. К счастью, он не оставил по себе горького плача – он был одинок, и отошел в вечность, сопровождаемый только сожалением товарищей-подчиненных. В лице генерала Дмитрия Тихоновича Лисаневича Кавказская линия и весь Кавказский край понесли также большую и незаменимую утрату. Лисаневич происходил из небогатой дворянской семьи, Воронежской губернии, и его военная карьера была сделана без связей и протекций- взята в боях исключительно личным мужеством и военными дарованиями. Он начал службу в 1793 году на Кавказе, в Кубанском корпусе, рядовым, и первый поход свой сделал с армиею графа Зубова к персидским пределам. Там, под стенами Дербента, Лисаневич, тогда еще 18-ти летний юноша, на глазах главнокомандующего штурмовал крепостные башни, а в кровавом бою под Алпанами заслужил офицерские эполеты. Когда Кубанский корпус был расформирован, Лисаневич поступил в славный 17-й егерский полк и перешел с ним в Грузию. Уже через два года по прибытии в Грузию, он, командуя ротой, обратил на себя особенное внимание в Осетинском походе, и на 24-м году от роду был штаб-офицером. Еще год, и Ганжинский штурм сделал имя Лисаневича известным всему Грузинскому корпусу. Здесь командуя батальоном, он первый вошел на крепостную стену и во главе своих егерей ворвался в укрепленную башню, где защищался и погиб сам Джават-Хан Гаджинскийэ. За этот блестящий подвиг Лисаневич получил Георгия. Во время персидской войны, на долю Лисаневича выпал ряд новых подвигов, между которыми особенно замечателен бой 28-го сентября 1808 при Кара-Бабе, где он выдержал с батальоном пехоты нападение целой персидской армии. И не далее как через месяц, 3-го декабря, ему же обязаны были снова поражением персидской армии, пытавшейся заградить отряду обратный путь у той же Кара-Бабы. В 1810 году он был одним из главных виновников знаменитой победы под Ахалкалаки, и подвиг, совершенный здесь, распространил известность Лисаневича далеко за пределы Кавказа, по всей русской армии, так как Император Александр повелел сообщить о нем в приказе по войскам, «в назидание современникам и потомству, что истинная храбрость заменяет числительность, побеждает природу и торжествует над многочисленностью неприятеля». В этом бою два русские батальона, предводимые Паулуччи и Лисаневичем, буквально истребили десятитысячные персидско-турецкий союзный корпус. В октябре того же года герой Ахалкалак усмиряет Кубинское ханство находившиеся в восстании, благодаря нерешительным действиям генерала Гурьева. С двумя егерскими ротами Лисаневич напал тогда на грозные силы мятежников, державшие в блокаде целый пехотный полк, разбил их наголову, выручил Кубу вместе с запершимися в ней батальонами и, перейдя в Дагестан, преследовал Ших-Али-Хана вплоть до снеговых гор, укрывших, наконец, неприятеля от его ударов. Бдительная охрана русских границ со стороны Бомбака и Шурагеля, дело под Паргитом в Карском пашалыке, набеги в Эриванское ханство и особенно замечательный ночной переход от Мигри до Керчевани по горам, в которых не существовало никаких тропинок, в 1812 году достойно завершили собою славное боевое кавказское поприще Лисаневича. 13-го августа 1815 года Лисаневич простился с Кавказом до сентября 1824 г., когда он назначен был командующим войсками на Кавказской линии. Кавказскую линию Лисаневич застал в смятении. Черкесы, врывавшиеся из-за Кубани, громили русские села; Кабарда была объята восстанием; в Чечне зрел бунт – слухи о появлении пророка собирали чеченцев в буйные шайки. Не успел Лисаневич осмотреться среди этих событий, как взятие чеченцами Амир-Аджи-Юрта и происшествия на Сунже заставали его скакать в Нуар, чтобы на месте измерить степень опасности. От Грекова он узнал здесь, что войск свободных нет, и для действия в поле необходимо ждать прибытия подкреплений. События между тем не ждали. Отчаянное положение осажденного Герзель-Аула заставило генералов принять геройское решение, увенчавшееся блестящим успехом; но, как мы видели, оба они пали жерт-

вой простой неосторожности и несчастного случая. Кончина Лисаневича была трогательна. Когда ему нанесена была смертельная рана, он обратился к полковнику Сорочану и сказал ему: «передайте генералу Ермолову – я человек бедный, служил Государю 30 лет и в продолжение своей службы не нажил ничего; пусть он не оставит сирот – детей моих и жену; тогда умру спокойно». Его перевезли в Грозную. Медики старались поддержать угасавшую жизнь, но нить ее была перервана. Некогда грозный персиянам герой до последних минут своих сохранял присутствие духа; он не хотел лежать и надеялся выздороветь. На шестой день, перед самой кончиной, когда он, сидя в кресле, хотел подняться, и доктор, с трудом поддерживая его, согнулся под тяжестью, Лисаневич шутя сказал ему: «видишь, братец хотя мне остается жить пять, но я все-таки сильнее тебя». О своей семье, о жене и детях вспоминал он часто; но они были далеко, в Ставрополе и не могли поспеть ко времени его кончины. Рассказывают, что малютка, любимый сын его, узнав о смерти отца, плача говорил: «Ну, зачем он поехал?.. Ведь я говорил ему: эй, папа, не езди!» Лисаневич умер на 48 году от роду. Подпись: ***В. Потто.***

Мулла Учаръ-Хаджи убивающій генераловъ Грекова и Лисаневича.

Чеченские манускрипты 1828 год

Российский Государственный Военно-Исторический Архив ф. 35, оп. 5, д. 2669. (рукопись).

Стр. 2 …Его Превосходительству П. Г. Дивову. Въ О. П. Б. 14 августа 1828. №1455.

Чеченские князья и старшины представили от имени одноземцов своих два манускрипта на Арабском языке, в коих по показанию их выражены общие чувства их к благосостоянию своему верноподданническое благоговение к Монарху.

Препровождая при сем к Вашему Превосходительству манускрипты сии, покорнейше прошу Вас, М. Г. приказать перевесть оные на Российский язык и по переводе доставить ко мне как подлинники так и засвидетельствованный перевод оных. С совершенным почтением и пред. и ч. б. и пр. Подписал ***Граф А. Чернышев****.*

Стр. 5 …Его Сиятельству Графу А. Чернышеву. 4 апреля 1829. №2255.

Милостивый Государь, Граф Александр Иванович. В отсутствие мое из столицы, Ваше Сиятельство изволили доставить 9-му тайному советнику Дивову, при отношении за №7108, две бумаги на арабском языке, представленные чеченскими князьями и старшинами их, от имени своих однородцев. Возвращая сии бумаги и препровождая с одной из оных Российский перевод, честь имею уведомить, что другая есть поэма сочинения Абдул-Керима, кадия города Атги, страны Чеченцов. В сей поэме прославляет он в обыкновенном восточном слоге, могущество и победы Российской Державы и возносит достоинства и величие Его Императорского Величества. Перевести оную буквально выходит совершенная бессмыслица, а потому принужден был переводчик после многих безуспешных стараний сделать хотя маловнимательно…

Стр. 20 …Г. Главнокомандующему отдельным Кавказским корпусом. 20 апреля 1829. №924.

В проезд Г. Генерала Емануеля, в прошлом 1828 году по левому флангу Кавказской линии, Чеченские князья и старшины представили ему от имени всех однородцев своих два манускрипта на Арабском языке, заключающие в себе в стихах выражения из чувствований настоящего своего благосостояния и верноподданнейшей преданности к Монарху, прося довести оный до сведения Его Императорского Величества. Один из сих манускриптов сочинен Абдул Керимом-Кадием города Атги, страны Чеченцов; а другой одним из знаменитых улемов Мухаммедов.
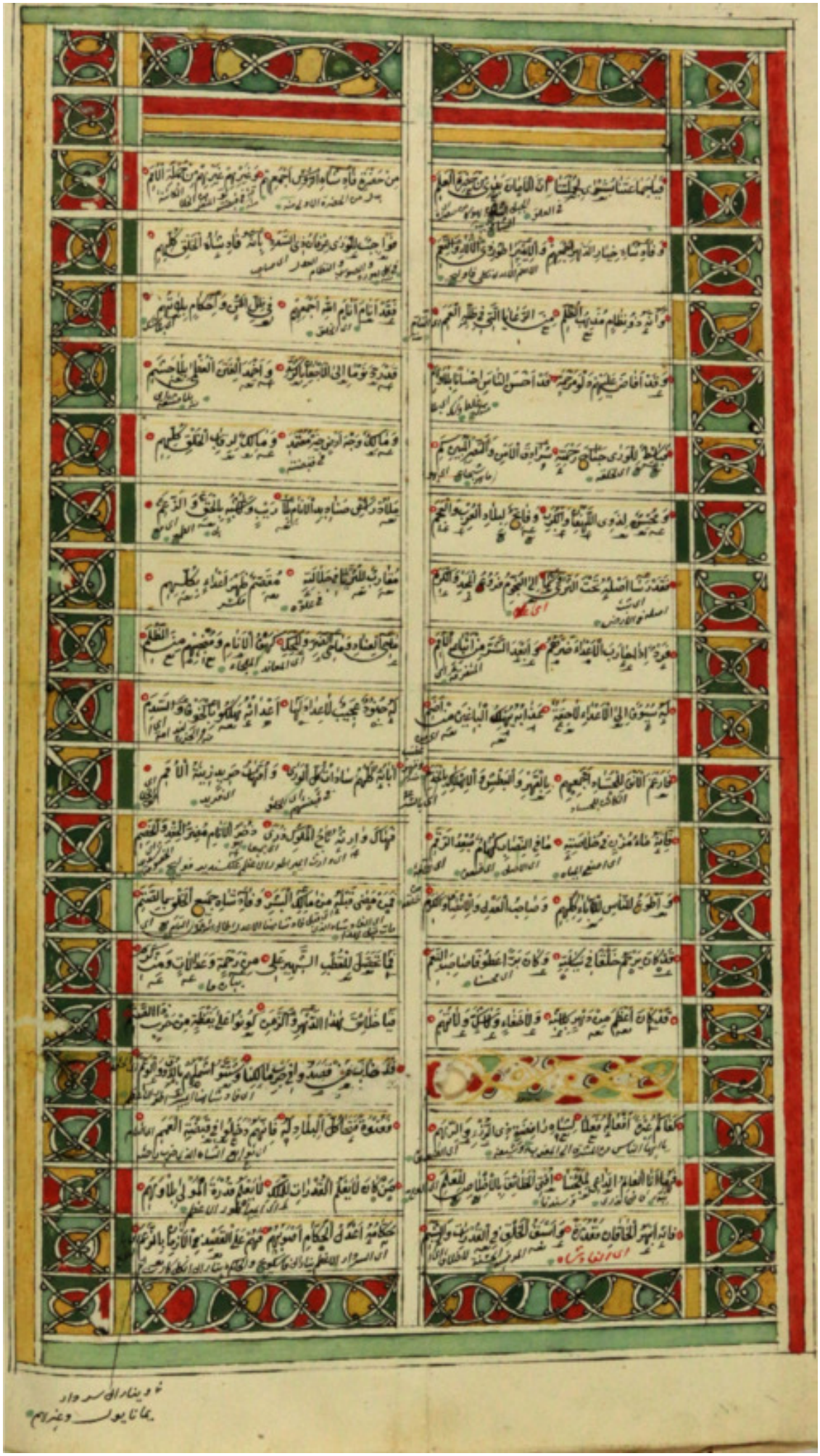
Генерал Емануель не будучи в состоянии отказать в таковой народной просьбе, но не зная достоинства означенных бумаг и не имея переводчика, переслал оные нам Г. Генерал-Адъютанта графа Дибича.

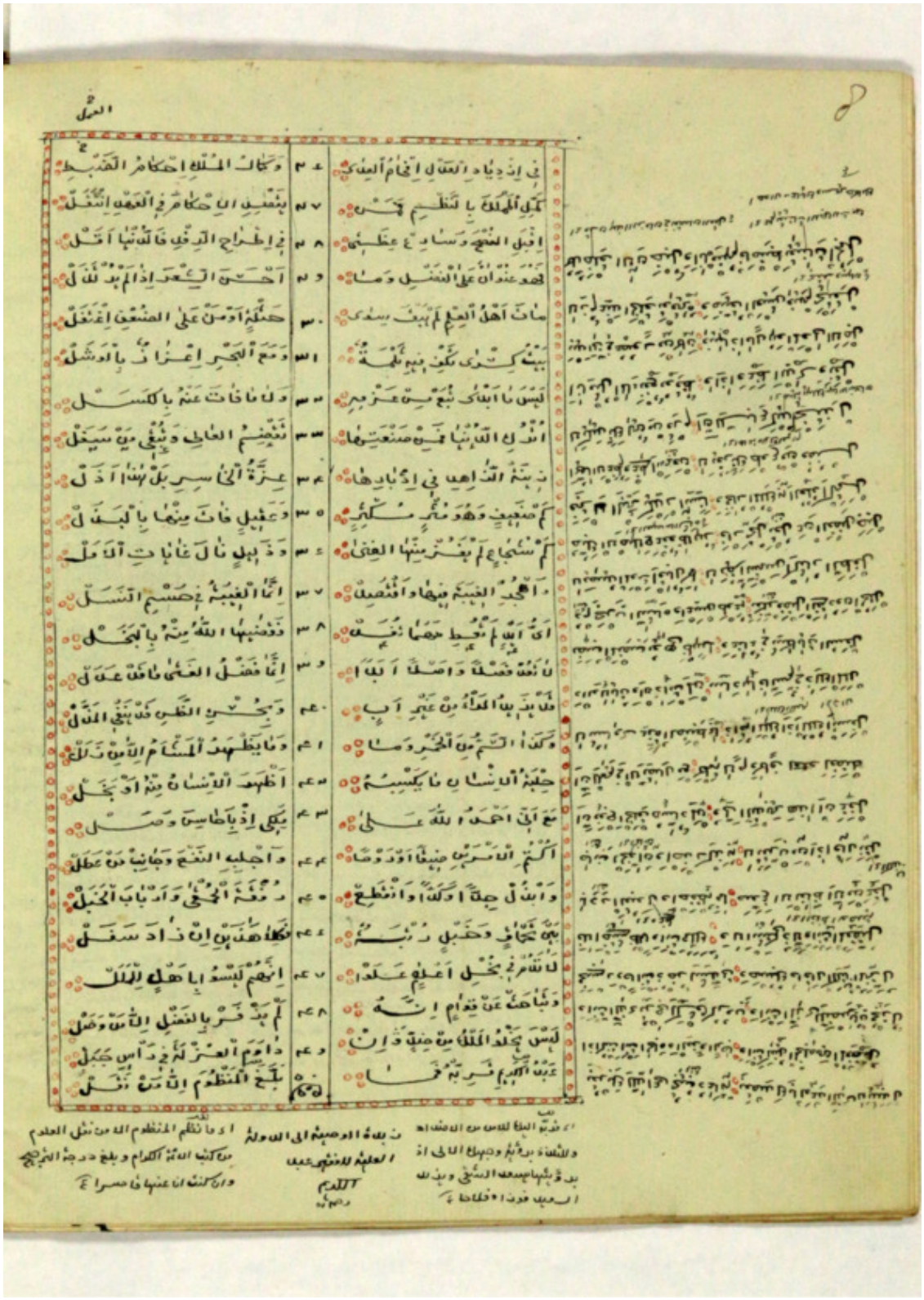
По переводе манускриптов сих в Министерстве иностранных дел, я имел счастье представить оные на всемилостивейшее Государя Император воззрение и Его Величество изъявил высочайшую волю, дабы Ваше Сиятельство приказали объявить представившим стихи сии Чеченцам Монаршее благоволение, а сочинителям и другим почтеннейшим из подносивших оные сделали бы, по усмотрению своему приличные подарки, буде изволите счесть нужным. О таковой высочайшей воле, я имею честь уведомить Ваше Сиятельство к зависящему исполнением. Подписал Управляющий Главным Штабом ***Граф Чернышев****.*

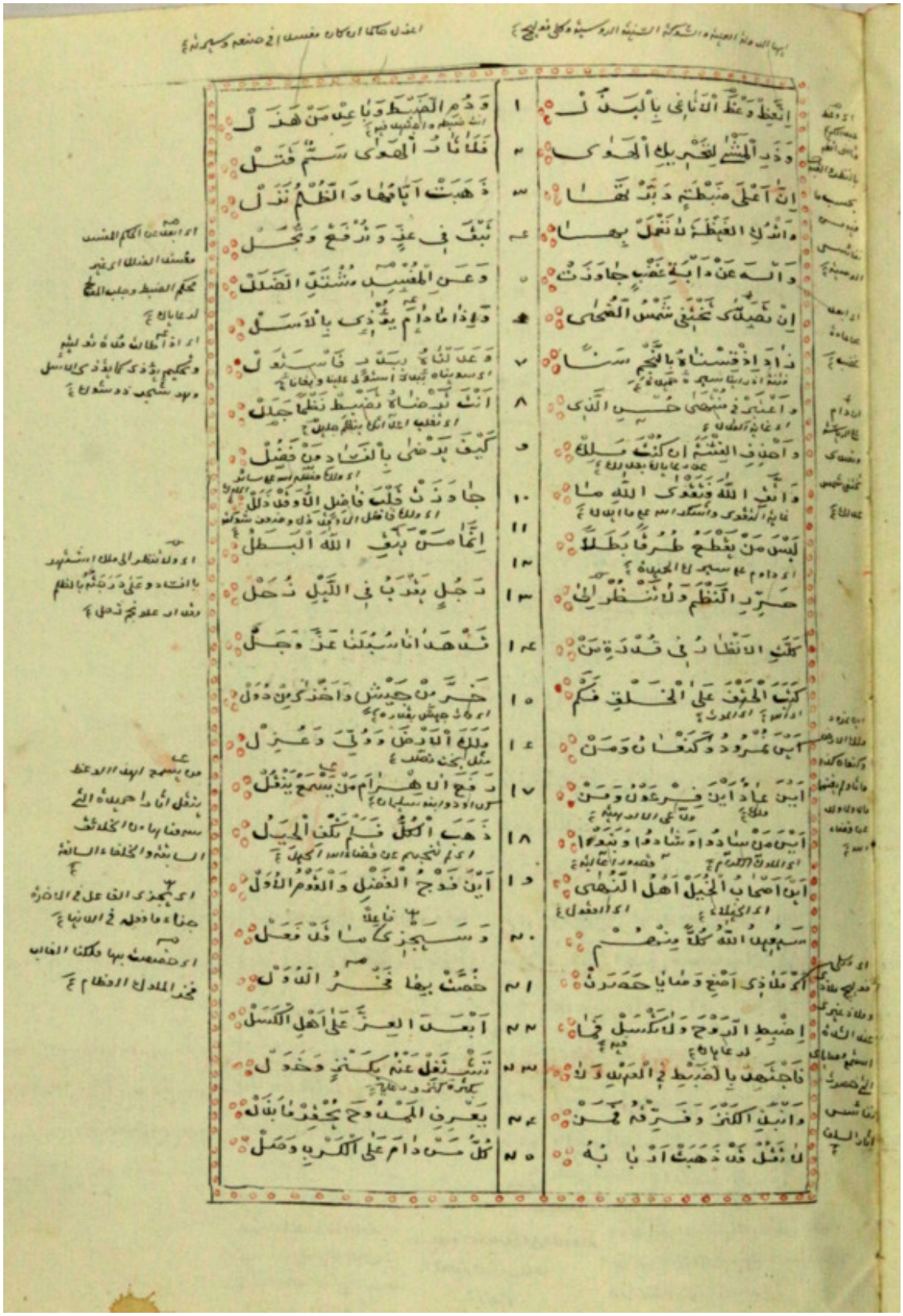
Стр. 21 …Управляющему Главным Штабом Его Императорского Величества и Военным Министерством Генерал-Адъютанту господину Генералу от кавалерии и кавалеру Графу Чернышеву. Генерал от кавалерии Эмануеля. №4428. 15 июня 1829.

Рапорт. Во исполнение Высочайшей Его Императорского Величества воли объявленной Вашим Сиятельством чрез Главнокомандующего Кавказским отдельным корпусом господина генерала от инфантерии и кавалера графа Паскевича Эриванского и мне в предложение сего

последнего от 15 числа минувшего Мая за №2691 изъясненной Чеченцам подносившим два манускрипта на Арабском языке заключающие в стихах выражения их чувствований настоящего своего благосостояния и верноподданнейшей преданности к Монарху, я вместе с сим предписал начальствующему в Чечне Генерал майору Энгельгардту объявить Высокомонаршее благоволение, а сочинителям сих стихов Абдул Кериму Кадию и одному из знаменитых Улемов Мухаммеду отправил согласно означенного предложения Графа Паскевича Эриванского из состоящих в распоряжении моем экстраординарных вещей, 1-му часы золотые с репетициею в 325 руб., а последнему на кафтан 5 арш. Сукна и 10 арш. Шелковой материи и о сем Вашему Сиятельству имею честь донести. Подпись: ***Эмануель****. №938. 23 июня 1829. Горячеводск.*

حث على من ملك العزتا
اى واجب عليه دائما لضبط مصالح الخلائق وحفظ السلطنة والشاع ع

ان ينكد المنكر والغيبتا
اى انكاد المنكر مع النهى عن الغيبة والنمى ع

ان ينظم الاصلح والعيشتا
اى نظم الصالح لرعاياه مع التوسعة فى العيش ع

ان يطلب النفع والراحتا
اى طلب النفع والراحة لهم مع جلب الراحة ع

ان يطرح المفتد والحسدتا
اى ازالة الفاسد عن خلائقه مع حفظهم عن الطارى من الحسد والفتنة ع

ان يدخل المكرم والرحمتا
اى ادخال سنخلقه الى عامة الناس مع الرحمة ع

ان ينبذ الاسر والالفتا
اى اعطائه اياهم ما تيسر له من المال والنفل مع الالفة والمودة ع

ان يكسى العارى والعجزتا
اى اعطاء الكسوة الحراة مع العجزة ع

ان يغنى العائل والعقرتا
اى سد جدع العائل مع الفقراء والعجزاء ع

ان يرحم الركع والشيخوخا
اى رحمة الركع مع الشيوخ العاجزة ع

ان يحفظ الاذل والصبيتا
اى حفظ الاذل من الناس مع الصبية ع

ان يظلع المقتر والرافتا
اى اطعام المحتاج مع الرافة والشفقة ع

ان يدنى الاعوج والخيبتا
اى تقويم الاعوج مع الخيبة له فى خذ الثناء ع

ان ينصر الهائم والحنتا
اى نصر المتحير مع الحنة والرحمة ع

ان يرفد السائل والخشيتا
اى دفع السائل باستلم مع الخشية ع

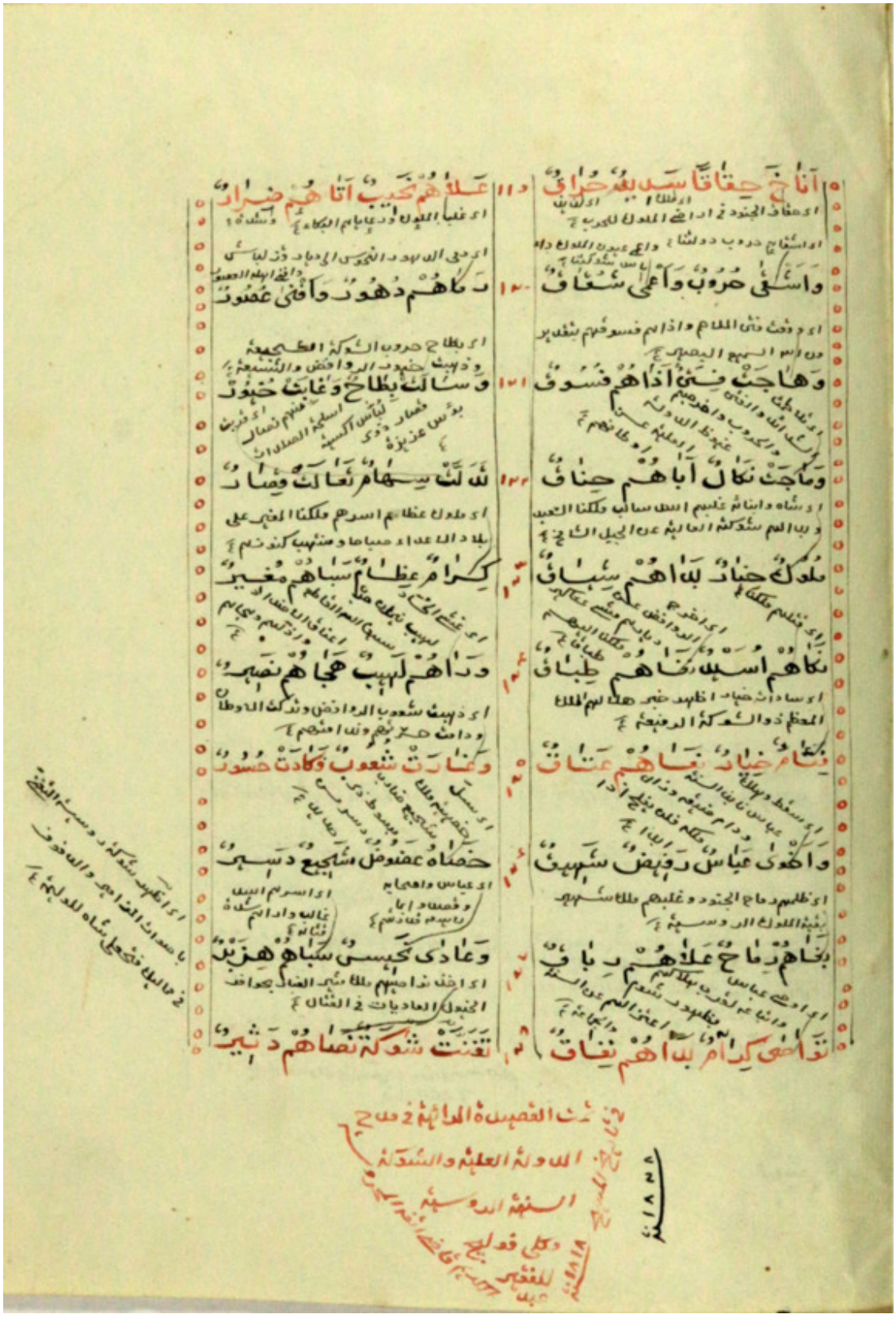
ان يلزم الملحف واللينا
اى الجام السائل بالاناوب مع مسكلم اليم مع اللين والرافة ع

ان يرضى الطامع والطيتا
اى ارضاء الطامع فى شفقتك مع تطييب قلبه اى جزاء بالاثم بلخلة منه للاله ع

ان يخص المخلص والشعتا
اى تفتيش احوال مخلصى الخدمة مع موسدتهم فى خذ الثناء ع

ان يجزى الاتق والنعمتا

ان ينعم

فالبحر في ذكره يصيح بالهدد ٧١ حتى اذا شاهد الطيور في نهر
اى يصيح بصوت جهير ويشابه فيه اناث الشجاعة اى في نهار

يخاف من امنع الطيور بالعضد ٧٠ لانتفع في حبس بغضي مع الفرد
اى يخاف امنع الطيور ويخفض راسه تخفض المشرف عند الحدث اى يفتك مع جذب الفرد لنفس الى اسفل

سلطانا سايبه من كل في حرد ٧١ صنديد نافذ عن كل ذي بصر
اى سايبه من كل ملك وفحل مجاربه ويقتلا هرمته اى نافذ وغالب عن كل ذي بصر في ضبط ونظم

حمي العيون من الاسقام بالجمد ٧٢ يشفي كثيرا من الملوك ذا وتر
اى عيبها من الاسقام التي شفته من جفوف الدماغ اى من الملوك العظام ذوي عداده وكثرة ونعم واسرة

نفض الله ماغ من الكمال بالرشد ٧٣ يبقي لها منهم كاسا من الهتر
اى نقضه من البلوغ الى الكمال بالرشد اى لم اسم كاسا من الهلاك وذوان الملك

من كان في اذنه صمم لخ بالبرد ٧٤ تشفاوه الطعن بالنصال في وذر
اى صمم ناشئ من البرودة اى جرح بنصال الاسلحة في موضع اللبن من الجسم

بد الشجيع من الابطال في نكر ٧٥ عزم الضعيف من الاقبال في نكر
اى بد الفتى الشجيع من الابطال في غلبة اى نبه الضعيف الى ثبات عن اقبال الشدائد في نكر عند المعركة

سفايس البشعة تحمي مع الجرد ٧٦ نواجس الغرق تلقى مع الهكب
اى مع احد انها وعرد فيها اى تحطس مع اناديها بلا ابقاء بشيء دنيها

اداء دولينا نبذ بالنكد ٧٧ لنبذ بها شوكينا البدن في كمر
اى تنبذ اعدائهم عذاب حرديم مع العطا الجزيل لاصحابهم اى في دوحة وداعة

نيابة ناظمنا تعلو على البند ٧٨ فعال منابطنا فهل مع اليسر
اى الجبل الشامخ اى فعالهم فعل الذهن نفع من الطيور الجادة مع يسر

سئل

بسم الله الرحمن الرحيم هذه قصيدة نظمها عبد الكريم قاضى

اتقم المحروسة من بلاد چچان فى مدح الدولة العلية الروسية

١ مُبْسِمِلًا اَوَّلًا بِالْخَالِقِ الْاَحَدِ ... مُصَلِّيًا ثَانِيًا ذُو الْعِزِّ مِنْ بَشَرِ

٢ اِنَّ الَّذِى يَخْدِمُ السُّلْطَانَ فِى كَلِمٍ ... فِى مَدْحِهِ اَنْشَاءَ الْاَبْيَاتِ مِنْ دُرَرِ

اى فى مكان ضيق العيش وعسير الغنا ع — اى من الشبيهة بالدرر فى ظهورها معانيها ع

٣ هٰذَا الَّذِى سَلَكَ الْاٰفَاقَ بِالْفَرَدِ ... اَكَاسِرُ الْاُمَمِ مِلْءُ الْاَمِنِ السَّكَرِ

اى بانفراده ذهب ان الحروب ع — اى من حرارة شدة القتال من الملك المعظم ع

٤ فَرَاعِنَةُ الْعَرَمِ كُلُّوْا عَنِ الْوَمَلِ ... قَيَاصِرُ الْعَجَمِ سَادُوا اِلَى الْخَبَرِ

جمع قيصر — اى الى ملك محاربا فاخربا القتال ع — اى من ابعاد الملك نهبا ان النكال والبأس ع

٥ شَاهُ وَعَبَّاسُ مَالُوا اِلَى هَمَدٍ ... نِيَاتُ مَلْجَئِنَا تُلْقِى اِلَى سَكَرِ

اى الى زوال المملكة وادبار السعادة ع — اى تلقى الاقدام الى الشدة وسكرات الموت ع

٦ قُصُوْدُ شَوْكَتِنَا تُغْضِى اِلَى وَهَدٍ ... اَنَّى لِاَمْنَادِهِ دَوْحٌ مَعَ السُّرُرِ
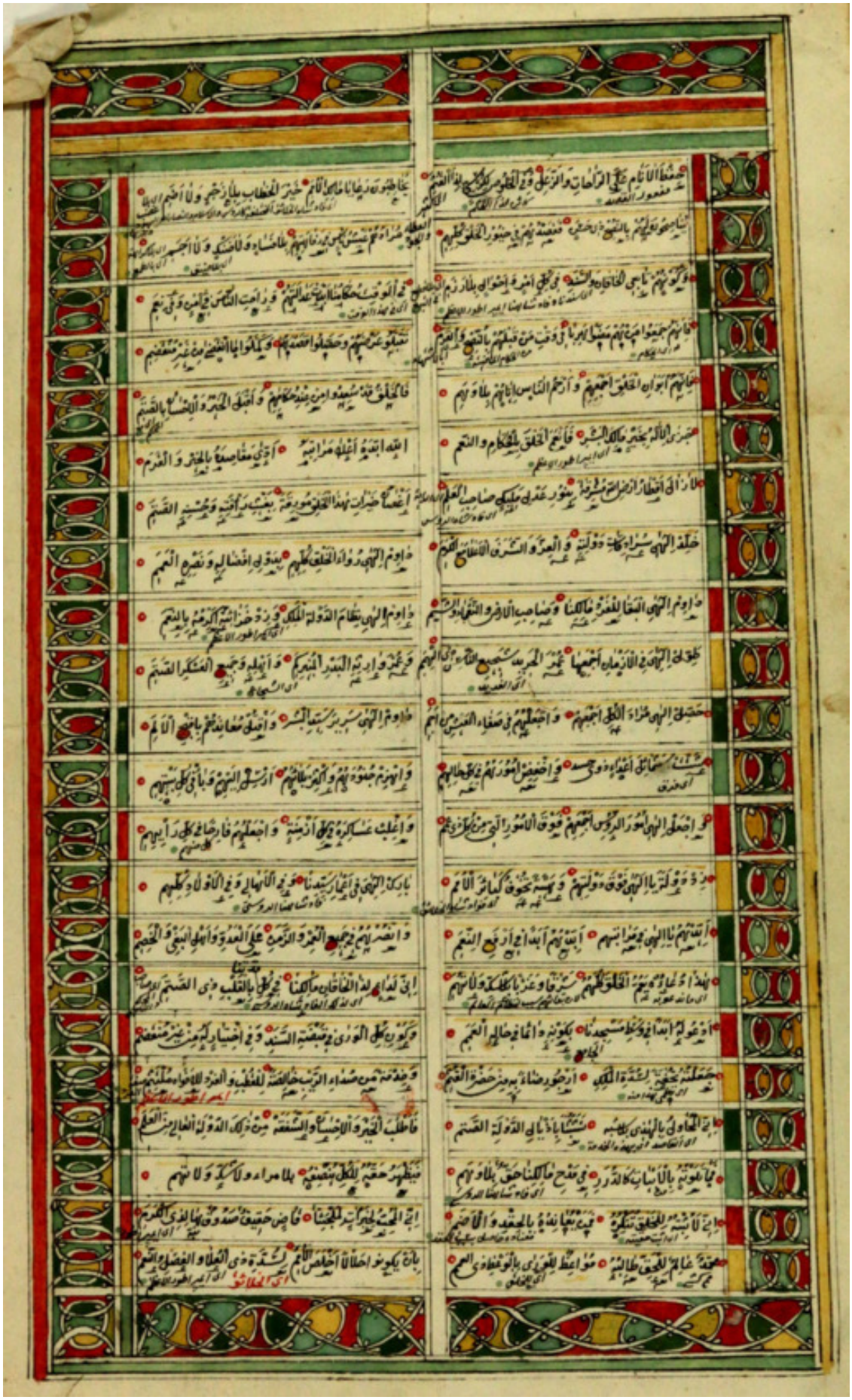
اى تخفض الملوك العظام الى مكان ضيق ع — اى دوحه ودوامه فى العيش والظفر بالمقصود مع الغرض ع

٧ اَنَّى لِاَعْدَائِهِ ظَفَرٌ مَعَ الْوَكَلِ ... نِظَامُ سَيِّدِنَا يَصْبِيْكُ مِنْ مُدُدٍ

اى ظفر بالماوك مع اخذ العهد من الملوك ع — اى يهب خيار الملوك مع اعيانهم عن المقابلة ع

٨ اَنْظَامُ سُلْطَانِنَا تَحْقِيْقُ مَنْ وَجَدَ ... شُمُوْسُ سِيْرَتِهِ تُنْجِى مِنَ الشُّرُرِ

اى وجود المقصود ع — اى تنجى اهل الطاعة من جميع الشرور ع

Родословный список князей, узденей и старшин РГВИА ф. 13454, оп. 5, д. 450. 1834 год.

Родословный список *князей, узденей и старшин имеющим чины и неимеющим, пользующимся особенным уважением и отличающегося добрым поведением и нравственностью в Кумыкском и Чеченском владениях с помещением одну только мужскую линию с обозначением узденьских степеней и фамилий князьям и старшинам без означения степеней.*

Кумыкского владения. ***Деревни Андреевской***.

Князья: *1. Капитан Чопан Муртазали Аджиев – 40 лет; его брат прапорщик Герей – 30 лет; сыновья: Мурза Чопанов – 5 лет; Муртазали Чопанов – 6 лет; Князь Чопан родился от Мурзы которой произошел от Муртазали-Аджи, а сей от Чопалова, а сей от Чопана, сей от Чопалова, сей от Айдемир-Шамхала, а сей от Султанмута из фамилии Курайш Андия Шамхала прибывшего из турецкого города Шама, что Дамаск.*

2. Капитан Резихан Алисултанов – 39 лет; его брат Салимхан – 26 лет; сыновья Алисултан – 13 лет; Чопан-Исамхал – 2 года; племянник Абдул-Хасая Салимханов – 1 год; Сын князя Али-Султана которой произошел от Камбулата, а сей от Казак-Алипа, сей от Чопан Шамхала, сей от Хана, сей от Казак-Алипа, сей от Салтинмута из фамилии Курайш Андия Шамхала прибывшего из турецкого города Шам.

3. Айдемир Бийсултанов – 30 лет; его братья Хасанхан – 27 лет; корнет Таймасханов – 23 года; прапорщик Адильхан – 20 лет; Сын князя Бийсултана, которой произошел от Айдемира, сей отБамата, сей от Айдемира, сей от Амзы, сей от Чопалова, а сей от Айдемир Шамхала.

4. Уцми Темиров – 60 лет; его сын Шавхал – 15 лет; племянники Гебех Исламов – 29 лет; Гусен Хан Исламов – 25 лет; сыновья Гебеха: Ислам – 5 лет; Карамурза – 4 года; Казий – 2 года; сыновья племянника Уцмия прапорщика Султанмута Темирова: Довлетгирей Султанмутов – 6 лет; Шефи Султанмутов – 3 года; Сын князя Темира, которой произошел от Амзы, а сей от Чопалова, а сей от Айдемир Шамхала, а сей от Султанмута, и фамилии Курейш Андия Шамхала коих предок вышел из Шама.

5. Бамат Арслангиреев – 55 лет; сын его Арслангирей Баматов – 18 лет; сын князя Арслангирея, которой произошел от Бамата, сей от Айдемира, сей от Амзы, сей от Чопалова, а сей от Айдемира Шамхала.

6. Девлетука Гиреев – 32 года; Сын князя Гирея, которой произошел от Сокур Адони, сей от Урусхана, сей от Айдемира Шамхала.

7. Чанка Майор Ибрагим Албору-Аджиев – 69 лет; сын Чанка Албор Аджия, которой произошел от Узден (?), от князя Казак-Алипа, которой рожден от Чопан Шамхала сей от Хана, сей от Казакалипа, а сей от Султанмута из фамилии Курайш Андия Шамхала.

Первой степени Узденья. *8. Подпоручик Юсуф-Аджи Беинат-Аджиев; его сыновья: Александр – 22 года, Ильяс – 19 лет, Абдурахман – 10 лет; Юсуф-Аджи сын Узденя Умар-Аджи, которой произошел от Беге из фамилии Сала.*

9. Подпоручик Телов Тотушев – 47 лет; его сын Кайтука – 4 года; брат карнет Канамат Тотушев – 26 лет; племянники карнет Абдулла Тотушев – 24 года; прапорщик Алхас Тотушев – 30 лет; Арсланбек Бекмурзаев – 40 лет; Юсуф Бекмурзаев – 34 года; Минтоу Мисоусов – 30 лет; Ягья Мисоусов – 19 лет; Сулейман Мисоусов – 14 лет; Сатибал Мисоусов – 13 лет; сыновья племянников: Закярия Ягьяев – 10 лет; Адильхан Ягьяев – 6 лет; Алисултан Абдулов – 8 лет; Тавсултан Аджиев – 5 Хамза Алхасов (сын прапорщика) – 9 лет; Бекмурза Бекмурзаев – 12 лет; Абдурахман Бекмурзаев 3 года; Емирбулат Юнусов – 10 лет; Мусаус Джанхуватов (сын подпоручика) – 5 лет; Телов Тотушев есть сын Кайтука-Аджи, которой

произошел от Аджи, а сей от Муртазали, сей от Башата, сей от Тотуша, сей от Бамата, сей от Тотуша, а сей от Карнана вышедшие из Крыму;

10. Хасан Казиев – 60 лет; его брат Гусен – 60 лет (близнецы); дяди Толева Тотушева и тогож происхождения показан Толев.

11. Сатав исаев – 40 лет; двоюродные его братья: Гебех Сулейманов – 38 лет; Хисух – 19 лет; Башмат Арсланбек-Шавлухов – 13 лет; Шавлух Арсланбек-Шавлухов – 12 лет; Хамзат Арсланбек-Шавлухов – 10 лет; Хандер Ибахов – 15 лет; сыновья двоюродных: Донамав Султанмуратов – 13 лет; Алиахмат Бийсултанов – 8 лет; Сотав Исаев есть сын узденя Исы, которой произошел от Бамата, а сей от Кандаура, сей от Янсуха сей от Солтака сей от Темир Бика, сей от Беге, сей от Султана, сей от Азнаура, из фамилии Сала коих предок вышел из Андийской.

12. Даиб Реджеп Аджиев – 42 года; его братья: Магамат – 38 лет; Муса – 35 лет; – Солтан – 30 лет; сыновья: Абдулат Азис – 16 лет; Азнаур – 13 лет; Абдул Гамад – 12 лет; Надир – 10 лет; Алхан – 8 лет; племянники: Лобан Гебюков – 9 лет; Абдул Муслим Гебюков – 3 года; Муртазали Исмаилов – 12 лет; Махти Исмаилов – 10 лет; Халип Бигатырев – 17 лет;

13. Мутий Али-Аджиев – 76 лет; его брат Абахер – 61 лет; Сыновья: Батырмурза Мутиев – 45 лет; Акмурза Мутиев – 26 лет; Эльмурза Мутиев – 24 года; Джакмурза Мутиев – 15 лет; племянники: Каплан Кубаков – 47 лет; Ягья Ибрагимов – 34 года; Али Ибрагимов – 30 лет; двоюродный брат Джамбулат Аджимусаев – 68 лет; его сыновья: Исмаил – 47 лет; Иса – 36 лет; прапорщик Муса – 32 года; Акай – 28 лет; Мутий сын узденя Али-Аджия которой произошел от Мутыя, а сей от Ахая, сей от Эльмурзы, сей от Ахая из фамилии Борагах вышедшие из Крыма.

14. Болатука Паштакаев – 40 лет; его сын Атох – 13 лет; двоюродные братья: Батырмирза – 38 лет; Тавлу-Аджи – 32 года; Шабазгирей – 25 лет; Бекмурза – 18 лет Аблашовы; Девлетука – 40 лет; Арслан Али – 32 года (сыновья капитана Паштаджи); Баттал – 24 года; Отев – 23 года; Ильяс – 15 лет (Аккобек Аджиевы); Махмут – 17 лет; Пашт – 13 лет; Аскер – 11 лет Гебековы; Хази Довлеткиреев – 14 лет; Адилгирей Арсланбеков – 13 лет; Внуки: Аблаш – 8 лет; Баматмурза – 10 лет; Хамзат – 1 год; Аджи Арслан-Алиев – 4 года (Батармурзаевы). Болатука сын узденя Паштакоя которой произошел от Давута, сей от Хукея, сей от Пашта, сей от Солтака, сей от Канбулата, сей от Теих Бека, сей от Беге, сей от Азнаура, из фамилии Сала вышедшие из андийской деревни Иркука.

15. Хасанбек Казбеков – 50 лет; его брат Халимек – 45 лет; сыновья: Хазири – 12 лет; Ильяс – 10 лет (Хасанбековы); племянники Александир – 42 года Наджай – 39 лет (Ахматхановы); Ачахан – 25 лет; Казибек – 17 лет; Татархан – 15 лет (сыновья капитана Баматхана); Умаш Халинбеков – 15 лет; сыновья племянников: Ахматхан – 18 лет; Иса – 10 лет (Александровы); Баттал Надмаев – 9 лет; сын узденя Казбека которой произошел от Умаша сей от Казибека, сей от Солтана, а сей от Гасан-бека из фамилии Казбек-улу вышедшие из Аварии.

16. Эльжерук Эльмурзаев – 60 лет; его брат Хамза Эльмурзаев – 40 лет; сын Хиду Эльжеруков – 10 лет; Сын узденя Эльжеруко которой произошел от Амира, а сей от Эльжерука сей от Гебека из фамили Эльжерух вышедшие из Гебек-кале.

17. Курман-Али Казикмурзаев – 60 лет; его братья: Султанмурат – 55 лет; Атахай – 40 лет; Чингира – 37 лет; Батырхан – 33 года; Сын Казакмурзы которой произошел от Курманали, а сей от Чингира, а сей от Канберда фамилии Чингире вышедшие из карабулакской деревни Медъ (?).

18. Магамат Ахавов – 36 лет; его племянники: Келемет – 12 лет; Сали – 1 год (Салиевы); Двоюродный брат Асев Алиев – 20 лет; Сын Ахавы которой произошел от Арсланбека сей от Муртазали, сей от Темир Султана, сей от Сеита из фамилии Сеит-Улу коих предок вышел из Шам.

19. Аджибатыр Ачаханов – 25 лет; Сын узденя Ачахана которой произошел от Худайната, а сей от Алчака, сей от Абдуллы, сей от Болата, сей от Беге, сей от Солтана, а сей от Азнаура коих предок вышел из Андреевской деревни Иркуна (?).

20. Ибав Ачаев – 50 лет; его сыновья: Султан – 14 лет; Нурадил – 12 лет; племянник: Абдурахман Асевов – 16 лет; двоюродные братья: Бахав – 24 года; Умар – 22 (Улубиевы); Ибав сын узденя Ачава которой произошел от Улубия, а сей от Бамадали, сей от Улубия, сей отУмара, а сей от Султана, а сей от Багатыра, сей от Бамата из фамилии Ачаевых вышедших из Крыму.

21. Сатав Магамахазиев – 24 года; его брат Шихали – 23; Сын узденя Магама-Хазы которой произошел от Шихам, а сей от Алибека, а сей Дады, сей от Магама Гани коих предок вышел из деревни Бийлер-Чент (?).

22. Магамат Аджимуратов – 39 лет; его сын Сулейман Магаматов – 12 лет; Сын узденя Аджимурата которой произошел от Канбулата а сей от Реджепа, а сей от Бузара из фамилии Бузар Улу.

23. Темрука Алборюев – 25 лет; его брат Ахкобек – 20 лет; племянник Ханмурза Болатуков – 13 лет; двоюр. братья: Шемев – 37; Ханав – 28; Магамат – 20 (Юсуповы); их дети: Дешп – 5; Юсуп – 1 (Исламовы); Сын узденя Алборю которой произошел от Ангув-Аджи, сей от Али, сей от Хан Киши; сей от Султанмута, сей от Гебека, сей от Алисултана из фамилии Албору коих предок вышел из Крыма.

24. Таймасхан Солтанаев – 35 лет; его сыновья Алхас – 11; Солтанай – 8; племянники Сулев Джанмурзаев – 30; Батрай Ханмурзаев – 31; Ибрав Каирбеков – 27; сын узденя Солтаная которой произошел от Чохая, а сей от Эже, сей от Таймахи, сей от Ахая, сей от Таймаза, коих предок вышел из большой Кабарды.

25. Юсуп Мамашев – 53; его двоюродные братья: Юнус – 16; Мусаус – 10 (Темуркаевы); Аджи – 12; Ирбаин – 6 лет (Тулпаровы); троюродные братья: Танай – 36; Келемет – 22 (Алиевы); Болатука Али-Акаев – 36 лет; Бийарслан Магоматов – 30; Харман Казиев – 35 лет; сыновья троюродных: Али Танаев – 6 лет; Алихан Болатукаев – 17 лет; Абдул Хадир Карманов – 2; Юсуф сын узденя Мамаша которой произошел от идриса сей от Акайчика, сей от Мамаша, сей от Алия, а сей от Карлана коих предок вышел Шамхальского владения деревни Эрпелинской.

26. Хасай Хасбулатов – 37 лет; его брат Солтан – 36; Аджи – 30; Салав – 20 (Хасбулатовы); сын Казихан Хасаев – 17 лет; двоюродный брат Тешев Алипхачов – 40 лет; племянник Мамахан Тешевов – 12; Хасай сын Хасбулата которой произошел от Джанболат-Аджи сей от Кокуша, из фамилии Джанбулат-Аджи коих предок вышел из Тарковской деревни.

27. Мамахан Нурамматов – 50 лет; его сыновья: Алмаксут – 27; Нурамат – 1 год; его брат Шавхал – 40; двоюродные братья: Магомат – 40; Бийбулат – 30 (Османовы); двоюродные племянники: Токай Ильясов – 10; ильяс Хидраев – 8; племянники: Закярия – 15; Баттал – 10 лет (Шавхаловы); Мамахан сын узденя Нуромата которой произошел от Абекир Аджи, сей от Шихам, сей от Шихмурзы сей от Нога коих предок вышел из чеченской деревни Чоне или Гоне (?) из фамилии Гуенуев.

28. Ахмат-аджи Умаров – 40 лет; его сын Атай – 30; внуки: Биймурза – 13; Акмурза – 15; Атаевы; Казий-15; Магамат-15 лет; Свлават Улубиев – 4; племянн. Рази- 25; Хасамхан – 16. Иштахаевы. Ахматаджи сын Умара который произошел от Исмаила, а сей от Шитакая, а сей от Исы, сей от Мусы, а сей от Бамат мурзы из фамилии Гуеноевы коих предок вышел из чеченской деревни Гоне.

29. Ибрайдахаев – 33 года; его плем. Лабазан – 33; Шихай – 28. Исалах Аджиевы, двоюр. Племянники Абубакар -33; Ханмирза – 32; Ибрай сын узденя Дакоя, которой произошел от Ахая, сей от Исмаила, сей от Исмаила, сей от Арслана, сей от Биймува, сей от Сухлапа сей от Кабанчара, сей последний вышел из чеченской деревни Чоне или Гоне (?).

30. Темирча Мурзаев – 45 лет; его сыновья: Али – 16; Мурза – 15; Темрука – 14; племянники: Акай Минатулаев – 25; Умолат Кабиртиев – 30; Абакар – 30; Солтан – 28 (Качалаевы); троюродные братья: Максут-Гирей – 28; Тота – 25; Джамав – 16; Шабаз – 14; Адингирей – 9 (Исмаиловы); Албора Шамандаров – 26; Темерчи сын узденя Мурзы которой произошел от Темирчи сей от Султана, сей от Амира из фамилии Темирчи коих предок вышел из Сальяна (?).

31. Абдул Кадир Булатов – 22 года; его племянник Аблаш Дохшукаев – 30 лет; сын узденя Болата которой произошел от Темирчи, сей от Аджюки, а сей от Курухи из фамилии Куруха коих предок вышел из большой Кабарды.

32. Беге Гебехов – 70 лет; его сыновья: Мустапа – 15; Султанбек – 12 (Гебеховы);

33. Андреевской кади Аликиши Набиев – 61; его сыновья: Кантемир – 31; Ибай – 25; сын персиянина Наби которой произошел от Аджи Шефи, сей от Нур-Магомата, сей от Пир-Магомата, сей от Перили из фамилии Хурчу коих предок вышел из Шама и поселился в Дербенте.

***Деревни Костековской. Князья**. 1. Актола Хамзин – 63 года; его братья: Умахан – 50; Хасов – 40; сыновья: Хасбулат – 18; Кази – 14; Джанарслан – 12; Алхас – 7; Магамат – 6; племянники: Будайхан – 33; Эльдар – 30 (дети князя майора Устархана); Хамза Муртазалиев – 34 (сын майора); Хасанхан – 23; Шабаз – 17 (Баматмурзины); Чопан – 26; Арсланхан – 23 (Адилеевы); двоюродные братья: Шавхал – 17; Ахматхан – 9; Аскерхан – 4 (Умахановы); Адильгирей – 22; Тархан – 18; Айдемир – 9; Адил – 8; Муцал – 7 (дети поручика князя Копалова); Иранших – 3 (сын подпоручика Хана Хамзата); Шаавали-Хамзин – 7; Сын капитана Гамзы которой произошел от бригадира и воеводы князя Алипа, а сей от Султанмута из фамилии Курайши Андия Шамхала коих предок вышел из Шама.*

***Узденья. Первой степени**. 2. Шемшедин Арсланбеков – 40; его брат Атак Арсланбеков – 40; сыновья: Арсланбек – 18; Мамаш Ахай – 16; двоюродные братья: Токай Ханакаев – 40; Ханакай – 30; Зурхай – 22; Абдулазис – 16 (Алибековы); Дети двоюродного: Айтех – 18; Аронч – 12 (Тахаевы); Дети родного брата: Амин – 15; Нох Хаджи – 16 (Атаховы); предок вышел из Крыма.*

3. Довлетука Батырмурзаев – 50; его брат Арсланука – 48; сын Батырмурза – 10; Довлетука сын Батырмурза, которой произошел от Курманалия, а сей от Чингиря из фамилии Чингиря коих предок вышел из Карабулак.

4. Костековский Кади Магомат Аджиев – 57; его брат Ибрагим – 53; сыновья Умар-Аджи – 20; Исай – 13; Ягня – 6; племянники: Налбий Ибрагимов – 27; Амат Абакеров – 15; Абдул Мадаков – 16; Магамат сын Умар-Аджи которой произошел от Мамая из фамилии Молов коих предок вышел из Мархали (?).

***Второй степени.** 5. Хидыр Амиров – 70; его братья: Алямат – 60; Минатулла – 50 (Амировы); сыновья: Амар – 25; Аджи – 20; Бамат – 17; племянники: Магамат – 18; Абакер – 7 (Аляматовы); Али – 8; Гебек – 6 (Минатуллаевы); Сын узденя Атава которой произошел от Юнуса, а сей от Хидира, сей от Бамата из фамилий Бамат Улу коих предок вышел Хайдихского владения из деревни Башлы.*

***Деревни Байрам-аула**. 6. Прапорщик Ханакай Атавов – 30. Сын узденя Атава которой произошел от Юнуса из фамилии Барагак коих предок вышел из Крыма.*

***Деревни Аксаевской. Князья**. 1. Полковник Муса Хасаев – 57; его брат Девлетука Хасаев – 33; сыновья: Хасай – 16; Султанмурат – 13; Асанхан – 4; Усенхан – 1 ½; Аскерхан – 1 (Мусыны); племянники: Алибех – 20; Устархан – 18 (Девлетуковы); Темир – 28; Уцми – 1 (Уцмиевы); двоюродные братья: Арсланука Муцаловы – 46; подпоручик Султанмут Батырмурзаев – 39; сыновья двоюродных: Сулейман Арсланукаев – 13; Арсланхан Ханмаматов – 13; Муса сын Хасая которой произошел от Уцмия, сей от Султанмута, сей от Алибека, сей*

от Айдемира, сей от Султанмута, а сей от Андия Шамхала, а сей от Шах Валия, которой переселился из турецкого города Шама, что Дамаск из фамилии Курайш Шамхальской.

2. Прапорщик Каплан Муртазалиев – 33 года; его сын Абдул Муслим – 11; племянники: прапорщик Алхас – 27; Темир – 25 (Темриханы); Каплан сын князя Муртазали которой произошел от Ахматхана, а сей от Каплана, сей от Ахматхана, сей от Алибека, сей от Айдамира, сей от Султанмута, сей от Андия из фамилии Курайш Шамхальской предок выселился из Шама.

3. Гребенчук Баматгирей Махтиев – 40 лет; его братья Салангирей – 27; Темергерей – 17; Батыргирей – 14 (Мехтиевы); сыновья: Махти – 10; Умалат – 4; Темирбулат – 2 (Баматгиреевы); племянник Шахгирей Салатгиреев – 2; двоюродные братья: Эльдар – 27; Асанхан – 14; Хамутай – 10 (Алиюхаевы); прапорщик Ислангирей – 27; Бори – 22; Сотав – 18; Александр – 15; Солтанхан – 13 (Бийарслановы); Баматгирей сын князя Махтия которой произошел от Эльдара, а сей от Султанмута, сей от Айдемира, сей от Султанмута, сей от Андия Шамхала, а сей от Шавхалия которой переселился из турецкого города Шам из фамилии Курайш Шамхальского.

4. Алибек Адилев – 50 лет; его сыновья Адиль – 22; Герей – 20; Амза – 16; Кайтука – 12 (Алибековы); племянники: Эльмурза – 13; Асев – 12; Шахмут – 9 (Джанбулатовы); Алибек сын князя Адиля, которой произошел от Султанмута, сей от Алибека, сей от Айдемира, сей от Султанмута, сей от Андия Шамхала, сей от Шавхалия из фамилии Курайш.

5. Мурза Хасбулатов – 50 лет; Хасбулат – 4; Бамат – 2; Мурза сын князя Хасбулата которой произошел, от Алибека, сей от Айдемира, а сей от Султанмута из фамилии Курайш Андия Шам.

6. Чанка Ишанмурза Гиреев – 49; его сыновья: Биякай – 20; Таймасхан – 9; Сын Чанка Гирея, которой произошел от Канамата, сей от Чиничубуха, которой родился от узденьки и от князя Сокур Аджи, вышедшего из г. Тарки из фамилии Курайш Шамхальской.

Узденья. *7. Ислам Исмаилов – 32 года; его сын Тохтабий – 1; племянники: Болотуха – 13; Исак – 8 (Магаматовы); Ислам сын узденя Исмаила, которой произошел от Болатуки, сей от Блешуко, сей от Куриха, которой выселился из малой Кабарды, из аула Тавсултан Кабак из фамилии Боташ.*

8. Прапорщик Минатулла Тавлуев – 35 лет; его братья: Янсух – 30; Ахмат – 27; Амза – 26; Иманмурза – 25; Пейдулла – 24 (Тавлуевы); из горской деревни Ирхуна из фамилии Сала.

9. Юнус Атаев – 60; его сын Абдул – 25; внук Ачахан Абдулов – 5; из горской деревни Ирхуна из фамилии Сала.

10. Бикмурза Аджиев – 80 лет; его сыновья – 47; Кочерука – 40; Сосурука – 30; прапорщик Заур – 46; внуки: Батырбий – 25; Орусбий – 15 (Эсапациевы); Кармиш Зауров – 10; из города Шама из фамилии Сала.

11. Пазирука Ужакаев – 60 лет; его брат Казибек – 35; сын прапорщик Умар – 25; племян. Солтан – 14; Бийсултан – 10 (Казибековы); Худу Довеев – 17; Иманак Атуев – 40; двоюродный брат Хамов Сосранов – 31; его сыновья: Казакбий – 17; Сосуран – 6; Зах – 3; Алипкачь Устарханов – 15; из Кабарды со своими аулами из фамилии Азнаур Улы.

12. Магамат Дибиров – 60 лет; его брат корнет Султан-Али – 36 лет; сын Дибир Магаматов – 6 лет; племянник Юсуп Иманалиев – 12 лет; сын узденя Дибира которой произошел от Султан-Алия, сей от Магомата сей от Шихалия, сей от Сурхая сей от Эмея, сей от Хасана, а сей от Султан Алия вышедшего из китайских границ фамилии Тумек Торе.

13. Прапорщик Ахмат Муса-Аджиев – 44 года; его брат прапорщик Юсуф – 35; сыновья Султанмурза – 14; Ислам – 13; Аджимуса – 2 (Ахматовы); Крымсултан – 6; Муса – 1 (Юсуповы); Ахмат сын Узденя майора Муса-Аджи которой произошел от Крым Султана, сей от Клыча, сей от Камава, сей от Алхана, сей от Иса, сей от Муса вышедшего из аварской деревни Хунзах из фамилии Клычь.

14. Юнкер Ибраин Албориев – 29 лет; сын его Арсланбек – 1; племянник Бори Сатыбалов – 17; сын узденя Албори которой произошел от Сатибала, сей от Албори, сей от Ибраина, сей от Беге, сей от Янсуха, сей от Султана, сей от Теирбека, сей от Беге, сей от Султана, сей от Азнаура из фамилии Сала.

15. Кади Ибрагим Султанбеков – 63 года; сыновья его Аджи Муса – 36; Даут Аджи прапорщик Саит-Аджи – 22 года; внук Султанбек Даут-Аджиев – 1; Ибрагим сын узденя Султанбека Кадия которой произошел от Умара, сей от Султана которой переселился из Тарки.

16. Подпоручик Довлетука Магаматов сын Османов – 22; двоюродный Ягья Бийбулатов – 12; Довлет Мурза сын узденя Магомата которой произошел от Усмана, сей от Абскир-Адоки, сей от Шихали, сей от Ших Мурзы, сей от Умара, сей от Бекмурзы, сей от Ногая, сей от Кабинчара, сей от Наси из фамилий Гуенов коих предок вышел из ичкеринской по преданию Гуни.

17. Корнет Инал Гебехов – 29; брат его Бештаев – 51; сын сего последнего Тохтар – 5; сын узденя Гебеха, которой произошел от Султана, сей от Чечебека, которой выселился из горской деревни Баян из фамилии Баян.

18. Магамат Реджепов – 35; его брат Ханмамат Реджепов – 20; сыновья Акай – 6; Умалат – 3; Бейбулат – 1 (Магоматовы); племянники: Исак – 19; Ибеш – 5 (Аджиевы); Магамат сын узденя Реджепа которой произошел от Ягупа, сей от Ачапда сей от Исака, сей от Ибеш, сей от Паразуки, сей от Иса, сей от Магамата, сей от Ирбаила вышедшего из Гавур-Аух из фамилии Мотлу.

21. Кайтука Батырмурзаев – 37; его брат Аджакай – 14; сын Гирей – 9; сын узденя Батырмурза, которой произошел от Гирея, сей от Чоная, сей от Батыра, сей от Атоя, сей от Чегея вышедшего из Чечни из фамилии Хурике.

22. Юсуп Канбулатов – 80; его сыновья: Гебех – 40; Атав – 35; племянники: Доветей – 33; Аджимурза – 25 (Абдурахмановы); Бейбулат – 10; Темирбулат – 2; Ильяс – 4 (Аджиалиевы); Саракай – 12; Эльмурза – 10; Хамза – 2 (Атавовы); двоюродные братья: Даут – 57; Мустапа – 53; Джанхиши – 50 (Бийбулатовы); Иса – 30; Джанболат – 20; Батырбек – 18 (Генжеевы); Яксат – 20; Ханакай – 18; Ахмат – 12 (Мустапаевы); Темух – 29; Хасбулат – 17; Илат – 12 (Хасбулатовы); Юсуп сын узденя Канбулата которой произошел от Бабака, сей от Гебеха сей от Хасана, сей от Умара, сей от Кабартия, сей от Суюн Алия, сей от Хабартия вышедшая из брагунской деревни из фамилии Баодх Улу (?).

24. Ягья Эшеев – 40; его братья Сармурза – 37; Джанхиши – 23; Эльмурза – 30; Алхан – 25; двоюродные братья: Татай Татаев – 25; Чомар – 30; Ибраин – 25 (Бабиевы); троюродный: Джанмурза Ирбаилов – 60; его сын Агим – 30; Ягья сын узденя Эшея которой произошел от Махтия, сей от Музакая, сей Накая, сей от Шаих Мамата вышедшего из деревни Эрпели из фамилии Тапай.

25. Акбулат Умаханов – 23; его двоюродный дядя: Ака Акаев – 58; сего последнего сын Герей Акаев – 18; Акбулат сын Умахана которой произошел от Мусакая, сей от Бдулла, сей от Ибраша, сей от Балакая, сей от Умара, сей от Султанбека вышедшего из деревни Архуна из фамилии Сала.

27. Бекмурза Абдурахманов – 45 лет; сыновья: Умар – 11, Герей – 3; брат: Чорув – 50; племянник Даип Атаев – 14; Бекмурза сын узденя Абдурахмана, сей от Даута, сей от Накая, сей от Иса вышедшего из Салатавского владения.

28. Даут Ибраинов – 40; двоюродные братья: Таитав Исмаилов – 35; Джанболат – 30; Асев – 28; Салават – 23 (Нуракаевы); Ягья Мусаев – 25; Кади Крымаев – 20; Бамат Асевов – 1; Мамав – 20; Кембулат – 14 (Минатуллаев); Алибек Пейзумаев – 14; Тавлу – 10; Амин – 3 (Атаевы); Даут сын узденя Ибраина которой произошел от Даута, а сей от Бамата, сей от Дервиша, сей от Ибраина, сей от Даут Кадия, сей от Юнуса, сей от Бамата, сей от Казамата, а сей от Даута из деревни Салатов предок вышел из Гумбетовского владения.

29. Арслан Ахматов – 44; его брат Айдемир – 27; племянники Бийарслан – 20; Магамат – 18; Шавлух – 15 (Исмаиловы); Учту – 25; Солтангирей – 15 (Сатиевы); Арслан сын узденя Ахмата, которой произошел от Айдемира, а сей от Махи, а сей от Айдемира, а сей от Бексултана, а сей от Бекмурзы, вышедшего из ичкеринской деревни Билитли из фамилии Билитли.

33. Танбай Даутов – 45; братья: Герейхан – 20; Устархан – 15; Чичан – 25 (Даутовы); Танбий сын узденя Даута которой произошел от Миная, сей от Орусхана, сей от Тотура, сей от Чачала, сей от Хунхия, вышедшего из карабулак из фамилии Варинов.

34. Мутай Али Аджиев – 71; брат его Ахай Али Аджиев – 54; сын: Ибраин Мутаев – 11; двоюродные братья: Исмаил – 30; Исах – 28; Бийарслан – 25; Мутай сын узденя Али Аджия, которой произошел от Кумакая, сей от Кудайната, сей от Исмаила, вышедшего из гор из фамилии Завантор.

35. Имак Аличеев – 59; двоюродный брат Мадак Джанбеков – 45; троюродный: прапорщик Аджумар – 60; Имах сын узденя Аличея, которой произошел от Мурза, сей от Алия, сей от Токтара, сей от Озугея, вышедшего из Кафыр Кумык из фамилии Озекей.

36. Сатибал Алематов – 60; его сыновья: Очав – 33; Хамав – 15 (Сатыбаловы); племянник Ханмурза Сатиев – 25; двоюродные братья: Джанмурза – 35; и Басов – 27 (Аджиевы); Сатыбал сын узденя Алемета, которой произошел от Феория, сей от Зурхая, коих предок вышел из ичкеринской деревни Гоне из фамилии Гуенов.

39. Аджимурат Юсупов – 38; его братья: Бийбулат – 40; Чопалов – 35; сыновья: Минбулат – 10; Юсуп – 5; племянники: Бийарслан – 29; Шавлух – 28 (Таштемиров); двоюродные: Магомат – 30; Хамамат – 25; Ака – 20; Саит – 6 (Баматгиреевы); Иманмурза – 25; Ибраим – 10; Минтай – 8 (Хамзаевы); Идрис Довлеев – 25; Ханай – 18 (Бесматовы); Химангул – 25; Тулпор – 20; Миматгирей – 18 (Джануевы); Сын узденя Юсупа, которой произошел от Алиша, сей от Алия, сей от Алима, а сей от Юсупа, вышедшего из горской деревни Чижнох из фамилии Чийнах.

45. Ягья Исмаилов – 37; брат Ильяс – 27; сын Джавбатыр – 1; Ягья сын узденя Исмаила, которой произошел от Девшухи, а сей от Гелесхана, сей от Гапа, сей от Корика, а сей от Вындака из фамилии Шегоно вышедший из Кабарды.

***Деревни Асолтан Нового-Юрта. Второй степени.** 1. Мутай Темирбулатов – 35 лет; его сын Акай – 4; Мутай сын Темирбулата, которой произошел от Абдуллы, сей от Бамата, сей от Шамхан Акая, сей от Шамханая из фамилии Кумук коих предок вышел из Кафир Кумык вместе с Шамхалом в Тарки потом в Андрееве.*

***Деревни Батаюрта. Второй степени.** 1. Ильяс Акаев – 27 лет; Ильяс сын узденя Али, которой произошел от Юнуса, сей от Бамата, сей от Орака, сей от Монтуха, сей от Гебеха, сей от Амира из фамилии Монтух коих предок вышел из крепости Кизильяр (?) в 2-х верстах ниже кр. Внезапной когда-либо существовавшей.*

***Деревни Зубут.** 6. Капитан Дещи Таймасханов – 40 лет; его сыновья: Али-Ага – 15; Салимага – 10; Шангирей – 8; Абу – 6; племянники: Юсуп Магамалиев – 20; Пирмагама – 19; Умахан – 18 (Магамалиевы); двоюродный брат Ата Имматов – 30; Сын Таймасхана, которой произошел от Магаммы, сей от Мусы, сей от Исы, сей от Амир Акая, сей от Зурхая, а сей от Казива из фамилии Оракча коих предки есть коренные жители Зубута.*

Стр. 14 …7. Аджимагомма Гелегеев – 50 лет; его сыновья Магама Аджимагамаев – 20; племянники Асенбек – 23; Хассим-ехъ (Магаммаалиевы); сын Гелегея, которой произошел от Лабозана, а сей от Рахи Магамма, а сей от Моллачи, сей от Мусы, сей от Османа из фамилии Авлаевых коренной житель Зубута.

***Ауховского владения. Старшины. Деревни Ярыксу-аухъ.** 1. Бамат Черуев – 58 лет; его брат Мурза – 30; сыновья: Баматхан – 29; Яйси – 27; Яса – 24; Дикка – 15; Бамат сын Черува, которой произошел от Хуцури, а сей от Бамата из фамилии Курчули коих предок вышел из ичкеринской деревни Курчули.*

2. Хасар Сатлыхов – 60 лет; его брат Темир – 58; сыновья: Иса – 38; Муса – 34; Хансав – 32; Хасав – 31; Асав – 29; Казабий – 27; племянники Джангойлу – 15; Хангойлу – 12 (Темировы); двоюродный брат Аташ Лаварсланов – 55; его сыновья: Джовбатыр – 30; Явбатыр – 18 (Атамовы); Хасар сын Сатлыха, которой произошел от Исы, а сей от Кяхурсана из фамилии Зандак коих предок вышел из ичкеринской деревни Зандак.

***Деревни Акташ-аух**. 3. Какя Тавмурзаев – 46; его брат Крым Тавмурзаев – 40; сыновья: Явмурза – 15; Занка – 13; Солтанбий – 11; Алибий – 4; Солжебей – 7; племянник Ханбатыр Крымов – 14; двоюродные братья: Акмурза Джанакаев – 53; Алмасхан – 35; Аскерхан – 14 (Акмурзаевы); Сын Тавмурзы, которой произошел от Джанакая, сей от Орусхана, сей от Шахмана, сей от Амирхана, сей от Орусхана из фамилии Джовай коих предок вышел из Чечни.*

***Качкалыковского владения. Старшины. Деревни Ханмурза-юрт**. 1. Ханмурза Шанмурзаев – 56; племянники: Чанха – 32; Чанбу – 30; Кайтук – 28 (Емиевы); Ислам – 30; Алиюха – 28 (Амзакаевы); внуки: Адиль Чанхаев – 1; Макуш – 2; Дуту – 7 (Чандуевы); Ханмурза сын узденя Шамурзы, которой произошел от Султана, сей от Ия, сей от Алхана, сей от Киха, сей от Амака, сей от Балташа, сей от Шабатуки, сей от Устара, сей от Хан Солтана, коих предок вышел из турецкого города Шама из фамилии Алер.*

***Деревни Азамат-юрта**. 2. Орусбий Арсакаев – 60; его брат Мисо – 40; сыновья: Казакмурза – 30; Арсакая – 15; Арсланбек – 12; Солтанбек – 10; Арзав – 7 (Урусбиевы); племянник Мирзах Мисоев – 20; Орусбий сын старшины Арсакая, которой произошел от Исака, сей от Османа, коих предок вышел из горской деревни Нашаха из фамилии Шаван.*

***Деревни Даданъ-юртъ**. 3. Казакбий Казакмурзаев – 45; его брат Орусбий – 40; сыновья Довлетука – 14; Манта – 6 (Казакбиевы); Казакбий сын узденя Довлетухи, которой произошел от Арсакая из фамилии Харачу, коих предок вышел из горской деревни Харачу.*

***Деревни Джахвар-юрт**. 4. Алхан Бекмурзаев – 40; его брат Алхас – 37; сыновья: Будайхан – 16; Герейхан – 14; Борахан – 10 (Алхановы); племянники: Васалий – 9; Бекмурза – 8; Ильяс – 7; Ботрай – 6; Батыргирей – 5 (Алхасовы); двоюродный брат Теркебий Панцуев – 25; его сын Шабазгирей – 1; Алхан сын Бекмурзы, которой произошел от Ильяса сей от **Кеха**; сей от **Аха**, сей от Эта из фамилии Харачу коих предок вышел из горской деревни Харачу.*

***Чеченского владения. Деревни Кажаховской (?)**. прапорщик Джанбек Аматов – 37 (детей не имеет); из фамилии Зандыкойской сын чеченца Амата, которой произошел от такого же Сарамурзы фамилии той же.*

***Деревни Нагай Мурзиной**. 2. прапорщик Карчага Гайжуев – 45 (состоящий на службе в горском казачьем полку); сыновья: Алхазур – 6; Кури – 3; братья: Гада Ганжуев – 55; его сын Ельмурза – 8; Митыр Ганжуев – 36; его сын Хадашуха – 5; из фамилии Буртынской сын умершего прапорщика Ганжуя, которой произошел от чеченца Сагата фамилии той же.*

***Деревни Алхасовой**. 3. владелец подпоручик князь Кагерман Алиев – 35; его сыновья: Адиль Султан – 4; Карасай – 1; его брат Дан Алиев – 25; от Чанки Алхаса, рожденного от узденьки и от Андреевского князя Казак-Алипа из фамилии Шамхальской.*

4. корнет Ачемаз Байсугуров – 30; из фамилии Пешхой сын чеченца Байсугура, которой произошел от таковогож Гечихай Хажи фамилии той же.

5. юнкер Тепсурха Бейсултанов – 28; его сын Эдых – 8; из фамилии Бильтовской сын чеченца Бейсултана, которой произошел от Бийбулата фамилии той же.

***Уважаемые народом оной же деревни**. 6. Узу Урусов – 48; его сыновья: Гуцуру – 12; Уздемир – 7; Батал – 4; из фамилии Энгенойской сын чеченца Уруса. Которой произошел от такового же Джамурзы фамилии той же.*

7. Тембула Самбиев – 45; его сыновья: Эсамбулат – 10; Кагерман – 8; Умалат – 7; Ульмес – 6; Ельжурка – 2; из фамилии Зандыкской сын чеченца Самбия которой произошел от такового же Цаццурика фамилии той же.

***Деревни Бенойской**. 8. Старшина Енарса Дадаев – 32 года; его сыновья: Яхи – 4; Салатгирей – 2; из фамилии Бинойской сын чеченца Дадая, которой произошел от такого же Махе фамилии той же.*

9. Тембулат Байсуев – 37; его сыновья Бийбулат – 10; Шугаип – 5; Цуку – 3; Саид – 2; из фамилии Бинойской сын чеченца Байсуя, которой произошел от такого же Кадия фамилии той же.

***Деревни Ельдаровой**. 10. Князь капитан Мундар Эльдаров – 60 лет; его сын Албасхан – 10; из фамилии Шамхальской сын князя Алымкажа, которой произошел от такового же Эльдара фамилии той же.*

Стр. 16 … 11. юнкер Ежа Муртазалиев – 30; из фамилии Шутайской (Шутой?) сын чеченца Муртазалия, которой произошел от такового же Юсупа фамилии той же.

***Уважаемые народом оной же деревни**. 12. Байтерек Байсултанов – 60 лет; его сыновья Акай – 30; Цащу – 17; из фамилии Аргунойской сын чеченца Байсултана, которой произошел от такового же Таусултана фамилии той же.*

13. Сулейман Чуликов – 23; его сыновья: Улубий – 6; Шахъ Бий – 3; Махмут – 1; из фамилии Гердек Гунойской сын умершего подпоручика Чулика, которой произошел от чеченца Сайкаха фамилии той же.

14. Урус Чанчурин – 35; его сыновья: Дудар – 15; Урусбий – 7; Джами – 5; из фамилии Ангунайской сын умершего поручика Чанчури, которой произошел от чеченцв Бейсултана фамилии той же.

***Деревни Старонаурской**. 15. Князь прапорщик Кузух Магоматов Турлов – 25 лет (детей не имеет); из фамилии Турловой сын поручика князя Магомата, которой произошел от такового же Арсемака фамилии той же.*

***Деревни Мусиной**. 16. Неимеющий чина князь Айдемир Мусин Турлов – 18 (детей не имеет); из фамилии Турловой сын князя Мусы, которой произошел от такового же Арсемика фамилии той же.*

***Уважаемые народом оной же деревни**. 17. Магомат Анзоров – 59; его сыновья Анал – 26; его сын Альгуха – 5; Анзор – 17; Осман – 12; Актаха – 5 (Магомаевы); из фамилии Нижилойской сын чеченца Анзора, которой произошел от такового же Салгурбека фамилии той же.*

***Деревни Киовской**. 18. Старшина Ельча Темиров – 25; его сын Инал – 1; брат его Альгуха Темиров – 20; из фамилии Пешхойской сын чеченца Темира, которой произошел от такого же Таштемира фамилии той же.*

***Деревни Старого-юрта**. 19. Князь подпоручик Батыргирей Баматов – 35; его сыновья: Давлеткирей – 10; Керейхан – 6; Салам-Герей – 3; Темирбулат – 2; брат его не имеющий чина Муртазали Баматов – 25; сын его Бамбат – 1; из фамилии Бекичевой сын майора князя Бамата, которой произошел от князя Давлетгирея фамилии той же.*

***Уважаемые народом оной же деревни**. 20. Амир Ураков – 55 лет; его сыновья Эльча Амиров – 35; его сыновья: Ельбуздука – 10; Альгука – 8; Дудурка – 6; Боруха – 3; Хаким Амиров – 30; его сыновья: Умар – 2; Умахан – 1. Из фамилии Зандыкойской сын чеченца Урака, которой произошел от такового же Акая фамилии той же.*

21. Ельмурза Арсимирзаев – 50 лет; его сыновья: Мирза – 30; его сын Альмирза – 3; Бех – 23; Цехо – 16; Шидо – 12; Шипи – 8; Миско – 5 (Эльмурзаевы); из фамилии Чертойской сын чеченца Арсимирзы, которой произошел от такового ж Загуштука фамилии той же.

22. Цупа Тулуев – 60; его сыновья: Цыцы – 35 (сыновья Цыцы: Тыты – 9; Яшурха – 7; Кайсум – 4; Шахгирей – 3); Дзуру Цупаев – 25 (его сыновья: Алчагор – 5; Бекбий – 1); из фамилии Чижнохойской сын чеченца Туму, которой произошел от такового же Паполаша фамилии той же.

23. Хадух Шахтемиров – 35 лет; его сыновья: Хату – 8; Сатов – 6; братья его: Гайтемир – 25; Абакер – 20; из фамилии Алгийской (?) сын прапорщика Шах Темира, которой произошел от чеченца Таштемира фамилии той же.

24. Джигер Исмаилов – 46; его сыновья: Сотов – 14; Ибав – 10; Дудорука – 8; Хадохмута – 2; племянники: Гайтука – 5; Бийтука – 3 (Адигевы); двоюродный Батука Ханбиев – 26; его сын Эльбуздука – 1; Джигер сын Исмаила, которой произошел от Гулай Бамата вышедшего из Ауховского владения из фамилии той же.

25. Абиси Мустапаев – 35; его сыновья: Исахан – 3; Хамзат – 1; Абиси сын Мустафы к которой произошел от Курман-Али, сей от Минкиши, сей от Эльбузду, сей от Балыка, а сей от Тав-Казак из фамилии Кевай предок вышел из крепости С-го Креста на Сулаке.

26. Магамат Бачаев – 42; его братья: Тата – 40; Уста – 35; Магамат сын Бачая произошедшего от Эрбулата из фамилии Акки предок вышел из Ауховского владения.

***Деревни Нового-юрта**. 27. Князь прапорщик Шахгирей Баматов – 40 лет (детей не имеет); из фамилии Бековичей сын майора князя Бамата, которой произошел от князя Давлеткирея фамилии той же.*

28. мулла Урум-Нур Магоматов – 60; его сыновья: подпоручик Касым Уручиев – 25; Абдулла – 12; из фамилии Курумовой произошел от такового же Курума фамилии той же.

***Деревни Брагунской**. 29. Старший князь неимеющий чина Улубий Актолов – 40 (детей не имеет); братья его: Джамбулат Актолов – 35; его сын Чопалов – 1; из фамилии Таймазовой сыновья князя майора Актага, которой произошел от князя Гудалата фамилии той же;*

троюродные братья: 30. Султанбек – 13; Шайтанбек – 11 (Бийсултановы); из фамилии Таймасовой сыновья брагунского князя Байсултана, которой произошел от майора князя Арсланбека фамилии той же.

***Узденья**. 31. Сатабий Темирбулатов – 45; его сыновья: Актуган – 26; Темирбулат – 23 (Сатабиевы); из фамилии Актугановой сын кумыка Темир Булата, которой произошел от такового же Актугана фамилии той же.*

32. Давмбай Алиев – 17; из фамилии Хилди? (неразб.) сын брагунца Алия, которой прошел от такового же Алкардая фамилии той же.

33. Булатука Ибраилов – 50 лет; Шабаз – 12; из фамилии Карсаковой сын брагунца Ирбая которой произошел от такового же Карсака фамилии той же.

34. Исак Уршуков – 80 лет; его сыновья: Бектемир Исаков – 45; сыновья Бектемира: Атай – 25; Чантемир – 22; Темирхан – 18; Шахъ Темир – 10; Гантемир Исаков – 35; из фамилии Тангатепванской сын брагунца Уршука, которой произошел от такового же Шехели фамилии той же.

35. Укай Казаков – 50 лет; его сыновья: Салимурза – 20; Саралип – 14; Саракай – 12 (Укаевы); из фамилии Батаевой сын брагунца, Хазака которой произошел от такового же Ботая фамилии той же.

36. Ислам Темирсултанов – 40 лет; сыновья: Султанкирей – 14; Шабаз – 7; из фамилии Чиритовой (?) сын брагунца Темирсултана, которой произошел от такового же Алисултана фамилии той же.

40. Джумай Тутаров – 40 лет; его сын Кагерман – 10; его брат Уразай-38; его сыновья Татархан -20; Качу 17; Асау- 10; из фамилии Пшатовой сын брагунца Тутара который произошел от такового же Каллали фамилии той же.

43. Токъ Янхотов – 50 лет; Хамбулат – 20; Бейбулат – 15; Дзулум – 13; Иманмурза – 9; из фамилии Гижи сын брагунца Янтака которой произошел от такового же Тоха фамилии той же.

44. Калимат Янтыхов – 30; его сыновья: качалай – 8; Агамирза – 6; Салов – 3; из фамилии Гижи сын брагунца Янтыха, которой произошел от такового же Тоха фамилии той же.

***Деревни Мамакаевой**. 45. Темирсултан Ганлебаев – 50; его сын: Байта – 30; из фамилии Чертойской сын чеченца Гайлебая, которой произошел от такового же Сентури фамилии той же.*

46. сын умершего подпоручика Мамакая – Ханакай Мамакаев – 7 лет; из фамилии Чертойской сын умершего подпоручика Мамакая, которой произошел от чеченца Сонтура фамилии той же.

***Деревни Гуниш. Старшина**. 47. Айсу Гайребеков – 43 года; его сыновья: Хахи – 17; Соит – 6; Хаким – 3; Садулла – 1; из фамилии Аллероской сын чеченца Гайрбека, которой произошел от такового же Мазыгама фамилии той же.*

***Чеченского владения**. **За Сунжею. Старшины**. **Деревни Большого Чечьня**. 1. Ильяс Иналов – 25 лет; сын его Алхас – 1; дядя его Темеруха Соитов – 40; племянник его Юнус – 6; старшина Ильяс родился от Инала, а сей от Ильяса переселившегося в Чечень из деревни Нашаго.*

***Деревни Шалей**. 2. Урка Амар-Аджиев – 36; сын его Байсук – 9; старшина Урка родился от Амар Аджи, а сей от Актуму переселившегося из деревни Нашаг.*

***Деревни Тушки-юрт**. 3. Аду Беатаев – 40; старшина Аду родился от Беатая, а сей от Тушика переселившегося из деревни Нашаг.*

***Деревни Хамбулат-юрт**. 4. Кади Хамбулатов – 35; сыновья его: Ази – 5; Узаби – 4; Улубий – 3; Элибий – 2; старшина Кади родился от Хамбулата, а сей от Казигая, а сей от Хажихана, живущих сначала в сей деревне.*

***Деревни Чертугаевской**. 5. Саит Калиматов – 26; Старшина Саит родился от Калимата, а сей от Гельмата, а сей от Габу, а сей от Мусы переселившегося из деревни Нашаг.*

***Деревни Алды**. 6. Тагир Гаргиреев – 40; сыновья его: Гайтука – 17; Махмут – 15; Таусултан – 13; Гаплан – 9; Исламгерей – 4; Эльмурза – 2; Старшина Тагир родился от Гаргирея, а сей от Джабая, а сей от Магомута, а сей от Чирика переселившегося из деревни Нашаг.*

***Мамука-юрт**. 7. Мамука Читаев – 50; сын его: Базарка – 30; внук: Сар Али – 3; Старшина Мамука родился от Читая, а сей от Тунжехана, а сей от Таабура, а сей от Магаза переселившегося из деревни Виденъ.*

***Деревни Кулеевой**. 8. Мулла Мутух Даутов – 40; его сын Ислам – 17; братья его: Мусост – 50; Исмаил – 45; племянники его: Шабаз – 17; Гаплан – 8; Сууму – 6; Умар – 5; Мулла Мутух родился от Даута, а сей от Чопана, а сей от Чопалова, а сей от Ады, а сей от Али переселившегося из деревни Большого Чечьня.*

***Старшины**. 9. Дзага Кулиев – 35; брат его: Сай Кулиев – 25; старшина Дзага родился от Кулия, а сей от Амая, а сей от Даута переселившегося из деревни Гуной.*

***Деревни Шатай-юрта**. 10. Чож Шатаев – 35; братья его: Кужи – 30; Шабаз – 25 (Шатаевы); старшина Чож родился от Шарипа, а сей от Айды, а сей от Абекера переселившегося из деревни Чершной.*

***Деревни Амерхан кичу**. 11. Косур Алиев – 40; сыновья его: Тепсурка – 10; Тепса – 6; Шуаип – 4; Старшина Косур родился от Алия, а сей от Темербулата, а сей от Туры переселившегося от деревни Беной.*

О хищнических действиях Черкес и Чеченцев в наших пределах

Газета «Кавказ» №26, 1857 год. Кому из служащих и живущих на Кавказе не приходилось слышать, что такой-то из знакомых, проезжавший по Тереку, убит, а такой-то захвачен в плен; что на третьего, ехавшего по Кубани, сделали нападение несколько хищников и он избавился от смерти или плена только тем, что успел ускакать, а четвертый, хладнокровно защищаясь и будучи ранен, спасен казаками, прискакавшими с ближайшего поста или станицы? Вероятно, не раз случалось слышать тому, кто проживал некоторое время в станицах, расположенных по Кубани или Тереку, ночные ружейные залпы на кордоне, а за тем сигнальные пушечные выстрелы и тревожный колокольный звон в станице, сзывающий казаков по случаю открытия и появления хищников в наших пределах. Случалось, также слышать, что такие хищничества со стороны Кубани производятся Черкесами, а со стороны Терека чеченцами; но может быть не каждому известно, где эти хищники живут и как они производят хищничества в наших пределах? Это-то я и намерен порассказать.

Все обитающее в треугольном пространстве, заключающемся между главным кавказским хребтом, Кубанью и Лабою, за исключением нескольких небольших обществ происхождения Абазинского, принадлежит к черкесскому племени или Адыге, разделяющемуся на несколько мелких обществ, известных нам под разными названиями. Так Абадзех, Шапсуг, Натухаец, Бжедух, Черченей, Темиргой, Егерукай, Махош, Бесленей, составляют ни что иное, как части Черкесского племени. Таким же образом, все живущее на пространстве между главным Кавказским, Андийским и Качкалыковским хребтами принадлежит к чеченскому племени, также разделяющемуся на несколько небольших обществ, носящих разные наименования. Следовательно, как житель Большой и Малой Чечни, так Ауховец, Ичкеринец, Чабирлоец, Шатоец, Шубутовец, Акинец, Цоринец, Карабулак, Галашец и Галгаец одного происхождения – чеченского.

Было время, что оба эти племени жили богатыми и многолюдными аулами, что не только большие стада и многолюдными аулами, что не тольео большие стада рогатого скота и баранов, но и табуны лошадей паслись на их тучных и обильных травой полях, орошаемых частыми реками и речками. Было время, когда тысячи всадников, на прекрасных лошадях, у которых дорогое оружие блестело золотом и серебром, в особенности же из черкесского племени, между которыми были кольчужники и панцырники, пускались за Кубань и Терек за добычей и пленными. Еще не так давно, когда они появлялись партиями в тысячу и более конных, на Черноморской кордонной линии, между Кубанью и Ставрополем, а также на левой стороне Терека. Так еще в сороковых годах настоящего столетия, Черкесы нападали: на Васюринскую, Темнолесскую, Бекешовскую и Сенгилеевскую станицы; а Чеченцы кроме нападения на Моздок, сделанного в 1840 году под предводительством Ахверды-Магомы, грабили: Николаевскую слободку, селение Парбачево и Акбулат-юрт (аул находившийся по правую сторону Терека, напротив станицы Гребенского полка Шелкозаводской). В настоящее же время Черкесы и Чеченцы, о таких своих вторжениях могут разве только вспоминать и мечтать, и разве только изредка появляться партиями в несколько сотен конных, у станиц и укреплений, расположенных на Сунже и Лабе, или выглядывать на Кумыкскую плоскость из-за Качкалыковского хребта. За Кубань же и Терек они могут пускаться только на хищнические и воровские дела, на которые они такие мастера.

Настоящие хищнические предприятия совершаются или пешими партиями, состоящими из 5—10 человек, или конными от 20—30 всадников. – Первые, пробравшись в наши пределы не замеченные кордоном и скрываясь по несколько дней в лесах, растущих по Кубани и Тереку, выжидают удобного случая, чтобы захватить несколько штук скота, или пленить жителя и про-

езжающего. Конные же партии прокрадываются в наши пределы для совершения хищничеств в нескольких десятках и даже сотне верст от кордона, как например в Ногайских степях. Пешие партии преимущественно появляются за Кубанью и Тереком, начиная с апреля по сентябрь. Конные же партии прокрадываются туда большею частью в сентябре, октябре и даже декабре месяцах, когда вода в этих реках не так высока, а ночи бывают длинные и темные. Но из этого не следует заключать, чтобы хищники не являлись уже в наших пределах в другое время; они являются, но только сравнительно не так часто. Только то время года, когда на Кубани и Тереке начинает идти шереж и лед, или когда эти реки и замерзнут, но не крепко, считается совершенно безопасным и обеспеченным от хищнических нападений. Но за то после сильных морозов, когда Кубань и Терек замерзают столь крепко, что делается сообщение по льду безопасным по всем направлениям, число хищнических партий значительно увеличивается. (Замерзание Терека и Кубани, до той степени, чтобы можно было ездить по льду, случается весьма редко. 1-го января 1847 года значительная конная партия, сделавшая нападение на селение Парбачево, прошла Терек по льду. Значительная конная партия Закубанцев, сделавшая в 1842 году нападение на ст. Васюринскую, тоже прошла Кубань по льду).

Каждое хищническое предприятие, в особенности предполагаемое на дальнее расстояние, как например в Ногайские степи, состоит: из мер приготовительных, перехода чрез Кордонную линию, действий в наших пределах и в обратном проходе чрез кордон. Приготовительные меры состоят:

В приведении лошадей в состояние производить дальние и быстрые движения . Для этого Черкесы своих лошадей сутки или другие перед набегом не поят и не кормят. Чеченцы же, напротив, за несколько дней до предпринимаемого ими набега кормят своих лошадей просом, отчего они делаются также поджарыми, как и в том случае если их вовсе не кормить, а при том не теряют крепости и силы к совершению дальних и быстрых движений.

В приготовлении бурдюков или тулуков. Употребляемые черкесами и чеченцами бурдюки суть преимущественно бараньи и козьи, отличающиеся от прочих бурдюков вообще тем, что шерстью обращаются внутрь и снаружи осмаливаются или обмазываются жиром или другим веществом, не пропускающим воды; сверх того имеют два отверстия: одно для надувания, другое для вкладывания одежды, оружия, чуреков и другой пищи. Конные Черкесы и Чеченцы, отправляющиеся на хищничество, берут с собою по два бурдюка4 пешие же чеченцы имеют всегда по одному; Черкесы же имеют таковых и по одному и по два. Употребление бурдюков у конных Черкес и Чеченцев одинаковое. Уложив в них исподнее платье, чуреки и другую пищу, чрез особо-назначенные для этого отверстия, которые накрепко завязав и надув таковые чрез другие узкие отверстия, привязывают их под передние лопатки своих лошадей. Когда это будет исполнено, то хищники, в полном вооружении, имея ружья на изготовке в правой руке, а боевые патроны заткнутые вокруг папах, надетых на головы, садятся на своих коней и начинают переправу один за другим, не отставая. Пешие Черкесы и Чеченцы, имеющие по одному бурдюку, переплывают Терек и Кубань, привязывая таковые к спинам своим. В бурдюке пешего хищника хранится не только вся одежда, но кинжал, пистолет и патроны; ружье входит в бурдюк только по замок, ствол же остается наруже. Но дабы вода не могла попасть в ствол, то дуло затыкнется и сверх того туго обвязывается. Те же из пеших Черкес, которые имеют по два бурдюка, переплывают Кубань подвязывая таковые у пояса по бокам или под мышки. У таких черкесских хищников ружей не имеется, а оружие состоит только из одного или двух пистолетов и кинжала, находящихся в бурдюках, а также шашки, надетой через плечо.

В заготовлении боевых патронов, в которых черкесы и чеченцы, собирающиеся на хищничество, имеют постоянный недостаток, а потому озабочиваются заготовлением таковых по возможности более.

В выборе вожаков. Партии как пешие, так и конные, собравшиеся на хищничество, совещаются, где иметь переправу чрез Кубань или Терек и куда направиться потом. Для этого

прежде всего избираются так называемые вожаки, которые не только обязываются провести партию скрытно чрез нашу кордонную линию, но и быть путеводителями в пределах наших. Эти люди преимущественно суть наши беглые, или абреки тех мест, куда предполагается произвести набег, как хорошо знающие местность и язык. Вожак должен быть впереди, как во время переправы через Кубань или Терек, так и при проходе через наш кордон; а потому, в случае открытия хищников, он первый поражается пулей или шашкой казака. По выходе на берег вожак обязан удостовериться: нет ли где по близости от переправы секрета, заложенного кордонным начальством, вследствие полученного кордонным начальством, вследствие полученного известия о месте переправы хищников, для чего и употребляет разные хитрости. Так, например, покрикивает голосами разных лесных птиц или зверей; бросает вперед, вправо и влево камешки или небольшие комья грязи, и обращаясь в слух, прислушивается не пошевельнется ли или не заговорит ли где-нибудь по близости человек. По этим причинам вожакам дается из добычи больший и лучший пай.

Газета «Кавказ» №27, 1857 год. (Окончание). Партия почти никогда не приступает к переправе тотчас по своем прибытии на Терек или Кубань, но предварительно засевши в скрытных местах, осматривает берега реки и наблюдает за действиями кордонной стражи. Наблюдения эти преимущественно заключаются в высматривании, где крадутся секреты и когда посылаются разъезды, на что употребляется иногда по нескольку суток, в особенности в тех местах, где имеется лес или балки, поросшие кустарником, в которых хищники могут незаметно укрываться.

Переправа партии через Терек или Кубань и проход незамеченным мимо секретов есть дело самое трудное и опасное. Здесь-то и выражается вполне ловкость, смелость и предприимчивость в особенности чеченцев, более искусных в этом, нежели черкес. – С какой тишиной должно все это совершаться! Малейший плеск воды, фырканье лошадей, в особенности при изменении направления, – лишний секрет, выставленный на берегу, не только уничтожают замысел хищников, но им наносится поражение: одни тонут в реке, другие погибают от пуль и шашек казаков. Вот пример поражения, нанесенного еще в 1834 года на Кубани, хищнической партии, состоявшей из 28 человек пеших Закубанцев, намеревавшихся пробраться на воровство в наши пределы, между станицами Невинномыскою и Барсуковскою.

Это было в апреле месяце; ночь была темная и мрачная от нависших туч и только по временам освещалась блеском молнии. Дождь падал редкими, но большими каплями. Не смотря на ненастье, донские казаки Жировского полка, занимавшие кордон по Кубани, бодрствовали; удвоенные секреты до того были на стороже, что даже ружья имели на изготовке. Эти меры предосторожности были основаны на положительных сведениях лазутчиков, которые определили не только время, но и место переправы хищников. Было за полночь, когда черкесы начали переправу против того места, где находился наш главный секрет, состоящий из 16 казаков, и где Кубань делает изгиб. Как, по быстрому течению и по причине крутых берегов реки, выход хищников на наш берег не мог иначе быть произведен, как несколькими саженями ниже, а потому там находился другой залог, состоящий из 10 казаков. Уже большая половина партии была у нашего берега, когда молния осветила не только хищников, но и ружья наших казаков. Раздались одновременно два враждебных взаимных залпа, а вслед за тем крики ура нижнего залога, бросившегося в Кубань. Передние хищники, поражаемые шашками и кинжалами наших казаков, бросившихся в реку, а задние пулями, все погибли, за исключением 4 успевших возвратиться назад. Но с нашей стороны обошлось не без потери: два казака было убито и три ранено.

Для переправы через Кубань или Терек хищники избирают обыкновенно самые ненастные и бурливые ночи, когда свист ветра и шум волн заглушают все их действия. Переправа совершена успешно; они прошли незамеченные секретами. Нет никаких следов о их переправе; дождь залил их сакму, или путь следования. Если бы не дождь, то бдительный разъезд, посылаемый с каждого поста на рассвете, без сомнения открыл бы *сакму*, и по сделавшейся тре-

воге, посланные в погоню казаки, вероятно, настигли бы хищников до совершения злодеяния. Но теперь они, будучи никем не замечены – если пешие, то засевши где-нибудь в лесу и балке, находящейся по близости от дороги, выжидают кого-нибудь из проезжающих; если же конные, то или пробравшись в Темный Лес (находится между Кубанью и Ставрополем, в верстах 12—15 от первой и почти в таком же расстоянии от последнего. Этот лес имеет в длину до 10-ти, а в ширину до трех верст. Ближайшие от него станицы Темнолесская, Татарская, Барсуковская и Сенгилеевская), высматривают оттуда добычу в обширных станицах, или пускаются в обширные ногайские степи. Встречающихся им людей убивают, или захватывают в плен; режут баранов для шашлыка; берут лошадей, на которых сажают пленников и нагружают захваченную добычу.

На Линии все спокойно, а между тем хищники уже несколько суток бродят по степям в наших пределах. Но вот они открыты, кордон извещен жителями. Общая тревога. Секреты по линии удвоены; партии казаков посланы за ними. Уже хищники начинают бросать своих заводных лошадей, которых они захватили в разных местах, лишнюю добычу и даже пленных. Уже некоторые из них падают мертвые, сраженные меткими выстрелами казаков, их преследующих. Уже спереди виднеется пыль скачущих на перерез им резервов. Кажется, гибель и остальных хищников неизбежна. Но вот уже смеркается, а вот в полуверсте Кордонный лес (лес, растущий по Кубани по Кубани и Тереку, казаки называют кордонным, потому что он прилегает к кордону, проходящему по этим рекам. Этот лес в некоторых местах по Тереку и Кубани раскидывается довольно широкою полосой, в особенности же между станицами Щедринскою и Шелкозаводскою, где ширина его достигает верст до трех, и притом необыкновенно густ и част. Кордонный лес, как и всякий другой, находящийся на казачьей земле, называется и войсковым, как составляющий собственность войска). Хотя бы скачущие резервы успели предупредить хищников перед лесом, но нет, они еще далеко. Стемнело; хищники в лесу. Не смотря на удвоенное число секретов и все возможные меры к пресечению им обратного пути, остатки партии пробираются по одиночке пешие по лесу и прокрадываются через кордон.

Но вот хищнические партия, пробравшаяся в наши пределы, открыта по сакме и следится казаками; она настигается ими вовремя и, после отчаянного сопротивления, совершенно истребляется. Такие случаи также нередки. Так была истреблена партия в 12 человек в 1847 году возле Грушевского поста, что между станицами Ново-Марьевской и Сенгилеевской (Ново-Марьевская и Сенгилеевская станицы находятся от г. Ставрополя в 17—18 верстах). Таким же образом были истреблены партии: в мае месяце 1851 года близ станицы Шелкозаводской, состоявшая из 11 человек, а в апреле месяце 1853 года в окрестностях города Кизляра, состоящая из 6-ти хищников.

Оканчивая этим обзор хищнических действий черкес и чеченцев в наших пределах, не могу не сказать, что чем более вникаем во все подробности, способствующие хищникам совершать их предприятия, тем сильнее убеждаешься в не невозможности совершенно прекратить им переход за Кубань и Терек, как бы деятельно ни отправлялась кордонная служба казаками. Кроме ловкости и смелости черкес и чеченцев, разных хитростей, употребляемых ими при переправах и других описанных мною обстоятельств, самая местность, по которой протекают Кубань и Терек, способствуют им в этом. Берега обеих рек, в особенности последней, поросшие лесом и камышом, не только дозволяют хищникам скрытно подходить к месту переправ, но и совершивши таковые, по несколько дней скрываться в чащах, в ожидании добычи. Нужно видеть густоту и непроходимость леса, растущего между Амир-Аджи-Юртом и Каргалинской, а также камышовые заросли возле Кизляра и ниже этого города, чтобы не удивляться, что в них не только могут скрываться по несколько дней хищники, пробравшиеся за Терек незамеченные кордоном, но даже могут находить спасение партии, открытые и следимые нашими казаками, как например это случилось с партией, пробравшиеся в Ногайские степи в октябре 1851 года.

Еще раз повторю, нет деятельности и силы совершенно прекратить хищничества мелких партий в наших пределах. Не умолчу также и о том, что иногда прорывы происходят от ненадлежащей бдительности кордонной стражи, но могу также в защиту этой тяжелой службы утвердительно сказать, что такие случаи бывают редки. Казак, стоящий на посту или высланный в секрет, сам хорошо понимает, что он должен быть бдителен, потому что через его же беспечность его жена, сын или дочь могут сделаться пленниками, или что через его же оплошность он должен лишиться последнего быка, коровы или лошади.

Завтрак в Рошне, 9-го октября 1858 года

Газета «Кавказ». Кавказская летопись. Для всех, незнакомых с местностью Кавказа, прежде всего надо сказать, что такое Рошня, а потом скажу, по какому случаю был там завтрак. Рошня, маленький уколок земли Малой Чечни, замыкаемый вытекающими из гор речками Мартанкою и Рошнею. Местность эта с юга живописно обрамливается лесом, черными горами и ущельями, за которыми виднеются вершины вечно снегового хребта. С севера видна Сунженская плоскость до кр. Грозной, а с востока вся Большая Чечня. В 3-х верстах к востоку от Рошни стоит упраздненное укрепление Урусмартан и тут же раскинутый в разных направлениях чеченский аул тогоже имени. По предварительному распоряжению командующего войсками Левого Крыла, г. генерал-лейтенанта Евдокимова, здесь в Рошне назначена была перепряжка лошадей Путешествующих по Кавказу их императорских высочеств великих князей Николая и Михаила Николаевичей, и по этому случаю поручено было его превосходительством начальнику Чеченского округа, полковнику Белику, устроить в Рошне станцию и приготовить завтрак. 19-го сентября прибыли в Рошню две Кавказские линейные роты и рота Виленского полка, впоследствии смененные сотнею Сунженских казаков. Войска эти заняты были очисткою места под станцию, на котором мастеровые построили павильон длиною 13, а шириною 3 саженя, обнесенный кругом легкою изгородью из очищенного хвороста. Против павильона устроена была триумфальная арка, фронтом к дороге, ведущей из кр. Воздвиженской, откуда ожидался приезд в Рошню Их Высочеств. Арка с фронта украшалась золотыми вензелями Их Высочеств, осененными Российским двуглавым орлом, увенчанный Императорскою короною, а сзади арки прибита надпись золотыми буквами: «Рошня, 7-го октября 1858 года», – день приезда сюда Их Высочеств. На верху арки развевались 4 значка, отбитые чеченскою милициею у Горцев. Сзади павильона, построенного в 2-х саженных, от водопроводной канавы, в которую с шумом извивался горный источник, устроена была русская кухня с буфетом; туда ходили по трем мостикам, перекинутым чрез канаву. Павильон разделялся на приемную комнату и столовую, в которой стояли три большие стола, убранные столовым сервизом. Степы и потолок павильона были обиты белою бязью, а вся драпировка по стенам, потолку и дверям из алого кумача; в приемной комнате, на стене обращенной к югу были два окна, сшитые из кисеи, в которые отсвечивался живописным ландшафтом вид гор, лесов и стоявший за изгородью лагерь наших войск. В комнате этой стоил стол, покрытый цветною скатертью, а от него с обеих сторон тянулись оттоманы покрытые персидскими коврами; пол комнаты и столовой высыпан коврами; под комнаты и столовой персидскими коврами; под комнаты и столовой высыпан истолченным красным кирпичом и устлан коврами. Перед комнатою крыльцо, драпированное бязью и кумачом. Здесь стояли на часах 2 Сунженские казаки, украшенный знаками отличия военного ордена, и отсюда шла широкая дорога, усыпанная красны кирпичом к самой арке, у которой также стояли 2 кавалера из Сунженцев. В цирке, окружающем павильон, насажена была аллея из разных дерев. Устройство это продолжалось с 19-го сентября по 7-е октября. В этот день в Рошню ожидали приезда Их Высочеств. В 10-ть часов утра 7-го октября в Рошне все представляло наступление праздника. Войска, прибывшие сюда на кануне для конвоя Их Высочеств, встроились колоннами по левую сторону дороги от въезда, а по правую сторону дороги от въезда, а по правую сторону стояли члены Чеченского суда; кадий, депутаты и переводчики; за ними офицеры из Чеченцев, наибы, старшины аулов, муллы и недавно покорившиеся жители Малой Чечни. Перед тем начальник Чеченского округа подполковник Белик с 2-мя сотнями чеченской милиции выехал на встречу Их Высочеств к Мартанской переправе, оттуда и сопровождал Их к устроенной станции. В половине 11-го часа Их Высочества подъехали к войскам – и восторженное троекратное ура! Как радостная весть огласило равнину Рошни и отозвалось эхом в отдаленных ущельях неприступных гор! За тем Великие

Князья вышли из экипажей и подошли к чеченскому народу, от которого понесены были хлеб-соль; Они благосклонно приняли первую дань народа и благодарила его. Потом Их Высочествам представлялись почетные люди из покорившихся горцев Малой Чечни. Они изъявили свою благодарность за оставление их на жительстве на родных их землях и обещались спокойно жить и верно служить под державою Русского Государя и просили при этом Великих Князей это изъявление благодарности и общение передать Государю Императору. Его Высочество Великий Князь Николай Николаевич изволил отвечал на это предложение народа, что Ему приятию будет представить Государю Императору это благоразумное чувство покорного народ, присовокупив при том, что от народа этого требуется одно доброе поведение и повиновение начальству и что если народ будет изменять этому правилу, то он будет всегда опасаться строгого наказания. Народ понял слово Великого Князя и повторил общение быть неизменным в своей преданность Государю. Вслед за тем Их Высочества пошли под арку по красной дороге и вышли в павильон, сопровождаемые своею свитою, генералом Евдокимовым и полковником Беликом; а весь чеченский народ разместился в цирке, против павильона. Неожиданность встретить в поле, на необитаемой земле вид дачи с удобным помещением и вкусными европейскими блюдам из диких коз, оленей, фазанов и красной рыбы, по видимому всех изумляла, а тем более, что, по предложения пряжку лошадей и завтрак в чеченской сакле из чеченских блюд. Вошедши в это временно —устроенное помещение, Великие Князья весьма довольны и осматривали все с любопытством и самым любезным вниманием и благодарили полковника Белака. За тем Их Высочества приказали подавать завтрак и сели перед середин столом рядом на двух креслах, обитых малиновым атласом и стоявших на большом персидском ковре. В этом месте, над столом фон потолка обтянут был широким флагом из алого кумача, опускались с обеих сторон гардинами над дверьми, так что сидя против восточной двери, Их Высочества видели в цирке ликовавший в присутствии Их, покорный чеченский народ. За столом Их Высочеств сидели: по правую руку генерал-адъютант князь Орбелиани, а по левую генерал Евдокимов, против них рядом 4 генерала из Свиты-Их Высочеств. За двумя другими столами завтраками 20 особ, сопровождавших Их Высочества и путешествии. В промежутке подававшихся блюд шел веселый, тихий разговор и видно было, что все гости были довольны. В это время полковник Белик, испрося соизволение Их Высочества, первый провозгласил тост за здоровье Их Императорских Высочеств от всего покорного чеченского народа и Великие Князья, вместе со всеми присутствовавшими, приподнявшись с кресел, приветствованы были торжественным ура! В ту же минуту Их Высочества с бокалами в руках изволили выйти из-за стола к народу и пили за благоденствие его, оглушаемые продолжительным ура, которое кричали Чеченцы. Между тем, у павильона в двух кружках казаки 2-го Сунженского полка пели кавказские боевые песни, из которых песня про героя Слепцова и повторялась несколько раз. Возвратясь к столу, Их Высочества Изволили откушать еще поданные блюда и наградивши золотом песенников и прислугу, остались весьма довольны приемом и сев в экипажи, отправились благополучно, в сопровождении блестящего в праздничных мундирах конвоя, по дороге в ст. Слепцовскую. Полковник Белик с чеченскою милициею провожал Их Высочества до границы вверенного ему округа, аула Ачхоя, на расстоянии 20 верст от Рошни, и во всю эту дорогу получал изъявление благодарности Их Высочеств за отличный прием В Рошне. И так пустынная Рошня удостоилась почти 2-х часового пребывания дорогих Высоких Гостей и оставила для всех участвовавших в приеме Их самое приятнейшее воспоминание навсегда. 10-октября 1853 г. Подпись: **П. К.**

Поездка в Ичкерию. И. Огранович

«Кавказ» №20, 1866 год.

Стр. 87 …Неожиданное поручение, возложенное на меня начальством, доставило мне случай совершить поездку в Ичкерию. Из Владикавказа почтовый путь пролегает через кр. Грозную в г. Петровск и Темир-Хан-Шуру, но из Грозной в Ичкерию пока еще нет почтового сообщения. И так, в начале августа прибыв в кр. Грозную, я хотя и имел все средства для свободного переезда в укр. Ведень, как-то подорожную и открытые листы на конвой и подводы, но для этого нужно было ехать или верхом или же на арбе, а 50 слишком верст не очень приятно путешествовать в допотопном скрипучем ящике, т. е. арбе на двух колесах. В беде моей мне помог потомок Израиля, содержатель гостиницы в Грозной, и за ничтожное вознаграждение нанял мне солдатика с пароконной тележкой за 8 руб. до Ведени, что и составило как раз прогоны; с ним то я пустился по неизвестной мне дороге в путь, взяв на всякий случай двух конвойных из милиционеров постоянной Терской милиции, которые занимают посты по всей дороге до укр. Ведень. Из кр. Грозной дорога идет прямо на Юго-Восток по равнине, 12 верст, где у небольшого укр. Бердыкель переезжают по деревянному мосту с 14 пролетами р. Аргун. На другой стороне моста устроена деревянная башня в два яруса с одним орудием и здесь содержится постоянный караул. Мост построен на сваях длиною до ста сажень. Аргун здесь проходит 3-мя рукавами, в полноводие же разливается во всю ширину моста. Обыкновенных проезжих без конвоя не пускают, но это только ночью. Возница мой оказался старый служака на Кавказе и видевший виды, а потому не утерпел, чтобы не пуститься в рассказы. «Вот, ваше благородие, еще и пяти лет не прошло, как по этой т. е. самой дороге ходили всегда оказии и большие; а от укрепления и на выстрел бывало не смей отойти; а вот теперь мы трясемся на парочке и мало горя! Да хотя бы и тут (указывая на право на гору, на вершине коей и теперь еще остался не большой лесок) прежде был лес густой и высокий, и чего в нем не было! Оленей, кабанов… и дикие козы зачастую попадались; а теперь почитай и следа их нет; одних перестреляли, а многие и поуходили. А фазаны! Как куры ходили».

И точно, по обе стороны дороги широко прошел русский топор и превратил лес в богатые поляны. Спустя еще верст 10, дорога проходит через аул Герменчик, жители которого разводят в значительном количестве кукурузу; далее дорога идет редким кустарником и леском до самого укр. Эрсеной, которое от Грозной находится в 34 верстах: здесь мы сделали небольшой привал, ибо до укр. Ведень оставалось еще 22 версты и дорога дурная.

Укр. Эрсеной расположено перед входом в большое Хулхулауское ущелье, обнесено земляным рвом; по углам стоят орудия и ходят часовые; в середине несколько мазанок, да бунты с хлебом стоят, как скирды сена, покрытые рогожами. За валом же построены два кабачка, неразлучные спутники служивых, где продается денно и ночно веселящее сердце пенное, и, по всей всей вероятности, разведенное в достаточном количестве водицей. Во время моего проезда в Эрсеное кипела работа: куринцы строят новое каменное укр. С башнями на восточном и северном углах; каждая башня на пять орудий, кругом стена с бойницами, внутри казарма на одну роту. Постройка укрепления очень быстро подвигается вперед под надзором самоучки инженера, (бывшего офицера куринского же полка). Мы тронулись далее. Чем дальше, дорога делалась все труднее, и на 10 версте спускается к речке у небольшого поста Арджи-Ах, откуда начинается собственно ичкеринский округ. Ущелье Хулхулауское очень глубокое и покрыто по обе стороны строевым лесом; от речки же направо и налево на полверсты по всему ущелью прорублена просека, и до сих пор громадные деревья кое-где лежат, пока не сгниют совсем. Скоро начали встречаться отдельные лагери: куринского, навагинского и кутаисского батальонов, которые прокладывают новую дорогу или, лучше сказать, чинят и расширяют старую. Дорого стоит эта дорога: сколько трудов и денег! Препятствие представ-

ляет грунт земли очень рыхлый, глинистый, а частые проливные дожди в несколько часов уничтожают полугодовую работу. Бывали случаи, что совсем прекращалось на время колесное сообщение Грозной с Ведено. Мы ехали по руслу речки, пробираясь меж камней шагом до самого подъема на возвышенное плато или Веденскую равнину. В 4 часа я был уже на форштате, где уехавший вперед меня, состоявший при мне топограф, нанял довольно чистенькую квартиру. Укр. Ведень (штаб-квартира 79 куринского Его Императорского Высочества Великого Князя Павла Александровича полка) основано в начале 1859 года по взятии старого Ведено 1-го апреля того же года, расположено на ровном возвышенном плато до 10 квадр. Верст, на левой стороне одного из главных притоков, составляющих р. Хулхулау, и обнесено земляным рвом с невысоким валом; южная часть укр. Составляют собственно крепость, где уже проектирована постройка новой крепости с башнями и каменной стеной. Внутри же будут каменные казармы, провиантский магазин, лазареты и церковь. Форштадт разделен одной продольной улицей и несколькими поперечными, в одной из поперечных улиц построено красивое каменное здание – магкаме или народный суд, где также помещается ичкеринское военно-окружное управление. Командир полка есть в тоже время и окружной начальник.

В другой улице построено обширное здание, занимаемое офицерским клубом, с библиотекой, в подле полковая деревянная церковь и при ней небольшой недавно разведенный сад, в котором по вечерам играет полковая музыка. Благодаря содействию окружного начальника, я скоро приготовился к начатию полевых работ и немедленно выехал в горы, совместно с помощником начальника округа.

После покорения Восточного Кавказа в 1859 году, Ичкерия, призванная под управление русского правительства, поступила вместе с Андиею, Технуцалом и Гумбетом в состав вновь образованного тогда Ичкеринского округа. В 1861 году с отделением последних трех участков к Дагестану, (в состав Андийского округа) в Ичкерии было учреждено особое управление, подчиненное управляющему (на правах начальника округа), а с 1-го сентября 1862 года, образовано окружное управление на общих для всех округов области основаниях. Таким образом вновь образовался ичкеринский округ, в состав которого вошла только собственно Ичкерия.

Ичкерию называется часть гористого пространства Терской области между округами: с С. Чеченским, с С. В. Нагорным, с Ю. Андийским, с Ю. З. и З. Аргунским. Естественные границы Ичкерии составляют: с С. Плоскость Чечни (с С. Считается границею хребет Мяих Басса, идущий перпендикулярно к Хулхулаускому ущелью), с В. р. Аксай и часть Андийского хребта, с Ю. Андийский хребет, с З. хребет гор, составляющий левую сторону Басовского ущелья, и гора Пешхой-лам, подходящая к Шаро-Аргуну. Пространство Ичкерии не определено, но приблизительно можно полагать до 1000 кв. вер.

Вся Ичкерия покрыта горами (Черные горы) довольно значительной высоты, с крутыми балками, а горы покрыты сплошными, часто непроходимыми лесами. С юга на север ее прорезывают следующие реки: Басс, Хулхулау, Гудермес и Аксай, – последний составляет уже границу с Нагорным округом. Между притоками, как более значительный, следует назвать правый приток Хулхулау – Арджи-Ахк. Все реки проходят по глубоким и тесным, более или менее, ущельям, – ложе их каменистое, течение быстрое. При незначительности глубины здешних рек, переправы через них производятся обыкновенно в брод, за исключением дождливого времени весною и летом, когда при внезапной прибыли в огромных массах воды, переправы становятся затруднительными, или совершенно прекращаются на некоторое время, вообще непродолжительное.

За исключением колесных дорог, разработанных войсками на сообщениях между укреплениями: Ведень и Эрсеной по Хулхулаускому ущелью, (которая, как я сказал выше, часто портится); между Ведень и Форельным (упразд.) по Хорочоевскому ущелью, (которая теперь совершенно испорчена и обрушилась, особенно в ущелье) и от упраздненного укр. Хаби-Шавдон до возвышенности Кеттиш-Корта (между рр. Гудермесом и Аксаем) через аул Ялхой-Махк

(последняя дорога тоже долгое время не поддерживалась, а потому неисправна), в Ичкерии существуют только вьючные дороги, между аулами. Обыкновенный вид сообщения по ним верховая езда. Тяжести и сено с гор перевозятся на санях, запряженных быками; кое-где проходят и арбы; лес вывозят тоже быками, прикрепив к брусу один конец веревки, а к ярму другой, и таким образом бревно, а иногда и два волокутся по земле (солдаты же кладут один конец бревна на передний стан колес, а другой конец волочется по земле). Кладь, в таких случаях, конечно, бывает небольшая (до 6 пуд на пару быков). Кроме того, проложены военные дороги по просекам: а) по Хулхулаускому ущелью; б) по Бассовскому ущелью, и на сообщении от этого ущелья до укр. Ведень; в) от аула Автуры (чеченского округа) до аула Гуни (ичкеринского округа); г) от упразд. укр. Хаби-Шавдон до возвышенности Кеттиш-Корта; и д) от укр. Ведень к аулу Белгатой, до переправы через р. Аксай у аула Беной; но все они теперь значительно попортились.

Жителей в Ичкерии считается до 12 тысяч душ обоего пола, – они распределяются на 37 неравномерно населенных аулов. Все жители, без исключения, занимаются хлебопашеством. Чувствителен недостаток пахатной земли, заставляющий жителей прибегать к вырубке лесов для очищения мест под посевы. Первое время они сеют хлеб следующим образом: вырубив лес, выжигают траву и потом где сохой, а где просто острой палкой делают углубление в земле и кладут туда зерна. Можно судить по этому, какого труда стоит хлебопашество и на сколько вознаграждается труд; еще надо присовокупить, что лучшее хлебопахотное место у хорочоевцев и дешниведенцев поступило в казну, под укр., на пушечный выстрел от него во все стороны. Недостаток места есть главная причина ограниченности размеров, в которых производятся посевы. Но, не смотря на это, с развитием в последнее время в жителях охоты к земледелию, посевы эти не только составляют обеспечение годового продовольствия, но представляют даже некоторые остатки, для продажи в соседние безхлебные места Дагестана. При географическом положении Ичкерии относительно Андийского округа, постоянно нуждающегося в хлебе, чувствуется потребность развития в ней хлебопашества еще в более широких размерах; но при тех обстоятельствах, когда для засева лишней десятины земли нужно сперва очистить ее от растущего на ней векового леса, Чечня надолго еще удержит за собою продовольствие Дагестана. Это равно неудобно и для ичкеринцев, и для андийцев.

Чтобы показать, в каких размерах ичкеринцы могли бы вести торговлю хлебом, достаточно сказать, что за 1863 и 1864 годы провезено в Дагестан хлеба, по одному только Хулхулаусскому ущелью, до 12 тысяч вьюков. Это, впрочем, значительно меньше того, что обыкновенно провозится, так как дорога по Хулхулаускому ущелью стала реже избираться андийцами для прохода в Чечню по случаю поземельных споров с хорочоевцами.

В Ичкерии сеются: кукуруза (преимущественно), пшеница, ячмень, проса очень мало и лен; последний – только для масла, стебель же бросается, ибо горцы еще не знают до сих пор выделки холста из льна.

Грунт земли здесь большею частью глинистый, но при благоприятных обстоятельствах, жатва бывает совершенно удовлетворительная; замечено, что лучший урожай бывает в местах, защищенных от севера. Почти ежедневные дожди, идущие с 15 апреля по 1 августа, имеют значительное влияние на свойства жатвы: чем меньше дождей весною и летом, тем жатва богаче, и наоборот.

Как велика земледельческая производительность и как велико в округе количество удобной пахотной земли, пока еще неопределенно, – количество же получаемого хлеба, как сказано выше, совершенно, даже с избытком, достаточно для удовлетворения собственных потребностей жителей, но он за неудобствами, стоящими на пути развития хлебопашества, не может быть предметом значительной торговли.

Скотоводство в Ичкерии незначительно; здешний рогатый скот малорослый, но достаточно сильный. Лошадей мало и о расплоде их не хлопочут. Овцеводством занимаются почти все

ичкеринцы в разной мере, а жители аула Махкеты исключительно. Число скота можно определить приблизительно: все 37 аулов имеют лошадей до полутора тысяч, рогатого скота до тринадцати с половиной тысяч и овец до 60 тысяч; цена баранов от 1 р. 20 коп. до 4 р., лошади от 12 руб. до 70 и 120 руб., коровы от 10 до 35 руб., быка от 15 до 25 руб.; шерсть овечью покупают андийцы для выделки бурок.

При объяснении незначительности развития скотоводства и овцеводства нельзя не остановиться на неохоте к ним жителей; она есть следствие тех же самых обстоятельств, при которых невозможно и развитие земледелия. Недостаток лугов, покосных и пастбищных мест отнимает у жителей возможность заниматься в большой мере этой отраслью сельского хозяйства. Лугов здесь так мало, что снятое с них сено едва хватает на зиму, (особенно тяжела доставка сена с гор), а потому большая часть рогатого скота и овец отправляется для пастьбы на лето на северный склон Андийского хребта. Но с тех пор, как за право владения местами на этом склоне возникли споры между ичкеринцами и андийцами, развитию в Ичкерии скотоводства и овцеводства представилось еще новое затруднение, и до окончания этих споров, ичкеринцы стеснены даже и в содержании имеющегося у них скота.

«Кавказ» №22, 1866 год. Вся Ичкерия покрыта лесами. Здесь растут: чинар (преимущественно), дуб (редко), липа, карагач, кизил, дикая черешня, груша и рябина. Леса в Ичкерии не составляют частной собственности и кроме того, не будучи еще поручены никакому надзору от правительства, расходуются по указанию разных необходимостей. Таким образом леса вырубливались по военным обстоятельствам по военным обстоятельствам для проложения просек и дорог; жителями для открытия мест под посевы, как равно теми и другими для построек и отопления.

При таких обстоятельствах лес не представляет здесь никакой ценности и не вывозится жителями, за некоторыми исключениями (жители некоторых аулов, как например, Ца-Ведень, Гуни, Ачарешки, Гезенчу, и др. занимаются заготовлением досок для поделки бочек и в значительном количестве отправляют их в Кизляр), для продажи за пределы Ичкерии, – это объясняется дурным состоянием сообщений с безлесными местами андийского округа и обилием леса в других соседних местностях. В продаже лес бывает в укреплении как топливо и частью как строительный материал, но в этом случае ценность леса есть собственно ценность провоза.

Других отраслей промышленности в Ичкерии нет. – Изделиями, как например, выделкою сукна, полстей, жители занимаются для удовлетворения своих потребностей и только в малой мере для продажи. Кузнецы, слесаря и оружейники, знакомые с заваркою и нарезкою оружия, посвящавшие свое искусство на его выделку и отделку, поняли запросы настоящего времени и все без исключения занялись прибыльною выделкою земледельческих и других необходимых в хозяйстве орудий. К этому они побуждены значительностью заказов земледельческих орудий и теми льготами, какие им за поделку их предоставляются аулами.

Рассмотревши все условия экономического быта здешних жителей, необходимо прийти к заключению, что эти условия большею частью неблагоприятны для народного развития. Недостаток пахотной земли, восполнение его путем вырубки лесов, представляющее тяжелый многолетний труд, незначительность пастбищных и покосных мест и проч., – все это возводит сделанное заключение на степень непреложного. Между тем, говоря о материальном благосостоянии жителей в настоящее время, нельзя не сказать, что уровень его значительно возвысился. Такое заключение совершенно безошибочно и есть следствие простого сравнения настоящего положения Ичкерии с недавним, минувшим временем Имамата.

Пребывание в Ичкерии Шамиля, при исключительном положении в то время края, разоряемого войною, тяжело ложилось в старые годы на здешних жителей, стесняя их труд и имея влияние на значительное сокращение получаемого за него вознаграждения. Теперь, с началом нового управления, жители не стесненные ни налогами, ни поборами, обратились к хлебопашеству. и труд их не прерывается, как прежде, случайностями военного времени. Таким

образом труд, вознаграждаемый с избытком, сделался залогом улучшения материального благосостояния жителей. Улучшение это есть факт несомненный и оно успело уже оказать некоторое благотворное влияние на нравственность народа, что видно из постепенного уменьшения числа преступлений, совершенных в последние годы. Не говоря об улучшении благосостояния жителей в настоящее время, нельзя не повторить с сожалением, что дальнейшее развитие их экономического быта будет еще долго задерживаться указанными выше обстоятельствами.

Ичкерия по управлению разделена на два наибства: веденское и даргинское, подчиненные наибам. Аулы управляются старшинами, назначаемыми по личному выбору начальника округа. Как я сказал в начале, в ичкеринском округе считается 37 деревень (аулов), в которых до 2700 дворов; все деревни построены довольно неправильно, у каждой двор отдельно. Постройки все, без исключения, деревянные, домики с плоскими крышами, выбелены снаружи и внутри, каждый дом имеет две, а иногда и три комнаты; полы вымазаны глиной, смешанной с высевками, от чего чрезвычайно крепки и глянцовиты. Вокруг стен идут лавочки, на которых разложена в порядке вся домашняя утварь: посуда, ковры, одеяла и подушки. В каждой комнате камин с трубой, которая выходит на крыше в виде усеченных двух конусов с перехватом. Для скота построены отдельные помещения. У каждого почти дома свой огород, преимущественно: лобия, бобы, тыквы, изредка: огурцы, лук, чеснок, и маленький клочок земли засевается табаком, кое-где сеют арбузы и дыни, (но преимущественно их привозят с линии). В некоторых аулах разведены небольшие сады, но за то кукурузы засеяно в изобилии. Обыкновенная пища жителей маленькие хлебы из кукурузной муки, (на подобие французских галет), у некоторых же пшеничные тонкие лаваши; белый сыр овечий, копченая баранина и говядина, которая сохраняется всю зиму. Иногда режут баранов, варят мясо в котлах, никогда нелуженых, потом вынимают ее на деревянный лоток, а отвар пьют деревянными и глиняными кружками. Кроме, того варят: фасоль и бобы, изредка картофель, покупаемый у солдат. Вся домашняя работа лежит на женщинах, они же ходят в поле жать хлеб и убирать сено. Наряд мужчин обыкновенная черкеска, ноговицы, папах и чевяки; кроме того оружие: кинжал, пистолет, шашка и винтовка. Женщины одеваются все как обыкновенно татарки на Кавказе: лицо открытое, украшений из серебра очень мало, причина тому бедность; в ушах, вместо серег, носят большие круглые кольца из желтой проволоки; а зажиточные из серебра; размер некоторых доходит до 3 дюймов в диаметре; головы покрывают обыкновенно платком. Между мужчинами встречаются довольно красивые и рослые, женщины же не отличаются красотой. Ичкеринцы все секты сунны, но не особенно набожны; большинство мужчин употребляет горячительные напитки. Все ичкеринцы говорят чеченским наречием; но в соседних округах: нагорном и андийском уже другой язык, совершенно несходный с чеченским; письменный же язык у всех один – арабский.

Окружной суд в Ичкерии занимается разбором словесных и письменных жалоб, которые решаются по адату, маслаату и шариату. За период существования суда разобрано дел по разным преступлениям, как-то: убийству, поранению, грабежу, воровству, превышению власти, присвоению чужой собственности, неуплате долгов, брачным делам, разводам и кровомщению – до 650, которые все решены окончательно. Большинство дел было по воровству. За этот же период выслано из края за разные преступления с небольшим тридцать человек.

В суде преимущественно рассматривались дела о воровстве, которое составляет господствующий порок в народе. Оно возбуждается бедностью, праздностью (замечено, что воровства случаются чаще по окончании посевов и жатв) и преданиями, придающими этому пороку значение удальства. Я много слышал рассказов об удали этих промышленников и видел даже самих действующих лиц, которые в былое ыремя отправлялись небольшими партиями на воровство: в закатальский округ, в нухинский, телавский и сигнахский уезды, откуда часто возвращались с хорошей добычей; но были случаи, что многие из них уже не возвращались. Случаи воровства от времени до времени стали повторяться все реже и реже, это, по счастью,

можно заметить и в отношении других преступлений, прямо клонящихся к открытому нарушению общественного спокойствия и принятого порядка; таким образом наблюдается реже повторение случаев убийства, ясно заметно уменьшение числа грабежей и т. д.

В течении этого периода времени не встретилось ни одного дела об убийстве из кровомщения (канлы), – обстоятельство непоследней важности. Останавливаясь на постепенном уменьшении числа преступлений, как на действительном факте, и изыскивая причины такого явления, следует назвать принятую систему управления народом и улучшение материального его благосостояния.

Если благосостояние народа улучшилось, – управление проводит к таким удовлетворительным результатам. Народ должен быть доволен своим настоящим положением. И он, действительно, им доволен. Это не скрыто от самого не пытливого наблюдения и подтверждается тем безучастием, с каким отнеслось население Ичкерии к бывшим событиям в Чечне и Дагестане, вызванным арестованием: **Байсангура, Атабая, Умы и Кунты** и его приверженцев, а также появлением в Хорочое пастуха **Тазу** (Акмирзаев): хотя и были у него последователи, но в очень небольшом числе; аул же заплатил значительный штраф, и жители его чистосердечно раскаялись, сознавая вполне свою виновность. Начальник округа неутомимым старанием своим и благими намерениями, вполне современными постепенно достиг благой цели, начала цивилизации народа. Теперь жители всей Ичкерии и даже андийцы каждое воскресенье являются большими массами на праздничный базар в укрепление, где идет всегда оживленная мелочная торговля и все очень дорого, например 8 мер кукурузы 1 руб., масло, фрукты, рыба (форель свежая); тут же и резники, которые баранину продают по мелочи, сюда приезжают горцы с красным товаром на вьюках для мелочной торговли.

Прежде женщины, проходившие на базар, помещались далеко от укрепления с своими домашними продуктами и неиначе продавали, как при посредстве мужчины, тоже татарина; теперь же они приходят прямо к крепостному рву и усаживаются рядышком на земле, ведут, не стесняясь, оживленную торговлю, коверкая кое как русские слова или объявляя цену пальцами, прибавляя: шаур, абаз и монет. Кроме того, в укреплении есть народная школа, куда, также старанием начальника округа, жители начали отдавать своих детей в учение, хотя очень немногие, – но начало положено. Объявление Его Императорским Величеством Наместником Кавказским о введении в Терской Области налогов и податей для ичкеринцев не было неожиданностью, так как они давно уже были подготовлены к этому, и вполне сознают, что должны платить подати, а назначенная цифра для них вовсе необременительна в сравнении с тем, что брал с них Шамиль.

На юго-восточной стороне Ичкерии, на границе с Андийским и Аргунским округом, находится довольно большое озеро Эзель-ам (Кезень-ам), имеющее в длину около трех верст и в ширину одну версту; озеро со всех сторон замкнуто высокими горами, принимает в себя р. Кисичу и еще незначительные ручейки; но из него не вытекает ни одной речки; по всей вероятности, есть проток воды под землею; это доказывают большие ключи около аулу Хой. Глубина озера не исследована; в озере водится в большом изобилии форель, которая, по словам жителей, доходит до 2-х аршин, но такая редко попадается; жители изредка ловят ее около берегов удочкой. Когда здесь были водворены беглые и вышедшие из плена русские солдаты, как поселяне, то они устроили лодку и ловили рыбу сетями. В 1863 году их переселили в Кубанскую область, и вместе с тем озеро опустело.

Во время производства работ, лагерь наш был у озера, и мы слышали ночью подземный удар, с 15 на 16 августа, – который был наблюдаем так в укр. Ведено и занесен в хронику казеты «Кавказ» №76-го. Затем второе землетрясение последовало вскоре за первым, а именно, когда перешли лагерем на север к небольшому озеру Датиль-Ам, у верховья р. Аксая, которая выходит из гумбетовского хребта Ишхой-лам, в расстоянии от укр. Ведено по прямому направлению около 30 верст; на границе нагорного округа удар последовал мгновенно в 10 часов

по полудни: колебание земли продолжалось 40 секунд по направлению с северо-запада на юго-восток, при совершенно тихой погоде и звездном небе. Старшины, депутаты и милиционеры все были испуганы и предсказывали несчастье для края. Из Ичкерии в андийский округ пролегает три пути вьючных дорог: 1, из Ведено через Белгатой и даргинский лес, знаменитый экспедицией 1845 г., которую солдатики и до сих пор называют сухарной, и потом мимо озера Датиль-ам подымается на отвесный скалистый хребет Ишхой-лам и выходит на буртунайскую дорогу, которая через андийские ворота проходит в аул-Анди, другой путь тоже через Белгатой прямо в Анди, под именем Воронцовской дороги, и третий путь по Хулхулаускому ущелью, через аул Хорочой, мимо озера Эзель-ам, откуда тоже отделяется дорога на укр. Форельное, к озеру Тандо, и спускается через селение Ботлих к бывшему Преображенскому укр. По этой дороге, проложенной в 1859 году, шел фельдмаршал князь Барятинский в Гуниб, где уже находился Шамиль, который после взятия Ведено бросился через Гамардук, Эрсеной, Дарго, в гумбетовское наибство в Ичи-Чали, где и думал было укрепиться, но, видя быстрое охлаждение к себе народа, он пошел через андийские ворота в Гуниб, разоряя на пути своем все селения. Жители разбегались, но при появлении Фельдмаршала в Тандо все снова начали возвращаться; занимали свои прежние жилища и изъявляли покорность русскому правительству.

Поручение, возложенное на меня, потребовало особой поездки еще в Аргунский округ, куда я направился через Ботлих. Поднявшись через Ишхой-лам, мы выехали на буртунайскую дорогу, идущую из Буртуная через Гумбет: в Анди и в Ботлих. Дорога эта местами очень хорошо разработана, так что можно проехать в колесном экипаже; но только местами крутые спуски и подъемы через балки – вот препятствие. У жителей андийского округа нет вовсе арб, и они перевозят сено и хлеб с гор на санях. Миновав несколько деревень, мы поднялись снова на тот же хребет и прошли через так называемые андийские ворота (Берзин-Кау) (Буцур). Это узкий, не более 15 сажен, перевал, на котором еще и до сих пор видны следы бывших завалов; на право и на лево, по хребту гор, тоже были устроены завалы Шамилем, и если бы правильно защищать с хорошим отрядом регулярных войск, то переход почти невозможен; ибо весь хребет, к стороне Андии, отвесный, точно стена. Перейдя через перевал, дорога спускается к аулу Рикуни; на право же остается аул Анди, имеющий до 250 дворов.

Андийцы народ воинственный и считается одним из храбрых в Дагестане. Они мало занимаются хлебопашеством, но часто содержат большие стада овец; при всем этом шерсти им не хватает для выделки бурок, так что большую часть ее прикупают. Выделка бурок их главная торговля и промышленность. В Андии выделывают до 8 т. бурок и более, которых цена на месте от 3 до 8 и даже до 12 рублей. Здесь большую часть торговцы скупают гуртом и везут на линию, а особенно в Тифлис. Кроме того жители на бурки ведут меновую торговлю, а именно: выменивают красный товар, железо, оружие, соль и кукурузу. Андийские бурки добротою уступают абхазским и кабардинским. Андийцы начали подражать в выделке бурок кабардинцам; – достоинство хорошей бурки состоит в том, чтобы она была хорошо, ровно свалена и на верху имела короткую шерсть, а главное достоинство – легкость веса бурки и непромокаемость.

В Андии уже совсем нет лесу и местность чрезвычайно скалиста. Аулы построены из камня на глине, а другие сакли просто сложены из камня без глины; нечистота преобладает повсюду. Мужчины одеваются довольно опрятно и все имеют преимущественно хорошее оружие. Женщины по большинству грязны, в лохмотьях, и, к довершению всего, – головной убор состоит из круга, довольно толстого, покрытого чрезвычайно сального вида материей. Здесь положительно все тяжелые работы исполняются женщинами. Около аулов расположены кладбища с памятниками, состоящими из высоких, каменных плит с надписями; плиты поставлены перпендикулярно на каждой могиле, по краям же кладбища поставлены высокие деревянные шесты с шаром на верху, в который вставлен деревянный с ручкой меч, символ храбрости, означающий, что все умершие с мечом, шашкой, были непобедимы и появлением своим наводили страх и ужас на врагов, неверных.

«Кавказ» №23, 1866 год. Аул Ботлих по новому распределению управлений есть резиденция начальника западного Дагестана, которому подчинены два округа: Андийский и Аварский с присоединением части бывшего Бежитского округа, с которым в зимнее время, почти на 6 месяцев, прекращается всякое сообщение.

Ботлих большой аул; расположен в глубоком ущельи. Постройка домов такая же, как и в Андии. Здесь много садов, в которых встречаем: виноград (из него жители делают бузу), персики, абрикосы, сливы, черешни, грецкие орехи, инджир, миндаль, яблоки и груши. Климат здесь убийственный, лихорадки неизлечимы. В 1 ½ верстах ниже протекает Андийское-Койсу, где было прежде Преображенское укр. Оно теперь упразднено, а в замен его заложено повыше Мостовое укрепление; здесь предполагается чугунный мост, для сообщения с Гунибом, до которого от Ботлиха считают 60 верст. В Ботлихе стоит рота солдат и есть один маркитант, у которого только можно достать хлеб, мясо, спирт и плохое вино; за всем же другим необходимо посылать или в Темир-Хан-Шуру, или в Ведено. Все постройки в аулах и сады, огороженные низенькой стенкой, смежны; а поэтому у жителей Ботлиха есть обычай, что никто не имеет права собрать виноград в своем саду ранее уставленного времени, когда собираются почетные жители всего аула, осматривают сады и потом разрешают сбор винограда; если же найдется виновник в нарушении обычая, то его тотчас находят, осмотрев тщательно известные места, где след преступления обнаруживается косточтами; в таком случае виновный подвергается денежному штрафу.

Понятия народа чрезвычайно дики: всякий, вступая с вами в разговор, непременно начнет о Турции; расспросам нет конца, и хотя получаются верные известия о тяжком положении ушедших, но никогда этого не высказывают; значительное же число жителей, ежегодно идущих в Мекку на поклонение, по возвращении на родину стараются распространять небылицы о Турции ее богатствах. Мне приходилось слышать такого рода рассказы: Стамбул так велик, что нужно 8 дней, чтобы объехать его кругом; а места, которые отводит султан для кавказских переселенцев, настоящий рай и т. д. Из этой братии есть люди ученые, например: один из них, именно, кадии, бывший дебором при Шамиле, уверял меня: что когда греки строили церковь во имя св. Софии, то никак не могли свести купол, почему обратились к Магомету с просьбой помочь им, и тот взял камень – черную плиту, поплевал на нее и велел отвести в Константинополь; там она была поднята на вершину купола, увенчала самый центр его, о чем подробно и написано в их книгах».

Этот же кадий страстный охотник до чаю; он постоянно бывает у русских чинов управления и выпивает бесчисленное множество стаканов чаю, за что часто получал упреки и замечания от своих единоверцев; на это он им мудро отвечал: «в книгах пророка сказано, что на обязанности каждого правоверного лежит долг наносить сколь возможно более вреда неверным, гяурам и я исполняю этот закон, ибо выпиваю сколько можно больше чаю и накладываю сахару по несколько кусков в стакан и тем приношу ущерб хозяину, который меня поит, думая этим сделать меня своим другом».

Из Ботлиха до места, предназначенного к съемке (в Аргунском округе), около шестидесяти верст; дорога идет на юг, местами очень хороша, но большею частью пролегает над кручами и пропастями, где от непривычки может голова закружиться; потом подъезжаешь к верховьям Аргуна, который с неимоверной быстротой несет свой воды, а при малейшем дожде вырывает деревья и сворачивает камни, – тогда уже и думать нечего о переезде в брод. Спускаясь все ниже и ниже, дорога вдруг поворачивает на восток и вступает в мрачный скалистый проход; скалы, точно стены, стоят по обе стороны, вышиною до 40 сажен, покрытые сосновым лесом; на речке же вначале попадается русская береза и во множестве лица. Вскоре мы добрались до самой крайней дер. **Чадыры** (пограничной с аргунским округом). Здесь принял нас старшина, юнкер (имеет серебряную медаль на Георгиевской ленте и получает пожизненной пенсии 300 руб. в год, как кажется – за то, что первый заявил покорность прави-

тельству, чем у последовала и вся деревушка). Этот дикарь имеет претензию на европейскую жизнь. Войдя в его приемную комнату, я был поражен собранием развешанных по стене тарелок, и блюдечек (с проверченными на середине дырочками и насаженных гвоздиках); тут же стояли миски, подносы, бутылки, штофы, одеколоновые флакончики и помадные банки, кувшины, самовар на двух ножках; битые и склеенные сургучем стаканы; на перекладине потолка висели стенные часы, которые показывали одно, а били другое; по углам стояли две скрипучие, полусломанные кровати и едва держащиеся на ножках столик, но за то покрытый цветной клеенкой; две стены были оклеены кусками разноцветных обоев, которые хозяин, верно, где-нибудь собрал, как редкость; два же окошка заклеены бумагой. Хозяин показывал радушный вид и явно был растерян, извиняясь, что не ожидал дорогих гостей, иначе угостил бы на славу; но теперь он приготовил только яичницу, за неимением сковороды, на крыше нашей походной кастрюли. Вся деревня собралась смотреть на нас, точно на чудо какое-нибудь. От деревни в 15 верстах за перевалом начинается Аргунский округ. Мы спустились в глубокое ущелье и у одного из притоков Аргуна разбили палатку. Здесь много лесу и преимущественно березы, но она далеко не так стройна и высока, как в России; много липы, клена, дуба и вяза; но особенно я удивился, найдя здесь дикую черную смородину и малину, которые по всей речке растут в изобилии. Вершины гор уже были покрыты снегом; с полудня, почти ежедневно густой туман застилает их. Аргунский округ граничит с Тушетией, и поэтому многие жители его говорят по-грузински, по-чеченски и по-аварски. На отроге хребта Арац-бик-хулеб-меер, именно на южном его склоне к селению Гонотль, в ущельи есть рудники свинцово-серебряные. Я осмотрел только вверху лощины одно место, где начали рыть и разбивать камни, но тут я ничего не нашел; между тем как жители сами принесли мне два куска руды довольно богатой, но боясь стариков, отказались показать место, где ее добывают; по рассказам, они достают здесь много свинцу. – Отсюда же, через перевал, на восток идет тропинка в неприступный Ункратль. По ночам в лагере раскладывали по несколько костров, которые поддерживались до утра; тут же варилась и пища. Горцы народ не прихотливый; посуда нелуженая; обыкновенно вешают котел на треножник и варят в нем баранину; потом, выложив ее на лоток, садятся в круговую, и начинается трапеза руками, а из кружек запивают бульоном; потом рассядутся вокруг костра и слушают с увлечением народные песни, которые обыкновенно поют двое. Сюжет общий всем восточным песням: постоянно воспевается с разными вариантами любовь и красота женщины. Напев андийцев начинается всегда с высоких грудных нот и довольно дик; некоторые песни имеют голос очень унылый; рассказчиков же между ними чрезвычайно мало. Окончив работы, мы пустились обратно через Чеберлоевское наибство. Когда-то оно было очень густо населено, но теперь многие деревни в развалинах; причину этого мне объясняли так: когда Шамиль требовал подати и продовольствия, то жители, надеясь на свою силу, отказали во всем; тогда Шамиль пришел с мюридами, привез с собою с большим трудом два орудия, опустошил почти все деревни и побил много народу. Чеберлоевцы Аргунского округа занимаются в больших размерах хлебопашеством; особенно пшеница, ячмень, овес и лен приносят большой урожай; лен сеют для масла, стебель же бросают; – очень жаль, что они не знают выделки полотен: предприимчивый торговец мог бы легко нажить здесь большие деньги, закупая лен и вывозя на линию. Я, сколько хватало знания, старался объяснить жителям пользу обработки льна и как это делать, чему они очень удивлялись, и пожалели о своем незнании; – даже пошли далее, изъявив желание поучиться у русских, но увы! – это было одно лишь желание, не более. …Я остановился на ночлег у чеберлоевского наиба, прапорщика Дубы. Вечером явился музыкант импровизатор с инструментом, в роде балалайки, состоящим из тонкого деревянного круга в роде миски с деревянной же ручкой, натянутым сверху пузырем и тремя шелковыми струнами, по которым он водит волосяным смычком. Старик много играл народных песен и наконец лезгинку или что-то в этом роде, чрезвычайно быстрый и живой танец; сыновья же хозяина по очереди плясали. В заключение музыкант сыграл несколько русских

военных сигналов и, наконец, подъем, пояснив с самодовольствием, что все это он заучил, когда ходил с Шамилем в качестве его трубадура и по этому часто слышал, как русские музыканты играли в лагерях. На другой день я воротился, наконец, с трудом окончив свои полевые работы, в укр. Ведено. Нельзя не отдать справедливости туземцам, их неутомимому старанию, способности и готовности служить (многие из них служат в постоянной милиции). Я убедился собственными глазами, как быстро, охотно и добросовестно они исполняют все поручения и приказания начальства, при чем никогда не заметишь на лице ни малейшего оттенка неудовольствия или отказа; малейшее же поощрение служит особым побуждением к соревнованию между остальными. Кроме милиционеров в Ичкерии образована из чинов куринского полка так называемая партизанская команда охотников из 70 человек. Все они одеты как туземцы; цель их формирования – постоянное наблюдение и строгие караулы по Хулхулаускому ущелью, где они расположены. С учреждением партизанской команды проезд по ущелью сделался совершенно безопасным. Подпись. И. Огранович.

В заключение не могу не принести моей искренней признательности и благодарности старшему адъютанту ичкеринского окружного управления, Е. Е. Чернявскому, которому я вполне обязан большею частью сообщенных здесь статистических сведений об Ичкерии. Подпись. **И. Огранович.**

Из Нагорного округа. П. Петухов. 1866 год

Газета «Кавказ» №53, 1866 год.

Корреспонденция «Кавказа». Из Нагорного округа. Нагорный округ, входя в состав Терской области, ограничивается от Дагестана рекою Сулак и андийским хребтом (собственно не по водораздельной линии этого хребта, а отступя к пастбищным, безлесным горам, известным под именем Тамух); от Ичкерии и Чечни – речкою Аксай и от кумыкской плоскости, ломанною линиею, которая, начинаясь у Герзель-Аула, проходит Тамерлановским валом (Аксак-Темир) до речки Яраксу, далее идет выше Андреевой деревни и достигает реки Сулака несколькими верстами выше Чир-Нерта. Границы с Дагестаном и Чечнею – определенные и бесспорные; что же касается до кумыкской, то поземельная комиссия составляет проект ее.

Все пространство округа заключается в черте Черных гор, когда-то сплошь покрытых лесами, исключая пограничные пастбищные горы Тамух. Леса преимущественно состоят из крупного чинара и только по мере приближения к устьям ущелий разнообразятся другими породами, между прочим дубом и грецким орехом.

В последнее пятилетие очищены жителями значительные участки для пашен, и проведены войсками широкие просеки в трех направлениях: 1-я от укр. Кишень до аула Беной, по хребту между Яраксу и Ямансу; 2-я от Беноя вниз, направляясь на кумыкский аул Аксай, по хребту между Ямансу и р. Аксаем, 3-я от аула Дылым на аул новый Буртунай.

Почва видимо осадочного происхождения и состоит из глины с небольшим слоем чернозема. Еще в недалеком прошлом все впадины и котловины изобиловали мочажинами, и почва в разных местах оседала или сползала, меняя физиономию поверхности: были случаи, что часть горы или целый аул сползали со своего места, оставляя после себя желтую глинистую осыпь. При больших дождях со склонов сползает густая масса в виде селей, унося весь слой чернозема вместе с посеянным зерном, и там, где была пашня остается ни к чему не пригодная глинистая осыпь. В настоящее время почва значительно осушается, благодаря очистке мест из под лесу и просекам.

Со стороны андийского хребта ниспадают по направлению к кумыкской плоскости речки: Аксай, Ямансу, Яраксу и Акташ, имеющий несколько притоков. Речки эти небольшие, хотя при водополии трудно переходимые, впрочем достаточные для того, чтобы приводить в движение множество небольших туземных мельниц.

Нагорный округ населяют два главных племени: дагестанское, под именем салатавцев и чеченское, под именем ауховцев, зандаковцев и беноевцев.

Салатавцы, занимая пространство между речкою Акташ и Сулаком, составляют 12 аулов и 1006 домов населения. Говоря наречием аварского языка, салатавцы во всех отношениях сохранили особенности дагестанцев; нравы и адаты у них дагестанские, а в общежитии заметно влияние дагестанской цивилизации, если можно так назвать некоторые условия приличий, отчасти мягкость нравов и общественную дисциплину, которые отличают их от чеченского племени, считаемого ими значительно низшим по развитию. Как и в Дагестане, у них много грамотных и начитанных, имеющих особенное влияние на народ. Вообще, салатавцы народ пришлым из Дагестана и имеет с ним родовую связь.

Три названные выше вида чеченского племени, составляя в сущности одно племя, роднятся между собою как по характеру, так и по степени развития; этому способствовали топографические условия населяемых ими мест и занятия. Кроме того, как народ молодой, они считаются между собою родами по родоначальникам, вышедшим из горского участка Ингушевского округа, именно из Цори, Ако и Галгая.

Ауховцы, живя большими аулами недалеко от устьев ущелий Яраксу и Акташ, имея постоянные сношения с торговыми рынками кумыкской плоскости (Аксай, Андрей, Хасав-

юрт), значительно развитее остальных двух видов. Они составляют 6 аулов и 1232 дома населения. Многие из ауховцев знают русский язык и не чужды переимчивости, так напр. они заимствовали у нас огородничество, питье чая, окна со стеклами, водовозные бочки, отчасти стулья и столы, вообще – те мелочи, которые показывают зачатки цивилизующего влияния господствующего племени. Они умнее и трудолюбивее своих соплеменников и особенно склонны к торговле.

Зандаковцы занимают места между ауховцами и р. аксаем. Они составляют 13 аулов и 859 домов населения; обитая в лесах и имея менее сношений с плоскостью, они значительно беднее и грубее ауховцев.

Беноевское племя приютилось на лесистых высотах, у верховьев правого притока речки Аксай. Оно состоит из 5 аулов и 443 домов населения. Природа и топографические условия Беноя, или «вороньего гнезда» (Беной – в переводе), представляя все данные, способствующие доведению народа до полной дикости, задержали развитие умственных способностей его, доведя этих людей почти до идиотизма. Войдя, или лучше – неуклюже ввалившись к вам в комнату, беноевец, оборванный и грязный, озирается как дикая кошка, а начиная излагать что-нибудь, с большим трудом связывает мысли, причем, в видах выигрыша времени для подбора слов, беспрестанно отплевывается.

Занятие салатавцев составляют земледелие, садоводство и скотоводство. Сеют пшеницу, ячмень и кукурузу все аулы; садоводством же занимаются собственно аулы, расположенные по берегу Сулака, именно, Зубут, Миатлы, Иха и Зурамакент.

В Зубуте и Миатлы выделывается вино в количестве более 200 бочек. Оно трех цветов и лучше кизлярского; это приписывают тому, что сады их не поливные и закрыты от ветров горами. Хотя вина эти продаются дешево, от 20 до 40 руб. за бочку, но торговля идет далеко не успешно по той причине, что жители, по обычаю сами не развозят вин, а ждут покупщиков; армяне же торговцы, имея свои сады в Кизляре и избегая соперничества, не содействуют им.

Ауховцы преимущественно земледельцы; прежде они сеяли одну только кукурузу, в последние же годы, по примеру некоторых, стали сеять пшеницу и ячмень. Торговля лесом составляет один из главных источников их благосостояния, но этот источник значительно оскудевает по причине истребления их лесов жителями плоскости и войсками.

В настоящее время все склоны у устьев ущелий совершенно лишены лесу. Впрочем вопрос о порядке пользования здешними лесами рассматривается и вскоре определятся условия, которые должны будут предупредить окончательное истребление лесов.

Зандаковцы и беноевцы сеют только кукурузу и содержат в незначительном количестве овец. Впрочем, беноевцы воспитывают еще пчел, дающих им превосходнейший мед и воск.

Чеченское племя нагорного округа не имеет грамотных; муллы у них пришельцы; за то народ этот, склонный к мистицизму, охотно вступает в религиозное братство суфи (зикр) и расположен приветствовать каждого искателя приключений имамом, хоть бы он не умел отличить а от б. Впрочем все это, отчасти только, относится и к ауховцам.

Салатавцы и ауховцы управляются наибами из русских офицеров; зандаковцы же и беноевцы – наибами из туземцев.

Сословий в округе нет, точно также как и холопства; народ равноправен и называет себя узденями, в смысле людей свободных относительно личных прав. Земли делятся на общественные и частные; к первым относятся пастбищные горы, выгоны и леса участки, переходящие наследственно, и участки, очищенные в последнее время, по умиротворении края. **4 февраля 1866 г., Кишень**. Подпись: ***П. Петухов***.

Чеченцы (Нахче). Дубровин Н. Ф. 1871 год

«История войны и владычества русских на Кавказе». Том I. Кн. I. Очерк Кавказа и народов его населяющих. СПб. 1871.

«Чеченцы». (Нахче). Глава I. Стр. 367 …По соседству с осетинами и на восток от них поселилось чеченское племя, ограниченное: на севере Малою Кабардою, р. Сунжею и кумыкским владением; на востоке тем же владением, до креп. Внезапной, и рекою Акташ, отделяющею Чечню от дагестанского общества Салатау; на юге – Сулако-Терский Водораздельный хребет гор отделяет Чечню от нагорного Дагестана, а далее Тушино-пшаво-хевсурский округ и осетинские общества до укрепления Дарьяла. Западную границу Чечни составляла некогда река Терек.

Тридцать лет тому назад, т. е. до восстания в 1840 году, чеченцы жили по правому берегу Терека и обоим берегам реки Сунжи, так что тогда под именем Чечни разумелось все пространство, заключенное в границах, которые обозначались: «на Западе рекой Фортангой до Ачхоевского укрепления, а отсюда прямою чертою до Казах-кичу, и далее на ст. Стодеревскую; с севера Тереком до впадения в него Сунжи; с востока Качкалыковским хребтом, прямою чертою от Герзель-аула на Внезапную и верховьями реки Акташа; с юга Андийским хребтом (Сулако-Терским) до Шаро-Аргуна, этой рекой до соединения с Шаро-Аргуном и Черными горами до начала р. Фортанги.

С началом восстания, большая часть чеченцев, живших между Тереком и Сунжею, бежали за эту последнюю реку. На правом берегу реки Терека и на левом Сунжи осталось только несколько небольших аулов. Опустелая земля их начала заселяться казачьими станицами, а чеченцы замкнулись в выше приведенных границах.

Пространство земли, ограниченное рекою Сунжею, между рр. Аргуном, Гудермесом и Ассою, занято сунженскими чеченцами, которые рекою Гойтой разделяются на две части: пространство, лежащее по левую ее сторону, носит название *Малой Чечни*, а по правую *Большой Чечни*. В состав последней входят *мичиковцы*, живущие по обеим сторонам реки Мичик и племя известное до 1840 года под именем *качкалыковцев*, обитавшее по северо-восточному склону Качкалыковского хребта. Поколение это впоследствии смешалось с мичиковцами и *ичкеринцами* и бывшие его аулы Шавдон, Наим-берды, Адыр и Наур-су в настоящее время не существуют. *Ичкеринцы* живут между верхними частями рек Акташ, Хулхулау и Сулако-Терским Водораздельным хребтом, а в верховьях рр. Ярык-су, Яман-су и Акташа поселились *ауховцы*.

Между ауховцами и рекою Аксаем, в местности лесистой, живут *зандаковцы*, а на лесистых высотах, у верховьев правого притока речки Аксай, приютилось *беноевское* племя, что в переводе означает *воронье гнездо*.

Кроме этих обществ, чеченское племя вообще разделяется на множество поколений, которым названия даны русскими по именам аулов, или гор, или рек, по направлению которых были расположены их селения. Так непосредственно к осетинам прилегают *кисты*, живущие по ущельям реки Макалдона, притока реки Терека, и по ущельям реки Аргуна; первые носили название *ближних*, а последние *дальних*. Восточнее кистов, по верховьям реки Ассы и по берегам реки Таба-чочь, живут *лалгаевцы*. На севере от этих двух обществ поселилось несколько поколений чеченского племени: *назрановцы* или *ингуши*, занимающие низменные места, орошаемые реками Камбилеевкой, верхнею частию Сунжи и Назрановкою и по течению этих рек до впадения реки Яндырки в Сунжу и по Тарской долине (Долина эта находится в верховьях р. Камбилеевки и верстах в 12 от Владикавказа. Название свое она получила от Тарской станицы, принадлежавшей второму Владикавказскому казачьему полку.); *карабулаки*, на равнине оро-

шаемой реками Ассою, Сунжею и Фортангою; *галашевцы*, поселившиеся по рр. Ассе и Сунже, и *джерахи* живущие по обоим берегам реки Макалдона.

Стр. 369 …Верховья восточного истока реки Ассы занято аулами *цоринцев*, а по обоим берегам реки Ассы и по реке Сунже, между галгаевцами и дальними кистами, в верховьях реки Гехи, притока Сунжи, расположены аулы *Ако* или А*кинцев*. За акинцами следуют: *мереджен*цы, расселившиеся по ущельям р. Фортанги; *пшехой* или *шопоти*, живущие около истоков реки Мартан; *шубузы* и *шатой* – по реке Аргуну; *шаро* или *киалал*, по верховью Шаро-Аргуна; *джан-бутри* и *чаберлой* или *тадбутри*, по реке Аргуну. Наконец, следует упомянуть о *терекских* и *брагунских* чеченцах, живущих на правом берегу реки Терека при впадении в него Сунжи.

Все эти наименования и разделение чеченского племени на множество отдельных поколений, как я сказал, сделаны русскими и, в строгом смысле, как неизвестные совершенно туземцам, не имеют никакого значения. Чеченцы сами себя называют *нахче*, т. е. народ, и название это относится, одинаково, до всех племен и поколений, говорящих на чеченском языке и его наречиях.

Под именем *нахче* чеченцы известны и кабардинцам. Все остальные народы называют их, также как и мы, чеченцами, производя это слово, по указанию самих туземцев, от несуществующего в настоящее время аула Большой Чечен, находившегося на берегу Аргуна у подошвы Сюйри-Корта-Чачани, одной из двух гор, возвышающихся на плоскости Большой Чечни и образующих между крепостями Грозной и Воздвиженской так называемое Ханкальское ущелье.

По народному преданию, богатая плоскость, простирающаяся от реки Сунжи до северного склона Дагестанских гор, лет двести тому назад, представляла вид дремучего непроходимого леса, где рыскали одни дикие звери, не встречавшие нигде человеческого присутствия. Пространство это было дико и необитаемо до такой степени, что, по тому же преданию, когда появились на нем первые поселенцы, то «зайцы и олени сбегались взглянуть на никогда невиданного ими человека».

Не так давно старики-туземцы рассказывали, что чеченский народ вышел из Ичкеринских гор, века два с четвертью тому назад, и занял сначала долины, орошаемые рр. Сунжею, Шавдоном и Аргуном, а потом, мало по малу, занял и всю плоскость Большой и Малой Чечни. Тогдашние выходцы были люди мирные, занимавшиеся преимущественно пастьбою скота, у которых *адат* (обычай) заменял законы, а старший в роде был начальником, судьею и первосвященником. Земля, как воздух и вода, составляла тогда достояние общее, принадлежавшее в равной степени каждому и тот владел ею, кто принял на себя труд ее обрабатывать. Земля, которую заняли чеченцы, представляла в то время все удобства необходимые для жизни и с избытком вознаграждала легкий труд человека.

Первое время кабардинцы, кумыки и аварцы не подозревали о существовании переселенцев, и чеченцы, будучи отделены от своих соседей вековыми лесами и быстрыми реками, жили в довольстве и множились. Но скоро обстоятельства и историческая судьба произвела в них перемену. Из пастушеского племени они стали самым суровым воинственным народом из всех племен, населяющих Кавказ. Переход этот образовался сам собою. Хищные кумыки, распространившиеся от Каспийского моря, по рекам Сулаку и Аксаю, прежде других встретились с чеченцами. Столкновение это произошло на реке Мичике, отчего кумыки и прозвали вновь появившееся племя *мичикиш*, именем, которым кумыки называют чеченцев и до настоящего времени.

Кроме кумыков, ногайцы и кабардинцы, искони воинственные, стали теснить со всех сторон чеченцев, грабили и убивали их. Мирным пастухам надо было подумать о защите. Не находя среди своего пародa достаточно силы, чтобы противостоять грабежам и насилиям всякого рода, чеченцы искали посторонней помощи и начали с того, что добровольно подчини-

лись своим соседям. Так, урус-мартанцы, жившие по близости с кабардинцами, подчинились им, а качкалыковцы и мичиковцы – кумыкам. Отдавшись добровольно под покровительство кабардинских и кумыкских князей, чеченцы платили им дань, хотя незначительную, и стали их приверженцами. Кумыки выработали для них даже особое название *смотрящего народа*. Князья не вмешивались в их управление и заступались за чеченцев, когда они прибегали к их защите.

По мере того как благосостояние чеченцев стало увеличиваться, такого морального подчинения оказалось недостаточным. Едва на плодородных чеченских полях показались многочисленные стада и возникли богатые селения, как появились неукротимые хищники в лице их соседей. «Набег в Чечню был пир для удалых наездников: добыча богатая и почти всегда верная; опасности мало, потому что в Чечне народ, еще не многочисленный, жил не зная ни единства, ни порядка, Когда отгоняли скот одной деревни, жители соседних деревень редко подавали помощь первым, потому что каждая из них составляла совершенно отдельное общество, без родства и почти без связей с другими.

В таких тяжелых обстоятельствах, чеченцы решились призвать к себе, из Гумбета, славную семью князей Турловых, которой поручили водворить у них порядок и защитить от врагов. Турловы явились с многочисленною дружиною, грозною для соседей, и с хорошим оплотом от всякого неповиновения, могущего возникнуть в самой Чечне. Турловы сплотили Чечню в одно целое и дали ей народное единство. По их требованию, все чеченцы поголовно следовали, в случае нападения, за своим князем, выезжавшим на тревогу; жители не ограничивались уже защитою одних своих интересов, или только собственной деревни, а спешили на помощь и к другим селениям своих единоплеменников. Скоро чеченцы, неся все одинаковую службу, одинаковые обязанности, перестали чуждаться друг друга и, составив одно целое, сделались грозным племенем для своих соседей. Вместе с сознанием собственной силы, развился их воинственный дух и явились толпы смельчаков, которые, для грабежа и хищничества, стали пускаться сами в земли кабардинцев и на Кумыкскую плоскость. Кумыки и кабардинцы скоро перестали презирать чеченцев, а калмыки и ногайцы стали их бояться.

У чеченцев явилось оружие, явились храбрые предводители и еще храбрейшие защитники своей родины. Мало по малу сложился настоящий характер чеченца, с именем которого соединяется понятие как о человеке грубой суровости, грязной бедности и храбрости, имеющей что-то зверское.

Своею воинственностию и устройством хотя незатейливого гражданского быта чеченцы обязаны были князьям Турловым, вся власть которых основывалась, однако же, на добровольном подчинении и уважении к ним народа. Едва только чеченцы сознали свою силу, как у них тотчас же проявилась прежняя любовь к необузданной личной свободе – и они отплатили Турловым полною неблагодарностию.

Быстро возрастающее народонаселение, благосостояние Чечни и упадок воинственности у соседей дали чеченцам превосходство над ними. Распри между княжескими фамилиями у кабардинцев и у кумыков, изнеженность и порча нравов, успехи русского оружия, потеря лучших наездников в битвах с русскими и, наконец, переход многих уважаемых стариков на нашу сторону, значительно ослабили кабардинцев и кумыков. Чеченцы, не страшась более соседей, а вместе с тем не нуждаясь в предводительстве князей Турловых, перестали им повиноваться и не оказывали им уважения. Турловы переселились в Надсунженские и Теречные чеченские деревни, среди которых долгое еще время пользовались уважением и своими правами. С их уходом, чеченцы возвратились к старому порядку вещей и к прежнему образу управления, так что размер общества изменился, т. е. увеличилось народонаселение, но не изменилась форма его общественного управления. «Правление Турловых, никогда почти не касавшихся внутреннего устройства, мало изменило чеченцев в их гражданском быту; по выходе или, скорее, по изгнании их (Турловых) он представился в том же самом положении, в котором был в пер-

вые времена населения края. Вся разница состояла в том, что там, где прежде лепился в лесу одинокий хуторок, раскидывался теперь огромный аул, в несколько сот домов, большею частию одного родства». Круг связей общественных хотя, по прежнему, не переступал границ родственных связей, но за то стал обширнее, потому что роды расширились значительно в своей численности.

Чеченцы, поселившиеся в Надсунженских и Теречных деревнях, во многом отличались от остального населения Чечни. Земля, заключенная между левым берегом Сунжи и правым Терека, издавна была собственностию кабардинцев, имевших там свои луга и покосы. Чеченцы, селившиеся на земле имевшей своих хозяев, должны были заключать разные условия, подчиняться известным правилам относительно вознаграждения за пользование чужою землею. Кабардинские князья пользовались первое время незначительною данью, но, заметив, что чеченцы, поселившиеся на их земле, богатеют, оставили свои отцовские жилища и переселились к ним на постоянное жительство и, вместе с тем, перенесли туда и феодальное устройство, существовавшее в Кабарде. Таким образом смесь феодализма с простым и односложным элементом Чеченского общества породила в Надсунженских и Теречных деревнях гражданский быт, почти одинаковый и во всем сходный с общественным порядком, существовавшим у кабардинцев и у кумык.

Аулы, поселенные на Тереке, составляют более цивилизованную часть Чечни. Находясь вблизи русских, они привыкли к гражданственности, управлялись князьями, волю которых исполняли во всем. Это-то поселение и носило название *мирных чеченцев*. Другой род, также мирных чеченцев, занимал плоскость по обеим сторонам р. Сунжи и ее притоков – это качкалыковцы, ауховцы, частию карабулахи и собственно чеченцы. Отдаленные от русских поселений, чеченцы этих племен хотя и находились в управлении князей, но мало им повиновались. Поселившись вблизи своих непокорных нам соотечественников, они, при каждом удобном случае, готовы были на измену, грабеж и на помощь своим мятежным товарищам. Далее от нашей границы, по горам, покрытым дремучим лесом, между скалами и глубокими оврагами, поселились *немирные* чеченцы, отличавшиеся своею враждою и ненавистью к русским.

Все общества чеченского племени имеют одинаковые нравы и говорят одним языком, причем ичкеринцы сохранили самое чистое произношение чеченского языка. Ичкерия считается колыбелью чеченского народа, которую туземцы называют *Нахче-Мохк* (место народа), но из этого еще не следует, чтобы все чеченцы были выходцами из Ичкерии. Общество чаберлой, например, хотя и говорит чеченским языком, но это не родной его язык. В народе существует предание о русском происхождении чаберлоевцев, что отчасти подтверждается характером этого поколения и даже чертами их лица.

Что племена населяющие Чечню одни и те же, говорит Ипполитов, «это бесспорно, но совершенно ошибочно мнение, приписывающее всему народу чеченскому и племенам этим единство, общность происхождения, между тем как каждое племя (тайпа) на самом деле считает себя происхождения по большей части различного». Так, например, фамилия Зумсой считает себя происхождения грузинского; Келой – тушинского; Ахшипатой – фиренческого, т. е. европейского; родоначальники фамилии Варандинской – выходцы из Хевсуретии. Многие фамилии считают себя происхождения греческого и т. д. Тем не менее, каково бы происхождение их ни. было, почти все общества чеченского народа имеют один язык, одни нравы и обычаи.

Местность, на которой поселились чеченцы, в физическом отношении не может быть рассматриваема как одно целое, потому что одна часть ее безлесна, безводна и почти необитаема, между тем как другая покрыта лесом, изобилует водою и усеяна жилищами. К первой принадлежит часть Большой Чечни, часть лежащая между Тереком и Сунжею и восточною границею Малой Кабарды, а ко второй все остальное пространство. К первой части, по своему безводию и недостатку леса, следовало бы отнести и северную часть Назрановского общества, если бы она не была одинаково заселена с Засунженским пространством. На всем протяжении

между Тереком и Сунжею нет почти никаких источников кроме Горячеводского, известного у чеченцев под именем речки Мельчихи – на которой находится Горячеводское укрепление и аул Старый Юрт – и речки Нефтянки, берущей свое начало из нефтяных источников и перерезывающей большую дорогу в шести верстах от крепости Грозной. Несколько минеральных и теплых ключей, составляют всю водную систему этой местности. Такой важный недостаток был причиною того, что все население этой местности сосредоточилось по ее окраинам: по правому берегу р. Терека и левому Сунжи.

До 1840 года берега этих рек были усеяны большими чеченскими аулами, которые, по всей вероятности, не были бы оставлены жителями и по настоящее время, если бы они, из страха наказания за измену нашему правительству, не вынуждены были оставить свои дома, открытые и доступные нашим войскам, и искать спасения в вековых своих лесах за р. Сунжею. С удалением жителей Надтеречных и Надсунженских аулов, на всем этом пространстве осталось только три аула: Старый Юрт, Новый Юрт и Брагуны, сохранившие покорность и преданность русскому правительству.

Пространство это вообще гористо, пересечено оврагами и частью покрыто лесом. Два горных кряжа, незначительной впрочем высоты, тянутся на довольно большое протяжение. Один из них, пролегающий между р. Урухом и Ардоном, называется хребтом *Кабардинским* и прорезывается р. Тереком. Приближаясь к левому берегу р. Сунжи, он принимает название *Сунженского* и оканчивается крутым мысом у креп. Грозной. Другой хребет носит название *Терекского* или *Надсунженского*, и следуя вдоль правого берега р. Терека, при устье Сунжи, представляется как бы отрезанным от оконечности лесистого Качкалыковского хребта, составляющего крайний отрог Андийских гор.

Оба эти хребта не отличаются друг от друга ни по внешнему очертанию, ни по геологическому устройству, ни растительностью, ни, наконец, доступностью сообщения. «Высота их, равно как и крутизна их отлогостей, одинаковы: южный склон обоих хребтов круче и короче, а северные склоны, хотя также круты, но длиннее». Растительность также одинакова; сообщение чрез оба хребта одинаково затруднительно для следования повозок, по причине крутых подъемов и спусков, и наконец почва их, по глинистому свойству грунта и производительности, одинакова с почвою долин и отлогостей.

Все пространство, лежащее по ту сторону Сунжи, между этою рекою и подошвою Черных гор, составляет совершенную и обширную равнину (за исключением немногих возвышенностей), перерезанную множеством параллельных рек и речек, с шумом стремящихся преимущественно с юга на север и изрезывающих Чечню по разным направлениям. Две трети этой равнины покрыты строевым лесом или частым кустарником, в которых укрывалось почти все население Чечни. Исключив из всего засунженского пространства две трети пространства покрытого лесом, остальная треть составляет более или менее обширные поляны, на которых чеченцы имеют свои богатые обработанные поля и тучные луга, снабжающие жителей не только сеном, для прокормления их стад зимою, но и служащие изобильными пастбищными местами, для стад их горных соседей.

Все реки и речки, орошающие эту местность, вытекают по б*о*льшей части из второстепенного, и только немногие из Главного снегового хребта, и вливают свои воды в р. Сунжу, составляя таким образом ее притоки с правой стороны.

К рекам, берущим свое начало из Главного снегового и Сулако-Терского водораздельных хребтов, принадлежат: Терек, Сунжа, Асса, Фортанга, Гехи, Мартанка, Аргун, Хулхулау, Гудермес или Гумс. Из всех этих рек, конечно, первое место занимает Терек, протекающий по Чечне около ста верст расстояния. Воды его стремятся с такою быстротою, что уносят деревья и ворочают огромные камни. Шум от волн его слышен за несколько верст. Переправа через эту реку если не окончательно невозможна, то сопряжена с большим затруднением, так как дно

его изрыто быстрым течением. Все же остальные речки, орошающие Чечню, как, например: Ачхой, Валерик, Гойта, с ее притоками, и другие берут свое начало в Черных горах.

Реки, вытекающие из Главного и Сулако-Терского водораздельного хребтов, имеют тот общий характер, что протекают, за исключением своих верховьев, в довольно отлогих и одинаковой высоты берегах, текут быстро, по каменистому ложу, и образуют множество островов, а при устьях своих разделаются на несколько рукавов. Исключение из этого общего характера составляют только Сунжа и Асса, в особенности в своих верховьях. Берега этих двух рек по большей части круты, текут они одним руслом и почти не образуют островов; хороших бродов имеют мало и только в известных местах.

Глубина всех рек первой категории, при обыкновенной высоте воды, самая незначительная, и оне почти во всех местах, где только дозволяют берега, проходимы в брод; но при таянии снега, на тех горах, с которых они берут свое начало, а в особенности при сильных и продолжительных дождях, вода в них мгновенно и значительно возвышается, и самая мелководная речка в несколько часов получает значительную глубину, а на плоскости выступает из берегов и разливается. Бывают случаи, что в Сунже вода возвышается на полторы и две сажена против обыкновенного своего уровня. Тогда переправа через такие реки, как для пеших, так и для конных, делается затруднительною, если не по глубине, то по быстроте течения и ширине разлития. Быстрота течения причиною того, что вода почти всегда бывает мутною, но, не смотря на то, приятна на вкус и здорова. При полноводии и самое русло многих рек изменяется, чему причиною сильный напор воды и наносы ила и деревьев; с переменою русла изменяются, конечно, и броды, так что после каждого полноводия необходимо осматривать прежние броды и отыскивать новые. Устройство мостов через эти реки, при обыкновенной в них высоте воды, не составляет особенного труда, и самыми лучшими для того мостами признавались мосты на козлах, тогда как в полноводие устройство обыкновенных мостов и с устоями есть совершенно бесполезный. труд.

Речки, берущие свое начало с Черных гор, имея вид канав, по своим свойствам совершенно противоположны тем, которые вытекают из Главного хребта гор. Летом, в сухое время, когда первые значительно мелеют, последние, напротив того, получают наибольшую **[376]** прибыль воды от таяния в горах снега. Второстепенные речки текут довольно медленно в берегах, большею частию топких и по такому же топкому ложу, а потому имеют весьма мало бродов, но за то почти на всех дорогах переброшены через них мосты. Последние, по незначительной ширине речек, не требуют особенных усилий при постройке; устройство их несложно, тем более, что вода в таких речках не возвышается быстро ни от дождей, ни от таяния снега.

Леса этой местности, состоящие из крепких лиственных пород: дуба, бука, чинара, вяза, груши, вишни, черешни, лычи (дикая слива) и в особенности орешника, перемешанные с виноградником, боярышником и кизилем, покрывают почти всю Чечню и представляют летом непроходимую чащу. Местами попадаются обширные поляны, кое-где поросшие кустарником, на которых зреет хлеб и пасутся стада. Лес преимущественно растет на Черных горах и у подножия их, а также у устьев рек и речек, орошающих Чечню, в особенности же между рр. Мичиком и Шавдоном, Гойтой и Гехи. Средняя часть Чечни, по которой пролегает так называемая чеченцами *русская дорога*, от Куринского до Нестеровского укрепления, по большей части открыта, и только леса: Гехинский, Гойтинский, Шалинский, Автурский, Маюртупский и Качкалыковский, изрезывают эту часть Чечни узкими полосами, от 400 до 700 сажен.

Средняя часть, как более открытая, представляла более удобств для жизни, а потому здесь-то и было скучено почти все население; здесь находились известные по величине и богатству аулы: Бата-Юрт, Акаюрт, Маюртуп, Гельдиген, Автур, Герменчук, Шали, Большая и Малая Атага, Урус-Мартан и другие. По мере того, как наши войска стали двигаться *по русской дороге*, аулы эти стали пустеть, а жители переселялись в близ лежащие леса. До 1840 года, аулы все-таки сохраняли свой наружный вид и свою многолюдность. С возмущением же Чечни,

все жители этих аулов расселились по лесам, растущим по Сунже и у подножия Черных гор, и огромные богатейшие аулы их совершенно исчезли. В настоящее время о существовании их говорят только остатки их садов. Самое густое народонаселение укрывалось в лесах, растущих у устьев рек и речек, протекающих по Чечне, в особенности же между рр. Гойтой и Гехи (куда переселилась в 1840 году большая часть надтеречных чеченцев) и между Джалкой и Качкалыковским хребтом, составляющим крайний отрог Сулако-Терского водораздельного хребта. Непрерывное движение наших войск в глубь страны и постройка на занятых местах укреплений заставляли чеченцев удаляться от нашей линии укреплений. Постепенно приближаясь к Черным горам, они расселились по различным их ущельям и по верховьям рек и речек.

На пространстве между речками Фортангой и Гехи Малая Чечня отделяется от обществ Галгаевского, Цоринского и Акинского двумя ветвями гор, составляющими продолжение главной отрасли северного склона. Та ветвь, которая имеет северо-западное направление и оканчивается горою Нох-Корт, придает гористый характер всему пространству, заключенному между рр. Фортангой и Нетхой, до бывших аулов Аршты и Ачхой. Другая ветвь имеет северное направление, пролегает между рр. Нетхой и Гехи и проникает внутрь Чечни своими отрогами также далеко, как и первая ветвь. Между рр. Гехи и Аргуном, отроги Главного снегового хребта вдаются в Чечню полукругом и отдаляются из нее в том месте, где р. Мартан прорезывает их. Сулако-Терский водораздельный хребет, отойдя от Главного Кавказского хребта, у горы Борбало, пускает на север длинные отроги гор, которые, своими ветвями и уступами, наполняют восточную часть Большой Чечни; вся же западная часть Чечни наполнена отрогами Главного Кавказского хребта. С северной стороны обоих хребтов и параллельно им пролегает второстепенный кряж, образующий как бы предгория или уступы главных хребтов и обозначающийся весьма резко крутым и почти обрывистым скатом к стороне последних. К северу же он пускает длинные, более доступные, отроги, изрезанные глубокими оврагами.

Из отрогов Сулако-Терского хребта, пролегающих по Ичкерии и Ауху и составляющих, так сказать, правый берег р. Аргуна, наиболее замечательны: *Качкалыковский*, замыкающий с запада Кумыкскую плоскость, и хребет, отделяющийся от горы Чабирли, разветвляющийся между Аргуном и Хулхулау и доходящий до кр. Воздвиженской. Горы, наполняющие всю местность между Хулхулау, Гудермесом и Аксаем, делают ее весьма гористою. Отделяющаяся от этой отрасли ветвь против Ведено и пролегающая по левому берегу Аксая до Герзель-аула, образует далее хребет, известный под именем *Качалыковского*. Между Аксаем и Акташем пролегают отрасли гор, отделяющиеся от хребта Джалдари-Меэр и доходящие до Хасав-Юрта. Эти-то отрасли и делают местность Ичкерии и Ауха покрытою горами довольно значительной высоты, с крутыми балками, так что сообщение между селениями производилось только по долинам рек, а поперечных сообщений через горы почти не существовало. Туземное население знало только о существовании вьючных дорог между аулами, и обыкновенный вид сообщения по ним была верховая езда. В настоящее время, трудами войск, покоривших Кавказ, прокладываются многие дороги для колесного сообщения.

Все горы, наполняющие Чечню, Ичкерию и Аух, покрыты строевым лиственным лесом, отчего, по наружному виду, и называются Черными, в отличие от снеговых, одетых постоянно в белую пелену снега. Северная часть Большой Чечни отделяется от Терека *Умахан-юртовским* хребтом, а в семи верстах от кр. Грозной, между Гойтой и Аргуном, стоят две отдельные горы, образующие собою знаменитое в истории Ханкальское ущелье. Горы эти были прежде покрыты густым лесом и служили лучшим притоном для хищников, нападавших на пограничные наши селения. Эти нападения и заставили Ермолова расчистить Ханкальское ущелье и, для устрашения хищников, поставить против него крепость Грозную.

В Чечне нет особенно низменных мест, хотя Большая и Малая Чечня и изобилует болотами. «Но образование этих болот скорее должно приписать постоянно влажной почве густых непроходимых лесов, нежели низменности тех пунктов, на которых они находятся».

Что касается до климата Чечни, то он сходен с климатом средней полосы России: здоров, летом бывают сильные жары, а зима довольно суровая, снежная, с морозами, доходящими до 20^0, так что большая часть рек замерзает, в том числе и Сунжа, за исключением только некоторых ее мест, отличающихся быстротою течения. В июне, июле и августе дни бывают весьма жарки, а ночи, напротив того, прохладны. Эти быстрые и ощутительные переходы порождают лихорадки и другие болезни. В Ичкерии и Аухе климат суровее, чем в остальных местностях, населенных чеченцами, и зима продолжительнее.

Климатические условия и производительность Чеченской плоскости вполне способствуют развитию хлебопашества в самых широких размерах, но в горных пространствах чувствуется значительный недостаток в удобной пахотной земле, так что жителям часто приходится прибегать к вырубке лесов для очищения мест под посевы.

Земли жителей гор состоят преимущественно из крутых покатостей, зачастую не дающих ровно никакой растительности, так что жители принуждены прибегать к приспособлению ее искусственным образом к тому, чтобы сделать ее способною к произрастанию хлеба, необходимого для их существования. «Вблизи жилищ, пишет г. Грабовский, встречаются искусственно устроенные террасы для посева хлебов. Нужно видеть эти террасы, чтобы судить о громадности труда, потребовавшегося на устройство их; оне находятся обыкновенно в таких местах, где сама природа отказала дать что-либо. Чтобы устроить площадку в 10—12 аршин длины и в 5 ширины, необходимо было горцу расчистить и сравнять выбранную для этого местность; но так как и после этого площадка кроме камня ничего другого не представляла, то понадобилось натаскать туда земли и вообще удобрить ее на столько, чтобы она могла приносить желаемую пользу. Конечно, все это удобно было сделать тому, у кого оказался на этот раз рабочий скот».

На этих небольших площадках туземцы засевают: ячмень, овес и отчасти пшеницу, но в таком количестве, что они далеко не обеспечивают продовольствием семейств на круглый год. Недостаток хлеба заставляет одних нанимать поля на плоскости, других вырабатывать насущный кусок поденным трудом, преимущественно во время уборки посевов, и, наконец, третьих, обращаться с просьбою о подаянии к родственникам, живущим на плоскости. Но все эти заработки и изыскания средств к приобретению насущного хлеба не дают многого, и туземцу, по недостатку земли, приходится перебиваться кое-как. Недостаток удобной земли так ощутителен, что многие общества и аулы не имеют вовсе кладбищ, а «складывают, или, вернее, сваливают трупы умерших в нарочно устроенные из земли склепы. Подобный обычай погребения, как говорят сами жители, сложился единственно вследствие недостатка земли. Это показание подтверждается самым наглядным образом: склепы обыкновенно находятся на таких местах, где, действительно, сделать что-нибудь другое нельзя было».

В прежнее время, в Чечне, на плоскости, земледелие было в довольно хорошем состоянии, но с переселением жителей, в 1840 году, за Сунжу, народонаселение там значительно скучилось и почувствовался большой недостаток в земле. Расселившись по лесам отдельными хуторами или небольшими аулами, чеченцы, по недостатку земли, должны были засевать большею частию столько хлеба, сколько доставало, и то с трудом, для годичного пропитания семейства. Все хлебопашество ограничивалось посевом кукурузы, пшеницы в малом количестве и еще менее проса. Количество накашиваемого чеченцами сена было едва достаточно для прокормления, во время зимы, скота, которым жители были вообще очень бедны. Огороды и сады их были весьма не велики. Чеченцы садили лук, чеснок, огурцы, тыкву и редко арбузы и дыни. Фруктовых деревьев было у них весьма немного, а виноград в Чечне растет только в диком состоянии.

Не смотря на все это, жители плоскости снабжали хлебом верхне-аргунских чеченцев, которые мало занимались хлебопашеством и не имели хлеба для собственного пропитания. Необыкновенная умеренность в пище делала возможным такое снабжение. Не имея сами много

хлеба, чеченцы, живущие на плоскости, кормили множество нищих, спускавшихся к ним с гор за подаянием. «Ежегодно, через Осман-Юрт, от сентября до апреля и позже, говорить г. Клингер, проходило до четырех сот человек нищих, полунагих тавлинцев, старых и молодых, мужчин, женщин и детей. Собравшись артелями от девяти до десяти человек, они обходили аулы, испрашивая подаяния ударами в бубен, с припевом текста из Корана. Некоторые нанимались работать, без платы, за кусок хлеба, за дневное пропитание, или собирали черемшу, различные ягоды, которые выменивали на муку. В особенности жалки были толпы этих несчастных зимою, в сильный холод, когда они, лишенные всякой одежды, скитались из аула в аул. В каждом чеченском селении были установлены особые дни в году, когда жители приносили к мечети пищу для раздачи ее бедным».

Чеченцы, сами чувствовавшие недостаток в пропитании, смотрели неприязненно на партии тавлинцев, будучи обязаны их продовольствовать. Неловкость тавлинцев, их трусость и нахальство, часто выражаемое явными шуточными насмешками, возбуждали в чеченцах презрение к этим бродягам, и в особенности зимою народ считал присутствие их для себя обременительным и тяжелым.

При всех этих условиях, если у обитателей плоскости и оставался излишек хлеба, то в обмен на него они получали мед, воск, шерсть, сукно грубого изделия, плохие ковры домашнего изделия, звериные шкуры, бурки, сафьян и тому подобные материалы, которые они, в свою очередь, сбывали, через мирных чеченцев, кизлярским купцам и получали от них холст, грубые бумажные материи, ситцы, шелковые материи низшего достоинства, железо, соль и медную посуду.

Ичкеринцы также занимались хлебопашеством и, можно сказать, даже все без исключения, но размеры возделанной земли были весьма незначительны. Для расширения своих полей, они принуждены были рубить лес и выжигать траву. Самая пахота производилась или сохою, или же просто острой палкой делали легкую борозду и клали туда зерна.

Недостаток места – главная причина ограниченности размеров, в которых производились посевы, состоявшие главнейшим образом из кукурузы, пшеницы, ячменя, незначительного количества проса и льна. Последний сеялся только для масла, так как туземцы, не знакомые с выделкою из льна холста, бросают его стебель.

Не смотря на глинистый грунт, урожаи бывают довольно удовлетворительные и лучшие на тех местах, которые защищены с севера горами. Дожди, падающие почти ежедневно, начиная с 15-го апреля и до 1-го августа, оказывают большое влияние на урожаи: чем лето суше, тем жатва обильнее, и на оборот.

Почва горных пространств, будучи осадочного происхождения, состоит из глины с небольшим слоем чернозема. Во многих местах котловины и впадины изобилуют мочежинами, и почва оседает или сползает, меняя наружную поверхность. Бывали случаи, что целый аул или часть горы сползал с своего места, оставляя после себя желтую глинистую осыпь. При больших дождях, со склонов гор, сползает густая масса в виде селей и уносит с собою весь чернозем, вместе с засеянным зерном, а на месте его остается ни к чему не годная глинистая осыпь.

Скотоводство, как в Ичкерии, так и у жителей Ингушевского округа (до 1866 года в состав Ингушевского округа входили: джераховцы, кистины, галгаевцы, цоринцы, акинцы и мереджинцы. В 1866 году последние два общества присоединены к Аргунскому округу), было незначительно; скот хотя и силен, но мал ростом. Лошадей мало, и о размножении их жители не хлопотали. Несколько в лучшем виде находилось овцеводство, которым занимались почти все ичкеринцы; шерсть овечья сбывалась в Андию, где из нее выделывали бурки. Причиною неудовлетворительного состояния скотоводства, были недостаток лугов, сенокосных и пастбищных мест. Сена было так мало, что его с трудом хватало на зиму, и при том доставка его с гор была крайне затруднительна.

«Приготовить покосное место в горах и потом собрать с него сено так же трудно, как и приспособление полей для посевов. Прежде всего нужно было крутые покатости гор очистить от камня; но так как величина многих из этих камней не позволила людской силе сдвинуть их, то покосные места должны были оставаться между ними. Здесь-то, под палящими лучами солнца, горец работает косою и сгребает в небольшие копна накошенную траву. Непривычный человек едва ли бы сумел свободно ходить по этим покосным местам. Только доставка сена вниз горцу не трудна: копна обыкновенно туго переплетается древесными гибкими прутьями и в таком виде сталкивается под гору; нередко, впрочем, случается, что копна, ударившись о камень, разрывает связывающие его прутья, и сено, всегда легкое и без бурьяна, разлетается по воздуху; горцу же остается смотреть, как исчезает быстро его труд, да снова взяться за другую копну».

Недостаток сенокосов заставляет жителей гор ограничиваться содержанием самого ограниченного числа скота, да и для прокормления его пасти часто на чужих землях. Так, галгаевцы, для прокормления своего скота, нанимали у казаков гору *Ушхот*, а большая часть ичкеринского скота паслась летом на северном склоне Сулако-Терского хребта.

Чеченцы, живущие на плоскости, также не могли похвастаться обилием скота, но здесь недостаток его произошел совершенно от других причин. Чеченцы в прежнее время были богаты скотом, но двухлетнее истребление нами сена, в 1840 и в 1841 годах совершенно расстроило их скотоводство. Домашнюю птицу их, составляли одни только куры. Кроме того, чеченцы занимались немного пчеловодством и разведением в самых ограниченных размерах, шелковичных червей, что исключительно лежало на обязанности женщин.

Промышленность чеченцев ограничивалась выделкою дурного пороха, довольно плохого сукна на зипун, сыромятной кожи, овчины, войлока, бурок и грубого холста, приготовляемого женщинами. Все это продавалось или обменивалось на чугунные котлы, холст, крашенину, пестрядь, калмыцкий чай, небольшое количество стали и железа. Все эти вещи добывались через армян и других промышленников, или мирных чеченцев, иногда из третьих или четвертых рук. Сами чеченцы торговлей занимались мало и считали это занятие постыдным. В краю, где война была не что иное как разбой, а торговля – воровство, разбойник, в мнении общества, был гораздо почтеннее купца, потому что добыча первого покупалась удальством, трудами и опасностями, а второго – одною ловкостию в обмане. Если чеченцу и случалось что-нибудь продавать, то он продавал без уступки. Многие из племен, соседних к нашим пределам, имели своих родственников среди мирных чеченцев. Пробираясь по ночам в их аулы, они приобретали, при их посредстве, все необходимое в замен доставленного сыру, луку, масла или чего-нибудь краденого. Прожив тайно день или два в доме мирного своего кунака, промышленники такого рода возвращались по ночам, с приобретенным товаром, в свои горы. Свой своего не выдавал, а прекратить такую промышленность не было возможности. Аулы мирных были разбросаны на значительное расстояние, не обносились ни забором, ни канавою, и потому имели во все стороны бесчисленное число выходов, доставляющих возможность легко ускользнуть от внимания других. Часто однакоже подобные лица, с нагруженными товаром арбами, попадались в руки наших козаков.

Чеченцы над-теречные и сунженские, до 1840 года, вели довольно значительную торговлю лесом. Они приготовляли в течение зимы плоты строевого и дровяного леса, и, в половодие, сплавляли их по Сунже и далее по Тереку, до Кизляра, где их собиралось ежегодно довольно значительное количество (до 600 плотов). Другой вид промышленности были обручи, бочарные доски и *таркалы* (колья, к которым привязывают виноградные лозы), доставляемые также в Кизляр, богатый своими виноградными садами. Жители горных пространств не пользовались и этим видом промышленности.

Лес в Чечне не составлял частной собственности: каждый, кому он был нужен, мог рубить где угодно и сколько угодно, а при обилии его кругом, покупать не было никакой надобности,

так что, собственно говоря, лес не представлял собою никакой другой ценности, кроме той, во что обходилась его доставка, стоившая, впрочем, по отсутствию дорог, довольно дорого. Жители Ичкерии, и вообще горные, снабжали чеченцев, живущих на плоскости порохом, частию оружием, медною посудою, яблоками, грушами, виноградом и орехами. Вся эта торговля была, по преимуществу, меновая и редко велась на деньги. Мерою длины служил *локоть*, а для сыпучих тел высшая мера, известная чеченцам, была равна восьми нашим гарнцам и содержала в себе пять *сага* или чашек; две такие меры назывались *мозоль*. Для определения веса употребляли *пуд* (пунт) и *фунт* (герке); вешали безменом. По малому обращению золота, чеченцы имели скудное о нем понятие, не придавали ему особенной цены, а предпочитали всему серебряные деньги, в особенности новую блестящую мелочь. Монетная система их была также не разнообразна: десять рублей они называли одним общим именем *тюмень*, один рубль *сом*, двадцать копеек серебром – *эпиз*, пять копеек – *шаги*; других названий деньгам не имели.

Глава II. Господствующая религия чеченцев магометанская, суннитской секты. Нагорные чеченцы никогда не были христианами и весьма строго придерживаются магометанства. Напротив того, жители Большой и Малой Чечни, как свидетельствуют предания и развалины древних храмов, встречающиеся и до сих пор в стране исповедовали некогда христианскую религию.

Следы христианства видны из того, что по чеченски неделя называется точно также, как и у грузин – *квирэ*, а воскресенье – *квиренд*, т. е. недельный день; пятница же называется у них *пирескэ*, от грузинского *параскеви*. Ко всему этому можно прибавить то, что при входе в Аргунское ущелье, близ аулов Атага и Чахкери, на том самом месте, где построена была Воздвиженская крепость, был найден большой каменный крест с вырезом для образа; от этого креста и крепость получила настоящее свое название.

Трудно определить, когда именно чеченцы приняли мусульманскую религию, но с достоверностию можно сказать, что различные племена этого народа принимали эту религию разновременно и, во всяком случае, ислам водворился у них не ранее начала прошлого столетия. Один из значительнейших тохумов или фамилий чеченских принял последний мусульманскую веру около ста лет тому назад. Этот тохум известен под именем Гуной, и предпоследнее поколение его, как известно, придерживалось еще некоторых христианских обычаев не далее как за 60 лет.

– Не скрою от тебя, говорил чеченец Заур маиору Властову, что я знаю, наверное, что седьмой отец мой (предок в седьмом поколении) ел свинину. Я не помню крестов, но слыхал, что мы исповедовали какую-то другую веру, но какую именно, не знаю…

Назрановцы или ингуши, кистины, галгаевцы, цори и джерахи принадлежат к смешанной религии. Большая часть из этих народов исповедуют, по наружности, православную веру, другие магометанскую и, наконец, третья часть совершенные язычники. Христианство исповедует преимущественно простой народ, а фамилии старшин придерживаются магометанства, как допускающего многоженство.

Галгаевцы хотя и называют себя магометанами и имеют мулл, но следуют особому и весьма оригинальному богослужению. Они молятся только по ночам у четырехугольных столбов, устроенных в рост человека, на возвышенных местах или близь кладбищ. Весь процесс моления их заключается в том, что молящийся становится на колени и кладет свою голову в маленькую нишу, устроенную у подножия столба, с восточной стороны.

Исполняя некоторые христианские обряды, они в то же время поклоняются идолам. У ингуш идол *Гушмале* пользуется уважением многих аулов и даже соседних племен. Ингуши почитали прежде нечто в роде человеческих скелетов. В двадцати верстах ниже крепости Назрана, по Сунже, выстроена каменная будочка, в которой находятся эти скелеты. Теперь верование в них почти совершенно оставлено, но ингуши и в настоящее время прикрывают их

полотном, в знак того, что и до сих пор сохраняют некоторое уважение к их остовам. Предание утверждает, что скелеты эти принадлежат народу *нарт*, некогда жившему около Назрана, и что они оставались нетленными в течение 2,000 лет, но, с приходом русских, стали портиться.

Ингуши признают единство Бога и, называя его *Дайле*, содержат два поста: один весною, другой осенью. Главный жрец их, называемый *святым человеком*, жил прежде при старинной каменной церкви, на высокой горе, неподалеку от Ингушевского аула. Церковь эта и до сих пор в большом уважении между ингушами. Они приносят ей в жертву скот, никто не смеет взойти в ее внутренность и, при приближении, каждый падает ниц, в знак высокого уважения. Имя церкви употребляется в клятвах, а стены ее служат убежищем больным и несчастным, которые поселяются около нее в особо построенных для того хижинах. Подобно ингушам, и кистины соблюдают пост в феврале и марте месяцах, и во все продолжение его употребляют растительную, но не животную пищу.

Следуя некоторым христианским уставам, ингуши, кистины и галгаевцы празднуют однако же новый год тремя днями ранее нашего. Год свой они считают в 365 дней, но разделения его на месяцы не знают. Ингуши знают о существовании луны (бут); имеют название дней в неделе, но счет дней ведут с понедельника.

Накануне нового года производится гадание: святоши, или *одаренные* даром предсказаний, отправляются в ближайшее капище, ложатся животом на землю и остаются в таком положении целую ночь. На следующее утро, в самый день нового года, они выходят из капища и объявляют суеверным то, что они, будто бы, слышали, лежа и прислушиваясь к земле.

Народ всех трех поколений, в день нового года, отправляется в горы, где и приносит жертву *Гальерду*, почитаемому ими за святого. Гальерд – это дух, в честь которого посвящены многие церкви и часовни, оставшиеся от бывшего некогда в этих землях христианства, или в честь которого построены новые капища и жертвенники. Жертвоприношения их этому святому состоят из произведений незатейливого их хозяйства, и преимущественно из вновь отлитых пуль, которые и складываются в капище. Перед жертвоприношением зажигаются восковые свечи, а после того пируют и веселятся.

Кистины, 5-го июля, собираются на гору Матхох, на вершине которой находится три памятника, обращенные фасадом на восток и называемые туземцами церквами. В одном из них они совершают празднества в честь св. Георгия, в другом Божией Матери, а в третьем – св. Марине. Внутри строений нет ничего, кроме навешанных по стенам и наваленных на полу, в куче и беспорядке, турьих, бараньих и оленьих рогов, нескольких значков и стаканов, принесенных в жертву. Места эти глубоко уважаются окрестными жителями, собирающимися на праздник из отдаленных селений. Празднество сопровождается жертвоприношениями, играми, песнями, плясками и продолжается часто несколько дней.

В деревне Хули, кистинского племени, существует пещера, около которой в скале вделан железный крест. Пещера эта, точно также как и находящаяся в том же ауле древняя церковь, посвящены памяти св. Ерды. Пещера известна туземцам под именем *Тамычь-Ерды*, а церковь – *Зодцох-Ерды*; в последней и до сих пор совершаются поклонения и жертвоприношения.

По преданию, лет четыреста тому назад, Ерда Дударов, предок ныне существующей значительной фамилии в Тагаурском ущелье, построил церковь и назвал ее по кистински *Зодцох-Ерды*, т. е. во имя св. Ерды, пользующегося особым уважением между кистинами. Каждый из жителей, предпринимая какое-нибудь дело и желая окончить его с успехом, обращается с просьбою к этому святому; больные просят его исцеления. В честь этого святого совершаются празднества: по указанию одних, в половине июня, а по словам других в августе, перед началом жатвы, и в октябре.

В день праздника все кистины, кто только почитает св. Ерды, не различая ни пола, ни возраста, собираются в хулинскую церковь. Мужчины молятся днем, женщины же приходят

в храм только ночью. Празднество начинается обыкновенно молитвою, произносимою каждым молящимся.

– Дай Господи милость свою, произносят он, и ты, св. Ерды, окажи оную, вместе с Матциала (св. Матвей, по преданию кистин, был первый почитатель церкви и установитель обряда жертвоприношения), чтобы в хлебе было плодородие, в скоте изобилие, а в детях счастие. Избави их от вражды и всякого несчастия и несогласия, но ежели кто из них будет иметь вражду, то чтобы мог преодолеть оную на всегда и во всякое время.

Окончив молитву, пришедшие совершают жертвоприношения, которые состоят из разного рода животных, при заклании которых всегда обращаются на восток. Затем начинается праздник, продолжающийся целые сутки и состоящий в песнях, пляске, пьянстве и обжорстве.

В половине июня месяца джерахи вместе с кистинами совершают ежегодно праздник в честь Мацели (Божией Матери), во имя которой посвящена церковь, или лучше, часовня, находящаяся на так называемой Столовой горе, видимой из Владикавказа.

Отправляясь на праздник, жители берут с собою скот, предназначенный на жертву, и, кроме того, каждый обязан сделать приношение: стакан, колокольчик, значок и проч. Подобные священные места всегда завалены этими приношениями и костями жертв, и никто не трогает их из опасения Божьего гнева. Для отправления праздника, выбирается один из жрецов, которому поручается управлять церемониею. Накануне праздника, он отдает приказание, чтобы все взрослые девушки, имеющиеся на лицо, собрались по утру в назначенном месте. Туда же приходят и мужчины, желающие принять участие в празднике. «По сборе всех на место, жрец-церемониймейстер выбирает самую красивую девушку и предлагает ей идти вперед, а сам следует за нею, держась за ее платье; примеру жреца следуют и другие. Таким образом составляются пары, которые одна за другою подымаются на гору к священному месту». Принеся на горе жертву, туземцы пируют.

У галгаевцев, близ аула Хейры, есть старинная церковь, называемая туземцами *Каба-Ерды*, основанная, по мнению некоторых, в XII веке. Церковь эта в большом уважении у жителей. Два раза в год, на пасху и в троицын день, галгаевцы собираются к церкви, «делают жертвоприношения, бьют быков и баранов, спрыскивая их кровью стены и помост и прибивая головы жертв к стенам церкви, после чего бывает джигитовка и пиршество».

Точно таким же почетом пользуются у этого племени часовня *Дзорах-деэль,* и преимущественно церковь *Тхабяй-Ерды* (названия *Каба-Ерды* и *Тхабяй-Ерды* не принадлежат ли одной и той же церкви? Я не мог отыскать необходимых для этого разъяснений, но полагаю, что вся разница состоит в произношении названия туземцами. Желательно бы было, чтобы лица, близко знакомые с местностию и с жизнию туземцев, разъяснили это), близ которой жители оставляют без всякого присмотра хлеб, сено, дрова и прочее, вполне уверенные, что никто не осмелится похитить отданное под защиту церкви. Об этой церкви между галгаевцами ходит точно такой же рассказ о человеческих костях, какой существует у осетин и приведен нами выше. «По рассказу стариков, пишет г. Грабовский, в одной из полуразрушенных келий, окружающих церковь, есть отверстие (заложенное), ведущее в подземелье, в котором хранится человеческая кость, бедро, имеющее в длину слишком два аршина. Когда в горах бывает засуха (редкое явление), жители окрестных аулов собираются к церкви, и поручают одному из почтенных стариков отправиться в названное подземелье достать оттуда кость; с нею, сопутствуемый народом, выборный идет к реке Ассе, погружает ее несколько раз в воду и затем опять относит в место хранилища ее. Туземцы уверяют, что всегда, как они прибегнут к этой церемонии, дождь льет ливмя. Кроме этого, некоторые туземцы по секрету рассказывают, что там же, в другом подземелье, хранятся книги и церковная утварь, но никто не вызывается указать это место, как и то, где хранится благодетельная кость».

Подобно осетинам, племена ингуш, кистин и галгаев считают в году три главных праздника: новый год, день пророка Илии и день св. Троицы. Имея очень много сходства в образе

жизни и обычаях с осетинами, племена эти не отличаются от последних и по обычаям, совершаемым во время праздников, точно также как и самые праздники бывают одновременно с осетинскими.

Остальное население Чечни исповедует, как выше сказано, ислам. По правилам этой религии, женщины, кроме самых престарелых старух, не допускаются в мечеть. Причиною тому служит обязанность женщины молиться с открытыми лицами, что допускается только в присутствии самых близких родственников. К тому же, перед молитвою, каждая женщина обязана снять с себя шальвары, чтобы тем устранить всякое сомнение в своей телесной нечистоте.

Хотя Магомет лично отвергал монашество и сказал, что *нет монашества в исламизме* (ля рагбанияти фи-ль ислам), но, не смотря на то, впоследствии образовались многие монашеские ордена, основанные с весьма разнообразными целями и видами. В числе их появился и муридизм, проповедующий *тарыкат*, или *истинный путь* к спасению. Учение ислама состоит собственно из трех проявлений духовной деятельности ророка: *шариата*, *муридизма* и *хакикята*.

Шариат есть исключительно наставление или живое слово Магомета, и заключает в себе правила, которыми следует руководствоваться в жизни каждому правоверному. Исполнители шариата есть лица духовные, которые носят название: *улемов*, *кадиев*, *муфтиев* и *мулл*. Они обязаны проповедовать добродетель, примирять враждующих, решать возникающие споры, судить за проступки и определять за них наказания. Эти же лица обязаны следить за чистотою религии, заботиться о ее распространении и, в отношении богослужения и исполнения религиозных постановлений, отправлять по пятницам, или в праздничные дни, установленные молебствия и совершать различного рода обряды.

В истории развития магометанского учения и в ряду религиозных революций между мусульманами играет весьма важную роль *муридизм*, основанный собственно на трех началах, которые называются: *да'ват*, *джигад* и *тарыкат*. *Да'ват* означает собственно приглашение людей к восстанию против ненавистной власти и к защите законных или религиозных прав мусульман.

С появлением ислама и с приобретением Магометом силы и власти, пророк посылал своих доверенных лиц к разным соседственным владетелям, с приглашением принять ислам добровольно, по собственному желанию. В случае отказа, Магомет предпринимал *джигад*, что, в техническом переводе, означает «*война за веру*» и принуждал отказавшихся силою к тому, чего они не хотели принять добровольно. Впоследствии многие из его преемников, и даже, более того, «всякий самозванец, устроивши начало своего политического или духовного поприща, посылал из числа своих друзей и сподвижников агентов и миссионеров, с приглашением (с да'ватом) жителей разных стран последовать его учению или под его знамя». Отказ приглашаемых к исламизму вызывал, со стороны приглашавших, распространение своего учения мечем, т. е. при помощи *джигада*. Таким образом последний есть результатом отказа на *да'ват*.

Джигад в руках халифов служил долгое время лучшим орудием для завоевания различных стран и объяснялся мусульманами, как дело священное и совершенно законное. «О пророк! говорит Аллах словами корана Магомету; ратуй против неверных и богоотступников и будь жесток к ним: их жилищем будет ад, и скверная дорога предстоит им туда… Бог обетовал правоверным обоего пола сады в раю, в которых протекают вечные ручейки, и блаженные жилища в садах аднских… По истине, те, которые веруют и которые оставляют свое отечество и воюют на пути Божием – по истине те ищут с надеждою милости Аллаха». Такое положение, лежащее в основании религии, естественным образом становилось непременным заветом для каждого мусульманина вести войну за веру, тем более, что, кроме загробной награды, обещанной каждому павшему в джигаде и даже участвовавшему в нем без лишения живота, предоставлялись существенные и материальные выгоды в настоящей жизни. По установлению Маго-

мета, добыча, головы и имущество побежденных, их жены и дети, становились собственностию победителей. «Голодным, подданным имама, пишет Казем-Бек, джигад, конечно, должен быть милее и усладительнее, чем охота для страстного охотника».

Совершенно противным джигаду является учение *тарыката*. *Тарыкат*, или *путь к Богу*, служит как бы указанием нравственного пути, по которому должен следовать каждый правоверный, чтобы достигнуть блаженства. Последователей этого учения называют по-персидски *иманами* (имамами) и *пирами*, а по-арабски *шейхами*, *софиями*, *муршидами* и проч. Истинные исполнители этого учения должны искать уединения, день и ночь молиться Богу, отличаться восторженною любовью к Творцу, *не заботиться о суете мирской, не вмешиваться в светские дела, отказаться от власти и ни в каком случае не употреблять оружия*.

Хакикят, есть видение, или верование пророка. Из всех трех учений: шариата, муридизма и хакикята, только один шариат обязателен для всех без исключения мусульман. Тот, кто не повинуется шариату и его уставам, тот не имеет права носить названия правоверного, и такого человека ожидают не блаженство в будущем, не гурии, а страшные муки в адском огне. Тарыкату же могут следовать только желающие и избранные, такие лица, которые не довольствуются обещаниями райских наслаждений, а проникнуты глубоким сознанием и верою в величие Бога и убеждением в ничтожестве земной жизни. Еще при жизни Магомета встречались благочестивые люди, которые, по внутреннему влечению или по призванию, совершенно удалялись от света и предавались молитве и самоизнурению. Проводя дни и ночи в пустынях и пещерах, они питались кореньями трав и, своими поступками, возбуждали любопытство, удивление, а в некоторых даже и уважение к подобному подвижничеству. Эти боголюбивые люди впоследствии составили братство, очень похожее на христианское монашество.

Сам Магомет не был против того учения, которое ныне известно под именем *тарыката*; он даже присваивал его себе, говоря: «*тарыкат – это мои деяния*». Но пророк не любил христианского монашества, и оттого только, что оно требовало безбрачия, а потому приведенные нами слова его: что *нет монашества в исламизме*, следует понимать в смысле того, что в исламизме нет монашества с правилами христианскими. Таким образом *тарыкат* не есть новое учение, но оно явилось почти одновременно с магометанством или, по крайней мере, застало в живых главу исламизма – самого пророка Магомета. Желающий следовать учению тарыката должен отречься от мира и предаться созерцанию истинного Бога. Для достижения этой цели, он должен обратиться к опытному наставнику, который мог бы сообщить ему все таинства и условия, для достижения самой высшей степени нравственного совершенства.

Тот, кто учит тарыкату, называется *муршид* (указующий путь желающим), а тот кто учится или следует учению муршида – называется *муридом* (ищущим, желающим истины). Основание этого учения, приведенное в систему, и составляет часть того, что называют *муридизмом*.

Каждый желающий отречься от мира приготовляет себя к тому молитвою, потом приходит к *муршиду* и просит принять его в ученики. Они отправляются оба в особую комнату, и преклоняют колена на ковре, не запятнанном прикосновением ничего нечистого. Муршид читает молитву, основою которой служат определенные телодвижения и произношение некоторых слов корана; затем, посадив пришедшего перед собой, муршид берет его за руки и предлагает отречься от прежних грехов и воздержаться от будущих. Муршид называет при этом имена всех угодников и святых, которые после Магомета устно передавали откровение и созерцание, и этим духовно связав своего ученика с мединским пророком, просит его углубиться в себя так, чтобы в мыслях его ничего не оставалось, кроме мысли о Боге, а в памяти и воображении постоянно произносилось слово *Алла*! – это первая степень учения, так сказать нравственного духовного воспитания и очищения, в котором оба лица, учитель и ученик, просиживают несколько времени. Ученик получает довольно странное название *Адамиюль Машряб* (походящий нравом на Адама), которое и возлагает на него обязанность, в продолжение 120 дней,

ежедневно приходить к своему учителю, для созерцаний. Затем ученик проходит еще четыре степени очищения, употребляя для каждой по 40 дней, и тогда он походит нравом, постепенно, на пророков-законодателей: Адама, Авраама, Моисея, Иисуса и Магомета.

По мнению мусульман, не все пророки в равной степени содействовали образованию человечества. Только пять из них, имена которых мы только что привели, могут быть названы истинными представителями различных степеней развития человечества: первые четверо прошедших и современных им, а последний прошедшего и будущего. По этому для нравственного воспитания мурида и необходимо пройти все эти пять степеней.

Когда все это пройдено, тогда следуют приемы созерцаний. «Муршид приказывает муриду затаить дыхание в нижней части желудка и, произнося там мысленно слово *ля*, возводить постепенно дыхание, с удержанием окончательного звука *я* произнесенного слова, до вершины головы, откуда, направив дыхание в правое плечо, произнести там *илляхи*, и оттуда, сосредоточив его в сердце, произнести этим органом окончательные два слова символа *иль-Алла.* Процесс этот повторяется до 21 раза. Непосредственно после перевода дыхания он произносит языком славословие: *Мухаммед пророк Бога, да будет над нимб и над потомками его милость всевышнего Бога и поклонение*, и присовокупляет слова: *о Боже! ты желание мое и довольство мое*». Затем опять приступает к затаиванию дыхания и должен, в течение суток, повторить это действие до 500 раз. В этом-то собственно и заключается посвящение в таинство тарыката,

Название *муршида* и *мурида* впервые явилось среди отшельников и последователей тарыката. На мусульманском востоке имена муридов носило первоначально только монашеское сословие, но впоследствии явились и частные муриды, число которых постепенно увеличивалось. Люди, достигнув более или менее высокого знания тарыката и не принадлежа ни к какому монашескому ордену, имели своих последователей или учеников, называвшихся также муридами и не имевших никакой другой цели, кроме *преданности своему духовному воспитателю*.

С таким миролюбивым направлением, тарыкат, и вообще муридизм, появился и в Дагестане. Существуя здесь номинально, он не имел никакого политического характера, до тех пор, пока не явились люди, соединившие в себе духовную власть по шариату и тарыкат, решившиеся действовать при помощи фанатизма на своих учеников или муридов и посылавшие к ним *да'ват* или приглашение на *джигад*.

Положив в основание своей проповеди исключительно политическую цель, *войну за веру*, предводители горцев, поднявшие знамя восстания, для б*о*льшего успеха старались действовать на народ при посредстве религиозного суеверия. Сохранив название *муридизма* и продолжая называть последователей своего учения *муридами*, они стали проповедовать, что для чистоты религии необходим *газават* (священная война) против поработителей веры, что за потери и лишения, испытанные в здешней конечной жизни (дунья), правоверных ожидают наслаждения и блаженство в будущей (ахират).

Такие проповеди и последующие события совершенно извратили учение о муридизме в Дагестане, и оно явилось там в новом своеобразном виде. Предоставляя себе право изложить в историческом труде постепенное развитие тех начал, на которых существовал дагестанский муридизм, я остановлюсь здесь только на характере и особенностях его последователей и на их деятельности, вызываемой борьбою с русскими.

Истинные фанатики Чечни и Дагестана, или так называемые муриды, никогда не расстаются с религиозными атрибутами, сохранение которых на себе считают делом праведным и угодным Богу. Такими принадлежностями у мусульман считаются: чалма на голове или тюрбан (амамед), зубочистка (сивак), род нашей бритвенной кисти, с лошадиными волосами, оправленными в ручку или из дерева *арак*, растущего в Аравии, или в косточку от гусиной ножки, и наконец серебряное или медное кольцо, носимое на мизинце правой руки. По поня-

тиям таких лиц, совершение одного намаза (молитвы) в чалме равняется 25 намазам без нее, а с употреблением в дело зубочистки и кольца шестидесяти намазам.

Приобретение кольцом столь большого почета основано на легенде, существующей у мусульман. Однажды в Египте (Миссири) во время молитвы Магомета в поле, приползла к нему змея, преследуемая кошкою, и стала умолять пророка спасти ее за пазухою от угрожавшей опасности. Пророк исполнил ее просьбу, но змея, не считая себя безопасною за пазухою Магомета, просила его снова скрыть ее в своих внутренностях, на самое короткое время.

Пророк открыл свой рот и змея исчезла. Преследовавшая змею кошка, увидев себя лишенною добычи, удалилась в кусты; тогда пророк предложил змее выйти из данного ей убежища. Змея за гостеприимство отплатила изменою и соглашалась выйти на свет только тогда, когда великий человек даст ей полакомиться одним из любимейших членов своего тела. Магомет подал ей на съедение мизинец правой руки. Змея, высунув свою голову и половину туловища изо рта пророка, впилась в его мизинец, как вдруг из-за куста бросилась кошка, ухватила змею своими лапами и, вытащив ее на землю, уничтожила. В изъявление благодарности пророк погладил своею рукою кошку, отчего та получила способность никогда не падать с высоты на спину, а всегда на ноги, а израненный свой палец украсил колечком, которое и не снимал до самой своей смерти. Оттого и мусульмане ношение подобного колечка считают делом священным.

Отличительные качества дагестанского мурида есть ханжество, хитрость, притворство и шарлатанство. Мурида легко отличить от прочих мусульман по следующим признакам: мурид не пропустит ни одного намаза и сделает их больше, чем положено; носит карманные часы, преимущественно медные; никогда не расстается с четками, зубочисткою и колечком; если не находится в присутствии христианина, то надевает для молитвы чалму; в присутствии гяура всегда шепчет молитву; боится табачного дыма; избегает присутствия и встречи с христианскими женщинами, а своих жен держит взаперти и под покрывалом; не пьет чаю с сахаром, не носит золотых вещей, не надевает европейского платья; красит бороду только тогда, когда предстоит случай бить христиан. В установленное время для намазов, своим криком призывает правоверных к молитве и проч.

«Мурида, приходящего к учителю, говорит Ханыков, спрашивают только о знании закона и о решимости его отречься от грехов, а далее он возвышается единственно по мере его развития нравственных совершенств: следовательно, ни ум, в светском значении этого слова, ни богатство, ни рождение, не имеют никакого значения у последователей тарыката, так что простолюдин, очистивший сердце свое постом и молитвою и достигший последних степеней нравственного образования, стоит несравненно выше одаренного всеми благами вельможи, который, признав их ничтожество, прибегает к муршиду с просьбою о наставлении в тарыкате… Гораздо важнее, по последствиям своим, другое коренное правило муридизма – это привязанность учеников к учителю, которая должна быть так сильна, что они обязаны не только исполнять волю муршида, но даже стараться предупреждать его желания, прежде чем он выскажет их, понимая потаенные помыслы его искренно любящим сердцем».

Таким образом, в основании муридизма лежат два важные условия: одно чисто демократическое, дозволяющее людям хитрым, ловким и весьма часто руководимым единственно лишь своекорыстными видами, возвышаться до важных степеней силы и значения; другое же дает средство умным и властолюбивым муршидам руководить массою своих учеников-муридов и направлять их действия к достижению своих личных целей и стремлений.

Последнего тем легче достигнуть, что в основании муридизма лежит неразрывная духовная связь между муршидом (учителем) и муридом (учеником). Связь эта на столько сильна, что воля первого составляет закон для второго. В этом-то отношении распространение муридизма на Кавказе и было опасно для нас, потому что муршид соединял всех муридов в одно

общество, возбуждал их на разные подвиги для чистоты религии, и преимущественно на войну против врагов исламизма.

Истинный мурид должен быть грамотный, знать и другие священные книги, но у Шамиля большая часть муридов были неграмотны. Все муриды имели особую чалму, не курили, не пили водки и вина, но, воюя с русскими, они не имели времени строго соблюдать учение, а оттого являлись не монашествующим орденом или сектою, а толпою вольницы, действовавшей по указанию предводителя. Таким образом муридизм, со времени восстания в Дагестане, получил исключительно политическое направление, согласное с видами предводителей этого восстания. Явилось два сорта последователей муридизма, совершенно противоположных по духу и деятельности, из которых одних можно назвать *муридами по тарыкату*, а других – *наибскими муридами*. Первые посвящали свою жизнь исключительно изучению тарыката, разрывали все свои связи с внешним миром, удалялись от всего, что могло им напоминать житейскую суету, и в особенности избегали всяких неприязненных действий, а следовательно и войны.

Вторые же, или наибские муриды, были слепыми исполнителями воли начальства. Звание наибского мурида мог получить только тот, кто был лично известен наибу или тому обществу, к которому принадлежал мурид. От такого мурида не требовалось ни особенной религиозности, ни глубокого познания книжной мудрости; достаточно было того, если они плохо разбирали коран; но за то требовалось твердое убеждение в необходимости священной войны, или газавата, отсутствие физических пороков и недостатков, которые бы могли ему препятствовать владеть оружием, и более всего строгое повиновение своему наибу, «как бы ни были бесчеловечны и нелепы его приказания».

Все, что необходимо было для существования и участия в войне, как-то: лошадь, оружие, одежду, если он в ней нуждался, мурид получал от наиба; часто и все его семейство находилось на наибском содержании. «Такие условия, пишет А. Руновский со слов Шамиля, служили верною приманкой для людей, которым нечего было есть или нечего было терять. Впрочем и богатые люди шли в муриды, и чуть ли еще не с большею охотой, увлекаемые честолюбием: служба муридов считалась самою почетною в крае, и муриды, особенно состоявшие лично при Шамиле, если не пользовались особенною любовью, то одним видом своим внушали страх всякому».

Имея во главе политическую цель, Шамиль успел достигнуть того, что муриды присягали на коране: забыть узы родства, не щадить своих близких, родственников, а свято и беспрекословно исполнять волю повелителя. Муриды были единственною поддержкою Шамиля; через них он уничтожал вредных для себя людей тем более легко и удобно, что мурид, убивший кого-либо, не имел *канлы* (кровомщения). Оп был под защитою Шамиля и в полной его зависимости, а следовательно в такой же зависимости было и все его семейство. В лице своих муридов, Шамиль имел под рукою у себя и у ближайших своих помощников людей совершенно преданных, всегда готовых к безотлагательному исполнению мер, требуемых тогдашним исключительным положением страны и разнообразием ее населения.

Из всего сказанного видно, что учение муридизма в Дагестане приняло совершенно противоположное направление, чем в остальном мусульманском мире. Там последователь муридизма избегал войны и заявлял свое отвращение от всякого сорта бранных тревог, а в Дагестане, напротив, война была священным долгом каждого наибского мурида и исключительным его занятием.

Оттого-то истинные последователи тарыката не пользовались в Дагестане особою популярностию. Правда, их уважали как людей, ведущих богоугодную жизнь, как ученых, постигших сферу религиозных истин, но считали их людьми совершенно бесполезными, лентяями и отчасти трусами. Истинное учение тарыката прямо противоречило воинственным наклонностям независимого дагестанского народа, и в особенности его предводителей, а потому послед-

ние смотрели недоброжелательно на проповедников тарыката, как на личных своих врагов и людей, отвлекающих от их воинственных знамен целые сотни способных людей. Отсутствие грамотности и знаний делало народ слепым орудием проповедников религии, которые успели развить в муридах религиозный фанатизм, появляющийся всегда там, где люди не имеют точного и определенного понятия о своей религии.

Чтобы поднять еще более муридизм в глазах народа, Шамиль установил особые правила, по которым весь народ носил чалмы, как символ муридизма: муллы носили зеленые чалмы; наибы, управлявшие обществами – желтые; сотенные начальники – пестрые; чауши (глашатаи) – красные; гаджи, или лица, бывшие в Мекке – коричневые; палачи и фискалы – черные, а все остальные жители – белые.

С покорением Чечни и Дагестана, русское правительство разрешило носить чалмы только тем, кто был в Мекке. Эти наружные признаки, служившие, так сказать, вывескою степени религиозности каждого из подвластных Шамиля, не делали их, по убеждению, истинными мусульманами. Как чеченцы, так и жители Дагестана, о которых сказано ниже, учение пророка и слова корана далеко не соблюдали во всей точности. Только самые ярые Муриды строго держались внешней и обрядовой стороны учения; остальное население даже и в этом не следовало их примеру. Само чеченское духовенство готово было толковать коран и вкривь, и вкось. Если мулла видел легкий способ поживиться на счет суеверия его духовного сына, то он считал возможным такие вещи, которые вчера признавал святотатственными, или, по крайней мере, противными действию истинного мусульманина. Мусульманскому духовенству, по смыслу самого корана, предоставлено не только высокое значение и почетное место в обществе, но даже и власть гражданская, дающая им средство иметь большое значение в общественном управлении.

Верховный правитель многих мусульманских народов, есть вместе с тем и глава духовенства. По завещанию Магомета, суд и расправа между правоверными должны производиться по шариату, т. е. согласно тех правил и постановлений, которые изложены в коране, на всевозможные случаи преступлений. Толкователем этих постановлений было духовенство, производившее это разбирательство и постановлявшее приговор. Отсюда и происходило то значение и важность, которым пользовалось и пользуется везде магометанское духовенство, стоящее, по своему образованию, выше всех классов народа. Это последнее преимущество дает ему могущественное средство управлять произвольно умами легкомысленных мусульман, привыкших во всех случаях жизни покоряться умственному превосходству. Такое значение духовенство приобрело в Турции, Персии, в наших закавказских ханствах и даже в Дагестане. Из всех мусульманских земель, в одной Чечне духовенство никогда не пользовалось таким высоким значением.

В Чечне же, где жители были всегда плохими мусульманами, где не существовало никакого единства, ни порядка, и где, в особенности до Шамиля, ружье й шашка решали почти все дела, духовенство не имело особенного значения. Суд по шариату, как слишком строгий по нравам чеченцев, употреблялся ими только в редких случаях. В подобном обществе власть духовенства, не основанная на уважении к религии и на некотором гражданском порядке, не могла найти способной почвы для своего укоренения, а не поддержанное, к тому же, чувством собственного достоинства, оно пришло в упадок и бессилие. Оттого, до появления Шамиля, духовенство в Чечне было бедно и невежественно до такой степени, что во всей Чечне не было ни одного ученого, и молодые люди, желавшие приобрести какое-либо знание или даже только изучить арабский язык, на столько, чтобы уметь прочесть коран, должны были отправляться с этою целию в Чиркей, Акушу или в Казикумух. Все преимущество чеченского духовенства над прихожанами заключалось в посредственном знании грамоты, которая делала их необходимыми для других нуждавшихся в составлении разных письменных актов. Эта необходимость и давала им еще некоторое значение в народе. При поступлении в духовное зва-

ние не требовалось никакого обряда, а требовалось только одно знание грамоты. Церковное богослужение магометанской религии не требует никакой подготовки; оно состоит в дневных молитвах, известных почти каждому.

Недостаток и в этом скудном образовании был причиною том, что у многих племен нагорных чеченцев почти все муллы были пришельцы. Каждый аул выбирал себе кого-нибудь из грамотных и признавал его своим муллою. Из среды нескольких мулл выбирались кадии. «Звание это, говорит Ад. П. Берже, не совмещало в себе какой-либо высшей степени в духовной иерархии, и не предоставляло ему никакой власти над прочими муллами. Кадий был ни что иное, как доверенное духовное лицо, которому предоставлялось, перед прочими муллами, исключительное право разбирательства по шариату, случающихся в его околотке тяжеб, составление письменных актов и вообще все гражданские дела, в которых допускалось вмешательство духовенства. Впрочем, кадиев в Чечне было немного, потому что избрание их требовало от жителей единства, которое трудно было установить между ними».

Из этого видно, что круг деятельности чеченского духовенства был крайне ограничен. Не получая никаких особенных доходов с прихожан, а имея за то большой запас свободного времена, духовенство посвящало его торговле и хлебопашеству. В Чечне каждый мулла получал, по примеру своих прихожан, определенный участок земли, которым и кормился. С водворением в Чечне власти Шамиля, последний, хотя и значительно поднял духовенство в глазах народа, но все-таки не на столько, чтобы поставить его первенствующим.

Муллы в Чечне по прежнему уважались весьма мало. Они сами не столько заботились о распространении истин магометанского учения и чистоты религии, сколько хлопотали о поддержании суеверия в народе. К ним прибегали за помощью, чаще тогда, когда нужно было написать какой-нибудь талисман, приворожить к себе возлюбленную или возлюбленного.

Спросите в ауле: кто приворожил девушку Ану к Хойде?

– Мулла Есенмурза, ответит вам чеченец.

Про муллу этого говорят, что он хотя не *алим* – не ученый, но большой кудесник, делает чудеса и не даром *абдал* – юродивый.

Про него ходят в ауле слухи, что он научил отвергнутого жениха отмстить сопернику так, что из свадьбы пути не вышло, и что он одарен даром предсказаний, за которыми к нему часто обращаются все нуждающиеся и желающие узнать свое будущее. Получая за это приношение или подарок, из нескольких баранов, муллы не отказывались от исполнения таких просьб и вообще старались поддержать религиозное суеверие в народе, уверяя его, что коран открывает им все темное и скрытное.

Случалась ли засуха, жители спешили к мулле, и просили его отыскать в книге такой день, в который может быть назначена церемония для добывания дождя. Действительно, давно уже стоят жаркие дни; сухая мгла скрывает от глаз плоскость и горы, трава выгорела, а над землею колеблется раскаленный воздух. Листья кукурузы завяли и опустились; множество мышей, вызванных засухою, точат ее корни; скот начал болеть и падать. «В аулах по дорогам не было видно ни души; даже собаки забились под изгороди, в тень, и валялись как трупы». Все ждало дождя – но он не шел. В жарком климате засуха есть величайшее зло, особенно если она явится весеннею порою. Она лишает тогда все живущее настоящего и будущего пропитания. В краю, где доставка хлеба или вовсе невозможна, или очень затруднительна, голод есть неминуемый наследник неурожая. Такой народ, как чеченцы, искони живут от дня до вечера, не вспоминают, что было третьего дня, и мало думают, что будет завтра; живут спустя рукава, потому что беспечность лучшее их наслаждение. Но когда бедствие, которое народ считал за тридевять земель, вдруг является перед его глазами, тогда он начинает плакаться, шумит и бросается из стороны в сторону. Так было и теперь.

Жители аула несколько раз ходили к мулле и просили его вымолить у неба воды. Мулла порылся перед пришедшими в книгах и глубокомысленно заметил, что следует подождать еще

немного, пока он не отыщет для того соответствующий день. Народ оставил муллу, довольный и тем, что он, хотя не скоро, но отыщет такой день и даст им дождя. С своей стороны мулла, от времени до времени, внимательно присматривался к направлению ветров и взглядывал на плоскость горы, особенно с юго-западной стороны. В один из четвергов он с удовольствием подметил, «что на плоскости, над мглою, образовываются небольшие темные ядра: из-за гор, с восточной стороны, показываются и исчезают белые облака, а главное из-за гор, с юго-западной стороны, от времени до времени, прорывается свежий ветерок; это *яльчимох* – дождевой ветер».

Вечером, после молитвы, по обыкновению, кучка хозяев сидела подле мечети; среди их был и мулла, глубокомысленно водивший палкою по песку. Разговор шел о необходимости дождя. Мулла говорил, что засуха есть следствие гнева Божия; что народ опоганился: курит табак, пьет вино и не следует правилам истинного мусульманства.

– Проклятие на таких, говорил мулла, они навлекают гнев Божий… Сегодня же ночью нужно возвестить проклятие, иначе нет пользы. Собравшиеся только того и ждали.

«Разойдясь по домам, они приготовили ружья и, когда стемнело, подняли стрельбу, громко крича проклятие тем, кто свертывает папиросы из кукурузного листа, пьет водку и принимает ложную присягу. Сотни выстрелов раздавались в течение получаса. Казалось, в ауле идет самый одушевленный бой. Наконец все успокоилось, и аул заснул».

Мулла посмотрел на небо, обвел его кругом глазами, обратил особое внимание на юго-запад и, совершенно довольный, отправился в свою саклю. На следующий день он пригласил народ на *испрошение дождя*. Мужчины, женщины и дети, большие и малые толпами спешили к реке. Женщины несли хлеб, мужчины котлы и посуду, а некоторые гнали быков, предназначенных на жертву. Мулла, собрав возле себя кружок грамотных, напевал с ними молитву, а молодые собирали камни, которые складывали в кучу подле поющих. Последние брали вместе с муллою камешки, читали над ними таинственные слова и, поплевав немного на каждый из них, откладывали в сторону. Несколько человек из собравшейся толпы отсчитывали оплеванные камни и передавали молодежи, которая бросала их в реку или зарывала в землю. Такое занятие продолжалось несколько часов и кончилось только тогда, когда было насчитано 70 тысяч таких камней – роковое число, без которого нельзя вымолить дождя.

В это же самое время мальчики бросались в воду не раздетые и получали за то подарки. Набросав в реку 70 тысяч камней, зарезав быков, собравшиеся наварили мяса, наелись, напились и отправились в аул.

На следующее утро, в субботу, многие из хозяев уверяли, что ночью шел дождь, впрочем небольшой. «Как бы то не было, но с юго-запада надвинулись черные тучи и стали слышны глухие раскаты грома; к вечеру заволокло все небо, а в ночь с субботы на воскресенье хлынул проливной дождь. Зелень сделалась ярче, кукуруза выпрямилась и находчивый аульный мулла торжествовал… Сам Шамиль прибегал нередко к подобному шарлатанству, распространяя в народе слух о том, что имеет непосредственное сношение с Магометом, будто бы являющимся к нему в виде голубя и других различных видах.

Для приобретения себе большей силы и популярности, он старался действовать на суеверие и фанатизм народа, старался показать, что он избранник Божий и, так сказать, наследник пророка. Магомет начал свое поприще бегством из Мекки в Медину; это бегство называется *гиджрет* или *гиджра*, и от него начинается летоисчисление мусульман. Шамиль назвал также гиджрет свое переселение из Гимрэ в Ашильту и считает с этого времени начало своего имамства, не смотря на то, что, после смерти Казимулы, был до Шамиля еще имам Гамзат-бек. Магомет всех спутников его бегства назвал *мугаджирет*; Шамиль точно также назвал этим именем всех бежавших с ним из Гимрэ в Ашильту, и, кроме того, всех тех мусульман, которые, бежав от неверных, искали его защиты и покровительства. Жителей Медины, у которых скрылся Магомет и которые его приняли, пророк назвал почетным именем *ансар* (помощ-

ники, сподвижники). Шамиль точно также назвал этим именем жителей селения Ашильты, приютивших его.

«Все эти и подобные тонкости, говорит Казем-бек, придавали Шамилю высокое значение в глазах его подданных; в особенности он пользовался уважением различных легковерных обществ Дагестана, которые смотрели на него как на наместника пророка. Мохаммед диктовал свой коран отрывками, которые писались на лоскутках кожи и коры древесной. Шамиль передавал свою волю муридам и наибам, на самых маленьких лоскутках бумаги. Я никогда не видел, чтобы его письма имели более трех вершков длины и двух вершков ширины. Это также была одна из утонченностей в подражание пророку, которым Шамиль привлекал к себе народ».

В важных случаях, когда необходима была крутая иди решительная мера, Шамиль прибегал к так называемому *хальвату*. Уединившись на продолжительный срок, он постился, по видимому до совершенного истощения, и потом, собрав к себе отовсюду мулл и кадиев, сообщал им торжественно, что к нему явился сам пророк, в каком-нибудь приличном обстоятельству виде, объявил важное откровение, и благословил на такое-то предприятие. Затем имам выходил к толпе народа, с нетерпением ожидавшей разъяснения загадочного его поведения, и уже ей на прямик объявлял волю Магомета. Случалось также и то, что, для большего убеждения народа в непогрешимости своих действий, он подсылал какого-нибудь отшельника, известного своею строгою жизнию, который с его слов проповедовал народу о суете мирской, о наслаждениях ожидающих правоверных в рае Магомета, о прелестных гуриях, и такими проповедями склонявшего толпу на предприятия и поступки, согласные с видами Шамиля. Подготовляя таким образом своих подвластных, имам объявлял им свои намерения, будто бы внушенные ему самим Богом, и почти всегда достигал своей цели.

Суеверный народ, при старании духовенства, верил этим россказням и считал Шамиля едва ли не святым, так что между жителями Ведено был даже обычай, в важных случаях, клясться именем имама. На сколько сильно было развито религиозное суеверие и легковерие между чеченцами, и до какой степени они верили в святость Шамиля, видно из следующего поступка имама.

В 1843 году, жители Большой и Малой Чечни, сильно теснимые русскими войсками, пришли в крайнее разорение. Сознавая свое безысходное положение и бессилие в сопротивлении с неприятелем и не видя подкрепления со стороны аварских (лезгинских) обществ, чеченцы решились заявить Шамилю свою просьбу о помощи и просить его прислать им такое число войск, пеших и конных, с которыми бы они могли не только отразить неприятеля, но и выгнать русских из Чечни; или же, в противном случае, дозволить им покориться русскому правительству, бороться с которым они чувствуют себя не в силах.

Долго, конечно, не было охотников отправиться к Шамилю с подобным поручением народа. Вызваться на столь опасное предприятие значило рисковать если не головою, то, по крайней мере, носом, ушами, глазами или явиться среди семейства с зашитым ртом. Общее благо требовало однако же частной жертвы, и чеченцы решили избрать и отправить депутатов по жребию, который пал на четырех человек из деревни Гуной. Всякая выказанная трусость в глазах чеченца есть такое действие, которое достойно преследования и общего презрения. Для труса нет жизни среди его соплеменников. Эта черта народного характера и была единственным побуждением к сохранению наружного спокойствия депутатами, не высказавшими по видимому страха к неизбежной опасности и отправившимися в Дарго с челобитною от имени чеченского народа. Дорогою, сообразив свое положение и зная, что перед Шамилем никто не может не только произнести слово, но и подумать о покорности гяурам, депутаты придумывали способ, как бы избегнуть от гнева и преследований имама. Старший из депутатов, чеченец Тепи, предложил остальным своим товарищам обратиться прежде всего к Ханум – матери Шамиля, и просить ее ходатайства у сына. Не принимая ни чьих советов, Шамиль исполнял все желания и просьбы матери, как завет священного корана. По ее просьбам, сын

часто прощал приговоренных к смерти, возвращал имения ограбленным, и каждый день толпа народа окружала саклю старушки, славившейся своею добродетелью и покровительством обиженным и угнетенным.

Товарищи с радостию приняли предложение Тепи, тем более, что в Дарго у него был кунак – Хасим-мулла, через которого и положено было действовать на добрую Ханум. Зная, что в Дагестане ни одна просьба не обходится без подарков тем лицам, которые имеют влияние на ее исполнение, чеченцы снабдили своих депутатов значительною суммою.

Приехав в Дарго и захватив с собою 300 рублей блестящею монетою, Тепи отправился к Хасим-мулле. После обычных приветствий, пришедший приступил к делу и рассказал о цели своего прихода. Мулла нахмурил брови и объявил на отрез, что мать Шамиля хотя и женщина, по отлично понимает, как велико преступление и грех, затеваемый чеченцами, которые, вопреки божественных слов корана, решаются искать покровительства *гяуров* (неверных).

– Нет! кричал запальчивый мулла, ваши чеченцы недостойны называться поклонниками великого пророка, если они решаются променять вечное блаженство на временное успокоение. Нет Бога, кроме единого Бога, и Магомет пророк его; их только должны бояться правоверные и на них одних возлагать свои надежды.

– Понимаете ли вы, продолжал ученый мулла, что неверие ваше и сомнение в милосердие Аллаха и Магомета суть важнейшие причины, по которым Бог допускает русских издеваться над правоверными? Вы страшитесь смерти от руки гяура, тогда как она пролагает нам самый примой путь в бесконечное блаженство, украшенное прелестными гуриями. Предложение, с каким вы приехали к великому законоучителю, могло бы быть простительно только одним женщинам; но вы не произнесете его безнаказанно перед лицом Шамиля. Вы не возвратитесь более к вашим преступным чеченцам, и весть о позорной смерти вашей внесется в чеченские пределы, вместе с заслуженным наказанием. Едва мулла кончил свою грозную речь, как из расстегнутого бешмета Тепи, как бы нечаянно, посыпались на ковер, к ногам Хасими блестящие монеты.

– Мои соотечественники – сказал при этом хитрый Тепи с приветливою улыбкою – уважают достоинства мудрого Хасима и, в знак истинного уважения и преданности, присылают тебе в подарок эти деньги.

Глаза муллы заблистали, из угрюмого он стал веселым, из злого необыкновенно добрым. Из-под седых усов его мелькнула улыбка, а левая рука, увы! невольно опустилась на кучу золота.

– Итак, нам ничего нельзя надеяться? спрашивал вкрадчиво Тепи. Из твоих слов я мог только извлечь полезный для себя совет: возвратиться обратно в Чечню, взяв с собою 230 тюменей (тюмень составляет около 10 руб.) серебра и золота, привезенные в подарок матери Шамиля, на помощь которой мы полагали всю нашу надежду.

– Не будь так поспешен, прервал его Хасим, с самою приветливою улыбкою.

Такая почтенная цифра, как 230 тюменей, окончательно вскружила голову муллы, ярого поклонника Магомета. Он забыл и о гяурах, и о коране, и о знаменитых словах пророка, употребляемых так часто магометанами кстати и не кстати: у него мерещились перед глазами только одни деньги, голова трудилась над выгодной поживой. Он уже говорил: что мать Шамиля, действительно, пользуется уважением сына; что 200 тюменей и его влияние заставят ее хлопотать в пользу чеченцев; что 30 тюменей он оставляет в свою пользу.

– Так ли я понял, говорил Хасим, боясь пасть в глазах чеченца, рассказ твой о настоящем положении чеченского народа, Не слишком ли увлекся я, по долгу муллы, в суждениях моих об обязанности правоверных к священному корану? Пожалуйста, расскажи еще раз цель твоего приезда.

Тепи повторил все прежде сказанное, прибавив к тому, что русские, не стесняя свободы вероисповедания, заботятся только о благосостоянии своих подданных.

– Понимаю, понимаю! сказал как будто обрадованный Хасим. Чеченцы, живущие на плоскости, окруженные со всех сторон неприятелем, похожи на птичку в клетке; но ведь птичка побьется, побьется в западне своей и, убедившись в невозможности разрушить преграду, примиряется, наконец, с своею неволею и даже начинает жить припеваючи, если встретит заботливость о ее пропитании. По моему, сам великий пророк не осудит за покорность гяурам чеченцев, если они принесут покорность не по доброй воле, а по неизбежной необходимости.

Хасим согласился на посредничество и обещал уговорить старуху принять на себя ходатайство у сына. На следующий день, часа за два до заката солнца, депутаты были представлены матери Шамиля, которая, получив 200 тюменей, обещала похлопотать за чеченцев. Депутаты остались в Дарго в ожидании своей участи. В тот же вечер Ханум отправилась к Шамилю. Мать и сын беседовали наедине далеко за полночь и старуха возвратилась с заплаканными глазами.

– Я взялась не за свое дело, говорила Ханум, даже и сын мой не смеет решить вопроса о покорности чеченцев гяурам.

Шамиль, действительно, получив сведение о намерении чеченцев, сообразил, что казнь и истязания четырех депутатов не приведет его к цели, что он не удержит тем решимости чеченцев, а восстановит только против себя колеблющееся в верности ему воинственное племя. Надо было придумать средство более действительное, надо было хитростию достигнуть того, чего нельзя достигнуть силою. Пользуясь суеверием своих подвластных, он сыграл комедию и разыграл ее вполне мастерски. Имам объявил, что, для решения просьбы чеченцев, он отправится в мечеть, где будет поститься и молиться до тех пор, пока не удостоится слышать святую волю из уст самого великого пророка.

Шамиль заперся в мечети. По предварительному распоряжению, все жители Дарго были также собраны вокруг храма, и приказано им оставаться так, в постоянной молитве, до тех пор, пока имам не выйдет из своего заключения.

Прошло трое суток, а Шамиль не появлялся и дверь мечети была постоянно запертою. Измученные и ослабевшие от бессонницы, даргинцы не могли объяснить себе причины такого небывалого явления и невольно ожидали чего-то особенного. Едва только глухой ропот появился в толпе, как дверь растворилась и на пороге ее показался Шамиль, бледный и измученный; глаза его были налиты кровью, «как бы от продолжительных слез». В сопровождении двух муридов, имам молча взошел на плоскую кровлю мечети. По его приказанию, привели туда же и мать его, закутанную в белую чадру. Она шла медленно, неровными шагами. Двое мулл внесли ее на крышу и поставили лицом к лицу с ее сыном. Шамиль, смотря на мать несколько минут, хранил глубокое молчание.

– Великий пророк Магомет! произнес он наконец, подняв глаза к небу. Святы и неизменны веления твои, да исполнится правый суд твой, в пример всем последователям священного корана!

Затем он, обратясь к народу, объявил ему, что чеченцы, забыв клятву, решились покориться гяурам и прислали своих депутатов, которые, не смея явиться к нему, обратились к его матери, прося ее исходатайствовать на то согласие у сына.

– Ее настойчивость, говорил Шамиль, и безотчетная моя к ней преданность, внушили мне смелость узнать волю любимца Божия Магомета. И вот, в присутствии вашем, при содействии ваших молитв, я, в продолжение трех суток, постом и молитвами вызвал на правый суд пророка и он удостоил меня ответом на мои дерзновенные вопросы. Но этот ответ как громом поразил меня! По воле Аллаха, повелено дать сто жестоких ударов тому, кто первый высказал мне постыдное намерение чеченского народа, и этот первый была мать моя!..

По приказанию грозного имама, муриды сорвали чадру с несчастной, ухватили ее за руки, но за пятым ударом плетью бедная женщина лишилась чувств. Как бы пораженный этим убийственным зрелищем, Шамиль опускает наказывающую руку и бросается к ногам

матери. То, чего добивался Шамиль – он достиг: толпа поражена. Смотря на всю эту сцену, народ рыдал и молил о пощаде старушки. Какой-то трепет охватывал каждого, смотря на несчастную и грозного имама, распростершегося перед нею…

Без всякой тени прежнего отчаяния, Шамиль подымается на ноги и глаза его горят каким-то торжеством.

– Нет Бога, кроме единого Бога, и Магомет пророк Его! восклицает он, подняв глаза к небу. Жители небес! вы услышали мои усердные молитвы, вы позволили мне принять на себя остальные удары, для которых была обречена бедная мать моя. Эти удары я приму с радостию, как неоцененный дар вашего милосердия.

С улыбкою на устах, он скинул с себя красную чуху, снял бешмет, вооружил двух муридов толстыми ногайскими плетьми и, подтвердив им, что, кто осмелится слабо выполнить волю пророка, того он поразит кинжалом из собственной руки, принял девяносто пять ударов. Во время наказания, Шамиль не обнаружил ни малейших признаков страдания – вполне выдержал характер и одержал победу над толпою. Поражение толпы было безусловное; сцена разыграна превосходно… Спокойно надев на себя лежавшую у ног одежду, быстро сойдя с кровли мечети и остановившись посреди народа, Шамиль казался совершенно спокойным.

– Где эти злодеи, за которых потерпела мать моя позорное наказание? спросил он с торжествующим видом; где чеченцы?

Несчастные жертвы в одно мгновение были приведены и брошены к ногам повелителя. Они не сомневались в своей погибели, точно также, как и не сомневалась толпа, но Шамиль готовил для собравшихся, для чеченцев и для всех своих подвластных новое поражение. В то время, как они читали отходные молитвы, ожидая своей кончины, Шамиль приподнял их собственными руками и поставил на ноги.

– Возвратитесь к народу вашему, сказал он им, и, в ответ на безрассудное его требование, перескажите все то, что вы здесь видели и слышали.

Случай этот хорошо рисует перед нами и корыстолюбие муллы, его готовность за деньги толковать слова пророка по усмотрению; он доказывает и маловерие в истинное учение религии, и суеверие, существующее в народе.

Вообще Шамиль старался действовать на религиозное чувство народа внешнею обрядностию религии и выказывал себя чрезвычайно религиозным и чистосердечно преданным муридизму. Но одно слепое исполнение обрядов религии, без внутреннего знания ее сущности, есть лучший путь к суеверному фанатизму и легковерию. Такое настроение замечается у всех племен, бывших под властию Шамиля. Чеченец чрезвычайно суеверен: он не бросит яичной скорлупы в огонь, боясь, что куры не станут нести яиц или вовсе переведутся; он никогда не выбрасывает костей, а старается сжечь их, веря, что выбрасывание их неприятно Богу. В день нового года, он непременно пересыплет хлеб из чашки в чашку, иначе в нем не будет изобилия и не хватит на прокормление семейства. Склонный к мистицизму, чеченец охотно вступает в религиозное братство *суфии* (зикр), и расположен приветствовать каждого искателя приключений имамом, хотя бы он не умел отличить *А* от *Б* и не мог объяснить самых простых вещей.

Чеченцы верят, что можно сглазить человека, и, в противодействие тому, имеют амулеты, в которые зашиваются, обыкновенно, или молитвы, или изречения из корана. По уверению народа, есть на свете *приворотная трава*, которая, в руках знающего человека, имеет двоякое действие: она или привязывает двух лиц чувством неразрывной любви, или же поселяет между ними ничем непобедимые ненависть и отвращение.

Специалистами по части уменья хорошего или дурного употребления этой травы были муллы. Чеченцы верят в возможность *порчи* и говорят, что злой женщине стоит только бросить заговоренную и ей известную траву в камин дома того человека, которого она хочет испортить, и тогда следствием такого поступка бывает обыкновенно болезнь. Излечение испорченного

может быть произведено только тою особою, которая его испортила. Вообще, в случае болезни, чеченцы прежде всего прибегают к ворожее, которую и просят узнать: не произошла ли болезнь от влияния дурного глаза или от каких других причин. Взяв в руки большой платок и завязав на одном из его концов узел, ворожея начинает отмеривать локтем от этого угла до противоположного. Остающиеся между этими двумя точками расстояния служат обыкновенно предсказанием причины болезни.

По искреннему убеждению и верованию парода, существует трава *джалиенга-леттен-буц* (трава, заставляющая лаять), которая, будучи высушена и дана в пище, питье или просто брошена в огонь камина, производит болезненные припадки, судороги и крик, похожий на лай собаки. Такое вредное действие чеченцы называют *порчею посредством отравы*, и таких лиц, которых мы называем кликушами, чеченцы считают испорченными этою травою. Болезнь эта проявляется исключительно между женщинами, из которых, по медицинскому исследованию, некоторые действительно страдают расстройством нервов, а большая часть страдает притворством, из-за личных видов, но уверяет, что причиною тому порча от травы. Последняя доступна только одним колдуньям, которые собирают ее в известное время. Обыкновенно ночью, лучше если в полнолуние, колдунья или колдун выходят из дома, стараются ни с кем не встречаться на пути и, не доходя до высмотренной травы, останавливаются. Скинув с себя платье и совершенно обнаженная, искательница травы идет к ней задом, стараясь сорвать ее между ступнями ног, и в то же время произносит заклинания, отрекаясь от веры и от Бога.

– Я не признаю Бога, говорит она, я не его создание, я равна ему и также могуща как он. Я на всегда отрекаюсь от него.

Злой дух, по понятию чеченцев, в этом случае не имеет никакого значения и туземные колдуньи не обращаются к нему с просьбою о помощи.

Умопомешательство и идиотизм чеченцы приписывают знакомству с *джинышами*. Джиныши – духи, которые, по понятию народа, составляют средину между ангелами и духами зла, но связь с которыми человека не приводит к доброму и кончается почти всегда умопомешательством. Джиныши, пользуясь свободным доступом на небо, похищают иногда обманом, иногда подслушиванием сокровенные тайны о будущности и передают их своим земным друзьям. Когда же ангелы заметят, что джиныш подслушивает их, то, раздраженные этим, схватывают первую попавшуюся им под руку звезду и бросают их в непрошенных посетителей своих небесных чертогов. И вот отчего происходит, по объяснению чеченцев, то явление природы, которое мы называем падающими звездами, или метеорами.

Имея веру в гадания и гадальщиков, чеченцы весьма часто прибегают к гаданию, при помощи зеркал (кюсгехажиу), камней (пальтасар), платка (дольдустер) и, главнейшим образом, *по кости барана*, книге *Седиэн-джайнэ,* принадлежащей перу Абдурзукка и Абдурахмана, и по книге *Пайхомар-Сулейман-джайнэ*, написанной неким Сулейманом.

Последняя книга и способ гадания по ней совершенно сходны и тождественны с теми книгами *вещего Царя Соломона*, которые так распространены в массе простого населения русского народа.

Более других доступный, и потому более распространенный, способ гадания *пхенер* или *пхенер-хажер* – гадание по кости барана. Он употреблялся каждый раз, когда предпринимались военные действия, выступление в поход хищнических партий, желавших узнать, будущий свой успех или неудачу. Сам Шамиль не пренебрегал гаданьем этого рода и иногда, прежде выступления в поход, совещался с *хажером*, или прорицателем посредством кости.

Желающий гадать или узнать свою судьбу приводит к хажеру непременно собственного и годовалого барана, так как, иначе, все предсказание будет относиться к действительному хозяину барана. Последний может быть произвольной шерсти, но лучше если белой. Собственным бараном гадающий может назвать такого, который взят из принадлежащего ему стада или, после покупки, пробыл у нового владельца не менее одного года, или наконец такой, которому

купивший успел дать три раза соли. При таких условиях баран, сделавшись окончательно собственностию нового хозяина, принимает на своих костях отпечаток всей его личности и всей его будущности.

Хажер режет барана и, сварив его, берет одну из лопаток передней ноги животного. Лопатка должна быть совершенно целая, не разрубленная, не треснувшая и отделенная от мяса свежего и сваренного, а не от сырого и соленого. По такой лопатке знахарь узнает всю подноготную, не только каждого смертного, но и самой природы. Темные и светлые пятна, видные на кости, если смотреть сквозь нее на свет, кровавые пятна и разные узоры жилок, видные на лопатке, все эти признаки служат основанием и темою для предсказаний; кровавые пятна считаются особенно дурным предзнаменованием.

Лучшими гадальщиками считаются чаберлоевцы (татбутри) и про них рассказывают удивительные вещи. Гази Мухаммед, сын Шамиля, рассказывал, что в 1859 г., отступая от преследования русских войск и проходя из Ведено в Гуниб, один из чаберлоевских знахарей предсказал им весьма дурные последствия и даже затруднился назвать их по имени.

– Все это, действительно, так и случилось, заметил Гази Мухаммед, рассказывая г. Руновскому о чаберлоевских знахарях, мы могли ожидать всевозможных несчастий: могли ожидать смерти во всех ее видах, но того, что с нами случилось, никому и в голову не приходило. Известно, что на Гунибе, в 1859 г., Шамиль был взят в плен со всем семейством.

Книга *Седиэн-джайнэ* пользуется огромным значением между чеченцами и не раз служила средством для многих предводителей Чечни и Дагестана направлять волю народа по тому пути, который вел их к достижению личных целей. Гадание по ней производится при помощи математических выкладок.

«Седиэн-джайнэ, говорит г. Ипполитов, в переводе значит *книга заезды* (*седи* по чеченски – звезда). Мусульмане принимают двенадцать созвездий, по числу главных их пророков или святых. Каждый из этих последних родился под известным созвездием, а потому вся книга *Седиэн-джайнэ* разделена на двенадцать отделов, из которых каждый соответствует известному созвездию и тому пророку, который под ним родился. На первой странице книги излагается арабская азбука, с соответствующими каждой букве известными числами: *элип* – один, *би* – два, *ти* – четыре, *си* – восемь, *джим* – три, *хи* – восемь, *хие* – нуль, *дал* – четыре, *дзал* – четыре, *ри* – восемь, *дзи* – семь, *сен* – нуль, *шен* – нуль, *сат* – шесть и т. д. Гадающий или гадающая, прежде всего, говорят свое имя и имя матери своей. И то, и другое разбирается по буквам, и величины, соответствующие каждой из них, складываются; потом от суммы, получаемой от сложения величин, выраженных буквами имен гадающего и его матери, откидывается по двенадцати единиц до тех пор, пока не останется числа менее двенадцати. Согласно величины оставшегося числа, отыскивается отдел одного из созвездий, под тем же числом, в котором и заключается прорицание для мужчин и женщин отдельно. Начинается оно обыкновенно описанием наружности: „у него красивое лицо, высокий рост, тонкий стан, блестящий взор…“; потом уже следует описание его жизни настоящей, а потом и будущности».

Суеверие, существующее в народе, частию перешло и в дурную сторону характера туземца. Чеченец не затруднится дать несправедливое показание или ложную присягу. Он не считает это преступлением и верит чистосердечно, что присягнуть ложно не составляет греха, если только присягающий, во время обряда, не положит пальца на коран или перевернет газырь на груди своей черкески. Присягнуть ложно ничего, а курить табак, по понятию чеченца, грех тяжкий, потому что табак – дело нечистое.

«До пророка Адама, говорят чеченцы, был создан из огня *Эблис*. Когда Бог создал Адама, то подчинил ему всех животных. Эблис обиделся таким предпочтением, сделанным Адаму.»

– Я, говорил Эблис, создан из огня, а Адам из земли: значит я чище; зачем же Адаму предпочтение.

Он возмутился против Бога; в наказание за то его так прижали, что он не выдержал – испустил мочу. И вот на том самом месте, где упала моча Эблиса, и вырос табак.

– Кури, брат, советую тебе! добавляет чеченец, рассказывая историю происхождения табака.

Запрещение курить табак принадлежит к числу установлений, изобретенных Шамилем, который вообще преследовал роскошь, пляски, музыку и пение, стараясь заменить его одним постоянным напевом: *ля-илляхи-иль-Алла*! (Нет Бога кроме единого Бога). Но ему не совсем удалось это: чеченцы увеселяли себя *пандуром* (балалайкою) и скрипкой особого устройства (кистин играет на трехструнной балалайке формою похожей на треугольник). Скрипка их состоит из чашки, с квадратным вырезом на дне, обтянутой сырой кожей, с двумя круглыми прорезами: к ней приделан гриф; вместо струн натянуто три шелковинки, по которым водят смычком из конских волос. Правда, чеченцы почти не имеют никаких исторических песен, в которых бы излагались целые события, и даже очень редко касаются частных фактов.

«Хотя иногда, говорит Ипполитов, смелые разбойничьи подвиги, отчаянная защита и смерть какого-нибудь известного наездника и сохраняются в песнях: тем не менее, большая часть их – вызванная минутой импровизация: ею восхищаются, она воспламеняет известные чувства, но в весьма редких случаях заучивается и становится популярною. Исключение составляют разве только те из песен, которые складываются иногда на происшествия заинтересовывающие целый народ, или же на известные действия лица, на которое народ смотрит как на действия постыдные – эти песни непременно уже заучиваются: их знают не только взрослые, но даже и дети». Такова песня о Шамиле, сложенная после изъявления им покорности русскому правительству. Из других народных сказаний у чеченцев существуют сказки и басни, заслуживающие полного внимания по своему своеобразному характеру, разнообразию содержания, и в которых можно встретить римских кесарей, Змея Горыныча и Сивку-Бурку. Оборотни и красавицы замужем за медведями занимают одно из видных мест в чеченских сказках. Народные сказания их много терпели от преследований Шамиля и его муридов. Оставив песни, чеченцы не могли обойтись без музыки. Ни одно пиршество и семейный праздник не обходились у них без пандура, главное без бойкой лезгинки, причем, в знак высшего одобрения, ловким танцорам стреляют под ноги из пистолетов.

Танцы были в большом употреблении и во время праздников, которых, впрочем, у чеченцев было немного. К числу праздников относятся и установленные Магометом дни. Еженедельный праздник *пятница* начинается обыкновенно в четверг, с закатом солнца; он обыкновенно сопровождается известными молитвами и не имеет никаких характеристичных особенностей. В пятницу не работают, не выгребают из очагов золы и раздают накануне милостыню бедным, которых в Чечне было всегда много. Милостыня состоит из молока, муки, соли, у кого что найдется. Когда Шамиль жил в Ведено, то каждую пятницу делал церемониальный и торжественный выход в мечеть. В назначенный час отряд вооруженных муридов, при пении священного гимна: *ля-илляхи-иль-алла*, подходил к дому имама и, став в две линии по обеим сторонам дороги в мечеть, ожидал его выхода. Одетый с некоторою изысканностию во все белое, зеленое или синее, за исключением чалмы, которая была всегда из дорогой белой шали, Шамиль шел в мечеть, окруженный приближенными лицами, старшинами и муридами, предшествовавшими и замыкавшими торжественное шествие. При входе в мечеть, пород вставал со своих мест, и молча приветствовал своего имама. Один из мулл или сам Шамиль совершал богослужение. «По окончании же всех церемоний, отличающихся большими странностями, чуждыми церковных уставов настоящего исламизма, почетные из присутствующих лиц подходили к Шамилю с поздравлениями с праздником, причем целовали ему руки или лицо, смотря по званию поздравляющих, на что имам отвечал ласковою улыбкою пли пожатием руки. Наконец Шамиль подавал знак к выходу из мечети, который совершался точно в таком же порядке, как и шествие в мечеть».

Один раз в году чеченцы соблюдают пост (марх), который, по времени, принадлежит к числу передвижных постов и не каждый год бывает в одно и то же время. Обыкновенно временем поста бывает июль или август месяцы, от начала и до конца новолуния, и продолжается целый месяц. Во все время поста чеченцы днем, до заката солнца, не употребляют пищи и питья, но за то ночью едят по два и по три раза. Многие из туземцев не придерживались строго устава религии и пост соблюдали не со всею точностию. Молятся обыкновенно утром, в полдень, раз до заката солнца и два после заката; в пост же молятся еще один раз в полночь, после предварительного омовения членов.

Пост оканчивается праздником *Байрам,* который сопровождается всеобщим пиршеством, значительными пожертвованиями в пользу бедных, взаимными поздравлениями и посещениями, скачками и другими народными увеселениями. Накануне праздника многие жертвуют скот в пользу бедных, и тогда он режется у мечети и тут же раздается неимущим; часть из него уделялась прежде и пленным. Утром, в день *Байрама*, жена приносит к мужу и отцу семейства мешок с хлебными зернами и деревянную или глиняную чашу. Насыпав в чашу зерен, хозяин подзывает к себе поочередно детей и ближайших родственников взяв в руки чашу полную зерна, поздравляет их с праздником и с окончанием поста.

– Жертвуешь ли эту чашу для бедных? спрашивает обыкновенно хозяин у каждого подошедшего к нему и, получив, конечно, согласие, высыпает зерна в другую посуду.

Потом все отсыпанное отдается бедным. Мужчины отправляются с визитами, а женщины остаются дома для угощения приходящих и до полудня, забрав с собою пищу, отправляются на кладбище для поминовения умерших родственников. Туда же приходят мужчины и дети. Одни едят, вспоминая умерших, другие устраивают скачку. Отличившийся на ней получал какую-нибудь ничтожную награду от доброхотного-дателя или от наиба, если он присутствовал при этом. В этот же день наибы отправлялись в резиденцию имама, с поздравлением Шамиля и его приближенных.

В Ведено, в день Байрама, имам, при огромном стечении народа, лично совершал установленные обряды и собственноручно закалывал барана, предназначенного в раздачу бедным. За этим бараном закалывалось множество других баранов, приведенных и предназначенных на жертву, и на дворе жилища Шамиля в этот день кровь лилась рекою.

Кроме Байрама, у чеченцев есть еще другой праздник, *Курбан-Байрам*, в день которого также режут баранов, после прочтения муллою над каждым особой молитвы. Этот праздник имел ту особенность, что мясо зарезанных, таким образом, баранов не давалось христианам, а для них резались особые бараны, и без молитвы. Самый способ закалывания жертвы в этот день также отличный от обыкновенного. Скотину и кур режут только мужчины, кладя голову жертвы на восток, ногами к полудню, и прорезывая шею от полудня.

Глава III. Чеченские аулы или селения были вообще растянуты на значительное расстояние; сакля от сакли отделялась садом, огородом, двором, а иногда и пашнею. Селения строились неправильно, каждый двор отдельно, и раскидывались по предгорьям, в лесу, вдали от дорог и удобных путей сообщения. Чеченцы, обитавшие в долине, жили большими аулами; но в горах, напротив того, селения их были незначительны и часто состояли из нескольких дворов. В предупреждение от нападений, некоторые из аулов, подобно тому как наши казачьи станицы, были окружены валом и плетнем с частоколом.

Жилища джерахов, кистин, галгаев, цоринцев и мереджинцев, составляющих Ингушевский округ, состоят преимущественно из старых каменных башен, сложенных из камня, без цемента и имеющих несколько ярусов. Башни эти построены преимущественно на выступах скал или на оконечностях гребней, словом на таких местах, которые ни для чего другого не годны. В одной такой башне живет почти всегда несколько семейств, занимающих верхние этажи, а нижние предназначается для помещения скота. Живя совокупно в одной башне и в таком близком соседстве, семейства разделены между собою капитальными сте-

нами, и помещение каждого выходит в общий коридор, составляющий принадлежность каждой башни. Кроме жилых башен в горском ауле встречаются нередко башни оборонительные со множеством амбразур, имеющих форму треугольников, крестов, звезд и других изображений. «До сих пор на некоторых из них, в верхних больших амбразурах под крышею, виднеются груды покрытых мхом камней, которые, по всей вероятности, предназначались служить боевыми снарядами при обороне. Кроме того, башни эти попадаются всегда на самых неприступных возвышенностях, командующих над окружающею местностью, и рекомендуют не лишенными основания стратегические соображения бывших строителей их».

Две или три жилых башни, вмещающие в себе несколько семейств, составляют аул, группирующийся, как мы сказали, или у оконечностей гребней, или на выступах скал, и преимущественно в местах наиболее живописных. Чеченское селение, напротив того, часто тянется в длину версты на три или на четыре, хотя весь аул состоит не более как из ста домов. Все строения деревянные, в один, редко в два этажа, и с плоскими крышами. Дом чеченца деревянный, бревенчатый или турлучный, обмазан с обеих сторон глиною и выбелен: внутри его относительно чисто, опрятно и светло. В стенах сделаны окна без рам, но со ставнями для защиты от ветра, преимущественно северного, оттого и двери обращены всегда на юг или восток. Сторона дома, в которой проделана дверь, обнесена навесом, для того, чтобы дождь не проникал в саклю и чтобы под ним можно бы было скрыться во время летнего зноя.

Дом Шамиля, например, в Ведено имел следующее устройство. Обширное пространство, до ста сажен ширины и до 200 саж. длины, было обнесено частоколом – это внешний двор шамилева сераля. В самой средине этого двора помещался еще внутренний двор или самый сераль, где расположены были разные хозяйственные строения и жилые помещения для семейства, прислуги и гостей. На внешнем дворе стояло помещение для 200 человек конвоя Шамиля. Самый дом имама был построен четырехугольником, с крытою внутри по всему протяжению галереею, выходящею на внутренний двор, посреди которого возвышался двухэтажный флигель Шамиля, обнесенный также крытою галереею. Сообщение этого флигеля с домом, где жили его жены, производилось по доскам, настланным на земле. Каждая из жен Шамиля имела особое помещение из нескольких комнат.

Дверь свою чеченец почти никогда не запирает, и потому сильный сквозной ветер свободно гуляет по комнатам, которых бывает по две или по три в каждом доме. Пол залит глиной, смешанной с высевками, плотно убит, от чего чрезвычайно крепок, глянцевит и не дает большой пыли. Сакля нагревается камином, чаще очагом, над которым сделана труба, проходящая сквозь крышу и оканчивающаяся двумя конусами, соединенными вместе своими узкими основаниями, так что по средине трубы образуется род перехвата; для печения хлеба устроены на дворе особые печи. Вдоль внутренних стен сакли идут лавочки, на которых разложены в порядке: посуда, ковры, одеяла, подушки и прочая домашняя рухлядь. В одном углу комнаты стоит корзина с зерновым хлебом, а в другом кадка с водою, составляющие почти единственную мебель сакли. Одна из комнат сакли предназначается для приема гостей и носит название *кунахской*. На убранство и чистоту этого помещения каждый хозяин обращает особенное внимание. В кунахской можно встретить: две-три скамейки, лучшие из всех какие только есть в доме, широкий сундук, покрытый ковром, и пол комнаты, устланный белыми войлоками. Здесь, вместо очага, устраивается непременно камин, а сбоку его, у маленького окошечка, на почетном месте, стоит кровать туземного изделия. В разных местах, но преимущественно около дверей, висит несколько бычачьих шкур, на которые правоверные становятся при совершении молитвы или намаза. Стены кунахской утыканы деревянными колышками и на них в одном месте развешано оружие, в другом бутылки, привязанные веревочками за горлышко, в третьем глиняные и деревянные тарелки и чашки, «также схваченные шнурком в просверленные около краев дырки». «Все это – нужно заметить, говорит г. Грабовский, почти всегда служит не более как украшением, и чем больше развешано таких украшений, тем почтеннее

хозяин, тем гостеприимнее считается кунахская». Каждый дом имеет почти всегда двор, огороженный плетнем. Часто чеченцы живут вместе целыми фамилиями, и тогда на одном дворе устраиваются сакли для каждого семейства и располагаются таким образом, что сакля самого младшего брата ставится между саклями среднего и старшего.

Близ дома строятся помещения для скота, а если недалеко от аула протекает речка, то многие хозяева имеют своп мельницы, или на самой речке, или на проведенной из нее канаве. Крошечный бревенчатый сруб с соломенной крышей, смазанной глиною, или четыре каменных стенки, сложенные без цемента, на которые набросана земляная крыша – вот и вся мельница, в которую ведет такая крошечная дверь, что в нее можно только влезть, а не войти. Под срубом вертится вертикальный вал с лопастями, по которым бьет струя воды и приводит вал в движение. Так как горцам неизвестно употребление шлюзов, то жерновое колесо, находясь в непрерывном вращении, производит постоянный шум и тем обращает внимание на эти крошечные груды камней, только верхом своим похожие на строения.

Почти у каждого дома есть свой огород, в котором засевается преимущественно: лобия, бобы, тыква, редко огурцы, чеснок и лук; подле огорода есть небольшой клочок земли, засеваемый ныне табаком, иногда арбузами и дынями. В некоторых аулах разведены небольшие сады, но за то во всех аулах кукуруза засевается в изобилии. Из всего своего помещения чеченец больше всего любит кунахскую, в которой он проводит большую часть дня среди знакомых и гостей.

Гостеприимство – первобытная добродетель всех народов – установило свои обычаи, которые придают полудикому населению некоторый вид благородства. Гостеприимство было развито в значительной степени и между чеченцами, которые вообще весьма общежительны и, не смотря на дикость нравов, являются утонченно вежливыми хозяевами и гостями. Никто, даже и из маленьких, не войдет в дом нечаянно или врасплох. Человек, приезжающий или приходящий на двор, останавливается, и если приезда его не заметили, то вызывает хозяина. Последний, в большинстве случаев, предупреждает гостя и сам выходит к нему на встречу, здоровается, пожимает руку, принимает коня и привязывает его к столбу. Пригласив гостя в кунахскую, хозяин, в дверях ее, принимает, по обычаю, передаваемое ему гостем оружие. После этого горский этикет возлагает уже на хозяина ответственность в безопасности гостя и, вместе с тем, обязанность самого изысканного гостеприимства. Не смотря на жалкую обстановку жилищ, нищету и бедность, чеченцы отличаются самым радушным гостеприимством. Каждый старается окружить гостя тем материальным довольством, какого сам не имеет ни в годовые праздники, ни в торжественные минуты для своего семейства. Хозяин сажает своего гостя на почетном месте, отказывается сесть с ним рядом и ежеминутно удаляется как бы для того, чтобы не стеснять гостя своим присутствием и предоставить кунахскую в полное его распоряжение. Приезд гостя всегда составляет исключительное явление в обыденной жизни горца, и потому жители не пропускают случая потолковать с ним, запастись новостями или просто поглазеть на него. Толпа полунагих ребятишек с криком и писком встречают гостя при въезде в аул, и провожают его потом при выезде из того же аула. Праздные зеваки, которых весьма много, в каждом селении, даже и из людей взрослых, целою толпою вваливаются в кунакскую, без всякого приглашения и спроса. Небольшая гостиная комната весьма быстро наполняется народом, теснящимся от дверей до камина и чуть не взбираясь друг на друга. Если гостю удастся уговорить хозяина сесть с ним, «то он, посидев немного и поговорив вскользь о разных пустяках, снова удалялся из кунахской» распорядиться чем-нибудь, хоть бы, положим, угощением.

Хозяйка приготовляет угощение, но сама не присутствует в обществе мужчин; если чеченец беден и не имеет особой кунахской, то женщины выходят на двор и остаются там до тех пор, пока гость не уедет. Если странник, хотя бы и не знакомый, остановился проездом у чеченца на ночлег, то хозяин не пожалеет зарезать в честь его барана, а если при том гость принадлежит

к числу лиц почетных и приехал с большою свитою, конвоем или окруженный товарищами, то хозяин режет и штуку рогатого скота, из мяса которого старается приготовить самые разнообразные кушанья.

Обыкновенную пищу чеченца составляют: просяная лепешка и *сыскиль*, кукурузный хлеб, который едят часто с *биремом*. Бирем, давнишнее квашеное и соленое молоко, беспрестанно разводимое то водой, то молоком, с приправою соли. Прочие блюда составляют: *ажиг* – вареная кукуруза, лапша, молоко свежее (шир) и кислое (шар), творог, масло, пшеничные лепешки, у которых верхняя корка покрывается толстым слоем сала; блины, употребляемые преимущественно на свадьбах и похоронах, и *джижик* – мясо в различных видах, и преимущественно баранина, из которой приготовляют довольно вкусный бульон, весьма часто приправляемый сметаною и чесноком. Суп подается в деревянных чашках, а говядина, всегда нарезанная на куски, и состоит преимущественно из двух видов: вареной и сушеной. Чеченцы не едят горячего и, сварив бульон, разводят его холодною водою, если не желают ждать, пока он остынет. Кроме того варят фасоль, бобы, а теперь входит в употребление картофель. Для гостя чеченец подает шашлык, *калт-детты* – сыр, перемешанный с топленым маслом, и калмыцкий чай. Если приезжий посетит его летом, то он подает арбузы, дыни, яблоки, сливы и дикий виноград. Из последнего выжимается *чапа* – сок для питья, и, кроме того, чеченцы употребляют во время пиршеств *бузу* – питье из проса, и *максу* (сладкая буза). Собирая дикую грушу, они сушат ее и, смолов в жерновах, разводят в воде и употребляют после жирных кушаний.

Капуста заменялась у чеченцев солеными листьями черемши. Зимою корень ее потреблялся вместо хрена, а весной молодую черемшу варили в воде и тогда она имела вкус спаржи, или жарили в масле и сале. Молодая крапива, перетираемая с солью, также употребляется в пищу. Собирать черемшу весною составляло одно из удовольствий чеченских девушек, часто отправлявшихся в лес и горы, в сопровождении молодых людей, а иногда и суженых.

Чеченцы очень умеренны в пище, точно также как в сне. Не смотря на то, что весьма сильны и ловки, они едят очень мало и часто довольствуются чуреком с куском бараньего сала или сыра. Дома чеченцы едят раза два или три, но понемногу. Муж ест всегда отдельно от жены, которая не осмелится сесть вместе с ним, без особого приглашения. Пищу приготовляют тогда, когда приходит время есть, и при том в таком количестве, чтобы не было остатков. Приличие требует, по окончании еды, оставлять всегда что-нибудь на блюде. Перед едою и после умывают руки и полощут рот.

Когда кушанье готово, то, спустя час или два после приезда гостя, в кунахскую входит кто-нибудь из прислуживающих, обыкновенно мальчик с тазом, рукомойником (кумганом) и полотенцем, перекинутым через плечо. Умовение рук начинается с гостя, и если он лицо почетное, то только один вытирает руки полотенцем, а прочим полотенце не подается и руки присутствующих обсыхают сами собою. Едва только мальчик обойдет присутствующих и даст им умыть руки, как в двери кунахской вносят небольшие кругленькие столики о трех ножках, установленные кусками шашлыка, сыром и чуреками. В большинстве случаев гость ест один, и если он лицо значительное, то весьма трудно бывает уговорить кого-нибудь сесть рядом с гостем за один стол. С началом угощения в кунахской «раздается, пишет г. Грабовский, звучное причмокивание, как нужно полагать, очень возбуждающее аппетит присутствующих, которые все время молча, прислонясь к стене, созерцают, как куски шашлыка и сыра экстренно отправляются во рты закусывающих. Это первое блюдо, попадающее обыкновенно на голодные зубы, представляет в конце лишь скудное напоминание, что оно существовало. На внимании к этому блюду голодных желудков разбиваются надежды присутствующих получить с него что-нибудь и на свою долю; но, тем не менее, столик, даже когда на нем остаются одни кости от шашлыка да крошки сыра, все-таки переходит к стоящим у дверей, Зачем они усаживаются за подобный столик и ради чего также чмокают губами, как будто вкушая невесть какое лако-

мое блюдо, объясняется обычаем, требующим из приличия, сесть даже за пустой стол, чтобы только не компрометировать хозяина».

Во время обеда, если гость отрежет кусок мяса и передаст его кому-либо из присутствующих, то это считается большим вниманием со стороны гостя и честью для принимающего. Поданного барана, по обычаю, начинают есть с курдюка, а голова принадлежит самому почетному из гостей, который может, впрочем, предоставить ее кому пожелает.

Кистины отличаются более строгим соблюдением гостеприимства. Угощая приезжего, кистин ни за что не сядет за стол вместе с гостем – он всегда прислуживает ему. Подавая часто воду, он снимает шапку, желает пить на здоровье, и стоит с непокрытою головою до тех пор, пока не возвратят ему поданного кувшина. Хозяин садится за стол только тогда, когда гость встанет из-за него. Предлагая приезжему отдохнуть, хозяин-кистин все время стоит, пока гость раздевается, а после подходит к нему и, погладив его по спине своею шапкою, приговаривает: *дикин буис* (доброй ночи). Выходящему гостю хозяин выносит ружье, подает лошадь, придерживает ее за узду и стремя, когда тот садится. Приняв от хозяина оружие, надев его на себя, гость прощается и после того, взяв из рук хозяина ружье, отправляется в путь.

Каждый чеченец обязан проводить гостя до безопасного места, или передать с рук на руки другому чеченцу, своему знакомому, и вообще заботиться безопасности и неприкосновенности гостя. Оскорбление, ограбление или убийство гостя, происшедшее от нерадения или невнимания хозяина, подвергает последнего презрению всего общества, и даже остракизму, который будет тяготеть над ним до тех пор, пока он не загладит своего проступка отмщением тому лицу, которым было нанесено оскорбление гостю. «Остракизм, говорит А. П. Берже, выражается следующим оригинальным образом: на дворе виноватого насыпается бугор, который он, разумеется, сносит днем, но в следующую ночь делается то же самое, и это до тех пор, пока он не смоет с себя пятна за оскорбление гостеприимства».

Шамиль, стараясь развить в народе систему взаимного наблюдения и доносов, значительно поколебал, в подвластных ему племенах, строгое наблюдение обычая гостеприимства. В народе явилось недоверие к приезжим незнакомцам, а оттого скрытность и осторожность. Хотя нарушение правил этого обычая считается и до наших дней преступлением, по гостеприимство у чеченцев не то, что у черкесов. Последние не нарушают его из принципа и убеждения, тогда как чеченец соблюдает его в точности, боясь остракизма.

Гостеприимство чеченца, говорит Пассек, далеко ниже того, как привыкли воображать: без расчета чеченец не испечет теперь гостю чурека (хлеба), не зарежет барана, и было несколько примеров, что гости обкрадывали хозяина, хозяин обирал своих гостей. В тех же обществах, которые не были под властью Шамиля, гостеприимство и до сих пор осталось на высокой степени своего развития. В таких племенах, хозяин считает великим для себя стыдом, позволить обидеть и даже арестовать человека, переступившего порог его сакли, хотя бы он был преступник. Случалось, что хозяева брались в таких случаях за оружие и умирали, защищая своего гостя.

Гостеприимство существует и между чеченскими женщинами. Оне посещают друг друга, преимущественно во время отсутствия мужей, или вообще во время отсутствия мужчин, но если к хозяйке дома приходит молодая, замужняя женщина, и хозяин, встретившись с нею, пожелает познакомиться, то, по обычаю, большею частию просит ее подать ему напиться воды. Получив от нее просимое, хозяин должен чем-нибудь отдарить пришедшую в гости, и с тех пор новая знакомая не убегает от него; до того же времени, она старается не встречаться с хозяином, а встретившись, закрывается и отворачивается. В обращении между собою чеченцы услужливы и охотно помогают друг другу.

Когда наступает время полевых работ, например запашки полей, сенокосов или осенних работ, которые исполняются мужчинами, то чеченцы устраивают род русской *помочи*. По недостатку быков и плугов, жители уговариваются запахивать поле сообща, составляя

артели из нескольких хозяев, имеющих по две или по одной скотине. Кому работают, тот обязан накормить всех два раза в день, но с окончанием дневной работы каждый ужинает у себя дома. Подобные работы сопровождаются часто песнями, плясками и общим весельем.

Наружная деликатность и вежливость есть отличительная черта характера чеченцев. Мужчины, часто незнакомые между собою, при встрече приветствуют друг друга или отдают «*селям*»; знакомые же приветствуются пожатием руки, и всегда правой. В языке их не существует, подобно другим народам, ни изысканных ругательств, ни крепких слов. В минуты гнева, самою употребительною у них бранью считается какое-нибудь пожелание, в роде того: *чтоб тебе голову сняли*! *чтоб тебя пушкой убило*, и только в редких случаях, в припадке сильного гнева, чеченец произносит: *джалий корне* (собачий сын), что считается большим оскорблением. Если в настоящее время чеченский лексикон увеличился новыми ругательствами, то они большею частию заимствуются от соседей-иноземцев.

Взаимные отношения молодых людей и девушек отличаются полным уважением к женской стыдливости, составляющей достоинство девушки. Чеченец считает недостойным себя не только оскорбить чем-нибудь девушку, но даже дотронуться до нее рукою; нарушивший этот обычай подвергается всеобщему презрению, и, как увидим ниже, за подобным поступком следует весьма серьезная разделка. Вообще в характере народа много гордого и щепетильного.

Если чеченец имеет надобность в соседе, то никогда не обращается к нему с просьбою прямо, а обыкновенно подсылает к нему сначала людей посторонних и таких, которые связаны с ним дружбою; он просит их выведать мысли соседа. Потом, имея уже некоторое ручательство за успех просьбы, отправляется сам к соседу, и также не заводить речи прямо о своей просьбе, а начинает издалека, намеками, как будто о предметах совершенно посторонних, и затем уже приступает к делу. С другой стороны, отказать просителю в просьбе считается делом неприличным и может оскорбить просителя. Получив просимое, проситель, иногда, по окончании дела, делает за услугу подарок, состоящий в оружии, баране и т. п. Вообще чеченец не любит ничего просить у другого, и в Чечне никогда не видно, чтобы коренные ее жители скитались по домам и просили милостыню. Христовым именем и подаянием живут только одни тавлинцы, и потому чеченцы сознают свое моральное превосходство над ними. Желая приобрести покупкою понравившуюся лошадь или другую какую-либо вещь, которых у соседа две или более, чеченец собирает несколько человек своих знакомых, берет барана и отправляется вместе с ними к соседу. Все пришедшие уговаривают, для дружбы, уступить коня или другую вещь покупщику. Отказать, в этом случае, считается постыдным. Заплатив условленную цену, режут барана, хозяйка готовит из него кушанья, собравшиеся поедят и расходятся, взяв в собою купленное.

Отказать в чем-либо просящему грешно и стыдно; но лицемерить перед ним – нет. Вероломство и сребролюбие отличительные черты испорченного чеченского характера. Не смотря на то, что туземцы вышли из первобытного состояния, что ведут оседлую жизнь, нравы их находятся до сих пор в полудиком состоянии и глубоко испорчены. Запрещение, наложенное на песни, музыку, пляску, табак, водку и сношение с мирными, как поступки неприличные с настоящим положением народа, ведущего *газават* (священную войну), – всё это способствовало к образованию суровости нравов. С другой стороны, редкий чеченец не играет, не курит, тайком разъезжает к мирным, но делает это так скрытно, чтобы никто из соседей не знал о его похождениях. Из всего этого вышло то, что скрытность, жестокость и мщение составляют преобладающий элемент в характере чеченца. Грязные душою и телом, чуждые благородства, незнакомые с великодушием, в том смысле, как мы его понимаем, корыстолюбивые, вероломные и в высшей степени исполненные самолюбия и гордости – таковы были чеченцы, по отзыву одного из лучших знатоков их характера.

Подобно черкесам, чеченцы горды, тщеславились своею независимостью и верили в широкую будущность своего народа и своей родины. Покидая с трудом свое отечество, чече-

нец спешит как можно скорее вернуться под *свое родное одеяло* – так называют они свои леса. Даже отправляясь на богомолье, туземец сохраняет присутствие духа только до тех пор, пока его провожают родные. Чеченцы считают себя народом избранным самим Богом, но для какой именно цели они предназначены и избраны, объяснить не могут. Вследствие такой самоуверенности, они полагают, что ни во взгляде на жизнь, ни в своих мнениях и приговорах, ошибиться не могут. От этого у них часто проявляется недоверие ко всему сказанному нами, ко всем действиям нашим, клонящимся прямо в их пользу. Мнительность и подозрительность, а вследствие того большая осторожность и предусмотрительность, видна во всем том, что исходит прямо от самого народа. Они ласковы, по собственному их выражению, только потому, чтобы не подать подозрения о склонности к воровству и грабежу. На слово чеченца положиться нет возможности. Он вас любит как брата, но горсть серебра – и он готов отдать вас в самые адские руки. «Как прежде он делил с вами вашу тоску, сам плакал, смотря на вас, считая вас выше себя, целовал даже ваши руки – так после засмеется на ваши слезы и захохочет, как над ребенком, при вашем грустном взгляде при прощании с ним. Серебро тогда изменяет в нем все. Как красив он и строен, так точно и гнусен порой. Склонность ко всему прекрасному и скорый переход ко всему дурному поразительны».

Причину такой испорченности характера надо искать в кровавых переворотах, которым подвергались чеченцы от нашествия и разорений иноплеменников и в борьбе с лишениями всякого рода. Добрая нравственность народа только и поддерживается еще прежними преданиями старины, сказаниями о патриархальных временах, когда понятия их были девственны и чисты. В позднейшее же время, тирания Шамиля окружила чеченцев системою доносов друг на друга и, еще более, упрочила испорченность характера, развив в народе фискальство и ябедничество.

Как все полудикие народы, и чеченцы отличаются вспыльчивым и неукротимым нравом и весьма склонны к мстительности, коварству и низки систематически. Находясь на самой низкой степени развития, чеченец легковерен, впечатлителен, быстр на знакомство и всегда весел. Одно впечатление быстро сменяется другим. Под веселостию у него часто скрывается чувство мести за обиду. В минуты увлечений, во время споров или ссор, они тотчас же бросаются друг на друга с оружием, а это неизбежно влечет за собою кровопролития и убийства, вызывающие бесконечную вражду и мщение. Самая храбрость их была кровожадность или рассвирепелость дикого зверя. Фанатизм несколько возвышал их душу и они готовы были гибнуть за веру. Худо одетый, под дождем, босой, по грязи, без теплой пищи – чеченец, во имя веры, переносил терпеливо и усталость, и болезнь.

Умственное развитие чеченцев далеко опередило нравственное: они очень искусные дипломаты, как между собою, так и с русским правительством. Они чрезвычайно тонки, осторожны, дальновидны в своих действиях, чему способствует их врожденная недоверчивость, а главное беспрерывные насилия и вечная война. Чеченец богато одарен умственными способностями, но, к сожалению, и они получили фальшивое направление, при той обстановке, при которой он развивался. Суровая природа, окружающая некоторые племена, и искаженный магометанский деспотизм Шамиля, препятствовавший развитию в народе понятия об изящном, дали такое направление умственным способностям его подвластных. Так, природа и топографические условия *беноя* или, в переводе, *вороньего гнезда*, поселившегося в верховьях правого притока р. Аксай, представляет все данные, способствующие к доведению народа до полной дикости. Оттого беноевцы совершенно не развиты и не далеки от идиотизма. «Войдя или, лучше, неуклюже ввалившись к вам в комнату, беноевец, оборванный и грязный, озирается как дикая кошка, а начиная излагать что-нибудь, с большим трудом связывает мысли, при чем, в видах выигрыша времени, для подбора слов, беспрестанно отплевывается».

Жители лесов значительно грубее поселившихся на долине, но как те, так и другие, не чужды переимчивости и развития. Многие из ауховцев, например, знают русский язык,

заимствовали огородничество, питье чая, окна с рамами и стеклами, водовозные бочки, меблировку комнат и другие мелочи.

Такое скорое заимствование совершенно в характере чеченца, как человека живого, гибкого, подвижного и отличающегося проворством, ловкостию и силою. Наружность его благообразна; он стройно сложен, б*о*льшею частию сухощав, бледнолиц, с быстрым и умным взглядом, отличающимся резкими чертами лица и орлиным носом. Чеченец одевается без всяких затей, все по мерке, все к месту и ничего лишнего. Сшитый из желтого или серого сукна собственного изделия *чекмень* или *чуа* плотно и в обтяжку охватывает его гибкую талию; *бешмет* или *архалук* его бывает разных цветов, но летом преимущественно из белой материи. Чеченец носит суконные шаровары, суживающиеся к низу, а *чевяки* или *мачи*, приготовленные из сыромятной лошадиной кожи, составляют его обувь. Чевяки плотно охватывают ногу так, чтобы обрисовать ее – это шик и щегольство. Желающие блеснуть чевяками надевают их, подобно черкесам, не прежде как достаточно размочив в воде. Некоторые носят кожаные *чирики* – род башмаков, иногда без подошвы, а иногда под них подшивается подошва из буйволовой кожи. Зимою туземец облекается в полстяные теплые чевяки, похожие на валенки. На голове чеченец носит *папах*, представляющий род конусообразного мешка из овчины, обращенной шерстью во внутрь, с завороченными на верх краями, образующими меховой околыш, или *курпей*. Нарядное платье свое чеченцы обшивают узким галуном, приготовленным дома, довольно прочно и красиво.

Кистины носят также черкески с патронами на груди. Белая рубашка их сшита на подобие нашей, с воротником завязываемым спереди тесемкой. На ногах носят род чевяков, у которых, вместо подошвы, тонко сплетенные ремешки; шапка круглая, черкеская. На туго стянутом ременном поясе, хорошо обрисовывающем тонкую талию кистина, висит длинный кинжал и пистолет, а за плечами винтовка в войлочном чехле. Шашку кистины употребляют редко, и то только люди зажиточные. Не богатые лошадьми, кистины отличные ходоки-пешеходы, и по большей части превосходные стрелки.

Одежда чеченских женщин довольно живописна, хотя мало отличается от обыкновенного татарского женского костюма. Они носят одноцветные, красного или синего цвета, длинные рубашки, доходящие до колен, с длинными же рукавами и цветными надплечиями. Поверх рубашки надевают бешмет, или архалук, широкие шальвары, подвязанные у чевяк, и на ногах чевяки. Зимою женщины носят шубы, но надевать их девушкам у некоторых племен чеченского народа считается большим срамом. Костюм женщин отличается б*о*льшею чистотою и опрятностию. На голове оне носят небольшие шапочки, разукрашенные монетами и другими блестящими безделушками; большинство же повязывает голову длинными белыми платками, но покрывал в горах по б*о*льшей части не носят вовсе, лица своего не скрывают и не прячутся от мужчин. В пригорных же местах, чеченки носили покрывало, хотя откидное, но которое, при встрече с мужчиной, должны были тотчас же опускать. Наружных украшений из серебра в костюме женщины, особенно горной Чечни, очень мало; вместо серег в ушах они носят проволочные или серебряные круглые кольца, смотря по достатку, и иногда кольца эти бывают значительных размеров и доходят до трех дюймов в диаметре. В богатых семействах, одежда женщин отличается своею роскошью и изысканностию. Малиновый шелковый бешмет, стянутый на тонкой талии серебряным поясом, такого же цвета шальвары, спускающиеся к лодыжке, у которой пристегиваются серебряным галуном, и на ногах пунцовые, сафьянные туфли, шитые золотом, составляют костюм женщины зажиточного чеченца. С другой стороны, красная рубашка и ситцевые шальвары, обрисовывающие едва развивающиеся молодые формы, составляют весь наряд бедной чеченки, рано теряющей свою красоту и внешнюю прелесть, благодаря тем кувшинам с водою и мешкам с мукою, которые ей приходится таскать, и которые гнетут женщину чуть ли не со дня ее рождения.

«Напрасно многие прельщаются красотой этих дикарок, говорить С. Беляев: очаровательного я не нашел в этих куклах. Правда, оне красивы как картинки, но дикий взгляд, бездушие в чертах, с одною чувственностию, и коварство в улыбке не могут назваться идеалом. Нет того взгляда, как в лице скромной европеянки, хотя не красавицы».

Вообще прекрасный пол в Чечне не так красив как мужчины. По закону Магомета, женщина – рабыня, лишенная прав, дарованных мужчине, существо вполне зависящее от мужа: она не видит другого исхода подышать свободой, как посредством исполнения всех прихотей своего супруга – и вот с детства, с молоком матери, закрадывается в них лисья хитрость, в следствие которой чеченец не верит в прочность и постоянство чувств женщины; он считает их изменчивыми и скоро проходящими. Никогда муж не подарит свою жену ласковой улыбкой, и, сознавая свое положение, жена, как раба, покорна его взгляду, в котором ищет себе приказания и ловит его малейшее движение. Чеченская женщина составляет эхо мужчины. На ней в полной степени отражается и хорошее, и дурное ее мужа, отца или брата. Появление мужчины среди женского общества заставляет последнее прекратить начатый разговор; женщины обязаны встать перед ним, каким бы делом ни занимались, и не садиться до тех пор, пока пришедший сам не сядет, не выйдет или не пригласит их садиться.

Мужчина, считая женщину гораздо ниже себя, смотрит на нее свысока, держит себя далеко. Муж почти никогда не разделяет с женою ни трапезы, ни горя, ни радости, и если рассказывает о своем наездничестве, удальстве и удаче, то не для того, чтобы удвоить свою радость, а для того чтобы, порисовавшись перед нею, возбудить в ней удивление и еще большую к себе покорность. О делах серьезных, а тем более секретных, чеченец не станет никогда говорить с женою.

– Сказать женщине – сказать всему свету, говорит чеченец.

Рабское положение женщины кладет на нее и рабские отпечатки. На лице женщины никогда не проявляется ни сердечной тоски, ни истинной радости. «Если какая взглянет на вас мило, то это – взгляд только природы или мимолетное чувство, намек на совершенство. Любовь ее вероломна, слова – огонь. Подойдите – не останется в вас праху; покоритесь – она адски засмеется над вами. Нет в жизни ничего отвратительнее, как лицо старухи-горянки».

Но если бы в это прекрасное создание гор, у которого восприимчивость как бы трепещет с молодых лет, вдохнуть хорошие нравственные начала, то, конечно, оно могло бы стать идеалом совершенства. Большая часть женщин не застенчивы, не прочь пококетничать и до крайности влюбчивы.

Чувственная от природы и мало развитая, чеченская женщина предается своей страсти вполне и до последней степени. В таких случаях для нее нет ни пределов, ни ограничений. Под влиянием страсти, молодая девушка не стеснится в глухую ночь пробраться к сакле того, кому решилась отдаться. Полная страха и сомнительных надежд, она, постучавши в дверь и перешагнувши порог, встречается глаз на глаз с любимым человеком, и, в волнении объясняя ему цель своего прихода, «она машинально поправляет в камине тускло догорающие дрова». Часто тот, к кому она пришла, видя некрасивую наружность незваной гостьи, равнодушно выслушивает ее признание и, поняв в чем дело, еще равнодушнее отворяет дверь и предлагает ей удалиться. Привыкшая к покорности, девушка без ропота, без укоризны оставляет дорогой ей дом и пробирается на рассвете под кров своих родных, для которых ночное отсутствие ее не осталось тайною.

Последствием такой решимости, девушку ожидает брань, побои и название распутной. Если она впечатлительна и обладает сильным характером, то, после подобного поступка, делается скрытною, задумчивою и нередко доходит до идиотизма. Напротив того, женщина слабого характера пускается в полный и разгульный разврат, как бы в отмщение тому, кто не сумел оцепить ее искреннего увлечения и бескорыстной любви.

Отличаясь столь сильною впечатлительностью и под влиянием первой любви, девушка не знает ни благоразумия, ни пределов для удовлетворения своей страсти и для любимого человека готова на самоубийство. Храбрость и удальство мужчины это такие свойства, против которых не в состоянии была устоять ни одна девушка, даже и в том случае, если бы предмет ее страсти был дурен собою: лицо мужчины для чеченской девушки вещь самая последняя. Чтобы завладеть храбрым джигитом, чтобы достигнуть своей цели, девушка употребляет все зависящие от нее средства, пускает в ход все свои чарующие знания, волшебство, созданное суеверием народа, и не редко прибегает к гаданию, как к средству узнать заранее будущую свою судьбу и предстоящее счастие.

Взяв кусок зеркала и положив его в камин, девушка взбирается на кровлю сакля и оттуда, через трубу, пристально смотрит в него. Посмотревши таким образом две, три минуты, если она не видит в зеркале суженого, то берет из каждого угла, или же по направлению четырех стран света, немного земли и, завязав ее в узелок, кладет на ночь под подушку, с полным убеждением, что увидит во сне своего желанного.

Если гаданье это, известное под именем *кюсгехажиу*, не удовлетворит заветного желания, тогда девушка обращается к ворожее, и та, взявши девять небольших камней и пошептавши на двух из них имена любящих сердец, бросает одновременно все камни на землю. По расположению камней на земле, по падению и численности их между камнями, обозначающими влюбленных, старуха делает своя заключения возможности соединения или о препятствии, которое может при этом встретиться.

Достигая своей цели, девушка не обращает внимания на упреки, не страшится их, и с самоотвержением готова выставить себя на позор: в этом случае она циник в полном значении этого слова. Она не стеснится тогда открыто отправиться к мулле и попросить его дать ей такой талисман, который бы приворожил к ней любимого человека. Мулла охотно соглашается исполнить просьбу страстной горянки. Он берет кожаный треугольничек, вынимает оттуда бумажку, сложенную тоже треугольником, и показав, что на ней начертаны кружечки, арабские цифры и разные слова – словом не понятная для нее тарабарщина, передает их девушке.

– Напиши, говорит он ей при этом, имя того, кого ты любишь, потом имя его отца и матеря, а также и все эти знаки и, свернув бумажку таким же образом, положи ее куда-нибудь в такое место, чтобы возлюбленный твой наступил на нее нечаянно.

Все эти советы она исполнит в точности, и нет для нее такого поступка, на который она бы не решилась для любимого человека. «Отказать в руке одному, двум, трем бывшим в виду у родных ее и родственников, и бежать на сторону к другому, о существовании которого знали немногие; подвергнуться упрекам знакомых, проклятиям родных, прервать на всегда связь с отцом и матерью» – все это для чеченки не значит ничего, в сравнении с тем новым заманчивым положением, которое рисует ее пылкое воображение. Но если бы шаг этот был сделан неудачно, никто не услышит от женщины жалобы ни на мужа, ни на свое положение.

Пришедшая в дом мужчины девушка, по обычаю, становится его женою. Никто не в праве расторгнуть этого брака, и родным волею или неволею остается согласиться и пожелать молодым счастья; тогда задают пир – и дело кончено. При таком браке, муж имеет право отказать родным своей жены в подарках и угощении, между тем как, при обыкновенном сватовстве, он не может избегнуть подарков, превышающих иногда калым, который всегда получает девушка или вдова, при каких бы условиях ни выходила замуж.

Женитьбе, совершаемой обыкновенным способом, всегда предшествует сговор или сватовство. Случалось, в прежнее время, что родители, еще во время младенчества своих детей, обещались породниться друг с другом и, в залог калыма, давали пулю, газырь черкески или несколько денег. Дети, подрастая, мало по малу свыкались с своим положением.

Желая засватать девушку, родители жениха засылают сватов, которые и делают предложение родителям девушки выдать ее замуж. Если родители ее согласны, то призывают девушку

и спрашивают: согласна ли она выйти за такого-то. Такое допрашивание составляет только форму требуемую обычаем. Девушка, в большинстве случаев, исполняет беспрекословно волю родителей, а если и высказывает протест, то на него не обращают никакого внимания, разве имеется в виду другой более выгодный жених, или девушка чувствует видимое отвращение к сватающемуся. Когда согласие на брак состоится, то жених делает невесте подарок, состоящий из шелкового головного платка и нескольких рублей денег.

В случае отказа родителей выдать свою дочь за человека ищущего ее руки, народный обычай дает средство получить девушку и помимо воли ее родителей, с согласия ее брата. Стоит только брату, во время пирушки или обеда, выпить за здоровье своей сестры с человеком, делающим ей предложение, и принять от него подарок, тогда сестра его считается засватанною, и он обязан принудить отца выдать ее именно за того, с кем пил за ее здоровье. В противном случае, отдаривший брата преследует его как за кровную обиду. Впрочем, к такому странному обычаю прибегают только в самых крайних случаях, когда уже решительно нет никакой надежды получить руку девушки по прямому согласию ее родителей.

Чеченские свадьбы совершаются рано: девушка выходит замуж, как только исполнится ей двенадцать лет, и самое позднее в пятнадцать; молодые люди женятся с наступлением семнадцатилетнего возраста. Часто домашние работы, которые все лежат на обязанности женщины, заставляли родителей, из личных выгод, удерживать дочь долгое время в семействе и отказывать женихам, что было весьма невыгодно для Шамиля, при беспрерывной войне, истреблявшей народонаселение в значительной степени. Для искоренения этого зла, имам принял на себя наблюдение за тем, чтобы не было ни молодых вдов, ни пожилых девушек.

В последнее время своей власти, Шамиль прибегал к так называемым насильственным бракам. Непомерно большой калым за невесту (от 80—200 р. с.) был причиною того, что большинство населения не в состоянии было внести его при тогдашних военных обстоятельствах. Оттого число браков в Чечне было значительно менее в сравнении с прочими горскими народами, так что, по словам Шамиля, он застал в Чечне *множество девок с седыми волосами и совсем дряхлых стариков, весь свой век проживших холостыми*. Прямым последствием всего этого были беспрестанные побеги молодых людей обеих полов, безнравственность и убийства. Чтобы устранить это зло, Шамиль собрал к себе старшин из всех чеченских обществ и предложил им установить для калыма норму, которой придерживался сам пророк, и именно 20 руб. за девушку и 10 руб. за вдову. Старшины согласились, но просили прибавить от 6 до 8 руб. собственно на свадебные издержки. Уступив просьбе старшин, Шамиль распорядился о прекращении похищений и запретил муллам совершать над беглецами брачный обряд под опасением зашития рта; самих беглецов приказано немедленно разлучать и возвращать в родительские дома, где, на основании шариата, их, как совершивших блуд, подвергали ста палочным ударам и за тем изгоняли мужчин на один год из аула. Против же девушек, не выходящих замуж по своей воле и отличающихся веселым характером, принимались особые меры. Наиб обыкновенно, призвав к себе родственника девушки (отца, брата и т. п.) предлагал ему, в виде дружеского совета, похлопотать о женихе для своей родственницы, но если призванный оказывал сопротивление или упрямился и говорил, что трудно найти жениха в своем околотке, тогда ему указывали на другие селения, где есть много молодых людей, нуждающихся в подруге жизни. За тем давалось месяц срока, и если совет наиба не был исполнен, то глава семейства подвергался заключению в яму, где и содержался до выхода замуж его дочери или сестры.

Точно также вдова не могла оставаться одинокою более трех месяцев; в продолжение столь короткого времени она должна была непременно найти себе мужа. По причине распространенной в Чечне полигамии, женщина редко встречала в этом затруднение, и в особенности, если была молода и не дурна собою. Для поверки, исполняется ли постановление имама, пять или шесть человек муридов, посылаемые наибом, от времени до времени обходили аулы подвластного наибу владения, и искали перезрелых невест, молодых вдов и не женившихся

еще молодых людей. Отыскав женщину, которая не вышла еще замуж, узнавали почему это так случилось, и, в случае не удовлетворительного ответа, сажали родственника ее в яму.

– Кого любишь? спрашивали между тем муриды женщину, не отыскавшую себе мужа.

Женщина называла по имени какого-нибудь мужчину, от которого выведывали: желает ли он жениться на такой-то. При согласии, муриды и родственники сговоренных стреляли, как бы в укрепление и подтверждение состоявшегося сговора. Если мужчина не соглашался вступить в брак с предлагаемою ему невестою, то ее отпускали, отказавшемуся от брака приказывали выбрать себе непременно невесту, а отвергнутой им девушке или ее матери, в знак признательности, подарить что-нибудь.

Эта столь суровая мера в сущности не была противна народу, и в особенности молодежи, которая была очень довольна тем, что Шамиль, принимая в соображение общую нужду и бедность, должен был, для лучшего достижения своей цели, значительно понизить калым или плату за невесту. Прежде калым доходил до 200 руб. Шамиль же ограничил его двумя коровами или взносом вместо них денег, от 10 до 20 рублей. В Ичкерии калым за девушку положен был в 28 р., а за вдову 16 руб.

В местах разоренных и близких к нашим границам, жених отдавал отцу невесты только три рубля, обещая остальные уплатить впоследствии, и обязывался иметь всегда на имя жены или лошадь, или пару волов и коров, или несколько штук мелкого скота.

Составляя собственность жены, животные эти могли быть проданы или обменены с ее согласия, а в случае падежа или покражи этого скота, муж или покупал новых, или выдавал жене половину их стоимости, деля убыток пополам. Дешевое приобретение жены было причиною того, что, в последнее время, в Чечне было очень много свадеб, а через то увеличение народонаселения и, главное, соблюдение более строгой чистоты семейных нравов.

Не смотря однако же на незначительность калыма, многие из чеченцев не в состоянии были уплатить его сразу, и это служило причиною того, что между сговором и женитьбою проходило не редко несколько дет. Получив согласие на брак, жених, кроме подарка невесте, дарит отца невесты или ее ближнего родственника, смотря по достатку и средствам, или оружием, лошадью, или куском материи, и вместе с тем задает пир. Богатый закалывает для этого корову, быка или несколько овец, бедный – одного, много двух баранов. Невесте шьется рубашка и приданое по условию. После сговора, жених имеет право повидаться со своей возлюбленной, но так, чтобы никто не был свидетелем их свидания. Точно также жених, до свадьбы, избегает встречи с родителями невесты. Встречаясь же в обществе, или вообще при посторонних лицах, невеста отворачивается от жениха, стараясь сделать так, чтобы он не видал ее лица. Вступить в разговор жениху с невестой считается делом весьма неприличным.

По народному обычаю, молодой человек, сделавшись женихом, приобретает уже некоторые права над своею будущею невестою. Он может отказаться от нее, или, по ее просьбе, дозволить ей выйти за другого, но девушка сама собою не может отказаться от жениха, а должна упросить и дождаться безропотно дозволения или согласия освободить ее, или чтобы жених, заплатив калым, взял ее в жены. Этим последним правом молодые люди не редко пользовались. Рассердившись на свою невесту или имея в виду более выгодную свадьбу, молодой человек нарочно оттягивал неопределенное положение засватанной девушки, и часто, считаясь женихом в одном, сватался в другом семействе и, получив согласие, сочетался браком с тою девушкою, с которой находил более выгодным. Впрочем родители первой невесты, заметив уклонение жениха, могли сами отказать ему. Под предлогом того, что дочь молода, или необходима для работы в семействе, отец отвозил жениху сделанные подарки, возвращал калым, и тогда девушка, сделавшись свободною, вольна была избрать себе другого.

Магометанская религия допускает многоженство, и потому в некоторых поколениях чеченского народа можно встретить таких лиц, которые имеют по две, а иногда и по три жены. Число жен не зависит от состоятельности мужчины, и нередко люди бедные имеют

по нескольку жен, а в результате весьма почтенную цифру детей, число которых доходит иногда до 17 человек одних живых, не считая стольких же умерших. Весьма редко мужчина берет себе жену из одного с ним аула, большою же частию он старается взять из другого, но одноплеменного с ним селения. Отец не выдаст дочери, брат сестры за иноземца, в особенности за тавлинца, которого, как мы видели, чеченцы презирают, считая их бездомными и бродягами. «Чеченское семейство, говорит Ад. П. Берже, породнившееся с Хаджи-Муратом, человеком весьма значительным, стяжавшим себе славу джигита и любимца Шамиля, не смотря на все это, долго терпело обидные насмешки от своих соплеменников. До такой степени чеченцы считают себя выше тавлинцев!»

За четыре дня до свадьбы, невесту отводят в дом родственников жениха, и в этот день ее наряжают, белят, румянят и выщипывают часть бровей, с целию подравнять их. Наряд ее отличается той изысканностью, которая возможна только по средствам и достатку родных, выдающих ее замуж. Поверх длинной рубашки из клетчатой бязи, накинут синий ситцевый архалук, с желтым кантом из канауса; на голове повязан черный шелковый платочек, а сверх его прикреплено длинное белое покрывало. На ногах надеты красные сафьянные полусапожки или род сандалий с высокими подборами. Таков наряд невест большей части населения, не имеющего больших средств и состояния. Остальное приданое невесты состоит преимущественно из домашней утвари и посуды, например: двух котлов, сковороды, жестяного блюда и небольшого сундука с архалуками и несколькими рубашками. Отец или родственник девушки, получив калым от жениха, обязан отдать его весь сполна дочери при выходе ее замуж. В то время, когда невеста одевается, в комнату ее сбираются соседние и знакомые ей женщины. Поднимается стряпня, варенье, печенье, шум и гам. В одном углу приготовляют кушанья, в другом набивают тюфяк сеном, в третьем одеяло и подушку шерстью.

По обычаю, жених отправляет за невестою, на арбе, какую-нибудь бойкую старуху, отличающуюся своим острым языком, и с нею человек тридцать молодежи, известных своею удалью. Весь этот поезд недалеко от дома невесты встречается криком и бранью мальчишек, камнями и выстрелами. Отшучиваясь и обороняясь как кто умеет, посланные подъезжают к дому, и у дверей комнаты невесты встречают одного из ее родственников, который запирает перед их носом дверь и требует подарка. Кинжал в руки привратника и заветная дверь растворяется, но там ожидает целая толпа женщин, которая встречает приезжих иглами, булавками и ножницами. На них рвут черкески и бешметы, отнимают шапки, так, что многие выходят из комнаты без рукавов и пол платья. Натешившись и нашумевшись вдоволь, заключают мировую и все садятся за угощение.

Невеста, закрытая покрывалом, помещается отдельно, за ковром, который совершенно закрывает ее от посторонних глаз. Все собравшиеся гости, кроме невесты, рассаживаются на полу, кто где попало. Невеста не должна ничего есть в этот день, а жених должен держать пост в течение трех дней. После угощения невесту сажают на арбу, часто закрытую, и отвозят в дом жениха, который, по обычаю, должен находиться в это время в отсутствии. Толпа односельцев сопровождает церемониальный поезд невесты. Конные всадники скачут взад и вперед около скрипучей арбы, джигитуют, стреляют или поют свою монотонную песню: *ля-илляхи-ил-Алла*!; мальчишки, гоняясь за верховыми, хлещут лошадей их длинными хворостинами.

В сакле жениха, в ожидании приезда невесты, происходит суматоха: варят мясо, пекут хлеб, убирают саклю. Сам хозяин с озабоченным видом толкается по двору, делая кое-какие наставления, сердится, старается быть серьезным, а в сущности думает о том, как бы скорее кончилось томительное ожидание. Толпа женщин копошится около котлов, а ребятишки, сидя на корточках, жадно следят за лакомыми кусками мяса, которые то появляются, то снова исчезают в кипящей воде. Жених, как потерянный, слоняется за плетнями и амбарами, не смея, по обычаю, показаться в своей сакле.

Известие о том, что вдали показалась процессия, производит еще большую суматоху в доме. Каждый спешит привести свое занятие к концу, бегают, шумят, а на пороге сакли стелют что-нибудь, чтобы молодая могла стать на подостланное при выходе из арбы. Молодые джигиты, не раз вспенившие своих коней, целою толпою предшествуют поезду. За ними едет арба, на которой лежит яркого цвета сундук, окованный железом, и сидит невеста. При ней, на той же арбе, поместились несколько молодых девушек-ассистентов. Они с увлечением колотят в бубны, тазы и поют в честь молодых хвалебные песни. Позади арбы следуют несколько пеших мужчин и женщин.

Невеста сходит с арбы. Ловкий джигит бросает ей под ноги в один миг снятую с себя черкеску и получает от невесты, за такое внимание, подарок: обыкновенно азиятский кошелек собственной работы. Молодая, не снимая покрывала, входит в саклю, и если нет мужчин, то садится; ее встречают радушно с хлебом-солью. Присутствующие девушки и женщины угощают невесту и друг друга приготовленною на этот случай пшеничною кашею и пшеничною лепешкою. В саклю молодых собираются гости. Старики в шубах и с длинными палками, а молодые, в нарядных платьях и лучшем вооружении, приходят поздравлять невесту.

– Дай Бог! дай Бог! чамкает один из стариков, обращаясь к молодой, в хороший дом ты пришла… и аул хороший, не пожалеешь…

– Как будет угодно Богу! отвечает скромно молодая.

Стариков усаживают на почетные места, а молодежь толпится под навесом. Первые ведут разговор о вещах солидных, приличных их летам, тогда как под навесом раздается смех, шум, спор о лошадях, достоинстве оружия и проч. Один из присутствующих вынимает из-за пояса пистолет и в миг пуля сидит в стене сакли; за первым выстрелом следует второй, потом третий, четвертый, и пули сыплются во все стороны из ружей и пистолетов. Чем более останется знаков на стенах, тем, значит, более приверженцев у молодого и тем краше его невеста. Звуки выстрелов сменяются ударами в бубен, тазы, и бойкая лезгинка, сопровождаемая мерным хлопаньем в ладоши, выходит на сцену и завладевает всеобщим вниманием. Не смотря на все усилия, Шамиль не мог вывести пляску, которая, в такие дни как свадьба, продолжалась в течение целого дня; в ней одинаково принимали участие как мужчины, так и женщины.

В течение трех дней происходит празднование свадьбы в доме жениха. В сакле и под навесом расставляются лотки: с вареным мясом, кусками масла и меду, теста в топленом масле, масла с жареной мукой, медом и проч. Наевшись и напившись, старики расходятся по домам, а молодежь остается петь и плясать. Во время танцев стреляют в пол из пистолетов, и случается, что подобное увлечение не проходит даром: несколько раненых и контуженных бывает жертвою такой потехи. День и ночь не прекращается веселье. Один жених не принимает в нем никакого участия, об нем никто не вспоминает. В течение целого дня он ходит по лесу, или где-нибудь по знакомым, или скрывается в разных клетях, и тогда, для утоления своего голода, должен, как волк, украдкою похищать съестное, расставленное в таком изобилии под навесом. На четвертый день мулла с двумя свидетелями отправляется сначала в комнату невесты и высылает оттуда всех присутствующих, кроме одной или двух маленьких девочек.

– Желаешь ли ты, спрашивает он невесту, выйти замуж за такого-то, сына такого-то и за столько-то калыма?

Получив удовлетворительный ответ, мулла идет к отцу девушки.

– Желаешь ли ты, спрашивает он его, отдать дочь свою такому-то и за столько-то калыма?

Получив и здесь согласие, он отправляется к жениху, изгоняет всех присутствующих из комнаты и тщательно осматривает, не скрылся ли в ней кто-либо из посторонних. Чаще же он берет жениха за руку, выводит на двор и, в уединении, тихо делает вопросы, подобные сделанным невесте и ее отцу. Жених отвечает едва слышно, а мулла, сверх того, строго следит за тем, чтобы, кроме свидетелей, никто из посторонних не слыхал ответов жениха. Эта таин-

ственность ответов последнего вызывается суеверием народа: чеченцы верят искренно, что люди злонамеренные портят женихов.

Человек, желающий повредить жениху, при каждом ответе последнего завязывает узел, на нитке заранее приготовленной, и тогда, пока эти узлы не будут развязаны, «полное обладание женою для жениха становится невозможным, не смотря ни на какие медицинские пособия».

Вместо узлов, при ответах жениха, можно вынимать клинок своего кинжала или газырь и тотчас же вкладывать их на место. Такое действие, три раза повторенное, производит порчу жениха, снять которую может только тот, кто наложил ее.

Избежав подслушивания и не допустив возможности порчи, мулла приступает к обряду венчания. Он состоит в чтении определенных молитв, слова которых должен повторять в слух жених, или заступающий его место свидетель, что случается не редко.

Окончательный свадебный акт заключается новым и последним пиром, после которого, поздно вечером, когда гости разойдутся по домам, молодого впускают в саклю, где его ожидает молодая одна. Они тотчас же приступают оба к совершению *намаза* (молитвы).

– Если будет угодно Богу, говорит затем молодой, положив руку на лоб своей супруги, ты мне родишь доброго мусульманина, а не какого-нибудь шайтана (черта).

На другой, или несколько дней спустя, после окончания всех брачных церемоний, молодая, которая в это время ничего не работала, не выходила из своей комнаты и никому не показывалась, взявши большую чашку блинов и кувшин, должна идти первый раз по воду и после того уже вступает в круг обязанностей хозяйки дома. Толпа мужчин, женщин и детей сопровождают ее с песнями и музыкой на реку, где молодая, проколов несколько блинов иглою или булавкою, бросает их последовательно один за одним в воду и затем уже черпает ее кувшином. Когда она ставит кувшин с водою к себе на голову, раздаются выстрелы.

В некоторых аулах родственницы молодой при этом потчуют присутствующих оставшимися блинами и все возвращаются домой со стрельбою. Соседки, желающие познакомиться с новым членом их аула, посылают, на второй или третий день, пшеничную кашу.

В первое время после свадьбы, молодая не имеет права ни видеться, ни говорить с своим мужем, не только в присутствии посторонних, но и родственников. Муж посещает ее только по вечерам и ночью. Говорить с отцом своего мужа и близкими родственниками, а также видеться и посетить свою мать она может только по прошествии нескольких месяцев со дня замужества.

Бедность и неимение средств заплатить калым, хотя и незначительный, заставляли иногда чеченца, не смотря на строгое запрещение, прибегать к насильственным мерам и похищать свою невесту. Молодой человек, подговорив нескольких приятелей похитить девушку и привезти ее в свой дом, выбирает удобную минуту, нападает на нее вдруг с товарищами и, не смотря на сопротивление с ее стороны и со стороны родственников, увозит ее в свой дом «где товарищи запирают их вдвоем, а сами стерегут у дверей, пока их не позовут в комнату. При них девушка объявляет: хочет ли она воротиться к родителям или остаться у похитителя. Обыкновенно необходимость заставляет ее выбрать последнее и тогда она становится законною женою». Впрочем подобные случаи происходили преимущественно в обществах, не признававших власти Шамиля.

Обычаи и свадебные обряды у назрановцев или ингуш весьма сходны с теми, которые существуют между осетинами; но выкуп для всех состояний в прежнее время был одинаковый: восемнадцать коров, ценностию около десяти рублей каждая. В 1863 году, народный суд постановил вносить только 25 руб. в виде калыма и 80 р. в обеспечение выходящей замуж, на случай смерти мужа или развода. Первые деньги вносятся до свадьбы, а последние тогда, когда выходящая замуж найдет это нужным. Ингуши все равны между собою, а потому нера-

венства браков у них не существует; исключение в этом случае бывает только для того, кто женится на своей пленнице. Кистины и галгаевцы имеют свои особые брачные обряды.

В назначенный для свадьбы день, родные и знакомые обеих сторон собираются в дом невесты. После угощения, один из лучших приятелей жениха требует, чтобы вывели к нему невесту. Женщины выводят ее из соседней комнаты, всю с ног до головы закрытую покрывалом. Уполномоченный шафер берет ее за руку и подводит к котлу, висящему посредине главной комнаты. Взявшись рукою за цепь, на которой висит котел, шафер говорит речь, заключающую в себе пожелания молодым благополучия, потом обводит три раза невесту вокруг огня и, ударив рукою по цепи, в знак прощания с родительским домом, выводит ее из сакли в дом, соседний с жилищем. жениха. Тут-то для шафера наступает самая трудная и неприятная минута; все присутствующие, бросившись на него, провожают его побоями по голове и спине, часто до крови, и до самого места, где невеста поступает в распоряжение жениха. За такую пытку и самопожертвование, шафер приобретает права родного, и молодая не стыдится быть при нем и вступать с ним в разговор. Жених, не присутствуя и не принимая участия в этом обряде, сидит в сакле одного из соседей; невесту принимают в дом без него.

Пребывание молодых у соседей совершается тем же порядком, как и у осетин. Супружеские отношения чеченцев отличаются до некоторой степени согласием, чему отчасти способствует полная покорность женщины. Будучи чрезвычайно ревнивым, чеченец зорко следит за поведением своей жены и нарушения супружеской верности весьма редки и преследуются весьма строго.

Хотя муж не имеет права ни в каком случае посягнуть на жизнь своей жены, но, убедившись в ее неверности, он может в наказание изуродовать ее, отрезать нос или ухо, или же просто развестись с нею. За прелюбодеяние замужней женщины у чеченцев существовало страшное наказание: затаптывать лошадьми или побивать каменьями несчастную жертву обольщения. От воли мужа зависело однакоже предать жену народному суду или ограничиться простым разводом и прогнанием от себя. Обольститель же замужней женщины подвергался смерти; если же жертвою была девушка, то должен был жениться или также его ожидала смерть. Туземцы большие охотники менять жен, т. е. разводиться с прежними и брать новых.

Развод одинаково допускается между всеми поколениями чеченского народа и основывается или на личном произволе супругов, или на известных законных причинах. Эти причины, преимущественно, заключаются в том, что прогоняемая жена или бесплодна, или имеет привычку производить на свет только детей женского пола, что крайне обидно для мужа. Один каприз мужчины – и женщина свободна, но, напротив того, никакие слезы и мольбы не в состоянии развести жену с мужем, если он этого не желает.

– Пусть дурная для мужа жена умрет, говорит чеченская присказка, а муж, хотя и дурной для жены, пусть долго живет.

По корану, только один муж может дать свободу своей жене. Если муж пожелает развестись с женою, без всякой законной причины, то должен возвратить ей калым или уплатить стоимость его; должен возвратить все принадлежащее ей имущество, и иногда мир присуждает отдать прогоняемой жене сына, если он есть, разумеется.

Если жена сама не хочет жить с мужем, и первая требует развода, а муж не станет противиться этому, то она должна оставить в его распоряжении внесенный за нее калым и не имеет никаких прав на мужа, детей, ни на наследство при разделе, Вообще адат не признает за женщиною никакой собственности, кроме калыма, получаемого от мужа и подарков его, сделанных в то время, когда он был женихом. Только эти две вещи могут составлять собственность женщины. От воли мужа зависит дать ей, из сострадания, дочь для прокормления; сын же, отданный прогнанной жене, остается у нее, во всяком случае, только до совершенного возраста. В тех случаях, когда развод происходит на основании законных причин, как, например, физической слабости мужчины в отправлений супружеских обязанностей, что случается не редко, супруги

расходятся без всякого вознаграждения друг друга, оставаясь каждый при своем имуществе. Самый развод не сопровождается никакими церемониями и никакими характеристическими особенностями. Собрав свои пожитки, жена уходит к своим родным, и с этого времени сакля ее мужа становится для нее чужою.

Разведшийся с женою муж может взять опять к себе в дом прогнанную жену, но для этого необходимо, чтобы женщина вступила с другим в новый брак, который, впрочем, допускается не ранее, как через три месяца, и получила второй развод. Для этого прежний муж подкупает какого-нибудь приятеля, который женится сегодня на бывшей его жене, а завтра дает ей развод. По корану, брак, однажды расторгнутый, не может быть восстановлен до тех пор, пока женщина не разделит законным образом свое ложе с посторонним человеком. За неимением охотника, часто посредниками в этом деле бывали муллы.

У ингуш, кистин и галгаевцев, муж, прогнавший свою жену по простой прихоти, не получает обратно калыма и, кроме того, обязан давать ей ежегодно одно платье, одни шальвары, две пары башмаков и два платка. Дети остаются, по условию, при отце или при матери, и в последнем случае отец должен выдавать по двенадцати рублей в год на каждого ребенка.

Со дня замужества, чеченская женщина делается самою неутомимою работницею своего семейства, не имеет покоя ни днем, ни ночью, и при всем этом к чести женщин надо сказать, что они содержат свое простое и незатейливое хозяйство в чрезвычайном порядке. Мужчина, в свободное от воинственных занятий время, проводил его праздно, беспечно, весело и, не смотря на окружающую его бедность, был всегда доволен собой. Призадуматься о своем положении, склонить голову на руку, считалось малодушием. Надежда на свою силу, ловкость и проворство делали чеченца разгульным, но не порождали в нем стремления к улучшению своего быта, не развивали в нем понятия об изящном. В образе жизни, между зажиточным и бедным чеченцем нет почти никакой разницы, разве только та, что богатый одевается несколько лучше, да владеет более богатым оружием.

Не видя вокруг себя ничего лучшего против своего собственного положения, привыкнув, со дня своего рождения, к окружающим его красотам и богатству природы, чеченец или проводил праздно время в своей кунахской, или, сидя на заборе, стругал палочку, чистил оружие, то шил поршни (обувь из сыромятной кожи), шел в гости или, наконец, вскочив на коня, рыскал по диким гребням гор, без всякой видимой цели. «В тумане проходят дни его, хотя солнце и светит светло и природа роскошно развернута под голубым небом. Ученость и искусство ему чужды; равно он смотрит на дикий рев воды, на тихий ручеек, на громадные снежины и на мягкий луг; страшный гул грома и могильная тишина ему одинаковы.» Конь, ружье и шашка – вот его гордость и жизнь; пашня, посев и покос – единственная забота житейская. Чеченцы вообще склонны к праздности, и жизнь их была до невероятности однообразна, скучна, бесчувственна и совершенно бесплодна для души и сердца. В то время, когда жены таскают на себе вязанки дров, сено, тяжелые кувшины с водой, работают в садах, на террасах и у саклей, мужчины сидят у дверей своих хижин, которые всегда настежь зимою и летом, или около мечети, слушают и рассказывают новости. Вся деятельность их, и все почти занятие, состояло в трубке и пяти намазах. Оставаясь целые дни в бездействии, чеченцы, как и вообще все горцы, с необыкновенною жадностию принимают всякое известие, с удовольствием отправляются в дальние путешествия, по самым ничтожным причинам, и пускаются на самые бессмысленные приключения. Жизнь без занятий была, в свое время, одною из побудительных причин к хищничеству. Таково положение чеченца в семейном быту, но не таково положение чеченской женщины. Женщины, напротив того, отличаются необыкновенным трудолюбием: на них лежат все хозяйственные заботы и самые тяжелые работы, не исключая полевых.

О происхождении этого последнего обычая чеченцы говорят, что в то время, когда в Чечне существовало междоусобие, когда народ страдал от вторжения соседей, мужчины должны были запираться в крепких башнях, из боязни быть убитыми. Одни женщины, кото-

рых, по обычаю, никто не смел тронуть, ходили свободно, и потому занимались всеми хозяйственными работами и даже земледелием.

– Вот причина, говорил чеченец, штабс-капитан Бата, по которой мы доселе заставляем женщин работать в поле.

Женщина кормит детей, ткет сукно для домашнего обихода, делает ковры, войлоки, а у горных чеченцев и бурки, шьет платье и обувь на все семейство. Она должна содержать в чистоте двор, накормить скотину, нарубить дров, принести воды, присмотреть за огородом, смолотить хлеб, смолоть муку. Шамиль, из политических видов и в виду постоянной борьбы с русскими, не приучал мужчин к обрабатыванию земли и к домашней жизни. От этого, вскоре после выхода замуж, молодая женщина до того изнуряется работою, заботами и хлопотами, что, по прошествии весьма немногого времени со дня свадьбы, она кажется если не старухою, то пожилою женщиною, которой нельзя дать менее тридцати лет от роду. За все свои труды жена подчинена мужу, как своему полновластному господину, которому должна оказывать раболепное уважение. Жена, в присутствии мужа, никогда не садится и не ест вместе с ним. При разговорах они не называют друг друга по имени, а в замен того употребляют личные местоимения.

– Эй, где ты? кричит муж, отыскивая свою жену.

Если жена ушла к соседке, то муж никогда не вызовет ее к себе по имени.

– Нет ли ее там? спросит он, обращаясь к соседям.

– Тебя зовут! скажут ей только, и она отправляется домой.

Точно также чеченец никогда и ничего не приказывает жене лично, а говорит: «*мне бы нужно это… я хотел бы поесть… пойду, сделаю, узнаю… если Бог даст*! и другие отрывочные фразы, относящиеся столько же к жене, сколько и к остальным членам семейства. Когда муж говорит о чем-нибудь с женою, то по большей части смотрит в сторону и никогда не глядит в глаза.

Муж, по-чеченски, обозначается словом *ир* – ум, перед которым женщина должна преклоняться. При посторонних жена, в особенности молодая, не должна вступать в разговор с мужем, а при гостях-мужчинах – вовсе не показываться. Женатый чеченец, которому по обязанности приходилось жить вдали от своего дома, считал неприличным перевозить к себе жену, и лица, не следовавшие такому народному взгляду, теряли уважение в обществе. Расставаясь с семейством, иногда на несколько лет, чеченец, из боязни проявить свою слабость и высказать нежность, никогда не скажет: *прощайте*! возвратясь не говорит: *здравствуйте*! Всякая нежность считается делом неприличным. Успокоить свою жену, облегчить ее труд, было бы делом ни с чем не сообразным, а женщине ожидать помощи от мужа – мечты напрасные. Нет помощи от чеченца и больной жене – это дело женское,

Когда женщина чувствует приближение родов, муж уезжает из дому и предоставляет ухаживать за родильницей родственницам или знакомым женщинам.

Спустя некоторое время после родов, так дней через пять, муж возвращается домой и не обращает никакого внимания ни на жену, ни на новорожденного, причем с первой он даже долгое время не разговаривает, в особенности если жена имела несчастие подарить мужа дочкой, а не сыном. Рождением дочери отцы бывают крайне недовольны и радуются, когда родится сын. Появление на свет младенца мужеского пола часто служит поводом к пиршеству и угощениям в доме отца. Рождение мальчика, хотя бы и от гяурской пленницы, считалось всегда хорошим предзнаменованием для семейства. Так, одна из женщин, бывших в плену, вместе с княгинями Чавчавадзе и Орбелиани, разрешилась от бремени мальчиком. Едва только жители аула узнали об этом, как тотчас же на горе раздались выстрелы, возвестившие о рождении младенца мужеского пола, в честь которого зарезали и изжарили жирного барана и прислали его пленницам.

По получении известия о рождении у соседа младенца мужеского пола, все одноаульцы спешат к нему в саклю принести поздравление. Счастливый отец считает рождение мальчика

особою благодатью, ниспосланною свыше на его семью, встречает гостей с радостию и задает пир, продолжающийся иногда в течение трех дней. Рождение девочки не сопровождается таким торжеством и поздравлять родителей приходят только одни женщины.

Спустя несколько дней после рождения, младенцу дают имя с некоторою торжественностию. Почетные и знакомые женщины собираются с утра в комнате матери ребенка, над которым читают молитву из корана, и за тем начинается женский пир: едят баранину, рис и разные сласти. Имя младенцу дают сами, какое им вздумается, и часто одного и того же ребенка отец называет одним, а мать другим именем; носящие по два имени мужчины и женщины не редкость в Чечне. Кормление грудью ребенка у чеченцев, подобно черкесам, имеет весьма большое значение. Если женщина накормит грудью чужое дитя, то устанавливает не только между им и собою родство, но и между всеми членами обоих семейств. Ребенок, вскормленный чужою грудью, признает на всегда, вскормившую его женщину, своею матерью, а детей ее молочными братьями и сестрами. Иногда даже взрослые пленные мусульмане, прибегнувшие под покровительство этого обычая, освобождались от оков и получали полную свободу. Стоило только такому пленнику, в присутствии одного или двух свидетелей, попросить у хозяйки грудь, приложиться к ней губами, и общественное положение его тотчас же изменялось: из пленного он становился родственником, из раба равноправным. С него снимали кандалы, угощали, менялись одеждами и отпускали на волю, иногда даже с подарком. Новый родственник, с своей стороны, обязан был, по обычаю, сделать также какой-нибудь подарок. Не смотря на невыгоду такого обычая, для хозяев, владеющих пленными, считалось не только предосудительным, но и совершенно невозможным, чтобы женщина отказала и не дала ему своей груди.

Обряды при рождении, соблюдаемые ингушами и кистинами, весьма близки к осетинским, с тою только разницею, что новорожденному дается имя на третий день, а у ингуш не стариками, а мальчиками, для младенца мужеского пола, и девочками для женского пола, которые, с общего совета, провозглашают такое имя, какое им вздумается, без всякого участия в этом родителей и духовенства. Иногда же имя новорожденному дается при особой церемонии, которая производится так: несколько молодых людей берут по одной лодыжке от зарезанных баранов, садятся в кружок и кидают по очереди лодыжки на. землю. Чья лодыжка прежде других станет ребром, имя того и дают новорожденному. Наконец, те из кистин, которые особенно почитают св. Ерды, спустя три дня после рождения, созывают родных и знакомых на празднество в честь этого святого, составляют совет и, общим его решением, дают новорожденному имя.

Бабку ингуши называют кормилицею и она пользуется уважением наравне с родною матерью. Отношения отца к детям довольно оригинальны и отличаются чрезвычайною непринужденностию. Отец никогда не возьмет на руки ребенка: не полелеет свое дитя, никогда не полюбуется им. Спросите у чеченца: каков его малютка, хорош ли, на кого похож и здоров ли? ничего не узнаете: он сошлется на мать, которая одна должна иметь попечение о своих детях до тех пор, пока они станут себя понимать. Если родившая женщина больна, так что не может встать с постели, не может ни покачать малютку, ни переменить ему пеленок, то и тогда муж не предложит ей своих услуг: скорее он сбегает за десятки верст, к своим родным соседнего аула, приведет оттуда девочку, которой и поручит ухаживать за больною женою и новорожденным ребенком. Дети растут без всякого попечения со стороны родителей и до четырех летнего возраста они ходят почти нагие. С наступлением четырехлетнего возраста, их одевают в рубашки, а впоследствии дают и шаровары; зимою же снабжают и полушубками, но все это до крайности обветшалое и грязное.

«Весь костюм горцев, мужчин и женщин, по обыкновению, до невероятности грязен и особенно грязно нижнее белье; последнее, один раз уже надетое, не снимается по тех пор, пока оно не превратится в клочки. Подобная неопрятность, само собою, вызывает накожные болезни и заводит мириады насекомых; дети особенно подвержены этим болезням и редкого

из них можно встретить без коросты и лишаев. Все это, взятое вместе с недостатком здоровой пищи и тяжелою работою, делает горцев бледнолицыми и на вид не совсем здоровыми».

Семейный быт чеченцев, отличаясь своею патриархальностию, носит на себе отпечаток общий всему мусульманскому миру. Отец есть глава семьи и воля его священна для жены и несовершеннолетних детей, с которыми он держит себя весьма серьезно, но он полновластен над сыновьями только в период их малолетства. В Чечне не существовало никакого закона, определяющего или ограничивающего власть отца над несовершеннолетними детьми. Пока дети были малолетни, пока не могли сопротивляться насилию, они находились в беспредельной зависимости отца, Но едва только они достигнут такого возраста, в котором могут владеть оружием, власть отца теряет свою силу и право сильного определяет все семейные отношения между отцом и его сыновьями. Все мужчины – члены одной семьи – равны перед судом адата. Кровомщение допускается и между членами родной семьи, и бывали примеры, что когда отец убивал одного из сыновей, то братья, в отмщение, убивали отца. Мать, никогда и ни в каком возрасте, не имела никакой власти над детьми. Во многих случаях она не пользуются даже и тем уважением, которое сама природа вкладывает в человека, как к виновнице его существования. Восьмилетний сын часто обращается с матерью с большим пренебрежением и даже цинизмом.

– Когда я выросту, говорит он матери, я сделаю тебя своей любовницей.

Слова эти возбуждают всеобщий хохот и вызывают даже улыбку на устах самой матери.

– Вот этот мальчик дураком не будет, отвечает она на остроту сына, желая угодить этим мужу.

Подобный цинизм происходит в семье, главнейшим образом, от совершенного произвола, предоставляемого детям, и малого попечения о них. Правда, чеченцы, считая детей даром Божиим, никогда не бьют и не бранят их особенно, с тою целию, чтобы не запугать и не сделать с малолетства робкими, но за то впадают в другую крайность, предоставляя самим обстоятельствам развитие детского характера и буйных страстей, заключающихся в их бурной природе.

– Если ребенок проказничает, говорит чеченец, это значит, что он будет удалой. Он будет настоящим Даламбаем, который так много отличался своим удальством против русских. Побоями ничего не возьмешь, а только заглушишь в нем все и он будет бабой; вырастет большой, не станет делать глупостей и будет джигит. Ест он много – значит будет богатырь.

Если дети иногда слишком надоедают матери и огорчают ее, то она плачет, но не тронет, не ударит их. Отец хотя и обращается с ними сурово и молчаливо, но не внушает тем к себе никакого уважения. Дети не называют его отцом, а величают собственным именем, иногда даже шутовским; слова: мать и отец не существуют в семейном быту чеченца. Сами родители бывают часто виновниками развития дурных качеств в своих детях. Отец прежде всего заботится о том, чтобы развить в сыне твердость характера и смелость. Если он заметит в мальчике какое-либо желание или стремление достигнуть чего-нибудь, то сам старается подстрекнуть его и подействовать на молодое самолюбие. В случае успеха, он хвалит своего сына, в особенности если совершенное им предприятие было сопряжено с трудностями, а в противном случае называет дрянью и девчонкою, стараясь насмешками возбудить недостаток воли. Отец часто подбивает сына на воровство и хищничество. Когда, например, созревают фрукты, то мальчишки, вместе с взрослыми, как бы ученики с опытными наставниками, собираются по ночам на воровство фруктов в садах соседей. Предприняв предварительно меры к ограждению себя от поимки, они рвут плоды, а потом общею компаниею отправляются куда-нибудь в поле, где скрытно лакомятся наворованным. Этот род промысла составляет у чеченцев одно из любимейших занятий и считается лучшим препровождением времени.

По достижении известных лет и по добровольному желанию, мальчики обучаются грамоте или дома, пользуясь уроками от муллы, или в особых школах, существовавших в некоторых аулах на общественный счет. В последнем случае, в прежнее время, они имели для помещения особую саклю, но книги и одежду должны были иметь от себя; пропитание уче-

ники выпрашивали у народа, ходя по аулам; пищу приготовляли сами, наблюдая очередь. Образование ограничивалось уменьем писать по-арабски и читать коран, но до понимания смысла которого достигали, впрочем, не многие. Простой народ довольствовался заучиванием наизусть нескольких молитв, которые понимал по переводу на свой язык, делаемому их муллами. Последние старались поселить в народе то убеждение, что богобоязливый магометанин должен понимать некоторые места и главы корана.

Девушки оставлялись вовсе без всякого образования; оне самоучкою приучаются шить, кроить и, с наступлением совершеннолетия, ткать сукно, изготовлять шелковые нитки, тесьму, войлок, а главное до своего замужества девушка составляет единственную рабочую силу в семье и помощницу матери, в ее полевых и домашних работах. Трудолюбие составляет лучшую рекомендацию для девушки, которая не проводит праздно время ни минуты. Сидя в сакле, и даже отправляясь в гости, девушка не остается без работы; она или приносит свою, или берет у хозяйки дома. Поместившись ближе к порогу или в углу и предоставив мужчинам место у огня, как более почетное, женщины и девушки среда разговора шьют, сучат шелк и прядут бумагу.

Однообразная семейная жизнь чеченца изредка нарушается не многочисленными праздниками, свадьбами, да болезнию, или смертью родственника или ближнего. Попечение о больных также лежит на обязанности женщины: она и ходит за больным, и лечит его, употребляя для того домашние и известные ей средства. Но если медицинские пособия окажутся не состоятельными и больной отойдет в вечность, тогда всеобщий плач подымается в сакле. Когда родственники больного видят, что наступает последний час, тогда посылают за муллою, который читает над ним *ясын* – отходную молитву.

Во время чтения женщины громко плачут, бьют себя в грудь, царапают лицо, рвут волосы и это продолжается до тех пор, пока больной не скончается. С его смертию женщин тотчас же выгоняют из комнаты или силою заставляют прекратить оплакивание, как выражение скорби совершенно противное духу магометанской религии. Природа женщин берет однакоже свое. Скрывая свое горе, она томится им и ищет случая выплакать его и тем облегчить себя. Выбрав для того время, она отправляется в лес, забирается в сарай, или просто в темный угол соседней комнаты, и там, без голоса, без слов, льются горячие слезы.

Мулла между тем приготовляет умершего к погребению. Он кладет его на чистую дубовую доску, берет кувшин воды и омывает тело, которое потом и обвертывает несколькими кусками полотна или белой шерстяной материи; иногда же обертывают в халат, концы которого завязывают на голове и ногах. Положив вату в рот, глаза и уши умершего, мулла завязывает саван, двумя не широкими полосами холста, над головою умершего, а другою ниже ног его. Приготовленное к погребению тело оставляется на постели и родственники тихо оплакивают. Печальное известие о кончине скоро разносится по аулам и все соседи из окрестностей, мужчины и женщины, родные и знакомые, спешат к сакле умершего, при чем мужчины – родственники покойного, обязаны привезти с собою барана или принести деньги семейству умершего, иначе оно прекратит с ними всякую родственную связь.

Похороны составляют для женщин настоящий праздник, потому что, только по этому случаю, им дозволяется собираться из других аулов и составлять свое общество. Отправляясь в дом умершего, оне идут отдельно от мужчин и, с приближением к аулу, начинают плакать. Плач этот производится так: одна из наиболее опытных и красноречивых принимает обязанность запевалы. Ударяя себя в лицо, то одним, то другим кулаком, она поет хвалебную песнь умершему, при чем, после каждого периода ее песни, сопутствовавшие ей и молчавшие женщины вскрикивают все в один голос: *гададай*! что означает, по чеченски, *беда*. С таким пением женщины доходят до двора, посреди которого лежит постель, а на ней платье покойника. Сидящие вокруг постели одноаульные женщины, завидев приближающихся соседок, встают и начинают также оплакивание, но уже с новою церемониею: четыре человека

из дальних родственниц умершего становятся по средине, а их окружают все остальные женщины. Одна из родственниц исчисляет все те доблести, которые отличали покойного в сей жизни, указывает на те мудрые планы, которые задумывал он, но увы! скорая смерть помешала ему привести их в исполнение. На все эти восхваления, толпа окружающих женщин отвечает одним словом *гададай* и ударами в грудь кулаками. Случается иногда, что женщины, войдя во внутренность сакли, располагаются вокруг вдовы или матери умершего. Последняя сидит неподвижно, в изорванном платье, с распущенными волосами, открытою грудью, с печальным видом и опущенною на грудь головою. Приглашенный на эту печальную церемонию, хор парадных плакальщиц начинает свою импровизацию, которая иногда произносится и самою вдовою. Одна из женщин, особенно хорошо умеющая исчислять добродетели и воинственную отвагу, начинает речитативом первый куплет печальной песни, а прочие плакальщицы, исподволь и одна за другою, присоединяют свои голоса к поющим, и исчисляют подвиги покойного, доброту его сердца, любовь к семейству и подруге, лишившейся на всегда и ясных дней, и нежных ласк своего возлюбленного.

– Она осиротела, как ласточка со своими птенцами – поет запевало. Кто защитит и утешить горькую? Кто даст приют сиротам ее? Кто подавал ей руку радости – того уж нет. Уснул тот непробудным сном, чья грудь так сладостно согревала несчастную, уснул и оставил другу своему, своим родным и знакомым только одну скорбь неутешную…

При этих словах, вдова бьет себя в грудь и царапает до крови лицо. Все смолкает после плача женщин, как бы для того только, чтобы дать вдове несколько оправиться и приготовиться к оплакиванию умершего мужчинами, которые до этого времени оставались на дворе при входе в саклю. Они входят в комнату по одному или по два, молча опускаются на колени перед вдовою, не произносят никакого утешительного слова и раздирают до крови свой лоб. С появлением крови на лице встают и молча, с поникшею головою, выходят на открытый воздух. Конечно, странно было бы предполагать искренность чувств в таком плаче и самоистязании: этого, в действительности, нет ни капли. Едва только окончится церемония оплакивания, как между присутствующими заводится самый оживленный разговор, среди которого забывается и горе, и печаль, точно как у беседующих все благополучно и никто не умирал. Здесь важны не слезы, а та приверженность к старине, застой общественного мнения и буквальное исполнение патриархальных обычаев, из-за которых чеченец царапает себе в кровь лицо, но не решается нарушить завет предков. Поздно вечером возвращаются по домам посетители, а «те, которые пришли из дальних аулов, остаются ночевать у семейства покойника. Таким образом собирается в доме семейства покойника каждый день около двухсот женщин, и этот сбор продолжается три дня и иногда целую неделю. Число посетителей зависит от б*о*льшего или меньшего числа родных и знакомых умершего: чем больше он имел родных и знакомых, тем больше народа собирается на его похороны. Что касается до мужчин, то они преимущественно собираются в день похорон, когда их бывает нередко человек до пятисот, считая в том числе и мальчиков, приходящих с торбочками, чтобы класть в них мясо, которое достанется на их долю на похоронах».

Положив покойника на арбу, его отвозят или относят на могилу, согласно требования мусульманской религии в самый день его смерти. Исключение делается в случае неожиданной, скоропостижной смерти и тогда умершего хоронят в течение трех дней, с тою целию, чтобы дать возможность родным и знакомым повидаться в последний раз и проститься с умершим, тогда как при продолжительной болезни, предшествовавшей кончине, прощание это совершается при посещении больного. Сопутствуя печальную церемонию до конца аула, женщины, по выходе из него, возвращаются в дом умершего и, севши в кружок, начинают опять оплакивать его, пока не позовут их есть. Если, при следовании печальной процессии, встречается на пути другое кладбище, то поезд останавливается и мулла читает молитву за упокой всех

умерших (доадер), при чем все присутствующие, подняв к верху руки, держат их так несколько секунд, обращенными ладонями к лицу.

В могиле, с боку, делается углубление, в которое и кладется покойник, головою на запад, а лицом к Мекке, так чтобы он лежал на правом боку. С ним вместе кладется молитва, написанная муллою и заключающая в себе текст из корана. По верованию народа, душа умершего при всеобщем воскресении, не прежде достигнет эдемских ворот, как по прочтении этой молитвы или текста. Закрыв доскою, утверждаемою наклонно, к ногам умершего, то углубление, в которое положен покойник, могилу засыпают землею. После зарытия ее, мулла берет с могилы горсть земли и садится с нею читать молитвы из корана, а потом рассыпает эту горсть по могиле. Ему подают кувшин с водою и полотенце или, вместо него, кусок полотна, которое он берет потом себе.

Все присутствующие удаляются на значительное расстояние от могилы, а оставшийся подле нее мулла снова читает молитву и три раза поливает из кувшина могилу в головах похоронного. Исполнивши это, он быстро удаляется от могилы. «По поверью мусульман, говорит Ипполитов, или, как уверяют муллы, по сказанию их священных книг, в то время, когда налитая на могилу вода касается тела умершего, он оживает и спрашивает присутствующих: зачем они оставляют его одного? Горцы верят, что тот, кто услышит этот голос, становится на всегда глухим. В следствие-то подобного убеждения, они и отходят от могилы на такое расстояние, чтобы нельзя было слышать ни слов, ни голоса мертвеца».

После того на самом кладбище происходит угощение. Если в это время кто-нибудь пройдет мимо, то его или приглашают принять участие в поминках, или же непременно вынесут ему на встречу чего-нибудь съестного. Блины составляют почти у всех непременную принадлежность стола во время поминок; кроме того, приготовляется сладкое тесто из кукурузной муки, смешанной с медом, с маслом и обжаренной на огне. На поминки убивается корова или несколько баранов. Мясо режется на куски, все хлебное и мучное – треугольниками и раздается всем присутствующим. На другой день после похорон, до рассвета, собираются в дом покойника все те женщины, которые были при похоронах, и с первым лучом света отправляются на кладбище. Главным действующим лицом в этой церемонии бывает вдова или мать умершего; ближайшие родственницы ведут ее под руки, посреди толпы, которая хором поет последний прощальный привет умершему. За несколько шагов до места погребения, вдова вырывается из рук родственниц, бежит вперед и падает на могилу. Причитая и громко рыдая, она остается в таком положении до тех пор, пока ее не оторвут от могилы, и за тем процессия молча возвращается домой. Мулла отправляет на могилу муталима (своего ученика), который и читает там молитвы три дня и три ночи. Иногда же чтение корана одновременно производится и в доме умершего.

На другой день после погребения, родственники устраивают похоронный пир, для которого режут много скотины и баранов. На дворе собирается народ, пришедший на похоронную тризну; его размещают группами по пяти человек каждая, и подают столько говядины и баранины, чтобы каждому из присутствующих досталось по значительной порции. Обычай требует, чтобы все родные и знакомые от времени до времени собирались, как говорится, потужить о покойнике. Тогда, не доходя до дома шагов с десять, они начинают завывать и при этом один бьет себя в грудь, другой рвет на себе волосы, а третий царапает лицо. Каждый, вновь пришедший, останавливается перед толпою: все приподнимаются и читают особую молитву, в конце которой, при слове *фата'а* схватывают свои бороды. Во многих обществах вдова в течение года остается в одном и том же платье и белье, которое было надето на ней в день смерти: это заменяет траур. Последний иногда носится в течение двух и даже трех лет. Горцы твердо убеждены, что на том свете покойник остается лежать на своей постели до тех пор, пока по нем не сделают поминок; оттого родственники умершего и стараются устроить поминки как можно скорее, не смотря на значительные расходы. Поминки отличаются всегда б*о*льшим великоле-

пием, чем похороны; на них собирается больше народа; на поминках не достаточно зарезать много скота и баранов, но необходимо приготовить значительное количество пива и араки, надо починить и привести в исправный вид платье покойного: черкеску, бешмет, башлык и другие вещи, предназначаемые для приза тем, которые в честь покойного пускают своих лошадей на скачку. Из всех лошадей, приводимых на показ родственникам, выбираются четыре лучшие, которые, за день до поминок и в сопровождении проводника, отправляются в один из дальних аулов к одному из родственников или знакомых. Во время такого переезда, проводник имеет в руке белый значок, а каждый из четырех всадников держит ветвистые палки, с привешенными к ним яблоками и орехами. Палки эти отдаются почетным старшинам того аула, где назначен ночлег всадникам, а одна из них предоставляется тому лицу, у которого всадники ночуют. «На следующий день, пишет Чах Ахриев, рано утром, они выезжают от него в обратный путь, при чем проводник их меняет свой значок. Сначала они едут шагом, а когда остается верст пятнадцать до аула, то пускают своих лошадей во весь опор. Между тем каждый из хозяев отправленных лошадей собирает наездников, чтобы встретить с ними свою лошадь. Обязанность встречающих состоит в том, чтобы подгонять скачущую лошадь. От побоев и от большого пространства, назначаемого для скачки, все скачущие лошади обыкновенно сильно утомляются и еле-еле могут дотащиться до места, так что даже первая лошадь доходит до него только рысью».

Первая прискакавшая лошадь получает приз, состоящий из черкески покойного, вторая – бешмет, третья – башлык и ноговицы, а четвертая – рубашку и штаны. Одновременно со скачкою устраивается стрельба в мишень, и первый, попавший в цель, получает за это козла. За тем следует угощение совершенно в том же порядке, как и на похоронах, а после него родственники умершего просят хозяев лошадей, бывших на скачке, подвести каждого свою лошадь к старику, который и посвящает их памяти усопшего. Взяв в одну руку чашу с пивом, а в другую три чурека и кусок баранины, старик говорит, обращаясь к лошади, выигравшей первый приз, что хозяин ее дозволяет покойнику (называется имя) свободно ездить на ней на том свете куда угодно и заставляет лошадь выпить пиво, а хозяину отдает чуреки и баранину. Остальные лошади посвящаются прежде умершим родственникам, и при том тем, на которых укажет осиротевшее семейство. После такого посвящения лошадей, ездокам их выносят палки, увешенные яблоками и орехами, с которыми они, в продолжение часа, джигитуют перед собравшеюся толпою.

Этот род поминок носит название *постельных*, в отличие от больших поминок, которые делаются только по мужчинам, и иногда через два года со дня смерти. Эти последние поминки окончательно разоряют семейство, а между тем необходимы, потому что, по установившемуся обычаю, вдова без них не может снять траура и вторично выйти замуж. Над могилами умерших ставятся памятники, или деревянные, с шаром на верху, или каменные. На памятниках весьма часто вырезываются различные принадлежности и инструменты, употребляемые покойным во время жизни. Так, на памятниках, поставленных над могилами женщин, вырезываются: ножницы, иглы и т. д.; на памятниках мужчин – оружие, а духовных особ – кувшинчик, четки и подстилка, на которую обыкновенно становятся мусульмане во время молитвы. Над убитым в деле с неприятелем ставился особый знак, с разноцветным флагом, и с необыкновенною торжественностию, в которой участвовали все жители аула. Нигде не находились в таком почете могилы убитых в сражении с русскими, как в воинственной Чечне и во всех остальных владениях, подвластных Шамилю. Над могилой убитого *шагида* (мученика), потерявшего жизнь в бою за веру, ставилось, кроме столба с чалмою и надписью, еще высокое, до трех сажен, конически обделанное бревно, имеющее вид копья, с длинным цветным флюгером, обращенным всегда к востоку.

Беспрерывная и энергическая война, происходившая в Чечне, причиняла ей большие потери. Существование множества кладбищ на равнине и в горах, на высотах и по ущельям,

остались теперь безмолвными свидетелями множества павших жертв, над которыми виднеются многочисленные группы памятников с копьями. Издали они кажутся фалангою рыцарей, вооруженных копьями и развевающих своими разноцветными флюгерами. Вся Чечня Большая, Малая и Нагорная, наполнены этими немыми памятниками потерь горцев и их отчаянной борьбы с русскими. Все эти памятники придают стране какой-то грустно-величественный характер. Под ними схоронены лучшие и самые храбрейшие. люди, потому что народ не каждому убитому ставил подобный памятник, а чтобы иметь право на этот почетный знак, составлявший высочайшую награду смелому джигиту, надо было заслужить его или долговременною храбростью, или каким-нибудь блестящим подвигом. Церемония водружения такого копья с флюгером, на могиле шагида, была чрезвычайно величественна и рассчитана так, чтобы в каждом присутствующем возбудить храбрость и самоотвержение.

«Я видел в Чечне, говорит барон Сталь, не одну из этих церемоний и уверен, что каждый чеченец, который присутствует при этом, возвратится домой с неодолимой жаждой смерти на поле битвы и надеждой, что ему поставят на могиле подобный почетный памятник. Тот, кто ввел у чеченцев эту церемонию, был великий знаток человеческого сердца, в котором врожденно чувство честолюбия и которому сладостна мысль, окончив доблестно земную жизнь, увековечить себя в памяти сограждан».

Когда убитый в деле чеченец был уже похоронен по магометанскому обряду, то в ауле созывалась сходка, на которой решали: поставить ли ему на могиле знак шагида или нет. Если последовало решение, тогда заготовляли памятник, и родственники покойного, сев верхом, в сопровождении всех жителей и приезжих из соседних аулов, с песнями и выстрелами из винтовок, отправлялись со знаком к старшине, делали ему подарки, за которые он платил тоже подарками и потчевал прибывших аракой (водкой) и бузою (горский напиток из проса и меда). От старшины все отправились на могилу, где уже собирался весь аул от мала до велика. Здесь, среди выстрелов и импровизированных в честь убитого песен, водружался на его могиле *шагид* или длинное копье с длинным канаусовым флюгером, обыкновенно белого, красного или голубого цвета. Присутствующие потчевали друг друга напитками и пели песни. Затем, сев верхом и выстроившись в одну шеренгу, лицом к стороне неприятеля, всадники молча выхватывали винтовки и делали залп, как бы давая тем знать неприятелю, что убитый будет отомщен. После того весь строй поворачивался к аулу, родине покойного, и производил новый залп в честь селения, в котором родился герой, и чтобы возвестить всем его жителям, что убитому отдается должная честь за его подвиг в бою. В заключение церемонии производилась джигитовка, с которою вся толпа всадников отъезжала домой.

Шамиль хорошо понимал, как сильно действует подобная церемония на дух чеченцев, поощрял и поддерживал эти обряды. В Ичкерии почти при каждом ауле есть целые группы шагидов, веющих своими разноцветными флюгерами. Сам имам, как бы в пример другим, поставил памятник с великолепным шагидом некогда знаменитому в Чечне наибу Шуаип-мулле.

Могилы умерших пользуются большим уважением у чеченцев. Отправляясь на роботу, они заходят на кладбище, поклониться праху родственника. Возвращаясь же с работы, если с покосу, то кладут на могилу клочок травы, а при уборке хлеба или при посеве сыплют на могилу зерна. Накануне пятницы или недельного дня, семейство умершего печет блины, приготовляет сладкое тесто или варит кукурузу и разносит это частями по родным и знакомым, прося помянуть покойного. В дни, установленные для поминок, закалывают быка или корову, и приготовленную из него пищу стараются разделить между всеми и даже не знакомыми жителями селения, а в прежнее время в день поминок не редко освобождали пленного. В народе существовало поверье, что если, в день поминок по умершем, облегчить участь пленного, то душа скончавшегося, в честь которого совершаются поминки, если она страждет в пламени ада, будет тоже облегчена.

Глава IV. Неравенство состояний среди народа есть следствие общественных переворотов и насилий. Чем больше видов сословий и чем разнообразнее права их, тем безошибочнее можно заключить, что народ вынес на своих плечах многие бури, стонал под игом иноплеменным или сам, силою оружия, покорил и подчинил своей власти прежних обитателей земли. В обществе же юном, возникшем недавно, и притом на девственной земле, не испытавшем тревог общественной жизни, нет причины или основания, на которых могли бы утвердиться понятия об отдельных правах, дающих преимущество одному и обязывающих подчиненностию другое сословие.

Все общества чеченского племени выселились, по сказанию самого народа, из Ичкерии и верховьев р. Аргуна, пришли на новые места с одинаковыми правами, и потому чеченцы народ демократический, не имеющий ни князей, ни дворян. Общественный быт этого народа отличался тою простотою и патриархальностию, какая принадлежит первобытным обществам, до которых не коснулись еще современные понятия о началах гражданственной жизни. Оттого у чеченцев нет сословных подразделений, какие существуют у других кавказских народов или составляют исключительную характеристику обществ европейски организованных.

Все чеченцы пользуются одинаковыми правами и составляют один общий класс узденей, без всякого подразделения на сословия.

– Мы все уздени, говорят чеченцы, понимая под этим словом людей зависящих только от себя (Слово уздень на чеченском языке произносится *ёзюдан* и происходит от слов *езю* – от и *дан* – себя, т. е. не зависящий от других, а только от себя).

При существовавшем в народе равенстве, уважение и почетное звание приобреталось богатством, умом, заслугами, строгим исполнением главных оснований религии, постом, молитвою и различного рода благотворительностью. Чувство благодарности заключено в природе каждого. Человек, получая в нужде пособие, проникается благодарностию и расположением к благотворящему. На этом расположении и родственных связях и основывалось нравственное влияние некоторых фамилий, приобретших значение в народе, выдвинувшихся, так сказать, из толпы и сделавшихся первенствующими. Фамилия, бравшая перевес над другими значительною числительностию ее членов, естественно становилась во главе других, потому что была гораздо сильнее. Сила и значение весьма заманчивы, а в особенности тогда, когда на них основывается благосостояние человека. По этому и чеченцы, при отсутствии у них аристократического начала, охотно стремились к преобладанию и каждая фамилия кичилась перед другою древностию своего происхождения, прошлою и настоящею силою, и в особенности тем значением, которым она пользовалась во время полной независимости чеченцев и до подчинения их власти Шамиля. Оттого и у чеченцев «ни качества личные, ни заслуги, никогда не выкупают происхождения человека от слабой фамилии или происхождения *бесфамильного*, т. е. происхождения людей, предки которых были персияне, дагестанцы и т. д.» Такое нравственное превосходство некоторых фамилий признается и всем народом. Чеченцы считали у себя четыре первенствующих фамилии, которые, пользуясь своим влиянием, присвоили себе происхождение от каких-то родоначальников, будто бы когда-то владевших чеченским народом. У назрановцев считалось также четыре главных фамилии, из среды которых и выдавались всегда аманаты.

Не оспаривая выдуманной родословной, чеченец, пожалуй, расскажет вам происхождение каждой фамилии, но тут же непременно прибавит, что эти фамилии не княжеские и не владельческие, что все чеченцы равны между собою; что все они без различия дворяне; что князей никогда у чеченцев не было, и что народ этот никогда и никем не был завоеван. Чеченец справедливо заметит, что члены таких фамилий пользуются одинаковым правом и уважением в обществе, как и каждый старик, известный своим умом, опытностию и наездничеством. Такие старики бывали в Чечне судьями, к которым обращались как в частных ссорах и тяжебных делах, так и в делах, касавшихся до целого общества.

Отсутствие аристократических сословий не удержало чеченцев от появления у них немногочисленного разряда личных рабов, по происхождению своему не принадлежащих коренному населению, а происшедших из числа военнопленных, захватываемых чеченцами во время набегов. Хотя состояние всех без исключения рабов в сущности было совершенно одинаково, но чеченцы разделяли их на две категории: *лаи* и *иессиры*, или *ясыри*. *Лаями* назывались те пленные, которые, по давности своего плена, забыли свое происхождение и разорвали всякую связь с отечеством, из которого были похищены они сами или их родители. Сословие это пополнялось потомством, происходящим от браков или просто связей пленных с пленницами, или лаев с пленницами. Те же из пленных, которые, по недавности своего плена, помнили еще свою родину и по родным своим связям надеялись на выкуп, назывались *иессирами*, или *ясырями*. Главное различие между тем и другим сословием было то, что ясырь мог быть выкуплен, а *лай* – никогда. Владелец ясыря, надеясь получить за него выкуп, обходился с ним снисходительнее, чем с лаем, которого он считал своею неотъемлемою собственностию. С потерею же надежды на выкуп, *ясырь* точно также лишался снисходительности своего господина и с ним поступали как с *лаем*. Положение этих зависимых сословий в Чечне отличалось тем безусловным рабством, которое существовало в древнем мире. Раб не считался членом общества – это была вещь господина, имевшего над ним неограниченное право и власть, на основании которой он мог продать его, наказать и лишить жизни. Рабы могли владеть приобретенною собственностию только до тех пор, пока господину не вздумается отнять у раба все его имущество. Оба сословия рабов были прикованы к своим владельцам. Каковы бы ни были притеснения и жестокости, раб не мог оставить своего владельца и перейти к другому. Случалось, что рабы, испытывая постоянные и жестокие притеснения, искали защиты у сильного или уважаемого человека, который, принимая их к себе в дом, делался, так сказать, посредником между рабом и его господином. Стараясь уговорить последнего быть снисходительнее и мягче, посредник не мог однако же оставить *лая* у себя, против воли хозяина, из опасения преследования, как за воровство.

Таким образом участь раба совершенно зависела от его владельца. Если владелец обходился с ним ласково, то рабу было хорошо; жесток был владелец – и рабу было невыносимо, но изменить или улучшить свое положение он не имел ни сил, ни средств. Справедливость требует заметить, что вообще чеченцы обращались с своими рабами довольно ласково, и если еще при этом он был мусульманин, то считался скорее как бы младшим членом семьи, чем бесправным рабом. «Он служил старшим членам точно также, как служат и теперь дети отцу, младшие братья старшим». Понятно, что, при таких условиях и взгляде чеченцев, рабское происхождение не могло считаться постыдным. Оно так и было в действительности.

Отпущенный на волю раб, как сам, так и его дети, пользовались правами коренных чеченцев, и, со дня своего увольнения, он сразу становился в равные отношения со всем обществом. В Чечне, как и вообще в Дагестане, все значение человека в обществе основано было на многочисленной родне; человек одинокий легко мог быть обиженным, не имел веса и влияния, и потому вольноотпущенные рабы не оставляли бывшего своего владельца, а поселившись около, старались жениться на одной из его дочерей или родственниц, чтобы через то сделаться членом его семейства или фамилии. Такие отпущенники носили название *азатов*. Отпустить раба на волю можно было только письменным постановлением, написанным кадием и скрепленным им и двумя свидетелями. Точно так же поступали и тогда, когда раб сам откупался на волю. Тогда он передавал откупные деньги владельцу непременно через кадия. Хотя у чеченцев и не существовало сословий в том смысле, как мы понимаем это слово, но, «на основании того социального закона, что безусловного равенства быть не может», чеченцы делились на касты, различающиеся между собою занятиями. «Пропуская духовных, говорит П. Петухов, и так называемых *почетных-влиятельных*, назовем здесь три главные касты: *ишлейген* – трудящиеся, *уручи* – воры, *чонгури* – балалаешники».

Ишлейген – земледелец, человек заметный с первого взгляда, не обращающий на себя особенного внимания, но живущий собственным трудом. Платье его постоянно оборвано и пропитано по*т*ом, оружие или, лучше, кинжал его не затейлив, голова часто не брита по нескольку недель, и мозолистые ладони рук его трудно сгибаются. Ишлейген не разговорчив, не любит терять слова по пустому и занимается своим хозяйством, об улучшении которого только и хлопочет. Он религиознее других своих собратий, раньше других приходит в мечеть и становится где-нибудь в углу, а по окончании молитвы, не занимаясь праздною болтовнею, спешит домой.

К разряду воров – *уручи* принадлежат преимущественно молодые люди, от 15 до 30 лет. Они голы как соколы, вечно в долгах, в лохмотьях, но имеют исправное оружие и все приспособления для воровства. В кармане их всегда имеется фитиль, натертый воском, спички, есть и инструмент для кровопускания, чтобы, после длинных и быстрых переездов, в случае надобности пустить лошади кровь. Воровская жизнь приучила их к осторожности, одиночеству и скрытности. Уручи трудно сходится с кем бы то ни было, кроме сотоварища по ремеслу, не отвечает прямо на вопрос и никогда не укажет места своего жительства. Характер его глубоко испорчен; он отчасти атеист и человек, которому принять ложную присягу ничего не значит, но признаться в воровстве большой позор и стыд. Имея знакомство в отдаленных обществах и изведав все тропинки днем и ночью, он мог бы служить отличным проводником, если бы не был двуличен. Уручи знает все новости и, хватая их на лету, он рассказывает потом слышанное с собственными комментариями и добавлениями. Он ест все что попадется, пьет вино, курит трубку, хороший табак в кукурузном листе и махорку в оберточной бумаге. Люди эти жаждут общественных беспорядков, происшествий, словом чего-нибудь такого, что бы могло отвести внимание общества от наблюдения за их занятием.

Уручи тунеядец, точно такой же тунеядец и *чонгури* (балалаешник). «Этим именем, говорит П. Петухов, называются не исключительно только играющие на чонгуре – балалайке, но все, к кому могут быть отнесены эпитеты: шарлатан, франт, дон Жуан – последние два в том не прямом смысле, какой приняли эти слова, войдя в русскую речь. Чонгури может быть и игрок на балалайке, да такой чонгури и дал имя этому разряду людей. Молодой человек, благообразной физиономии, в высочайшем папахе, с поднятыми высоко газырями, с беспечным и праздным видом – и есть чонгури. Руки его не знают мозолей, потому что, принадлежа преимущественно к семье, где есть помощь, т. е. братья-работники и сестры-работницы, он сам не занимается ничем, требующим напряжения сил. Впрочем, его можно встретить в толпе молодежи и девушек, когда выходят полоть кукурузу и – еще более – собирать ее. Там песни, хохот, шутки – главная пища балалаечника. Ветреный и легковерный, он главный алармист в народе. Случайно и вскользь услышанную от приезжего иноплеменника новость, или намек аскета-муллы, он тревожно вносит в кружки, собирающиеся на буграх аула по закате солнца и составляющие местные митинги».

Все сословия чеченского народа в старину делились на *тайпы* – отдельные общества, и *гар* или *тухумы* – роды, которые, по свидетельству некоторых, носят названия тех аулов, из которых вышли их родоначальники, при общем переселении этого народа на равнину. Аулы эти почти все находятся в Ичкерии, Аухе и по ущельям Аргуна, Мартанки, Валерика и других притоков Сунжи, и только немногие из них лежат выше, в горах Чаберлоевских, в соседстве вечных снегов.

В прежнее время, до призвания чеченцами Шамиля, у них не было никакого общего управления: каждый *тухум* управлялся отдельно и не вмешивался в дела соседей. Старший в роде был посредником и, вместе, судьею в ссорах и тяжбах, происходивших между родственниками его тухума. В ауле или селении, где жило вместе несколько тухумов, каждый из них выбирал своего старика-родоначальника, и тогда ссоры и иски между лицами разных тухумов разбирались уже выбранными стариками вместе. Круг обязанностей подобных стариков был

весьма ограничен и власть их почти ничтожна. Решения их не были обязательны и исполнение зависело от тяжущихся, точно также, как и судиться к ним приходили только те, кто хотел. Остальные сами преследовали врага и, минуя стариков, производили с ним расправу, такую, какую хотели: за кровь мстили кровью, за обиду обидою. Случаи эти были однакоже не часты, но вообще суд и решения стариков были в большом уважении у чеченцев. Врожденное чувство к сознанию в необходимости некоторой подчиненности, как непременное условие существования всякого общества, существовало у чеченцев и было оплотом, ограждавшим столь слабую гражданскую власть от разрушительных порывов необузданной свободы полудикого народа, избегавшего всякого ограничения своей воли. Чеченец невольно покорялся уму и опытности, и часто добровольно исполнял приговор, осудивший его.

Важные дела, касавшиеся целой деревни, общества или тухума, решались на мирских сходках, куда шел каждый, кто хотел, и говорил, что знал. Кто-нибудь из жителей, задумавши поговорить о важном, по его мнению, деле, взбирался на крышу мечети и оттуда сзывал народ. Все мужское население деревни спешило на его призыв, и таким образом перед мечетью составлялась мирская сходка. Сходки отличались всегда шумом, криком и кончались иногда жесточайшей дракой. Часто ссоры принимали такие размеры, что все население деревни делилось на две враждебные половины, и побежденная должна была оставить свое место жительство и селиться на новых местах. Если предложение созвавшего на сходку было достойно внимания, оно принималось, а если нет, то все расходились без всякого негодования. Для чеченца всякая новость и шум были весьма занимательны, а сходить на площадь человеку праздному и ничем не занятому не только не составляло никакого труда, а напротив, было развлечением. Сходки долгое время составляли у чеченцев главное основание общественного управления и устройства. Впрочем, по сказанию стариков, было одно время, когда сами чеченцы сознали необходимость власти, для скрепления разрозненного общества в одно целое. Первою попыткою к этому было призвание князей Турловых, деятельность которых, как мы видели, обеспечила чеченцев от неприязненных вторжений их соседей, но не коснулась внутреннего управления страною. С уходом Турловых, народ, сознавая свою силу, предался буйству и потерял прежнее уважение к старикам. Буйная и разгульная жизнь сделала и самих стариков не разумнее малых; они сами, пока держались на копе, проводили время в разбоях и не знали ничего, что было в старину. Наконец народу наскучил беспорядок, и, с общего согласия, были отправлены в Ичкерию депутаты, с поручением узнать, как управлялся народ в старину, и просить у тамошних стариков совета, для водворения у них порядка. На совете, собранном в Ичкерии, было много толков. Старики затруднялись дать наставление и исполнить просьбу депутатов, не потому, чтобы у них не сохранилось преданий, по потому, что, со времени выселения чеченцев с гор на плоскость, многое переменилось и у них самих. С тех пор ичкеринцы стали магометанами, и многое, что повелевает религия, не согласно было с прежними постановлениями стариков; коран не сходился с прежними обычаями пародa. Старики думали, советовались, и наконец решили согласовать народные обычаи с догматами религии, в тех случаях, где это оказывалось возможным, не затрагивая, впрочем, свойственного пароду разгула и самоуправства, Постановление стариков дало начало *адату*употреблявшемуся преимущественно тогда, когда народ, по своему характеру, не считал возможным судиться так, как предписано в коране. В делах же наследственных, духовных завещаниях и опеке, было определено разбираться по шариату.

Таким образом в Чечне было введено смешанное законодательство, составленное из двух противоположных начал: *шариата*, основанного на общих правилах нравственности и религии, и *адата*, или сборника обычаев народа полудикого, у которого основной и единственный закон был – право сильного. Произвольное употребление того или другого закона вело к тому, что адат распространялся и усиливался каждый раз, когда шариат падал, и на оборот. В начале нынешнего столетия, адат много потерпел от влияния русской власти, а потом от воз-

никшего в Дагестане муридизма, совершенно изменившего прежние условия общественной жизни. Прежний адат оставался долгое время в своей силе только между чеченцами надтеречных деревень, Новом и Старом Юрте, Брагунах и в чеченских аулах, расположенных на Кумыкской плоскости, но и здесь он изменился под влиянием русских законов. До подчинения Чечни власти Шамиля, понятия чеченцев о начале гражданственности были на самой низкой ступени своего развития. Обычаи, принявшие силу закона и получившие название *адата*, служили для них единственным началом соединения в общества и переходом от дикого состояния к жизни общественной; но созданный в период младенчества адат был не полон, слаб и, по неимению письмен, сохранялся только в одних преданиях.

Обряд суда по адату был весьма прост. Противники, желая кончить дело по адату, выбирали обыкновенно в посредники или судьи одного или двух старшин, и для избежания лицеприятия не из того колена или тухума, которому принадлежали тяжущиеся, а непременно из другого. Старики выслушивали отдельно показания каждого из тяжущихся и, разобрав дело, произносили приговор. Для обвинения было необходимо, чтобы истец представил, с своей стороны, одного или двух свидетелей, которые должны быть совершеннолетние, мужеского пола и свободного сословия. Рабы в свидетели не допускались. В случае же, если бы истец не нашел свидетелей, то виновный оправдывался присягою на коране (чеченцы мало уважают присягу и, по адату, за ложное свидетельство не положено было никаких наказаний, а потому присяга хотя и пустой обряд, но в разбирательстве она допускалась потому, что в некоторых случаях, по неимению ясных доказательств, дело решить было бы затруднительно) и, кроме того, по его выбору, должны были присягнуть, в его оправдание, шесть посторонних поручителей.

Очные ставки не требовались при суде адатом, и свидетели или доказчики, опасаясь мщения, обвиняли преступника в тайне; от этого часто случалось, что обвиняемый, но неведению, выбирал в число таких свидетелей, присяга которых должна была оправдать его, и то лицо, которое тайно его уличало. Уверенный в виновности преступника, доказчик не соглашался присягнуть, и таким образом воровство открывалось. Иногда случалось, что один доносчик имел дело и разбирался с обвиняемым, и если старики приводимые им доказательства находили основательными и достаточными к обвинению, то обиженный получал удовлетворение по приговору их, не быв призван на суд. При решении адатом необходимо было условие, чтобы судьи постановили приговор единогласно. В случае разногласия между стариками, тяжущиеся стороны выбирали новых судей. Если одна из тяжущихся сторон оставалась недовольною приговором и не желала выполнить условий, на нее положенных, то тогда тяжущийся имел дело не только с противниками, но со свидетелями и судьями, которые все вместе обязаны были принудить его к исполнению своего приговора. Впрочем обвиненному часто предоставлялось, и в подобном случае, выбирать новых судей,

Так как в тогдашнем обществе чеченского народа не существовало ни охранительной, ни исполнительной власти, а при отсутствии их могло случиться, что обиженный не в состоянии был принудить противника идти на судебное разбирательство, то, по адату, предоставлялось обиженному право во всякое время украсть у последнего лошадь или какую бы то ни было вещь. Тогда ответчик становился истцом и по необходимости должен был сам искать суда. Укравший, достигнув своей цели и вызвав этим способом своего обидчика на суд, представлял украденные им вещи судьям, которые, оценив их, выдавали ему ту долю, на которую он имел право, а остальное же возвращали хозяину. Такое же право предоставлено было, по адату, и слабому при тяжбе с сильным. Часто однако же обидчиком являлось лицо, имевшее такую силу и вес в обществе, что и судьи не в состоянии были принудить его к исполнению приговора. В таком случае обиженный, собрав свое имущество, оставлял обыкновенно деревню, в которой не находил правосудия, и переселялся туда, где, по родственным связям, имел более защитников, и уже с помощию их старался украсть у лица, его обидевшего, лошадь, оружие, или

какую-нибудь вещь и, посредством этого, принудить своего противника к исполнению судебного приговора.

Из всего этого видно, что суд по адату был *суд посреднический*, лишенный исполнительной власти. Принять или не принимать постановление суда была воля тяжущихся, и если одна из сторон признавала для себя невыгодным постановление суда, то она оставляла его решение без исполнения. Но там, где закон не в состоянии оградить правого от насилия, там каждый получает право личного ограждения себя от обиды и свободу мстить врагу, по своему произволу – и вот происхождение жестокого правила кровомщения – *канлы*, признанного чеченцами законным правом каждого. Все важнейшие преступления против жизни и собственности, личная обида и оскорбление подлежали кровомщению, состоявшему вообще в том, что родственник убитого должен преследовать и убить убийцу. Очень естественно, что человек, совершивший преступление, всегда будет стараться скрыться от преследователей, а потому, чтобы дать средство к мщению, *адат* допускал возможность мстить родственникам преступника. От этого почти после каждого убийства, между родственниками убитого и убийцы возникало кровомщение, быстро разветвлявшееся, переходившее от одного колена к другому и усложнявшееся до крайности.

Относительно кровомщения у чеченцев существует песня, которая, возлагая на родственников обязанность отмстить убийце, вместе с тем, отлично рисует самоволие чеченца и его право свободного и произвольного употребления оружия. Вот эта песня.

«Высохнет земля на могиле моей, и забудешь ты меня, моя родная мать!

«Порастет кладбище могильной травой – заглушит трава твое горе, мой старый отец!

«Слезы высохнут на глазах сестры моей – улетит и горе из сердца ее!

«Но не забудешь меня ты, мой старший брат, пока не отмстишь моей смерти!

«Не забудешь ты меня и второй мой брат, пока не ляжешь рядом со мной.

«Горяча ты, пуля, и несешь ты смерть, но не ты ли была моей верной рабой?

«Земля черная, ты покроешь меня – но не я ли тебя конем топтал?

«Холодна ты, смерть – но ведь я был твоим господином!»

Чтобы прекратить кровомщение, у чеченцев допускалось – или откупиться деньгами, заплатив преследователям известную плату, или убийца, отпустив себе на голове волосы, просил прощения. Если преследователь соглашался прекратить вражду, то призывал виновного к себе и собственноручно брил ему голову. Примирившиеся считались *кровными братьями* и клялись на коране прекратить всякую вражду. Бывали, однакоже, примеры, что, после примирения, простивший убивал своего кровного брата, и тогда, если прощение произошло через плату, то родственники убитого имели право требовать возвращения денег или преследовать убийцу при помощи того же кровомщения. У жителей Ингушевского округа кровная вражда прекращалась одним из двух способов. Родственники той стороны, которая подлежала кровомщению, т. е. сделала последнее убийство, отправлялись на могилу последнего убитого и, распростершись на ней ничком, начинали плакать и рыдать. В таком положении они оставались до тех пор, пока нарочно посланные люди не давали знать об этом их противникам, и те не приходили поднять их. Обыкновенно, когда посланные приходили к родственникам убитого, то сообщаемое ими сведение встречалось ужасным криком со стороны женщин, просивших и заклинавших не прощать врагов. Мужчины, показывая вид, что не желают прощать виновных и уступают просьбам своих жен, скрывались куда-нибудь из аула, но их преследовали одноаульцы, принимавшие роль посредников и уговаривавшие помириться с кровниками. Уговорить на такое примирение было тем легче, что установившийся обычай клеймил стыдом тех людей, которые отказывались от такого примирения. Тогда родственники убитого собирались вместе, отправлялись на могилу, подымали плачущих и изъявляли свое прощение, за которым следовал пир и попойка.

Случалось, однакоже, что лица, подлежавшие кровомщению, проводили дня три или четыре на могиле в напрасном ожидании прихода кровомстителей, упорно отказывавшихся простить виновных, тогда подлежавшие кровомщению оставляли могилу, и вражда закипала еще с большим ожесточением. По обычаю и установившимся понятиям горцев, чем дольше пришедшие на могилу оставались на ней, тем более им чести, и на оборот: всеобщее презрение падало на долю тех, которые отказывались помириться. Второй способ примирения заключался в том, что убийца должен был пососать грудь у матери убитого. Обыкновенно для этого выискивался удобный случай и убийца, секретно подкравшись, бросался на мать убитого, и если она уклонялась от этого, то посторонние схватывали ее и держали до тех пор, пока он не успевал пососать грудь, а тогда он становился таким же сыном ее, как и убитый, и всякая ссора прекращалась. Кровомщение находило себе место и среди женщин. Очевидец свидетельствует, что видел женщину, которая была посажена в яму, за то, что убила из мести убийцу своего мужа. После трехмесячного заключения ее освободили и, по закону, должны были немедленно отдать замуж за первого, кто пожелает взять ее себе в жены.

Воровство у чеченцев разбиралось по адату и причина тому ясна: ответчик, не опасаясь строгости закона, шел на суд без сопротивления, надеясь оправдаться. В случае даже обвинения, наказание заключалось в одном лишь возвращении истцу украденной вещи и не большого штрафа, состоявшего: за украденную лошадь в шести, а за корову в трех рублях. За кражу, сделанную в доме, вор обязан был платить истцу двойную цену пропавшего. У чеченцев вообще, а у ичкеринцев в особенности было два рода воровства: *колу* и *курхул*. Первое имело смысл военной добычи, а второе воровство-мошенничество, всегда презиралось и преследовалось, как посягательство на собственность своего единоплеменника.

Права собственности вообще и законы о наследстве имели свою характеристическую особенность, которую в настоящем очерке нельзя пройти молчанием. Право личной поземельной собственности, в строгом смысле, не существовало у чеченцев, не только в прежнее, но и в ближайшее к нам время. В начале, вскоре после выселения своего из гор на плоскость, каждый чеченец владел землею там, где ему было сподручно и удобно. С течением времени, быстро развившееся народонаселение заставило их ценить участки возделанной и пахотной земли, и таким образом ограничилось само собою общее право каждого владеть известными и определенными угодьями.

Поселившись в разное время и на различных местах, каждая семья обрабатывала столько принадлежащей к селению земли, сколько считала для себя необходимым. О прокормлении же своих стад чеченцы не заботились. Они сами по себе отыскивали, на каждом шагу, тучную и богатую пищу, на лугах, зеленеющих в течение девяти или десяти месяцев в году, а заготовление сена, на два или на три остальных месяца, не могло составить особого труда, и тем более там, где не было недостатка в прекрасных лугах. С увеличением семей, являлась необходимость в обрабатывании б*о*льшего круга пространства и, наконец, дошло до того, что две различные семьи, обратившиеся в целое племя, состоящее из нескольких сот домов, сошлись на обрабатываемых ими землях. Тогда они положили между собою границу владения: по одну ее сторону земля принадлежала одному *тухуму*, а по другую – другому. Но земля, принадлежащая целому тухуму, не раздроблялась, не составляла личной собственности ни одного отдельного члена тухума, и, до сороковых годов находилась в общинном владении.

– Вот земля, принадлежащая нашему тухуму, говорит чеченец, указывая на участок.

Если же спросить его, где граница этой земли, то он не поймет предложенного вопроса и ответит по своему.

– Там, скажет он, где съезжались наши плуги с соседними. Ежегодно, перед началом посева, все родственники собирались в поле и делили ею на столько равных участков, сколько домов считалось в тухуме, и за тем жребий указывал кому какой достанется участок. После

раздела, каждый владел доставшимся ему участком в течение года, был в это время полным его хозяином и делал с ним что хотел.

Так поступали чеченцы с пахотною землею, не касаясь леса. Лес, которого много в Чечне и которому народ не знал цены, составлял нераздельно общественную собственность. Но каждый туземец, вместе с тем, имел право вырубить себе участок леса, расчистить землю, поселиться на ней, и тогда возделанное это место становилось частною неотъемлемою его собственностию. Так поступили чеченцы надсунженских и надтеречных деревень, бежавшие за Сунжу во время возмущения в 1840 году. Не найдя свободных мест для поселения, они вырубили себе в лесу поляны и поселились на них, как на земле, составляющей их собственность.

Правда, такое понятие о поземельной собственности существовало только у обществ чеченского племени, обитавших на плоскости, потому что тут не было недостатка в земле: везде она была одинакового свойства и качества. Совсем другое можно сказать об обществах тех же племен, обитающих в горах. Там, по недостатку в пахотной земле, она всегда более ценилась, и однажды обработанный участок, можно сказать, считался собственностию занявшего его.

По существовавшим в Чечне законам, отец и сыновья имели одинаковое и равное право на домашнее имущество. Сыновья могли, когда желали заставить отца разделиться с ними, и тогда все имущество делилось на столько равных частей, сколько было сыновей с прибавкою одной такой же части на отца. Из этого часто происходили весьма странные случаи. Так, однажды, когда сыновья узнали, что отец хочет взять другую жену, то потребовали, чтобы он предварительно разделился с ними, находя, что было бы несправедливо после его смерти дать равную с ними часть наследства детям от второй жены, так как теперешнее имение принадлежит только им. После раздела по числу сыновей, отцу досталась только шестая часть из его прежнего имущества, и он, женившись на второй жене, имел от нее несколько сыновей. После его смерти, сыновья от первой жены начали тяжбу с детьми от второй, и заявили требование, что бы оставшаяся шестая часть отцовского имущества была разделена поровну между сыновьями от обеих жен. Дело это, разбиравшееся по адату, было решено в пользу заявивших претензию и остальная часть отцовского имения была снова разделена поровну между всеми его сыновьями.

Дочерям, по адату, не предоставлено было никакого права на участие в дележе отцовского имения, а по шариату дочь получает третью часть имения, достающегося брату. Дочери до замужества находились в полной власти отца. Он содержал их как знал, и выдавал замуж когда и за кого хотел. Если после смерти отца дочери оставались не замужем, то старший брат, или ближайший родственник, обязан был содержать их у себя, составить приданое и выдать замуж. Если отец, умирая, не оставил после себя сыновей, то имение его делилось на две равные части: одна половина поступала в собственность дочери, а другая ближайшему родственнику.

При наследовании нескольких дочерей, сколько бы их ни было, имение делилось на три равные части: две поступали во владение дочерей, и могли быть разделены между ними поровну, а третья родственнику. Закон наследования по одной нисходящей линии не соблюдался у чеченцев. Когда не было прямых наследников, имение сына переходило отцу, который предпочитался братьям и племянникам; точно также дядя во многих случаях предпочитался двоюродным братьям. Такой порядок был весьма естествен в обществе, где не существовало отцовской власти над взрослыми сыновьями, и где отец не имел никакого пред ними преимущества.

В Чечне, где не было почти понятия о личной недвижимой собственности, домашнее имущество, временно приобретенное трудом каждого из членов семьи, должно было поровну делиться между ними, потому что каждый, не исключая и самого отца, одинаково участвовал в его приобретении. Право собственности не имеет в Чечне другого основания, кроме личного

труда или насильственного завладения, а потому не удивительно, что отец обязан во всякое время, по требованию сыновей, делиться с ними, а в случае смерти одного из них имеет право наследовать его имущество предпочтительно пред другими членами семейства. Жена после смерти мужа и муж после смерти жены не наследовали друг другу.

Жена могла выйти замуж за ближайшего родственника, если тот желал на ней жениться. Если брак этот не имел места, то из оставшегося после мужа имущества вдова получала четвертую долю и имела право располагать как собою, так и доставшимся ей имуществом. После смерти женщины, не оставившей детей, имущество ее (калым, жениховы подарки и разные приобретения) поступало ее родителям или родственникам, а не мужу. Если же у умершей были дети, то сыновья получали равные части, а дочери третью часть братниной доли. По неимению прямых наследников, к которым причислялся и отец, имение умершего переходило в боковые линии, причем родные братья предпочитались племянникам, племянники дядям, а дяди двоюродным братьям.

Прежде раздела имения уплачивались все лежащие на нем долги, но если бы заимодавец представил свой иск после раздела имения, то долг разделяется поровну между всеми наследниками мужеского пола, и уплата его лежала на их обязанности. Умирающий и не имеющий родственников был в праве завещать свое имение кому пожелает, но если у него были родственники, то наследование имения посторонними лицами, помимо родственников, ни под каким предлогом не допускалось. Исключением в этом был единственный случай, когда в доме хозяина умирал его гость или *кунак*, тогда хозяин наследовал все вещи, какие при нем находились, хотя бы у покойника и были прямые наследники, дети, отец или родные братья. Этот обычай основан был на правилах гостеприимства. Куначество почитается наравне с родством, и хозяин, наследовавший после кунака, обязан был за то принять на себя его *канлы*, если бы она за ним считалась.

Посмертные пожертвования на мечеть и богоугодные дела допускались, но с тем, чтобы пожертвование не превышало третьей доли имущества. Передача права на владение имуществом совершалась по духовному завещанию, которое должно быть написано кадием или муллою, при двух свидетелях, прилагавших к нему свои печати. Исполнение точной воли умершего лежало на обязанности кадия, а душеприказчики допускались только за его отсутствием, если, например, чеченец умирал на чужой стороне.

Ввод во владение наследников производился через духовное лицо. По получении сведений о смерти кого-либо из жителей аула, кадий обязан был составить подробную опись имущества и заботиться об его целости, до окончательного раздела между наследниками, которым и сдавал его по описи; если дети были малолетны, то точно также кадий сдавал имущество умершего их опекуну. «В случае малолетства наследников, управление имением принадлежит по праву ближайшему родственнику, дяде или старшему брату, а если их нет, то кадию. Опекуну не предоставляется никакой доли из доходов имения, но за то он и не обязан давать отчетов в своих расходах, лишь бы только имение было сохранено в том виде, как оно принято по описи кадия, и состоящий под опекой содержался прилично своему состоянию. Если родственники заметят недобросовестные действия опекуна, растрату доверенной ему чужой собственности или дурное обращение с сиротою, то имеют право жаловаться кадию, который разбирает дело и, если найдет опекуна виновным, сменяет его и принуждает отвечать за растрату своею собственностию».

«Совершеннолетие полагается в 15 лет. Тогда кончается опека – и опекун, в присутствии кадия и родственников, сдает имение своему бывшему питомцу, согласно той описи, по которой сам его принимал; недостаток он обязан пополнить из своего. Само собою разумеется, что женщины не допускаются к опеке. Если старший брат совершеннолетен, то может требовать выдела себе части имения. Для этого он обращается к кадию, который, с двумя или тремя сви-

детелями, разделив поровну все имение, кидает жребий, и та часть, которая придется на долю старшего брата, поступает в собственность последнего».

В таком виде был юридический быт чеченцев до подчинения этого народа власти Шамиля. В конце тридцатых годов между чеченцами, находившимися в подданстве России, стали распространяться ложные слухи, что, будто бы, русское правительство намерено обратить всех их сначала в крестьян, а потом обложить и рекрутскою повинностию. Буйный народ, привыкший к своеволию и необузданной свободе, волновался и, наконец, решился освободиться из-под власти русского правительства. С раннею весною 1840 года, почти все Над-Теречные и Сунженские аулы бежали за Сунжу, а вслед за тем и все остальные жители Большой и Малой Чечни, а также общества Качкалыковское и Мичиковское, отложились от нашего правительства.

Возмутившись против правительства и ожидая неминуемого наказания, те деревни, которые находились на левом берегу р. Сунжи, не могли оставаться на прежних местах и принуждены были искать спасения в бегстве. Скрывшись в лесах они видели однакоже, что при своей разрозненности не могут защищаться от русского оружия, что для постоянного противодействия врагу необходимы энергия и единство в действиях, которое должно быть предоставлено воле и знанию одного человека. Таким человеком чеченцы признали Шамиля и решились обратиться к нему с просьбою о помощи и добровольно подчиниться его власти.

Такое обращение было как нельзя более кстати для последнего. Разбитый на голову под Ахульго, имам находился в самом бедственном положении. Бежав с поля сражения и не имея на себе даже черкески, Шамиль скитался из одного аула в другой, пока чеченцы не отыскали его в Шуэти, не предложили ему принять над ними бразды. правления и стать во главе вооруженного восстания. Зная хорошо народ, с которым ему предстояло иметь дело, его непостоянство и своеволие, Шамиль согласился приехать в Чечню, после продолжительных переговоров, и тогда только, когда чеченцы дали ему присягу в том, что будут строго выполнять все издаваемые им постановления.

Появившись в Урус-Мартане, Шамиль прежде всего начал с того, что потребовал аманатов из тех семейств, которые пользовались наибольшим уважением и влиянием в народе, и навербовал к себе муридов из лучших фамилий. Мерами этими он привязал к себе первейшие чеченские семейства, так что последовавшие за тем обстоятельства: движение наших войск в Чечню и уничтожение аулов, не только не послужили к упадку, а, напротив того, упрочению власти Шамиля.

Гонимые с одного места на другое, в ежеминутном страхе наказания за непокорность, чеченцы искали себе спасения в благоразумии и воле человека, которого избрали своим руководителем. Шамиль пользовался этим. Он утешал их сладкою надеждою в лучшую будущность и представлял разорение аулов нашими войсками, как временное и скоро проходящее бедствие. Возбуждая религиозный фанатизм, который всегда легко возбудить в народе невежественным, и притом находящемся в несчастном положении, и в то же время пользуясь этим настроением, он формировал себе ополчение муридов, с помощью которых и упрочил впоследствии свою власть.

Под видом того, что не желает действовать на своих новых подвластных одним только страхом, а снискать также их расположение и привязанность, Шамиль сначала, как мы сказали, вербовал к себе в муриды лучшее чеченское юношество. Родители вступающего в муриды, первое время, не видели в этом ничего другого, как только внимание к ним нового их властителя, и не понимали того, что, по дагестанскому учению о муридизме, они, во-первых, лишаются своих сыновей, а во-вторых увидят в них точных исполнителей воли своих начальников. Каждый вступающий в муриды, к самому Шамилю или к его приближенным: Ахверды-Магома, Шуаип-Мулле и другим лицам, приносил присягу на коране: слепо и свято исполнять все приказания, какого бы рода оне ни были, не отступая даже от этого правила и в том случае,

если бы от него было потребовано поднятие руки на родного брата. Давая клятву забыть узы родства, муриды предавали себя всецело предержащей власти, употребившей их прежде всего на истребление опасных для нее людей.

Строгий устав дагестанского муридизма, в руках такого умного человека как Шамиль, послужил самым верным орудием к скорейшему упрочению его власти, потому что мурид, совершивший, по приказанию начальства, несколько убийств, естественным образом ставил не только себя в полную зависимость того, по чьему приказанию было совершено преступление, но и служил лучшим ручательством в верности своего семейства и ближайших родственников. Возбудив убийством против себя кровных врагов, понятно, что мурид находил себе спасение только в покровительстве и защите того человека, по внушению которого было совершено преступление.

По обычаю, существовавшему сначала у чеченцев, между семейством мурида, совершившего злодеяние, и родственниками убитого возникало кровомщение, а оттого невольным образом семейства и родственники муридов поступали в число слепых приверженцев Шамиля и делались карателями его врагов.

Впоследствии Шамиль успел уничтожить этот обычай, и мурид, совершивший убийство, не имел за собою *канлы*. Приобретая посредством муридов влияние в Чечне, Шамиль, вместе с тем, заботился об обеспечении своей власти более положительными формами управления. Пользуясь каждым, по-видимому ничтожным, обстоятельством, служившим ему с пользою к утверждению его владычества, Шамиль искусно налагал на чеченцев оковы, от которых впоследствии освободиться им сделалось уже невозможно. Для обуздания вольности дикого народа, он стремился уничтожить адат, потворствующий страстям слабостию своих постановлений, а в замен его ввести *шариат*, как устав наиболее нравственный, строгий и весьма гибкий. Горцы и до сих пор время управления Шамиля не называют иначе, как *временем шариата*. Боясь, однакоже, возбудить в народе ропот, Шамиль в начале, допустил, в некоторых случаях, употребление и адата.

Приняв звание *имам-уль-азам* (великий имам, первосвященник, главы веры), а впоследствии *главы правоверных, повелителя Кавказа*; объявив себя поборником шариата, а вместе с тем и главою муридизма, Шамиль воспользовался всеми обстоятельствами, чтобы на своем духовном значении основать светскую власть. Для достижения последней он не церемонился с постановлениями шариата, ловко перетолковывая и объясняя его статьи по своему усмотрению. Там, где выгодно было придерживаться постановлениям корана, он являлся самым строгим его последователем; где же личные его интересы требовали противного, он отклонялся в совершенно противную сторону, не опасаясь цензуры со стороны грубого и невежественного народа. Такое уклонение не составляло особого труда для человека умного и энергичного еще и потому, что почти каждое постановление шариата имеет множество толкований или, по выражению Шамиля, *несколько своих собственных дорог*. Если и встречались такие лица, которые понимали по ступки Шамиля, несовместные с принятым им на себя званием имама, то, из опасения гнева и преследований, считали лучшим молчать и не вмешиваться. Таких лиц было, впрочем, очень немного; большинство же дагестанского духовенства, в котором он только и мог встретить серьезную оппозицию, было своекорыстно, невежественно и блуждало по разным дорогам шариата, не находя действительной.

Учение муридизма, как мы видели, строго воспрещает поднятие оружия, а между тем Шамиль ввел смертную казнь, до него не существовавшую у чеченцев. Коран говорит: *если кто-нибудь с умыслом убьет кого-либо из правоверных невинно, то его ожидает вечно адское мучение*. Имам же, напротив, весьма часто, без суда и исследования истины, по одному подозрению, лишал жизни своих подданных, обвиняемых в мнимых преступлениях. При этом главнейшим побуждением к такой строгости было желание внушить страх другим и тем упрочить

свою светскую власть, от которой Шамиль, как муршид и главный распространитель тарыката, должен был, по его уставу, *отказаться и вовсе не вмешиваться в светские дела*.

Никто не отвечает, сказано в коране, *за вину другого*, а между тем за бегство к русским, по уставу Шамиля, отвечали его родственники, которых подвергали наказанию. В наказание за изъявление покорности русским, он нападал на мусульман с оружием в руках, убивал мужчин, пленял женщин, грабил жилища и брал их имущество себе. Такими поступками, не согласными с принятым званием имама, Шамиль, достигнувши полного могущества, стал, по преимуществу, светским властителем, а не духовным наставником, и был в сущности не муршид, а деспот, у которого главнейшею целию было не духовное совершенствование подчиненного ему народа, а желание сплотить своих подвластных в одно целое и, с помощью их, отстаивать свою самостоятельность от владычества России.

Он не следил за исполнением народом истинных религиозных постановлений шариата, а хлопотал только о том, чтобы, при посредстве его, возбудить подвластные ему народы на войну с неверными. С этою целию он ввел новую администрацию, положил основания к образованию войска, а впоследствии издал свод новых постановлений, дотоле неизвестный чеченцам – это свод законов военных и гражданских, известный в горах под именем *низама*.

Сознавая, что в учении шариата находится множество противоречий, дающих средство его толкователям производить всякого рода злоупотребления, иногда даже более серьезные, сравнительно с теми, которые могут быть произведены адатом, Шамиль изменил многие постановления шариата, сообразно действительных потребностей страны. Все, что таким образом составилось, получило название *низама* (слово *низам* собственно значит постоянный, регулярный). Чтобы иметь лучший надзор за своими новыми подданными, Шамиль разделил как Чечню, так и дагестанские племена, находившиеся в его власти, на *наибства*, поставив над чеченцами наибами людей, ему вполне преданных, с властью производить суд и расправу по своему усмотрению.

Вся Чечня была разделена, в 1842 году, на три наибства: *Мичиковское*, заключавшее в себе пространство между Аксаем, Качкалыковским хребтом, Сунжею, Хулхулау и Сулако-Терским хребтом; 2) *Большой Чечни*, ограниченное рр. Хулхулау, Сунжею, Аргуном и Черными горами и 3) *Малой Чечни*, между Аргуном, Сунжею, Ассою и Черными горами. Над ауховцами был назначен особый наиб.

Хотя эти нововведения, при самом начале, не нравились чеченцам, привыкшим жить в полной независимости и свободе, но, видя пред собою постоянно угрожающую опасность от наших войск, перерезывавших беспрестанно Чечню в разных направлениях и беспощадно предававших разорению все встречающееся им на пути, чеченцы волею и неволею должны были безропотно переносить все делаемые у них преобразования. Первые наибы, поставленные Шамилем над чеченцами, сумели вполне оправдать сделанное им доверие и приобрести если не любовь к себе, то уважение управляемого народа. Ахверды-Магома, наиб Малой Чечни, по происхождению аварец, отличался умом, справедливостью, считался первым наездником и лихим предводителем партий, человеком, не знавшим неудач в своих набегах. Исса – наиб Большой Чечни, хотя по своим достоинствам и уступал Ахверды-Магоме, но был добр и обходителен; наконец, Шуаип-мулла – наиб мичковский, хотя был корыстолюбив в высшей степени, и не всегда справедлив в своих действиях, но эти недостатки с избытком заглушал своим умом и лихим наездничеством.

Вскоре после такого разделения Чечни, Ахверды-Магома умер от раны, полученной им при набеге на аул Цори, а в следующем 1843 году был убит, из кровомщения, и Шуаип-мулла. Шамиль, лишившийся двух лучших наибов и искреннейших своих приверженцев, встретил вместе с тем ропот и неудовольствие со стороны чеченцев против всех его нововведений и постановлений. Это заставило его дать Чечне новое административное деление и разделить ее на более мелкие наибства. Он разделил каждое из наибств, Мичиковское и Большой Чечни,

на две части, а Малой Чечни на четыре части. Такое деление застал наш отряд, появившийся в Чечне в 1844 году, для заложения первого пункта чеченской передовой линии – укрепления Воздвиженского.

В последствии Шамиль несколько раз изменял административное деление своей страны, но единицею всегда оставались *наибства*, с поставленными в главе их правителями – *наибами*. В лице наиба соединялась первоначально власть гражданская и военная; ему предоставлены были весьма значительные права. В последствии отсутствие письменного наставления и правил, а главное бесчисленные злоупотребления властью наибами, их поборы, взятки, преследования личных врагов или лиц, сопротивлявшихся противозаконным их требованиям, заставили Шамиля прибегнуть к письменному наставлению и составить для назначенных им административных деятелей род наказа, которым они и должны были руководствоваться.

Мысль о составлении такого наказа была подана Шамилю чеченским уроженцем и, впоследствии, весьма приближенным к Шамилю человеком, Гаджи-Юсуфом, который и взял на себя составить этот наказ. Одобрив составленные Гаджи-Юсуфом правила, но зная, что народ, не привыкший ни к какой власти и не имевший никаких письменных постановлений, может отнестись недоброжелательно ко всякой попытке обуздать его своеволие, Шамиль не решался, без согласия большинства, вводить это постановление, тем более, что после набега его в Кабарду (в апреле 1846 года), в Дарго – его резиденции – ходили слухи, что русские, в отмщение за понесенные потери, собирают значительные силы для вторжения со всех четырех сторон.

Чтобы испытать наибов и народ, до какой степени они готовы к обороне и способны повиноваться его власти, Шамиль решился созвать народное собрание. Все должностные и именитые люди, имевшие сколько-нибудь влияния на общество, были приглашены в Андию на совещание. «Тут Шамиль объявил собравшимся, что прошло более десяти лет, как он признан имамом; что во все продолжение этого времени, он, по мере сил своих, старался служить народу и защищать его от врагов мусульманства; что, не смотря на все его усилия, борьба с неверными будет длиться еще долгое время и, может быть, в том же году придется испытать сильные нападения; что, чувствуя себя уставшим от понесенных трудов, он просит сложить с него звание имама, и избрать человека более достойного и способного, чем он, и что он будет служить избранному народом, в числе других его помощников».

Понятно, что должно было ответить собрание на такую вступительную речь своего имама. Оно просило не отказываться от власти, объявило свою готовность идти на защиту отечества, постановило обязать каждого наиба распорядиться тем, чтобы все, кто находится в его ведомстве, запаслись известным количеством пороха, а самого имама собрание просило указать войску те места границы, которые требуют особой защиты. Собравшиеся постановили обязать, отправляющих богослужение, молиться за имама, его наибов и об успешном ходе мусульманского дела и, с этого целию, была составлена особая молитва, читаемая по пятницам после обычной проповеди. Сознавая необходимость единства в действии, собрание решило оставить взаимную зависть, притеснения, и если не помогать друг другу, то, по крайней мере, не портить того, что сделано предшественниками. Постановлено во всем следовать шариату и не выходить из пути людей добродетельных; для облегчения обращения в народе денежных знаков, не отказываться от принятия русских денег и грузинских абазов (в 20 и 40 коп.), а в заключение, беспрекословно исполнять волю имама и принимать все меры, какие признаны будут им необходимыми для защиты мусульманства.

Относительно административных дел, собрание положило: чтобы наибы подчинялись письменному положению, которое и было прочитано наибам в присутствии собрания. В помощь наибам, для удержания народа от дурных поступков и для разбора тяжебных дел, назначено к каждому наибу по одному *муфтию*, а для наблюдения за действиями, как наибов, так и муфтиев, назначили на каждые четыре наибства по одному *мудиру*. Лица эти, не оправ-

давшие своего доверия и однажды смещенные с своих должностей, не могли быть вторично назначаемы на те же должности и в том же участке. Воспользовавшись таким исходом собрания, Шамиль тотчас же назначил муфтиев в каждое наибство, мудиров на каждые четыре наибства, и дал всем административным деятелям письменную инструкцию. Не опасаясь теперь встретить сопротивления, имам стал распоряжаться с большею решительностию.

«Несколько раз я видел ваше положение, писал он всем наибам, и испытал дела ваши; я запрещал вам и увещевал вас оставить мерзкие поступки и отвратительные происки, в которых коснеете, и так как вы все еще не пробудились, то я пожелал издать этот низам и положить его общим руководством между людьми».

«Вот я и написал означенные главы на сем листе и приличные наказания за нарушение каждой главы. Я должен привести этот низам в исполнение, без всякого послабления и лени, и нет по сему низаму пощады, заступничества и сострадания для тех, которые впадут в пучину этих наказаний… Если же между вами найдется такой, который не в состоянии будет перенести его трудностей и привести его в исполнение, то пусть оставит свою должность и сойдет в число простонародья. Это даст нам возможность осмотреться и обратиться к тому, кто способен занять высокий пост (наиба), который могут занимать только люди истинно храбрые и мужественные».

Беспрекословное повиновение воле имама положено в основании положения о наибах. Каждый из них обязан был безотлагательно исполнять приказание, как самого имама, так и его векиля (поверенного) – «все равно, будет ли оно выражено словесно, или письменно, или другими какими-либо знаками; будет ли оно согласно с мыслями получившего приказание, или не согласно, или даже в том случае, если бы исполнитель считал себя умнее, воздержаннее и религиознее имама».

Наиб, не исполнивший приказания, подвергался взысканию – низводился на степень начальника сотни. Зная по опыту, что личные и враждебные отношения различных лиц значительно ослабляют единство действия, Шамиль требовал, чтобы наибы, забыв свой неприязненные отношения друг к другу, оказывали, в потребных случаях, взаимную помощь; чтобы они следили за строгим исполнением низама и виновных в том, равно как и в порицании действий имама, подвергали публичному выговору. От наибов требовалось, чтобы они не занимались фискальством и наговорами, даже и в том случае, когда, в действительности, знали друг о друге предосудительные поступки. Взятки и всякого рода поборы, составлявшие прежде принадлежность каждого наиба, теперь строго воспрещены не только самим наибам, но и вменено им в обязанность следить за тем, чтобы не делали того же и их подчиненные: взяточничество, сказано в наставлении, есть причина разрушения государства и порядка. Всякая тайна или секрет, вверенные имамом наибу, должны умереть в нем самом. Наиб не должен открывать его ни своему семейству, ни братьям, ни муридам своим, потому что распространение секретов «есть одно из главных орудий вреда и нарушения порядка страны… Некто сказал: когда будут открыты тайны, тогда дело дойдет до погибели».

Главнейшею и, можно даже сказать, исключительною обязанностию наиба, были дела военные. Каждый из них должен был наблюдать за границею своего участка и оберегать его одинаково и днем и ночью, не взирая на то, находится ли его участок в безопасности или опасности от неприятельского вторжения. Для этого в помощь наибам, исключительно только в одной Чечне, было учреждено особое сословие *муртазеков*, Это были люди, посвятившие себя собственно караульной или кордонной службе и занимавшие караулы по всей границе немирной Чечни. За свою службу муртазеки получали первоначально по одному рублю и по десяти мер хлеба с каждых десяти домов на человека. В последствии, с разорением жителей Чечни от беспрерывной войны, Шамиль уменьшил плату муртазекам и они стали получать по одному рублю и по восьми мер хлеба с каждых двадцати домов.

В Дагестане же сословия муртазеков не существовало вовсе. В пределах своего участка, наиб следил и должен был противодействовать всякому мнению народа, клонившемуся к нарушению общественного порядка, преследовать за ослушание и нежелание жителей принимать участие в постройке оборонительных стен, в защите границ, в пресечении неприятелю путей отступления и проч. Подвергая виновных в этом установленным наказаниям, наиб не имел права вмешиваться в дела, подлежавшие решению шариата, ни решать тяжебных дел. Эти последние предоставлялись решению *муфтиев* и *кадиев*, имевшихся в каждом наибстве. Чтобы устранить всякую тень вмешательства. наиба в гражданские дела, низам воспрещал вручать одному и тому же лицу две должности. Каждое наибство имело одного *муфтия*, который сам уже поставлял *тателей* и *кадиев* в районе своего ведомства. В каждом ауле было обыкновенно несколько мулл, но из них только один мог быть облечен в звание кадия с полномочием производить разбирательство дел и постановлять по ним решения.

Татели следили за исправным выполнением односельцами их религиозных обязанностей и приводили в исполнение приговоры, определявшие телесное наказание.

На обязанности кадия лежало наблюдение за мечетью, за своим приходом, исполнение духовных треб, решение споров, возникавших между его прихожанами, и наставление их в вере, при помощи проповедей, которые он обязан был говорить каждую пятницу. Во всех положениях, касающихся до религии и гражданской деятельности, кадий находился в полном подчинении муфтия; к нему же он обращался и за разъяснением всякого рода недоразумений. Последний должен был разрешать их согласно положительным постановлениям шариата, и руководствоваться беспристрастием и справедливостью. «Если он, сказано в низаме, заметит где-либо отступление от правил шариата, то устраняет оное и направляет дело по пути. Если же не в состоянии будет сделать этого, то извещает об этом наиба. По временам, муфтий обязан обращаться к народу с наставлениями и в речи своей не должен порицать поступков наиба каким-нибудь намеком или общим содержанием речи».

Таким образом, кадии составляли первую инстанцию суда; за ними следовали муфтии, которые передавали свои приговоры наибам в тех только случаях, когда, со стороны тяжущихся или виновных, обнаруживалось нежелание подчиниться добровольно решению шариата. В таких случаях наиб призывал к себе виновных и решал дело, согласно объявленного судьею толкования. Апелляция на такое решение наиба могла быть подана только самому имаму, от которого исходили уже решения, не встретившие ни апелляции, ни ропота.

Для решения важнейших как административных, так и судебных дел, в Дарго, где жил Шамиль, был учрежден, в 1841 году, *диван-ханэ* – совет, в котором присутствовали сам имам и духовные лица, известные по своему уму, вполне преданные Шамилю и муридизму. Основываясь на постановлении собрания, созванного в Анди, Шамиль посвятил пятницу исключительно служению Богу и приему жалоб. В этот день он творил суд и расправу, разбирал спорные дела, выслушивал свидетелей и постановлял свои безапелляционные приговоры, которые, впрочем, не смотря на всю строгость Шамиля, случалось, оставались не приведенными в исполнение при малейшей возможности скрыть от него последствия.

«Нередко случалось, пишет А. Руновский, что, по родственным связям или из корыстных видов, наибы отдаляли смертную казнь или же, просто, доставляли преступникам возможность скрыться от действия правосудия».

Здесь-то играли огромную роль взятки и различного рода подкупы, всегда неизбежные с деспотическим образом правления. Ближайшими помощниками наибов были муриды и *дебиры*, избираемые из местного населения и назначаемые на должности наибом. Дебир – это мулла, облеченный властью, похожею на наших градоначальников, в тех местах, где не было резиденции наиба. Отношения дебиров к наибу были похожи на отношения наших градоначальников к губернатору: это род городской и земской полиции.

Что же касается до *мудиров*, то они хотя и были назначены по одному на каждые четыре наибства, но существовали весьма не долго. Это звание было учреждено Шамилем, с целию более легкого сношения с наибствами, из которых многие были слишком удалены от его резиденции, и, вместе с тем, для лучшего надзора за некоторыми, не вполне надежными наибами. На первых же порах, между мудирами и подчиненными им наибами, стали возникать беспрерывно такие столкновения и пререкания, что Шамиль должен был отказаться от назначения мудиров и уничтожить это звание.

В замен их, для секретного наблюдения за действиями административных лиц, Шамиль учредил особое звание *мухтасибов*, на обязанности которых было доносить имаму секретным образом о всех замеченных ими противозаконных действиях и поступках, вызывавших меры к их искоренению. Мухтасибы были люди почетные, религиозные, пользовавшиеся особым уважением имама и известные всему населению своею честностию, строгостию нравов, и за свою службу не получавшие никакого содержания.

Число мухтасибов было неопределенное; они не имели постоянного места жительства, а переменяли его или по указанию имама, или по мере надобности. На деятельности поименованных лиц и основывалось все управление подвластных Шамилю народов, а ему самому оставалось только следить за ними и заниматься исключительно внешними делами своей страны и в этом последнем деле иметь помощниками все тех же наибов.

Наиб, будучи первым лицом в своем участке, приводил в исполнение все распоряжения Шамиля, и в особенности те, которые касались безопасности и благосостояния, вверенного ему края. Наибу предоставлено было все военное управление, за исключением сложных наступательных предприятий. Он следил за поведением людей своего наибства, преследовал курящих и тайно отлучавшихся из аула. В каждом наибстве содержались постоянные и усиленные посты, известные под именем ворот (гапа), наблюдавшие за границею и собиравшие сведения о неприятеле.

Такие ворота были расположены на пунктах, вблизи мест, доступных движению русского отряда. Наибы почти постоянно находились при своих воротах и особенно следили за тем, чтобы жители не имели сношения с мирными чеченцами. С этою целию было запрещено всем, с наступлением ночи и без записки наиба или вообще начальствующего лица в селении, выезжать по одиночке за ворота. Пешие кое-как еще прокрадывались, но конному редко удавалось проехать незамеченным. На посту его пропускали сначала, но на возвратном пути отбирали лошадь и оружие, которые и представлялись потом, при особой записке, наибу

Если случалось какое-нибудь воровство, то прежде всего наводилась справка: кого не было ночью дома? и за тем подозреваемый схватывался и сажался в яму. Ямы заменяли у горцев тюрьмы, были довольно глубоки и сверху накрыты накатником. Они отличались темнотою, чрезвычайною нечистотою, духотою и теснотою. Посаженного в такую яму, подозреваемого в воровстве, допрашивали, и когда он мог указать, что во время совершения преступления был там-то или встретил на дороге такого-то и в таком-то месте, и если, при этом, показания его подтверждались, то подозреваемый признавался правым и его освобождали из заключения. Похитить что-либо тайно и уметь схоронить концы, у чеченцев всегда, и при Шамиле, считалось удальством, но человек, обличенный в воровстве, наказывался жестоко.

По шариату, наказание за воровство определялось в следующей соразмерности: за воровство, произведенное в первый раз, со взломом, виновный подлежал отсечению правой руки; во второй раз левой ноги; в третий – левой руки; в четвертый – остальной ноги и, наконец, в пятый отсечению головы. При всеобщей наклонности к воровству, такие постановления шариата были далеко невыгодны для Шамиля, рисковавшего, в самом не продолжительном времени, обратить все население в безруких и безногих и быть имамом над искалеченными. В справедливости такого опасения можно удостовериться еще и теперь, посетивши дагестанские общества: Анди, Гидатль и, пожалуй, Тилитль, где из трех человек мужчин один наверное

без руки и потерял ее в воровском деле. Имея в виду сохранить население для газавата, Шамиль отменил постановления шариата, а вместо него определил подвергать виновного в воровстве, какого бы рода оно не было: за первые два раза, трехмесячному заключению в яму и денежному штрафу по 20 коп. сереб. за каждую ночь заключения. За воровство, произведенное в третий раз, виновный подлежал смертной казни; но если обличенный в воровстве был человек, известный своим неодобрительным поведением, то подвергался смертной казни и за первое воровство.

Смягчая и изменяя постановления шариата, Шамиль положил в основание своих карательных законов исключительно тюремное заключение или яму и денежный штраф. Последний оказывался всегда наиболее действительным наказанием. Яма не страшила горца; душный и спертый воздух ямы не составлял для него никакого лишения, «потому что в некоторых обществах, где домашние животные проводят зиму в одном помещении с своими хозяевами, атмосфера этого помещения с атмосферою ямы была совершенно одинакова». Сидя в яме, горец проводил время в праздности, ничего не делая, и знал, что заключение его не расстроит домашних дел, лежавших целиком на попечении жены, «на шее быка и на спине эшака»; в некоторых же случаях дела эти шли во время его отсутствия гораздо лучше, чем при нем. Между тем опустошение, и без того тощего, кармана горца было для него слишком чувствительно и гораздо более, чем все остальные виды наказаний. Ударов по карману горец боялся гораздо более, чем ударов по его правоверной спине. Вот почему денежный штраф и положен был Шамилем в основание его карательных законов.

Кроме воровства, денежный штраф был установлен: *за уклонение от военной повинности, за умышленное прикосновение к женщине и за нанесение в драке побойных знаков*. Виновный в уклонении от военной повинности первоначально наказывался только заключением в яму на три месяца, но, с течением времени, наказания этого оказывалось не достаточным. Беспрерывная война изнурила народ до такой степени, что у горцев явилась поговорка: *лучше просидеть год в яме, чем пробыть месяц в походе*. В противодействие ей, Шамиль положил взыскивать с этого рода преступников по 20 коп. за каждую ночь, проведенную в яме. Мера эта оказалась столь действительною, что жены горцев, уклонявшихся под разными предлогами от военной повинности, боясь разорения своего хозяйства, убеждали своих трусливых или ленивых мужей отправляться в поход, а если они бежали из дому, то указывали места, где они укрывались.

К денежному штрафу следует отнести и *экзекуции*, которые в Дагестане и Чечне назначались за то же, за что назначаются и у нас: за ослушание властям, но с тою разницею, что в горах мера эта употреблялась не против целого околотка или аула, а против отдельных личностей сопротивлявшихся закону. Непокорность же и ослушание целых аулов наказывались смертною казнью зачинщиков и расселением аула по другим обществам. Экзекуции устраивались преимущественно в Чечне, где население, по духу своеволия, оказывало часто сопротивление, иногда даже из-за того, что им назначали не того наиба, которого они сами хотели, хотя они не знали совершенно того лица, которое им предназначалось.

В таких случаях чеченцы переходили на сторону русских целыми аулами. «Отказ, без всяких побудительных причин, идти войну, пишет А. Руновский, ослушание во всех других видах беспрестанно вызывали меры для обращения своевольных чеченцев к покорности, так что экзекуции, можно сказать, существовали в Чечне постоянно: почти не было той деревни, которая не видала бы у себя экзекуции хоть один раз. Это случалось преимущественно во время продолжительных экспедиций по Чечне. Экзекуционными войсками всегда были тавлинцы (дагестанцы). Они располагались в домах непослушных обывателей как в своих собственных, и, действительно очень скоро обращали их к повиновению без всякого кровопролития. В этих случаях, населения деревень смотрели на стеснение своих сограждан довольно равнодушно; по крайней мере не было примера, чтоб экзекуции возбуждали общее неудоволь-

ствие или восстание. Действие экзекуции прекращалось тотчас, как только виновные представляли доказательства покорности».

Прикосновение мужчины к телу или даже платью женщины, по понятиям туземцев, составляет для нее бесчестие, чем пользовались многие лица из желания отмстить женщине. Поступки эти до Шамиля вызывали *канлы* (кровомщение), но имам заменил его трехмесячным арестом и денежным штрафом.

Что касается до драк, то, кроме денежного штрафа, для них существовали и другие наказания. В случае смерти, причиненной во время драки человеку, пришедшему для этого в чужой дом (или в чужое владение), хозяин его освобождался от всякой ответственности. Если родственники убитого начинали мстить за его кровь, то признавались убийцами и строго преследовались правительством. Если же, во время подобной драки, бывал убит хозяин дома, тогда убийца подвергался мщению родственников убитого, и само правительство содействовало мщению.

Когда драка оканчивалась знаками на теле, то нанесший их подвергался тюремному заключению и денежному штрафу в пользу пострадавшего, и если при драке не было свидетелей, то, в случае запирательства, от ответчика требовалась присяга, и если он принимал ее, то дело предавалось воле Божией. Между племенами чеченского народа, не находившимися под властью Шамиля, существовал весьма оригинальный обычай решать дела по дракам, и в особенности по побоям нанесенным в голову тогда, когда на ней не оставалось видимым повреждений. Обыкновенно получивший такой удар молчал до первой головной боли, а затем объявлял, что боль эта происходит от удара, нанесенного ему тогда-то. Обиженный мог получить удовлетворение только тогда, когда туземные медики, вскрыв головные покровы, находили какое-нибудь повреждение в черепе, как, например, по выражению туземцев, трещины на нем и проч.

«Я знаю, говорит г. Грабовский, несколько туземцев, решивших свои дела по ударам, полученным в голову палками таким образом, и видел самые головы, оставившие на себе следы сделанной операции. При осмотре таким порядком головы, обычай требует присутствия аульного муллы и нескольких добросовестных свидетелей со стороны ответчика. Когда таковые доставлены, туземный лекарь простым кинжальным ножом разрезывает головные покровы на четыре части и отворачивает их; если непосредственно под кожею не находится никаких повреждений, лекарь начинает тем же ножом скоблить указываемое истцом место; когда же и за тем ничего не оказывается, оператор спокойным манером снова заворачивает кожу и зашивает ее, а мулла и свидетели, на основании заявления медика и по своему личному убеждению, объявляют истцу, что жалоба его не основательна и что он не имеет права продолжать свой иск. Этим решением истец совершенно удовлетворяется и после уже действительно не затевает тяжбы. В другом случае, когда открываются какие-либо повреждения в голове, оператор вырезывает поврежденные части, а свидетели приговаривают ответчика к установленной обычаем плате, и этот беспрекословно дает ее. Подобные операции, по уверению туземцев, нисколько не трудны и приносят желаемую пользу: уничтожают болезнь. На сколько это справедливо, не знаю, но могу положительно сказать, что я не помню ни одного такого случая, где бы истец, после произведенной над его головою операции, жаловался снова на боль головы, хотя с нею подчас, как я заметил выше, обращаются весьма бесцеремонно».

Все остальные виды преступлений, совершаемые в обществах, находившихся под властию Шамиля, подлежали преследованию на основании особых постановлений, разновременно введенных имамом. Так, за измену и сношение с неприятелем была назначена смертная казнь. Если изменник бежит к русским, то с десяти поручителей взыскивалось 50 руб. Для этого все мужчины были разделены на десятки и каждый десяток должен был наблюдать друг за другом. Сакля бежавшего сжигалась, а его брат, или отец, или сын заключались в яму до тех пор, пока не сообщат о себе бежавшему. Но так как, не смотря на призыв их, бежавший, конечно,

не возвращался в родной аул, чтобы сложить там свою голову, то невиновный его родственник, спустя некоторое время, освобождался.

За сношение, даже и торговое, с покорными и мирными обществами назначены были яма и телесное наказание; за неявку на службу – яма и палки; за побег жителя – конфискация имущества бежавшего и аульного старшины, допустившего побег; за прием неблагонадежного человека – штраф 50 р. За невыезд на тревогу – от 1 до 2 руб. За невыполнение приказаний наиба или старшины – штраф 1 руб. Телесное наказание допускалось не более как 39 ударами и не менее, как 11 ударами прутом, в 3/4 аршина длины и в палец толщины; удары должны были производиться, не снимая рубашки и шаровар, по всему телу, от плечей до икор. Один только вид преступления наказывался ста ударами: – это прелюбодеяние.

Смертная казнь, положенная за побег к неприятелю, измену и шпионство, производилась отсечением головы топором, имевшим форму полумесяца, насаженном на деревянное древко, или же иногда виновный лишался жизни ударом железной булавы, с острием на конце. Каждый палач имел право на одежду казненного, и потому из числа муридов было много охотников для исполнения этой должности.

Употребление крепких напитков, песни, пляска, музыка – словом все, что отвлекает мысль, от Аллаха, было строжайше запрещено. Точно такому же преследованию подвергался и каждый курящий или нюхающий. Житель, пойманный с крошечною на тоненьком чубуке трубкою в зубах или спрятанною за околышем папахи, подвергался в первый раз пени, а во второй раз ему продевали чубук сквозь ноздрю; иногда же продевали сквозь ноздрю бечевку и на ней привешивали трубку или табакерку За пристрастие к вину, виновный подлежал смертной казни; меломан, уличенный в пристрастии к музыке, подвергался сам аресту и палочным ударам, а его инструмент немедленному сожжению. Охотников потанцевать наказывали палками или пачкали им лицо грязью, иногда сажею и, посадив верхом на эшака, лицом к хвосту, возили в таком виде по аулу.

Преступная связь незамужней женщины или вдовы наказывалась лишением жизни, если только до окончания ее беременности никто не соглашался взять ее в жены. Наказание за прелюбодеяние замужней женщины предоставлялось ее мужу и обыкновенно оканчивалось побиением каменьями или затаптыванием лошадьми. Обольститель всегда наказывался смертию, исключая того случая, когда обольщенная была девушка и он вступал с нею в брак.

Такою строгостию своих постановлений, Шамиль успел подчинить совершенно своей власти людей диких, не признававших никаких законов, кроме своих обычаев, действовавших всегда по своему произволу, людей, которые легко возбуждаются к кровавой мести за малейшее оскорбление и насилие.

«Благодаря страсти горцев в клевете, говорит Н. Львов, наибам и дибирам шамилевских времен не трудно было следить за поведением своих подчиненных; каждый остерегался соседа и смотрел на него как на доносчика; даже родственники были между собою неискренни.»

Системою шпионства и доносов Шамиль достиг того, что, в подвластных ему обществах, брат боялся брата, несколько человек боялись сходиться между собою, из опасения быть оговоренными или подслушанными муридами, этими опричниками Шамиля. В число таких лиц выбирались самые ярые фанатики, составлявшие постоянную свиту Шамиля – люди обрекшие жизнь свою на утверждение шариата и распространение газавата. Это была прекрасно организованная тайная полиция, наблюдавшая за точным исполнением всех приказаний имама, за верностью жителей, которых за малейшее уклонение штрафовали, привлекали к допросу и часто наказывали. Однакоже чтобы не было лицеприятия в поступках муридов, Шамиль часто набирал их в одном обществе и отправлял на службу в аулы другого общества. Самый набор их и комплектование производились теперь уже не из лучших чеченских фамилий, а из людей бедных, не значительных и бездомных, которые дорожили своим положением, значением и предоставленным им кругом действий.

Заручившись некоторою властью в начале, Шамиль очень хорошо понимал, что, для упрочения ее ему необходимо привлечь на свою сторону простой народ и людей бедных. Он понимал, что подобным людям терять нечего, что, облагодетельствовавши их и выведя из толпы, он приобретет в них сильную опору и приверженность. С этою целию он окружал себя лицами низшего класса, так что большая часть наибов и муридов в последнее время были люди из простого звания. Опираясь на их преданность, Шамиль постепенно захватил в свои руки власть и совершенно деспотически распоряжался подвластным ему пародом, не смевшим противиться его воле не только действием, но и помышлением.

Такому положению тем более надо удивляться, говорит Пассек в своих записках, что чеченцы «не имеют истинного уважения к Шамилю, большая часть знает, что он не проникнут святостию, как Кази-мулла и не имеет отважности его, но не исполнить приказания Шамиля, кажется не естественным». Так умел он связать все, при помощи своих административных способностей; каждое приказание его исполнялось беспрекословно, безотговорочно и немедленно. Чеченцы беспрекословно поклонялись наибам; наибы беспрекословно удалялись от должностей, а народ собирался и шел куда его посылали, давал лошадей, эшаков и чуреки по первому требованию. Чеченцы благоговели пред имамом, называли его *падчши*, и никто не смел без разрешения явиться к нему, а кто являлся, то всегда безоружным, исключая предводителей и доверенных лиц. Приближавшийся к Шамилю целовал полу его платья, или руку, и всегда несколько телохранителей имама имели ружья на изготове. В ужас и страх для всех, при Шамиле находился всегда исполнитель смертных приговоров, с огромною секирою или топором.

Объезжая свои владения, Шамиль окружал себя знаками власти; он являлся всегда перед народом с некоторою торжественностию и окруженный отборнейшими и преданнейшими муридами, отлично вооруженными. Приезд и выезд Шамиля, или его сыновей из какого-либо наибства, обозначался выстрелом из орудия; впоследствии и наибы присвоили себе эту почесть в пределах своего наибства.

В 1849 году, Шамиль, проезжая по Чечне, был окружен более чем двумястами муридов, угощение которых падало на того, кого он удостаивал своим посещением. Собиравшийся на встречу имама народ целовал его руки. Он ехал верхом, при шашке и имея в кобурах азиятского своего седла пару пистолетов. На нем была надета черкеска тонкого русского сукна, темного цвета, на голове чалма с разноцветным тюрбаном, а в руке зонтик, предохранявший его от палящего зноя. Зимою, и вообще во время холодов, он носил поверх платья черный овчинный полушубок (мужчины вообще носят полушубки черного цвета, женщины – белого), покрытый шелковой материей, с черными и розовыми полосами.

Окружающие его муриды, во все время пути, пели *ля-и-лляхи-иль-Алла*, или же особую песню, которая была составлена самим Шамилем в замен всех народных песен, не имевших религиозного характера и подвергавшихся преследованию имама, как богопротивное занятие. Песня Шамиля пелась одинаково и во время переездов, и во время походов и, наконец, ее пели муриды вступая в сражение. Перевод этой песни, точно также как и помещаемые ниже примечания к ней, принадлежат профессору мирзе Александру Казем-Беку.

Стр. 493 …Хищнические набеги отдельных, незначительных партий чеченцев почти ничем не отличались от набегов, делаемых черкесами; характер тех и других набегов был совершенно одинаков и, можно сказать, тождествен.

Действия же чеченцев, появлявшихся в наших пределах значительными партиями, заключались преимущественно в нападении на колонны, посылаемые в лес за дровами или сопровождавшие транспорты, на жителей, занимавшихся полевыми работами, и на скот, выгоняемый на пастьбу, и то только на передовых линиях. Действия же неприятеля против станиц, городов и укреплений были весьма редки. Успех своего нападения в лесу на транспорт, или на так называемую оказию, чеченцы основывали на скрытном, внезапном появлении и быстром

натиске, причем нельзя не сказать, что они были очень искусны в подобных случаях. Выросшие в земле покрытой лесом, отличные и ловкие стрелки, чеченцы отлично пользовались прикрытием и во время боя в лесу имели преимущество перед нашими отрядами. Скрывшись в чаще леса, засев за срубленными деревьями, они высматривали, следили за движением колонны и встречали наши войска меткими убийственными выстрелами или, сделав залп по ним, бросались в шашки и, прорвав цепь, врывались в обоз. Нападение свое они производили преимущественно тогда, когда транспорты должны были следовать в одну повозку. Вообще при нападении чеченцы отличались своею дерзостию и смелостию, но были весьма не стойки в случае решительного отпора, не смотря на то, что трусость у чеченцев наказывалась всеобщим презрением, а иногда влекла за собою более действительное наказание. За малейший признак трусости, по постановлению Шамиля, на рукав струсившего воина нашивался кусок войлока, который он должен был носить на себе впредь до отличия – единственного способа смыть с себя позорное пятно труса.

На жителей, занимавшихся полевыми работами, чеченцы нападали или с одной стороны или, одновременно, с разных сторон, врезывались в середину, рубили и захватывали в плен. Извещенные пикетами и выстрелами о приближении неприятеля, жители, бросая свои работы, спешили к ближайшим нашим резервам, которые располагались на центральных пунктах, и число которых зависело от величины того пространства, на котором производились полевые работы. Нападение чеченцев на скот отличалось от нападения на жителей тем, что никогда не совершалось всем сбором хищников, а исполнение этого возлагалось на нескольких наездников, которые, обскакав скот, гнали его к своим товарищам. Последние, составляя главные силы и скрываясь в лесу или овраге, подавали помощь в том только случае, когда замечали преследование наших войск.

Так, в сентябре 1851 года, партия чеченцев напала на скот мирных своих соплеменников, живших у крепости Грозной. В два часа пополудни, 15-го сентября, выстрелы, произведенные одновременно с различных сторон из орудий, стоявших на валу крепости Грозной, возвестили о появлении неприятеля тоже с различных сторон. Чеченцы показались одновременно и в значительных массах из Ханкальского ущелья, с западной стороны от Алдов, и на равнине левого берега р. Сунжи, между Нефтяною башнею и крепостью Грозною, где пасся скот мирных чеченцев.

Такое появление партий с различных сторон, вызывая отпор, повело бы к разъединению наших сил, и скот остался бы наверное в руках неприятеля, если бы не было сделано предварительного распоряжения о действиях Грозненского гарнизона. Предварительное распоряжение и быстрое направление войск тогдашнего начальника левого фланга кавказской линии, генерал-маиора князя Барятинского (ныне фельдмаршал), было причиною того, что партия была совершенно уничтожена. Не обращая внимания на сборище неприятеля, появившиеся из Ханкальского ущелья и с западной стороны от Алдов, и зная что оно находится под выстрелами крепостных орудий, князь Барятинский, направив три роты егерского князя Воронцова полка, с двумя орудиями, к Нефтяной башне, на перерез партии, захватившей скот, сам, с баталионом пехоты, при двух орудиях и кавалерией, состоящей из трех сотен казаков, двинулся по правому берегу р. Сунжи к Чертугаевской переправе, где, по сведению лазутчиков, скрывалось главное скопище неприятеля. Не смотря на то, что предстояло пройти по лесистой и пересеченной местности до шестнадцати верст, казаки и мирные чеченцы явились в то же время в тылу главного неприятельского сбора, когда три роты егерей, посланные на перерез к Нефтяной башне, встретили партию, находившуюся на левой стороне реки Сунжи.

Одновременный и неожиданный удар наших войск с двух берегов реки заставил неприятеля, оставив идею о сопротивлении и защите, думать только о своем спасении. Чеченцы потерпели совершенное поражение: три их сотенных командира, более 200 тел, 38 пленных, более 200 винтовок и множество другого оружия были трофеями этого славного пораже-

ния, тогда как потеря наша была самая ничтожная: она состояла из одного раненого нижнего чина и двух убитых мирных чеченцев. Подобное же поражение и тот же неприятель потерпел на том же самом месте, 17-го сентября 1852 года, когда он в огромных силах сделал нападение на жителей, занимавшихся полевыми осенними работами. И в этом случае причиною поражения неприятеля были точные сведения, доставленные лазутчиками, правильное распределение и быстрое направление разных частей войск.

Вообще предприятия чеченцев большими массами редко удавались, и потому они предпочитали действовать небольшими партиями, с мелкою целию простого хищничества. Предупредить такие вторжения, при всей бдительности кордона, не было никакой возможности. Кроме ловкости и смелости чеченцев, разных хитростей, употребляемых ими при переправах, самая местность, по которой протекает Терек, способствовала им в этом. Берега этой реки, поросшие лесом и камышом, не только дозволяли хищникам подходить скрытно к месту переправы, но, и совершивши ее, скрываться по нескольку дней в чаще леса, в ожидании добычи. Нужно бы было видеть пустоту и непроходимость леса, растущего, например, между Амир-Аджи-Юртом и Каргалинской станицей, а также камышовые заросли возле города Кизляра и ниже его, чтобы удостоверится, что в них не только могут скрываться по нескольку дней хищники, пробравшиеся за Терек незаметно от кордонов, но даже находить спасение партии, открытые и следимые нашими казаками. Такой именно случай был с партиею чеченцев, пробравшеюся в октябре 1851 года в ногайские степи.

Конная партия чеченцев, состоявшая из 22-х человек, предводимая беглым казаком Моздокского полка Алпатовым, переправившись чрез Терек между станицей Ищерской и Наурской, свободно пробралась в ногайские степи. Алпатов носил черкеску с офицерскими контрпогончиками и офицерскую шинель. Выдавая себя за русского офицера, а хищников, почти ничем не отличающихся в одежде от казаков, за партию казаков, он прошел через кордон и, встретившись с транспортом чумаков, шедшим за солью, прикинулся перед ними офицером, посланным с казаками в разъезд. Алпатов не видал никакой надобности нападать на беззащитных чумаков, не имевших ничего, кроме пустых ароб, и надеялся, что впереди его ожидает лучшая добыча. Чумаки, не подозревая, что то были хищники, не заявили о своей встрече начальству, и Алпатов с своею партиею гулял шесть суток в обширных и малонаселенных ногайских степях, где производил многие злодеяния, и в том числе разграбил на Куме ставку калмыцкого *зайсанга*, которая находилась верстах в 160 или 170 по прямой линии от кордона.

Так как переправа этой партии была совершена в бурную осеннюю ночь, и следы ее были залиты дождем, то о пребывании ее в ногайских степях и производимых ею там злодеяниях никто не знал до тех пор, пока не известил об этом один ногаец, прискакавший в Червленную. Немедленно был усилен кордон и посланы казачьи партии по разным направлениям. Но куда ехать и где отыскивать хищников? Ногайская степь весьма обширна, а ближайшие к нам кочевья находились верстах в сорока от нашей линии. К тому же следование в степи весьма затруднительно и опасно, потому что песчаные бугры, единственные предметы, по которым можно ориентироваться, пересыпаются с одного места на другое, смотря по направлению ветра, который дует там с необыкновенной силой, в особенности осенью.

Чеченцы, пускаясь в ногайские степи, кроме хороших вожаков имели с собою бусоли, по которым очень хорошо ориентировались и, не оставаясь на одном месте, делали суточные переезды по 60 и 70 верст. По всем этим причинам казаки, посланные в степь, хотя и сделали от 50 до 60 верст, но возвратились домой, не открыв там хищников. На другой день повторилось то же самое. Возвращаясь на усталых лошадях на ночлег к своим станицам, при закате солнца, казаки были уведомлены о быстро следующей к р. Тереку хищнической партии, замеченной с вышки Ключинского поста, находившегося между станицами Червленной и Щедринской. Сделалась общая тревога. Конные резервы станиц Червленной и Щедринской понеслись на перерез хищникам, и казаки, имеющие лучших лошадей, хотя успели настичь их, но уже

в сумерки, и то только у самого кордонного леса (кордонным лесом казаки называли лес, растущий по берегу Терека и прилегающий к кордону), так что часть партии, хотя и понесшей сильное поражение, успела скрыться в лесу. Из хищников трое убито, много переранено, все их лошади и пленные брошены. Если бы не лес, которого партия успела достигнуть, прежде чем была настигнута казаками, и не наступление ночи, то она, конечно, была бы окончательно истреблена. **Дубровин Н. Ф**.

День в ауле. Н. Семенов. 1871 год

«Русский вестник» журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. Том 93. Москва. 1871 год. Статья Николая Семенова.

День в ауле. I. Вдали виднеется аул, в который мы едем по гладкой и извилистой дороге. Местность около нас ровная и однообразная. Полосы кукурузы и пшеницы сменяются обширными полянами, покрытыми высоко сорною травой; за ними бесконечно тянутся мелкий, колючий кустарник и до безобразия высокий бурьян. По правую сторону от нас виднеются высокие, обрывистые берега Сунжи, вечно мутной и часто вонючей Сунжи, которая так щедро разносит по станицам и укреплениям тяжелые лихорадки. Влево, верстах в 30-ти от нас, туманно очерчиваются черные горы, это преддверие к лабиринту мрачных ущелий, страшных обрывов, чудовищных трещин, чертовски стремительных речек и в небо упирающихся вершин. Время около полудня. Солнце печет немилосердно; на ясном небе ни тучки. Беловатый туман, разлитый в воздухе, как-то стушевывает все контуры окружающего, стесняет глаз и наводит тоску. Чуть заметный ветерок дует урывками. Душно. Чувствуется расслабление и апатия. Вспотевшие лошади подвигаются медленно и слегка похрапывают. Красивые птицы ярких цветов лениво перелетают с куста на куст. Вон слышится безобразный скрип проезжающих в стороне чеченских арб. Вон расположилось стадо курдючных баранов, окруженное целым десятком волкообразных собак. Как чеченские собаки злы вообще, и в особенности на Русских, но не решилось атаковать нас единодушно, как сделали бы во всякое другое время. Одна, другая полаяли и тотчас же улеглись, когда Чеченец-пастух, ободранный до крайней степени, без рубахи, прикрикнул «даволла джале» (прочь, собака). На встречу нам от времени до времени проезжают арбы с сидящими в них женщинами; проходят молодые и старые Чеченки с детьми за спинами, проезжают верховые Чеченцы. Женщины еще далеко до встречи уже сворачивают с дороги и идут сторонкой, а когда поравняются, то останавливаются и поворачиваются к нам спиной – обычай. Сидящие в арбах поднимаются и тоже спешат показать нам свои спины. Мужчины большею частью холодно смотрят на час и медленно, в растяжку отвечают Алейком салам на предупредительное приветствие переводчика салам алейкум; иногда встречаются знакомые (кунаки). Такая встреча бывает чрезвычайно шумная. После обычного приветствия начинаются выкрикивания: а-а-а! марша-вуй (здоров-ли? Как твое здоровье?) марша-аьлда! (желаю безопасности) и пр., пожатия рук, предупредительные улыбки, расспросы о цели поездки, или в этом роде не мешает заметить что все эти восторги в большинстве случаев звучат фальшью, искусственностью, что пожалуй не слишком и скрывают. Встречные разыгрывают эту патетическую сцену больше из любви к эффектам, на которые Чеченцы так падки. Незнакомые иногда обращаются к переводчику с вопросом: кто едет? Мохк буста-стак (землю мерит человек), отвечает тот и разъезжаешься в стороны. Встречные, несмотря на жару, одеты чуть не по зимнему, в бешметах и черкесках, застегнутых на все крючки. Верховые обыкновенно вооружены кинжалами, шашками, пистолетами, а некоторые и ружьями в добавок. Пешие одеты легче и из оружия имеют при себе или только кинжал, или кинжал спереди и пистолет сзади. Странный контраст с этими вооруженными хозяевами плоскости составляют пришельцы, наши солдаты. Нередко встречается их человека по два, по три, частенько и по одному, пробирающихся из одного укрепления в другое, или в какой-нибудь аул для покоса с половины. Оружия никакого. Расстегнутый, в одной рубахе, с сюртучком под мышкой, плетется себе спокойно, будто по своей сторонушке в Тамбовской или Вятской губернии. – Эй! кунак! Давай табак, моя – курить надо! Кричит ему с самоуверенным нахальством первый встречный Чеченец. – Ну, ну проваливая, бритая голова! Много вас здесь, на все не напасешься. – Не хочешь давай? С угрозой вопрошает горец, чувствуя себя царем пред пешим солдатиком. – Твоя давай не хочет? Повторяет он в том же тоне и тот-

час же с десяткою наивностью прибавляет: твоя казенный бик; черный чурек (хлеб) кушай! – А ты орда поганая, огрызается солдатик. – Сам ты орда, перебивает его рассерженный джигит, и начинает бесцельно кружиться вокруг пешого, вымещая при этом всю свою злобу на боках лошади. Байгум твоя! (бедный, говорится в презрительном смысле) – один рубах свой нет, все казенный, прибавляет он в заключение и оставляет солдата. – Орда так орда и есть, и твердить про себя воин, медленно подвигаясь по пыльной дороге. – Что ему делается? Вот разъезжает себе как шальной, и делать ему больше нечего. И что только начальство смотрит на них?… Рядом со мною с правой стороны едет мой переводчик Ибрагим, с левой милиционеров. Замечаю что Ибрагим с правой, потому что он никогда не согласится занимать место милиционера – это для него неприлично, как для старшого. Если мы едем с ним вдвоем, то он при встречах с Чеченцами старается быть непременно правым, тоесть показать себя старшим. Он впрочем уверен что я этого не понимая. – А что, Ибрагим, не махнут ли нам рысью до аула? Жарко очень стало, пора бы в холодок, говорю я и приударяю лошадь. – Погодите, Н. С., замечает переводчик. – Вон кто-то навстречу едет – неловко так, – и тоже приударяет лошадь и дергает к себе повод, будто джигитнуть хочет, а в сущности для того чтобы ни на шаг сзади. – Почему же неловко? Спрашиваю. – Да как же, при встречах следует шагом. Ведь мы не мальчики, чтобы скакать, добавляет он с чуть заметным оттенком пренебрежения. Ибрагим действительно никогда не решится на такую выходку. Это значило бы, по его мнению, уронить себя в глазах встречного Чеченца. Аул, в который мы наконец въехали, расстилался по легкому скату. Издали он казался кучкой мазанок для разных складов, и только высокие белые трубы, да зеленые сады, видневшиеся между строениями, напоминали о жилищах людей. Чтобы добраться до сакли старшины, нам пришлось проехать множество узких и местами грязных улиц и переулков, окаймленных с обеих сторон невысокими плетнями, за которыми виднелись фасады саклей с чистенькими площадками впереди. Собаки десятками кидались на нас со всех сторон, злобно обрывая хвосты у лошадей. Попадались кучи детей, смотревших на нас сначала с удивлением, и потом провожавших самою забористою русскою бранью. Во многих аулах недалеких от крепостей вошло в обыкновение наускивать детей на Русских если те показываются без солидного конвоя. За бранью, в роде: подлец, мошенник, бродяга, и пр. пускаются иногда в догонку комки грязи и камни, впрочем без намерения угодить в цель. Попадались и грязные оборванные старухи, с черным бельем за плечами, и группы солидных Чеченцев, медленно поворачивавших головы курить и разговариваю тмежду собою. Наконец, по указанию какого-то мы въехали к нему на двор, как два взрослые парня кинулись к нам на встречу, схватили за повода лошадей и помогли нам слезть. Вслед затем показался из сакли плотный старик, среднего роста, с окладистою красною бородой и с улыбкой на лукавом лице, в которой виднелась бездна гостеприимства. Он очень симпатично посмотрел на меня и, пожав мою руку, повел в саклю, где усадил на кровати в переднем углу, у единственного окошечка, а переводчика на ковре и подушках, постланных на полу. Сам же стал в выжидательной позе. – Ибрагим, обратился я к переводчику, – расскажи ему за чем мы приехали и в чем нужна будет его помощь. Все деле можно было передать в двух словах, но толмач, по своему обыкновению, говорил более получаса. Задавал вопросы, на которые получал немедленно ответы, волновался, жестикулировал, видимо в то же время наслаждаясь удовольствием от постоянных повторений дыкен-ду дыкен-ду (очень хорошо), сопровождаемых одобрительными киваниями головой. Пока он говорил, в саклю уже успели забраться человек пять Чеченцев, любопытствовавших узнать кто и зачем приехал. А когда он кончил, то старик-старшина повернулся ко мне, и улыбками, и киваньем головой старался выразить что он все понял и очень рад моему приезду, чему можно было и не поверить. – Да, хорошо! Много-хорошо! прибавил он в заключение, чтобы все-таки что-нибудь сказать. Потом отдал приказание сыну распорядиться насчет русского чаю, хоть было около полудни, и закуски, а сам, по моей просьбе, сел против нас на маленьком кругленьком стульчике. – Ничего нет нового в Грозной? Начал он расспросы

чрез переводчика. – Ярмарка скоро откроется – не слыхали? Я ответил. Понемногу разговорились. Старшине хотелось узнать скоро ли я кончу свои работы и какую награду получу за это, в каком я чине и сколько получаю жалованья? Сказанная мною очень ограниченная цифра, в ответ на последний вопрос, заставила его, как и всех бывших в сакле, выразить удивление. Цифра показалась им чрезвычайно крупною сравнительно с моими летами и лицом. Чеченцы не понимают чтобы молодой человек мог занимать хоть мало-мальски самостоятельную должность и получать порядочное, по их счету (сходному со счетом наших простолюдинов), содержание. Единственное логичное объяснение этому факту они ищут в заслугах отцов, по милости которых благоволят и к детям. Но если им сказать что положение ваше обусловливается только личными качествами, то они станут в решительный тупик. Люди во мнении Чеченца прежде всего делятся на стариков и молодых, на бородатых и безбородых. Первым должны быть почет, уважение, и разумеется лучшие места везде; обязанности последних являться послушными и расторопными орудиями в руках старших детей. Это в известной мере логично по отношению к жизненному складу этого народа. Все Чеченцы растут при совершенно сходной обстановке, все с детства проходят одну и ту же житейскую школу, все пользуются одинаковыми правами и незнакомы с сословными различиями. Так продолжатся уже много поколений, и уровень знаний и способностей приблизительно одинаков у однолетков. Кто больше прожил, тот больше видел, больше испытал, больше воспринял новых впечатлений, следовательно должен быть опытнее, сметливее, словом, сильнее в житейской мудрости. Индувидуальные особенности при таких условиях народной жизни очень слабы, так слабы что им отказывают в каких бы то ни было общественных преимуществах. Незначительные оттенки ума и характера пусть служат каждому в его личных делах, помогают ловчее красть, плутоватее наживать деньгу, или скорее других делаться идолом зульских красавиц. При общественной же оценке руководствуется критериумом поважнее, и таким здесь являются лета. – Его отец должно-быть был большим начальником когда ему молодому поручил такое важное дело? Обратился старшина к переводчику, ожидая разъяснения своему недоразумению. – Да, он сын генерала, служащего в Петербурге, брякнул Ибрагим, желая этим разом поднять и меня и свою особу. Объяснение всех удовлетворило. В саклю между тем вошли два старика и направились прямо ко мне. Все стали. Тот который был постарше (Джамалдин, как я узнал после) поздравствовался прежде с своими, потом приятельски протянул мне руку и жестом попросил всех сесть. Другой тоже подал руку. Затем оба заняли первые места на полу. – А что, кунак, обратился ко мне первый с улыбкой и ломаном русском языке, – табак твоя есть? – Есть. – давай я папироска делай. Табак мой совсем нет, ахча нет. Старик был в изодранной черкеске, без бешмета. Расстегнутый ворот грязной и дырявой рубахи выказывал наружу загорелую волосатую грудь. – Ваш есть царь, продолжал он, закуривая полученную папиросу, – деньга дает, твой табак есть, бешмет есть, черкеска есть…. Все есть; мой царь нет, табак нет, черкеска плохой…. Все…. Все улыбнулись. Замечу что Чеченцы с особенною любовью напирают на этот аргумент в обыкновенных неслужебных разговорах. Мы и богаты, и в чинах, и большие должности занимает только потому что правительство у нас свое, а им оно чужое. Они бедные в загоне; в них вечно обижают; по их желанию ничего не делают; в них не признают ни особенного ума, ни особенной силы. Награды, чины, жалованье получают всего каких-нибудь трое, четверо из сотни. Напрасно бы вы стали им доказывать что царь на всех смотрит одинаково, или что в настоящее время с ними поступают в сотню раз лучше чем с русским простолюдином. Пусть ваши доказательства подкрепятся самыми очевидными указаниями на солдат, или соседних казаков, положение которых им хорошо известно: исчислите им пожалуй доход и расход в стране, укажите на все полезные преобразования, где труд и деньги русские, тогда как все выгоды принадлежат пока им одним, ваши слушатели все-таки останутся при своем убеждении. Джамал-эден или проще Джамалдин заговорил со мною с полнейшею фамильярностью; он будто и смеялся надомною и старался в то же время казаться смешным в моих гла-

зах, чтобы мне не пришла охота обидеться его шуточками. Через несколько минут мне было известно что старик очень любит араку (водку), чрезмерно падок до женщин, и сожалеет что не может часто бывать в крепости; свои же его не любят за то что байгум (бедный) и бороды не красить. Через полчаса он уже совершенно панибратски хлопал меня по плечу, отпуская при этом сальные шуточки, которые его же всех больше тешили. Спросил мою фамилию и начал немилосердно ее коверкать, будто затрудняясь произнести правильно; без спроса взял из портсигара вторую папиросу; примерил мою фуражку на бритую голову, словом, все время разыгрывал какого-то шута. Но за всеми его выходками проглядывала между прочим тонкая ирония. Он издевался над добродушным «Урусом» (Русский); он говорил мне дерзости и этим хвастался пред своими, но говорил в своеобразной и безобидной форме. Добродушное презрение к представителю нелюбимого им народа так и сквозило наружу из-за его беспрерывных шуточек. Остальные Чеченцы лукаво и весело смеялись. Джамалдин очевидно слыл между своими за славного малого, вечно веселого, оборванного и голодного. Он был непременным членом всех свадебных, похоронных и прочих пирушек, и не упускал, конечно, случая поесть свежей баранины на чужой счет. Таких в аулах много. Они зорко следят за всеми случаями по поводу которых соседи режут барана, и непременно являются к ним к ужину. По праву стариков, получают первые места в компаниях и наедаются очень плотно. Только такая эксплуатация народного обычая и дает им возможности съедать хоть когда-нибудь питательный обед. Дома же, за отсутствием другого, они довольствуются сыскиль (кукурузный хлеб) с бараньим сыром, размягченным в масле, заменяя это блюдо ото молоком, то огурцами, то даровым виноградом или сливами, то лесными фруктами, смотря по времени года. К общественным делам такие старики чрезвычайно чутки и нередко дают замечательно умные советы. Если муллы в Критические минуты говорят народу разные очень нравственные притчи, то джамалдины увлекают его анекдотцами, метким словцом, или гаерской выходкой. Над некоторыми из них смеются, когда они сами на то напрашиваются, но вообще их уважают, слушают, разумеется если он из хорошей фамилии, что между Чеченцами составляет очень важную статью. Но при всем том следует заметить что такие характеры не популярны в народе, а теперь их значение решительно падает. Старшина, у которого я был в гостях, принадлежал к тому же типу, но как зажиточный хозяин и должностное лицо притом, держался солиднее. О Русский он имел кажется гораздо лучше мнение. Другой старик, гораздо моложе Джамалдин, выглядел совершенно иначе. Платье на нем было безукоризненное: из тонкого сукна черкеска, высокая папаха, новые чювяки и вполне модные ногавицы, каждая из двух кусков сукна, коричневого и черного цветов. Лицо смахивало на монгольское своим желто-бледным цветом и опустившимися уголками глаз. Во время нашего разговора с оборванным патриархом, Баргиш (имя этого старика) только меня и слушал, на мои слова отзывчиво кивал головой, а шуточкам Джамалдина почти вовсе не смеялся, или смеялся каким-то внутренним затаенным смехом. В манере его держаться проглядывала какая-то приторная угодливость. Стоило мне или переводчику протянуть руку за кувшином с водой, как он предупредительно хватался за него и подвал нам. Ибрагим что-то стал разыскивать вокруг себя, и Баргиш поспешил осведомиться в чем дело. Если я оглядывался, его глаза направлялись в ту же сторону, а когда я встал, он первый поднялся с места, хотя Джамалдин продолжал себе сидеть спокойно. По чеченскому обычаю, если кто-нибудь из компании встает, то все кто младше его летами должны также подняться с своих мест и стоять обыкновенно до тех пор пока тот не сядет опять или не произнесет любезного «уаха» (сиди), сопровождаемого картинным движением руки. Относительно Русских, старших большею частью по своему положению, а не по летам, держатся различно. С чиновником значительным или нужным обходятся по всем правилам народной вежливости; пред людьми низших степеней встают прежде всего служащие; из остальных же кто только вид показывает что готов встать, кто вовсе не трогается с места; но есть и такие, к числу которых принадлежит и Баргиш, что вскакивают уже через чур предупредительно. Теперешняя молодежь впрочем менее цере-

монится с нами. Пользуясь случаем, Баргиш тотчас начал расспрашивать о разных окружных делах, о слухах в крепости по поводу недавно случившегося крупного убийства, о времени приезда Великого Князя, о том будет ли война и пр. Возражений он не делал, а принимал мои слова с какою-то намеренно школьною верой, будто пред ним гласила сама мудрость. Чеченец этот был один из тех мелких хитрецов, которые составляют так-сказать под-породу, или вторую степень хитрецов крупных, довольно многочисленных в народе. Он вечно суетится, всем угождает, обо всем старается знать и многозначительно мотать себе на ус. Ему кажется что он хитер и проницателен, но никто не видит в нем этих качеств; все, напротив, смотрят на него как на вторую степень хитрецов крупных, довольно многочисленных в народе. Он вечно суетится, всем угождает, обо всем старается знать и многозначительно мотать себе на ус. Ему кажется что он хитер и проницателен, но никто не видит в нем этих качеств; все, напротив, смотрят на него как на очень обыкновенного, даже ограниченного малого. Выдержки в его характере нет никакой. Сегодня он ваш, завтра завербуется в противоположный лагерь. Предложите ему отправиться вместе на воровство, он согласится, да может-быть завтра же донесет на вас кому следует, или из желания оградить себя от ответственности, или из желания подслужиться начальству, и просто по безалаберности натуришки. Донощики именно из этих людей и выходят. Он то дерзок, то труслив. Его пожалуй можно за бесценок подкупил на убийство, но в другое время он трусливо переносит обиду. В Душе он подл, но на крупное дело его не хватает, а в мелочах пересаливает на собственную голову. К Русским ему чрезвычайно хочется подслужиться чтобы воспользоваться кое-какими земляными благами. Но и тут он не успевает. Намеренная услужливость и подобострастие с его стороны наводят вас на мысль что из него можно сделать хорошего, расторопного слугу, хотя приближать его к себе вовсе незачем. Так вы и начинаете на него смотреть, и Сам он невольно втягивается в свою роль. Таких добровольных и хитреньких холопов из Чеченцев можно насчитать целые десятки. По расторопности, угодливости эти люди не заменимы. Хоть мысль о серьезном вознаграждении за лакейство и не оставляет такого Чеченца, но исполнение ее с каждым днем отодвигается все дальше и дальше. Даже в ту минуту когда ему кажется что цель уже достигнута, непременно случится так что кто-нибудь перешагнет ему дорогу. Только в милиционеры и попадает и то по хлопотам чиновной родни или за взятку влиятельному туземцу. А сделайте Баргиша, ну хоть старшиной в ауле, он через полгода запутается в собственных же сетях. Начнет с того что свяжется с ворами, будет потакать и помогать им. Людей незначительных в аульном обществе примется давить, старикам кланяться, а пред начальством, если нужно, говорить против собственных же интересов. Фамилии он наверное незначительной, и свои его в грош не ставят, что служит для него не малым источником сетований. Баргиш всегда кому-нибудь служит и кому-нибудь подражает. Являясь орудием в руках хитрецов крупных, он от них же заимствует свои признаки. – Отчего это юнкер из Русских скорей получает офицерский чин, тогда как из наших служат, служат юнкерами, а чина не получают? Обратился ко мне Баргиш чрез переводчика, когда был подан чай и все понемногу сдвинулись к столику, на который поставили деревянный поднос. Замечу что многие из Чеченцев никогда не обращаются к нам на ломаном русском языке. Другой и порядочно объясняется, но все-таки считает нужным приберегать к посредству толмача. Зачем правоверному поганить себя произношением слов на языке христиан, если в этом нет крайней надобности? Впрочем этот остаток прошлого и между ними становится анахронизмом. Гораздо чаще политикуют в этом отношении в надежде прислушаться в откровенной беседе Русских. У дверей между тем число любопытных становилось все больше. Было несколько человек средних лет, но большинство – молодые люди. Среди взрослых виднелись мальчуганы лет 10 – 12 с длинными кинжалами или пистолетами за поясами. Кроме двух-трех одетых щегольски, вся компания выглядела довольно растрепанною. Безобразная папашка на голове, до невероятности дырявый бешмет, оборванные чювяки на ногах и грязное подобие нижнего белье не слишком гармонировали с выразительными и бойкими лицами Чеченцев.

Кто посолиднее сосали маленькие трубочки, набитые махоркой; у других красовалось в зубах какое-то подобие папиросы, сделанной из обрывка от кукурузного листка. Между молодежью виднелись настоящие красавцы. Один из них мне особенно врезался в память: продолговатое лицо, крупные и правильные черты, большой прямой нос, чуть загнутый книзу, тонкие губы и большие глаза, обрамленные длинными ресницами – все напоминало собою тип Кавказца, каким мы привыкли изображать его на наших картинках и каким он запечатлелся в воображении Европейца. А стройный стан и тонкая талия, охваченная узеньким ремешком, и эта натуральная красота всех движений, эта быстрота и легкость сами собою говорили о джигитских качествах молодого человека.

II. Когда мы напились чаю и были стаканы, сыновья старшины кинулись из сакли и внесли таз, кувшин из красной меди и домашнего изделья мыло темно-мраморного цвета. Я первый должен был совершить операцию омовения рук, за мною старший старик, затем следующий и т. д. Грязное полотенце для утирания переходило из рук в руки тем же порядком. И здесь опять обычай, с которыми буквально сталкиваешься на каждом шагу, как только попадешь в чеченскую территорию. Если первый откажется помыть руки (русские составляют исключение), или, – что еще комичнее, – помогает, но полотенцу для утиранья предпочтет свой платок или полу бешмета, то остальные, и не имеющие платков, и не желающие пачкам бешметов, все-таки не должны дотрагиваться до заветной тряпицы, а так и остаются с мокрыми руками, пока вода не испарится сама. По этому случаю существует даже странное убеждение что воздух лучше вытирает чем полотенце. Подали закуску, состоявшую из кукурузных блинов с тонким пластом сыру, вложенных в средину. Наш обед заменяется у Чеченцев ужином. Днем только кое-что перехватывают, к вечеру же затапливают камины и варят что-нибудь горячее. Баран, который режется хозяином для именитых гостей, подается всегда в это же время. От именитых гостей, подается всегда в это же время. От того если заехать к Чеченцу после ужина, от которого обыкновенно ничего не остается, не исключая и хлеба, то можно надеяться пробыть целые когда на огромном деревянном подносе, формы мелкой тарелки, подадут целого барана, лишенного только (кроме внутренностей) головы и груди. Эти почетные части подаются большею частью особо, и если старший в затрапезной компании не заблагорассудит их испробовать, то оставляются до следующего утра. Ели сначала молча, медленно и солидно, будто в то же время и думу думали. Старшина то и дело любезно подкладывал мне и переводчику лучшие куски. Стоявшие у дверей смотрели нам прямо в глаза, картинно опустив руки на оружие. – Как это Русский звать? На вытерпел наконец болтливый Джамалдин и указал на блины. Я сказал. Некоторые тихо повторили. – А это? А это? Спрашивал он дальше, указывая поочереди на кувшин, полотенце, зеркало и пр. – А твой скажи: румра, иевлакъ, кузьга, и пр., учил он меня чеченским названиям тех же вещей, когда узнал от меня русские. Слова с гортанными звуками я произносил неправильно. Чеченцы тихо смеялись. – А что, твой деньга есть, арак не тащит? Твой арак давай! Балясничал старик в тоже роде. Как только поели, тот же поднос с блинами перенесли в противоположный угол, к дверям, где его тотчас же окружили молодые люди, и присев на корточки, принялись уписывать остатки. Тем временем нам подали все принадлежности умыванья, в которых чувствовалась настоятельная необходимость: на руках у всех лежали целые пласты остывшего сала. Ели, разумеется, без всяких вспомогательный орудий. Началось полоскание ртов с различными отхаркиваниями. Ибрагим и тут отлучился как всегда. Он дольше всех полоскался, красиво отплевывался, фыркал и несколько раз пускал по направлению к камину тонкие струи набранной в рот воды: важничал. В сакле однако стало нестерпимо душно от множества людей и своеобразного чеченского запаха. Меня гнало на двор освежиться, но я все-таки досидел до окончания трапезы в противоположном углу. Чеченское приличие требует непременно оставаться на своем месте пока не поедят все. Но всему бывает конец. Когда и последние остатки выскребли из подноса, все стали подниматься и выходить по немногу. Я, разумеется, поспешил вырваться из пекла

и поместился в тени пред саклей. Здесь было хорошо. Кругом чисто; легкий ветерок и освежает и успокаивает. Шагах в десяти от меня сидели две хозяйские дочери и сучили нитки. С моего приезда они несколько раз украдкой любопытно заглядывали в саклю, но я не обратил тогда на них внимания. Теперь представлялся случай рассмотреть их ближе. Старшая, на вид лет семнадцать, была в длиной желтой рубахе, без пояса, широких красных шараварах и маленьких сафьянных туфлях с высокими каблуками на турецкий манер; на голову была накинута легкая шаль, не повязанная концами. Из любопытства она повернула голову в мою сторону, и я увидел глубокие черные глаза с длинно-длинными ресницами и густыми бровями, лицо чрезвычайно нежного и смуглого цвета, довольно большой тонкий нос, средней величины рот, тонкие розовые губы и слегка выдающийся подбородок. При взгляде на это красивое, живое и странное лицо, я почему-то вспомнил тез безобразных старух которых встречаешь в этом народе. Младшая, лет двенадцати, была только в одной длинной коричневой рубахе; ноги босы; стриженная голова с оставленною в круговую тонкою полосой волос, вершка в два длины, ничем не покрытая; руки загорелые. Круглое, несколько плоское лицо, с мелкими невыразительными чертами, нисколько не напоминало красивого профиля сестры видно было что они от разных матерей. Операция сучения ниток сестры производили довольно глупо. Две насученные нитки, длиной аршина в два, складывались вместе: один конец прикрепляли к ноге и другим сучили до нужной степени; затем нитку протирали лоскутом матери и откладывали в сторону. Так же скручивали другую, третью и. д. Этот первобытный способ довольно общеупотребителен, хотя Чеченки хорошо знакомы и с другим способом скручивания при помощи веретена. Сидя на стульчике и дружески перекидываясь русскими и чеченскими словами с окружившею меня молодежью, я как-то вынул порт-сигар и открыл его. Вещица видимо заинтересовала красавицу. Я это заметил и протянул руку в ее сторону. Девушка легко встала, взяла порт-сигар в руки и с наивным удивлением начала его рассматривать. Более минуты она его перевертывала, открывала и проводила тонкими руками по красивым вышивкам, очень может-быть что в сердце ее в это время смутно закрадывалась зависть к русской женщине, дошедшей, как она должна была думать, до такого искусства в вышиваньи. Ей, разумеется, и в голову не приходило что в ее руках машинная работа. Затем красавица любопытно взглянула мне в лицо и быстро возвратила вещь назад. Замеченная мною девушка по лицу и стану не из распространенного типа в Чечне. Гораздо чаще встречается другой разряд женских лиц. Кругловатое смуглое лицо, здорового лоснящегося цвета с сладострастно округленными чертами, небольшой мясистый нос, плоский лоб, обыкновенно на половину покрытый обрезанною прядью волос, черные глаза с паволокой, без выражения, широкой рот и остроугольный подборок. Такая женщина или девушка довольно высока ростом и не особенно стройна, в роде наших купеческих дочек. В общем такая Чеченка производит довольно приятно впечатление. Наивною улыбкой и детским чрезвычайно музыкальным лепетом она напоминает о своей умственной простоте и склонности к послушанию; за то ее румянец во всю щеку и полный округленный стан, ее томный взгляд и роскошные черные волосы раскинутые скобками по сторонам лба, ясно говорят о расположении к сладострастию и неге. Разыгравшаяся фантазия наших поэтов тридцатых и сороковых годов наделила Чеченку разными идеальными качествами: чувствительностью, самоотверждением, романическою страстностью и пр., которых в действительности и в помине нет. Правда, нельзя отказать чеченской женщине в известной степени силы воли и энергии. Здешние старожилы помнят много эпизодов из прошлого, когда Чеченка, если не выходила драться с врагами, за то очень смело и очень коварно защищалась в минуту опасности. Кровь джигитов течет и в ее жилах. Но это случалось в исключительный момент ее жизни, при обыденной же обстановке она вовсе не такова. Природная энергия до такой степени парализована в ней всем складом народной жизни этого полудикого и к тому же мусульманского племени; она так подавлена и невежеством, и традиционными понятиями о ничтожестве ее роли в семействе и даже вообще на земле, что, по правде сказать, и не может блистать какими-либо

доблестями ума и сердца. Чеченка до замужества – это простая девушка, живущая чисто растительною жизнью. Она хорошо ест, весело болтает, еще веселей смеется, любит потанцевать, но и мастерица на все тяжелые работы, не капризна и неприхотлива, безусловная исполнительница воли матери. Она больше всех работницы в доме и больше всех пассивное лицо в семействе, но это нисколько не мешает ей весело смотреть на весь Божий мир. Любовь к цветным тряпкам, к побрякушкам украшающим эти тарелки, склонность к скромному жеманству пред мужскою молодежью, склонность к сплетням и пересудам от нечего делать – вот почти весь ее внутренний мир. С летами такая девушка становится страстною по физической потребности. Закулисные тайны брачной жизни не выходят у ней из головы, составляя нескончаемую тему интимных разговоров с опытными подругами. Сделавшись женой, Чеченка на первых порах глупеет от новой жизни, потом понемногу привыкает к своему положению работницы, рабыни и любовницы. Верность такой жены обусловливается конечно не нравственною чистотой, а трусостью пред общественным мщением своего повелителя, которому недолго и без носа ее оставить, на что он имеет право по обычаю. Очень часто случается впрочем и более трагичная расправа, хотя презрение общества и недовольство Чеченцы-мужа не такого рода безделицы чтобы их легко было перенести. Но и у замужней женщины – Чеченки бывает благодатная пора в жизни, это, так-сказать, самый блестящий фазис ее развития. Прожив с мужем лет девять-десять, она уже перестает быть пассивным лицом в доме, а становится более или менее самостоятельною хозяйкой. Муж в некоторых случаях не прочь с не и посоветоваться; подрастающие дети к ней почтительны и послушны. Она уже не находится под руководством какой-нибудь желчной старухи, но сама размышляет, заботится. Да и работа ее не утомляет, а удовлетворяет только вкоренившейся привычке вечно что-нибудь делать для увеличения домашнего достатка. И славно бы так дожить свой век «но не то себе пало на долю». Увлеченная мелочными заботами по хозяйству, она постепенно делается грязнее неряшливее. Печать страстности на лице понемногу заменяется печатью вседневной хлопотливости и экономической думы. На теле следы пресыщения; в голове мысли о муках ада и очень близком светопреставлении; сухие холодные губы все чаще шепчут слова молитвы. Все это в глазах Чеченца вовсе не придает красоты его подруге. Неблагодарный муж, больше почитатель женской красоты чем женского ума, к которому во всяком случае относится скептично, затевает новую свадьбу и приводит в дом вторую жену. Между женщина начинается глухая борьба (открыто старшая попрежнему господствует), результатом которой бывает то что получившая отставку становится молчаливее, грязнее, еще усерднее начинает доить коров и бить масло, еще чаще твердить молитву и ругать молодежь. А на высохшем и пожелтевшем лице является страдальчески-злобное выражение. Не все Чеченки проживают намеченные переходные степени. Некоторым вовсе не случается сделаться полновластными хозяйками, так как жены вводятся в дом чрезвычайно скоро одна за другою. Особенно плохо приходится иногда женам состоятельных Чеченцев, имеющих по дне, по три и более подруг жизни; и хуже всего то что такой Чеченец часто из самодурства прогоняет от себя чем-нибудь неугодившую ему жену домой к родным. А там ее ожидает однообразное и скучное прозябание. Следует заметить что старухи-метери вообще не могут пожаловаться на отсутствие заботливости о них со стороны детей дочери преимущественно им угождают, и вовсе не по любви, а по требованию обычая. Везде господство обычая, являющегося в частных случаях то нелепым, то разумным, но в общем все-таки бессмысленного и деспотического, так как в основе его нет никакой идеи, и так как он сковывает все мельчайшие проявления индивидуализма. – Отдохнуть не хочешь ли с дороги? Спросил меня дошедший старшина. – В сакле теперь никого нет; а окошечко я сейчас запру чтобы тебя мухи не беспокоили. Говоря это, он добродушно суетливо начал сдвигать две толстые необделанные дощечки, заменяющие наши ставни. Я отказался, а самого старика упросил прилечь и выспаться, если он к этому привык. Поручив меня заботливости своих сыновей, старшина ушел в другую саклю. Ко мне между тем подсел переводчик и начал рассказывать как он распо-

рядился относительно занятий следующего дня. – А чтобы лучше указывали местность, прибавил он, – я велел быть с нами старшине, его помощнику, трем почетным старикам и двумтрем из молодых людей для услуг в случае надобности. – С какой же стати так много? Возразил я – Сколько раз говорил тебе, Ибрагим, чтобы как можно меньше беспокоить народ? Ну, старшина или помощник, два знающих местность старика – и довольно. – Да они сами этого хотят, так зачем меньше брат, возразил он с неудовольствием. В словах переводчика была отчасти правда. Почти ничего не делая, и вечно интересуясь знать все и вся в распоряжениях начальства, Чеченцы готовы по поводу уничтоженного факта сесть на лошадей и целым аулом сопровождать вас. Лежанье и болтовня прискучили, своей надобности съездить куда-нибудь не имеется, а неугомонная кровь требует развлечения, и вот тут то приезд какого-нибудь чиновники совершенно кстати. Уже наверное представится случай покрасоваться на застоявшемся коне, пошуметь, поспорить, выказать свои диалектические способности, а может-быть и поджигитовать, пострелять в чью-нибудь убогенькую папашку, изредка и песню покричать хором. Но Чеченец большой политик и с тонкостью различает наезжающих к нему гостей. Дешевые овации устраиваются только любителям их, расположенным корчить из себя влиятельных лиц. Ко мне же это не относилось. Цель моих поездок была известна по всем округу и старшинам сообщалась только для формы. Сам я тоже давно им присмотрелся и, по правде сказать, слыл между ними за очень не важную птицу. Потому я уверен что десяток проводников садились на коня лишь по прихоти переводчика, которому нравилась важность и картинность подобной кавалькады. – Ля илъля-иллялях! (нет Бога кроме Бога), медленно и нараспев произнес Ибрагим после небольшого молчания, проводя обеими руками по лицу со лба до кончика бороды. – Время намаз сделать (совершить молитву), прибавил он про себя. – Эй-Кант! (молодые люди) принесите воды, обратился он к стоявшим около нас молодым Чеченцам. Один кинулся за принадлежностями омовения, другой приготовился стягивать с толмача чювяки и новагицы, третий принес из сакли ковер и раскинул его на чистеньком месте. После длинного и церемонного омовения рук, ног и лица, Ибрагим стал на ковер, крепче надвинул папаху, опустил вниз руки и начал молиться вслух, поминутно меняя тон голоса, распевая то тихо, то громко, то страстно и благоговейно, то с какою-то намеренною усталостью, с гримасой муки на лице, будто едва вырывая из гортани хриплые звуки. Неприятно смотреть на подобного молельщика. Все Чеченцы строго исполняют обряды омовения и молитвы, как, впрочем, и остальные обряды. Очень редкие из молодежи позволяют себе на стороне вольнодумничать, соединяя двукратное моление в одно попространнее. Но обрядовою стороной и кончается в большинстве случаев религиозность Чеченцев. Думать что все они религиозные фанатики большая ошибка. Этим любят иногда щегольнут, прикрыть свои грешки, в особенности в преступлениях против Русских. Отчего, например, не заявить что убийство христианина совершено для спасения души, что чем больше не совести накопится таких преступлений, тем скорей угодишь в рай Магомета? Недавно, например, ранили в Чечне солдата. Он шел с покоса в укрепление, лежавшее от его пути не более как в полутора верстах. Встречается ему Чеченцев. – Эй кунак, давай табак, моя – курит мало-мало надо! Обращается он с обычною просьбой к солдату. – Проваливай, брат, проваливай! Много здесь вашего брата ходит, на всех не напасешься! Возражает ему солдат такою же обычною фразой. – Давай твоя не хочет? С угрозой спрашивает сын гор – Степай!… Раздается пистолетный выстрел, и жертва легкомысленного и взбалмошного дикаря, оскорбленного дерзостью ответа, падает с раздробленным плечом. Чеченца тотчас схватили. На вопрос о причине его поступка он просто не мог объяснить того чувства оскорбленного самолюбия и мгновенно вспыхнувшей ненависти к нашему солдату что подняли его руку, а начал оправдываться тем что «урус собака, его надо убивай, и пр. Но религиозных в строгом смысле слова очень мало, хотя выдаются и настоящие фанатики. Мне случалось видеть Чеченцев молившихся часа по полтора каждый раз, следовательно семь с половиной часов в сутки. Эти молились так что со стороны становилось жалко их. Каж-

дое слово молитвы произносилось с глубоким чувством и соответствующими телодвижениями и поклонами. Богомолец приходил, наконец, в экстаз. Пот с него лил градом; дыхание становилось редким и тяжелым, взгляд уходил внутрь, а голос звучал безотчетным блаженством. Но, повторяю, большинство и молится по привычке, обычаю, а не редко только из боязни общественного презрения. К числу последних принадлежат те кому удалось хватить несколько глотков воздуха чужой жизни. На стороне они не прочь, пожалуй, и поманкировать своими обязанностями к Богу. То омовения совершить некогда, то настроить себя на религиозный тон нельзя и пр. но при случае усердствуют безгранично. Учение Магомета – это смесь чувственных представлений, обещаний и требования с массой мелких истин обыденного здорового смысла и мистических бредней, которыми пророк силился выяснить сущность мироздания. Не трудно понять которая из этих трех частей Корана совпала с характером горца. Полудикий и воинственный, склонный к хищничеству и набегам, который ежеминутно жертвовать своею жизнью из одного молодечества, из хвастовства пред аульными красавцами, или под влиянием первого ощущения, Чеченец естественно должен был увлечься проповедью о преследовании неверных, об успокоительном фатализме, о блаженстве и гуриях в раю, ожидающих погибшего смертью газавата (смертью за веру, такими считаются все павшие в борьбе с Русскими). Его дикие инстинкты нашли здесь и цель и оправдание. И он поспешил принять религию драк и красавиц. Любопытно что в кавказском обществе распространено мнение будто Чеченцы в относительно недавнее время (90 лет тому назад, как сказано в одной книжке о кавказских горцах) были христианами. Не входя в литературу этого вопроса, укажу два аргумента в опровержение многими признанного факта. Первый – это убеждение Чеченцев – старожилов что христианами они никогда не были. Один почтенный старик ручался мне в том более чем за пять поколений. «Еще мальчиком я слышал от старого деда что наш народ никогда не был крещеным.» Другая дряхлая старуха говорила что наверное прошло не менее 12-ти поколений с тех пор как они приняли учение Магомета, до этого же времени, как она слышала от стариков, у них веры не было вовсе, а люди делали что хотели. В преданиях фамилий об их родоначальниках обыкновенно говорится что с того времени прошло уже 8, 10, 12 поколений, но всегда предполагается родичи были мусульманами. Если поколением обозначить 25 ти-летний период времени, а Чеченцы обозначают больше, то получим от 200 до 300 лет, когда магометанство уже существовало в народе. Многие из народа не прочь пожалуй утверждать что учение аравийского пророка приняли здесь очень недавно, а до того не знали никакой определенной религии. Но их свидетельство следует понимать в том смысле что само магометанство окрепло и выяснилось в народе только со времени появления в горах имамов (в 1830 году). Имамы потребовали однообразного и строго исполнения обрядов; они ввели религиозное судопроизводство (шариат), они утвердили на сколько могли правила нравственности, проповедуемые Кораном. Это и послужило причиной народного мнения будто мусульманство введено только с началом их господства. Другой аргумент тот что сколько ни вникаешь в народное миросозерцание Чеченцев, сколько ни присматриваешься к их жизни и обычаям, сколько ни присматриваешься к их жизни и обычаям, сколько не прислушиваешься к их мнениям и преданиям старшины, нигде и ни в чем не находишь следов христианства. Так, разумеется, не могло бы быть, если бы Чеченцы хоть одно столетие, хоть поверхностно пожалуй услышать уверения что народ действительно был крещен до водворения магометанства. Но свидетельство ничем не подтверждается; к тому же в Чечне и теперь еще считают христианство чем-то в роде идолопоклонства, и потому многие не прочь отождествлять свое прошлое язычество с нашею верой. Трудно, конечно, произнести теперь решительное мнение по этому вопросу. Свидетельства стариков могут быть ошибочны. Отсутствие каких бы то ни было памятников христианства также может – быть только кажущееся. Вопрос еще требует разработки. Во всяком случае если уже делать предположение, то я скорее склонен думать что магометанство принято Чеченцами по крайней мере лет 300 или даже более тому назад, хотя с тех пор до появления имамов,

оно играло очень незначительную роль в истории народа: его вовсе не понимали и относились к нему с полнейшим равнодушием, продолжая жить по обычаям и поверьям предков. Рядом с ним, очень вероятно, шло и язычество, что вовсе никого не смущало. С другой стороны, есть вероятие думать что в то же время Чеченцы уже были знакомы и с христианством, хотя исповедовало его очень ничтожное число фамилий. Христианство могло быть внесено европейскими миссионерами, но оно играло такую ничтожную роль, вероятно, так мало привлекало симпатии горцев что быстро и без борьбы стушевалось пред исламом, как только он принял характер религии народной.

III. Читатель не забыл конечно что переводчик молится. Тем временем познакомимся вкратце с его биографией. Ибрагим Джупуртиев принадлежит к довольно распространенному типу Чеченцев. Большинство таких в настоящее время занимают самые разнообразные служебные должности, от видного начальника до простого переводчика или милиционера и поглощают знатную часть суммы расходуемой на администрацию народа. Основные черты этого типа таятся в зародыше во всей чеченской народности; нет Чеченца на котором бы не лежал их отпечаток. Личности же подобные Ибрагиму являются полнейшим и рельефнейшим их выражением и, очень вероятно, получили эту полноту в минувшую, беспокойную эпоху. Ибрагим красив, солиден и ловко сидит на коне. Правильное, с крупными чертами лицо покрыто какою то маской, за которою нет никакой возможности проникнуть в его мысли или чувства. Он будет надувать вас, или намеренно говорить правду, или с нетерпением что нибудь выпытывать, всегда с одним и тем же выражением в лице. Говорит он по-русски бойко, красно и несколько напыщенно. В интонации его голоса всегда много видимого чувства и какого-то драматического огня, нисколько впрочем ни сердечного. Это ловкий оратор на какие угодно темы и за и против. Манера говорить торжественно и драматично вытекает должно – быть из самого характера чеченского языка, бедного словами вообще и богатого вариациями одних и тех же слов. Ходит он мерно и величественно, глядит холодно и одевается в высшей степени безукоризненно. За то смех его иногда до того действительно добродушный, звучит таким детским весельем что в такую минуту можно почувствовать к нему живую симпатию. Чеченцы вообще смеются хорошо и много. Малейший намек на остроту, чуть оригинальная выходка или перифраза, иногда оно намерение кого-нибудь поспешить остальных уже достаточно чтобы заставить этих наивных людей хохотать до упаду. От меткой остроты не унимаются в течение нескольких часов, и старики обыкновенно заливаются даже более молодежи. В этом они удивительно схожи с детьми. Прошлое Ибрагима я узнал в часы монотонных переездов из одного аула в другой. С Русским он любит поговорить о себе и не упускать случая при этом хвастануть ловко придуманными подвигами, или бесцеремонно перенесенными с другой личности на себя. Он бы разумеется не стал мне рассказывать, еслиб угадывал что его прошлое меня вовсе не очаровывает, а производит совсем противоположное ощущение; он бы не фантазировал, если бы хоть на минуту допустил что я могу отличить ложь от истины. Но такова сила своеобразного умственного склада, исключительного понимания хорошего и дурного что даже такой умный, как мой толмач, несмотря не знакомство с Русскими, был вполне уверен что своим прошлым возвышается в моих глазах; а убеждение что простодушный урус, по своей тупости, примет какую угодно фальшь за истину, давало ему смелость до роскоши развивать свои вымыслы. Нужно долго пожить между Чеченцами чтоб узнать какого они низкого мнения и о наших способностях, и о наших нравственных качеств. Они глубоко убеждены что мы глупы и простодушны. Многого, ясного для них как день, мы, по их мнению не в состоянии понять. Надуть нас решительно ничего не стоит. В частной и общественной жизни, мы все делаем навыворот, наши суждения о людях всегда ошибочны, щедроты нашего начальства всегда сыплются на тех кто их менее всего заслуживает. И ничего-то мы не выдумали, а все перенимаем от других, то с Запада, то от мудрых, сильных и богатых Турок, то наконец от них же самих, например платье и оружие для казаков. И храбрость наша (Чечен, само собою разуме-

ется, храбрее всех людей в свете), более чем сомнительна, и деремся мы без всяких разумных приемов. Солдат наш самое грязное и тупое существо. Начальство лучше, но и тут за очень немногими признаются достоинства настоящих джигитов. На всех же остальных смотрят свысока, не исключая и лиц влиятельных. О лицах царской фамилии и высших сановниках имеют, впрочем какое-то мистическое представление, сходное с представлением нашего простонародья. Любопытно их деление Русских на настоящих и не настоящих, к которым относят Немцев, Грузин, Армян и пр. Настоящий Русский, в этом они сильно убеждены, человек в высшей степени добрый, снисходительный, прямодушный и справедливый; настоящий Русский никого никогда не обижает, а напротив всем покровительствует; он всегда богат и живет роскошно, не желает копейки, за услуги платить щедро и зла никогда не помнит. И многое бы произошло на Кавказе не так, если бы побольше поселили этих фантастических Русских, думает Чеченец, но пача (царь) ими дорожит и не отпускает их от себя. В этом представлении так много идеализации что трудно допустить чтоб оно образовалось путем действительного знакомства с подобными Русскими, хотя очень может быть что некоторые краски заимствованы из жизни тех баричей что во время оно появлялись в рядах Кавказской армии. Оно является скорее протестом против служащих по народному правлению, которых Чеченцы вообще не любят. Вот что я узнал о прошлом Ибрагим Джупурчиева. Во время войны он принадлежал к обеим враждовавшим сторонам. И той, и другой оказывал неоценимые услуга, в той и другой, то приобретал доверие, то преследовался как изменник. Не раз ему грозили и русская виселица, и Шамилевское «башка долой», но он всегда ловко увертывался от наказания чтобы снова заслужить доверие, набить карманы нашим золотом и снова изменить. Много их было тогда рыболовов в мутной воде. Проделки их знали, но они были не заменимы, и их терпели. Для этих людей, служивших только личной корысти, было решительно все равно, какой ни случится исход войны, лишь бы война продолжалась. В критическую минуту Ибрагим без зазрения совести шел на одноверцев, отстаивая интересы Русских, а на другой день пускал пули в бывших друзей. Закаленность его натуры удивительная; он мог целые сутки не слезать с коня, по целым неделям довольствоваться сухим куском чурека. Бурка укрывала его от непогоды, конь уносил от преследования, балка служила для укрывательства. По характеру он смел, дерзок, нахален, хитер и изворотлив. Он никого не любит; в нем не возбудишь сожаления; но он умеет долго и сильно ненавидит, а отомстить тогда когда обидчик всего менее ожидал этого. Себя вообще он считает чрезвычайно умным и сметливым, потому смотрит на всех свысока и никогда ничему не удивляется. Если вы ему что-нибудь рассказываете, он всегда невинный вопрос, то уж наверное со скрытою целью; если что-нибудь сообщает по секрету, то для того чтобы вызвать на откровенность, заставить проболтаться. Добро и зло для него вещи безразличные. Личные выгоды – критерий всех поступков. У него только две страсти: К деньгам и тщеславию. За деньги он продаст себя, вынесет самое жестокое оскорбление, хоть и постарается отомстить за него, когда представится к тому случай. Скряжничество отчасти общая черта Чеченцев, но в таких личностях оно дошло до столпов безобразия. Имея тысячи, он плачется на бедность, всегда готов протянуть руку за ничтожною подачкой и склонен дрожать над копейкой. Какая-нибудь пяти – рублевка в состоянии разжечь в не кровожаднее инстинкты. Бывали случаи когда солдат падал под ударом кинжала только потому что по неосторожности показал Чеченцу синенькую или красную депозитку. Тщеславие Ибрагима выражается желанием везде быть первым, корчить из себя влиятельного и всезнающего, давать наставления и советы, служить предметов разговоров, удивлять и выслушивать похвалы. Тонкий диалектик и интриган в душе, он как прежде, так и теперь действительно знает все чем интересуется народ. Примешивая к этим знаниям собственные вымыслы и разъясняя все по своему усмотрению, он невольно заставляет себя слушать, и гордится если его словам дают веру, если к нему начинают обращаться за советами. Любовь Чеченцев к политике вполне удовлетворяется этими господами. Замечу что разговоры об общественных вопросах, о начальстве,

о предполагаемых реформах, о разных политических слухах и пр. составляют страсть этого народа. Чеченца хоть хлебом не корми, только подавая ему новостей подобного рода. Старшие в аулах считают даже необходимым кое-что узнавать положительно. Не все, разумеется, были так счастливы как Джупурчиев, не все обладали нужною ловкостью и хитростью чтобы каждую минуту увертываться от беды. Нужно послушать самого Ибрагима, сколько диалектической тонкости, сколько бессовестных наветов, сколько отчаянной отваги наконец нужно было чтобы выкарабкаться из критического положения. И много е их сложило свои буйные головушки под ударами шамилевских мюридов; попадались и на русские веревки. Но так как они все-таки не были народною аномалией, то большинство их благополучно пережило свои удалые подвиги и, угадав исход войны, отдалось в руки победителей. – За кого же ты дрался, Ибрагим? Спросил я его однажды. – У нас говорят что вы отстаивали свою независимость, веру. Но в таком случае странно что многие из вас служили то Русским, то Шамилю. В ответ он рассказал мне какую-то длинную и запутанную историю о кровниках. Кого-то убил его отец. Брат убитого начал преследовать сына и для этого подговорил нескольких однофамильцев подкараулить Ибрагима, когда он поедет по известной дороге. Но Джупурчиев был хитрее своего врага и счастливо миновал засаду. Тогда снова его начали выслеживать и довели до того что он должен был ранить родственника Шамилевского наиба и чрез это попал в опалу. Единственный способ избавиться от смерти – это было бежать в русский отряд. Он так и сделал. Отрядный начальник, к которому он явился как только приехал в укрепление, принял его довольно подозрительно, но это его нисколько не озадачило. Он тотчас испросил себе аудиенцию и сообщил очень важную новость. А когда оказалось что Ибрагим не солгал, то его еще продержали несколько времени под надзором, потом обласкали и приняли в русскую службу. – Ну, а дальше? Как же ты опять очутился у Шамиля? – Русским я служил верно и много хорошо для них сделал, пустился он восхвалять себя. Бывало призовет меня Б. «Ибрагим, ты должен сегодняшнею же ночью узнать куда такой-то наиб хочет завтра направить свои силы и сколько всадников с ним будет приблизительно! На издержки возьми сто рублей, когда вернешься получишь в два раза больше. «Я вышел, сел на коня и через пять минут уже далек от крепости. Встречаются немирные: «ты кто такой?» – «Чеченец» – «Куда едешь?» – «К наибу такому-то.» – «Для чего?» – Нужно ему передать очень важную новость.» – «А-а! в чем же дело?» – «Всего не могу сказать, одному наибу это должно быть известно». – «А вы знаете только что Б. хочет завтра, далеко раньше солнечного восхода, когда еще правоверные не совершат утреннего намаза (молитвы), направить два батальона в аул К. И разорить его» – «А джале! собака! Покажись он только! Уж не пригрезилось ли ему что у нас пороху мало, или шашки притупились об их поганые головы, или кони все передохли? Покажись! От кого же ты это узнал?» – «Меня послал поручик Х., что получает деньги от урусов и служит нам. Марша-алва (прощайте)», и едешь дальше. Случалось угадают что из мирных и тогда кинутся в погоню за тобою. Но лошадь у меня была такая что во всей Чечне такой не найдется. Только махнешь пред нею плетью, и она уже летит как по воздуху, не разбирая ни кустов, ни канавок…. Вдруг около самой головы прожужжит пуля, это значит чувствуют что не догоняет, так стреляют. Ответишь и сам выстрелом и мчишься дальше; а через несколько минут уже помахиваешь над головой папахой и дразнишь их, и смеешься в ответ на их ругань. В полночь привозишь к Б. все нужные сведения. А сколько раз я служил проводником, бывал лазутчиком, сколько раз сообщал такие секреты которых ни от кого бы не узнали! Но ведь у Русских все так! Служишь им, а случилось что нечаянно навел батальон на немирных, укрывшихся в балке, за кустами, и накинулись на тебя. Забудут все что сделал прежде и с последним сравняют. Еще бы я стерпел? На кого же бы я походил тогда? И т. д. Очень вероятно что Ибрагим врет и батальон навел на засаду вовсе не нечаянно. Но не в том дело. Для нас важно то что все Чеченцы этого типа оправдывают свое поведение подобными причинами. Один, например, бежал от кровника, другой напротив передался нам с целью отомстить за кровь, третий изменил народному делу потому что был

обижен кем-нибудь из Шамилевских начальников четвертый потому что сам обиделся тем что пред ним было оказано предпочтение другому, пятый решился мстить за отнятое у него родственника имущество и пр. А если спрашиваешь тех которые сами играли видные роли в среде Шамилевского начальства, то в ответ являются другие оправдания своего ренегатства, например незаслуженное будто бы подозрение в сношениях с Русскими, намерение самого имама сместить с занимаемого поста вследствие несправедливых наветов и пр. и пр. Как будто всех этих причин совершенно достаточно для такого громадного количества перебежчиков? Будто бойцы за народное дело, за свободу и религию могут так легко менять свое знамя? Ясно что настоящую причину этого явления следует искать не в мелких передрягах кровников, а гораздо глубже. За что дрались Чеченцы? Говорят будто за религию и независимость. Но первая причина приложила только к отдельным фанатичным личностям, народ же, как я уже заметил прежде, удовлетворяется одною внешнею обрядностью. Религия не могла его заставить жертвовать своею кровью. Религия не могла его заставить жертвовать своею кровью. Религия не могла его заставить жертвовать своею кровью. Минутное увлечение горячею проповедью имама и его мулл могло поджечь его только на время, а не обратил в страстного и неутомимого бойца. Если и меняют настоящее благосостояние на загробное блаженство, то люди глубоко религиозные, имеющие иногда неправильное, но всегда ясное представление и о религиозном идеале, и о будущей жизни, но вовсе не бессмысленные исполнители мертвых форм вторая причина также неосновательна. Шамилевский деспотизм никак нельзя назвать народною независимостью. Эта анархия, в которой не было ни суда, ни правды, эти безапелляционные права сильного над слабым, богатого над бедным, этот повальный грабеж и насилие, – и на вершине всех разнузданных страстей беспощадный деспотизм, гнувший все в дугу во имя отвлеченных целей и давивший народ в пользу своих пособников. Во всем этом нет и тени народной независимости. Чеченцы даже могли думать, а многие наверное думали что им будет лучше под нашею властью. Жили же они полупокорно до 40 года и не могли пожаловаться на посягательство со стороны Русских на их права, или на стеснительное вмешательство в их домашние распорядки. Укрепляло в этом убеждении и ошибочное понятие о нас, например хоть то что у Русского Царя денег гибель и о нас, например хоть то что у Русского Царя денег гибель и он не скупится в их раздаче тому кто ему служит, тогда как Шамиль и сам жил на их счет. Правда, большинство чуяло что будет что-то другое, что многое переменится и переделается; оно побаивалось за отдаленное будущее, но страх все-таки был туманный, никем не сознанный и потому не глубокий и бессильный. Без боязни ошибиться, я утверждаю что ¾ Чеченцев не пробовали даже объяснить себе для чего они дерутся. Они ничего не отстаивали, ничего отдаленного не искали, а дрались из любви к самому процессу драки, любви, взлелеянной из них всею прошлою народною жизнью. Это было их настоящее дело и другого они не знали тут была вся живая струя из жизни, скованной мертвою обрядностью вне этой струи. Прежде они дрались с соседними племенами и между собою, потом страстно отдались борьбе с Русскими; теперь народ в лихорадочном состоянии именно потому что этого настоящего дела у него нет. Война с ее поэзией и материальными благами была и целью и средством для сильного, страстно и в то же время неразвитого, незнакомого с наслаждением в труде и умственно подавленного Чеченца. Азартная игра, сильные и разнообразные впечатления, опасности и лихорадочная торопливость действий – все вместе давало исход всем силам его богатой натуры. Под влиянием войны составился и идеал Чеченца. Авантюрист, ловкий наездник, меткий стрелок, хвастун, задирала и хитрец – вот главные качества этого идеала. К нему обращались помыслы всех; его воспевали в песнях; рапсоды рассказывали об нем удивительные сказки, муллы пророчествовали ему райское блаженство…. С другой стороны, военная добыча составляла главный и неиссякаемый источник богатства. Чеченцы, как замечено прежде, любят деньги; но вся их прошлая жизнь вовсе не приучила их к кропотливой наживе. Для приобретения они знали, а главное любили только два способа – грабеж и хитрость. А где же они могли быть более

приложенными как не в войне с Русскими, когда случалось одним-двумя подвигами обеспечивать себя надолго, иногда на всю жизнь, или когда стоило подслужиться на время своему врагу и получить за это видную кучку золотых? Что действительно так следует смотреть на прошлую борьбу этого народа, что действительно независимость, религия ненависть к нам, как причины, играли далеко второстепенную роль, были маленькими лодочками, привязанными к большому кораблю своеобразного жизненного склада Горцев, – доказывает, между прочим, и многочисленность Ибрагимов, и легкая подкупность Чеченцев вообще. С другой стороны, отсутствие той общественной ненависти к перебежчикам, которая бы непременно обрушилась на них, еслибы народ боролся во имя ясно сознанной цели, если бы он смотрел на войну как на диссонанс в гармонии вседневной жизни и торопился бы его уничтожить, а не как на органическое и постоянное дело. Когда девиз «война для войны» объясняет собою всю сущность, тогда понятны и перебежчики из одного лагеря в другой и полная терпимость к ним. Ненавидят в таких случаях только миротворцев и трусов. По замирении Кавказа, обстоятельства народной жизни изменились. Личности подобные Ибрагиму кинулись на государственную службу; домашнее хозяйство их не удовлетворяет; в аулах не сидится. И теперь, как прежде, они жаждут интриг, общественного влияния. Многие из них занимают довольно видные посты; другие втираются хоть в переводчики, хоть в милиционеры, чтобы все-таки вертеться в служебном кругу. По натуре они, разумеется, все те же и по-прежнему служат только себе. Но форма их деятельности изменилась; они уже не свободные художники по части интриг и добывания копейки, а служители ясно формированной программы. Теперь они не противоречат себе на каждом шагу, не действуют только по вдохновению минуты, а строго следуют по одному пути – пути чинов и денег. Замечательно наивное нахальство, с которым они выражают свои требования: «я не бунтуюсь, народ не возмущаю, даже ношу русские погончики, чего же больше? Разве это не одолжение «урусам» которое должно Ибрагим. Чтобы достигнуть своих заветных целей, то-есть как можно выше стать в иерархической лестнице и полнее набить свои карманы, они дали широкий ход хитрости и низкопоклонству. Видимому подобострастию их нет границ. Посмотрите на такого Чеченца около начальства. В лице выражение преданности и всегдашней готовности к услугам; в речи смирение, заискивание и лесть, самая грубая, самая неотесанная лесть. Положим что какой-нибудь из Ибрагимов рассказывает вам недавний случай и сам хорошо знает что вы слышите об этом в первый раз. Но состоит вам, ели вы слышите об этом в первый раз. Но состоит вам, если вы начальник, так себе сказать что это мол я знаю, и он тотчас поспешит прибавить что вы напрасно ему об этом напомнили: разве он сомневается в том что вам решительно все известно в десять раз больше, чем ему, раскащику. – Ну, брат, меня не проведешь, замечаете вы в другом случае. «Бахъ-ду, бахъ-ду! (правда, правда)», восклицает он радостно, будто ваши слова как раз совпали с его сокровенными мыслями. В переводе на русский язык это значит: еще не родился тот смельчак который бы сумел, или решился тебя надут. «Что, народ доволен моим распоряжением?» спрашиваете вы его в третьем случае. «Как же, доволен, разумеется доволен…. Народ глуп и не понимает что если вы уже что сделали, так хорошо. – А мы все что же против вас?…» и проч. Низкопоклонничают даже пред очень незначительными русскими чиновниками. Ничего что мелкая пташка, авось пригодится! И потому довольно чиновный и в летах иной Ибрагим кидается к вашему седлу, когда вы хотите слезать с лошади, подбегает к вам, когда вы намерены снять сапог и проч. Безобразнее всего то что эта манера держать себя пред Русскими входит в моду. Иной солидный и гордый Чеченец делает это скрепляя сердце, думая вероятно что у нас только такими выходками низкопоклонства и выслуживаются. Боюсь что меня обвинят в перетолковывании народного обычая, по которому хозяин спешит оказывать всякие услуги гостю. Но во первых, относительно на очень много обычаев такого же характера другими Чеченцами вовсе не соблюдается, во вторых, Ибрагимы уже сильно пересаливают. Совершенно иначе держатся эти Чеченцы пред своими. Каждый из них прежде всего старается внушить что он не только знает все пред-

принимаемое начальством, но пользуется доверием и влиянием; без его совета часто ничего не предпринимают, его слушаются, его предостережениям дают громадный вес; кто-нибудь уж наверное только его умом и живет. Из важных чиновников хоть один да считается его закадычным другом. Если простой, не чиновный и не служащий Чеченец в чем-нибудь нуждается – обращайся к нему: он всегда сумеет помочь, если этого захочет. Вор беги под его защиту; кто подрался – беги в его саклю: он оградит от законного взыскания. Мне случалось видеть как очень не влиятельный чиновник-туземец: «хорошо, постараюсь сделать, доложу об этом высшему начальству», многозначительно произносили его уста. Мой Ибрагим, например, во время наших поездок, сумел поставить себя на такую высокую ногу, что ко мне никто и не обращается уж с расспросами о цели наших разъездов, а спрашивают его; и по некоторым знакомым мне словам и часто повторяющимся «полковник, командующий войсками», я угадываю что толмач не упускает случая пустить пыль в глаза слушателям. (Замечу, что я держусь с Ибрагимом крайне просто; да и служебные его обстоятельства так мало зависят от меня, что он давно уже третирует меня как ничтожество.) Не подумайте что люди этого типа стараются казаться больше, важнее только из любви к искусству; нет, они себе на уме. Этим путем они приобретают популярность, делаются действительно влиятельными лицами. У них являются приверженцы, составляется свой лагерь. Ловкими намеками на свое иезуитское отношение к Русским, на неискренность и недоброжелательство к нам, и громкими в то же время возгласами о своей приверженности к народным интересам они эксплуатируют доверие своего племени. К ним обращаются за разъяснением разных недоразумений; воры и все беспокойные головы действительно прибегают под их покровительство: от этого у них в руках частенько бывает нить всевозможных преступлений. Они, впрочем очень секретно, становятся нередко центрами недовольных партий и направляют их именно в ту сторону где усматриваются препятствие для достижения личных для народа административных проектах, возбудится ли нелепая надежда, усилится ли глухой ропот, явится ли злостная эпиграмма на прикосновенного к ним русского чиновника, все это в большинстве случаев рождается прежде в их головах. Не хочется, например, Ибрагимам видеть в Чечне наибов из Русских, и вот в народе разносится слух о каких-то темных намерениях правительства уничтожить туземных чиновников. Как-то сменили одного Чеченца наиба. И пошли у него вечерние угощения. – Ворота открыли настежь, въезжай кто наш! Баран за бараном падали под ножами его сыновей; водка полилась, – и заговорили, зашушукали гости. О чем? я там не был, да едва ли бы и понял что-нибудь, только уверен что спичи произносились не во славу русского управления краем…. Между собою люли этого типа живут в постоянной вражде и вечно подкапываются один под другого, разумеется тайно, потому что открыто они не ссорятся и не дружатся особенно; китайские церемонии и пресловутое гостеприимство строго соблюдаются обеими сторонами. В своих семействах Ибрагима по большей части страшные деспоты. Начиная с любимейших жен и кончая последними работницами, если таковые имеются, они на всех смотрят как на вещи, созданные удовлетворять их нужды и прихоти, и всех гнут в дугу. Случается что у такого господина десятки тысяч хранятся в сундуках, а семейство все-таки держится в черном теле; бепик (кукурузный хлеб) с сыром и грязное оборванной платье, и вечные копеечные труды также гнетут его домочадцев, как в семействах последних бедняков.

IV. Год тому назад мне случилось иметь еще дело с одним Чеченцев – чиновником Ибрагимовского типа. Бей-Султан Мулатиев, поручик в отставке, уже несколько лет как оставил службу и поселился в своем ауле, посреди многочисленного потомства. Бей-Султан стар, но выглядит бодро не по летам и на днях опять женился на очень молоденько девушке, 6-й в спуске его жен. Всех детей у него человек 5 мужчин и кажется 4 дочери. Старшие уже давно поженились, или повышли замуж, а сладострастный старик, которому уже перевалило за шестой десяток, все не расстается с амурными наклонностями. Мулатиев низенького роста, плотный, плечистый, не полный и сырой комплекции. Сморщенной красное лицо чрезвычайно

подвижно; оно способно поминутно выражать по злобу, то хитрость, то преданность, или подловатое заискивание, только серьезность, обыкновенная серьезность к нему найдет; в этом случае оно делается чрезвычайно комичным и возбуждает смех, как лицо ребенка которому захотелось бы покорчить взрослого. Бей-Султан богат и по слухам имеет не одну тысячу в железной шкатулке; хозяйство у него большое: тысячи две баранты, десятки рогатого скота и лошадей, виноградный сад, земля, и ко всему этому порядочная пенсия; но живет он, разумеется, по свински, скряжничает безбожно, и готов лучше лишиться любимейшей жены, чем пожертвовать для нее лишнею тряпкой. Дело по которому я к нему приехал было служебное. Исполнять его я должен был и мог только по букве предписания, без всяких каких бы то ни было соглашений, изменений или чего-нибудь в этом роде. Мулатиев обо всем был извещен заранее и отлично знал чем оно кончиться, что кончится не в его пользу. Но когда я въехал к нему на двор, он с удивительною легкостью выскочил ко мне на встречу и принял чуть не с распростертыми объятиями, будто я Бог-весть какую радость привез к нему в дом. Меня тотчас ввели в чисто, даже роскошно убранную саклю и окружили всевозможными удобствами: на кровать постлали новенькие ковры и набросали груду пуховых подушек, принесли откудато русский стул, подали умыться и проч. В то же время на дворе поднялась суматоха: одни из жен хозяина вытаскивали из кладовых самовар, отыскали между хламов в сундуках чай, сахар, другие затапливали камин для приготовления закуски. Сам хозяин то выбегал из сакли и громко и многозначительно, как офицер пред солдатами, командовал домашним штатом, то возвращался ко мне м с лукавым заискивание спрашивал: не нужно ли чего, не чувствую ли себя хуже, чем дома, извинился, беспокоился, корчил из себя потерявшего голову, в таком экстренном случае, и опять убегал на двор. – Зарезать к вечеру барана для гостя? Послышался во дворе голос молодого человека, вероятно сына старика. – Зачем? Вспылил отец. – Ведь есть еще остатки того что был зарезан неделю тому назад! И с этим обойдемся! Молодой человек стал уходить. – Башко! Позвал его отец обратно. Ну уж нечего делать, ступай в баранту, выбери одного похуже и принеси. Опять теперь разоряйся черт знает для кого? Произнес он про себя даже как-то болезненно. Чеченцы, при всей своей скупости, все-таки не считают возможным отпустить от себя мало-мальски значительного гостя без угощения обычным блюдом. Если у хозяина своих баранов нет, он без всяких колебаний покупает у соседей на чистые деньги. Остатками прошлого резанья, даже свежими угощают очень редко, потому что этим нарушается обычай. Сущность его заключается главным образом в почете, который выражается резаньем и подаванием на блюде всего барана. Колебание Мулатиева, обладателя двух тысяч овец, весьма характерная черта скупости. Когда все было устроено, Бей-Султан вернулся в саклю и повел разговор издалека. С расспросов о грозненских новостях постепенно перешел к рассказу о своем прошлом влиянии в крае, о своих заслугах, о своей дружбе с разными знатными лицами, о том что его все знают и всегда с готовностью удовлетворят все его просьбы; хвастанул измышленным первенством своей фамилии в народе, и затем уже, будто так меду прочим, прибавил вопрос: как я намерен поступить в порученном мне деле? Я отвечал что, разумеется, не отступлю от данного мне предписания. – Ну, да! Я очень рад что мы с вами думаем совершенно одинаково, подхватил он любезно. – На что-нибудь незаконное я тоже никогда не соглашусь. Сделайте только так чтоб я не имел причины оставаться недовольным вами, продолжал он в том же тоне, будто не замечая противоречия в своих словах, – не обидьте меня, не лишите того что я так давно уже считаю своим, и все будет хорошо, и мы расстанемся с вами друзьями. – Ну, обидеть вас я не могу, как не могу и наградить, возразил я. – Вот посмотрите мое предписание: как в нем сказано, так и сделаю. Я подал ему бумагу. – Нет, что вы! Разве я вам не верю что ли? Я только говорю что дело мы наверное обделаем как следует. Зачем вам идти против меня? Зла я вам никакого не сделал, мы даже не были знакомы до сих пор, а что до добр, то будьте уверены что я добра не забываю. Да, как следует его кончим. – Разумеется, как следует. Помолчали. – Теперь вы вот приехали, и кончите все, поверять вас, я знаю,

не будут. Как решите, так уж и останется навсегда, только бы я был во всем согласен, продолжал он твердить с каким-то затаенным намерением. – Не правда ли, вы не обидите меня? А я, если угодно, ничего не пожалею. – Да оставьте пожалуйста! Нам кажется и переговариваться не о чем. Я изложил пред ним подробно все дело и разъяснил как обязан решить его. Он вдруг скорчил преглупейшую мину удивления. – Нет, что вы! Вы должно быть не поняли что у вас там написано; совсем не то и говорите; прочтите пожалуйста хорошенько. Глаза его лукаво забегали. – или может быть в вашей бумаге ошибка сделана, ведь это бывает. А вот лучше послушайте, я расскажу вам всю правду. И он передал мне историю по поводу которой я приехал, так своеобразно нелепо и пришел в заключение к таким ловким выводам, что мне ничего больше не оставалось сделать как засмеяться. Старика это кольнуло, но он сдержался. – Ну чего же еще? Сейчас видно что вы хороший человек, поразил он меня ловкостью своей тактики. – Я такого и просил у начальства. Еще бы с вами да не отлично покончить дело? Вожу что мы останемся довольны друг другом. – Перестаньте же напирать на какое-то «будем довольны». Что мне до этого за дело? Тому что вы мне сейчас рассказывали я ни на волос не верю, да и надобности не имею верить а сделаю так как передал вам несколько минут тому назад. Понравится вам это или нет – мне все равно. – Ну, вот! И все вы Русские такие. Только перешагнул порог чужого дома и уже ссориться. Что же, разве я сам не служил Государю Императору, или последним был между всеми? Заговорил он в комически-серьезном, даже важном тоне. – Вас прислали удовлетворить меня, так порешить дело чтоб я не беспокоил начальство и сам не беспокоился на старости лет, а вы мне говорите как-то там по-свойски, в чем я вовсе ничего не понимаю. Вы пожалуйста не подумайте что я пешка и вот так и поддамся! Хоронился он все больше и больше. – Я найду дорогу не в Грозную только, но и в Тифлис. Бей-Султана знают и не обидят за его заслуги, не оставят без куска хлеба. Потом старик понизил голос и с выражением ехидной догадливости на лице прибавил: – Вас наверное подговорили обидеть меня, но я не подамся. Не на такого напали! Закуска избавила меня от слушания дальнейших глупостей. Так как Бей-Султан уже обедал, то он вышел теперь совершить намаз. Я после закуски лег отдохнуть, и потому до вечера мы уже не виделись с ним больше. Часов в шесть, когда я встал, ко мне явился старший сын Мулатиева, мужчина лет тридцати пяти, лицом удивительно похожий на отца и тоже объяснявшийся по-русски. Он совершенно неуместно начал предлагать мне свои услуги. «Не нужно ли воды, не жалею ли прогуляться, может быть любопытствую посмотреть на их сад или хочу выйти на речку?» Все эти предложения делались приторною угодливостью и пересыпались намеками что хороших людей обижать грех, что напрасно я думаю что за сделанное добро они не вознаградят меня по силам. «Отец наш может быть что и лишнее сказал, так это по простоте, но он действительно может многое сделать» и пр. Словом, все те же подступы к моей бедной совести и то же посягательство на мое терпение. Однако этим не кончилось, как и следовало ожидать. Через час ко мне пожаловал и старик, с трубкой в зубах. В манерах и речи опять явилась приторна сладость, в движениях подходцы кота. Он любезно осведомился хорошо ли мне у него и с коварною печалью пожалел что не может меня угостить как бы ему этого хотелось: даже кахетинского у него нет в доме, не то что портеру или вин подороже, к которым, он знает, мы будто бы так привыкли. Кстати вспомнил что когда-то и сам пил шампанское у высокопоставленных лиц. Затем как-то незаметно перешел к воспоминаниям прошлого и увлекся…. На дворе уже была ночь. В саклю принесли сальную самодельную свечку и прилепили к камину. Слабое мерцание вонючего огарка едва освещало нашу комнату, увешанную разнообразным оружием, между которым самое видное место занимал великолепный кинжал, усыпанные каменьями: подарок за измену. Красное лицо старика как-то расплывалось в полутумане и только маленькие, кошачьего цвета глаза как угольки блестели из-под старых бровей. Бей-Султан говорил, и предо мной постепенно обрисовывались эта действительно интересная личность. Узнал я что он был каким-то начальником в горах, и что народ его боялся как огня, что много чеченских голов слетело по его прихотливому приказа-

нию. «За одно куренье», и он указал на дымившуюся трубку, «за одно куренье табаку сколько мне привелось поотнимать имуществ или убивать – всех не сосчитаешь? Время было такое. «Узнал я что этот жестокий самодур, срубая головы единоверцев именем Шамиля, в то же время интриговал против своего имама, переписывался с русским начальством и за деньги исполнял все что от него требовали; много я узнал подлого, жестокого и мерзкого об этой личности, которой хотелось доказать что я имею дело не с простым Чеченцем, а с человеком важным, заслуженным. Рассказывалось все очень хвастливо, и только закончилось бессмысленною претензией на Русских что они плохо вознаграждают такие доблестные подвиги…. – Завтра же мы примемся за дело для которого я приехал, прервал я его сетование на нашу неблагодарность. – Нужно все приготовить. – Будет все, не беспокойтесь, ответил он мне в том тоне с каким встретил при приезде. – Что нужно все говорите, хоть бы и дорого стоило, я добуду непременно. – Кроме законного я ничего от вас не требую, ответил я равнодушно. – Ну что ж! Еслибы и не законное? Разве мы уже не приятели? Сын старика куда-то вышел. – Вот что, извините меня что не знаю как вас звать заговорил Мулатиев заискивающим голосом, – вам, как заметил, понравились часы что висят вон на стенке: возьмите пожалуйста их себе на память. Я от этого не обедняю, вы знаете; а вещица знаю откажетесь, а это отчего же? – Ну, мы с вами еще не так хорошо покуначились чтоб я могу принять от вас подарок, да и вам нет причины предлагать его мне. Из своих вещей я ни одною не пожертвую в замен ваших часов. Это намек на сильно распространенный в Чечне обычай меняться с вещами. Меняются оружием, папахами, бурками изредка лошадьми и даже черкесками с плеч. Есть артисты которые отлично спекулируют на этот счет. Приедет к кому нибудь вечером, переночует, а утром пред отъездом довольно нахально заявляет что ему понравился, ну хоть, кинжал хозяина. Делать нечего, приходится распоясаться и передать кинжал гостю, который тотчас заменяет его своим. Один кинжал может – быть весь в серебре, а у другого и ножны без кожи, одно дерево. Чаще впрочем берут не навсегда, а только на время, но результат все тот же. Считается за величайший стыд пойти к бывшему гостю и потребовать свою вещь назад. Что до папах, так они так часто меняются что у иного в год их перебывает четыре-пять штук и все различных ценностей. Обыкновение меняться вещами в знак куначества существует и между русскими кавказцами, только далеко не с тем характером. Здесь уже требуется кроме полного обоюдного согласия и известная степень дружественных отношений, которыми мена и обусловливается. В этом смысле и ответил я Мулатиеву. – Нет, мне вашей вещи не нужно, вы только мою возьмите себе на память, продолжал настаивать Бей-Султан; – она вам пригодится. – Оставьте. – Ну, да возьмите же, обещайте взять! – Вы меня ей-Богу смешите. – Ах, Боже мой! Что же мне с вами делать после того? на лице его выразились беспомощность и нетерпение. – Может быть вы думаете что я вас надуваю и после не отдам часов, так возьмите их сейчас. Дрожащими руками он снял с гвоздочка золотые часики и подал их мне. – однако ведь это их рук вон! Стал я выходить из терпения. – Поймите же меня наконец. Что вам от меня нужно? Чтоб я кончил дело по вашему желанию? Так вам уже сказано что я не могу и никогда не соглашусь хоть на волос отступить об буквы предписания. Вы знали с чем командируют к вам чиновника, ну и хлопотали бы об изменениях там, у тех кто так порешил, а не у меня, исполнителя этого решения. Мулатиев вскочил с постели и нетерпеливо стал шагать по комнате. На лице его выражалась бессильная злоба. Его поразила монотонность моих ответов, в которых не слышалось ни одного звука похожего на склонности к компромиссу или хоть на активное участие в решении вопроса. Я должно быть показался ему какою-то машиной, камнем, а не живым существом с обыкновенными страстями. Бесхарактерный Чеченец чувствовал себя беспомощным в борьбе с автоматом. – Послушайте, начал Бей-Султан снова, – я…. я не позволю вам приступить к работе! Завтра же поеду в Грозную и буду просить чтобы ко мне прислали другого чиновника. – Как вам угодно! – Что вы такое в самом деле? Крикнул он раздраженно. – Приехал в чужой дом и командует как в своем собственном! Что я вам за слуга такой дался? Я капитан, я почетный старик

в народе, я…. Долго еще бурчал Мулатиев. Чего только он мне не говорил в этот вечер и каких только переходов он не делал в своей речи! То льстил, умолял, унижался, то грозил и поднимался на ходули чтобы поразить меня своим величием. Были минуты когда он темно намекал мне что я могу быть в опасности или что ему ничего не стоит оклеветать меня заявлением что я попросил у него подарок и проч. С моими насмешками над его выходками он распоряжался как полный хозяин. Когда нужно было, пропускал их мимо ушей или придавал им совершенно обратный смысл, в минуту же озлобления становился, напротив, до того обидчив что в самом обыкновенном слове находил намерение оскорбить его достоинство. Словом, он умел играть свою роль, играть естественно, просто, потому что свыкся с нею чуть ли не с детства. – Ну скажите что вам нравится из моих вещей? Выбирайте сами! Или чего вы хотите? Может быть денег вам дать, заговорил он в заключение мягким, гадливым голосом, заглядывая мне в лицо, как ласковая собака в лицо своего хозяина. – Может – быть боитесь что донесу после? Так это напрасно! Бей-Султан знает как обделываются такие делишки. И сам брал и с другими делился. Мулатиев как-то вдруг опустился, присмирел; в голосе послышались дребезжащие звуки, но не знаю почему они мне показались притворными. Я вспомнил что это тот самый старик который когда-то беспощадно казнил единоверцев за одно подозрение в сношениях с Русскими, хотя в то же время был изменником; его имущество составилось из крох бедных собратьев заглубленных им только с этою целью; его деньги – это выручка за кровь им обманутых удальцов; и теперь он чуть не пресмыкается у моих ног из-за денежной выгоды. Я почувствовал к нему страшное отвращение. Две недели прожил я у Бей-Султана и все это время изучал его, как редкий экземпляр двуногих. Со мною он оставался таким же как и в первый день только к концу второй недели заставлял меня за пищей посылать верст за 20 в станицу, так как в ауле, по его настояниям, ничего не хотели продавать. Но, помимо этого, я присмотрелся к нему как главе дома, как к отцу, как к мужу, как к гражданину среди своих одноаульцев, и решительно пришел к очень печальному заключению. Мулатиев не имеет понятия ни о чести, ни о благородстве в нашем смысле этих слов. Выражения: унижаться подло, обманывать безнравственно – для него слова без смысла. В его уме не существует деления всех душевных способностей не хорошие и дурные; они для него все равные и однокачественные орудия в борьбе за существование, и если он каким дает предпочтение, так тем только которые оказываются пригоднее в жизни; таковы хитрость, изворотливость, жестокость. Вообще же пускается в ход та способность которая ближе всех приведет к цели. Оттого Мулатиев по-видимому в постоянном противоречии с собою. Он в высшей степени бесхарактерен. Он жесток, но его жесткость но есть противоположность мягкосердечию, то-есть отрицательная величина, соответствующая в нем же другой положительной, а просто самостоятельная способность, перешедшая к нему вероятно по наследству и развития образом жизни. Совести, в нашем смысле, у него нет; раскаяние в сделанной подлости может явиться при сознании что этим только поперечно дело, что поступать следовало иначе для достижения лучших результатов. К воровству, убийству он чувствует чрезвычайно слабое отвращение, и потому при первом случае сделать и то и другое. А если он в настоящее время не крадет и не убивает, так из простого расчета что так поступать невыгодно. Замечательно что хотя Бей-Султан выглядит еще бодро, тем не менее он нравственно состарился: былое молодечество заменилось страшною трусостью, что может-быть и общая черта всех подобных людей, а скряжничество перешло за ту черту где оно заглушает все остальные чувства. Намеченный мною тип Чеченцев (он ждет художника для своего воспроизведения) самый зловредный в крае и не для Русских только, но и для своего народа. Он усиливает роковое недоразумение между Чеченцами и нами; он поддерживает антагонизм, следствием которого являются несчастие с обеих сторон. Он опошляет все хорошие реформы, вводимые в край, покрывает их совершенно другою, ехидною краской во время своего посредничества между победителями и побежденными. Но справедливость требует сказать что люди этого типа не негодяи, не подонки общества, какими они оказываются если смотреть на них

с нашей точки зрения, это и не сознательные члены какого-нибудь ясно формулованного зловредного учения. Тип этот является самым естественными продуктом всего семейного и общественного склада чеченской жизни. Личности более других подходящие к нему, по большой части люди даровитые. Воспитание их произошло при одних и тех же общих для всех условиях; их воззрения образовались под непосредственным давлением нами и остальною массой та что они случайно были выдвинуты вперед и как-то глубже окунулись в эти обстоятельства. Но они ужаснулись бы, еслиб им хоть раз пришлось взглянуть на свои поступки сквозь очки обще-человеческой или вернее, европейской нравственности. Я уверен что большинство здесь служащих и имеющих столкновение с Чеченцами, вполне признает справедливыми те черты которыми я обозначил один из выдающихся в народе типов. Но, может быть, иначе отнесется к набросанному типу читатель не бывавший на Кавказе. Не редкое ли это исключение, спросит читатель? Где же те личности о которых нам так много писали и пели? Не выродились же эти гордые, дерзкие джигиты бесстрастно падавшие под ударами наших штыков и копий, не переставая до последней минуты проклинать врага и восхвалят Аллаха? Были же прямые, честные натуры? – Да, были! Только не следует их слишком поэтизировать. Такие, действительно но, не изменяли народному делу. В драках они являлись первыми; они сами формировали небольшие шайки и смело отправлялись в дальние набеги, с мыслью или возвратиться с добычей, или сложить свои головы. Их слова не только уважались своими, но считались неизменными русскими начальниками. Они глубоко нас ненавидели, никогда не склонялись к сделкам, и факт нашего владычества в крае считают делом судьбы. Такие личности есть и теперь. Некоторые из них занимают кой-какие должности и служат правдиво во имя данного обещания. Другие живут в своих аулах, скучают и молча думают думу по поводу совершившегося факта, лишь изредка напоминая молодежи чтоб она берегла традиции своих отцов. Все эти люди представители консерватизма, проповедники застоя и ненавистники нововведений.

V. Стал надвигаться вечер. Тень от сакли старшины захватила уже большую часть непространного двора. Косвенные лучи солнца, покрывая все попадавшееся на пути красноватым светом, кокетливее заиграли с снежными вершинами отдаленных гор. На окраинах неба появились вер шинами отдаленных гор. На окраинах неба появились разноцветные полосы. Почувствовалась вся прелесть южного короткого вечера. Из ущелья подул прохладный ветерок. Близь протекавшая речка стала шумчивее; аул оживился; чаще виднелись прохожие и слышались гортанные звуки. Звеня своими серебряными украшениями, церемонно проходили девушки-Чеченки с ведерными кувшинами за плечами. На берегу уже их ожидала живописно рассевшаяся толпа молодежи, с намерением полюбоваться на своих будущих жен. Кавалеры острили и говорили комплименты, девицы молча и изподлобья бросали на них намеренно холодные, бесстрастные взгляды. На узких улицах затеснилась приятные детские голоса Чеченок, загонявших своих буйволов и коров. Очень наивное междометие уий! произносимое в нос, то и дело раздавалось то тут, то там. Верховые проезжали на водопой, давая этим развлечение злившимся собакам. Через улицу где-то послышался неприятный скрип аробных колес; откуда-то донесся отвратительный крик лошака, принадлежавшего, вероятно, остановившемуся у кунака Персиянину. На крышах сакли стали появляться группы Чеченцев. Давно уже вставший старшина приказал, по мысли переводчика, вынести ковры и подушки на луговую площадку двора. Мы с Ибрагимом комфортабельно уселись. Вокруг нас живо собралась бойко и весело болтавшая молодежь. Большинство было красиво, стройно в своих ситцевых бешметах и коричневых или белых черкесках, схваченных узенькими ременными поясами, с прикрепленными к ним кинжалами и пистолетами. Чеченец, выходя из дому, даже к соседу, почти всегда захватывает с собою какое-нибудь оружие. Кто без кинжала, так пистолет в руках, или шашка через плечо, или, наконец, ружье, которое носят в таком случае как палку. За чаем и разговорами мы и не заметили как надвинулась ночь и показался бледный серп луны. Вдруг раздался медленный, душу захватывающий голос муллы, призывавшего пра-

воверных к молитве, и оборвался как-то вдруг, неожиданно. Кой-кто из них компании с чувством произнесли Ляилъ-ляха-Иль-алла и проведи при этом руками по лицу, но с места никто не тронулся, давая этим, вероятно, знать что каждому и без предупреждений известны его обязанности к Богу. К нам в это время подошел солидный, с постным лицом Чеченец и прервал шутливую болтовню с молодежью. После приветствия своим, он сел на ковер и обратился ко мне с разными расспросами и между прочим о религии, благо мулла только – что напомнил об этом. Понемногу разговорились и перешли на религиозный спор. Все заметно обрадовались такому обороту дела и с нетерпением приготовились слушать. Что-нибудь послушать – страсть Чеченца, а что Русский скажет много любопытного, нового – это знают отлично. Чеченец заговорил довольно логично. Положения его заключались в следующем: Главным образом он удивлялся тому что Русские, как он заметил, молятся очень мало, а омовений не совершают вовсе. Это он находит признаком глупости, отсутствия сознания что всеми нашими поступками руководит всемогущий Промысел. Ему случалось даже слышать от некоторых словоохотливых урусов что и загробной жизни нет, а человек родится и умирает как трава в земле и никаких следов от него не останется, только что земля в этом месте будет плодороднее (смех компании). Между тем правдивый и мудрый Коран говорит иначе, именно что всемогущий Аллах заранее определил всю жизнь человека, а за гробом воздаст каждому по его заслугам. (Бах-ду, бах-ду – правда.) Оратор дивится, неужели русский человек вообще так глуп что понимает что его вера страшный вздор; он скорее отнял у нам способность понимать и чтить его. Да, в этом он даже уверен! (Слишком правда!) Наказанием Божьим представляются ему и разные нелепости русской жизни, например легкость с какою говорится о священных предметах, о которых и упоминать грех. Тут он вспомнил как ему один русский мальчик (уничижительное название наших молодых безбородых людей_ хвастливо рассказывает о том как движется луна, из чего она состоит, какой величины и пр. Даже о расстояниях до каждой звезды говорил так будто он на них был (беспрерывный смех). А обращение с женским поломи его развратное поведение, к которому мужская половина совершенно равнодушна; отсутствие уважения к старикам и подчинения детей к родителям; неуменье решать дела в судах и пр. и пр. в этом роде. Этот религиозный и общественный спор заинтересовал всех присутствовавших. Мои возражения сейчас же переводились на чеченский язык, внимательно и холодно выслушивались, не заслуживая, по-видимому, ничьего одобрения, кроме разве добродушного старшины, который будто находил нужным ободрять меня кивками головы. Аргументы же моего противника, выраженные в красивых и пышных фразах, вызывали на всех лицах одобрительные улыбки, прерывавшиеся звонким смехом, когда в них усматривалась острота. Чеченец, кажется, не слишком верил в мою способность понимать его мудрствования и потому старался вклеивать разные простые сравнения и шуточки, кроме того, не мог же он упустить случай хвастнуть своим остроумием пред собратьями. Это-то и приводило в восторг слушателей. Масса везде масса. Разные выходки спорящих интересовали присутствовавших более самой сущности спора. Мне не хотелось остаться пред оппонентом в дураках, и я тоже ударился в остротцы, шуточки и анекдотцы. Спор кончился самым веселым смехом всей компании, в которой уже было с десятком стариков и несколько десятков молодежи. Церемония ужина была та что при обеденной закуске. Но теперь, на огромном подносе, внесенном сыном старшины, красовались чуть не все продукты этого благодатного края. Разрезанный, или лучше разорванный на огромные куски жирный баран был окружен кучей кусков теста, сваренных в воде и с виду похожих на малороссийские вареники. Рядом красовались тарелки и чашечки с круто сваренными яйцами, жирною яичницей, кусками домашнего сыра и медом. На отдельной тарелке лежала своеобразно и чрезвычайно вкусно приготовленная на масле курица. В одной руке гостеприимного хозяина очутились бутылка с водкой, в другой наполненная рюмка, которую он, начав с меня, обнес в круговую тем же порядком как это делается у соседних казаков. Должнобыть у них переняли Старик-балагур опять очутился около меня, но Баргиша не было. С нами

ужинали: споривший со мною Чеченец, знаток, как я узнал после, арабского языка и Корана, только-что приехавший шумливый и хвастливый торговец Чеченец, и сам старшина. – Ца-ца-ца! Наивничал оборванный Джамалдин, проглатывая одну рюмку за другою. – Дыкен-дуарана! Славный водка! Повторял он, обращаю ко мне разгоревшиеся от паров и удовольствие лицо. – Аш-дац! Аш-дац! (не нанадо, не хочу), ломался Ибрагим, отводя рукой рюмку, хотя все-таки выпивал. Старшина и знаток арабского языка не пили, связанные зароками, что между Чеченцами не редкость. – Водки нам вовсе не следовало бы пить, высказался последний. – Она и законом запрещена, да не хорошо действует на Чеченца. Как напьются, сейчас же начинаются ссоры, хватаются за оружие: случается поранят друг друга, а то и убьют кого-нибудь…. В пьяном виде чеченец действительно большой буян. Страстность, вспыльчивость, злопамятность и мстительность – эти общие черты чеченского характера, скрываемые обыкновенно под маской сдержанности и внешнего благообразия, ярко выступают теперь наружу. Пьяный Чеченец придирается к своему товарищу за каждое слово, припоминает старые, иногда уже покончен-ные ссоры, хвастает своею породой и личною удалью, дерзко острит насчет кого-нибудь из компании. Он весь огонь в это время, глаза горят, в движениях судорожная нетерпеливость; он гикает, стреляет воздух и то и дело хватается за оружие. Понятно что почти ни одна пирушка не обходится здесь без драк. Стоит только одному начать, – повод всегда найдется, – остальные тотчас же присоединятся к той или другой стороне ссорящихся, и пошла общая свалка. Случается – один, а то двое, трое тут же останутся на месте, несколько тяжело раненых еще доплетутся до своих саклей, с страшным сознанием что с этой минуты они обзавелись кровниками или кровомстителями. Обзавестись кровником значит знать что с этой минуты вы обречены на смерть. Вас будут преследовать всюду, неумолимо и беспощадно. Вы обращаетесь в дичь, за которою постоянно будут охотиться родные убитого. Ваша смерть сделается целью их жизни. И вы не спасетесь от их пули или кинжала, если вам удастся откупиться очень дорогою ценой все возможных унижений и материальных затрат. Трудно себе представить душевное состояние преследуемого, когда он знает что за каждым его движением зорко следят, и что из-под каждого кустика может раздаться роковой для него выстрел. Чеченцы пьют довольно исправно. Мне случалось видеть мальчиков лет пятнадцати или шестнадцати выпивавших по четыре или пяти обыкновенных рюмок, нисколько при этом не хмелея. Взрослые уничтожают иногда по полукварте (полуштофу). И замечательно что эти люди никогда не опохмеляются. Многие из них меня уверяли что утром другого дня, даже после сильных возлияний, они не чувствуют ни малейшей головной боли и просыпаются обыкновенном смысле слова. Людей запивающих по вкоренившейся привычке у них нет вовсе; о спившихся с кругу и понятия не имеют. Пьют обыкновенно тогда только когда представляется к тому законный повод, например, приезд важного гостя или хорошего кунака, свадьба, поминки, проводы, встречи и пр. С нашего стульчика блюдо описанным уже порядком перешло в противоположной угол, где молодежь принялась уписывать остатки, тоже угощаясь водочкой, перешедшею в руки сыновей старшины. Мы же тем временем выпили по доброй чашке калмыцкого чаю, который здесь в большом употреблении. Наконец все прибрали. Говор стал усиливаться. Лица оживились. За духотой в сакле все высыпали на двор. Явилась откуда-то трех-струнная самодельная балалайка. Молодой человек сел на траву, ноги калачиком, и взял несколько аккордов. Затем начал настраивать инструмент и когда кончил, то дал свободу пальцам. Раздалась живая, хотя монотонная, но приятна мелодия. Говор понемногу стал утихать. На лицах Чеченцев улыбка заменилась серьезным выражением. Все ближе подвинулись к музыканту, образовался кружок. Беспрерывно и долго живые звуки, пока музыкант не вдохновился. «Валай-лай иллалай лайла яллайи!» Запел он медленно и грустно, сначала тихо, потом все громче и громче. «Валай-лай иллалай лайла яллай!» варьировал он все тот же припев, резко переходя из одного тона в другой и протягивая окончание. Иногда он повторял то же самое в пяты, шестой и седьмой раз; в голосе его послышались скорбные звуки. Так поются иногда похоронные песни. «Я поднялся на черные горы и смот-

рел с них в Большую Чечню». Запел он в том же тоне недавно сложенную в Чечне песню о последнем абреке Варе (убитом в 1865 году). «Я поднялся на голые горы и смотрел с них на Гехинский народ!» Кружок Чеченцев сдвинулся к певцу. На всех лицах явилось торжественное внимание. «Я искал человека который бы согласился быть мне товарищем в моей жизни и братом по вере». Чеченец не пел, а только говорил в тон балалайке. Это было в роде нашего речитатива. Каждая строфа кончалась долгим и быстрым перебором струн. Но певец до того углубился в положение воспеваемого героя, что казалось будто он импровизует. Что-то вдохновенное слышалось в его голосе, полном тоскливого созерцания павшего абрека. Да он действительно импровизировал, иначе бы ему не удалось так цельно пропеть всю эту песню, как увидим дальше. О законченных, а тем более о рифмованных, или хорошо размеренных, песнях здесь нет и речи. Существуют скорее темы для песен, более или менее разработанные, существует общая манера для их сложения, существуют ходячие фразы, которые вставляет певец в свой сюжет, но песен нет; Каждый мало-мальски хороший певец сам подыскивает и краски для лучшего выражения известного момента, и размер для большой музыкальности другим понравилось, то ему начинают подражать. Но так как песни не записываются и так как поют вообще редко, да кроме того нет законов стихосложения, при помощи которых они бы сами собою запечатлевались в памяти, то ясно что и повторяющим чужое все-таки приходится многое позабытое поновлять от себя. В некоторых местах на два, на три аула приходится всего один певец и тот с грехом поломал. Народ говорят что самые лучшие певцы ушли в Турцию. Надо впрочем заметить что импровизировать на чеченском языке совсем не то что хоть например на нашем: рифм здесь не требуется, размер нужен настолько чтоб одна строфа была не слишком длина или коротка сравнительно с другими и чтобы слышалось стихотворение сочетание слов. Все дело заключается следовательно главным образом в уменье красиво рассказать какой-нибудь случай. «Я голод уголял зелеными травами и вместо воды пил сок шиповника!» продолжал импровизатор. «От дождя я прятался в лубковый шалаш; постель. Мне служили листья лапуха. «Когда я вспомнил о Боге, то восклицал Аллах, когда вспомнил о любовнице – обнимал свое оружие!» – Ойт! Гикнул кто-то из компании. Ойт! Послышались затем восторженные восклицания. «Уже звери отправлялись на добычу и пели петухи, когда я как раненный волк, вскочил с постели, сел и начал думать: «Где бы мне найти такого друга у которого бы я смог безопасно отдохнуть?» Ойт! Ваша вола циони! (чтоб тебе лишиться брата). Эта песня, эти беспрерывные звуки балалайки, этот звучный и приятный голос певца, вероятно, не одному из кружка напомнили его удалые набеги, его молодецкие драки и те критические, голодные, холодные и бездомные часы, когда каждый из них находился в положении героя песни. Все слушатели были возбуждены; как-то никому не стоялось на одном месте: стали переминаться с ноги на ногу, склонять головы на плечи соседей, обхватывать друг друга за талии «И вспомнил своего друга по имени Баша Ваганова, сел я на лошадь и поехал к нему на двор. «И сказал ему: салам алейком, Баша Ваганов! Я приехал к тебе в гости. – Алейком-салам, отважный Вара! Ты слезай с коня, зайди ко мне в саклю и не стесняясь ложись отдохнуть. «И не бойся никого, кроме Бога. А мне нужно съездить по своему делу, сказал он, – и сел на лошадь проклятый!» – Эй джале! (собака) процедил кто-то сквозь зубы. Остальные сдержанно молчали. «Поехал он в Шотайсетага и заехал к Гуданту Мударову. – Салам алейком, Гудант Мударов! – Алейком-салам Баша Ваганов! С чем ты приехал ко мне в гости? – Я приехал тебе сказать: вара, как волк счастливый в своей добыче и как лев славный в народе, лежит спокойно в Бенай атага. «Князь Т. приказал сделать тревогу: забить в барабан для пехоты и заиграть в рожок для кавалерии. «Гудант впереди, драгуны сзади скачут в Бенай Атага. Налетели во двор Баша Ваганова и окружили его саклю, как ток окружают вороны. «И сказали они Варе: – Сдайся нам живой! У начальства мы выпросим тебе прощение, а у царя – чин с жалованьем. «-Как же мне начальство простит и царь чин и жалованье даст, когда при мне та шашка которою я убил полконика, и то ружье за плечами которым я убил генерала? «И сказал еще: – Этот день смерти

я искал всю жизнь свою и сегодня предстану пред своего Всемогущего Бога. «И сказал еще: Прошу вас, братья: кто мне не хочет быть товарищем, тот пусть удалится отсюда! «Начальник драгунов приказал им начать пальбу; драгуны сделали по задней стене несколько залпов и пробили ее. «Вара выстрелил в одного драгуна и убил его. И когда он не мог больше держаться в сакле, то выхватил шашку и бросился с нею в двери. «Он бросился с криком Алла! И тут же упал от нескольких выстрелов. «С неба слетели ангелы, из земли встали и взяли его сладкую душу и понесли на небо.» – Бах-ду! Бахъ-бахъ-ах (слишком правда)! Затем долгое бренчанье на балалайке и молчание слушателей. Певец положил свой инструмент и вставь с земли. Через несколько минут кто-то из кружка подхватил балалайку и забренчал и заорал во всю ивановскую: Дела-лай ялла-лайи!… остальные подхватили, и одиночная тоскливая песнь заменилась безобразным хоровым ораньем. Тянувшие басовые ноты так горланили, так надсаживались и хрипели, что не было никакой возможности слушать их без неприятного ощущения, в роде того какое является при скрипе аробных колес. Что до голосов, то певческих голосов в Чечне чрезвычайно мало. За то не мало хриплых крикунов. Замечу впрочем что хоровое пение Чеченцев кажется безобразным только с нашей точки зрения. На национальное же узо те же звуки, как я заметил, производят чрезвычайно гармоническое впечатление. Было уже поздно. В воздухе повеяло сыростью. На небе кой-где появились прозрачные тучки. Луна как-то воровски стала за них припрятываться. Из аула не слышалось ни одного звука, только речка, протекавшая за уступом, так расшумелась, как будто сотни мельниц вертели на ней своими колесами. Вверху было торжественно, внизу все таинственно и неподвижно. Я отправился в саклю, где руками красавицы была давно приготовлена постель. Все стали расходиться. Подпись: **С.** Укрепление Грозное.

Путеводитель по Терской области

Тифлис 1871 год. Терская область занимает пространство в 44,011 кв. верст, составляющее бассейн р. Терека, и ограничивается: на севере степями Ставропольской губернии, на востоке Каспийским морем и р. Сулак, на юге цепями гор Андийского и главного хребтов и на западе отрогами Эльбруса, р. Кумою, землями Кубанского казачьего войска и Пятигорского уезда Ставропольской губернии. Население области простирается до 510 т. душ обоего пола, считая горцев, по приблизительным сведениям, собранным пи первом камеральном описании в 1867 и 68 годах, и состоит из 5 главных племен, совершенно различных между собою по происхождению, языку и обычаям. Так, в числе этих 510 т. заключается: 170 т. душ казачьего и других сословий русского происхождения, до 170 т. Чеченцев, 60 т. Кабардинцев, до 50 т. Осетин и 60 т. Кумык и Лезгин. Разноплеменность и крайняя разнохарактерность горского населения, при чрезвычайно пересеченной местности, служили всегда большими затруднениями администрации, для поддержания в нем порядка, тем более что центральная часть области, примыкающая к Дагестану, населена многочисленным и воинственным племенем Чеченским, способным увлекаться до фанатизма и отличающимся крайне непостоянным характером. Пользуясь выгодным территориальным положением и имея свободное отступление в горы, Чеченцы, во время минувшей войны, были самыми упорными противниками нашими, и покорение их стоило государству наибольших жертв, сравнительно с другими племенами Кавказа. По экономическим условиям Терская область бесспорно может быть отнесена к числу богатейших стран Наместничества Кавказского, так как, по разнообразию климата и местности, почти все отрасли хозяйства легко в ней усваиваются. В административном отношении область с 1-го января текущего года разделена на 7 округов, при проведении границ которых принимались уже в соображение только одни территориальные условия, а потому в состав населения их вошли безразличия но племена, живущие в очерченных для округов границах.

На пути из Дагестана лежат округа: Веденский, Грозненский и (Воздвиженский), Владикавказский. Образован с 1-го января 1871 года из бывшего округа Ичкеринского и части Нагорного и, занимая пространство в 1200 кв. верст, ограничивается: на севере последними хребтами Черных гор, на востоке р. Ярык-су, на юге Андийскими горами, на западе р. Вашендра и Черными горами. Все это пространство занято нами в 1858 и 59 годах. Население округа состоит из 20 т. душ обоего пола, которые принадлежат к Ичкеринскому племени, составляющему отрасль Чеченского народа (Нохче-Мохк), исповедуют с ним одну религию, говорят тем же языком, имеют общую историю и подобно всем Чеченцам делятся на 23 фамилии (тайпа). Округ разделен на 2 участка или пристава, управляемые приставами, заменившими бывших до 1871 г. наибов.

Из местностей и пунктов, встречающихся на пути наиболее замечательны: Андийский хребет, составляющий одну из самых высоких ветвей главного Кавказского и служащий областною границею. Важнейшие перевалы его – Кырк, Керкетский и Исолом – ознаменованы неоднократными переходами наших войск, между которыми наиболее памятны переходы: через Кырк – в 1839 г. отряда генерал-адъютанта графа Граббе, при движении в Ахульго, и в 1845 году отряда генерал-адъютанта светлейшего князя Воронцова, который, спустившись с Кырка, занял Андию и через перевал Исолом вступил в Ичкерию, двигаясь к Дарго; переход через Керкет в 1859 г. генерал-фельдмаршала князя Барятинского, с войсками, направленными к Гунибу, при окончательном покорении Восточного Кавказа. Войска эти тогда же разработали дорогу через перевал. Озеро Эзен-ам лежит на южном склоне Андийского хребта, на высоте 6150, и, имея, более 7 верст в окружности, принадлежит к самым большим горным озерам области. Близь него, в 1850 г., было возведено укр. Форельное. По преданиям,

сохранившимся в местном населении, здесь в XVI ст. Аварский хан имел дело с казаками, по всей вероятности, Гребенскими. Близь этого озера в 1859 году поселены были явившиеся из гор беглые солдат, которым даровано было Всемилостивейшее прощение. **Озеро Эзи-ам** на северном склоне Андийских гор. Близь него проходит областная граница, между Андиею и Ичкериею. **Хорочоевское ущелье** составляет глубокую и тесную котловину, которая во времена Шамиля служи ла ссылочным пунктом. Хребет, возвышающийся к востоку, отделяет ее от ущелья р. Ачиим-содол, на берегу которой расположен аул Дарго, в первый раз взятый войсками нашими в 1832 году, под начальством генерала Вельяминова и затем памятный по экспедициям к нему в 1842 году генерал-адъютанта графа Граббе по хребту Корже лик, и в 1845 году князя Воронцова со сторон Дагестана Аул Харочой лежит при слиянии рек Чийарзау-ахк и Хулхулау; населен 100 семействами **харочоевской** фамилии; близь него до настоящего времени существует башня, выстроенная, по преданиям, не позже XIV века. Укр. Ведень лежит на правом берегу крайнего левого притока Р. Хулхулау, в 700-х саженей от бывшего аула Ведень, взятого 1-го апреля 1859 г. штурмом генерал-лейтенантом Евдокимовым, после 14-ти дневной осады. В 1859 г. на месте настоящего укрепление было возведено земляное, постройка же каменного окончена в главных частях в 1868 году. В укреплении помещаются: штаб-квартира 79-го пехотного Куринского полка, окружное и участковое управление и окружной словесный суд. Слободка, существующая при укреплении, устроена женатыми нижними чинами. Жителей в ней считается всего до 210 д., преимущественно отставных. Хулхулауское ущелье. Важнейший военный и торговый путь сообщения Терской области с Дагестаном. Дорога здесь проложена еще до 1859 г., но свойство грунта окрестных гор делает ремонтирование ее в высшей степени затруднительным. В 2-х верстах ниже Ведени, на высоте, куда поднимается дорога, был расположен лагерь графа Евдокимова в 1859 году, в течении февраля и половины марта месяцев. К западу от этого пункта открывается ущелье Басса, служившее путем наступление наших войск к Ведени и обыкновенным путем движения скопищ Шамиля. **Арджин-ахк**. Милиционный пост на месте бывшего укрепления, воздвигнутого в 1859 году. Образован 1-го января 1871 года из округа Чеченского и казачьих полков: Гребенского, Моздокского и 2-го Сунженского. Граничить: с севера степями Ставропольской губернии и р. Тереком, с востока – р. Аксаем и ее притоком, с юга – последними уступами Черных гор и с запада – р. Фортангою и землями 1-го Сунженского полка. Пространство округа простирается до 8040 кв. в.; жителей считается 117,800 д. обоего пола. Из этого числа около 80 т. д. принадлежит к Чеченскому племени (нохче) и подразделяется на 30 фамилий (тайпа), живущих в 65 аулах. Все племя, без исключения, исповедует магометанскую религию учения Сунни и говорит языком, не имеющим ничего общего с другими, до сих пор известными. Селения его занимают так называемую Чеченскую плоскость от подошвы Черных гор до р. Сунжи и узкую полосу по правому берегу Терека, на западе от устья Сунжи. Жители последней местности, известные под названием Надтеречных Чеченцев. Были покорены еще генералом Ермоловым в 1817 году и с тех пор оставались верными нашему правительству. Остальные де покорились окончательно только в 1858 и 59 годах, по взятии Аргунского и Хулхулауского ущелий. Составляя самую беспокойную часть населения области, легко увлекающуюся фанатическими учениями, и занимая весьма выгодное территориальное положение (опирающееся на Дагестан), Чеченцы всегда считались как нашими генералами, так и Шамилем, важнейшими нашими противниками, а земли их, служившие житницею Дагестана, ключем для покорения всего Восточного Кавказа. Казачье население округа состоит из 27348 д. и живет по берегам рек Терека и Сунжи, начав водворяться на первом с 1765 г. (ст. Наур) и на второй с 1847 года. Всех станиц в округе 15-ть. Остальные за тем 3469 душ составляют население г. Грозного и слободы Воздвиженской, а отчасти проживают по станицам. Округ разделен на 6 участков, управляемых приставами из русских офицеров.

По пути от Арджин-ахка встречаются следующие замечательные места: Укр. Эрсеной выстроено в 1859 году. Расположенное у входа в Алхулауское ущелье, оно владеет сообщениями плоскости Чечни с Ичкерию и Дагестаном. Чеченская плоскость составляет равнину, лежащую между Черными горами, Качкалыковским хребтом, р. Сунжею и долиною Ассы, по выходе ее из гор. Течение Аргуна делит ее на две части, из которых восточная нпазывается Большою, а западная Малою Чечнею; обе в недавнее еще время были покрыты дремучими вековыми лесами, перерезанными множеством рек и ручьев, крутые обрывистые берега которых были покрыты мелкими хуторами, составлявшими жилище стотысячного населения Чечни.

Укрываясь в этих лесных дебрях и имея свободное отступление в горы, представлявшие крайние затруднения для движения войск, Чеченцы почти ¾ века вели упорную борьбу за свою независимость и покорились только тогда, когда вся плоскость была уже нарезана широкими просеками, делавшими движение войск безопасным от огня и нападений неприятеля. Первые просеки были вырублены генералом Ермоловым в 1817 – 20 годах от Грозной к Ханкальскому ущелью и р. Гойте. Затем генералу Фрейтагу принадлежит осуществление мысли, высказанной генералом Вельяминовым, о необходимости идти к покорению Чечни вырубкою и разчисткою ее лесов. Проложение просек отрядами генералов: Фрейтага, Нестерова, кн. Барятинского, Вревского, Слепцова и других в Малой Чкчне, между 1843 и 51 годами, заставило население этой страны частью прин*ести покорность и частью удалиться в горы. К такому же результату привели – зимние экспедиции в Большую Чечню отрядов генерала Евдокимова в 1856, 57 и 58 годах.

Из действий наших войск в Чечне особенно замечательны:

Поход, предпринятый в 1785 году для усмирения восстания, произведенного Шейхом Мансуром, послуживший началом столкновений с Чеченцами и оставивший до сих пор воспоминания в названии некоторых урочищь (курган Потемкина, близ ущелья Хан – Кале, аул Майртуп и пр.). Экспедиция генерал – адьютанта барона Розена в 1832 году, подвергнувшая разорению всю Чечню и оконченная взятием аула Герменчука; в 1840 году дело отряда генерала Голофеева со скопищами Шамиля на р. Валерик. В 1844 году заложение отрядом генерал – лейтенанта Гурко укр. Воздвиженского. Набеги генерала Слепцова в течении сороковых годов на Малую Чечню; экспедиция того же генерала в верховья р. Гойты, где генерал этот 10 декабря 1851 года был убит. – Движение отрядов бывшего начальника левого фланга, ныне генерал-фельдмаршала, князя Барятинского, в 1852 и 1853 годах в Большую Чечню, и особенно взятие переправы на Мичике; движение Шамиля с 20 т. сбором, с артиллериею, в 1854 году, к Исти-су и дело полковника барона Никалая под этим аулом, и наконец трехлетние экспедиции генерала Евдокимова. По окончании войны Чеченская плоскость вновь была заселена бежавшими в горы жителями, разместившимися по указаниям администрации большими и правильными поселениями. Аул Шали – один из самых больших в Чечне, состоит из 1000 дворов, лежит на известной в истории Чечни Шалинской поляне, при выходе из ущелья р. Басса на плоскость; по центральному положению своему служил сборным пунктом для всей Чечни. Здесь в начале пятидесятых годов происходили многочисленные столкновения наших отрядов с Чеченцами, между которыми особенно замечательны: проложение просеки к поляне в 1850 году; в следующем 1851 г. взятие окопов, которые Шамиль возвел поперек всей просеки, усилив их двумя редутами, и которые заняты были без выстрела внезапным нападением и удачным обходом с флангов; 27-го февраля того-же года на этой поляне произошло известное кавалерийское дело, под начальством князя Барятинского, с Тавлинцами. На месте нынешнего аула в 1858 году был заложен Шалинский укрепленный лагерь, упраздненный с окончанием войны. В январе 1864 года, собравшиеся на этой поляне последователи фанатического учения «зикр», в числе более 3 т. человек, атаковали отряд из 6-ти батальонов пехоты и 3-х сотен кавалерии, при 4-х орудиях, под начальством генерал-лейтенанта

князя Туманова; зикристы, встреченные залпом пехоты и огнем артиллерии, были рассеяны. **Укр. Воздвиженское** устроено на р. Аргуне в 1844 году и до 59-го служило штаб-квартирою Куринского полка. С 1868 же года его заменил Навагинский пехотный полк. Расположенное при выходе на плоскость р. Аргуна, оно владеет важнейшим сообщением горных обществ с плоскостными и потому во время войны имело особую стратегическую важность. Кроме военного населения, при укреплении этом находится слободка, с 350 д. обоего пола, состоящая большею частью из семейств отставных солдат. В 7 верстах от него, выше по течению реки, лежат Аргунский ворота, чрезвычайно тесное дефиле, обставленное неудобо-доступными высотами. Генерал Евдокимов, в 1858 г., зная, что дефиле это сильно укреплено Шамилем, отвлек демонстрациею главные силы его в ущелье рр. Басса и Хулхулау и неожиданным движением на Аргун овладел завалами без выстрела, обойдя их с флангов, что позволило ему тогда же занят вход в ущелья и устроить укрепление при слиянии рек Чанты и Шаро-Аргуна. **Устархановское поле,** в 12 в. к. западу от укр. Воздвиженского, служило сборным пунктом партий Большой и Малой Чечни и было окружено многочисленными хуторами и аулами, группировавшимися по течению рр. Гойты, Мартана и Энгелика, уничтоженными в 1857 году. Поле это перерезывает большая русская дорога, проходящая через всю Чечню и названная так Чеченцами, вследствие частого движения по ней наших отрядов. Между Устархановским полем и укр. Воздвиженским лежит Драгунская поляна, замечательная по делу, которое имели здесь Нижегородские драгуны в 1857 году со скопищами Шамиля. **Ущелье Хан-Кале.** Один из главных путей наступления наших войск в Чечню. После 1785 г. Чеченцы выстроили, при входе в него, крепость, взятую в 1819 году генералом Ермоловым, тогда же вырубившим просеку в дремучем лесу, покрывавшем скаты Ханкальских гор. В 1824 г. Чеченцы преградили это ущелье большим завалом, который был взят и разрушен в 1825 году и за тем вновь возобновлен Чеченцами, а в 31 году окончательно уничтожен нашими войсками, после кровопролитного боя. С тех пор завал не возобновлялся, но весьма жаркие столкновения и действия в ущельи наших войск с неприятелем продолжались до самого окончания войны. **Город Грозный**, переименованный из крепости того же наименования в 1870 г., лежит на обоих берегах р. Сунжи и имеет население около 3 ½ т. душ обоего пола. К городу примыкает Грозненская станица, обращенная в казачье ведомство, в 1851 году, из военного поселения, существовавшего с 1839 года. Кр. Грозная заложена генералом Ермоловым, при проложении им Сунженской линии в 1818 году; и в скором времени сделалась весьма важным пунктом, так как, находясь в центре занимаемого тогда Чеченцами пространства, долгое время удерживала в покорности при-Теречных и Сунженских Чеченцев. В разгаре военных действий с тридцатых годов, она служила местопребыванием начальника левого фланга и сборным пунктом отрядов, направлявшихся в Чечню. В настоящее время в г. Грозном расположены: управление Грозненского округа, штаб 150-го Таманского пехотного полка, штаб Сунженского казачьего полка, 3-й летучий артиллерийский парк, Кавказский линейный №9 батальон, военный госпиталь, провиантский магазин, камера мирового судьи и горский словесный суд, окружное горское училище и городская женская школа. **Сунженский полковой округ** в административном делении области составляет район, из которого комплектуется Сунженский полк, и состоит из 15 станиц бывших 1-го и 2-го Сунженского казачьих полков, с населением в 23350 душ мужского и женского пола. Занятие казачьими станицами Сунженской линии началось с 1845 г., когда полное восстание всей Чечни вследствие утверждения в ней власти Шамиля, и беспрерывные прорывы за Сунжу и Терек больших чеченских партий вынудили принять чрезвычайные меры для ограждения безопасности при-Теречных станиц и военно-грузинской дороги. В упомянутом году был сформирован 1-й Сунженский полк большею частью из переселенных на Сунжу Донских казаков и из старых полков Терского войска, а отчасти из переселенцев из внутренних губерний России. Первым командиром Сунженцев был генерал Слепцов, сумевший быстро сплотить разрозненное и разнохарактерное население новых станиц, в крайне-опасное

время, когда самому существованию их почти ежедневно угрожали партии Шамиля; всегда и везде являясь первым на тревогу, отличаясь неустрашимостью и верным военным взглядом, он сумел выучить своих казаков отражать нападения неприятеля и служил лучшим охранителем их спокойствия и имущества. Впоследствии, Сунженцы, под командою Слепцова, своими удачными и беспрерывными набегами, заставили жителей Малой Чечни выселиться в горы, где, в одном из набегов, на берегах Гойты, потеряли своего храброго командира, убитого 10-го декабря 1851 года. Заботливость о казаках Слепцова, всегда являвшегося на помощь нуждающимся и отказывавшего себе в самом необходимом для того, чтобы поддержать обедневшее семейство, его военная слава и подвиги, совершенные полком под его начальством, глубоко врезали его имя в памяти Сунженцев, заставили сложить про него песни, сделавшиеся любимыми в народе, и до сих пор чтить его память, ежегодно собираясь в день смерти Слепцова на его могилу. По пути к Владикавказу лежат следующие станицы Сунженского округа. Алханюрт, устроенная в 1851 году, на месте бывшего **Алхан-юртовского** аула; население состоит из 2488 душ. До 1865 года служила местопребыванием штаба полка. В этой станице, в 1864 г., устроен мост через р. Сунжу. В одной версте к востоку от нее находятся развалины бывшего укрепления Злобный-окоп, возведенного Ермоловым. **Закан-юрт**, в 3-х верстах от большой почтовой дороги. Лежит на месте бывшего аула того же имени, и при слиянии рек Сунжи и Фортанги. Жителей считается 1662 души. Близь нее происходило в 1846 году известное дело подполковника Костырки, следовавшего с батальоном Дагестанского полка в Грозную и отбившего 5 атак многочисленных скопищ неприятеля. **Ст. Самашкинская** устроена в 1851 г, на р. Сунже, в том месте, где горцы обыкновенно правлялись для набегов большими партиями. Жителей в ней 1730 душ. В 6-ти верстах к западу от станицы было расположено укр. Казах-Кичу. **Ст. Михайловская** устроена в 1846 г. генералом Слепцовым, близь бывшего укр. Волынского. В окрестностях ее имеются минеральные щелочные источники и при них купальни. В станице расположено штаб квартира 2-й батареи 20-й артиллерийской бригады; жителей в ней 2568 душ. По дороге к Слепцовской станице находится место бывшего Ермоловского укрепления **Преградный стан. Ст. Слепцовская,** выстроена в 1845 г., вторая из Сунженских по времени основания. До 1871 года служила штаб-квартирою полка. На станичном кладбище сооружен памятник генералу Слепцову, имевшему постоянное местопребывание в этой станице и передавшему ей свое имя. Жителей в станице 2877 душ. Отличаясь в военное время в числе первых наездников полка, слепцовские казаки по заключении мира явились передовыми и в устройстве своего хозяйства: так, между ними в последние годы получило развитие молочное хозяйство, сыроварение и сделаны попытки разведения табаку. В станице, кроме школы для мальчиков, существующей на том же основании, как и во всех остальных станицах, учреждено женское училище. В 3-х верстах от Слепцовской станицы лежит ст. Троицкая, первая, с которой началось заселение Сунженской линии. Жителей в ней 2326 душ. **Карабулакская**, в 10 верстах от ст. Слепцовской и на таком же расстоянии от укр. Назрановского, устроена в 1860 году на месте бывшего укр. Эльдархановского, для охранения сообщений от мелкого хищничества Карабулак. Жителей имеет 1447 душ.

Владикавказский округ. Образован в 1871 году из военно-народных округов Осетинского и Ингушевского и казачьих полков 1-го Сунженского и 1-го и 2-го Владикавказских. Пространство его простирается до 10,595 квадр. В.; число жителей до 124,150 д. обоего пола; границами служат: на севере рр. Урух и Терек и Малокабардинский хребет, на востоке земли бывшего 2-го Сунженского полка и р. Фортанга, на юге главный хребет Кавказских гор, а на западе р. Урух. Из общей цифры населения – 81,400 душ принадлежит к горским племенам – Осетинскому и Ингушевскому, 25,720 – к казачьему сословию и 17,028 – к числу жителей города и слободки. Из горских племен Осетины, в числе 50 т. душ, населяют ущелья гор главного хребта и Черных, к югу и западу от Владикавказа. Племя это, добровольно признав над собою владычество России, никогда не враждовало с нами, и за исключением экспеди-

ции, предпринятой в 1830 году генералом Абхазовым, для усмирения беспорядков в некоторых обществах, не вызывало никаких военных действий. Происходят Осетины, сколько можно догадываться по темным намекам истории и преданий, сохранившихся между ними, от аборигенов Кавказского хребта Иров, семитического племени, вышедшего в незапамятные времена с Иранского плоскогорья и смешавшегося, в течении первых веков нашей эры, с Аланами – некогда великим народам, занимавшим приволжские степи и весь восточный Кавказ и оттесненным позднейшими пришельцами, частью на запад и частью в горы Кавказского хребта, окружающие Дарьяльское ущелье. Частые столкновения с Грузиею, в войсках которой Осетины нередко служили по найму, были причиною раннего распространения между ними христианства, сколько известно проникнувшего к ним уже в III и IV веке; но впоследствии, во времена падения могущества Грузии, значительно ослабевшего и обратившегося в смесь удержавшихся в памяти народа языческих суеверий и обрядов с догматами новой религии. Укрываясь в скалистых ущельях цепей главного и черного хребтов, а также разбросанные мелкими группами в недоступных местностях почти до предела вечных снегов, – Осетины более других народностей Кавказа сохранили свою самобытную патриархальность нравов и представляют потому богатую почву для исследований всякого рода. В настоящее время, часть их, живущая на северных склонах хребта, т. е. в пределах Терской области, подразделяется на несколько обществ, между которыми главные: **Тагаурское, Дигорское, Куртатинское, Аллагирское и Наро-Мамисонское.** Первые три имеют сословные различия; у Тагаурцев, напр., существует высшее сословие алдар, класс, свободных людей фарсалаков и полузависимый – кавдасардов; у Дигорцев – высшие сословие бидилят и саргасадов, среднее – хехесов и низшее – кумиаков. В остальных двух обществах не существие почти никаких признаков подразделения на классы. Высшие сословия Осетин, в конце прошлого века, приняли исламизм, прочие же сохранили верования своих предков и потому, из 50 т. всего населения, считается около 15 т. магометан. Приняв по собственному желанию подданство России, племя это с тех пор оставалось неизменно верным новому своему отечеству и самым надежнейшим между всеми обитающими в Кавказских горах, доблестно доказывая свою преданность России постоянных участием, в течении почти целого столетия, в рядах ее войск и множеством блестящих подвигов, оказанных как при покорении Кавказа, так и в других войнах. В ознаменование этого Осетинам было пожаловано в Бозе почившим Императором Николаем I-м знамя в 1845 году. В деле мирного гражданского развития Осетины также опередили всех своих соседей и в настоящее время пользуются уже общими мировыми учреждениями, введенными у них по собственному их желанию. Другое горское племя, входящее в состав населения Владикавказского округа, Ингуши, в числе более 31 т. д., живут в ущельях гор главного хребта – Галгаевском, Джераховском и других и на плоскости, в окрестностях укр. Назрановского, между рр. Сунжею и Камбилеевкою, до хребта Кабардинских гор. Племя эта принадлежит к Чеченскому и имеет одинаковый с ним язык и религию, на столкнувшись ранее с Русскими и находясь в беспрерывных сношениях с ними, приняло подданство в начале нынешнего столетия и с тех пор, за немногими исключениями, оставалось постоянно преданным Русскому правительству. Название свое Ингуши получили от одного из аулов, находившегося в Тарской долине и называвшегося Ингушт, или Ангушт, В 1830 году большая часть этого племени была выселена из гор и поселена около Владикавказа, и преимущественно в окрестностях укр. Назрана, почему и называлась обыкновенно Назрановским племенем. Участвую в экспедициях наших войск при покорении Кавказа, Ингуши оказали много отличий и между прочими отражение многочисленных скопищ Шамиля в 1842 году, без помощи войск, что доставило им знамя, Всемилостивейше пожалованное в том же году; за тем, неудовольствие, возникшие в 1858 году, вследствие мер, принятых к сожалению Назрановцев большими аулами, дали возможность Шамилю воспользоваться волнениями в этом племени и поднять в нем восстание, выразившееся неудачным штурмом укр. Назран, в мае 1858 года, и оконченное решительным пораже-

нием, нанесенным Шамилю нашими войсками, близь Владикавказа, в августе месяце того же года. Отобранное у Ингуш знамя было возвращено им затем в 1863 году, за заслуги и подвиги Назрановской милиции, оказанные, как при окончательном покорении Кавказа, так и в войну 1853 – 1856 годов. Казачье население, в числе 25700 д., составляет Владикавказский полковой округ и часть Сунженского, о котором было уже упомянуто выше. Владикавказский округ составлен из жителей бывших полков 1-го и 2-го Владикавказских казачьих занимающих земли узкою полосою по берегам Терека, от Владикавказа до впадения Малки, и в предгорьях по верховьям рек Камбилеевки, Сунжи и Ассы. Владикавказские полки лучили свое основание разновременно: первый – составился из находившихся на службе на Кавказе двух Малороссийских казачьих полков, из которых полк №1-го поселен был по Тереку, для охранения военно-грузинской дороги в 1837 и 1838 годах, а №2-го – в 1842 году и последний тогда же был усилен обращением в казаки жителей поселений Владикавказского, Николаевского, Котляревского и Александровского. 2-й же Владикавказский полк сформирован в 1859 году, из Линейных и Донских казаков, а также из женатых нижних чинов регулярных войск и из Государственных крестьян, вызванных из внутренних губерний России. Всех станиц во вновь учрежденном полковом Округе 15, с населением 18,056 душ. Из встречающихся по пути, пролегающему из Грозной, пунктов и местностей замечательны: укр. Назрановское, впервые заложенное в конце прошлого столетия, одновременно с движением Русских в Грузию; оно было перестроено генералом Ермоловым в 1817 году и приведено в настоящий вид в 1843 году. Расположенное при выходе из ущелья, соединяющего Чеченскую плоскость с Владикавказскою равниною, укрепление это владеет лучшим сообщением этих частей края и потому не один раз выдерживало нападения многочисленных скопищ неприятеля. Важнейшим из них было нападение, произведенное Кази-Муллою, в феврале 1832 года, и отбитое гарнизоном, состоявшим всего из 2-х рот пехоты в укреплении помещается в настоящее время: участковое правление, горский словесный суд и рота пехоты. В ближайших окрестностях его находится пещера, пользующаяся особым почитание в народе, вследствие замечательно сохранившихся трупов, лежащих в ней с незапамятных времен. Бывшее укр. Камбилеевское – ныне практическая земледельческая школа. Выстроенное в начале текущего столетия, не далеко от бывшего укр. Потемкина, Камбилевский пост был перестроен и обращен в штаб-квартиру Донского казачьего полка в 1857 году, упраздненную с окончанием войны, и за тем, потеряв всякое военное значение, в 1868 году обращен в Из общественных учреждений городов имеет: Михайловскую бесплатную лечебницу для приходящих, городской общественный банк, театр, общественно собрание и сад. Во Владикавказе помещаются все военные и гражданские областные учреждения; управление Владикавказского округа, I и IV отделения округа путей сообщения на Кавказе, Владикавказский окружной суд, 2 камеры мировых судей, комиссия для разбора сословных прав населения Кубанской и Терской областей, таможенный надзор в области; а из военных – штабы: войск Терской области и 20-й пехотной дивизии; управления: губернского воинского начальника, Терской инженерной дистанции, Терской крепостной артиллерии, 20-й артиллерийской бригады, атамана 2-го военного отдела Терского казачьего войска и инспектора Терской постоянной милиции; штаб – квартиры: 2-го саперного Кавказского батальона, 77-го Тенгинского полка, 2-го стрелкового кавказского батальона, Кавказского линейного №8 батальона, 3-й батареи 20-й артиллерийской бригады, роты крепостной артиллерии, военный госпиталь, провиантский магазин, гауптвахта и проч. Путь из Владикавказа на Тифлис переходит в самом городе русских войск в Грузию, и за тем продолжается непрерывно до настоящего времени. По дороге этой встречаются следующие пункты: **Редант**, укрепление в 7 верстах от Владикавказа, выстроенное в начале нынешнего столетия; близь него – Осетинской аул Редантский, или Футхуз, жители которого одни из первых Осетин выселились из гор на плоскость в 1813 году. **Балта**, поселение в 40 дворов, составившееся из семейств отставных нижних чинов. Казармы военно-рабочей роты. **Джерах**, укрепление, запирающее выход из Джерахов-

ского ущелья, в течении тридцатых и сороковых годов служившее сборным пунктом отрядов, направлявшихся в названное ущелье, для усмирения частых волнений **Цоринского, Галгаевского и Аккинского** обществ и для преграждения прорывов на линию. Укрепление это выстроено в 1848 году. **Ларс –** укрепленные пост и таможня. **Дарьял –** укрепление, запирающее выход из Дарьяловского ущелья; выстроено в 1848 году. Шоссейная застава. Граница области.

Народы России. Чеченцы. 1879 год

«Природа и люди» иллюстрированный журнал литературный, научный и политический. Санкт-Петербург. 1879 год.

Народы России. I. Чеченцы. По соседству с осетинами и на восток от них поселилось чеченское племя. Чеченцы называют себя нахче, т. е. народ, и название это относится одинаково до всех племен и поколений, говорящих на чеченском языке и его наречиях. Наружная деликатность вежливость есть отличительная черта характера чеченцев. Мужчины, часто незнакомые между собою, при встрече приветствуют друг друга или отдают «селям»; знакомые же приветствую пожатием руки, и всегда правою. В языке их не существует, подобно другим народам, ни изысканных ругательств, ни бранных слов. В минуты гнева, самою употребительно у них бранью считается какое-нибудь пожелание, в роде того: чтобы тебе голову сняли! Чтобы тебя пушкою убило, и только в редких случаях, в припадке сильного гнева, чеченец произносит: «джалий корне» (собачий сын), что считается большим оскорблением. Если в настоящее время чеченский лексикон увеличился новыми ругательствами, то они большею частью заимствуются от соседей-иноземцев. Взаимные отношения молодых людей и девушек отличаются полным уважением к женской стыдливости, составляющей достоинство девушки. Чеченец считает недостойным себя не только оскорбить чем-нибудь девушку, но даже дотронуться до нее рукою; нарушивший этот обычай подвергается всеобщему прении и, как увидим ниже, за подобным поступок следует серьезная разделка. Вообще, в характере народа много гордой, самолюбивого. Подобно черкесам, чеченцы горды, тщеславились своею независимостью и верили в широкую будущность своего народа и своей родины. Покидая с трудом свое отечество, чеченец спешит как можно скорее вернуться под свое родное одеяло – так называют они свои леса. Даже отправляясь на богомолье, туман сохраняет присутствие духа только до тех пор, пока его провожают родные. Чеченцы считают себя народом, избранным самим Богом, но для какой именно цели они предназначены и избраны, – объяснить не могут. Вследствие такой самоуверенность, они полагают, и ни во взгляде на жизнь, ни в своих мнениях и приговорах, ошибаться не могут. От этого у них часто проявляется недоверие ко всему, сказанному нами, ко всем действиям нашим, клонящимся прямо в их пользу. Мнительность и подозрительность, вследствие того большая осторожность и предусмотрительность видны во всем том, что исходит прямо от самого народа. Они ласковы, по собственному их выражению, только потому, чтобы не подать подозрения о склонности к воровству и грабежу. На слово чеченца положиться нет возможности. Он вас любит, как брата, но горсть серебра – и он готов отдать вас в самые адские руки. Как все полудикие народы, и чеченцы отличаются вспыльчивым и неукротимым нравом, и весьма склонны к мстительности, коварству и низки систематически. Находясь с самой низкой степени развития, чеченец легковерен, впечатлителен, быстр на знакомство и всегда весел. Одно впечатление быстро сменяется другие. Под веселостью у него часто скрывается чувство мести за обиду. В минуты увлечений, во время споров или ссор, они тотчас же бросаются друг на друга с оружием, а это неизбежно влечет за собою кровопролития и убийства, вызывающие бесконечную жажду и мщение. Умственное развитие чеченцев далеко опередило нравственное: они очень искусные дипломаты, как между собою, так и с русским правительством. Они чрезвычайно тонки, осторожны, дальновидны в своих действиях, чему способствует их врожденная недоверчивость, а главное – беспрерывные насилия и вечная война. Чеченец богато одарен умственными способностями, но, к сожалению, и они получили фальшивое направление при той обстановке, при которой он развалился. Многие обычаи гостеприимства придают полудикому населению который вид благородства. Гостеприимство развито в значительной степени и между чеченцами, которые вообще весьма общежительны,

и не смотря на дикость нравов, являются утонченно вежливыми хозяевами и гостями. Шамиль, стараясь развить в народе шпионство и доносы, сильно поколебал в подвластных ему племенах строго наблюдение обычая гостеприимства. Гостеприимство чеченца, говорит Пассек, далеко ниже того, как привыкли воображать: без расчета чеченец не испечет теперь гостю чурека (хлеба), не зарежет барана, и было несколько примеров, что гости обкрадывали хозяина, а хозяин обирал своих гостей. В тех же обществах, которые не были под властью Шамиля, гостеприимство и до сих пор осталось на высокой степени своего развития. В таких племенах, хозяин считает великим для себя стыдом позволить обидеть и даже арестовать человека, переступившего порог его сакли, хотя бы он был даже преступник. Чеченец одевается без всяких затей, все по мерке, все к месту, и ничего лишнего. Сшитый из желтого или серого сукна собственного изделия чекмень или чуа, плотно и в обтяжку охватывает его гибкую талию: бешмет или архалук его бывает разных цветов, но летом преимущественно из белой материи. Чеченец носит суконные шаровары, суживающиеся к низу, а чевяки или мачи, приготовленные из сыромятной лошадиной кожи, составляют его обувь. Чевяки плотно охватывают ногу так, чтобы обрисовать ее – это щегольство. Желающие блеснуть чевяками, надевают их, подобно черкесам, не прежде, как достаточно размочив в воде. Некоторые носят кожаные чирики – род башмаков, иногда без подошвы, а иногда под них подшивается подошва из буйволовой кожи. Зимою туземец облекается в полстяные теплые чевяки, похожие на валенки. На голове чеченец носит папаху, представляющую род конусообразного мешка из овчины, обращенной шерстью во внутрь, с завороченными наверх краями, образующими меховой околыш, или куртей. Нарядное платье свое чеченцы обшивают узким галуном, приготовленным дома, довольно прочно и красиво. Одежда чеченских женщин довольно живописна, хотя отличается от обыкновенного татарского женского костюма. Они носят одноцветные, красного или синего цвета, длинные рубашки, доходящие до колен, с длинными же рукавами и цветными надплечиями. Поверх рубашки надевают бешмет, или архалук, широкие шальвары, подвязанные у чевяк, и на ногах чевяки. Зимою женщины носят шубы, но надевать их девушкам у некоторых племен чеченского народа считается большим срамом. Костюм женщин отличается большею чистотою и опрятностью. На голове мне они носят небольшие шапочки, разукрашенные монетами и другим и блестящими безделушками; большинство же повязывает голову длинными белыми платками, но покрывал в горах по большей части не носят вовсе, лица своего не скрывают и не прячутся от мужчин. В богатых семействах одежда женщин отличается своею роскошью и изысканностью. Обыкновенную пища у чеченца составляют: просяная лепешка и кукурузный хлеб, который едят часто с биремом. Бирем давнишнее квашенное и соленое молоко, беспрестанно разводи то водою, то молоком, с приправою соли. Прочие блюда составляют: ахиг – варенная кукуруза, лапша, молоко свежее (шир) и кислое (шар), творог, масло, пшеничные лепешки, у которых верхняя корка покрывается толстым слоем сала, блины, употребляемые на свадьбах и похоронах, и джи-жик – мясо в различных видах, и преимущественно баранина, из которой приготовляют довольно вкусный бульон, весьма часто приправляемый сметаною и чесноком. Чеченцы не едят горячего и, сварив бульон, разводят его холодною водою, если не желают ждать, пока он остынет. Кроме того варят фасоль, бобы, а теперь входит в употребление картофель. Для гостя чеченец подает шашлык, калт-детты – сыр, перемешанный с топленым маслом, и калмыцкий чай. Чеченцы очень умерены в пище, точно как во сне. Несмотря на то, что весьма сильны и ловки, они едят очень мало и часто довольствуются чуреком с куском бараньего сала или сыра. Дома чеченцы едят раза два или три, по понемногу. Муж есть всегда отдельно от жены, которая не осмелится сесть вместе с ним, без особого приглашения. Пищу приготовляют, тогда, когда приходит время есть, и при том в таком количестве, чтобы не было остатков. Приличие требует, по окончании еды, оставлять всегда чо-нибудь на люде. Перед едою и после умывают руки и полощат рот. Чеченские аулы или селения вообще растянуты на значительное

расстояние; сакля от сакли отделяется садом, огородом, двором а иногда и пашнею. Селения строятся неправильно, каждый двор отдельно, и раскидываются по предгорьем, в лесу, вдали от дорог и удобных путей сообщения. Чеченцы, обитающие в долине, живут большими аулами; но в горах, напротив того, селения их незначительны и часто состоят из нескольких дворов. В предупреждение от нападений, некоторые из аулов, подобно тому как наши казачьи станицы, окружены валом и плетнем с частоколом. Жилища некоторых чеченских племен, составляющих Ингушевский округ, состоят преимущественно из старых каменных башен, сложенных из камня, без цемента и имеющих несколько ярусов. Башни эти построены преимущественно на выступах скал или на оконечностях гребней, словом на таких местах, которые ни для чего не годны. В однй такой башни живет почти всегда несколько семейств, занимающих верхние этажи, а нижние предназначаются для помещения скота. Живя совокупно в одной башни и в таком близком соседстве, семейства разделены между собою капитальными стенами и помещение каждого выходит в общий коридор, составляющий принадлежность каждой башни. Кроме жилых башен, в горском ауле встречаются нередко башни оборонительные со множеством амбразур, имеющих форму треугольников, крестов, звезд и других изображений. Две или три жилых башни, вмещающие в себе несколько семейств, составляют аул, группирующийся, как мы сказали, или до оконечностей гребней, или на выступах скал, и преимущественно в местах наиболее живописных. Чеченское селение, напротив того, часто тянется в длину версты на три или на четыре, хотя весь аул состоит не более как из ста домов. Все строения деревянные, в один, редко в два этажа, и с плоскими крышами. Дом чеченца обмазан с обеих сторон глиною и выбелен: внутри него относительно чисто, опрятно и светло. В стенах сделаны окна без рам, но со ставнями для защиты от ветра, преимущественно северного, оттого и двери обращены всегда на юг или восток. Дверь свою чеченец почти никогда не запирает, и потому сильный сквозной ветер свободно гуляет по комнатам, которых бывает, по две или по три в каждом доме. Сакля нагревается камином, чаще очагом, над которым сделана труба, проходящая сквозь крышу. Вдоль внутренних стен сакли идут лавочки, на которых разложены в порядке: посуды ковры, одеяла, подушки и прочая рухлядь. В одному углу комнаты стоит корзина с зерновым хлебом, а в другом кадка с водою, составляющие почти единственную мебель сакли. Одна из комнат сакли предназначается для приема гостей и носит название кунахской. На убранство и чистоту этого помещения каждый хозяин обращает особенное внимание. В кунахской можно встретить две три скамейки, лучшие из всех, какие только есть в доме, широкий сундук, покрытый ковром, и пол комнаты, устланный белыми войлоками. Здесь, вместо очага, устраивается непременно камин, а сбоку его у маленького окошечка, на почетном месте стоит кровать туземного изделия. В разных местах, но преимущественно около дверей, висит несколько бычачьих шкур, на которые правоверные становятся при совершении молитвы или намаза. Стены кунахской утыканы деревянными колышками и на них в одном месте разрешено оружие, в другом бутылки, привязанные веревочками за горлышко, в третьем глиняные и деревянные тарелки и чашки, также схваченные шнурком в просверленные около краев дырки. Все это почти всегда служит не более как украшением, и чем больше развешало таких украшений, тем почтеннее хозяин, тем гостеприимнее считается кунахская. Каждый дом имеет почти всегда двор, огражденный плетнем. Близь дома строятся помещения для скота; а если недалеко от аула протекает речка, то многие хозяева имеют свои мельницы, или на самой речке, или на проведенной из нее канаве. Почти у каждого ома есть свой огород в котором засевается преимущественно: любия, бобы тыкв едко огурцы, чеснок и лук; подле огорода есть небольшой ключек земли, засеваемые ныне табаком, иногда огурцами и дынями. В некоторых аулах разведены сады, но за то во всех аулах кукуруза засевается в изобилии. Из своего помещения чеченец больше всего любит кунахскую, в которой он провидит большую часть дня среди знакомых и гостей. Господствующая религии чеченцев магометанская, суннитской секты. Нагорные чеченцы

никогда не были христианами и весьма строго придерживаются магометанства. Напротив того, жители Большой и Малой Чечни, как свидетельствуют предания и развалины древних храмов, встречающиеся и до сих пор в стране, исповедывали некогда христианскую религию. Трудно определить, когда именно чеченцы приняли мусульманскую религию, но с достоверностью можно сказать, что различны племена этого народа принимали эту религию, разновременно и всяком случае водворилась она у них не ранее начала прошлого столетия. До появления Шамиля духовенство в Чечне было бедно и невежественно. Все преимущественно чеченского духовенства над прихожанами заключалось в посредственном знании грамоты, которая делала их необходимыми для многих нуждавшихся в составлений разных письменных документов. Эта необходимость и давала им еще некоторое значение в народе. При поступлении в духовное звание не требовалось никакого обряда, а требовалось только звание грамоты. Церковное богослужение магометанской религии не требует никакой подготовки; оно состоит в дневных молитвах, известных почти каждому. Из этого видно, что круг деятельности чеченского духовенства был крайне ограничен. Не получая никаких особенных доходов с прихожан, а имея за то большой запас свободного времени духовенство посвящало его торговле и хлебопашеству. В Чечне каждый мула получал, по примеру своих прихожан, определенный участок земли, которых и кормился. С водворением в Чечне власти Шамиля, последний хотя и значительно поднял духовенство в глазах народа, но все-таки столько, чтобы поставить его первенствующим. Мулы в Чечне по-прежнему уважались весьма мало. Они сами настолько заботились о распространении истин магометанского учении чистоты религии, сколько хлопотами о подержании суеверия в народе. К ним прибегали за помощью чаще тогда, когда нужно было написать какой-нибудь талисман, приворожить к себе влюбленную или возлюбленного. Получая за это приношение или подарок из нескольких баранов, муллы не отказывались от исполнения таких просьб и вообще старались поддержать религиозное суеверие в народе, уверяя ее, что Коран открывает им все темное и скрытое. Случалась-ли засуха, – жители спешили к мулле, и просили его разыскать в книге такой день, в который может быть назначена церемония для добывания дождя. Сам Шамиль прибегал нередко к подобному шарлатанству, распространяя в народе слух о том, что имеет непосредственное сношение с Магометом, будто бы являющимся к нему в виде голубя и других различных видах. Вообще Шамиль старался действовать на религиозное чувство народа внешнею обрядностью религии и выказывал себя чрезвычайно религиозным и чистосердечно преданным мюридизму. Чеченец чрезвычайно суеверен: он не бросит например, яичной скорлупы в огонь, боясь, что куры не станут нести яиц или вовсе переведутся; он никогда не выбрасывает костей, а старается сечь их, веря, что выбрасывание их неприятно Богу. Чеченцы верят, что можно сглазить человека, и, в противодействие тому, имеют амулеты, в которые зашиваются, обыкновенно, или изречения из Корана. Умопомешательство и идиотизм чеченцы приписывают знакомству с джинышами. Джиныши – духи, которые, по понятию народа, составляют средину между ангелами и духами зла, но связь с которыми человека не приводит к доброму и кончается почти всегда умопомешательством. Суеверие, существующее в народе, частью перешло и в дурную сторону характера туземца. Чеченец не затруднился дать несправедливое показание или ложную присягу. Он не считает это преступлением и верит чистосердечно, что присягнуть ложно не составляет греха, если только присягающий, во время обряда, не положит пальца на Коран или перевернет газырь на груди своей черкески. Присягнуть ложно ничего а курить табак, по понятию чеченца, грех тяжкий, потому что табак – дело нечистое. Запрещение курить табак принадлежит к числу установлений, изобретенных Шамилем, который вообще преследовал роскошь, пляски, музыку и пение, стараясь заменить его одним постоянным напевом: ля – иляхи-иль Алла! (нет Бога, кроме единого Бога). Мужчина, считая женщину гораздо ниже себя, смотрит на нее свысока. Муж почти никогда не разделяет с женою ни трапезы, ни горя, ни радости, и если рассказывает о своем наездничестве, удальстве

и удаче, то не для того, чтобы удвоить свою радость, а для того чтобы, порисовавшись перед нею, возбудить к ней удивление и еще большую к себе покорность. О делах серьезных, а тем боле секретных, чеченцев не станет никогда говорит с женою. Рабское положение женщины кладет на нее рабские отпечатки. На лице женщины никогда не проявляется ни сердечной тоски, ни истинной радости. Чувственная от природы и мало развитая, чеченская женщина предается своей срасти вполне и до последней степени. В таких случаях для нее нет ни пределов, ни ограничений. Под влиянием страсти, молодая девушка не стеснится в глухую ночь пробраться к сакле того, кому решилась отдаться. Чтобы завладеть храбрым джигитом, чтобы достигнуть своей цели, девушка употребляет все зависящие от нее средства, пускает в ход все свои чарующие знания, волшебство, созданное суеверием народа, и нередко прибегает к гаданию, как к средству узнать заранее будущую свою судьбу и предстоящее счастье. Пришедшая в дом мужчины девушка, по обычаю, становится его женою. Никто не в праве расторгнуть этого брака, и родны волею или неволею остается согласить и пожелать молодым счастья: тогда задают пир – и дело конечно. Супружеские отношения отличаются согласием, чему отчасти способствует полная покорность женщины. Будучи чрезвычайны ревнивым, чеченец зорко следить за поведением своей жены, и нарушения супружеской верности весьма редки и преследуются весьма строго. Хотя муж не имеет права ни в каком случае посягнуть на жизнь своей жены, но убедившись в ее неверности, он может в наказание изуродовать ее, отрезать нос или ухо, или же просто развестись с нею. За прелюбодеяние замужней женщины у чеченцев существовало страшное наказание: затаптывать лошадьми или побивать каменьями несчастную жертву обольщения. От воли мужа зависело однако же предать жену народному суду или ограничиться простым разводом и прогнанием от себя. Обольститель же замужней женщины подвергался смерти; если же жертвою была девушка, то должен был жениться или также его ожидала смерть. Туземцы большие охотники менять жен, т. е. разводится с прежними и брать новых. Со дня замужества, чеченская женщина делается самою неутомимую работницею своего семейства, не имеет покоя ни днем, ни ночью, и при всем этом к чести женщин надо сказать, что они содержат свое простое и незатейливое хозяйство в чрезвычайном порядке. Мужчина, в свободное от воинственных занятий время, проводил его праздно, беспечно, весело и, не смотря на окружающую его бедность, был всегда доволен собою. Призадуматься о своем положении, склонить голову на руку, считалось малодушием. Надежда на свою силу, ловкость и проворство делали чеченца разгульным, но не порождали в нем стремления к улучшению своего быта. В образе жизни, между зажиточным и бедным чеченцем нет почти никакой разницы, разве только та, что богатый одевается несколько лучше, да владеть более богатым оружием. Не видя вокруг себя ничего лучшего против своего собственного положения, привыкнув, со дня своего рождения, к окружающим его красотам и богатству природы, чеченец или проводил праздно время в своей кунахской, или, сидя на наборе, стругал палочку, чистил оружие, то шил поршни (обувь из сыромятной кожи), шел в гости или, наконец, вскочив на коня, рыскал по диким гребням гор без всякой видимой цели. Конь, ружье и шашка – вот его гордость и жизнь; пашня, посев и покос – единственная забота житейская. Чеченцы вообще склонны к праздности, и жизнь их была до невероятности однообразна, скучна, бесчувственна и совершенно бесплодна для души и сердца. В то время, когда жены таскают на себе вязанки дров, сено, тяжелые кувшины с водою работаю в садах, на терасках и у саклей, мужчины сидят у дверей своих хижин, которые всегда настежь зимою и летом, или около мечети, слушают и рассказывают новости. Все деятельность их, и все почти занятие, состояло в пяти намазах. Оставаясь целые дни в бездействии, все горцы, с необыкновенно жадностью принимают всякое известие, с удовольствием отправляются в дальние путешествия, по самым ничтожным причинам, и пускаются на самые бессмысленные приключения. Жизнь без занятий была, в свое время, одною из побудительных причин к хищничеству. Таково положение

чеченца в семейном быту, но не таково положение чеченской женщины. Женщины, напротив того, отличаются необыкновенным трудолюбием: на них лежат все хозяйственные заботы и самые тяжелые работы, не исключая полевых. За все свои труды жена подчинена мужу, как своему полновластному господину в, присутствии которого никогда не садится и с которым не разделяет стола. При разговорах муж и жена не называют друг друга по имени. Отец есть глава семьи, и воля его священна для жены и несовершеннолетних детей, с которыми он держит себя весьма серьезно; но он полновластен над сыновьями только в период их малолетства. Мать, никогда и ни в каком возрасте, не имела никакой власти над детьми. Во многих случаях она не пользуется даже и тем уважением, которое сама природа вкладывает в человека, как к виновнице его существования. Восьмилетний сын часто обращается с матерью с большим пренебрежением и даже цинизмом. Чеченцы, считая детей даром Божьем, никогда не бьют и не бранят их, особенно с тою целью, чтобы не запугать и не сделать с малолетства робкими; но за то впадают в другую крайность, предоставляя самим обстоятельствам развитие детского характера и буйных страстей, заключающихся в их бурной природе. Если дети иногда слишком надоедают матери и огорчают ее, то она плачет, но не тронет не ударит их. Отец хотя и обращается с ними сурово и молчаливо, но не внушает тем к себе никакого уважения. Дети не называют его отцом, а величают собственным именем, иногда даже шутовским; слова: мать и отец не существуют в семейном быть чеченца. Сами родитель бывают часто виновниками развития дурных качеств в своих детях. Отец часто подбивает сына на воровство и хищничество. Когда, например, созревают фрукты, то мальчишки, вместе с взрослыми, как бы ученики с опытными наставниками, собираются по ночам на воровство фруктов в садах соседей. Предприняв предварительно меры к ограждению себя от поимки, они рвут плоды, а потом общею компаниею отправляются куда-нибудь в поле, где скрытно лакомятся наворованным. Когда женщина чувствует приближение родов, муд уезжает из дому и предоставляет ухаживать за родильницей родственницам или знакомым женщинам. Спустя некоторое время после родов, так дней через пять, муж возвращается домой и не обращает никакого внимания ни на жену, ни на новорожденного, причем с первою он даже долгое время не разговаривает, в особенности если жена имела несчастие подарить мужа дочкою, а не сыном. Рождением дочери отцы бывают крайне недовольны и радуются, когда родится сын. Появление на свет младенца мужского пола часто служит поводом к пиршеству и угощением в доме отца. Рождение мальчика, хотя бы и от гяурской пленницы, считалось всегда хорошим предзнаменованием для семейства. Так, одна из женщин, бывших в плену, вместе княгинями Чавчавадзе и Орбелиани, разрешилась от бремени мальчиком. Едва только жители аула узнали об этом, как тотчас же на дворе раздались выстрелы, возвестившие о рождении младенца мужского пола, в честь которого зарезали и изжарили жирного барана и прислали его пленницам. Спустя несколько дней после рождения, младенцу дают имя с некоторою торжественностью. Дети растут без всякого попечения со стороны родителей и до четырех-летнего возраста они ходят почти нагие. С наступлением четырех-летнего возраста их одевают в рубашки, а впоследствии дают и шаровары, зимою же снабжают и полушубками но все это до крайности обветшалое и грязное. Весь костюм горцев мужчин и женщин, по обыкновению, до невероятности грязен и особенно грязно нижнее белье; последнее, один раз уже надетое, не снимается до тех пор, пока оно не превратится в клочки. Подобная неопрятность, само собою, вызывает накожные болезни и заводит мириады насекомых. Женитьбы, совершаемой обыкновенным способом, всегда предшествует сговор или сватовство. Случалось, в прежнее время, что родители, еще во время младенчества своих детей, обещались породниться друг с другом и, в залог калыма, давали пулю, газырь черкески или несколько денег. Дети, подрастая, мало по малу свыкались с своим положением. Желая засватать девушку, родители жениха засылают сватов, которые и делают предложение родителям девушки выдать ее замуж. Если родители ее согласны, то призывают девушку и спрашивают: согласна ли она выйти

за такого-то. Такое допрашивание составляет только форму, требуемую обычаем. Девушка, в большинстве случаев, исполняет беспрекословно волю родителей, а если и высказывает протест то на него не обращают никакого внимания, разве имеется в виду другой, более выгодный жених, или девушка чувствует видимое отвращение к сватающемуся. Когда согласие на брак состоится, то жених делает невесте подарок, состоящий из шелкового головного платка и нескольких рублей денег. В случае отказа родителей выдать свою дочь за человека ищущего ее руки, народный обычай дает средство получить девушку и помимо воли ее родителей, с согласия ее брата. Стоит только брату, во время пирушки или обеда, выпить за здоровье своей сестры с человеком, делающим ей предложение, и принять от него подарок: тогда сестра его считается засватанною, и обязан принудить отца выдать ее именно за того, с кем пил за ее здоровье. В противном случае, отдаривший брата преследует его как за кровную обиду. Впрочем, к такому странному обычаю прибегают только в самых крайних случаях, когда уже решительно нет никакой надежды получить руку девушки по прямому согласию ее родителей. Чеченские свадьбы совершаются рано: девушка выходит замуж как только исполняется ей двенадцать лет, и самое позднее в пятнадцать; молодые люди женятся с наступлением семнадцатилетнего возраста. Часто домашние работы, которые все лежат на обязанности женщины, заставляли родителей, из личных выгод, удерживал дочь долгое время в семействе и отказывать жениться, что было весьма невыгодно для Шамиля, при беспрерывной войне, истреблявшей народонаселение в значительно степени. Для покорения этого зла, имам принял на себя наблюдение за тем, чтобы не было ни молодых вдов, ни пожилых девушек. По народному обычаю, молодой человек, сделавшись женихом, приобретает уже некоторые права над своею будущую невестою. Он может отказаться от нее, или, по ее просьбе, дозволить ей выйти за другого; но девушка сама собою не может отказать от жениха, а должна упросить дождаться безропотно дозволения или согласия жениха освободить ее, или чтобы жених, заплатив калым, взял ее в жены. Этим последним правом молодые люди нередко пользовались. Рассердившись на свою невесту или имея в виду более выгодную свадьбу, молодой человек нарочно оттягивал неопределенное положение засватанной девушки, и часто, считает женихом в одном, сватался в другом семействе и, получав согласие, сочетался браком с тою девушкою, с которою нашел более выгодным. Впрочем, родители первой невесты, заметив уклонение жениха, могли сами отказать ему. Под предлогом того, что дочь молода, или необходима для работы в семейные, отец отвозил жениху сделанные подарки, возвращал каким и, и тогда девушка, сделавшись свободною, вольна была избрать себе другого. За четыре дня до свадьбы, невесту отводят в дом родственников жениха, и в этот день ее наряжают, белят, румянят и выщипывают часть бровей, с целью подравнять их. Наряд ее отличается тою изысканностью, которая возможна только по средствам и достатку родных, выдающих ее замуж. По обычаю, жених отправляет за невестою, на арбе, какую-нибудь бойкую старуху, отличающуюся своим острым языком, и с нею человек тридцать молодежи, известных своею удалью. Весь этот поезд, недалеко от дома невесты, встречается криками и бранью мальчишек, камнями и выстрелами. Отшучиваясь обороняясь как кто умеет, посланные подъезжают к дому, и у дверей комнаты невесты встречают одного из ее родственников, который запирает перед их носом дверь и требует подарка. Кинжал в руки привратника – и заветная дверь растворяется, но там ожидает целая толпа женщин, которые встречают приезжих иглами, булавками и ножницами. На них рвут черкески и бешметы, отнимают шапки, так что многие выходят из комнаты без рукавов и пол платья. Натешившись и нашумевшись вдоль, заключают мировую, – и все садятся за угощение. После угощения невесту сажают на арбу, часто закрытую, и отвозят в дом жениха, который по обычаю, должен находиться в это время в отсутствии. Толпа односельцев сопровождает церемониальный поезд невесты. В сакле жениха, в ожидании приезда невесты, происходит суматоха: варят, пекут хлеб, убирают саклю. Известие о том, что вдали показались процессия, производит еще большую суматоху в доме.

Каждый спешит привести свое занятие к концу, бегают, шумят, а на дороге сакли стелят что-нибудь, чтобы молодая могла стать на подостланное при выходе из арбы. Невеста сходит с арбы. Ловкий джигит бросает ей под ноги в один миг снятую с себя черкеску, и получает от невесты, за такое внимание, подарок: обыкновенно азиятской собственной работы. Молодая, не снимая покрывала, входит в саклю, и если нет мужчин, то садится; ее встречают радушно с хлебом-солью. Вдруг, среди пира, один из присутствующих вынимает из-за пояса пистолет, и в миг пуля сидит в стене сакли; за первым выстрелом следует второй, потом третий, четвертый, и пули сыплятся в овсе стороны из ружей и пистолетов. Чем более останется знаков на стенах, тем, значит, более приверженцев у молодого, и тем краше его невеста. Звуки выстрелов сменяются ударами в бубен, тазы, и бойкая лезгинка сопровождаемая мерным хлопаньем в ладони, выходят на смену и завладевает всеобщим внимание. Не смотря на все усилия, Шамиль не мог вывести пляску, которая, в такие для как свадьба, продолжалась в течении целого, дня; в ней одинаково принимали участие как мужчины, так и женщины. В течении трех дней происходит празднование свадьбы в доме жениха; затем совершает обряд венчания. На другой день, или несколько дней спустя, после окончания всех брачных церемоний, молодая, которая в это время ничего не работала, не входила из своей комнаты и никому не показывалась, взявши большую чашку блинов и кувшин, должна идти первый раз по-воду, и после того уже вступает в круг обязанностей хозяйки дома Толпа мужчин, женщин и детей сопровождают ее с песнями и музыкою на реку где молодая, проколов несколько блинов иглою или булавою, бросает их последовательно один за одним в воду, и затем уже черпает ее кувшином. Когда она ставит кувшин с водою к себе на голову, раздаются выстрелы. В первое время после свадьбы, молодая не имеет права видеться, ни говорит с своим мужем, не только в присутствии посторонних, но и родственников. Муж посещает ее только по вечерам и ночью. Говорить с отцом своего мужа и близкими родственника, а также видеться и посетить свою мать, она может только по прошествии нескольких месяцев со дня замужества. Когда родственники больного видят, что наступает его последний час, тогда посылают за муллою, который читает над ним Ясин – отходную молитву. Во время чтения, женщины громко плачут, бьют себя в грудь, царапают лицо, рвут волосы, и это продолжает до тех пор, пока больной не скончается. С его смертью женщин тотчас же выгоняют из комнаты, или силою заставляют прекратить оплакивание, как выражение скорби, совершенно противное духу магометанской религии. Мулла, между тем, приготовляет умершего к погребению. Он кладет его на чистую дубовую доску, берет кувшин воды и омывает тело, которое пот и обвертывает несколькими кусками полотна или белой шерстяной материи; иногда же обвертывают в халат, концы которого завязывают на голове и ногах. Положив вату в рот, глаза и уши умершего, мулла завязывает саван двумя неширокими полосами холста, над головою умершего, а другою ни же ног его. Приготовленное к погребению тело оставляется на постели, и родственники тихо его оплакивают, печальное известие о кончине скоро разносится по аулам, и все соседи из окрестностей, мужчины и женщины, родные и знакомые, спешат к сакле умершего, при чем мужчины-родственники покойного обязаны привезти с собою барана или принести деньги семейству умершего, иначе оно прекратит с ними всякую родственную связь. Похороны составляют для женщин настоящий праздник, потому что только по этому случаю им дозволяется собираться из других аулов и составлять свое общество. Отправляясь в дом умершего, они идут отдельно от мужчин и, с приближением к аулу, начинают плакать. Случае иногда, что женщины, войдя во внутренность сакли, располагаются вокруг вдовы или матери умершего и начинают плакать, причем вдова царапает себе лицо до крови. Затем входят в комнату по одному по два мужчины, молча опускаются они на колени перед вдовою, не произносят никакого утешительного слова и раздирают до крови свой лоб. С появление крови на лице, встают и, молча, с поникшею голою, выходят на открытых воздух. Поздно вечером возвращаются по домам посетители, а те, которые пришли из дальних

аулов, остаются ночевать у семейства покойника. Таким образом, собирается в дом семейство покойника каждый день около двухсот женщин, а этот сбор продолжается три дня, а иногда и целую неделю. Положив покойника на арбу, его отвозят на могилу, согласно требования мусульманской религии в самый день его смерти. Исключение делается в случае неожиданной, скоропостижной смерти, и тогда умершего хоронят в течении трех дней, с тою целью, чтобы дать возможность родным и знакомым повидать в последний раз и простить с умершим, тогда как при продолжительной болезни, предшествовавшей кончине, прощение совершает при посещении больного. После погребения на самом кладбище происходит угощение. Если в это время кто-нибудь пройдет мимо, то его или приглашают принять участие в поминках или же непременно вынесут ему на-встречу чего-нибудь съестного. Блины составляю почти у всех непременную принадлежность стола во время поминок. На другой день после погребения, родственники устраивают похоронный пир, для которого режут много скотины и баранов. Над убитым в деле с неприятелем, ставился особый знак, с разноцветным флагом и с необыкновенною торжественностью, в которой участвовали все жители аула. Нигде не находились в таком почете могилы убитых в сражении с русскими, как в воинственной Чечне и во всех остальных владениях, подвластных Шамилю. Беспрерывная и энергическая война, происходившая в Чечне, причина ей большие потери. Существование множества кладбищ на равнине и в горах, на высотах и по ущельям, остались теперь безмолвными свидетелями множества павших жертв, над которыми виднеются многочисленные группы памятников с копьями. Издали они кажутся фалангою рыцарей, вооруженных копьями и развевающих своими разноцветными флюгерами. Вся Чечня – Большая Малая и Нагорная – наполнены этими памятниками потерь горцев и их отчаянной борьбы с русскими. Все эти памятники придают стране какой-то грустно-величественный характер. Под ними схоронены лучшие и самые храбрейшие люди, потому что народ не каждому убитому ставил подобный памятник; а чтобы иметь право на этот почетный знак, составлявший высочайшую награду смелому джигиту, надо было заслужить его или долговременною храбростью, или каким нибудь блестящим подвигом. Церемония вооружения такого копья с флюгером на могиле шагида была чрезвычайно величественна и рассчитана так, чтобы в каждом присутствующем возбудить храбрость и самоотвержение. Шамиль хорошо понимал, как сильно действует подобная церемония на дух чеченцев, поощрял и поддерживал эти обряды. В Ичкерии почти при каждом ауле есть целые группы шагидов, веющих своими разноцветными флюгерами. Сам имам, как бы в пример другим, поставил памятник с великолепным шагидом некогда знаменитому в Чечне наибу Шуанин-муле. Могилы умерших пользуются большим уважением у чеченцев. Отправляясь на работу, они заходят на кладбище поклониться праху родственника. Возвращаясь с работы, если с покосу, то кладут на могилу колечек травы, а при уборке хлеба или при посеве – сыплют на могилу зерна.

Приключения Ичкеринского пристава Проценко 1877 год

«Кавказский вестник» ежемесячный научно-литературный журнал год первый №4. Тифлис 1900 года.

Из недавнего прошлого на Кавказе, рассказы-воспоминания о чеченском восстании в 1877 г.

Первые дни восстания. Приключения ичкеринского пристава Проценко. I. Стр. 21. Чеченцы, как известно, делятся на плоскостных и на горных. И те, и другие обитают в северо-восточных углу Кавказа, причем нагорные чеченцы занимают часть северного склона Главного и почти две трети того-же склона Андийского хребтов, а плоскостные обитают против них, на дивно-плодоносной долине, обрезывающейся на севере реками Сунжею и Тереком. Нагорные чеченцы, в свою очередь, делятся на восточных и западных. Западные чеченцы разбиваются на несколько обособленных обществ. Что касается восточных чеченцев, то они состоят из двух племен, которые носят наименования ичкеринцев и ауховцев. Так как настоящий первый рассказ мой относится исключительно до ичкеринцев, то прежде, чем начать его, считаю не лишним сказать здесь несколько слов как о самих ичкеринцах, так и стране их, носящей название Ичкерии. На северном склоне Андийского хребта Ичкерия занимает место между Плоскостной Чечней (на севере, землею ауховцев (на востоке), Дагестаном (на юге) и землею западных нагорных чеченцев (на западе). От Дагестана Ичкерия отделяется перевалом Андийского хребта; от западных чеченцев – гребнями гор, лежащих между реками Аргуном и Бассом; от плоскостных чеченцев – искусственной границей, проведенной по гребням и склонам, так называемых, Черных гор (нижние террасы Андийского хребта), и от земли ауховцев – искусственною-же ломаною линиею, начинающейся на севере у речки Яман-су и оканчающеюся на юге у речки Акташ. Ичкерия сплошь гористая: горы эти – отроги Андийского хребта, направляющиеся с юга на север от скалистых кряжей **Пешхой-лам, Ален-Джерак-корт, Керкеты, Цобемеер, Тамух и др.** К низменной чеченской плоскости. Южная полоса Ичкерии скалиста и безлесна, и вся растительность на ней состоит из травы и цветов альпийских высот. Она, впрочем, не широка – две, три и местами четыре версты в поперечнике. Ниже ее, к северу, горы принимают совсем иной характер. Состоя из бесчисленного количества хребтов и хребтиков, разбросавшихся во всевозможных направлениях, они то и дело переходят в живописные плоскогорья и великолепные долины. Сотни ручьев, потомков и речек орошают их со всех сторон, омывая чуть не каждую пядь земли. Роскошь растительности изумительная. Великолепные чинаровые леса покрывают особою огромные площади, начинаясь на гребных гор и спускаясь на дно ущелий. Безлесная плоскогория и долины в продолжение месяцев восьми в году покрыты тучно травою, и обработанные под хлебные злаки дают прекрасные урожаи. Такой характер имеет Ичкерия вплоть до своей северной границы. Ичкеринцы живут на описанной земле во множестве аулов и хуторов, приютившихся у горных потомков и рек, в прекрасных долинах, а иногда на живописных плоскогориях. Подле каждого аула расстилаются тучные нивы и пастбища, огражденные от ветров густыми лесами. Климат в Ичкерии чудесный, похожий на климат Малоросии. Плоскостные чеченцы сами себя называют Нахчи, но для обозначения ичкеринцев они употребляют название нахчи-мохкой. Мохкой – уменьшительное от слова мохк – земля; нахчи-мохкой значит чеченцев маленькой земли. Какое-бы происхождение не имело это название, во всяком случае оно доказывает, что сами плоскостные чеченцы находят разницу между собою и ичкеринцами, несмотря на то, что и они, и ичкеринцы принадлежат к одним и тем-же фамильным группам и состоят между собою в близком родстве. И, действительно, есть разница между нахчи-мохкойцами и нахчи как в физическом, так и в нравственном отношении. Нахчи-мохкойцы, или ичкеринцы, ниже ростом и сухопарее своих плоскостных соплеменников; они живее последних и гораздо подвижнее их; речь

их и манеры мягче и приятнее, взгляд добродушнее и веселее, смех беззаботнее и теплее и в нем не слышно той ехидно-злой нотки, которая пробивается нередко в смехе плоскостного чеченца. Душевны качества ичкеринца, вообще представляют собою удивительную смесь хорошего и дурного, смесь наивности, легкомыслия, детской изменчивости настроения – с одной стороны, и варварски-грубых и бурных порывов – с другой; смесь таких добродетелей, как религиозность, благоговение перед мудрыми народными обычаями, гостеприимство, высокое понимание личной и фамильной чести, почтение к старшим – с одной стороны, и таких пороков, как мстительность, вероломство и жестокость – с другой. Люди минуты, с горячею кровью и без навыка обуздывать свои порывы, ичкеринцы, под влиянием внезапного возбуждения, способны совершать самые дикие поступки. Однако, возбужденное состояние их вскоре проходит и тогда они легко падают духом и проявляют малодушие. В двух словах об ичкеринцах можно сказать, что это – непосредственные дети гор и лесов, наделенные пылким темпераментном и живущие или по народным традициям – в пределах будничного житейского обихода, или инстинктивными побуждениями – вне этих пределов.

II. Вот среди ичкеринцев и вспыхнуло в 1877 году восстание, известное под именем чеченского. Днем восстания чеченцев в то время было признано и признается еще теперь 16-е апреля, когда кучка ичкеринцев напала на табун лошадей кабардинского полка, пасшийся в окрестностях Хасав-Юртовской слободы, с намерением угнать его в горы, и ранила при этом солдата-табунщика. Но в действительности восстание началось четырьмя днями раньше. Как это произошло, о том будет речь ниже, а здесь я сделаю маленькою отступление, чтобы познакомить читателя с местом, где подготовлялось восстание и с лицами, участвовавшими в его подготовлении. В восточном углу Ичкерии лежит большой аул Зандак, земля которого протянулось далеко на юг, в полосу наиболее диких и густых лесов, покрывающих склоны горы Доруум. За опушкой этих лесов, в пределах зандаковской земли, в глухой трущобе, отделенной от открытых мест двумя глубокими лесистыми оврагами, в 1877 году находился зандаковский хутор Симсир или Семсир. Хутор состоял из 20—22 дворов зандаковцев, занимавшихся выделкою деревянной посуды для продажи. К числу хуторян принадлежало и семейство Алдамовых, состоявшее из пяти братьев, из которых старшему было лет под 50, а младшему лет 18. Обладая некоторым материальным достатком и отличаясь благочестием, братья Алдамовы, из года в год, отправлялись по очереди, начиная со старшего, в Мекку и Медину, на поклонение гробу Магомета. Трое старших братьев успели побывать в Мекке, до 1876 года, а четвертый брат – Али-бек – совершил паломничество в мусульманские священные места именно в этом году, имея от роду 24 – 25 лет, не более. Вероятно, во время пребывания в Аравии и Константинополе, братья Алдамовы успели обзавестись там обширным знакомством среди разных слоев турецкого общества; вероятно, между знакомыми Алдамовых были и влиятельные представители турецких правящих классов, отлично знавшие в 1876 году, что война между Турциею и Россией неизбежна и решившие воспользоваться Али-беком Алдамовым для возбуждения смут на Кавказе. Али-бек был молод, простодушен, легковерен и религиозен; поэтому турецким патриотам, вероятно, не особенно трудно было убедить его принять титул имама и поднять на своей родине знамя восстания, во имя свободы и религии. Говорю «вероятно», потому что достоверных сведений на этот счет у нас не имеется. Но, однако, только допустив эти вероятия мы в состоянии понять, как могло случится, что простой ичкеринец, без имени, без связей, без влияния, решился взять на себя роль главы восстания против господствующей власти. По возвращении из Мекки и Константинополя, Али-бек стал устраивать в семсирском хуторе совещания с целью подготовления восстания в момент объявления нами войны Турции. Участниками этих совещаний были, прежде всего, братья Али-бека, а затем родственники и однофамильцы его. Народу на совещаниях бывало обыкновенно мало; разговоры на них происходили вяло, без воодушевления, без надежды на успех дела и даже без твердого сознания серьезности его. Хотя в течение зимы 1896 – 1897 года заговорщики собирались на совещания

не один раз пользуясь полною изолированностью своего хутора и отсутствием на нем хотябы подобия какой-нибудь власти, но сделать на них им удалось очень немного: все ограничилось тем, что они соединились в партию, в которую вошли человек 25—30 ичкеринцев и один или два турецких эмиссара. Имели-ли семсирские заговорщики единомышленников в других местах Чечни и Дагестана? Наверное, имели, иначе трудно объяснить ту быстроту и легкость, с которыми восстание, начавшееся в восточном углу Ичкерии, разлилось по многим другим местам Нагорной Чечни. Однако, в создании этих единомышленников сами семсирцы едва-ли играли значительную роль, так как, в сущности, они не имели ровно никакого значения в глазах народа. Надо думать, что призыв единомышленников к братьям Алдамовым шел другим путем: во первых, их вербовали в самой Турции, из среды находившихся там, одновременно с Али-беком, кавказским богомольцев, а, во вторых, контингент их увеличивали разъезжавшие по Кавказу агенты турецкого правительства. И все-таки единомышленников было, очевидно, немного, и до поры до времени они держались в высшей степени тихо и осторожно. Немногочисленностью и крайнею осторожностью их вполне объясняется то, что народ только чувствовал присутствие в его среде людей, настроенных на особенный лад, но он не знал ни их самих, ни их замыслов, а потому интересовался ими в довольно слабой степени.

III. Объявление войны Турции последовало 12-го апреля 1877 года. Семсирские заговорщики каким то образом узнали об этом в тот-же день, и вот в ночь с 12 на 13 апреля они торжественно выступают из своей трущобы, с весело развевающимся на высоком древке красным флагом (по местному названию – значек) и направляются к ближайшим ичкеринским аулам. Оказывается, однако, что аулы нисколько не подготовлены к принятию заговорщиков. Куда ни подходит это толпа с молодым имамом во главе и с напыщенными речами о святости и необходимости ополчиться на «неверных», везде ее встречают возгласами: «Уходите прочь, не то прогоним вас выстрелами!» Потолкавшись между несколькими аулами, решительно отказавшимися принять их к себе, заговорщики вечером 13 числа подошли к ичкеринскому **аулу Беной**, население которого славится легкомыслием, веселием и беспокойным нравом, склонностью к беспорядкам, как своего рода спорту, и раньше принимало участие в возмущениях. Бенойцы позволили пришельцам расположиться около аула, снабдили их пищей, вообще отнеслись к ним благосклонно, и с этого момента горсть авантюристов и болтунов превратилась в силу. Впрочем, в первое время из беноевцев активное участие в восстании приняли всего человек 30, с бойким односельцем их **Султан-Мурадом** во главе, и дня два партия состояла не более как из 60 человек.

IV. Из рассказанного видно, что восстание семсирцев отчасти было неожиданностью для самой Ичкерии. Что-же касается местных представителей нашей власти, то для них оно явилось внезапным громом из безоблачного неба. Правда, нельзя сказать, что до появления партии из шестидесяти мятежников вовсе не было никаких признаков возможных осложнений в том случае, если мы объявим войну Турции. Замечались некоторые признаки, вроде, например, усилившегося в народе пристрастия к религиозно-политическому танцу «зикр», но для определения их, а главное, уразумения их значения необходимо было обладать большим званием народного характера, народных привычек и большою опытностью в деле управления народом. К несчастью, в пору восстания в том районе, где оно началось, в качестве народного правителя находился человек, совершенно новый, назначенный на должность всего только за несколько месяцев перед тем. Это был штабс-капитан Проценко (умер от чахотки в 1878 году), человек умный, образованный, начитанный, хорошо владевший пером. До значения на должность пристава восточной половины Ичкерии он был полковым адъютантом и им не могли нахвалиться как человеком и как дельцом. Получив должность пристава, он покинул свою семью в укр. Ведене – местопребывании окружного управления – и переехал в аул Ножай-Юрт, отстоящий от Зандака верст на 7 и от уничтоженного потом нами Семсирского хутора верст на 12. В Ножай-Юрте он поселился у почтенного старика Шахбулата Шейх-Амирова, имевшего зва-

ние прапорщика милиции и пользовавшегося уважением среди соплеменников, поселился, кое-как устроился и почувствовал себя, как в дремучем лесу. Народа, его характера, обычаев, воззрений он не знал, вникнуть в его настроение, понять смысл его речей не мог. Привыкши в полку принимать все, что ему говорят в прямом смысле, он и не догадывался, что большинство горцев смотрит на дар слова с талейрановской точки зрения: «язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли». Всякого рода речи приходивших к нему ичкеринцев он принимал за чистую монету и удивлялся глупости туземцев, их назойливости, мелочности интересов, желаний… Народ легко понял своего пристава и стал проводить его на каждом шагу самым наглым образом. При подобных условиях и каждый оказался-бы неспособным разглядеть, что творилось у него под носом или принять какие либо меры к предупреждению готовившегося восстания.

V. Ночь с 13 на 14 апреля мятежники провели в лесу, лежащем между Беноем и соседним аулом Гендрыген. На этой первой своей лагерной стоянке, при ярком освещении костров, они присягнули н Коране служит делу восстания до последнего, не выдавать друг друга ни за что и целью восстания иметь окончательное изгнание русских из пределов Кавказа**. Али-бек-Хаджи Алдамов торжественно был провозглашен великим имамом,** а помощниками его, в качестве наибов не существовавших еще наибств, были назначены **Султан-Мурад (беноевец**) и **Сулейман, жители аула Цонторой** (аул лежит верстах в восьми от Беноя, у подошвы ичкеринской священной горы Кетеш-Корт. На этой стоянке молились, пели священны гимны, стреляли, клялись и проклинали… 14-го апреля мятежниками в высшей степени экзальтированные выступили из лесу. Впереди отряда ехал знаменосец; далее виднелась священная особа молодого, с нежно – розовым цветом лица и добродушным взглядом, имама, одетого в традиционный зеленый халат и белую чалму, с которой спускались вниз длинные концы белой материи; следом за имамом ехали его наибы, а по сторонам и сзади весело горцовало войско… Ничтожная горсть мятежников сразу превратилась в глазах пылких ичкеринцев в провозвестников свободы и наступления новых светлых дней. Ичкерия пришла в невообразимое волнение. Народ побросал все работы и затолпился на площадях подле аульных мечетей. На этих форумах начались бурные дебаты, на которых с наивною смелостью и беззаботностью, свойственными только ичкеринцам, обсуждались вопросы: быть или нет русскому владычеству на Кавказе и как лучше поступить: восстать ли не медленно или, из осторожности, обождать окончательным решением. Некоторые из аулов, вчера только прогнавших от себя семсирца Алибека Алдамова, сегодня отправили к **имаму Альбика-Аджи** (так называли его ичкеринцы) депутации с просьбою – прийти и властвовать над ними; другие из этих аулов остановились на решении ждать дальнейшего хода дел. В эти дни смятения было много забавных и печальных эпизодов. Старшина одного аула, долго убеждавший жителей не слушать соблазнительных речей посланцев Али-бека и не подвергать себя риску, вдруг приказал своей жене сделать «значек» и, прикрепив его к высокому шесту, выбежал с ним на аульную площадь. – Правоверные, за мной! – крикнул он. – Кто любит Аллаха и его пророка, за мной!.. Все за мной и да погибнут «гяуры»… Затем он бросился с толпою односельцев на поиски Али-бека-Аджи, чтобы увеличивать собою контингент возмутившихся. Другой старшина, испугавшись настроения своего аула, ускакал из него в крепость Кишень-Аух. (Укрепление находилось в шести верстах от Зандака, на реке Ярык-су) Народ тот час-же снес его дом, а имам заочно приговорил его к смертной казни. Против третьего старшины, ехавшего из одного аула в другой, молодежь устроила в лесу засаду, с целью подстрелить его, но он как-то проведал об этом и избегнул опасности.

VI. К числу аулов, решившихся, до поры до времени, не присоединяться к Али-беку принадлежал и Ножай-Юрт – ставка пристава Проценко. Надо сказать, что 14-го и 15-го апреля, когда вся восточная Ичкерия представляла собою взбаламученное море, Проценко находился в укр. Ведене – центре управления Ичкеринского округа. Но в ауле оставался Шахбулат и,

благодаря этому, население аула не поддалось общему увлечению. Пристав возвратился в свою ставку 16-го апреля в сопровождении значительного конвоя ставку 16-го апреля в сопровождении значительного конвоя из почетных представителей населения и милиционеров. Одного из милиционеров он послал в Ведень за порохом для своего конвоя. Как оказалось на следующий день, милиционер этот отвез порох не к приставу своему, а в стан мятежников и сам, конечно, остался в нем-же. Почетные представители, доставившие пристава в Ножай-Юрт, разъехались по своим аулам, и пристав остался под охраною 3—4 своих конвойных милиционеров. Утром 17-го апреля Проценко проснулся в своей ставке в удрученном настроении. О том, что творится в его участке, он, конечно, уже знал. В то-ж время ему стало ясно, что он совершенно бессилен предпринять что-либо против восстания и что самое его присутствие в участке не имеет смысла. Между тем из Веденя его отправили с инструкциею: «принять всевозможные меры к подавлению возмущения и, во всяком случае, не покидать своего поста до получения на это особого разрешения». День прошел в получении разного рода тревожных известий. Сначала Проценко сообщили, что из сопровождавших его накануне почетных туземцев кое-кто успел уже отправиться с поклоном к имаму и его наибам; потом его стали смущать тем, что один аул за другим перешли на сторону Али-бека, что накануне сделали нападение на хасав-юртовский конный табун, что из собственного его конвоя, кроме милиционера, который был послан за порохом, еще двое бежали к Али-беку, и пр. Под вечер пришел Шахбулат и, в свою очередь, поделился с приставом новостями дня. Из его слов оказалось, что восстание разростается с неимоверною быстротою. По народной молве, в нем приняли уже участие, кроме ичкеринцев, жители Аргунского округа (Западная нагорная Чечня), Андийцы и частью ауховцы. Сделанное накануне нападение на хасав-юртовский табун было не более, как шуткою, баловством. На следующий день все восставшие ичкеринцы должны собраться на могиле народного шейха Ташу-Хаджи (святого, могила которого находится около аула Шуани) и там объявить себя окончательного отложившимися от русских и вступившими в войну с ними. Вслед затем должно быть сделано нападение на один из трех русских пунктов: Хасав-Юрт, Кишень-Аух или Ведень. К рассказанному Шахбулат добавил, что брожение в самом Ножай-Юрте принимает все более угрожающие размеры и он еле-еле сдерживает народ от бунта. Старик хотел уйти, Но Проценко задержал его. Тоска беспомощного одиночества, а также желание как нибудь выйти из пассивного состояния навели пристава на мысль попробовать проявить себя в качестве представителя власти. Шахбулата он остановил, чтобы попросить его послать вполне надежных людей за старшинами аулов, не успевших еще перейти на сторону мятежников. Повлиять теперь на ход дел Проценко, конечно, не надеялся, но ему показалось, что можно еще спасти хоть что нибудь. Гонцы, были разосланы и на другой день, утром, некоторые из старшин явились – кто из любопытства, кто из предосторожности. Явившиеся посидели и потолковали с своим экс-приставом (как они давно уже решили про себя). Поведение их окончательно убедило Проценко, что они совершенно не надежны, но речи старшин были полны уверений в преданности и покорности русскому правительству. Затем старшины поспешно разъехались, чтобы поскорее явиться к Али-беку и оправдаться перед ним в совершенном ими преступлении – поездке к русскому приставу.

VII. Вслед за их отъездом все население Ножай-Юрта пришло в смятение. Народ толпился на площади и кричал о необходимости скорее примкнуть к мятежу, чтобы не навлечь на себя гнева имама Альбика-Аджи. В разных местах аула стали все чаще раздаваться выстрелы. Из числа дебатировавшихся на площади вопросов, вопрос о том, как поступить с единственным русским офицером, сидевшим в ауле, особенно горячил головы… одни кричали, что его нужно связать и отвезти в стан имам, другие находили, что лучше теперь-же покончить с ним здесь, потому что это заставит всех, кто еще не примкнул к имаму, либо бежать к «гяурам» («И пусть их удирают, пока целы!»), либо стать под наше знамя. Шахбулат умолял народ отступить пристава в Кишень-Аух или Хасав-Юрт, но его никто и слушать

не хотел. Проценко сидел в это время в своей комнате в каком-то оцепенении. Он был один; милиционеры его давно уже разбежались. В голову его проносились мысли об оставленном в Ведене семействе, о службе в полку и о полковых товарищах, весело готовящихся к походу против мятежников… о нелепости его положения странности полученного им приказания». Через растворенную дверь комнаты до него доносился гул толпы, он отчетливо слышал звуки выстрелов… но затворить двери он решался, боясь ощущения еще большего одиночества… Вошел в комнату какой-то незнакомый ему ичкеринец. Насмешливо взглянув на него, вошедший произнес: «Кунак, табак давай!» – и не ожидая ответа, подошел к столу. На столе в одном месте лежал картуз с табаком, а в другом лежала книжка папиросной бумаги. Ичкеринец взял то и другое, засунул себе в пазуху и, как ни в чем не бывало, направился к двери, произнеся на прощанье: «Маршаала» (прощай). Проценко сорвался было с места с мыслью броситься за наглецом, вырвать у него похищенное и самого выпроводить в шею. Но подавленный бушевавшею вокруг него стихийною силою, он лишился всякой энергии. «стоит-ли?» – промелькнуло у него в голове и, беспощадно опустив руки, он снова присел к столу, около которого сидел и раньше. Через некоторое вошел другой ичкеринец. Не сказав ни слова, молодец этот начал осматривать комнату и, между прочим, заглянул под кровать, где, по изголовьем, лежала голова сахару. Ичкеринец вытащил сахар из под кровати, взвалил его себе на плечи и вышел, не взглянув даже на апатично следившего за ним пристава. Вдруг во дворе послышался необычайный шум. Взглянув в окно, Проценко увидал, что в двор входила толпа сильно возбужденных людей и о чем-то шумела. О чем-он понять не мог, но заметно было, что многие из толпы горячо смотрят между собою. У некоторых из них пистолеты были не за поясам, как носят обыкновенно, а в руках… но вот показался откуда-то Шахбулат, в бешмете, без оружия и с палкою в руках. Старик начал кричать на толпу, побагровел весь, а потом поднял палку и замахал ее перед собою, как пастухи машут хворостиною, когда подгоняют табун. Толпа сначала не обратился внимания на выходку старика, но когда, продолжая махать перед собою палкою, он стал наступать на нее, то стоявшие впереди, смеясь, начали пятиться назад. Шахбулат наседал на толпу все больше и больше и она поневоле все более пятилась назад. Кончилось дело тем, что, очутившись около ворот, толпа высыпала через них на улицу. Старик запер за буянами ворота и направился в комнату Проценко. Наш народ, очень яман, – произнес он, обращаясь к приставу. Помолчав, чтобы отдышаться он продолжал: Кишень якши, ***приступ*** (пристав)! Там ***салдус*** «солдаты» есть. Кишень пойдем, приступ! Ножай нельзя яман. – Не могу я в Кишень ехать, – отвечал Проценко; – мне приказано сидеть здесь, пока не пришлют разрешения выехать. – Зачем здесь?. – заволновался старик, – яман, яман здесь… салдус нет, ничего нет. Альбик-Аджи придет… Проценко повторил, что не может выехать, и старик вышел от него с недоумением и скорбью на лице. Через час в комнату пристава-пленника вошла жена Шахбулата, в сопровождении своего родственника, знавшего немного по-русски. Старушка, с лицом сморщенным, как печеное яблоко, с глубоко ввалившимися круглыми глазами, обратилась к нашему офицеру с тою-же просьбою о выезде его из Ножай-Юрта в Кишень. Через пришедшего с нею ее родственника она высказала ему и основания своего предложения. «сейчас вот – говорила старушка, – старику удалось выгнать со двора сумасбродов, пришедших с дурными намерениями… Он сказал им, что ты наш гость и что, пока он жив, им не удается дотронуться до тебя пальцем. Они уважили его и ушли. Но это были наши односельцы. Могут явиться люди Альбика-Аджи и тогда старика не послушают… Мы решили защищать тебя, как нашего гостя, как сына, – продолжал она, – мы так и сделаем… Ну и убьют моих сыновей, и старика убьют, а потом что? Тебя все-таки возьмут и сделают с тобою, что захотят… Сыновья мои готовы умереть… Мы не опозорим своей фамилии, не думай… да пользы от этого не будет никакой… Уезжай, пристав, пока еще можно, уезжай». И чтобы придать большую силу своей просьбе, старушка стала стаскивать с своей седой головы платок, намереваясь, по обычаю, бросить его на землю, а потом опуститься на него перед приставом. Проценко не допустил ее совершить

акт, выражающий собою самую униженную просьбу. Вместе с тем, пораженный и потрясенный ее речью, он дал ей слово непременно уехать ночью. Старушка поблагодарила его и вышла. Для несчастного офицера наступил новый фазис нравственных испытаний. Выехать теперь было необходимо, но этим нарушался дол службы. Не в той или другой формальной ответственности заключалось дело, а в том, что поступок могли истолковать в смысле бегства с своего служебного поста… позор был страшен… К счастью, Проценко внезапно пришло в голову совершенно правильное соображение. Было пять часов пополудни. Так как от Ножай-Юрта, где он находился, до Хасав-Юрта, местопребывания начальника соседнего округа, езды было всего часа три, то нарочный, отправленный в Хасав-Юрт с рапортом к начальнику округа, мог возвратиться с ответом часов в 11 ночи. В рапорте Проценко решил просить разрешения выехать из Ножай-Юрта, где пребывание его, очевидно, было совершенно бесполезно. В благоприятном ответе он не сомневался, а потому успокоился на том, что часов в 12 он покинет свою западню, не нарушая долга службы. Соображениями своими он тотчас поделился с Шахбулатом. Тот одобрил их и через полчаса один из родственников старика, снабженный рапортом к хасав-юртовскому окружному начальнику, выехал из аула. Из осторожности гонец направился в сторону, противоположную Хасав-Юрту, и только потом, верстах в двух от аула, свернул с дороги.

VIII. До возвращения гонца оставалось не менее четверти суток. Проценко никак не мог забыть этого, и, в сознании своей полной беспомощности, с чувством уныния и тоски бродил по комнате взад и вперед, беспрестанно выглядывая в окно на двор. Показался во дворе сын Шахбулата, мужчина лет 30, вооруженный не только кинжалом, шашкою и пистолетом, но и ружьем; скоро к нему присоединился брат его, по моложе, вооруженный таким-же образом. Постепенно к этим двум молодым людям стали подходить с разных сторон другие ичкеринцы всяких возрастов. Проценко сообразил, что последние родственники старика. Через час их набралось человек до пятнадцати. Ружья у всех были в руках и без чехлов. С наступлением сумерек число собравшихся во дворе увеличилось. Около людей стали появляться оседланные лошади, которые то приводились откуда-то (не через ворота), то уводились куда-то (должно-быть за селение, в кустарники, подумал Проценко) … А в то-же время в ауле опять послышался гул; ослабевшие было выстрелы снова участились… Чувствовалось страшное напряжение и во дворе Шахбулата, и там, в ауле… Время тянулось бесконечно долго… дотянулось он кое-как до одиннадцати часов… прошел и еще час… В ауле все затихло, но эта тишина была какая то зловещая… Казалось, вот-вот мулла огласить воздух с вышки мечети призывом правоверных собраться для встречи имама или для выслушания посланца его. Стрелка карманных часов Проценко подошла к часу и медленно, медленно поползла дальше… В половине второго перед измученным и страшно осунувшимся офицером, как из земли, вырос ичкеринец-нарочный и, молча, подал ему письмо. Проценко прочел его. В нем говорилось, что ему, ножай-юртовскому приставу, разрешается немедленно выехать в Кишень-Аух и ожидать там приказаний.

IX. Лишь только Проценко объявил содержание письма Шахбулату, во дворе началось движение. Одни входили в дом, другие выходили, но все делалось очень тихо. Вошел в комнату один из сыновей старика и, обратившись к Проценко произнес: «пайдем». Проценко захватил портфель с бумагами и пошел за ичкеринцем. Как только они вышли на двор, тот взял его за руку и повел не к воротам, а к задней части двора. Там он провел его через пролом в заборе, в какой-то узкий переулок и начал спускаться с ним по склону горы. Впереди и сзади их шло по несколько человек ичкеринцев. Скоро они оставили за собою аульная строения и углубились в кустарники. Потом они вышли на какую-то поляну, на берегу ручья. Здесь стояло с десяток оседланных лошадей, около которых виднелись люди и в том числе старик Шахбулат. К Проценко подвели лошадь и сказали: «садись, твоя». Он не заставил себя ждать. Сели на лошадей и все другие. Через минуту вся кавалькада, из 12—15 всадников, с Шахбулатом

и приставом в середине, медленно тянулась по узкой лесной тропинке. Поднимались на возвышенности, спускались в балки, перерезывали ручьи… В одном месте выехали на торную дорогу и из предосторожности промчались по ней к ручью, носящему название Шельмаин и по другую сторону его поднялись на вершину холма. Это была уже ауховская земля; все вздохнули свободнее, как будто у всех гора свалилась с плеч… Впереди, на востоке, край неба принял тускло-серый цвет. Ближайшие предметы стали вырисовываться отчетливее. Подул свежий ветерок. Каждый малейший звук стал отдаваться в ушах громче и резче. Через некоторое время серый цвет неба перешел в нежно-розовый. Лес ожил и затрепетал… Послышалось нежное музыкальное журчанье скрытой вблизи реченки; где-то перекликались птицы и в то-же время громко, торжественно, как гимн восходящему солнцу, разлилась в пространстве песня соловья… Проценко становился все веселее и веселее. В голове проносились образы и картины, освещенные розовым светом… И сами собою приходили на ум и вертелись на языке отрывки из стихотворений наших поэтов, говорящие о прелестях кавказской природы и своеобразии ее обитателей.

X. Часа через полтора после того исстрадавшийся пристав восточной части Ичкерии обнимался в Кишень-Аухе с местным административным начальником, своим старым знакомым, служившим раньше, как и он, в укр. Ведене. Чай, стакан вина и закуска быстро подкрепили его и он весело рассказывал своему собеседнику, что ему пришлось перенести в течение минувших двух суток. Старик Шахбулат сидел вместе с ними и, насколько мог, принимал участие в их беседе. Как Проценко, так и ауховский начальник относились к нему с почтением, напоминавшим почтением детей к глубоко уважаемому отцу. После закуски и беседы Шахбулат выразил желание отправиться в Хасав-Юрт, к окруженному начальнику, и выпросить себе разрешение поселиться в слободе вместе с своими сыновьями, до того времени, когда бунт прекратится и ему можно будет вернуться в свой аул. Ауховского начальника он просил не отказать ему в рекомендательном письме. Просьба почтенного старца была, конечно, исполнена с величайшей готовностью. Вот текст письма, которое было вручено старику 19-го апреля 1877 года, для передачи тогдашнему гражданскому начальнику Хасав-Юртовского округа майору Шетихину: «Податель этого письма – прапорщик Шахбулат-Шейх Амиров. Благодаря его преданности правительству, пристав Проценко выбрался из охваченного мятежом края и находится теперь у меня, в Кишене. Та-же преданность делает его ненавистным для мятежников. Из опасения, что они могут отомстить ему за избавление пристава от их рук, он пожелал – и я одобрил его желание – переехать пока в Хасав-Юрт, где он будет вне опасности. Если можно, представьте его полковнику если можно, окажите ему привет и ласку, словом – успокойте и ободрите старика: он вполне заслужил это. «О положении дел скажу в двух словах: Ичкерия охвачена мятежом – всюду значки, стрельба, сходки, клятвы, проклятия. Виды мятежников самые нескромные. Мне передавали, что они хотят поднять все чеченское племя и весь Дагестан, намерены перерезать всех туземцев, служивших нашему правительству… Кое-что, будто-бы, уже и сделали: один старшина убит и несколько человек поранено. Что-то будет, если наши войска не поспешать усмирить восставших? «Жизнь наша в Кишене – одно бесконечное ожидание, что вот-вот нагрянут… Насколько могли, приготовились с честью встретить врага… ***Н. Семеновъ.***

Абрек Гиеха Шамилев. 1897 год

Газета «Казбек» №40, 1897 год, стр. 3.

Ведено. (Терской области). 20 марта, в селение Беной, Грозненского округа, приехал небезызвестный абрек, Гиеха Шамилев, 12 лет тому назад совершивший убийство и до сего времени скрывавшийся в плоскостной части Грозненского округа, где ему приписывают многие разбои последних лет. Начальник участка в Ведено, получив извещение о пребывании Шамилева в Беной, отправился туда для его задержания. Окруженный милиционерами и жителями селения на рассвете 21-го, абрек заперся в сакле и все увещевания жителей «пожалеть» их и добровольно Сдаться не привели ни к чему. Переговоры тянулись с рассвета часов до 2-х. Наконец решено было так или иначе взять его силою. Завязалась перестрелка. Очевидцы говорят об изумительном хладнокровии и присутствии духа, обнаруженном абреком. Стрельба продолжалась до вечера. Получив несколько ран, абрек тут-же, говорят, вырывал из своего чекменя куски ваты, останавливал ими кровь и продолжал через отстреливаться из винтовки Бердана. Между тем приближалась ночь, а с нею и возможность скрыться. Тогда решили поджечь саклю. Принужденный наконец выйти, абрек выскочил в окно, пытаясь добраться до стоявшей во дворе лошади, но залп из ружей свалил его, а кинжальные удары прикончили… Страшную картину представляет тело убитого: это мужчина лет 45, атлетического сложения; вся грудь и живот буквально усеяны ранками с запекшеюся кровью, а голова, на половину отрезанная кинжалом, свешена на бок… Не обошлось это происшествие без крупных жертв: три жителя Беноя во время перестрелки убиты наповал, три тяжело ранены; из последних двое на другой день умерли. Подпись: ***-Ъ***.

Башни Тамары

«ИКОИРГО» Том XIII. 1900. №1-й.

Башни Тамары. В «Казбеке» (№724) некто Z. описывает находящиеся около укр. Шатоя в Терск. обл. две башни, слывущие под именем «башен царицы Тамары» и построенные по общему типу башен, во множестве рассеянных по Кавказу, т. е. в виде четырехгранных усеченных пирамид. Они лепятся по крутому склону горы над р. Аргуном. Внутри в них еще уцелели полусгнившие деревянные балки, сделанные из чрезвычайно прочной породы, которую здесь называют «не-гней-дерево» и которая, говорят, действительно может противостоять гниению 150 – 200 лет. На одной из башен на камне высечено грубое изображение, имеющее отдаленное сходство с человеческой фигурой, а, может быть, и с якорем. Фигура состоит из круга (голова), под ним вертикальная линия (туловище), перекрещенная горизонтальною (руки); внизу она раздваивается (ноги). Ни надписей, ни орнаментов нет. – У туземцев существуют насчет их происхождения некоторые легенды. Одна из них гласит, что в незапамятные времена жили два брата-богатыри, любившие одну девушку. Та отдала предпочтение старшему: они построили башню и уединились в ней от света. Но младший брат не мог с этим помириться: он построил вторую башню, несколько выше первой, и оттуда любовался не счастье парочки. – По другой легенде, в очень древние времена жили два брата, постигшие способ летать по воздуху. Они построили две башни на скале, куда ни один человек не мог проникнуть, и оттуда подстерегали караваны, проходившие по ущелью Аргуна. – К крайнему сожалению, башни эти не берегутся, как должно: несколько лет тому назад во время учебной артиллерийской стрельбы одну башен обратили для шутки в мишень, и теперь она частью разрушена.

Отчет главного руководителя полевой поездки офицеров генерального штаба кавказского военного округа в Чечне Дагестане и на Лезгинской линии в 1902 году. С.-Петербург 1903 г.

К северу от Нагорного Дагестана расположен Чеченский район. Границами его, в пределах исследований, произведенных во время полевой поездки, служат: на западе – верховья Терека и линия Владикавказ-Беслан-Карабулак; на севере – долина Сунжи, от Карабулака до устья, и далее примерная линия до сел. Костек; на востоке – среднее течение реки Сулака и, наконец, на юге – Боковой хребет от Дарьяла до горы Диклос и далее Андийские горы. Пограничные хребты, расположенные вдоль южной границы района, отделяются от Тифлисской губернии и Дагестана. Особенно трудно доступен участок между горами Бокового хребта, Тебулос и Диклос, где сплошной ряд снеговых вершин служит как бы огромной стеной, почти совершенно прерывающей всякую связь между прилежащим участком горной Чечни и Тифлисской губернией. На всем же остальном протяжении, не считая лежащей на крайнем западе Военно-Грузинской дороги, пограничные хребты пересекает лишь одна колесная дорога – Царская, и несколько крайне тяжелых троп. Так на западном участке южной границы района проходят трудные вьючные тропы по ущелью ассы в ущелье арагвы и крайне тяжелая тропа, соединяющая ущелье Арагвы с сел. Тереты из которого она разбивается на две ветви через ущелье табочоча в Тарс и через хребет Бастылам в селение Кий. Через Андиский хребет пролегают уже указанная ранее вьючные тропы служащая связью Чечни с Дагестаном Все пространство Чечни к северу от пограничных хребтов резко делится на две части нагорную образованную разветвлениями главных хребтов и равнинную которая узкой полосой протягивается вдоль подошвы гор нагорные район в западной части своей прорез ан н длину высокой грядой так называемого передового хребта который входит в район у Джераховского ущелья и пролегая параллельно боковому хребту восточной оконечностью своей входит в связь с андийскими горами достигая отдельными вершинами своими до 9.900 ф. высоты, хребет

этот прорезан глубокими отвесными ущельями Ассы и Аргуни и вместе с Андийском хребтом дает начало всем прочим речкам, орошающим Чечню и Кумыкскую плоскость. Южные склоны этого хребта круты и вместе с северными разветвлениями Бокового хребта образуют крайне пересеченный суровый горный участок, прорезанный ущельями верховий Чанты и Шаро Аргуний и Ассы с их притоками и представляющий наиболее труднодоступную, дикую часть всей Нагорной Чечни. Остальное пространство Нагорной Чечни заполнено разветвлениями Передового хребта и Андийских гор, окаймленных на север грядой черных гор. Все эти горы покрыты лесами прорезаны целым рядом ущелий горных потоков и ниспадая террасами к северу сливаются с равниной Чечни умеренный же климат обилие выпадающей влаги служат причиной что эта часть нагорной Чечни покрыта густыми лесами и вследствие благоприятных условий почвы и климата некогда прорубленная среди лесов широкая просеки облегчавшие доступ в горы нашим войскам во время покорения Чечни заросли совершенно из целого ряда речек прорезывающих этот район наибольшее значение имеют асса Аргун Хулхулау Гудермес Аксай Ямансу Ярыксу Акташ и Сулак особенно Аргун и Сулак река Аргун образуется из слияния рек Чанты Аргун и Шаро-Аргун берущих начало первая у города барбало и вторая у города качу об речки протекают в диких глубоких узких скалистых ущельях и имеют вид бурных горных потоков верховья их прорезывают упомянутый выше труднодоступный и суровый участок, заключенный между горными кряжам Бокового и Передового хребтов. Соединившись в одну бурную реку, в 8 верстах выше Воздвиженки, Аргун прорывается через последние отроги Черных гор и выходит на равнину, по которой течет извилистым руслом в возвышенных берегах по каменистому ложу, имеющему до 200 шагов ширины. В малую воду, в местах, где можно спускаться к реке, Аргун, хотя с трудом, но проходима в брод; в период же таяния снегов и во время дождей переправа становится возможной только по мостам. Река Сулак входит в исследуемый район только средней своей частью и представляет здесь довольно значительную реку, на столько глубокую, что у Чир-юрта через нее устроен даже мост на судах. Составляя границу Чеченского района, она служит довольно серьезным препятствием, отделяющим этот район от соседнего Темир-Хан-Шуринского округа, при чем на всем рассматриваемом протяжении течет в глубоком, часто скалистом ущелье, образуемом с одной сторона Андийскими, а с другой Гимринскими горами. Из прочих рек более полноводными являются Гудермес, на котором во время половодья броды закрываются, и Хулхулау, проходимой вброд также не всюду. Остальные речки по размерам своим незначительны, но пролегают часто в глубоких скалистых ущельях, чем значительно увеличивают пересеченность района. Равнинная часть Чеченского района на три в) части: на западе, между Передовых хребтом с его отрогами и горами Кабардино-Сунженскими, образовалась Владикавказская низменная котловина входит в этот район только небольшой восточной своей частью, а Кумыкская плоскость только своей южной частью. Главную ж, большую часть равнинной полосы, составляет равнина Чеченская. Вся вообще неизменная полоса отличается плодородной почвой, богатого орошена низовьями рек и ручьев, ниспадающих из горной полосы района. Будучи хорошо возделана и заселена, она представляет из себя наиболее богатую, плодородную и густо заселенную часть района, особенно в средней своей части, составляющей Чеченскую равнину. Некогда Чеченская равнина была покрыта густыми девственными лесам, но в настоящее время леса эти сильно поредели и обширные лесные полосы, обозначенные на картах, в значительной степени обращены под пашни или представляют скорее кустарники, чем прежние дремучие леса. Равнинная часть Чеченского района обладает достаточным количеством вполне удовлетворительных колесных дорог, которые прорезывают ее в различных направлениях. Кроме того по северной и западной окраине района пролегает железнодорожный п4уть от Владикавказа через Беслан до Чир-юрта. Участок этого железнодорожного пути между Бесланом и Чир-юртом составляет часть кружной, длинной, ломанной железной дороги Ростов-Беслан-Петровск-Баладжары-Тифлис, являющейся главной коммуникационной линией, связывающей Закавказье с центром от вся-

ких случайностей составит одну из важных забот Кавказского начальства во время войны. Что касается горной части Чечни, то в ней пути сообщения имеют по преимуществу аробный или вьючный характер и сосредотачиваются почти исключительно в северной, более пониженной части; в частях же, ближайших к гребням Андийского и Передового хребтов, имеется лишь самое ограниченное число дорог и притом почти исключительно вьючных. Дороги горной части Чечни имеют меридиональное направление в зависимости от общего направления ущелий и речек Чечни. Удобная поперечная связь между всеми этими путями устанавливается уже на равнине, по выходе из гор. В горной же части общая связь между этими путями весьма затруднительна, и только некоторые из меридиональных путей соединены между собою тропами или аробными дорогами. Наибольшее значение из путей, пересекающих горную Чечня, имеет упомянутая ранее дорога, частью шоссейная, частью обыкновенная грунтовая, но вполне пригодная для колесного движения, ведущая из Устар-Гордоя через Эрсеной, Ведено и Хорочой в Ботлих и прорезывающая далее весь Дагестан с запада на восток до выхода к линии железной дороги Петровск-Баладжары. Эта, так называемая Царская дорога, является единственным колесным путем, связующим Чечню с Дагестаном. С средней своей части, между Эрсеноем и Ведено, она пролегает по пересеченной гористой местности, почти сплошным лесным дефиле. Часть этой дороги во время полевой поездки была сильно испорчена и, если не будут приняты надлежащие меры, то движение по этому пути может оказаться затруднительным. Другой колесный путь этого района идет из Грозного через сл. Воздвиженскую до укр. Шатоя, откуда в виде аробной дороги продолжается к Евдокимовскому. Дальнейшим продолжением этого пути является крайне тяжелая тропа, обращающаяся местами в пешеходную, идущая из Евдокимовского на сел. Кий, Тереты и далее в ущелье Арагвы. Третий колесный путь ведет из Хасав-юрта через Андреево к Н. Буртунаю, откуда в виде вьючных, крайне трудных троп, взбирается на Кыркский перевал и затем спускается в Нагорный Дагестан. Четвертый-из Ведено через Таузен в Шали. Все прочие пути, ведущие в район горной Чечни, имеют характер аробных или вьючных путей. Из них можно указать: аробную дорогу из Урус-Мартана в Шатой, продолжение которой частью в виде аробной, частью вьючной дороги, выходит к Ботлиху в Нагорном Дагестане; “) на аробную из Майортупа в Дарго, идущую далее – в виде вьючной тропы – также в Нагорный Дагестан к сел. Анди; 3) на аробный путь из Герзель аула в Беной и отсюда через Кишень в Хасав – юрт; 4) частью аробную, частью вьючную, – из Н. Буртуная в Чиркей. В западной части Нагорной Чечни имеют значение: 1) Военно-Грузинская дорога; 2) колесная дорога из ст. Слепцовской до Алкунского поста, пролегающая далее в виде вьючной тропы по ущелью Ассы и затем в ущелье Арагвы; 3) ветви этой тропы: а) от поста Алкунского в Евдокимовское; б) по ущелью Табачоча в верховья Аргуни, в) из ущелья Ассы через Тарс во Владикавказ. Эта последняя между Владикавказом и Тарсом обращается в колесный путь; 4) колесная из Владикавказа в ст. Слепцовскую. Общая связь между всеми перечисленным дорогами горной Чечни устанавливается, как было указано ранее, уже на равнине. Из числа этих поперечных путей можно указать на колесную дорогу, сопровождающую в близком расстоянии железнодорожный путь на всем протяжении между Владикавказом и Чир-юртом, и затем на колесную дорогу из Владикавказа через Ассинскую, Урус-Мартан, Шали, Майортуп в Герзель аул. В Нагорной полосе из поперечных дорог надо указать на путь из Шатоя в Ботлих и от Воздвиженки к Ведено. Население рассматриваемого участка крайне разнообразно: здесь живут русские, чеченцы ингуши, салатавы, кумыки, небольшая часть хевсур, осетин и кабардинцев, немногочисленное племя малхекистин. Из всех этих народностей только русские, хевсуры, да часть осетин исповедуют христианство; все же прочие племена – мусульмане сунитского толка. Главными представителями русской народности являются Терские казаки, занявшие своими станицами почти все пространств между линией железной дороги от Владикавказа до Грозного и рекой Фортангой и затем левый берег Сунжи почти до устья этой реки. Кроме того русские составляют главную

массу населения городов и штаб квартир, а за последнее время, кроме сел. Владимирского, поселенного на месте бывшего аула Бамат-юрт, русские начали селиться в плоскостной части Хасав-юртовского округа. В собственно же Чеченском районе русских поселений нет совершенно, исключая небольших слобод Ведено, Воздвиженской и Шатоя, представляющих как бы небольшие оазисы среди сплошного мусульманского населения Чечни. Хевсуры входят в рассматриваемый район в ничтожном числе, заняв своими немногочисленными селениями истоки Ассы и Чанты-Аргуни, уде в пределах Тифлисской губернии, между границей Терской области и частью Бокового хребта от горы Шан до горы Тебулос. Равным образом в самом незначительном числе входят в исследуемый район также и осетины, поселения которых расположены главным образом уже к западу от Военно-Грузинской дороги. Осетины частью мусульмане. Кроме этих племен представители других христианских народов встречаются только по городам и при том в совершенно ничтожном числе. Прочие народы, населяющие район, а именно чеченцы, родственные им ингуши, затем салатавы кумыки и малхекистины исповедуют враждебную христианству мусульманскую религию суннитского толка. Из числа этих народностей ингуши, хотя составляют по численности (49. 105 ч.) довольно значительную группу и отличаются особенною склонностью к разбоям и грабежам, но они в значительной степени окружены русскими селениями и станицами, и поселениями осетин и хевсур, а потому трудно ожидать, чтобы среди них могло возникнуть самостоятельное восстание или даже серьезное брожение, направленное против владычества русских. Сплошной массой (48.005 ч.) ингуши поселились на перемычке между Владикавказской и Грозненской равнинами, где они известны под названием назрановских ингушей, и затем в небольшом числе живут в Грозненском округе (472 ч.) в Владикавказском (431 ч.) и в г. Владикавказе (189 ч.). Имея в виду однако, что столкновение наше с Турцией, должно в значительной степени подогреть мусульманский фанатизм ингушей и разжечь еще более их без того грабительские инстинкты, можно ожидать, что грабежи, разбои и нападения на линию железной дороги и на железнодорожных служащих, довольно частые здесь даже в мирное время, в военное участятся в значительной степени, почему на охрану железной дороги в ингушском районе необходимо будет обратить серьезное внимание. Кумыки, численность которых определяется в 2) 33.822 ч., заселяют преимущественно северную часть Хасав-Юртовского окр. (25.029 д.). Затем живут в Сунженском отделе (4.220) и в Грозненском округе (2.819). Племя это всегда отличалось трудолюбием, обязано русской власти правильным и обеспеченным наделом землею и едва-ли может заключать в себе значительное количество ненадежных элементов. Кроме того половина земель этого племени принадлежит помещикам, которые владеют ими на праве полной собственности. Это обязательство служит причиной, что земли эти начинают распродаваться, при чем покупателями в значительной мере являются русские люди. Такое явление, будучи поддержано, может способствовать быстрому обрусению края, что обеспечить в полной мере порядок и спокойствие в этой части района. Малхекистины представляют небольшое, около 1.000 душ, разбойничье племя, живущее в диких, труднодоступных дебрях к югу от хребта Бастылама. Никакого серьезного значения племя это не может иметь по своей малочисленности. Их воровские наклонности поддерживаются тем, что надзор в этой местности со стороны Тифлисской администрации в течение 9 месяцев в году крайне затруднен вследствие непроходимости гор. Главную массу населения рассматриваемого района составляют чеченцы (202.558 душ), занявшие своими поселениями всю среднюю часть района, и салатавы (около 13 тыс.), живущие рядом с чеченцами в южной части Хасав-юртовского округа. Хотя салатавы принадлежат к аварскому племени, но в виду близкого соседства их с чеченцами и, принимая во внимание их воинственность и религиозный фанатизм, не меньший, чем у чеченцев, можно предположить, что племя это, в случае волнений в Чечне, будет действовать за одно с чеченцами. Эти воинственные, разбойничьи племена оказали нам упорное сопротивление при завоевании края; они же первые поднялись и в 1877 года по зову Алибека-ходжи, а за последнее время этот район сла-

вится как разбойничье гнездо, в котором разбои, грабежи, нападения на служащих, на солдат, на линию железной дороги – явление обыденное, не говоря уже о кражах или об угоне скота, что встречается почти постоянно. Хотя со времени покорения Чечни прошло уже 40 лет, а последнее восстание Алибека-ходжи было 25 лет назад, но, не смотря на столь долгий период мира, русское влияние и русская культура сказались здесь сравнительно мало. Более заметно это влияние еще в равнинной Чечне, где население стало зажиточнее, устраивает свои жилища по типу русских селений и начало понемногу заниматься торговлей; но по мере удаления из равнины в горы все чаще встречается тип того же дикого чеченца, с которым когда то мы начали войну, и который живет и по ныне все при тех же первобытных условиях, как и сто лет тому назад. Воровские и разбойничьи традиции по прежнему чтутся в Чечне и если отчасти сдерживаются, то только страхом пред мощью России до тех пор, пока в этой мощи нет причин сомневаться. Непродолжительная полевая поездка в Чечне дала возможность натолкнуться, например, на такие факты, как убийство из засады двух русских солдат на пути между Евдокимоским и Шатоем; на стрельбу малхекистин по одному из участников поездки, который по мнению этих горцев ехал отбирать уворованный скот; дала возможность убедиться на месте в постоянных притеснениях и грабежах, которым подвергаются русские жители слободы Ведено от своих соседей горцев Дышневеденя, а один из участников поездки указывает даже, что слобода Воздвиженская платить довольно солидную сумму, нанимая чеченцев, как сторожей, чтобы охранить себя от грабежей и угона скота. Все это мелкие факты, но они ясно показывают, на сколько еще жив разбойничий дух в этой дикой стране и как еще она далека т восприятия основ русской культуры. Что же касается религиозного фанатизма, то он за последние годы не только не ослаб, но по-видимому еще более окреп и развился, что особенно резко, например, заметно в Аухе, где особенно распространена фанатичная секта Кунтистов. Влияние Турции в этом районе также сильно, и султан в глазах горцев их прирожденный верховный глава. Такой престиж султана, помимо религии, поддерживается связями и сношениями с теми горцами, которые переселились в Турцию и нашли там удачу, а главное теми фанатиками, которые побывали в Константинополе и Мекке, вернулись на родину и прославляют учение ислама и его верховного главу. В общем надо признать, что русское влияние и русская культура еще далеко не пустили глубоких корней в этом народе. Крайне впечатлительное по натуре, привыкшие к грабежам и разбоям, свободолюбивые, никогда не признававшие никакого авторитета, кроме власти имама, не знавшие даже сословных подразделений, чеченцы не могли вполне свыкнуться с русской властью, и нет сомнения, что еще среди многих из них тлеет надежда свергнуть с себя тяжелую для них зависимость от русского государства. Что подобная мысль еще живет среди чеченцев, свидетельствует некоторые из русских, близко знакомых с Чечней, по словам которых, подобные надежды вызывали среди горцев не только борьба махдистов, но даже последняя война с Китаем; и только весть о русских победах быстро охладилапылкие мечтания этих воинственных горцев. Характерна в этом отношении и следующая песня, записанная в 1901 году во время экскурсии в горную Чечню и Дагестан К. Ф. Ганом: „Кази Магома! Горы нашли когда то принадлежали родителю твоему, они были под властью его, – теперь же они во власти русских, которые держать их крепко в своих руках. Не можешь ли устроить, чтобы они опять были нашими?“ „Кази Магома! Благородные кони отправлялись с отцом твоим в кровавую битву; теперь русские запрягают их в повозки и заставляют таскать тяжести. Ах, если бы ты на боевом коне мог восстановить опять власть имама!“ „Кази Магома! Острые мечи, которые обнажал имам и верные его слуги в бою, висят теперь праздно, покрытые ржавчиной и пылью, в чертогах русских властей. Не можешь ли ты опять обнажить их и восстановить их блеск?“ „Горы у Ботлиха, куда отец твой предпринимал походы, и которые ему были священны, теперь осквернены ломом и взрывами и всем открыта туда дорога. Не можешь ли ты сделать их недоступными? И т. д. в общем все свидетельствует, что в Чечне мы имеем горючий материал. Конечно, ожидать здесь общего единовременного восстания в настоящее

время трудно. Народ этот слишком развитый и умный, чтобы не видеть и не сознавать силы России; некоторое же благосостояние, особенно заметное в аулах равниной Чечни, проведение железной дороги, развитие торговли, стремление селиться в Грозном, ради коммерческих выгод, указывают на образование среди них партии, для которой восстание будет грозить потерей достигнутого благосостояния. И такая партия, как показал пример богатого аула Шали в 1877 году, вероятно будет противиться всяким попыткам фанатиком поднять в стране общее восстание. Но на ряду с этим война с Турцией должна несомненно возбудить без того грабительские инстинкты чеченцев, должна развить фанатизм и усилить разбойничью деятельность горцев, в виду чего местные частичные вспышки здесь почти неизбежны; а затем размер их вероятно будет находиться в полной зависимости от хода войны на главном театре и той степени наказания, которое понесут первые восставшие. Начало всяких волнений скорее всего можно ждать в горной части района. Здесь и русское влияние сказалось слабее, и народ беднее, а горные и лесные трущобы могут служить хорошим убежищем для сформирования шаек и для их партизанской разбойничьей деятельности. Кроме того необходимо иметь в виду, что начиная с появления первых имамов и кончая восстанием Алибека-ходжи, религиозно политические движения самостоятельно возникали всегда только в суровом Дагестане и уже отсюда проникали в Чечню. Здесь эти движения быстро воспринимались впечатлительными чеченцами, которые и начинали борьбу значительно раньше, чем более устойчивые горцы Дагестана, при чем естественно, что первые волнения зарождались именно в горной Чечне, ближайшей к Нагорному Дагестану. Что касается равнинных аулов, то восстание их вообще мало вероятно. Хотя население равнинной Чечни также принимало участие во всех волнениях, но здесь приходилось наталкиваться на такие факты, когда некоторые аулы не только не присоединялись к мятежникам, то даже встречали их выстрелами. В 1877 году, в самом начале восстания, когда шайка Алибека-ходжи спустилась на плоскость, аул Ишхой, во главе с муллами и старшинами, не пустил шайку на свои земли. При движении того же Алибека – к Гудермесу он был встречен огнем жителей Умахан юрта; не были пущены мятежники и в аул Шали, а затем, когда близ этого селения шайка потерпела неудачу, те же шалинцы, также автуринцы и гельдыгенцы бросились на мятежников и докончили их поражение. Хотя факты и не могут служить доказательством полной надежности населения равнинной Чечни, но во всяком случае они свидетельствуют, что население здесь присоединяется к мятежникам не сразу, а предварительно по крайней мере взвесит на чьей стороне больше шансов на успех, тем более, что доступы к равнинным аулам совершенно свободны и население сконцентрировано в крупных селениях, разгром которых даст быстро и сильно почувствовать всю силу русского оружия. Все это заставляет предполагать, что и исходным пунктом восстания может служить скорее всего нагорный район: Ичкерия Аух, Салатавия, Черберлой. Обратимся теперь к выяснению числа борцев, которых могут выставить чеченцы в случае, если восстание вспыхнет. Общая численность чеченцев определяется в 202.000 душ обоего пола, т. е. не более 100.000 мужчин. Если считал даже, что из этого числа 50% способны носить оружие, то вся Чечня при поголовном восстании могла бы выставить около 50.000 воинов. Но на основании опыта 1877 года можно рассчитывать, что значительная часть аулов равнинной, более населенной части района, останется по меньшей мере индеферентной к восстанию, а быть может даже будет противиться ему. По этому даже при серьезном развитии волнений можно рассчитывать, что общая численность шаек едва ли может достигнуть тысяч двадцати, среди которых хорошим огнестрельными оружием может быть вооружена только небольшая часть. Сколько ружей в Чечне, сказать трудно, но вряд ли наберется более 1 -2 тысяч, считая конечно только ружья современных образцов; кроме того имеются вероятно старые гладкоствольные и кремневые ружья; холодным же оружием чеченцы вооружены все поголовно. В общем силы, которые может выставить Чечня в период восстания, не особенно велики, но они вполне достаточны для производства большой смуты, могут сильно угрожать русским станицам и поселкам, а главное важнейшей

коммуникационной линии Кавказских войск, железной дороге Беслан – Петровск. При той пересеченности местности, которая существует в Чечне, при отличном знании горцами всех дорог и тропинок, при способности их к быстрым передвижениям, чеченцы могут наделать нам не мало хлопот. Из изложенного выше усматривается, что восстание наиболее вероятно в Нагорной Чечне, но тем не менее располагать в горной части района большую часть сил, оставляемых для поддержания спокойствия в стране, вряд ли удобно. Этому препятствуют, как физические свойства горного района, так и необходимость иметь достаточно сил на равнине. Все горные отроги и ущелья Чечни имеют направление по меридиану и в большинстве на столько изолированы друг от друга, что взаимная поддержка отрядов, оставляемых в горной Чечне была бы подчас невозможна. Равнинная же Чечня, хотя и представляет меньше условий для развития восстания, за то на ней сосредоточена главная масса населения, пролегает железная дорога и расположены важнейшие административные центры района, благодаря чему восстание на равнине для нас наиболее опасно. При таких условиях предпочтительнее в горной части района иметь самостоятельные отряды, могущие поддержать спокойствие в ближайших районах, а резервы расположить на равнине в важнейших узловых пунктах, откуда, подвижные колонны могут быть двинуты в одно из горных ущелий или к более угрожаемым пунктам равнины. Исходя из этого положения, наиболее удобными местами для размещения войск будут: 1) В горной Чечне: а) Ведено – укрепление, расположенное почти в центре Ичкерии, на главном колесном пути, прорезывающим Дагестан и Чечню, и в узле дорог – ведущих к Воздвиженке, Ботлиху, в ущелья Ямансу и Ярыксу. Б) Кишень-аух с Буртунаем – крупные горные аулы, связанные удобными путями с Хасав-юртом, и расположенные в узле путей, по которым легко проникнуть в населенные горцами ущелья верховьев Аксая, Ярык-су, Яман-су и Акташа. Заняв эти пункты, представится возможность быстро подавлять волнения в Аухе и Салатавии. В) Шатой с Евдокимовским, расположенВ) Шатой с Евдокимовским, расположенные в ущелье Аргуни и в центре дорог, ведущих в дикий горный район между Передовым и Боковым хребтами, а также к стороне Малой Чечни и Нагорного Дагестана. Г) Алкунский пост – расположенный у входа в западную часть горного района. 2) На равнине: а) Грозный – главный населенный пункт наиболее беспокойный средней части всего района, расположенный на линии железной дороги, на границе Большой и Малой Чечни, в центре главнейших путей равнины. Б) Хасав-юрт – расположенный также на линии железной дороги в узле путей, ведущих в ущелья Аксая, ярык-су и Акташа. В) Слобожа Воздвиженская, с прилежащими аулами Атаги, является одним из больших населенных пунктов и расположена в узле путей, ведущих к стороне Шатоя и Ведено, а также и к соседним крупным аулам, как например Урус-Мартан, Шали и др. г) Владикавказ, как главный административный центр области, лежащий у входа в горы Военно-Грузинской дороги и в узле дорог в западную часть горного района. Из всех перечисленных пунктов наибольшее значение имеют: в горной Чечне – Ведено, как узел важнейших дорог в этой части района, и Грозный – в равнинной части страны. Пути сообщения в этой пересеченной местности имеют особо важное значение и увеличение числа дорог и улучшение их даст возможность соответственно уменьшить количество войск. Имея при этом в виду преобладающее стратегическое значение в горной части района укрепления Ведено, представляется особенно важным, чтобы этот пункт был связан прямыми колесными путями с Хасав-юртом, Шатоем, Грозным, Воздвиженской и Дарго. В виду этого является желательным не только поддерживать в полной исправности местами испорченный колесный путь от Ведено к Грозному и Ботлиху, но и озаботиться постепенным обращением в колесный пути тех кратчайших аробных дорог и вьючных троп, которые ведут от Ведено ко всем указанным важнейшим пунктам района.

II. Южная часть Терской области. Участок Терской области, входящий в район полевой поездки может быть ограничен: на севере рекой Сунжей и линией от ее устья до сел. Костек, на востоке верховьями Сулака, на юге административной границей с Дагестаном и Тифлисской губернией и на западе военно-грузинской дорогой. В состав этого района входят части Влади-

кавказского округа, Сунженского отдела, Грозненского и Хасав-юртовского округов. Принимая однако во внимание, что статические сведения по Терской области ограничиваются только округами, без боле мелких подразделений, в настоящем кратком очерке приведены данные для округов Грозненского, Владикавказского и Хасав-юртовского и Сунженского отдела в их полном объеме. Владикавказской округ, хотя и входит в состав района лишь незначительной частью (около 1/10), но, как связанный железною дорогою с остальной частью района, включен в настоящее описание полностью. Все приведенные цифровые данные взяты из отчета Начальника Терской области за 1901 год, за исключением лишь данных о перевозочных средствах района. Общая площадь района в десятинах и распределение земель по округам выражаются следующими цифрами. Как видно из этой таблицы, особенность района заключаются в обилии лесов, особенно в Грозненском округе, где леса занимают свыше 1/3 всей поверхности округа. При этом главная масса лесов расположена в горных частях района, на низменности же их значительно меньше и часто они представляют лишь мелкую поросль. Большая часть поверхности района занята пашнями и хлебопашество, особенно в равнинных частях района, составляет главное занятие жителей. Плодородная почва и благоприятные климатические условия страны способствуют развитию земледелия, и избыток хлебов в 1901 году, в среднем по своей урожайности, достиг 926.000 чтв. Если из приведенной цифры избытка хлебов в округах откинуть еще на продовольствие населения городов Владикавказа и Грозного около 100.000 чтв., то весь избыток хлебов в районе может быть исчислен в 926.715 чтв. Некоторая часть из этих 926.715 чтв. Хлебов идет без сомнения на прокорм скоту, но за отсутствием более или менее точных статических данных, определить количество хлебов, необходимое на корм скота было бы трудно. Наибольший избыток хлебов получается в Грозненском округе. Главным же центром хлебной торговли в районе является город Грозный. Покупателями хлеба в значительной степени являются горцы Дагестанской области. Урожай отдельных хлебов виден из следующей таблицы: (сведения урожая 1901 года). Из таблицы этой усматривается, что более 2/3 всех хлебов района составляет кукуруза и просо, особенно же кукуруза. Сбор же пшеницы и ржи составляет около 1/5 всего урожая. Единственным исключением из рассматриваемых округов является округов Хасав-Юртовский, где главными хлебами являются пшеница и ячмень. Кукуруза является главным средством пропитания туземцев, а в Грозненском округе этот вид хлебов составляет даже 84% всего урожая. Количество овощей, собранных в районе в 1901 году, видно из следующей таблицы. Овощи главным образом разводятся в Сунженском отделе и Владикавказском округе и сбываются на местных рынках. За последнее время, впрочем, заметен вызов овощей, особенно картофеля, по железной дороге. Садоводство в рассматриваемом районе развито в общем слабо и почти исключительно служит для удовлетворения местного населения. Под фруктовыми садами в районе занято: в Сунженском отделе 795, Грозненском округе 84 и Хасав-юртовском 156 десятин В 1901 году в пределах района было собрано до 2.688.483 пудов сена, из них лугового 35.724 и степного 2.552.759 пудов: В общем сено собирается главным образом степное, но при этом оно выкашивается далеко не все, и во многих местах, особенно в степях Хасав-юртовского округа, скот круглый год ходит на подножном корму. Обилие свободных выпасов на плоскости, альпийских пастбищ в горах служат причиной, что скотоводство в рассматриваемом районе развито и занимает второе место после земледелия. Из этой таблицы усматривается, что скотоводство наиболее развито в Грозненском округе, где в одинаковой почти степени разводится как мелкий, так и крупный скот. Причину этого надо искать, конечно, в свойства этого округа: низменная и густо населенная и плодородная часть округа где развито земледелие, способствует по преимуществу разведению крупного рабочего скота, а горная часть и лесные степные пространства низменной части округа способствуют разведению мелкого скота. В Хасав-юртовском же округе, где земледелие развито в меньшей степени, чем в Грозненском округе, и имеются: на севере обширные степные пространства, а на юге горы с альпийскими пастбищами – преоб-

ладает разведение мелкого скота. По количеству же лошадей первое место занимает Сунженский отдел, населенный в значительной степени казаками, а затем Грозненский и Владикавказский округа. В Хасав-юртовском же округе количество лшадей ничтожно. Скот разводится обыкновенно горской породы и отличается малорослостью и небольшим весом. Лошади же имеются главным образом верхового типа. Особенно славятся кабардинские лошади. Для перевозки тяжестей употребляются буйволы, волы, лошади и ослы; последние особенно пригодны для перевозки тяжестей в горах. Кроме скота, принадлежащего местным жителями, в рассматриваемом районе в зимние время пригоняется много скота, особенно баранов, из гор, из Осетии и даже из Душетского уезда Тифлисской губернии. Точных сведений о количестве перевозочных средств в рассматриваемом районе не имеется, и лишь приблизительно можно считать, что в районе найдется около 150.000 арб и повозок, из числа которых около 100.000 парных. Запрягаются они главным образом волами или буйволами. Подъемная сила повозок обыкновенно весьма незначительная – от 10 до 20 пудов, что объясняется главным образом гористостью района, крутыми уклонами дорог, а в низменных местах вязкостью грунта и топями, образуемыми часто сбегающими с гор ручьями и речками. Горный промысел в рассматриваемо районе заключается главным образом в добыче нефти в окрестностях Грозного, где в 1901 году было добыто ее до 24.696. 840 пудов, и отчасти в добыче серебросвинцовых, цинковых и медных руд во Владикавказском округе. Рыболовство в пределах района более или менее развито лишь на морском побережье Хасав-юртовского округа, где за 1901 год было поймано 1.495 пудов красной и 16.470 пудов белой рыбы. Главным же образом оно развито на побережье Кизлярского отдела, где за 1901 год было поймано до 86.500 п. красной и 309.000 п. белой рыбы. Из интендантских заведений в рассматриваемом районе имеется: 1) Владикавказский продовольственный магазин (II класса), в котором хранится – 8.705 п. муки, 8.276 пуд. Ржи и 3.448 пудов крупы. 2) Грозненский магазин (III класса) – 4.392 п. муки, 13, 602 п. ржи и 2.851 пуд. Крупы. 3) Хасав-юртовский магазин (III класса) – 6.724 пуд. Муки и 545 п. крупы. 4) Воздвиженский магазин (III класса) – 7.631 п. Муки и 1.296 п. крупы. 6) Веденский (IV класса) 9.107 п. муки и 1.277 п. крупы. 7) Шатоевский (IV класса) – 4.196 п. муки и 572 п. крупы. Таким образом во всех магазинах хранится муки 44.893 пуда, ржи – 24.499 пудов и крупы 10.971 пуд. Кроме того в станице Слепцовской имеется сенопрессовальня, производительностью до 300.000 пудов в год. Общая численность населения. Из таблицы этой видно, что главная масса жителей состоит из сельского населения, при чем наиболее густо заселен Грозненский округ, а Хасав-Юртовский почти вдвое слабее. Казачье население разместилось исключительно в Сунженском отделе. В племенном отношении район крайне разнообразен: здесь живут русские, кабардинцы, чеченцы, ингуши, салатавы, кумыки, осетины, евреи, персы и другие представители различных народностей. Взаимное численное отношение этих племен видно из следующей таблицы. Таким образом главную массу населения всего вообще района составляет чеченцы и родственные им ингуши, в частности в Грозненском округе чеченцы составляют подавляющее большинство населения (свыше 96%). Русские составляют большинство только в городах; кроме того они составляют около 43% населения Сунженского отдела; в Хасав-юртовском округе русских около 14%, а в Грозненском и Владикавказском менее чем по 2%. Осетины составляют главную массу населения Владикавказского округа (более 95% населения округа (более 95% населения округа (более 95% населения округа). Кумыки поселились главным образом в Хасав-Юртовском округе, где они составляют около 36% населения. Кабардинцы, населяя главною массою Нальчикский округ, в рассматриваемом районе живут почти исключительно в Сунженском отделе где их 13% населения округа. Горские татары (аварцы) живут почти исключительно в Хасав-юртовском округе, составляя около 17% населения округа. В религиозном отношении район для нас столь же неблагоприятен, как и в племенном, что видно из следующей таблицы. Это особенно относится к Грозненскому округу, в котором заметно наибольшее преобладание мусульман, представляющих вместе с тем вполне

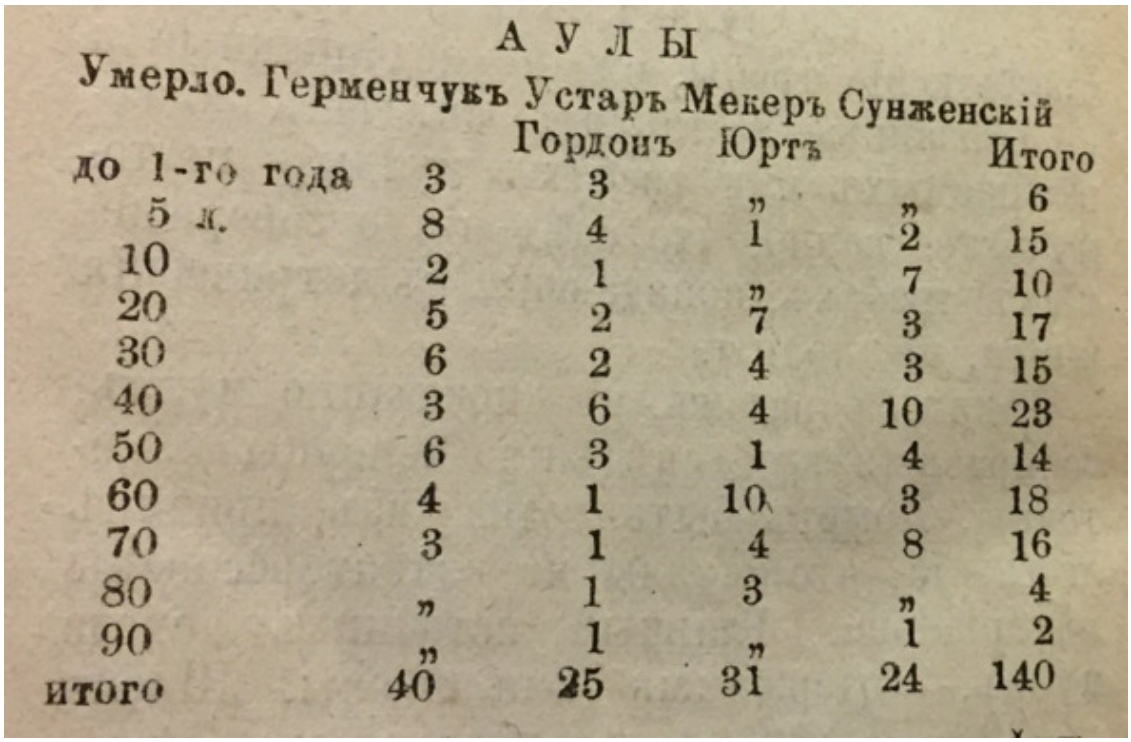
однородный элемент, состоящий почти исключительно из чеченцев, народа крайне впечатлительного, восприимчивого и готового к враждебным к нам действиям. То же самое можно сказать и про родственных чеченцам ингушей. Оба эти племени даже в мирное время производят частые разбои и нападения на линию железной дороги, почему в военное время по отношению к этим племенам необходима особая осторожность, и независимо от мер военных и административных, необходимо не останавливаться и перед мерами карательными, помня, что всякое послабление в этом районе будет истолковано, как доказательство нашей слабости и будет вызывать усиленные покушения на линию железной дороги.

Движение населения у Чеченцев 1901 год

Книга Ивана Пантюхова. Тифлис 1901 год.

Первоначальная история чеченцев так же темна, как и история других кавказских горцев. По преданиям, сообщенным Н. Дубровиным, чеченцы появились в верховьях Сунжи и Аргуна из Грузии или Дагестана всего лет триста назад. Богатая плоскость от р. Сунжи до Дагестанских гор 200 лет назад представляла вид дремучего, непроходимого леса. Занявшие эту плоскость чеченцы были будто мирным, пастушеским племенем. Магометанство водворилось в Чечне только в XVIII веке. По этим маловероятным и еще больше запутанным магометанством преданиям можно только заключить, что сильная, энергическая группа чеченцев весьма быстро выдвинулась на арену истории. Лингвистика и антропология пока тоже мало разъясняют дело. По исследованиям лингвистов, язык чеченцев не имеет никакого сходства ни с языком грузин и кавказских горцев, ни с другими известными языками. В нем есть слова, заимствованные от соседних народов, есть даже некоторые формы, похожие на встречающиеся в языках кюринцев и сванетов, но в морфологическом отношении чеченский язык совершенно самостоятелен. По антропологическим признакам чеченцы отличаются от иранцев более широкою головою, от монголов – большею волосатостью тела, меньшею скуластостью, от семитов – высоким ростом и проч. Уже по этим крупным признакам можно заключить, что основание чеченской народности, также как и лезгин, положили не азиатские народы. по высокому, до 1700 мм., росту, форме головы, длинному лицу, с прямым толстым носом и широкою бородою, чеченцы подходят, по классификации Деникера, к типу адриатической расы. За принадлежность их к европейской расе говорит и большой процент светлых цветов глаз. По 87 определениям О. Эркерта карих глаз у чеченцев 36%, серых 17%, голубых 8% и около 40% разного рода смешанных, где на светлом фоне карие, голубые, желтые, серые и зеленые оттенки. Приблизительно такой же процент бес пигментных глаз найден и нами. Между карими глазами почти вовсе нет темных, а только светло-карие. Наиболее вероятно, что одно из племен адриатической, главным образом славянской, расы в доисторическое время попал в ущелья Дагестана, охраняемые природою, и, обладая большою устойчивостью и внутренней силою, сохранило, как и другие дагестанские племена, свою индивидуальность, а когда, вследствие благоприятных обстоятельств, оно выдвинулось на более удобные позиции, то, под импульсом магометанства, быстро размножилось и, в противоположность хиреющим и, в противоположность хиреющим в своих замкнутых, бесплодных ущельях лезгинам, развило свойственную ему энергию и между прочим даже ассимилировало некоторые, неопределившиеся группы ингушей и кистин. Уже судя по тому, что, по недавним преданиям, всего двести лет назад вся местность от Сунжи до гор Дагестана была пустынною, а ныне густо заселена чеченцами, можно заключить, что несмотря на бурный период существования, размножение чеченцев шло быстро. Сколько нибудь точных цифр о движении населения чеченцев не только за этот, но и за последующее время однако нет. в настоящее время чеченцы живут почти исключительно в Грозненском округе Терской области. в 1873 году жителей в округе числилось 120,535, в 1886 г. – 146, 946 и 1-го января 1898 г. – 205,684. В первый двенадцатый период на 1,000 населения ежегодный прирост был 16,1, во второй – 24,6. Если однако число жителей в Грозненском округе считать не по «Терскому календарю» 1900 г., а по переписи в январе 1897 г. – 227,048, при чем число городского не чеченского населения почти такое же, как и по «Терскому календарю», и если сравнить его с наиболее верным числом жителей по посемейным спискам 1886 года, то оказывается, что с 1886 по 1896 г., за десять лет, население в округе увеличилось на 80,108, в год на 8,010, а на 1,000 населения в год на 42, – цифра указывающая на громадный прирост населения у чеченцев. По сведениям, почитаемым в «Терском календаре», естественный прирост населения в округе гораздо меньше, и, напр., в 1898 году на 1,000 населения родилось

20, умерло 16, естественный прирост только 4. По официальным сведениям, к 1-го января 1899 года всех чеченцев в терской области было 202,553, из них 105,553 мужского пола и 97, 166 женского, а в одном Грозненском округе чеченцев 189,765. Чеченцы живут не в одном Грозненском округе, в самом этом округе живет более 15,000 других жителей, да и территория округа менялась, поэтому приведенные цифры естественного прироста чеченцев только весьма приблизительны. Еще менее, по нашему мнению, точны цифры прироста населения, показываемые в ежегодных отчетах. В Грозненском округе, за небольшим числом малярийных низин, климат здоровый, почва в большинстве местностей весьма плодородна, количество земли, в среднем около 7 десятин на душу, достаточное. В 1898 году, при среднем урожае хлебов 2,4 четверти на душу и удовлетворении местных нужд, избытка хлебов оставалось 139,185 четвертей. При таких благоприятных условиях естественный прирост 4 на 1,000 мог быть разве в горных обществах, но в среднем во всем округе такой незначительный прирост невероятен. Точно также 20 рождений и 16 смертей на 1,000 представляют собою нечто необычайное и, насколько нам известно нигде не встречающееся. Таким образом, по показанию мулл, собираемые ими сведения неполны и не точны. Может быть, одна из причин этого та, что муллы не заинтересованы материально. Главный источник дохода мулл, – содержимые ими школы. Школ с 20 – 40 детьми, исключительно мальчиков, в ауле **Герменчук** три, в **Шали** школ 5 – 6, в меньших аулах по одной-две. Более грамотные муллы служат и аульными писарями. За исполнение же собственно треб население отводит муллам кусок пахотной земли и всем обществом обрабатывает его. На ведение метрических записей муллы смотрят не только как на лишнюю обузу, но и с некоторыми предубеждениями и опасениями, как бы от этого не пострадала религия. Неверности метрических записей особенно наглядны при рассмотрении цифр смертности. Так, по выборке из метрических книг четырех аулов, оказалось, что по возрастам умерло: (**таблица стр. 10**)

Умерло.	АУЛЫ Герменчукъ	Устаръ Гордоиъ	Мекеръ Юртъ	Сунженскій	Итого
до 1-го года	3	3	„	„	6
5 л.	8	4	1	2	15
10	2	1	„	7	10
20	5	2	7	3	17
30	6	2	4	3	15
40	3	6	4	10	23
50	6	3	1	4	14
60	4	1	10	3	18
70	3	1	4	8	16
80	„	1	3	„	4
90	„	1	„	1	2
итого	40	25	31	24	140

Из этой таблички видно, что дети, умиравшие в возрасте до года, в аулах **Мескер-Юрт** и Сунженском вовсе не вносились в книги, а в двух других вносились не все. Уже судя по этому следует заключить, что в книги не вносилась и большая часть родившихся. Из остальных цифр

можно обратить внимание разве на значительную смертность в возрасте от 10 до 20 лет, преимущественно женщин, и на незначительное число доживающих до 80 и 90 лет. В метрических книгах муллами определяются и причины смерти. По переводу названий причин смерти достаточно грамотных переводчиком на русский язык, большинство показывается умершими от внутренних болезней. В частности в Сунженском много умерших от оспы – марбукуруш и кори тъэды. Нередка смерть от воспаления легких – чох лазар и чахотки – нэаколазар. В Устар-Гордоне и Мескер-Юрте умерло две женщины от родов и женских болезней, из них одна 15, а другая 13 лет. В Устар-Гордоне двое умерло от падучей болезни и три от головной боли. Затем показываются умершие от лихорадок, нарывов, поноса, опухолей, ран, ревматизма и проч. для лечения болезней в каждом ауле есть свои лекаря. С давних воинственных времени особенно славятся хирурги делают даже трепанации черепа. Для этого при ушибах и вдавлениях черепа, а иногда и просто при беспокойных головных болях, хирурги особенны долотом выскабливают череп до самых оболочек мозга. При лечении внутренних болезней наиболее славятся муллы. Некоторые из них приобрели особенную известность, как целители психических заболеваний. Кроме амулетов с арабскими, при лечении употребляются и другие, иногда мучительные приемы, в роде поджаривания на огне и проч. к таким муллам иногда за помощью обращались и русские. Не придавая значения соблюдению санитарных мер и гигиенических предосторожностей и твердо веря, что судьба человеческая предопределена, чеченцы в последнее время начали допускать исключение из этого правила, и многие детям привлекают оспу. Привитие оспы, как и некоторые санитарные меры, они делают впрочем часто больше из любезности и желания угодить начальству. Убедившись в неточности метрических книг и желая хоть сколько нибудь выяснить темный в настоящее время вопрос о числе рождающихся и умирающих и вообще действительное движение чеченского населения, я обращался непосредственно к отцам семейств, главным образом в аулах Шали и Герменчук. Из 23 опрошенных 5 были в возрасте выше 70 лет, 8 от 60 до 70, 7 от 50 до 60 и 3 от 40 о 50. Из них имели жен: одну – 12 чел., две – 7 чел., три – 4 чел. из всех 38 жен не имели детей 6. Женятся на второй и третьих женах часто люди немолодые, и после смерти одной жены или развода с нею. Разводы не редки и легки – трое из спрошенных просто сказали: «я дал жене развод». Из 32 жен имели детей: 2 по 1 ребенку, 3 по 2 реб., 1 – 3 реб., 5 по 4 реб., 5 по 5 реб., 6 по 6 реб., 1 – 7 реб., 3 по 8 реб., 4 по 9 реб., 1 – 10 реб., 1 – 16 реб., всего 32 жен. Имели 185 детей. В среднем, считая и бесплодных, на одну женщину приходится по 5,1, а не считая бесплодных – по 5,4 детей. У четырех женщин было по девяти, у одной десять и у одной 16 детей. На семью приходится 1,3 жена и 7,7 детей. Следовательно деторождаемость у чеченцев значительна и только немного меньше, чем у русских. Из 185 родившихся во время опроса оставалось в живых 103, умерли 82, или почти 44% родившихся. Из числа умерших не менее трех четвертей показывались умершими в детском возрасте. Не приводя цифр, как не могущих быть проверенными, полагаю, что в общем собранные сведения не должны иметь больших ошибок. Что смертность чеченцев невелика, видно особенно из истории семейств, где деторождение уже закончилось. У **Семира Хаджи Цициериева,** 71 года, из 21 ребенка от трех жен 11 живы, и младшему 17 лет. У Визархана Усламбаева, 71 года, из 6 детей умер только один, а из оставшихся младшему 27 лет. **У Яхъяхана Селимова,** 60 л., из Герменчука, из 8 детей умер один, живы 7, и младшему 7 лет. Селимов женился, когда ему и жене было по 14 лет. Приводимые сведения сообщались в присутствии других лиц, а иногда и участковых начальников, и поэтому едвали заключают большие ошибки. Из приведенных цифр видно, что рождаемость у чеченцев значительная, смертность умеренна и естественный прирост, по крайней мере в плоскостных обществах, должен быть гораздо выше, чем показывается в официальных отчетах. По сравнению цифр посемейных списков 1886 г. с цифрами переписи 1897 г. он просто громаден и указывает на необычайно сильное размножение. Такое быстрое движение вперед заслуживает величайшего внимания. Кроме плодородной земли, прекрасного климата, на быстрое раз-

множение чеченцев влияют их культурная закваска, мудрые, выработанные столетиями адаты и некоторые постановления ислама. Пьянство у чеченцев запрещается и презирается, разврат жестоко наказывается, для впавших в нищету существуют особые налоги. В ауле Шали одна бедная, многосемейная, живущая в своем домике вдова, на вопрос, чем она живет, спокойно и с некоторым достоинством отвечала, что у нее ничего своего нет, но ее вполне достаточно обеспечивает общество. Нарушают естественный рост времени до времени эпидемии заразных болезней. Чеченцы в настоящее время очень довольны местною администрацией и формально исполняют все от них требуемое, но они замкнуты в себе, погружены в невежество и предрассудки. Магометанские школы только закрепляют эти предрассудки и в лучшем случае уничтожать местный язык и вместо него введут арабский. У магометан значение народа вполне стушевывается перед вероисповеданием только хорошая русская школа может освободить чеченцев от гипноза, в котором они находятся, и убедить, что против заразных болезней есть разумные средства борьбы. Несмотря на нежелание своекорыстных и фанатичных мулл, чеченцы охотно отдали бы детей в русские школы, но пока таких школ еще нигде не устроено. Подпись: ***И. Пантюхов.***

О чахкиринском кресте. П. Хицунов. 1903 г.

«Весь Кавказ» иллюстрированный справочно-литературный сборник. Тифлис 1903 г. Редактор журнала: Исмаил Мутушев.

Стр. 9… Всем известно, что в северо-восточной части Кавказа, находится Воздвиженская крепость; но вероятно, не многие знают что послужило к наименованию ее Воздвиженскою. Когда в августе месяце 1844 года отряд войск наших чеченской экспедиции, под предводительством начальника Кавказской области генерала В. О. Гурко, занимал левый берег реки Аргуни, то близ самого Чахкиринского аула (в шагах 40) найден был не большом возвышении отвесно утвержденный в земле, огромного размера каменный крест, думать надобно, безмолвный памятник древнейшего христианства. Крест этот с первого взгляда представляется гораздо выше среднего роста человека; иссечен без особого искусства из целой глыбы желтоватого известкового камня, такой породы, которой по близости тех мест не находится. Высота его от земли до верхней оконечности, несколько заостренной пирамидально, слишком 3 аршина, толщина около 4, а ширина около 7 вершков; длина от северной до южной оконечности до 2 аршин. На стороне креста, обращенной к востоку, заметно небольшое углубление, кажется, для помещения в нем образа. Начертаний на нем не видно никаких. Когда и кем водружен крест – достоверно неизвестно. По рассказам тамошних старожилов, крест сей принадлежит **Шатоевскому обществу, фамилии Гаттой.** Жители Чахкиринского аула, хотя магометане, однако же, оказывали с незапамятных времен особенное благоговение к сей древней святыне христианской, потому и сохранившейся неприкосновенною. Известно, что св. Первозванный апостол Андрей освятил страны Кавказа красными стопами своими, проповедуя Евангелие Господа: аланам, скифам, воспорянам и др. С V века уже здесь образовались христианские иерархии, о чем упоминают св. Кирилл иерусалимский, Иоанн Златоуст и позднейшие писатели I. Зонара и Вальсамон. По росписям Льва Премудрого (888 – 911 г.) показываются в западных Прикаспийских странах две епархии – митрополии православных. Далее, с половины XVI века и наши проповедники проникали к горским народам. Все это можно принять во внимание при объяснении подобных памятников, во множестве встречающихся в кавказских странах. Но, кажется, положительнее в настоящем случае придерживаться объяснения венецианца Иосифа Барбаро, путешественника 1-й четверти XV века. Он говорит, между прочим, «Область Алания (как известно страна собирательная к коей, согласно с известиями древних географов, безошибочно можно причислить и северную Чечню) – исповедуют христианскую веру; она заключает в себе горы, реки и равнины; на сих пор последних встречаются иногда искусственные холмы, служащие надгробными памятниками; на вершине каждого холма находится плоский камень со впадиною по средине, в коей бывает укреплен «каменный крест». Как местность, где открыть сей крест, представляла выгодный пункт в отношении военном, то здесь скоро было сооружено обширное укрепление и названо в часть найденного креста Воздвиженским. Оно основано 22 августа, а открыто 20 ноября 1844 года, с приличным торжеством духовным и воинским. ***П. Хицунов.***

Чечня. Василий Потто. 1904 год

«Чечня». издание 2-е. С.-Петербург, 1904. В. Потто.

Чечнею называется обширная страна, границы которой приблизительно совпадают: на севере с Терком и Качкалыковским горным кряжем, отделяющим ее от Кумыкской степи; на востоке с рекою Акташем, за которою начинается уже собственно Дагестан; на юге с Андийским и главным Кавказским хребтами, и на западе – с верхним течением Терека и Малой Кабардою, представляющей собой по населению уже получеченский, полукабардинский край. Эта малодоступная страна лежала первою на пути распространения русского владычества и приходилась ближайшею к русским владениям, с которыми не могла не сталкиваться постоянно. Главнейшее значение ее было в том, что она с своими богатыми горными пастбищами, с дремучими лесами, посреди которых местами раскидывались роскошно возделанные поля, с равнинами, орошенными множеством рек и покрытыми богатою растительностью всякого рода, – была житницею бесплодного каменистого Дагестана. И только покорив Чечню, можно было рассчитывать принудить к покорности и мирной гражданственной жизни горные народы восточной полосы Кавказа. Но ничего не было труднее, как подчинить какой-либо власти не столько полудикий чеченский народ, как дикую природу Чечни, в которой население находило себе непреодолимую защиту. Первые попытки русских посягнут на нее и проникнут внутрь страны разрешились кровопролитнейшими эпизодами, и природа и люди Чечни стояли крепко на страже своей независимости. Непрерывные усилия России ныне отняли у лесистой северной Чечни ее неприступный характер; широкие просеки дают возможность проникать повсюду и нет более недоступных аулов. Но южная, нагорная Чечня, бывшая местом борьбы гораздо позже, уже в последние времена кавказского завоевания, и теперь еще сохраняет свою вековую физиономию. По прежнему вершины и склонны гор ее одинаково закутаны вековыми корабельными лиственными лесами, давшими этим чеченским возвышенностям имя Черных гор, в противоположность горам главного Кавказского и Андийского хребтов, постоянно одетых белою пелоною снега. И горные эти, прорезываемые могучими горными потоками, почти до последних дней борьбы служили для чеченцев естественной крепостью, из которой они делали свои буйные вылазки и куда и запирались каждый раз, как русские войска выгоняли их из лесов Чеченской плоскости, составлявших для них как бы передовые укрепления. Среди этой-то суровой природы жило замечательное племя, воспитанное вековою борьбою с внешними врагами и заключенное внутренними междоусобиями. Чеченцев обыкновенно делят на множество групп или обществ, давая им имя от рек и гор, на которых они обитали, или от рек и гор, на которых они обитали, или от значительных аулов, обнаруживавших влияние на другие. Но это разделение чеченского народа на множество отдельных родов сделано однакоже русскими, а чеченцы сами себя называют «Нахче», т. е. народ, и название это относится одинаково ко всем племенам и поколениям, говорящим на чеченском языке и его наречиях. Укрытые от хищных соседей вековыми лесами и быстрыми горными речками, чеченцы долго жили спокойно и мирно, пока хищные кумыки, начавшие распространять по рекам Сулаку и Аксаю, не встретились с ними на Мичике. Тогда и кумыки, а вслед за ними ногайцы и кабардинцы – народы искони воинственные, проведав о богатых соседях, сделали их предметом своих постоянных кровавых нападений и грабежей. Эти-то тяжкие обстоятельства, вечная необходимость защиты и отпора, быстро изменили характер чеченцев и сделали их самым суровым и воинственным народом из всех племен, обитавших тогда на Кавказе. В течение долгого времени чеченцы не умели находить мер и средств для своей защиты, и долго набег в Чечню был настоящим праздником для удалых наездников; добыча там была богатая и почти всегда верная необходимость защиты и отпора, быстро изменили характер чеченцев и сделали их самым суровым и воинственным народом из всех племен, обитавших тогда на Кавказе.

В течение долгого времени чеченцы не умели находить и средств для своей защиты, и долго набег в Чечню был настоящим праздником для удалых наездников; добыча там была богатая и почти всегда верная, а опасности мало, потому что в Чечне жил народ, не знавший ни единства, ни порядка. Бедствия заставили, наконец, чеченцев понять весь вред разъединения и подсказали им средство завести порядок: они решили сообща призвать к себе сильного, храброго князя и вручить ему власть над всею, разрозненною до того, землей. Депутация от чеченцев отправились в горы, и вскоре явилась из гор славная семья дагестанских князей Турловых, – многочисленная дружина которых была всегда готова столько идти за ними в битву, сколько по первому знаку их, заглушить семена бунта и неповиновения в самой Чечне. Власть Турловых скоро окрепла и принесла стране благодетельные плоды. Чеченцы, подчиненные одному княжескому дому, тогда впервые сознали свое народное единство и сплотились на долгое время в нечто целое. Когда князья выезжали на тревогу, жители, ограничивавшиеся прежде защитою лишь своего родного аула, теперь должны были следовать за ними и принимать деятельное участие в защите общенародной. Страна отдохнула под управлением князей и разбогатела. Но возникшее сознание собственной силы вызвало уже среди самих чеченцев хищнические инстинкты, и, не довольствуясь обороной, партии смельчаков их стали вторгаться к соседям и опустошать их земли. И скоро кумыки и кабардинцы перестали презирать чеченцев, а калмыки и ногайцы стали их бояться. Имя князей Турловых долгое время пользовалось в стране общим уважением. Но по мере того, как силы чеченцев росли, в них восставал и прежний дух необузданной вольности. Скоро княжеская власть стала казаться им уже тяжелым ярмом, – и Турловы были изгнаны. Они удалились, впрочем, лишь в надтеречные чеченские аулы и там долго еще пользовались правами княжеской власти, а чеченцы, обитавшие за Сунжей, упрочив за собою занятые земли, возвратились к своему старинному быту. В это время развития политического и общественного быта застали чеченцев русские. Они нашли в них упорного, неукротимого врага, которого и физические силы, и обычаи, и весь образ жизни, дышали войной и волей. Чеченец красив и силен. Высокого роста, стройный, с резкими чертами лица и быстрым решительным взглядом, он поражает своею подвижностью, проворством, ловкостью. Одетый просто, без всяких затей, он щеголяет исключительно оружием, соревнуя в этом отношении с кабардинцами, и носит его с тем особенным шиком, который сразу бросается в глаза казаку или горцу. По характеру чеченец имеет много общего с другими горными племенами Кавказа; он также вспыльчив, неукротим и легко переходит от одного впечатления к другому; но в его характере нет той благодарной открытости, которая составляет характерную черту, например, кровного кабардинца; они коварны, мстительны, вероломны и в минуты увлечения опасны даже для друга. Собственно военные способности народа были не велики; но этот недостаток с лихвою вознаграждался у него необыкновенною личною храбростью, доходившей до полного забвения опасности. Дерзкие при наступлении, чеченцы бывали еще отважнее при преследовании, чеченцы бывали еще отважнее при преследовании врага, но не имели ни стойкости, ни хладнокровия, чтобы выдержать правильную битву. В аулах чеченцы защищались редко разве случайно удавалось захватить их врасплох; обыкновенно они бросали дома на произвол судьбы, мало дорожа своими постройками, которые всегда могли легко возобновить, при изобилии лесного материала. Но там, где были дремучие леса, овраги и горные трущобы, они являлись поистине страшными противниками. Русские войска, вступая в Чечню, в открытых местах обыкновенно совершенно не встречали сопротивления. Но только что начинался лес, как загоралась сильная перестрелка, редко в авангарде, чаще в боковых цепях, и почти всегда в арьергарде. И чем пересеченнее была местность, чем гуще лес, тем сильнее шла и перестрелка. Вековые деревья, за которыми скрывался неприятель, окутывались дымом и звучные перекаты ружейного огня далеко будили сонные окрестности. И так дело шло обыкновенно до тех пор, пока войска стойко сохраняли порядок. Но горе, если ослабевала или расстраивалась где-нибудь цепь; тогда сотни шашек и кинжалов мгновенно

выростали перед ней, как из земли, и чеченцы с гиком кидались в середину колонны. Начиналась ужасная резня, потому что чеченцы проворны и беспощадны, как тигры. Кровь опьяняла их, омрачала рассудок; глаза их загорались фосфорическом блеском, движения становились еще более ловки и быстры; из гортани вылетали звуки, напоминающие скорее рычание тигра, чем голос человека. Такими они являлись всегда, когда имели дело со слабыми, расстроенными командами или с одиночными людьми. Один из русских писателей прекрасно сказал, что «в Чечне только то место наше, где стоит отряд, а свдвинулся он – и эти места тотчас же занимал неприятель». Таким образом, чеченцы являлись в сущности не воинами, а просто разбойниками, варварами, действовавшими на войне с приемами жестоких и хищных дикарей. Кто-то справедливо заметил, что в типе чеченцы, в его нравственном облике, есть нечто, напоминающее волка. И это верно уже потому, что чеченцы в своих рассказах и песнях сами любят сравнивать своих героев именно с волками, которые им хорошо известны. «Лев и орел, говорят они: – изображают силу: те идут на слабого; а волк идет и на более сильного, нежели сам, заменяя в последнем случае все – безграничною дерзостью, отвагой и ловкостью. В темные ночи отправляется он за своею добычей и бродит вокруг аулов и стад, откуда ежеминутно грозит ему смерть… И раз – попадается он в беду безысходную, то умирает уже молча, не выражая ни страха, ни боли». Не те же ли самые черты рисую перед нами и образ настоящего чеченского героя, самое рождение которого как бы отмечается природою: в одной из лучших поэтических песен народа говорится, что «волк щетинится в ту ночь, когда мать рождает чеченца»… При таких типичных свойствах характера, понятно, что чеченец и в мирное время, у домашнего очага, выше всего ставил свою дикую, необузданную волю, и потому никогда не мог достигнуть духа общественности и мирного развития. Естественно, что быт чеченцев отличался обычной простотою самых первобытных обществ; каждое общество, каждое селение жило своею особенною самостоятельною жизнью. У них адат (обычай) заменял закон, а старший в роде был в одно и то же время военным предводителем, судьей и первосвященником. Каждая деревня имела свои обычаи, сохраняла свои предания и старалась не иметь никаких общих интересов даже с соседними аулами. Но, конечно, столкновения были неизбежны, и прямым последствием их являлись ссоры, оканчивавшиеся нередко убийствами и грабежами, потому что пылкий чеченец никогда не прощал обиды. Тогда начинался длинный ряд кровомщений «канлы», ведший к истреблению нелых семей и даже аулов. Не лишнее сказать здесь, что обычай кромщения, бывший причиной постоянных междоусобий в чеченской семье, был лучшим союзником русских, которые нередко прямо пользовались им, как средством бросить в страну семена розни и внутренней вражды. Вследствие именно обычая кровомщения выработался в Чечне, как и в других кавказских странах, особый, любопытнейший разряд людей, называвшихся абреками. Название это обыкновенно присваивались русскими всем отважным наездникам, пускавшимся в набеги небольшими партиями; но, в сущности, абрек есть нечто совершенно иное; это род принявшего на себя обет долгой мести и отчуждения от общества, вследствие какого-нибудь сильного горя, обиды, позора или несчастья. И нигде абречество не принимало такого удручающего характера, как у чеченцев. Эти люди становились одинаково страшными и чужим и своим, отличаясь жестокою, беспощадною ненавистью ко всему человеческому. Уж по клятве, которую приносил чеченец, решавшийся сделаться абреком, можно судить о безграничном человеконенавистничестве, на которое он обрекал себя. Вот эта клятва, записанная с возможною точностью: «Я, сын такого-то, сын честного и славного джигита, клянусь святым, почитаемым мною местом, на котором стою, принять столько-то летний подвиг абречества, – и во дни этих годов не щадит ни своей крови, ни крови всех людей, истребляя их, как зверя хищного. Клянусь отнимать у людей все, что дорого их сердцу, их совести, их храбрости. Отниму грудного младенца у матери, сожгу дом бедняка, и там, где радость, принесу горе. Если же я не исполню клятвы моей, если сердце мое забьется для кого-нибудь любовью или жалостью – пусть не увижу гробов предков моих, пусть родная земля не примет меня,

путьи, пусть прольется кровь нечистого животного». Встреча с абреком – несчастье, и вот как описывает ее один из путешественников. «Если вы, говорит он: – завидели в горах кабардинку, опушенную белым шелком шерсти горного козла, и из-под этих прядей шелка, раскинутых ветром едва ли не по плечам наездника, мутный, окровавленные и безумно блуждающий взор, бегите от владетеля белой кабардинки это абрек. Дитя ли, женщина ли, дряхлый ли, бессильный старик, ему все равно, была бы жертва, была бы жизнь, которую он может отнять, хотя бы с опасностью потерять свою собственную. Жизнь, которою наслаждаются, для него смертельная обида. Любимое дело и удаль абрека, надвинувши на глаза кабардинку, проскакать под сотнею ружейных или винтовочных стволов и врезаться в самую середину врага. «Слово абрек значит заклятый. И никакое слово так резко не высказывает назначения человека, разорвавшего узы дружбы, кровного родства, отказавшегося от любви, чести, совести, сострадания, словом – от всех чувств, которые могут отличить человека от зверя. И абрек поистине есть самый страшный зверь гор, опасный для своих и чужих: кровь – его стихия, кинжал – неразлучный спутник, сам он – верный и неизменный слуга шайтана»… Абреки нередко составляли небольшие партии или шли во главе партий, перенося всю силу своей ненависти на русских. И встреча с ними войск неизбежно вела за собою кровопролитные схватки. Абреков можно было перебить, но не взять живыми. Такова была страна и таковы люди, трудная задача покорения которых лежала перед русскими. Приводим рассказ, в котором, в картине набега, отражены бытовые черты чеченских племен, их взаимные междоусобия и недостаток внутренней племенной связи, мешавшие им направить всю силу своей непреклонной и дикой энергии против внешних врагов, уже стоявших на рубеже их родины. В той местности, которая теперь известна под именем Малой Чечни, в верховьях быстрого Шато-Аргуна, среди дремучих лесов, стояло некогда богатое селение Шары. Века прошли над ним с бедствиями войны и разорения, многочисленные народы проходили один за другим искать его гибели, и реки крови своей и чужой были пролиты шарцами при защите родных лесов, за которыми они считали себя безопасными… И вот, в одну бурную ночь, цветущее селение погибло: остались только печальные развалины, стены рухнувших сакель, закоптелые, с провалившимися потолками, башни, да черные, обугленные пни деревьев, по которым время от времени вспыхивали и пробегали тонкие зловещие огненные змейки. Всю ночь бушевала страшная буря, и свирепый пожар быстро совершал свое разрушительное дело. Под утро набежала тучка, но было уже поздно. Огонь, правда, легко уступил враждебной стихии и, свившись в черные клубы дыма, прилег к пепелищу, – но все уже было покончено с Шарами. Во время пожара никто не приходил спасать имущество; не было обыкновенных в такое время явлений: суеты, криков, беготни, тревоги. Шары сгорели спокойно, как жертва на костре, заранее лишенная жизни. Людей, по крайней мере живых, в то время там уже не было. И гордый аул не увидел восходящего над собою солнца. Шары были жертвою междуплеменной вражды. Раздоры между ними и одним из аулов карабулакских были древни, как самое существование этих народов. Отцы заповедывали их детям, поколения – поколениям. И пробил, наконец, час возмездия – последний страшный час шарцев. Карабулаки, соединившись ингушами, темною ночью прокрались через леса, в глубокой тишине окружили Шары и, по условному знаку, напали на сонных жителей аула. Короток, но беспощаден нападавших. Когда окончил свое дело меч, начал огонь, его всегдашний преемник. На утро не было и следов богатого селения. Союзники, в ожидании ночи, которая должна была скрыть их отступление, расположились станом на ближней возвышенности. Они захватили с собою все, что могли: домашнюю утварь, скот, хлеб и пр., а чтобы предохранить себя от всяких покушений со стороны неприятеля, так как часть тарцев могла избежать меча и огня, площадка холма была окружена окопом. Набег был совершен буйною шайкой, составленной из разного сброда. Здесь были и ингуши из разного сброда. Здесь были и ингуши язычники, и ингуши магометане, были, наконец, христиане или, по крайней мере, считавшие себя христианами. На Кавказе всегда было обычным делом, что два врага подавали друг другу руки

и общими силами губили третьего, чтобы после снова начать резню между собою. Так было и тут. Цель похода была достигнута – и миру не было уже места в таборе союзников. С последним выстрелом проснулись все замолчавшие на время распри; их старые племенные и семейные ссоры, забытые на короткое время набега, снова зашевелились и подняли свои «сто голосов и сто языков». Главным предметом несогласий была, как и следовало ожидать, захваченная добыча. Редкий был так счастлив, чтобы в грабеже захватить себе нужное; холостому досталось несколько пар женских туманов; кто рассчитывал добыть коня – захватил корову или несколько баранов; один видел себя обладателем воза без упряжной скотины; другой, наоборот, владел скотом, а не было воза… Словом, меновая торговля сделалась неизбежною потребность шайки. Пока разбирались с добыче, пленницы, согнанные к одной стороне табора, сидели в углу, возле самого вала, и оглашали стан печальным причитаньем над родными покойниками, тела которых остались в глубине долины, там, где еще курились свежие, облитые кровью, развалины. Тяжела и печальна участь кавказской женщины, попавшейся в плен, в руки неистовых варваров! В средине стана, где шел базар и менялась добыча, стояли три или четыре намета горских предводителей. При каждом из них развевались значки из красной или синей материи, и при каждом значке находился часовой, от бдительности которого зависела честь народа и войска, к которым он принадлежал. Один из этих часовых, усатый ингуш, в огромной бараньей папахе, с накинутым на плечи нагольным тулупом, опершись о винтовку, стоял с ложкою в руке между кадушкой сливок и кадушкой меду, в нерешительности, чему отдать предпочтение. Насаживал на рожон кусочки баранины, чтобы готовить шашлык. Но тут случилось обстоятельство, которое погубило и шашлык, и кадушки. У одного из наметов стоял огромный рыжий бык, привязанный к колу, а возле развевалось раздражавшее его красное знамя. Бык трясся от ярости, бил и копал землю ногами, и, наконец, бешеным прыжком оборвал свою привязь. Значок первый сделался жертвою его ярости, за значком пострадали кадушки, шашлык и, наконец часовой, который возился с вертелом. Бык устремился далее. В это время обладатель кадушек, не успевший ничего отведать ни из той, ни из той, ни из другой, в припадке гнева приложился из винтовки; грянул выстрел и – «неприятель» был ранен. Почувствовав боль, разъяренный бык еще ужаснее заметался по табору, все опрокидывая и сокрушая в дребезги на своем пути. После не сокрушая в дребезги на своем пути. После нескольких выстрелов, из которых часть попала в людей, бык, весь израненный, вскочил в огромный костер и разбросал головни во все стороны. Одна из них упала на чье-то тряпье, которое мгновенно и вспыхнуло. Бывшие вокруг него, чтобы остановить пожар, разбросали впопыхах тряпье и такое, которое уже тлело, и подожгли остальную рухлядь. Пожар, раздуваемый сильным ветром, охватил весь стан. В суматохе не успели выхватил нескольких ящиков с порохом, – и холм потрясся от страшного грохота взрыва. Страх охватил весь стан. Ингуши и карабулаки с криком и проклятиями бросились в разные стороны, толкая друг друга и топча упавших. Вал, который должен был служить охраною, едва не сделался причиною их гибели. И пока удалось им выбраться из окопов, истребительная стихия много обожгла усов и бород. Крики боли, страха и проклятий, смешавшись с ревом перепуганного скота, составили поражающую музыку. Наконец преграда была разрушена – и отлогие скаты холма покрылись толпами бегущих. Счастлив был тот, кто целым очутился внизу, потому что бывшие назади валили передних, топтали их в бегстве, путались и сами падали. Однакоже нашлись смельчаки, которые презирая опасность, возвратились к вещам, чтобы по крайней мере спасти то, что было подрагоценнее. Добыча подверглась новому грабежу. Право собственности, уже несколько установившееся, опять уничтожились. Усатый ингуш, который своим необдуманным мщением за опрокинутые кадушки был главною причиною несчастья, бросился к пленницам, о которых в суматохе совсем забыли. Схватив первую попавшуюся, он сдернул с нее чадру, взглянул в лицо, плюнул – и столкнул ее в пропасть; другую, третью постигла та же участь. Наконец он попал на одну, которая ему понравилась. Но едва он сбежал с своею добычею вниз, к подножью холма, на него накину-

лись двое, с криком доказывавших, что эта пленница их и принадлежит обоим по ровной доле. Крик перешел в ссору, и ссора готова была уже разразиться рукопашною свалкою. Но в ту минуту, как новый обладатель пленницы готовился доказывать свои права кулаками, кто-то толкнул его в затылок – и он упал на земь. Двое остальных, пользуясь счастливым моментом, уже схватили пленницу один за одну, другой за другую руку, и намеревались скрыться с нею, но усатый ингуш, вскочивши с земли, успел схватив несчастную за ноги. Все трое снова закричали, посылая друг другу угрозы и проклятия, а бедная жертва их спора едва слабым стоном изъявляла признаки жизни и неминуемо жестоко пострадала-бы в этом распинании, если бы не явился четвертый и не вмешался в ссору. То был сам предводитель, поспешивший на шум, чтобы помещать начинавшемуся побоищу. – «Стойте!» сказал он. – «Вы оба домогаетесь права на половину этой пленницы, – так?» – «Так». – «Следовательно, вся-то она, как есть никому не принадлежит из вас?» – «Никому», отвечали оба претендента. – «А ты, третий, спас ее от огня и теперь говоришь, что она твоя?» – «Моя». – Почему же? – «Потому, что я спас ее от огня». – Эта причина недостаточна, сказал предводитель. – например, если кто кому спасет жену – неужели же он может присвоить ее себе? Если бы ты спас меня самого, то неужели и я был бы твой? Каждый скажет, что нет. следовательно, девушка и тебе не принадлежит, также как и им. Поднялся новый спор, и тогда порешили бросить жребий. По жребию девушка досталась усатому ингушу. – Уступи мне ее за двадцати баранов, сказал тогда предводитель. – «Да ты спроси прежде, кто она такая», не без гордости возразил ингуш: «ведь она сестра здешних узденей – Лейля». – Так что-ж из этого! Уздени лежат под пеплом своего аула, выкупа от них не дождешься. – «Но кто же видал, чтобы сестру узденей продавать за двадцать баранов!» говорил усач, соображая, сколько же он может попросить за пленницу. – Ну, хорошо. возьми за нее мою крымскую винтовку. Ингуш задумался. Винтовка была хороша, – лучше ее не найти… А все же девка может стоить дороже. – Ну, так слушай же, сказал предводитель – бери винтовку и, в придачу, любого из моих жеребцов на выбор. На этом торг наконец состоялся, и Лейля перешла к новому владельцу. Между тем наступила ночь и партия направилась в обратный путь. Пискливые зурны открывали шествие. Напрасно предводитель старался их унять, убеждая, что отступление требует глубочайшей скрытности и тишины; но набег окончился – и никто больше не думал о повиновении. Партии приходилось прежде всего пройти густой лес, перерезанный множеством оврагов, без всякого следа торной дороги. Ночь была темная; дождь лил, как из ведра, и земля, растворившись, образовала не вместе, чем пешим, и потому они разбрелись по целому лесу: кто попал на тропинку, тот отправился сам по себе, а кто засел в овраге или застрял в кустах, тот выбирался, где и как ему было удобнее. И вдруг, посреди лесной тишины, зловеще грянул ружейный выстрел, за ним другой… Двое раненых присели, схватившись один за голову, другой за ногу. В шайке пошла суматоха, и несколько винтовок ударили наудачу. Брань и крики ингушевцев послышались с той стороны, куда направлен был залп карабулаков. – Да там наша конница, заговорили пешие: – Кто же это стреляет-то?.. Но снова грянул выстрел, за ним опять другой – и двое новых раненых опять опустились на землю. – В шашки! В шашки! Живьем хватайте их! – кричали ингушевцы и карабулаки. И хотя все гикали во всю мочь, однакоже лишь немногие сунулись вперед, да и те воротились, потерявши одного убитым. После этого уже никто не счел обязанным рисковать жизнью, и на каждый выстрел шайка отзывалась только угрозами и криком. А тем временем два невидимые стрелка посылали пулю за пулей, и редкий выстрел их не выносил новой жертвы. Заколдованный лес наконец окончился, шайка подошла к речке. Но вследствие сильного дождя, шедшего всю ночь, переправы не было. Одна конница с трудом перебралась вплавь, да и то потерявши несколько человек, унесенных течением воды. и вдруг из кустов выскочили два человека и кинулись рубить все, что они попало под руку. Испуганная неожиданным нападением, шайка метнулась в сторону, и пока опомнилась, пока пришла в себя и сообразила, что нападающих только двое – ту уже снова скрылись в кусты, а на песчаном берегу лежали следы их нападения – несколько изруб-

ленных трупов. Утро наступившего дня было пасмурное, но не дождливое. Между развалинами сожженного аул чернела сумрачная башня, и из ее бойниц кое-где пробивался дымок, как бы от разложенного внутри ее небольшого костра. Там, погруженные в мрачные думы, сидели два человека, два героя нынешней ночи. Они одни пережили родной аул и справили по нем кровавую тризну. Эти два человека были братья несчастной пленницы Лейли. Не скоро оправились Шары от этого погрома, а когда оправились, то сотни других аулов уже лежали в развалинах, свидетельствуя все о том же непокорном и строптивом духе чеченской земли, вносившем рознь и смуту во все ее жизненные проявления и облегчавшем чуждым пришельцам овладеть ее недоступными лесными дебрями и горными твердынями. *Подпись:* ***В. Потто***

«По Чечне и Дагестану». Н. Я. Динник

Отдельный оттиску из XXV-ой книжки «Записок» Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Тифлис. 1905.

Город Грозный и его климатические особенности. Природа окрестной грозного. Слобода Воздвиженская. Флора и фауна окружающих ее мест. Аргунское ущелье. Его леса. Шатой. Сонной и его окрестности. Ущелье Аргуна выше Шатоя.

Город Грозный, в который я приехал в двадцатых числах июня 1904 г., был начальным пунктом моих путешествий по Чечне и Дагестану. О самом Грозном я скажу лишь несколько слов. Он распложен под $43^0$19 с. ш. и $45^0$42 в. д. на высоте 125 метров над уровнем моря. Благоустройством город похвалиться не может, хорошим климатом и местоположением также не отличается. Малярия – самая обыкновенная здесь болезнь, а в летние месяцы частенько бывает и дизентерия. Ветры дуют в Грозном очень часто, а в течение почти всего лета стоит невыносимая жара. В июле средняя температура равняется здесь $24,3^0$ Ц., А в августе $24,4^0$. В В этом отношении Грозный превосходит все пункты Кавказа, метеорологические данные которых нам известны, за исключением Екатеринодара, Петровска, Дербента, Аралыха, Елисаветноля, Баку и Ленкорани. аже в Сухуме, Кутаисе и Батуме лето в эти месяцы прохладнее, чем в Грозном! В Тифлисе средняя температура августа также ниже, чем в Грозном, а между тем Тифлис, Грозного. Осадков в Грозном выпадает средним числом 502 мм. в год.

Из Грозного я отправился на один день на грозненские нефтяные промыслы, которые начинаются от города верстах в 17 и тянутся верст на 5 или на 6. Местность от Грозного до промыслов ровная и имеет степной характер. Своей растительностью она очень напоминает степи Северного Кавказа. Здесь встречается низкорослый кустарник – Amygdalus nana, лакричник (Glycyrrhiza glabra), крушина (Rhamnus), несколько видов шалфея (Salvia nemorosa, S. verticillata, Sclarea), Phlomis pungens, Statice, Cichorium officinale, Solanum Dulcamara. Galium, Verbascum, колючие Xanthium, Inula и проч. Все эти растения можно встретить и в степях Ставропольской губернии. На невысоких горах, окружающих Грозненскую равнину, растут кустарников вроде терна (Prunus spinosa), держи-дерева (Paliurus aculeatus) и крушины (Rhamnus). Птиц в Грозном, по дороге к нефтяным источникам, а также около них мне попадалось замечательно мало. В самом городе я видел только воробьев и одну ласточку, а по дороге к промыслом одного орла (вероятно, Aquila orientalis Cab.), одного скворца и около десятка хохлатых жаворонком (Alauda cristata L.). Мне не попалось здесь на глаза ни одной овсянки, ни одного чекана, ни луня, столь обыкновенных во всех степных местностях Кавказа. Не видел я ни одной ласточки ни по дороге к промыслам, ни на них. Не знаю, всегда-ли бывает здесь так мало птиц. От охотников, живущих на промыслах, я узнал, что в окрестностях Грозного водится довольно много перепелок, куропаток и порядочное количество фазанов. Последних иногда в день убивают до десятка на одно ружье. Зайцев здесь также довольно много.

Все грозненские нефтяные источники расположены на гребне хребта и на склонах его; на дне-же долин, находящихся по обеим сторонам хребта, нефти не оказалось, несмотря на то, что в нескольких местах искали ее и закладывали очень глубокие буровые скважины. Вероятно, вдоль гребня хребта во время поднятия его произошел разрыв геологических пластов и через него нефть поднялась вверх. Многие здешние буровые скважины имеют, однако от 200 до 250 сажен глубины. Фонтанирующий колодезь теперь имеется только один, прежде же их было несколько. По просьбе моего родственника, доктора И. В. Мартынова, служащего, между прочим, и на нефтяных промыслах, мне очень любезно было показано здесь все, чем я интересовался; но в круг намеченных мною задач во время путешествие этого года вовсе не ходило изучение и описание нефтяных промыслов, поэтому я говорю о них лишь несколько слов.

Из Грозного я отправился в свободу Воздвиженскую, отстоящую от города на 25 верст. Дорога идет здесь сначала по совершенно ровной, открытой степи, а потом входит в широкую, просторную долину (хинкальское ущелье), проходящую между двух гор – Сюир-корт и Бардыкель. Обе они покрыты лесом, который переходит и на равнину, подступая почти к самой дороге. В степной полосе здесь растет много желтой и белой Althaea, Malva с мелкими листьями и цветами, Solanum Dulcamara, Cichorium oflicinale, а из кустарников чаще всех других попадается держи-дерево (Paliurus aculeatus), красивое издали, но оказывающееся очень неприятным при ближайшем знакомстве с ним. Этот кустарник распространен здесь очень сильно и образует густые, труднопроходимые заросли, которые покрывают пространства иногда лишь в несколько сажен, а иногда в целые десятины. Одиночными экземплярами оно растет сравнительно редко. Рядом с держи-деревом попадается часто крушина, боярышник (Crataegus), бересклет (Evonymus) и шиповник (Rosa). Здесь встречается также виноград и много бузины двух видов – Sambucus nigra и S. Ebulus. Последняя местами также образует сплошные заросли. Там, где леса подступают к почтовой дороге, растут большие дубы, вязы, много груш, калина – гордовина (Viburnum Lantana), ясень и т. д. По берегам ручьев попадается много вербы.

За длиной, находящейся между упомянутыми двумя горами, дорога снова выходить на открытую местность, но уже несколько иного характера. По мере приближения к горам растительность ее становится все свежее и зеленее, и все чаще и чаще начинают попадаться среди открытой степи различные деревья и кустарники. С этих мест видны уже высокие горы, покрытые почти сплошными лесами, и Аргунское ущелье, недалеко от входа в которое расположена Воздвиженская слобода. По пути от Грозного к Воздвиженской мне попадалось очень мало птиц. Проехав 25 верст, я видел одного ворона, одного сорокопута-жулана (Enneoctonus collurio), одного сарыча и двух сивоворонок.

Во втором часу дня я приехал в Воздвиженскую и расположился на общественной квартире, а перед вечером отправился взглянуть на слободу, с которой был, впрочем, уже знаком по своим прежним поездкам в эти места. Несмотря на небольшое расстояние, отделяющее ее от Грозного, она в климатическом, да и во многих других отношениях ничего общего с ним не имеет. Здесь нет летом ни жары, ни пыли, ни духоты, ни ветров, а вечера и ночи не только отличаются прохладой, но бывают даже холодными. Кроме того, вся Воздвиженская, можно сказать, утопает в зелени. На улицах, бульварах в садах и на дворах растут огромные акации, липы, множество волошских орехов и уксусные деревья. Последние развиваются особенно роскошно в этом благодатном климате, причем листья их достигают в длину более аршина; не менее пышно растут и волошские орехи. Почти на всех дворах и в садах можно видеть, кроме того, много вишен, груш, сирени, ясень и т. д. Хмель вместе с повителью заплетает все заборы и плетни, совершено скрывая их. Этому очень помогает и крапива, достигающая в Воздвиженской высоты более или менее напоминает Сухум и Батум, но в ней недостает громадных папоротников, рододендронов и многих вьющихся свойственных кавказскому побережью Черного моря. Бамбук, эвкалиптусы, павлонии, олеандры, кипарисы, магнолии и другие растения теплых или даже полутропических стран здесь расти, конечно, не могут вследствие более или менее холодной зимы, но они не растут в диком состоянии и в других более теплых местах Кавказа.

Воздвиженская занимает очень красивое местоположение. Она стоит на высоком и ровном левом берегу Аргуна, на высоте 377 м. (1238 ф.) над ур. Моря, верстах в двух от гор и верстах в пяти от входа в Аргунское ущелье. Прежде она была крепостью и в ней от времен кавказской войны уцелели крепостные постройки и, между прочим, две большие кирпичные башни. Вокруг крепости тянется бульвар с большими тенистыми липами. Кроме этого бульвара есть и другие. Восточный фас крепости располагается вдоль крутого и высокого обрыва, под которым течет Аргун. В зданиях, находящихся внутри крепостей стены, помещается три баттареи 21-ой артиллерийской бригады, а в слободе стоит еще одна или две роты пехоты. Когда-то

здесь квартировала часть переяславского драгунского полка. Их красивые казармы и конюшни и теперь стоят у южной окраины слободы. В ней находится еще лесная школа и военное собрание. Водою снабжается Воздвиженская посредством водопровода, разветвления которого проходят по нескольким улицам.

Окрестности Воздвиженской также очень красивы и больше полугода бывают покрыты свежей зеленью. Кроме того, с них открывается очень живописный вид на целую систему горных хребтов, которые по мере удаления к югу становятся все выше и выше. Ближайшие из них покрыты сплошными лесами, на следующих за ними выступает уже пояс альпийских лугов, а еще дальше вверх по ущелью Аргуна видны два высокие скалистые гребня, на склонах которых извиваются красивые полосы и длинные змейки вечного снега. Климатические условия Воздвиженской далеко лучше, чем Грозного. Днем в летнее время в Воздвиженской хотя и бывает довольно жарко, но, начиная с вечера и до восхода солнца, дует с гор прохладный ветерок, заметно понижающий температуру воздуху; поэтому утром, вечером и ночью, как я уже говорил, здесь бывает всегда сравнительно прохладно. В 6 часов утра в самом конце июня я наблюдал обыкновенно температуру от 16 до 18^0 Ц., а 28 июня даже в 9 часов утра было 20^0. Вода в Воздвиженской лучше, чем в Грозном, а Аргун сравнивать по свежести воды с Сунжей даже невозможно. Принимая во внимание все это, нельзя не задать себе вопрос, почему окружным городом этой части Терской области сделана бывшая крепость, а впоследствии станица Грозная, а не Воздвиженская своим местоположением и климатом напоминает Владикавказ, Алагир, Нальчик, и в нее многие, в особенности люди, любящие природу, ехали- бы с удовольствием, тогда как из Грозного они стремятся бежать. Не томились-бы там от жары и духоты в течение месяцев четырех дети служащих и вообще подрастающее поколение, которое росло и крепло бы под благодатным небом Воздвиженской гораздо лучше, чем в Грозном. Это особенно следовало-бы иметь в виду потому, что в Грозном существует несколько учебных заведений и в том числе многолюдное в будущем реальное училище, и что в Грозном существует несколько учебных заведений и в том числе многолюдное в будущем реальное училище, и что число их с течением времени будет возрастать все больше и больше.

Раза два мне приходилось слышать о Воздвиженской, как о месте с лихорадочным климатом, но мне кажется, что мнение это несправедливо. Присматриваясь к жителям ее, я среди них вовсе не видел желтых изможденных лиц, которые так часто попадаются на глаза в лихорадочных местностях; кроме того, рассматривая жителей относительно лихорадок, я узнал, что болеют ее они сравнительно редко.

Во время моей поездки по Грозненскому округу в окрестностях Воздвиженской было так неспокойно, что жители слободы не без страха ездили на полевые работы за какие-нибудь 2-3 версты. В один месяц здесь было убито пять слобожан, и это приписывалось абрекам-чеченцам, бежавшим из грозненской тюрьмы. Последнее убийство было совершено за два дня до моего приезда в Воздвиженскую в 9 часов вечера на улице внутри слободы, в которой стоит, как уже было замечено, столько войск (артиллерия, пехота). Выстрелом из ружья был смертельно ранен пятнадцатилетний мальчик. Незадолго перед этим убили, также из ружья, в поле, верстах в двух от слободы старика, собиравшегося везти домой траву. Рассказы о всех этих событиях производили на особенно приятное впечатление, в особенности, когда надо было одному забираться в леса, балки, бурьяны, густые кустарники и т. д., где можно было на каждом шагу подвергнуться неожиданному нападению. Хотя, отправляясь в такие места, я имел всегда при себе ружье или револьвер, но при внезапном нападении, притом не в открытой местности, а в чаще, особенной помощи от них не всегда можно было бы ожидать.

На другой день по приезде в Воздвиженскую я рано утром отправился пешком верст за 7 или 8 на запад от нее, чтобы познакомиться с природой ее окрестностей. Растительность здесь очень разнообразна и богата. Благодаря обилию атмосферных осадков с одной стороны, а с другой – вследствие того, что сюда вовсе не проникают сухие восточные ветры, здесь все

растет прекрасно и среди полей всюду разбросаны не только кустарники, но и большие деревья с пышными кронами. Особенно украшают здешние поля большие груши, которые попадаются всюду отдельными деревьями или небольшими группами. Очень много растет на полях алычи (Prunus divaricate Led.), с желтыми и красными плодами, и шишек (Mespilus germanica). Особенно много последних на правом берегу Аргуна, где чеченцы собирают их в огромном количестве и всю зиму носят для продажи в слободу и в Грозный. Русские делают из них вкусный квас. Алыча встречается около самой слободы в лесах и на всех полянах. Очень много растет здесь крушины, шиповника (Rosa canina и другие), огромные кусты которого образуют на полях сплошные заросли. Очень часто встречается бузина, особенно Sambucus Ebulus и ежевика (Rubus fruticosus), Она имеет белые цветы, крупные, почти черные плоды, но ростом своим сильно уступает ожине (Rubus discolor) западного Кавказа; Стебель ее значительно тоньше, не поднимается так высоко, а более или менее стелется по земле; кроме того и шипы, сидящие на нем, гораздо мельче. В лесах преобладающими породами являются бук (Fagus silvatica) и бучина или граб (Carpinus Betulus), но часто попадается липа, дикая черешня с горькими, почти черными плодами, орешник (Corylus Avellana), верба, кизил (Cornus Mas), свидина (Cornus sanguinea), обыкновенная калина (Viburnum Opulus) и т. д.; дуб в ближайших к слободе лесах встречается редко, но его много на южных склонах ближайших гор в казенных лесах. Здесь из него заготовляется в изрядном количестве трость, из которой делаются бочки и боченки. Яблони и груши в лесах встречаются очень часто, но среди них нет вовсе более или менее порядочных сортов, как это наблюдается в лесах Кубанской области и Черноморской губернии. Чеченцы, следовательно, никогда не разводили садов на полянах в своих лесах и на их опушках.

Травянистые растения окрестностей Воздвиженской представляют его гораздо большее богатство и разнообразие. Из них я назову только те, которые встречаются наиболее часто и особенно обращают на себя внимание. К ним принадлежит Verbascum с огромными, почти в аршин длиною, кистями красивых крупных светло-желтых цветов, огромные Melilotus officinalis, Lotus corniculatus, Linum nervosum, Lamium maculatum с розоватыми или светло-лиловыми цветами, глухая крапива (Lamium Album), клевер (Trifolium pretense), Leonurus Cardiaca, Delphinium с красивыми голубыми цветами, Circaea Luteciana, различные виды гераней, истоды (Polygala), зверобой (Hypericum perforatum), Scabiosa ochroleuca, розовая Althaea, Malva, синяк или румянка (Echium vulgare), конский щавель (Rumex crispus) и т. д. В общем растительность окрестностей Воздвиженской сильной отличается от степной растительность Грозного. Не встречается уже ни Amygdalus nana, ни Phlomis, ни Glycyrrhiza; a Paliurus aculeatus попадается только к северу от слободы, т. е. ниже нее. Рододендронов около Воздвиженской я не видал вовсе. Жители ее занимаются по-преимуществу земледелием. Они сеют пшеницу, кукурузу, разводят картофель, и все это растет здесь прекрасно. Птиц в окрестностях Воздвиженской несравненно больше, чем около Грозного. Витютни (Palumbus torquatus Aldr.), обыкновенные дикие голуби (Columba livia Briss.) и горлицы (Turtur auritus Gray) утром и вечером летают здесь целыми стаями. Часто встречается и клинтух (Columba oenas Gm.). Ночуют и гнездятся все эти птицы в лесах и на окаймляющих ущелье Аргуна скалах, а когда начинает поспевать хлеб, и особенно, когда приступают к уборке его, они ежедневно в-одиночку и целыми стаями летают на поля кормиться. Часов в 8 – 9 утра голуби возвращаются в леса на отдых, охотно останавливаясь на короткое время по берегам ручьев и речек, а с 4 или 5 часов полудни снова отправляются на поля и остаются там до самого вечера. За голубями здесь охотятся очень многие и убивают их немало. Порядочное количество горлиц я встречал на Аргуне, куда они прилетают пить. Перепелов в окрестностях Воздвиженской много, соек и серая ворона не составляют редкости. Иволги (Oriolus galbula L.) и черные дрозды (Merula vulgaris Leach.) живут во всех садах Воздвиженской и попадаются, особенно дрозды, очень часто в окрестностях ее. Сорокопут-жулан (Enneoctonus collurio L.) представляет самую обык-

новенную птицу, но других сорокопутов мне не попадалось здесь. Щеглы, полевые воробьи (Passer montanus Briss.) и зяблики всюду встречаются внутри слободы. Домашний воробей (Passer domesticus Briss.) попадается заметно реже. Овсянки (Emberiza hortulana Briss.) встречаются на полях, но не особенно часто; то-же можно сказать об удоде (Upupa epops L.); щурка-же (Merops apiaster L.) наоборот, попадается очень часто. Городская дасточка (Chehdon urbica L.) и деревенская (Hirundo rustica L.) встречаются как в поле, так и в слободе очень часто; тоже можно сказать и относительно обыкновенного стрижа (Cypselus apus L.) На берегах Аргуна я встречал еще белых плисок (Motacilla alba L.). Из хищных птиц на полях и опушках лесов я наблюдал довольно много краснохвостых сарычей (Buteo Menetriezi Bogd.), видел несколько раз ястребов-перепелятников (Nisus communis) в самой слободе, а в поле еще двух хищников, по окраске, а также по форме крыльев и хвоста похожих на осоеда (Pernis apivorus L.). Серые куропатки, по словам охотников, встречаются здесь чаще зимою, чем летом, но вообще редки. Фазаны изредка встречаются и теперь около Аргуна по зарослям облепихи (Hippophae rhamnoides), а также выше слободы за лагерем, и в зарослях около речки Гойт к юго-западу от слободы. Прежде, как мне говорили. Фазанов было здесь много, но большую часть их погубила одна суровая зима в 80-х годах. После нее фазаны исчезли совершенно, а в последние годы стали понемногу размножаться. Весной во время перелета здесь много бывает вальдшнепов и коростелей (Crex pratensis L.). Зимою в окрестности Воздвиженской иногда накочевывает много дроф. Случается, впрочем, это довольно редко.

На следующий день я пешком предпринял другую экскурсию вверх по Аргуну, также верст за 8 от слободы. Аргун течет здесь в довольно глубокой впадине и по выходе из гор разбивается на множество рукавов. Русло его вместе с берегами, заваленными камнем, и низким островами имеет в ширину против Воздвиженской более полуверсты. Течет Аргун очень быстро и несет мутную воду. Температуру ее 28 июня в 9 часов утра равнялась только 15 $\frac{1}{2}^0$ Ц. Берега Аргуна и большая часть остров покрыты лесом, заметно отличающимся от прочих лесов, которые растут в окрестностях Воздвиженской. Здесь встречается много ольхи (Alnus Incana), чернольхи (A. glutinosa), тополя (Populus nigra), вербы различных видов и особенно облепихи (Hippophae rhamnoides); попадается также осина, виноград и другие деревья и кустарники.

По левому берегу Аргуна проходит шоссейная дорога от Воздвиженской к Шатою. По сторонам ее тянутся поляны и растут леса. В них встречается много вяза (Ulmus campestris), липы, боярышника (два вида), винограда, яблони, груши, Cornus sanguinea и т. д. Из травянистых растений здесь часто попадается Vincetoxicum, белена (Hyosciamus niger), Sambucus Ebulus, образующая целые заросли, Cichorium officinale, Lysimachia vulgaris и т. д. Из птиц я видел двух грязных сипов (Neophron percnopterus L.), нескольких орлов, одного коршуна (Milvus ater L.), луня (Circus cyaneus L.), пять воронов, одного черноухаго чекана (Saxicoda aurita Temm.) и довльно много горлиц, витютней и черных дроздов.

Из пресмыкающихся я встречал около Воздвиженской не сколько раз стенную гадюку (Vipera Renardi Christ.) и однажды едва не прижал ее нечаянно рукою, подкрадываясь к витютням. Неоднократно я находил убитых гадюк, валявшихся на дороге, а однажды в течение часов трех видел здесь двух живых гадюк, из которых одну поймал, да одну уже убитую. Все это показывает, что гадюка встречается здесь довольно часто; но случаев укушение ее людей, как сообщали мне жители слободы, не бывает. Довольно часто встречается вблизи Воздвиженской кольчатый уж (Tropidonotus natrix L.) и очень много сравнительно редко и только по скалистым местам; чаще нее встречается зеленая ящерица (L. Viridis L.), а еще гораздо чаще вся встречается зеленая ящерица (L. viridis L.), а еще гораздо чаще прыткая (L. agilis L.). На полях скошенного хлеба и в редкой траве последнюю можно видеть почти на каждом шагу. Собранные мною экземпляры ее имели по три узкие светлые полоски, проходящие вдоль спины. Одна из них тянется по самому хребту и разделяет темную спинную часть на две ровные половины, а другие две отделяют эту часть на две ровные половины, а другие две отделяют эту часть

от боков, более светлых. Спина у этой ящерицы буровато-зеленоватая с продольными рядами крупных черных пятен; живот зеленоватый. По всем признакам эта ящерица подходить к L. agilis var. orientalis, описанной для восточной России и Кавказа К. Ф. Кесслером. По вечерам в Воздвиженской кричит много древесниц (Hyla arborea Wagl.), а в лесах очень часто попадается травяная лягушка (Rana temporaria L.). Из рыб в Аргуне водится пескарь, усач и, как говорили мне, изредка попадается шемая (Alburnus clupeoides L.). Форели около Воздвиженской нет, но она часто встречается почти во всех реках и ручьях, текущих в горах.

Чтобы закончить перечисление позвоночных животных, водящихся в окрестностях Воздвиженской, надо сказать хотя несколько слов о млекопитающих. Я познакомился с ними главным образом не в последнюю, описываемую мною поездку, а раньше, когда приезжал сюда зимою; многое о зверях этой местности я узнал от охотников как русских, так и чеченцев, которых тщательно расспрашивал об этом предмете.

Кабаны очень редко встречаются в лесах, принадлежащих слободе, но в казенных еще и теперь их довольно много. Отсюда ни часто отправляются на кукурузные поля, находящиеся на слободской земле, особенно если они расположены недалеко от леса. В этом отношении кабаны приносят немало вреда, и жителем приходится каждую ночь караулить кукурузу во время ее созревания. Здесь-же производится и ночная охота на кабанов. Убитых в этих местах кабанов я осматривал несколько раз. Они не отличаются никакими существенными несколько раз. Они не отличаются никакими существенными несколько раз. Они не отличаются никакими существенными признаками от кабанов западного Кавказа, но в общем уступают им по величине. Я видел здесь только одного довольно порядочного кабана, который в средине зимы, будучи сильно худым, весил пудов 5 и имел в длину около 5 футов. Но таких великанов, какие встречаются к Кубанской области, здесь, вероятно, нет вовсе, потому что нет для них такого приволья вследствие густоты населения в горах; кроме того, в лесах здесь фруктов гораздо меньше. Дикие козы попадаются в слободских лесах, но гораздо больше их в казенных. Убитых я видел только двух и более они принадлежали к виду Capreolus pygargus Pall. Вероятно, здесь водится Capreolus caprea Gray. Довольно много свиных и козьих следов мне попадалось зимою на горе Чахтыр (3169 ф.), северный склон которой покрыт лесами, принадлежащими слободе, а южный – казенными. Олени (Cervus elaphus maral Ogilby) встречаются в лесах в 10—15 верстах от слободы и притом в количестве сравнительно небольшом. Мне говорили, что довольно много их водится в больших сплошных от Воздвиженской верст на 40. Таких толстых, массивных рогов и притом с такими сильно развитыми кронами, какие часто встречаются у оленей Кубанской области, я здесь не видел вовсе. Медведи в лесах около Воздвиженской встречаются довольно часто и вместе с кабанами нередко производят порядочные опустошения на полях, засеянных кукурузой. Волки и лисицы также довольно обыкновенны в этих местах. Убитых лисиц мне приходилось видеть раза два. Они принадлежали к типичной Vulpes alorex L. и имели красноватую окраску, как вообще лисицы Северного Кавказа. Довольно много их добывается чеченцами, слобожане-же за нами охотятся сравнительно мало. Рыси также встречаются в горах около Воздвиженской не особенно редко. Однажды во время облавы на одного моего приятеля вышло сразу три рыси и из них две были убиты им. К сожалению, здешней рыси мне не пришлось видеть. Дикие коты, барсуки и выдры или порешни также попадаются в окрестностях Воздвиженской, а хорьки хотя и встречаются, но, как и везде в горной полосе, сравнительно редко. Убивали их иногда в самой слободе. Зайцев довольно много, и зимою здесь охотятся на них. В слободе-же вечером летает очень много летучих мышей, но мне не удалось добыть их, поэтому не могу сказать, к каким родам и видам принадлежат они.

Из Воздвиженской мною было предпринято несколько поездок по окружающим ее местам, а также в Шатой, Евдокимовское и дальше в горы, расположенные вокруг верховьев Аргуна и его притоков.

Дорога от Воздвиженской к Шатою идет сначала по широкой долине Аргуна, где он вышел уже из гор и течет по плоскости, а на 8-ой версте она входит в ущелье Аргуна. Здесь по обе стороны его поднимаются средней высоты горы, покрытые лесами. У подножья одной из этих гор, на правом берегу Аргуна, виднеется чеченский аул Дуба-юрт, а несколько выше него, на левом берегу реки находятся остатки бывшего Аргунского укрепления. Недалеко от него сливаются друг с другом главнейшие истока Аргуна – Чанты-Аргун и Шаро-Аргун. В этом месте по длинному деревянному мосту шоссейная дорога переходит на правый берег Чанты-Аргуна и тянется по нему до самого Шатоя. От моста видна довольно высокая и крутая гора, которая составляет северную оконечность хребта, разделяющего два большие глубокие ущелья; по ним протекают оба только что упомянутые истока Аргуна. Верстах в 4-х от моста, на левом берегу Шаро-Аргуна находится аул Дачу-барзой, а недалеко от него другой аул – Улускерт. Оба они расположены в лесистой местности. В окрестностях их мне не раз приходилось охотиться, поэтому я имел случай порядочно ознакомиться с животной и растительной природой их. В этих лесах растет много бука, но здешние буковые леса совсем не таковы, как на западном Кавказе, где прямые и лишенные ветвей на протяжении сажен 15 от земли громадные стволы с светло-серой корой более похожи на какие-то исполинские колонны, чем на деревья. Дуб зимний (Quercus sessiliflora Gm.) встречается очень часто, но также не достигает такой толщины и особенно высоты и не образует таких чистых и сплошных насаждений, как, напр., в горах Кубанской области. Дуб летний (Q. pedunculata Ehrb.) встречается здесь значительно реже. По этим причинам заготовление трости для бочек и кадок, а также клепки в окрестностях Воздвиженской развито сравнительно слабо. В 90-х годах, по словам лесничого, заготовлялась всего лишь 2 – 3 тысячи тростей в год. На высоких местах дуб попадается еще реже, чем на плоскости и вообще на низких местах. Сплошные, чистые дубовые насаждения встречаются, впрочем, в горах Чечни, но на местах более или менее удаленных от населенных пунктов, напр., в лесах по левую сторону Чанты-Аргуна. Клен и ясен растут во всех лесах, но в небольшом сравнительно количестве. Обыкновенной ольхи и чернольхи (Alnus incana и A. glutinosa) очень много, причем последняя часто образует очень чистые насаждения с прямыми и высокими деревьями. Липа попадается значительно чаще, чем клен или ясень, но вяз (Ulmus) сравнительно редок. Очень много растет в здешних лесах орешника (Corylus Avellana). Который часто образует сплошные заросли. Рододендронов относительно не так много и рост их сравнительно невелик, но есть места, где они образуют такие обширные, густые заросли, через которые едва можно пробраться человеку. Плющ попадается в количестве гораздо меньшем, чем в лесах Кубанской области и Черноморской губернии, а падуб (Nex Aquifolium), самшит или кавказская пальма (Buxus sempervirens) и Staphylea pinnata, составляющие принадлежность наиболее важных местностей западного Кавказа, здесь не встречаются вовсе. Но видел я и жасмина (Philadelphus coronarius). Наоборот, негной или тис (Taxus baccata) на возвышенных местах встречается довольно часто, хотя сильно истребляется. Его рубят даже для телеграфных столбов. Обыкновенная калина и калина-гордовина (Viburhum Opulus и V. Lantana) попадается часто, но последняя по преимуществу на высоких горах, у верхней границы лесов. Осина (Populus tremula) растет во многих местах отдельными куртинами. Боярышник с красными и черными ягодами распространен по-преимуществу на опушках лесов, у подножья гор. Ожина (Rubus discolor) не встречается здесь вовсе; на полянах и опушках растет повсюду ежевика (R. Fruticosus), а в тенистых лесах стелется по земле еще один вид ее – R. Caesius. Папоротник-орляк (Pteris aquiline), с которым приходится жителям многих местностей западного Кавказа вести самую упорную борьбу, здесь попадается редко и не достигает такого роста, как в Кубанской области или Черноморской и Кутаисской губерниях. Очень часто встречается другой вид папоротников – Struthiopteris germanica, который растет во всех лесах и на небольших сырых полянах в значительном количестве.

Несколько выше бывшего Аргунского укрепления начинается так называемое Аргунское ущелье, известное как по своей красоте, так и в истории Кавказской войны. По этому ущелью течет Чанты-Аргун, вдоль берега которого проведена шоссейная дорога до Шатоя и дальше до Евдокимовского. Перед въездом в это ущелье открывается красивый вид на покрытый почти сплошными лесами высокий хребет Даргендук, который тянется далеко на юго-восток между ущельями Шаро-Аргуна и речки Вашендерой, делается постепенно все выше и выше и переходит за верхнюю границу лесов. В южной части вблизи Нюй-корта и Ален-Джейран-корта высота его доходит до 7280 ф. На скалах Даргендука держатся кое-где серны, вообще редкие в этой местности, а на юго-восточном склоне его, на пригревах, недалеко от аулов Нюхай и Зильберой зимою бывает очень много диких свиней. Северный склон Даргендука покрыт сплошным лесом, в котором водятся еще дикие козы, олени, кабаны, медведи, волки и другие звери. Со склонов Даргендука и его продолжения вытекает много речек, впадающих частью в Шаро-Аргун а главным образом в Вашендерой и Джаку. Вдоль подъема на Даргендук тянется очень широкая просека. Весною 1857 года по ней двигались русские войска, направлявщиеся к Шатою, на ней встречали праздник Пасхи. У подножия Дарген-дук и в долине речки Вашендарой я несколько раз охотился с моим приятелем, здешним лесничим, покойным Н. П. Борисенко. В этих местах, кроме лисиц и зайцев, мы также встречали медведей, диких коз и много кабанов. В одном гаю большой гурт свиней вышел на меня и Н. П., и три из них были убиты нами. В другой раз на одного охотника нашло сразу три медведя.

Аргунское ущелье от своего начала до Шатоя на протяжении верст 20 очень красиво. Река с темной мутной водой несется в глухой, мрачной теснине, прыгая с камня на камень и со скалы на скалу. По обеим сторонам ее поднимается высокие, очень крутые горы, покрытые густыми лиственными лесами. Во многих местах над зеленью этих лесов выдаются то отдельные скалы, то группы их или даже целые ряды и галереи, расположенные друг над другом. Ущелье имеет вообще более или менее мягкий, ласкающий вид и лишено той дикости, которой отличаются многие ущелья Кавказа, окруженные высокими безлесными горами.

В 25 верстах от Воздвиженской ущелье Аргуна сильно расширяется вследствие того, что здесь в Аргун впадают с правой стороны две небольшие горные речки. В этом месте расположен Шатой, составляющий самый людный пункт горной Чечни. В нем стоит один батальон пехоты и батарея старых, с дула заряжающихся орудий. Ехать до Шатоя приходится все время по хорошему шоссе, по сторонам которого на протяжении нескольких десятков сажен лес расчищается для более безопасного проезда.

Шатой расположен на правом берегу Аргуна, на высоте приблизительно 2000 ф. над уровнем моря. Он занимает красивое местоположение и окружен со всех сторон довольно высокими лесистыми горами. Из них прежде всего обращает на себя внимание гора Хайкалам (5859 ф.). Она имеет широкую куполообразную вершину, подъем на которую начинается у самого Шатоя и непосредственно от шоссейной дороги. Большая часть этой горы покрыта густым некрупным лесом, в котором растет очень много дуба. На западной окраине Шатоя на дне глубокой с отвесными стенами балки течет Чанты-Аргун. Шатоя населен частью русскими, частью туземцами-кистинами чеченцами. В нем находятся казармы для солдат и много чистеньких, беленьких домиков с железными крышами. Эти домики делают очень красивым вид на Шатой, если смотреть на него с соседних гор. Шатой отличается хорошим здоровым климатом. В лесах, окружающих его, также водится довольно много дичи – медведей, волков, лисиц, оленей, диких коз и свиней. Лет 10 тому назад медведь был убит почти в самом Шатое, а кабанов мне приходилось неоднократно видеть в нескольких верстах от Шатоя. Они водятся и на Хайк-лам, куда привлекает их обилие жолудей, а также густые дубовые заросли, не теряющие листьев даже зимою. В них свиньям очень хорошо укрываться от врагов.

Во время зимнего посещения этих мест я предпринял из Шатоя поездку в один из самых глухих аулов Чечни в Соной, окруженный со всех сторон лесами. Он расположен к юго-востоку

от Шатоя, но уже не в ущелье Чанты-Аргуна. Недалеко от Шатоя, но уже не в ущелье Чанты-Аргуна. Недалеко от Шатоя мы должны были проезжать через множество маленьких чеченских поселений (Памятой, Бекум-кале, Маршин-кале, Хали-кале и т. д.), дальше-же дорога потянулась лесом, по совершенно глухой местности. Соной представляет маленький чеченский аульчик, расположенный очень высоко на небольшой поляне, которая окружена обширными лесами, состоящими по-преимуществу из бука (Fagus silvatica). Он отстоит от Шаро-Аргуна по прямой линии всего лишь верст на шесть.

Из Соноя мы ездили несколько раз на охоту, но неудачно. Стрелять пришлось только одного большого кабана, который, будучи ранен, бросился на собаку и клыком рассек ей ногу. Во время поездок по окрестностях Соноя я видел довольно много птиц – воронов, обыкновенных ворон, сорок, соек (Garrulus Krynickii Kalen.), снегирей, хохлатых жаворонков (Alauda critata L.) Последние живут здесь зимою по-преимуществу на дворах вместе с воробьями, а летом на полях, вблизи дорог, и вообще на открытых местах. Часто попадаются пестрые дятлы (Picus Poelzami Bogd.), которые залетают на дворы и даже в сараи, как это наблюдал я сам. Около Соноя я видел ягнятника (Gipaetos barbatus L.) и двух дроф, которые высоко летели прямо на юг с очевидным намерением перебраться через Главный Кавказский хребет в Закавказье. По дороге к Соною 28 декабря попадались мне также дрозды-дерябы (Turdus viscivorus L.) и зяблики, которые, следовательно, зимуют здесь.

Во время одной облавной охоты недалеко от Соноя мне пришлось в ясный солнечный день сидеть в ожидании кабанов на вершине гребня, на высоте более 4000 футов у самого обрыва над глубоким ущельем Шаро-Аргуна. С занимаемого мною места открывались такие бесподобные картины, какие мне редко приходилось видеть. Надо заметить, что в это время все ущелье, все балки и горы, за исключением отвесных скал, были сплошь покрыты снегом и блестели как будто-бы одетые серебром или усыпанные алмазами. На этом белом блестящем фоне необыкновенно красиво и с замечательной отчетливостью обрисовывались не только целые леса, но и отдельные деревья, находившиеся от нас на расстоянии целого десятка верст. Особенно красиво выделялись небольшие островки леса, растущего у самого верхнего пояса гор и окруженного со всех сторон снегами. Внизу, на дне ущелий, леса были серебристо-белыми от осевшего на деревья инея, а ближе к вершинам гор казались черно-синими или почти черными. Самые очертания гор были также замечательно красивы. В западной стороне возвышались две рядом стоящие громадные пирамиды, внизу покрытые лесом, а наверху белые, блестящие и без малейшего темного пятнышка. Левее их, почти прямо на юге, над глубоким ущельем Шаро-Аргуна была видна еще одна высокая, покрытая снегом гора; вдоль склонов ее располагались в несколько параллельных ярусов черные уступы отвесных скал. На юго-востоке тянулся необыкновенно красивый кряж – Дайские горы, с длинным рядом стройных остроконечных пирамидальных вершин, а за ним виднелся еще более высокий хребет, с более плоскими и притупленными вершинами, сплошь покрытый снегом. Внизу, на дне глубокого ущелья, шумел Шаро-Аргун, имевший вид узкой и извилистой темно-зеленой ленты. Вследствие необыкновенно быстрого течения он никогда не бывает скован льдом. Очень красивы были и те скалы и кручи, которые поднимались над берегами Аргуна и составляли бока той теснины, по которой он течет. Летом, когда на всех этих горах снега почти нигде нет, они, без сомнения, представляются гораздо менее красивыми, чем в зимнее время.

За Шатоем долина Аргуна остается на некотором протяжении более или менее просторной и широкой, а затем быстро съуживается, превращаясь в настоящую теснину. Здесь в ней есть много замечательных по красоте мест. Аргун течет в глубоки пропасти с совершенно отвесными белыми стенами из разделяющегося на тонкие горизонтальные пласты известняка. Над самым краем этой пропасти по узкому карнизу, высеченному в скалах, вьется шоссейная дорога, а над нею громоздятся еще более высокие белые-же отвесные скалы. На самом верху их

растет мелкий, но очень густой лес. С места, находящегося при начале этой теснины, открывается очень красивый вид на север – на Хайкамал, Шатой и все окружающие его горы.

Выше этих мест, находящихс всего лишь верстах в 5 – 6 от Шатоя, Аргунское ущелье становится еще более узким и тесным. Здесь находится аул Нихалой, а против него через страшно глубокую и необыкновенно узкую пропасть, на дне которой в темной мгле с ревом несется Аргун, переброшен узкий, зыбкий, сделанный из плетня мостик для пешеходов. Русские называют его Чортовым мостом. Он висит над водою на высоте не менее 30 сажен. Когда приходишь по нему, он так сильно качается под ногами вверх и вниз, что чувствуешь себя как будтобы на качелях, но конечно, далеко не оборваться и что тогда придется вместе с ним полететь в такую страшную бездну, где течет не река, а бешеный мутный поток, способный в несколько секунд превратил человека в бесформенный кусок мяса, – мысль эта действует на нервы очень неприятно. Мостик в этом месте существовал, как говорят, еще во времена Шамиля.

II.

Башин-кале. Ущелье Аргуна выше Башин-кале. Евдокимовское укрепление. Фауна и флора его окрестностей. Река Хельдихерой. Подъем к Санчхою. Аул Чамгой. Тюпллой и его обитатели. Котловина Мацехчу и окружающие ее горы. Охота за турами. Пойманный туренок.

Верстах в 10 от Шатоя, вверх по ущелью Чанты-Аргуна, находятся развалины укрепления Башин-кале. Перед ним Аргунское ущелье делается еще красивее, чем вблизи Шатоя, но приобретает уже более суровый и дикий характер. Оно окаймлено почти отвесными беловатыми скалами, напластование которых страшно перепутано. Очевидно, здесь когда-то происходили частые сильные сдвиги, смещения и разрывы геологических пластов. Против самого Башин-кале ущелье Аргуна снова расширяется, причем скалы отходят на задний план, а вместо них выступают более или менее пологие склоны гор, которые в начале лета бывают покрыты изумрудно-зеленой травой и хлебными полями. Среди них возвышаются кое-где красивые группы скал. Здесь-же разбросаны отдельные домики чеченцев. Над этими местами виднеются уже вершины гор, покрытые лесами. От бывшего укрепления Башин-кале к Аргуну идет крытая камнем подземная галерея. По ней во время Кавказской войны наши солдаты ходили из укрепления к речке за водой, не подвергаясь при этом опасности попасть под неприятельские пули, которые пускались в них с соседних гор и лесов.

Тотчас за Башин-кале Аргунское ущелье очень сильно съуживается, превращаясь в теснину с совершенно отвесными высокими стенами. В некоторых местах Аргун делается здесь таким узким, что через него можно было-бы перепрыгнуть, если бы это не представляло особенной опасности. Есть места где ширина его не превосходит 5 – 6 аршин. Зато с какой страшной быстрой и ревом мчится он между скалами! В этой теснине также переброшен через него на головокружительной высоте легкий качающийся мостик, который напоминает описанный уже Чортов мост. Недалеко от этого мостика мы в первый раз встретили в ущелье Шаро-Аргуна сосны.

Выше мостика ущелье Аргуна снова заметно расширяется, и здесь в нем находится много необыкновенно красивых мест. По берегу реки, которая бешено мчится между выступами скал и грудами камней, извивается шоссейная дорога, а над нее громоздятся высокие отвесные или даже нависшие скалы. В некоторых местах. На них уцелели старинные четырехугольные каменные башни, защищавшие ущелье от вторжения неприятеля. В этой части ущелья лесов уже почти нет, но на скалах, а в особенности у подножья их растут различные кустарные породы. К ним принадлежат барбарис, которого местами даже очень много, один вид Spiraea (волжанка, из которой делают палки, кнутовища и ручки для плетей), можжевельник – Juniperus nana) и, наконец, прославленная кузьмичева трава (Ephedra sp.?). Кое-где встречается здесь более или менее сплошные дубовые заросли, но они состоят по-преимуществу из кривых низкорослых деревцев. Выше Башин-кале я видел, кажется, единственный в этой местности волошский орех. Из травянистых растений и здесь очень часто попадается Vincetoxicum nigrum.

Скалы, ограничивающие Аргунское ущелье, образовались из нептунических пород. На протяжении многих верст от Шатоя они состоят из известняков белого или светло-серого цвета. Внутри этой породы часто встречаются крупные и мелкие кристаллы известкового шпата, а в одном месте между толщами обыкновенных известняков (углекислая изв.) залегают пласты алебастра, который и добывается здесь чеченцами для продажи. Еще выше, вдоль ущелья, за исвестняками тянутся песчаники, образующие также высокие скалы, но простирающиеся не непрерывно, а чередующие то с глинистыми сланцами, то с известняками. Глинистые сланцы имеют здесь серый или почти черный цвет, какой бывает обыкновенно у аспидного сланца, а известняки во многих местах сильно встретились, потемнели и сделались рыхлыми и ноздреватыми. В одном месте, на левом берегу Аргуна, в скалы внедрено множество особого рода конкреций в виде правильных шарообразных бомб величиною с большой арбуз или даже порядочную тыкву. Они имеют почти тот-же состав, как и заключающие их скалы, и, как кажется, никаких особенных образований внутри себя не содержат.

Верстах в 3 – 4 от Башин-кале, против небольшого аула Денкале, в Аргун впадает с правой и с левой стороны по одной речке, и Аргунское ущелье снова заметно расширяется; но и здесь оно имеет очень бедную растительность и потому отличается печальным, унылым видом. Еще выше, именно верстах в семи от Денкале, расположено на Аргуне Евдокимовское укрепление; за ним следует уже настоящая глушь, где русских совсем нет, а живут в самых маленьких горных аулах только чеченцы или, точнее, кистины.

Евдокимовское состоит из каменной башни, построенной на откосе горы, маленькой крепостцы и аула Итум-кале, населенного чеченцами. В крепости живет офицер и находящиеся под его командой солдаты, которые приходят сюда из Шатоя. Так как Евдокимовскоене отличается жизненными удобствами и пребывание в нем представляет своего рода ссылку, то офицер и находящиеся под его командой нижние чины (кажется, один взвод) присылаются сюда на короткое время (на один или на два месяца), по истечении которого возвращаются в Шатой и заменяются другими. Офицеру не с кем сказать здесь слова, так как русских, кроме солдат, нет вовсе, а чеченцы народ не только мало развитой, но даже невозможности.

Проезжая через укрепление, мы сделали визит офицеру, который принял нас очень любезно и, как заметно, был рад случаю поболтать с нами час или два. От него я, между прочим, услышал, что около Евдокимовского водится очень много скорпионов; сначала я с недоверием отнесся к этому сообщению, так как не встречал скорпионов ни около Шатоя, ни около Воздвиженской, т. е. в местах более низких и теплых, чем Евдокимовское. Я высказал свое сомнение и спросил офицера, не принимает ли он за скорпионов каких нибудь других пауков или насекомых. Чтобы разубедить меня, он тотчас показал мне коробочку, в которой сидел настоящий скорпион. На оборотном пути я занялся около Евдокимовского ловлей этих животных, которых оказалось так много, что за один час мне удалось поймать их штук 50. Почти под каждым камнем можно было найти одного, а нередко двух или трех скорпионов. Это были маленькие, длиною от 4 до 5 ½ сант. животные, принадлежащие к виду Buthus caucasicus Fisch. Они имели довольно темную окраску, в особенности на верхней стороне головогруди. Об укреплении ими людей, как мне сообщали, здесь вовсе не слышно. Это можно отчасти объяснить тем, что чеченцы никогда в этой местности не почуют на полях, предпочитая с работ вечером возвращаться домой; скорпионы-же, как известно, днем сидят в своих темных убежищах и только ночью вылезают из них.

Аул Итум-кале, находящийся около крепости, состоит из маленьких невзрачных чеченских саклей. В нем есть, однако, несколько мелочных лавочек. Что касается самого ущелья, то оно около Евдокимовского не так узко и покрыто на большей части своего протяжении приземистой травкой, а кое-где и кустарником, который растет на местах, бывших прежде под лесом.

Около Башин-кале и Евдокимовского нам попадалось довольно много белых плисок (Motacilla alba L.), горных плисок (Motacila boarula L.) и чеканов (Saxicola oenanthe L.); король-

ковые вьюрки (Serinus pusillus Pall.) попадается здесь очень часто, своим голосом и веселым нравом очень оживляют эти мрачные и пустынные места и обращают на себя внимание красивым оперением, особенно самцы, имеющие, как известно, темя и лоб очень яркого огненно-красного цвета. Около Евдокимовского, преимущественно там, где есть кустарники и деревья, часто попадаются дрозды-дерябы (Turdus viscivorus L.), а вблизи скал носятся взад и вперед горные ласточки (Cotyle rupestris Scop.), своей мутно-серой, однообразной окраской очень напоминающие цвет скал. Ворон, серая ворона и красноносая альпийская ворона (Fregilus graculus L.) попадаются тоже довольно часто.

Вблизи Евдокимовского в Аргун впадает с правой стороны речка, которая течет по очень глубокому ущелью с крутыми склонами. Последние вблизи слияния этой речки с Аргуном покрыты мелким лесом, а кое-где более или менее скалисты; что-же касается верховьем речки, то там виден крупный сплошной лес. Довольно порядочные и также более или менее сплошные леса растут и в других ущельях и балках. Вообще, около Евдокимовского по Аргуну и его притокам находится много лесов, которые составляют так называемую Евдокимовскую лесную дачу. В ней встречаются почти те-же древесные и кустарные породы, которые свойственны лесам, растущим при начале Аргунского ущелья, с тем отличием, что ясень и клен, особенно остролистный попадаются значительно чаще; кроме того, на больших высотах, преимущественно у верхней границы лесов, в этой даче растет много березы, рябины и кавказского горного клена (Acer Trautvetteri Medw.) Издали его деревца, унизанные бесчисленным множеством крупных розово-красных крылаток, кажутся кровяно-красными, очень красивыми и оригинальными. В этих-же лесах часто встречается сосна, а в нижней части ущелья дикие груши и яблони; кроме того, в тенистых местах растет крыжовник (Ribes Grossularia) и смородина (R. alpinum и R. petraeum). Можжевельник (Juniperus communis) и волжанка (Spiraea sp.?) встречаются, и конечно, и здесь, но преимущественно по освещенным солнцем каменистым местам.

В Евдокимовском мы отдохнули, покормили своих лошадей, переждали самые жаркие часы дня и, когда солнце уже заметно склонилось к западу, отправились дальше вверх по Чанты-Аргуну. Ущелье его около Евдокимовского поворачивает почти прямо на запад и вскоре значительно изменял свой характер. Оно заметно расширяется, особенно нижняя часть его, вследствие чего Аргун течет здесь уже не в глубокой теснине, обставленной отвесными скалами, а по широкому, просторному дну ущелья и притом в низких берегах. Течение его, однако, и в этих местах очень быстро. Над плоским дном ущелья и здесь поднимаются высокие горы, но на них почти всюду зеленеют леса, между которыми видны пастбища и сенокосные места, а таких громадным голых скал, как около Башин-кале, нет вовсе. Верстах в 10 от Евдокимовского нам пришлось проезжать недалеко от аула Бечик, расположенного на горе по левую сторону Аргуна. Около Бечика ущелья и верховья небольших речек, впадающих в Аргун, также покрыты почти сплошными лесами. С дороги против этих мест открывается вид на глубокое и сравнительно длинное (верст 20) ущелье речки Кий, впадающей в Аргун с левой стороны. Оно тянется приблизительно с СЗ. На ЮВ.; правая сторона его, обращенная на СВ., покрыта почти сплошными и довольно крупными и довольно крупными лесами, а левая – более мелкими и редкими. Только самые верховья этой речки безлесны. В ущелье речки Кий водится, как сообщали мне, довольно много дичи и в особенности безоаровых козлов (Aegoceros aegagrus Pall.).

Против Бечика в Аргун с правой стороны впадает другая, довольно большая речка – Хельдихероя в аул Тюиллой, куда мне хотелось попасть, чтобы из него отправиться на окружающие его горы, то мы должны были подняться на очень высокий хребет, находящийся по левую сторону ущелья Хельдихероя, проехать по хребту десятка два верст и потом уже снова спуститься к речке Тюиллой, составляющей один из истоков Хельдихероя. По дороге нам должны были всретиться еще два аула – Санчхой и Чамгой.

Из Курды мы выехали довольно рано с тем расчетом, чтобы водняться на упомянутый высокий хребет еще до наступления жары. Подъем этот начинается недалеко от слияния Аргуна с Хельдихероем, тянется на протяжении нескольких верст и так крут, что большую часть его мы должны были пройти пешком. В нижней половине его дорога идет большею частью лесом, делая множество зигзагов в ту и другую сторону; дальше она извивается то по лесу, то по полянам и, наконец выходит на горные луга, занимающие более или менее обширное пространство. Во многих местах эту дорогу пересекают крутые балки. Лес, растущий по сторонам дороги, состоит из ольхи, осины, вербы, дуба, липы березы, сосны и других пород. Липа встречаются здесь очень часто, а многие сосны имеют более обхвата в толщину. В этих же местах растет можжевельник (Juniperus communis L.), много черники и рододендронов; но ели и пихты, которые составляют красу горных лесов западного Кавказа и являются там преобладающими лесными породами, здесь нет вовсе. Альпийские луга этих мест очень красивы и представляют пестрый ковер из разнообразных цветов, но по всей пышности заметно уступают горным лугам западного Кавказа. На них растет множество истодов (Polygala), разные виды Inula, много розовой персидской ромашки (Pyrethrum roseum), Polygonum Bistorta, Galium, Veratrum и т. д. Пышная, с большими светло-розовыми цветами Betonica grandiflora попадается и здесь, но гораздо реже, чем на альпийских лугах западного Кавказа. Из горных пород в этих местах я видел только аспидный сланец.

Когда крутой подъем на гору кончился, тропинка потянулась вдоль косогора; на протяжении нескольких верст она шла по горным лугам, извиваясь нередко над самым краем глубоких обрывов или очень крутых откосов. В то время, когда мы поднимались на гору и приходили по горным лугам, шел довольно сильный дождь, наша тропинка сделалась очень скользкой и вследствие этого во многих местах небезопасной. Нам часто приходилось слезать с лошадей и пробираться пешком. В это время мы могли любоваться с птичьего полета чудной панорамой глубокого живописного ущелья Хельдихероя. Вдоль крутых обрывистых склонов его двигались, цепляясь за скалы, большие клубы и мелкие клочки облаков, которые ветер быстро гнал вверх по ущелью. В некоторых местах эти облака скоплялись в гораздо большем количестве и различные части ущелья то скрывались в них, то выступали снова. Кое-где, наконец на склонах ущелья блестело солнце, ярко освещая скалы, луга и леса. На здешних горных лугах мы вспугнули небольшую стойку горных курочек (Perdix chukar Gray). Они сели недалеко от нас, но, когда один из моих проводников начал подкрадываться к ним, взлетели и скрылись из вида в глубокой балке.

За только что описанным косогором следовал спуск к Санчхою; он тянулся на пространстве около полуторы версты. Санчхой расположен на значительной высоте и занимает очень красивое местоположение. С него открывается вид на пять довольно больших ущелий и несколько меньших. Почти все они соединяются друг с другом около Санчхою, поэтому видны с него особенно хорошо. Некоторые из них замыкаются вдали очень высокими, скалистыми и покрытыми и покрытыми снегом горами. Самую высокую из них чеченцы называют Доко-корт и говорят, что на вершину ее никогда не всходит человек и может взлететь только птица. Руководствуясь картой, а также принимая во внимание некоторые другие обстоятельства, я с уверенностью могу сказать, что эта гора и есть Тебулос-мта-высочайшая вершина всей восточной половины Кавказа, отстоящая от Санчхоя всего лишь на 15 верст. Под этим грузинским именем она значится на всех картах Кавказа, а высота ее равняется, как известно, 14781 ф. (4506 м.). Ближайшие к Санчхою горы покрыты лугами и лесом, а более далекие состоят из скал, на которых кое-где лежат, даже в летнее время, полосы и пятна снега.

Санчхой представляет маленький аул, населенный чеченцами. Заброшенные в глубину гор, они имеют очень мало годной для обработки земли, занимаются главным образом скотоводством и живут вообще бедно.

В нескольких верстах от Санчхоя находится другой маленький аул – Чамгой. Дорога к нему идет все время по горным лугам, с которых открывается чудный вид не только на соседние места, но и на далекие горы и, между прочим, на высокий, покрытый вечными снегами Пирикительский хребет. Чамгой расположен очень высоко – на высоте слишком 6 ½ тысяч футов. Хорошего леса около него нет, поэтому все сакли его выстроены из каменных плит и имеют плоские крыши, усыпанные мелким шифером. Из Чамгоя также открываются очень красивые виды на несколько ущелий, замыкающихся вдали высокими скалистыми и острозубчатыми гребнями гор. В одном месте, в довольно большой котловине, виднеются на них порядочные снежные поля, переходящие в нижней своей части в маленький глетчер. Из него вытекает блестящая, как серебро, речка, которая, прыгая с камня на камень и с уступа на уступ, несется с страшно крутой горы. Ниже глетчера видны нагроможденные кучи камней, т. е. старые морены его, и длинная полоса снега, которая тянется вниз вдоль ущелья и на значительном протяжении скрывает под собой речку. Все прочие горы, видимые отсюда на юге и юго-западе, лишены снежных полей и тем более глетчеров, а украшены только пятнами, лентами и зубчатыми, извилистыми полосками снега, которые на черном фоне скал образуют необыкновенно изящную, блестящую, как серебро, сетку, напоминающую художественную, ажарную работу. Ближайшие к Чамгою горы покрыты то горными лугами, то перелесками, состоящими из березы, можжевельника и рододендронов. Недалеко от Чамгою стоит несколько старинных четырехугольных каменных башен с бойницами. Они построены по две, одна около другой, на крутых уступах гор, возвышающихся над аулом.

Так как в Чамгой мы приехали незадолго до вечера и притом в дурную погоду, то порешили остаться в нем ночевать. Один из местных жителей принял нас очень любезно и отдал в наше распоряжение чистую и просторную кунацкую, где мы отдохнули и отлично проспали до следующего утра.

Из Чамгоя нам надо было отправиться уже прямо в Тюиллой, последний аул в этой местности. Он отстоит от Чамгоя по прямой линии всего лишь на 6—7 верст, но дорога к нему так плоха, что большую часть ее приходится пройти пешком и употребить на этой часа три. Эта дорога вьется по высоким горам, которые тянутся по левой стороне ущелья Хельдихероя. От Чамгоя она идет вначале круто вниз, в глубокую балку, находящуюся к югу от аула, переходит через небольшую речку, которая течет по дну этой балки, и снова поднимается на крутую гору. За балкой дорога на значительном протяжении тянется по лесу, большая часть которого растет на крутых скалах. Она и здесь очень плоха и так камениста, что ехать по ней почти невозможно. Местность по сторонам дороги и вдали от нее очень красива и более или менее лесиста Лес состоит из деревьев средних размеров; между ними преобладают сосны и, кроме того, часто попадается береза, рябина и бук. Из кустарных растений в нем растут можжевельники, жимолость (Lonicera), родондроны, карликовая ива (Salix arbuscular) и некоторые другие. Здесь-же встречается часто черника, брусника и красивая Daphne glomerata. Rhododendron ponticum я видел только в одном месте, но зато в очень большом количестве. Выше границы лесов на этих горах тянется широкая зона альпийских лугов, гораздо более пышных и красивых, чем вблизи Санчхоя и Чамгоя. На них встречается множество прекрасных светло-голубых незабудок (Myosotis silvatica), несколько видов вероники, чудные темно-синие Gentiana pyrenaica, крупные светло-голубые колокольчики или водосбор (Aquilegia olympica) Silene, Polygala comosa, P. Vulgaris, Asperula cynanchica, Galium verum, Viola altaica и т. д. В лесах, которые растут ниже дороги на крутых склонах ущелья Хельдихероя и на скалах, водятся безоаровые козлы. Один из наших спутников, не пожелавший идти по дороге и отправившийся более прямым путем через лес и скалы, видел двух таких козлов, но ему не удалось подкрасться к ним на выстрел. Еще в Чамгое мне говорили, что в этих местах, так мало удаленных от человеческих жилищ, водятся безоаровые козлы, но мне показалось такое сообщение маловероятным; после-же, убедившись в справедливости его, я очень жалел, что отправился в Тюиллой

не через скалы и леса, где мне, может быть, представился бы случай поохотиться на этой редкой и интересной дичью.

Проехав по горным лугам несколько верст, мы начали спускаться к аулу Тюиллой, который расположен на правом берегу р. Тюиллоя, составляющего, как было сказано, один из истоков Хельдихероя. Этот спуск также оказался очень крутым и каменистым. Тюиллой представляет маленький аульчик, заброшенный в самые глухие и дикие трущобы гор. Хотя он расположен на дне ущелья, но тем не менее лежит очень высоко – на высоте слишком 5900 ф. За ним по ущелью Хельдихероя следуют уже безлюдные горы; на них живут только звери и птицы, да в течение двух с половиной или трех летних месяцев кочуют чеченцы-пастухи со своими стадами. Тюиллой состоит всего лишь из нескольких жилищ, сложенных из шиферных плит и ими же покрытых. Материала этого имеется здесь под рука ми сколько угодно, и платить за него не приходится; поэтому некоторые из жителей Тюиллоя, несмотря на свою бедность, выстроили довольно порядочные по размерам сакли и содержат их очень чисто. Почти все они стоят на крутых косогорах, причем нередко своим задним фасадом упираются прямо в гору. Внутри они обмазаны глиной, что безусловно необходимо в здешнем холодном климате. Большая часть жителей Тюиллоя, в особенности женщины и дети, никогда не видели русских, и мы были, кажется, первыми, посетившими их аул. Понятно, какой переполох должен был произвести среди них наш совершенно неожиданный приезд. Через несколько минут все тюиллойцы, которые были дома, собрались смотреть на нас, как на какое-нибудь чудо. Мне пришла в голову мысль воспользоваться этим случаем и сделать с них несколько фотографических снимков; но, как оказалось, уговорить их сняться было не легко. В кунацкой, где мы остановились, собралось в это время много народа – старики, старухи молодые люди, девушки, женщины с грудными младенцами, дети и т. д. Переговоры с ними относительно фотографирования я поручил вести бывшему с нами поле полесовщику-чеченцу, человеку, хорошо знакомому с большой частью жителей Тюиллоя и одной с ними национальности. После продолжительных переговоров он объявил мне, что соглашаются сняться только женщины, мужчины же не решаются сделать это из опасения, как-бы мои снимки не причинили им впоследствии много бед. Они говорили, что я покажу свои карточки какому-нибудь начальству, а оно скажет, вот какие люди живут в Тюиллое, с ними надо то-то и то то сделать и т. д. и т. д. Я от души пожалел этих запуганных бедняков, которые высшим счастьем для себя считают жить так, чтобы о них никто не знал, не думал и не заботился. Женщин, среди которых поместился и патриарх Тюиллоя, старик лет 80, я снял под навесом у одной большой сакли. Здесь расположилось несколько девочек и мальчиков, и таким образом получилась более или менее интересная групп. Когда снялись женщины, в толпе мужчин начался очень шумный разговор. Я спросил нашего проводника – чеченца, о чем они толкуют. Он ответил мне, что некоторые мужчины, ободренные примером своих жен и сестер, также выражают желание сняться. Я попросил еще раз передать им не могут, и, кроме того, обещал прислать в Тюиллой в подарок снимавшимся несколько их карточек. После боле или менее длинных разговоров решили сняться и мужчины. Через несколько месяцев я выслал им карточки. Вероятно, они вызвали немало удивления, особенно среди женщин, которые кроме Тюиллоя никогда ничего не видели.

Жители Тюиллоя приняли нас очень любезно. Они отвели нам довольно чистую, просторную кунацкую, тотчас-же согрели воды для чая, принесли молока, яиц и сыра, – словом, охотно сделали для нас все, что могли. При нашем отъезде они долго не соглашались взять с нас деньги за все, доставленное имя.

Скажу теперь несколько слов вообще о чеченцах, живущих в горах по Аргуну и его притокам. Мне не раз приходилось слышать о них, как о народе коварном, злом и крайне враждебно относящемся к русским. Не раз говорили мне, что чеченцы гораздо хуже, чем все прочие племена, живущие на Кавказе. Неоднократно уверяли меня, что отправиться путешествовать по Чечне очень опасно, что там легко могут не только обокрасть или ограбить, но и убить. Все

эти рассказы, может быть, более или менее справедливы по отношению к ингушам и чеченцам, живущим на плоскости, а в особенности вблизи Владикавказа, в Назрановском ауле, в Сурхахи и т. д., но вовсе неверны по отношению к тем, которые населяют горы. Они, по моим личным наблюдением и рассказам лиц, хорошо их знающих, совсем не похожи на чеченцев, живущих на плоскости. Чеченцы-горцы-народ бедный, но гораздо более трудолюбивый, смирный и честный. Они очень вежливы, любезны, предупредительны и гостеприимны. Я несколько раз останавливался и ночевал в Дачуборзое, Улускерте, Соное и других аулах и всегда пользовался полным вниманием своих хозяев. Неоднократно ездил ночью, как зимою, так и летом, по горам Чечни и никогда не случалось со мною ничего неприятного. Наоборот, вежливое и предупредительное отношение к себе я имел случай наблюдать на каждом шагу. Едва, напр., успевал я достать папиросу, как кто-нибудь из чеченцев зажигал спичку и подносил ее мне. Плату за ночлег, самовар или что-нибудь съестное чеченцы почти всегда долго отказывались принять, говоря, что по их законам брать с гостя деньги не полагается и стыдно. В одном ауле хозяин сакли, в которой мы останавливались, наотрез отказался взять с нас деньги, и я был очень рад, что мог презентовать ему около фунта пороха. Другой подобный случай произошел в Улускерте, где я взял на день у одного из жителей верховую лошадь. От платы за нее он упорно отказывался, и, когда я, можно сказать, насильно сунул ему в карман рубль, он вынул его и особенно положил мне в карман. Конечно, чеченцы не могут вообще питать симпатий к русским и имеют немало причин относиться враждебно к нам, но они, вероятно, это скрывают и держать себя в большинстве случаев настоящими джентльменами.

Ущелье Туиллоя выше и ниже аула очень красиво, скалисто и круто. В более узких местах оно стеснено с боков поднимающимися к небу почти отвесными шиферными скалами, в более широких – они также образуют кручи градусов в 45 и более. Среди мрачных скал видны на всем протяжении ущелья красивые зеленые лужайки и карнизы, покрытые зеленой травой. Во многих местах на них растут кустики и деревья.

На правой, обращенной к СЗ. стороне ущелья здесь встречается почти одна береза, а на левой, солнечной кроме нее виднеется много сосен, причем большая часть их имеет довольно порядочные размеры. В некоторых местах они образуют даже небольшие сплошные лески. На дне ущелья во многих местах царствует почти вечная тень, в которую только в полдень проникают лучи солнца. Когда уже наступили сумерки, мы увидели у опушки одного из растущих между скалами лесов самку безоарового козла с козленком. Они ходили на крутом склоне, на высоте нескольких сот футов над аулом. Идти за ними было уже поздно и, кроме того, непростительно было убивать самку, обрекая почти на верную смерть козленка. Один из чеченцев выстрелил таки в козу, но, к моей радости, сделал промах. Попасть в нее на таком расстоянии из азиатской винтовки было, впрочем, и невозможно.

По дну ущелья вблизи аула течет с сильным шумом очень быстрая, покрытая пеной речка Тюиллой составляющая, как уже было замечено, один из истоков Хельдихероя. Она несет чистую холодную воду, имеет в ширину аршин 15 – 20, и, кроме того, настолько многоводна и быстра, что переезжать через нее верхом очень трудно и далеко не безопасно. Из аула Тюиллой видны более или менее и верховья этой речки, где ущелья ее замыкается с трех сторон высокими, крутыми, как стена, черными скалами; по ним тянутся во всех направлениях извилистыми полоски и змейки снега. Так как мне хотелось скорее добраться до самых историков Хельдихироя и осмотреть хотя некоторые из них, то мы, отдохнув в Тюиллое часа два, отправились вверх по ущелью его. Оно тянется здесь почти по прямой линии с СВ. на ЮЗ. На протяжении верст 3 ил 4 и по нему идет довольно сносная тропинка. Только в одном месте ее заграждают скалы, которые отвесной стеною в несколько сажен высоты упираются прямо в реку. Чтобы объехать эти скалы, надо два раза перебраться вброд через Тюиллой благополучно, хотя набрали в сапоги воды, подмочили вьюки и раза два были в таком положении, когда можно было описаться, что вот-вот вода собьет лошадь и понесет ее.

Недалеко от этого переезда Тюиллой разбивается на две довольно порядочные речки, одна из которых течет почти с запада на восток, а другая с юго-запада на северо-восток. Обе они в свою очередь принимают по несколько притоков, сходящихся к одному месту и представляющих в общем веерообразное расположение. Вследствие этого здесь образуется большая, просторная и необыкновенно красивая котловина, прорезанная многими горными потоками, также сходящимися к одному месту, подобно радиусам круга. У местных жителей это котловина известна под именем Мацехчу. В общем она очень скалиста и окружена очень высокими крутыми горами, но на склонах ее есть довольно сильно камениста; но и на ней есть много мест, покрытых сочной изумрудно-зелено травой со множеством мелких альпийских цветочков – генциан, незабудок, камнеломок (Saxifraga), роговика (Cerastium) и т. д. По этим причинам Мацехчу имеет довольно важное значение для жителей Тюиллоя, которые в летние месяцы пасут здесь свой скот. На лугах этой котловины растет в большом количестве чемерица (Veratrum album), конский щавель (Rumex crispus), водосбор (Aquilegia), Campanula, Veronica gentianoides, Ranunculus caucasicus, Trifolium repens, Alchemilla argentea и особенно много незабудок и розовых Polygonum Bistorta. Довольно часто попадается здесь, особенно на склонах, орашенных к солнцу, громадное травянистое растение борщевик (Heracleum pubescens). Деревца и кустарники также встречаются в этих местах, но из первых растет только рябина и береза, и притом в количестве довольно ограниченном. Размеры их также невелики, хотя впрочем, некоторые березки и достигают вершков 3 – 4 в диаметре вблизи поверхности земли. В изрядном количестве встречается обыкновенной можжевельник (Juniperus communis), а казачий (J. Sabina) значительно реже. Наконец, на тенистых склонах растет рододендрон (Azalea pontica).

Вид на котловину Мацехчу очень красив. Над зеленым дном ее поднимаются со всех сторон высочайшей, черной как уголь, стеной зубчатые остроконечные горы. При ярком солнечном свете они блестят, как будто бы отполированные или смазанные маслом, а на темном фоне их ярко выступают блестящие, как серебро, пятна, полосы, ленты и извилистые змейки вечного снега. Ниже их видны во многих местах покрытые яркой зеленью склоны. Со всех гор, окружающих Мацехчу, с шумом скатываются вниз речки и ручьи с бесчисленных множеством водопадов и покрытые белой, как снег, блестящей пеной. Они, соединившись вместе, образуют речку Тюиллой. Над всем этим висит еще чудный глубокий прозрачный темно-голубой свод альпийского неба.

К отрицательным качествам котловины Мацехчу принадлежит то, что в зимнее время на склонах гор, окружающих ее, накопляется очень много снегов, которые весною и в начале лета образуют частые лавины. Падению их сильно способствует очень большая крутизна склонов и почти полное отсутствие на многих из них не только леса, но и одиночных деревьев. Перед входом в эту котловину мне показывали остаток небольшой землянки, в которой перед началом лета было засыпано и погибло под снегом восемь человек.

Часа за два до захода солнца мы добрались до сложенной из камня хижины, которая находилась почти в центре котловины Мацехчу и на высоте 8160 ф. над уровнем моря. В ней помещалось несколько пастухов, которые пасли здесь своих овец и крупный рогатый скот. Прохладный, даже холодный вечер мы провели на открытом воздухе вблизи большого костра. Все мои спутники решили расположиться на ночлег в пастушьей хижине, а я отдал предпочтение своей палатке, которую разбил в нескольких шагах от хижины. В ней было хотя и холоднее, но гораздо чище.

Не раз я слышал, что на горах, окружающих Мацехчу, водится много туров, и потому, отправляясь в эти места, думал поохотиться здесь день или два, чтобы сколько-нибудь познакомиться с здешними турами, их образом жизни, и узнать, на каких местах они по-преимуществу держатся. Пастухи говорили мне, что еще на днях они видели туров очень близко от своей стоянки и что вообще они попадаются здесь очень часто. Кроме того, я слышал, что скорее

всего можно найти туров в широкой балке, которая тянется от западной части котловины. Это место, как лучшее, было обещано мне для охоты, и я должен был отправиться туда на следующий день перед рассветом вместе с одним чеченцем-охотником. К сожалению, все касающееся охоты у нас шло не так, как следует. Из Воздвиженской отправилось нас, охотников, не двое, как я хотел, а трое; кроме того, два охотника из Тюиллоя, узнав, что мы отправляемся в Мацехчу и имеем в виду поохотиться за турами, вздумали сами отправиться туда, но совершенно самостоятельно. эти два охотника полезли на горы из Тюиллоя и вечером спустились к нашей стоянке. Они видели туров и стреляли по ним на таком близком расстоянии, на котором, по их словам, можно было различить даже ресницы на глазах туров, но тем не менее ни одного из них не убили. Кроме того, один из тюиллойских нимвродов отправился в ту самую балку, в еоторую на следующее утро должен был, так как хорошо знал, что это лучшее для охоты место было предназначено мне, как гостю, приехавшему сюда за несколько сот верст, – он отвечал, что виновато его пылкое охотничье сердце, которое не могло устоять от соблазна и заставило его к следующему утру они снова соберутся туда и т. д. Словом, он пустил в ход обычные в подобных случаях бессмысленные отговорки. Его поступок меня очень опечалил и в значительной степени уменьшил надежду удачно поохотиться за турами. Кроме того, охотиться за ними в одной и той же местности такому количеству охотников (5 человек), выстрелы которых будут греметь во всех направлениях, очень неудобно. В этом случае животное, столь осторожное, как тур, постарается, конечно, скорее убраться куда-нибудь подальше и не так скоро возвратится на свои излюбленные места.

При таких неблагоприятных обстоятельствах мне пришлось на следующий день еще до света отправиться в ту балку, о которой я только что говорил. Пошел туда я вместе с одним чеченцем-охотником. Нам надо было пройти версты две больших горных речек. Подвигаясь более получаса в юго-западном направлении, мы дошли до крутых гор, окружающих котловину, которая уже осталась позади нас. Здесь мы повернули довольно круто направо и, долго поднимаясь по узкому скалистому ущелью, достигли наконец той широкой балки, где предполагали охотиться за турами. Эта сильно каменистая громадная балка также окаймляется высокими скалистыми стенами гор. На пути к ней мы видели в двух местах, на расстоянии нескольких десятков шагов от нас, горных индеек, но не стреляли по ним, опасаясь распугать туров, которых все еще надеялись встретить где-нибудь. Более часа лезли мы то по каменистым осыпям, то по крутым скалам, поднимаясь выше и выше вдоль правой стороны балки. Внимательно осматривая простым глазом и при помощи бинокля окружающие нас горы, мы увидели наконец одного тура: он находился гораздо выше нас, на склоне горы противоположной стороны балки, и очень далеко, но, как заметно было, уже успел увидеть нас. Когда мы присели и начали рассматривать его в бинокль, он быстро полез вверх на скалы и вскоре скрылся из глаз. Вероятно, это был один из тех туров, по которым стреляли вчера тюиллойские нимвроды. Ничем другим нельзя было объяснить его чрезмерную осторожность. После этой встречи мы прошли вверх еще довольно далеко, видели много свежих турьих следов, но их самих не встретили. Очевидно, их распугали охотники.

Пролазав по скалам еще часа два и не встретив нигде туров, мы решили отправиться к своей стоянке и добрались до нее уже после полудня. Неудача на охоте возмещалась по отношению ко мне тем, что я в этот день успел осмотреть довольно порядочно все горы, окружающие котловину Мацехчу. Они очень высоки, круты, скалисты и состоят из шиферных скал; но кое-где на поверхность их выступают и кристаллические, кремнистые горные погоды. Этим объясняется присутствие довольно значительного количества кусков гранита, гнейса, кварцита и кварца во всех ручьях и речках, протекающих здесь. Более или менее порядочные снежные поля на горах, окружающих Мацехчу, редки, но почти все горы на протяжении не менее тысячи футов от их вершины покрыты, как уже было замечено, красивой сетью из зубчатых снежных полос и лент, которые заполняют все складки гор и все углубления и трещины

скал. С них мне удалось сделать очень красивые фотографические снимки. Во многих местах по балкам и оврагом широкие полосы снега спускаются до самого дна котловины. Более значительные скопления его находится на горах с южной и юго-западной стороны Мацехчу. Здесь через одну седловину проходит тропа в Тушетию, в долину Пирикительской Алазани. Над ней построена караулка, в которой в летнее время живут тушины, наблюдающие за тем, чтобы чеченцы не воровали скот на тушинской стороне и не угоняли его к себе. Растительность на тех местах, по которым мы проходили, отыскивая туров, очень бедна и состоит из низких, приземисты трав. Этот объясняется, конечно, значительной высотой местности. Здесь встречаются по-преимуществу мелкие растения, свойственные верхне-альпийской зоне – различные виды камнеломок (Saxifraga cartilaginea, S. sibirica, S. exarata), драб (Draba rigiba, D. Siliquosa), Gentiana pyrenaica, Alchemilla vulgaris, Alsine imbricata, Gnaphalium dioicum, маленькие Myosotis silvatica, Carex nigra и т. д. Из кустарников я видел в этих местах только карликовую иву (Salix arbuscula), поднимающуюся от земли всего лишь на фут или немного более.

Почти одновременно с нами возвратились к нашей стоянке прочие охотники. Из всех их только одному удалось сделать по молодому туру несколько выстрелов и убить его; другие вернулись назад ни с чем. Убитый молодой самец принадлежал к виду Capra cylindricornis Blyth. (Aegoceros Pallasii Rouill.), единственному из туров, водящихся в этой части Кавказа. Несмотря на небольшие размеры, рога его уже имели заметный винтообразный изгиб, резко отличающий их от рогов прочих видов кавказских горных или каменных козлов. Замечу кстати, что безоаровые козлы на этих горах не живут вовсе. Они для них слишком высоки, а, главное, вовсе лишены леса. Совершенно отсутствуют здесь и серны.

Отправляться на охоту на следующий день, т. е. после того, как в течение двух предыдущих дней целая партия охотников обошла все лучшие места и распугала всех туров, не было смысла; поэтому утром я побродил еще часа три по склонам Мацехчу, а затем отправился в обратный путь. Когда мы проезжали через Чамгой, то узнали, что у одного из жителей этого аула есть молодой безоаровый козел и туренок. Мы, конечно, разыскали их. Безоаровый козленое был очень похож на маленьких домашних козлят; туренок-же (самец) отличался от них гораздо больше. Он имел голову, утолщенную позади глаз очень сильно, можно сказать, до уродства; на этом месте впоследствии у взрослого тура должны вырасти большие, толстые рога. Цвет туренка был пепельно-серый, а вдоль спины и по передней стороне ног тянулись у него темно-бурые полосы. Он поражал нас необыкновенной легкость и изяществом своих прыжков. Стоя вблизи окна или скамейки, он баз всякого видимого усилия, вскакивал на подоконник или скамейку, как будто бы его подбрасывала какая-нибудь пружина. Туренок этот прожил в ауле уже несколько дней и перестал бояться людей. Мы задумали взять его с собою, чтобы приручить и держать на двор, и он был нам охотно уступлен; но, к великому нашему огорчению, дорогою его постигла горькая участь. Едва успели мы отъехать от Чамгоя верст 7 – 8, как козленок, бывший до того очень живым и веселым, вдруг сделался вялым и скучным. Спустя еще час или полтора от его живости не осталось и следов. По мере того, как мы спускались в ущелье Хельдихероя ниже и ниже, воздух, конечно, становился все более жарким и душным. Это, вероятно, еще больше расслабляло туренка – дитя высоких гор с чистым, свежим прохладным воздухом. Он уже не был в состоянии держать, как следует, голову, и она беспомощно свешивалась у него то в ту, то в другую сторону. Мы с болью в сердце смотрели на бедного козленка, который с каждой минутой делался все слабее и слабее и кончился, когда мы подъезжали к р. Хельдихерою. Трудно допустить, что дорога подействовала на него так убийственно. Вероятно, что-нибудь другое было причиною его смерти, так как он начал обнаруживать признаки болезни слишком скоро после нашего отъезда из Чамгоя. Возможно, что он еще в ауле объелся чего-нибудь, как это часто случается с дикими животными, попадающими в несвойственные им условия, а вредные последствия такого отравления обнаружились только тогда, когда мы везли его.

III. Дорога из Воздвиженской в Ведено. Старая и Новая Атага. Переправа через Аргун. Шали. Эрсеноевская стануия и ее окрестности. Ущелье Хулхулау. Ведено. Его климат и растительность. Горные луга. Фауна окрестностей Ведено. Поездка в Дарго. Аул Дарго. Поляна Ирицоу. Памятник убитым в Даргинский экспедиции.

Из Воздвиженской мною была предпринята еще поездка в Ведено, Ботлих и другие места, лежащие в соседних с ними частях Терской и Дагестанской областей. Из Воздвиженской в Ведено можно было проехать двумя путями: или возвратиться в Грозный и оттуда ехать по почтовому тракту на аул Устар-Гордой и станцию Эрсеноевскую, сделав таким образом лишних около полусотни верст, или же избрать более короткий путь, т. е. переправиться вброд через Аргун, на земских (обывательских) Лошадях доехать до Эрсеноевской станции и из нее уже отправиться с Ведено. Но переправа через такую большую и необыкновенно быструю речку, как Аргун, и рпитом в первой половине лета, т. е. в период наиболее сильного таяния снегов на горах и наибольшего половодья рек, не безопасна. Правда, утонут в такой реке, как Аргун, при умении плавать, некоторой находчивости и смелости, пожалуй, и не так легко, но выкупаться и лишиться всех своих вещей вполне возможно.

Возвращаться в Грозный мне ужасно не хотелось; поэтому утром в день предполагаемого отъезда из Воздвиженской я начал собирать справки о том, можно-ли переехать на перекладной через Аргун, и узнал, что чеченцы в этот день переезжали через него, хотя и не без риска, так как вода в нем очень глубока. Если переезжали чеченцы, думал я, то почему-же и мне не рискнуть последовать их примеру. В обед я выехал из Воздвиженской. На станции сказали, что мне, как имеющему открытый лист, полагается конвой и что лучше будет, если я не откажусь взять его, поэтому что в тех местах, через которые мне нужно будет проезжать, не безопасно, так же, как и около Воздвиженской; да кроме того мне сказали, что конвой пособит нам переправиться через Аргун. Конвой, состоящий из двух всадников, которые были вооружены берданками и револьверами, присоединился к нам на мосту, стоящем у дороги из Воздвиженской к Грозному и Старо-Атагинскому аулу. Через последний проходила и наша дорога.

Старо-Атагинский аул или, как его называют, Старая Атага отстоит от Воздвиженской всего лишь версты на две и расположен, как и она, на левом берегу Аргуна. Почти против него, но она противоположной стороне реки, находится Новая Атага. Оба эти аула раскинулись вблизи Аргуна, в низменной и, вероятно, не совсем здоровой местности; обилием зелени они более или менее напоминают Воздвиженскую. Прежде жители их разводили много турецкого табаку (атагинский табак) и продавали его, как контрабанду, копеек по 15 – 20 за фунт, но теперь разведением его почти перестали заниматься. Вызвано это, как сообщали мне, тем, что муллы успели внушить чеченцам, что курить табак и разводить его – большой грех.

В Старой Атаге аульный старшина откомандировал мне еще двух человек в проводники. Они должны были при переправе через реку поддерживать перекладную и не дать воде опрокинуть или снести ее. Таким образом, переправляться через Аргун мне пришлось в сопровождении четырех человек, не считая, конечно, ямщика. Аргун здесь, как и везде по выходе из гор, разделяется на несколько отдельных рукавин, которые в общей сложности составляют речку шириною аршин в 300 или, по крайней мере, в 250. Вода течет очень быстро, мутна и непрозрачна, как грязь. Во время нашей переправы один из конвойных ехал впереди и указывал дорогу; наблюдая за ним, мы могли видеть, насколько глубока речка в том или ином месте. Другой конвойный оставил свою лошадь на берегу и вместе с двумя атагинцами поддерживал перекладную, взявшись за грядки со стороны течения реки. Надо было удивляться необыкновенной ловкости, с какой они боролись с быстрым течением и поддерживали повозку. В некоторых местах вода при необыкновенно быстром течении была настолько глубока, что наливалась в перекладную, и, если бы не помощь чеченцев, то она, наверное, была бы опрокинута и унесена водою.

После переправы через Аргун мы приехали Новую Атагу и, поднявшись на горку, очутились в более или менее открытой степной местности, на которой также, как и около Воздвиженской, росли кустарники и отдельно стоящие деревья, по-преимуществу груши. Около Атагинских аулов попадается кое где и держи-дерево. Здесь же более или менее большие пространства засеяны кукурузой.

В Новой Атаге нам дали других конвойных и с ними я проехал верст 10 до следующего чеченского аула Шали. В нем лошадей не оказалось и можно было получить их только чача через три или четыре. Но, так как мне хотелось в этот день добраться до Ведено и там более или менее солидно основаться, то я попросил нанять для меня какую-нибудь подводу, на которой я мог бы проехать до станции Эрсеной, отстоящей от Шали всего лишь на 7 или 8 верст. На базаре нашелся на мое счастье какой-то фургон и в нем я доехал до Эрсеноевской станции. Местность между Шали и этой стануцией, так-же, как та, которая тянется между Шали и Атагинским аулом, представляет холмистую, пересеченную неглубоки балками степь с редкими деревьями и зарослями кустарников. Из птиц в этой местности я видел щурок (Merops apiaster L.), несколько воронов, серых ворон, хохлатых жаворонков и очень много воробьев. Ни соек, ни сорок в ней мне вовсе не попадалось.

На Эрсеноевской станции я совершенно случайно встретил геолога Г. П. Михайловского, командированного в эту-же часть Кавказа с ученой целью. Мы друг о друге слышали, знали друг друга по различным трудам и потому встретились, как добрые знакомые. Сейчас же нами было решено не только ехать до Ведено и поселиться там вместе, но вместе же предпринять несколько поездок в горы. Для меня эта встреча была очень приятна и я с удовольствие вспоминаю недели две, проведенные с Г. П., очень приятным и веселым собеседником.

Эрсеноевская станция расположена на левом берегу Хулхулау, вблизи того места, где эта речка из гор выходит на плоскость. Около станции находится пост для охран проезжающих по почтовой дороге от падения чеченцев и недалеко от него аул Сержень-юрт. Верстах в двух от станции почтовая дорога, ведущая к Ведено, входит в тесное, узкое ущелье р. Хулхулау. Это ущелье очень красиво. При начале оно окаймляется не особенно высокими горами, но с каждой следующей верстой эти горы делаются выше и выше. Они от подошвы и до самых вершин покрыты густым лесом, в котором с дороги не видно ни одной полянки, ни одной прогалинки. Лес состоит здесь по-преимуществу из высоких, стройных, с красивыми правильными кронами буковых деревьев, между которыми растут кустарники и другие, более низкоствольные древесные породы, как, напр., клен, граб, дуб, яблони, груши, шишки, алыча, боярышник и т. д. Ущелье Хулхулау своим характером и в особенности обилием лесов очень напоминает красивые ущелья западного Кавказа. В нем я совершенно неожиданно встретил в трех местах папоротник-орляк (Pteris aquiline), которым зарастают почти все поляны и опушки лесов в Черноморской и Кутаисской губерниях, а также в западной части Кубанской области. Одно из этих мест, где заросли папоротника-орляка образуют несколько порядочных сплошных круговин, находится при начале ущелье, а два другие уже в самом ущелье, вблизи дороги и верстах в трех от ст. Эрсеной. Встретив папоротник-орляк в этой части Кавказа, я был порядочно удивлен, так как не думал, что он распространяется на восток так далеко. Местность, лежащая к югу и востоку от Эрсеноя, покрыта сплошными лесами, которые тянутся на многие версты. В этих лесах держится гораздо больше зверей, чем в глубине гор. Особенно много здесь диких кабанов. На полях около Эрсеноя в изобилии водятся серые куропатки. Мне говорили, что эти места даже арендуются для охоты одним русским охотником, живущих где-то недалеко от станции.

Из травянистых растений несколько выше Эрсеноя в ущелье Хулхулау начинают уже попадаться некоторые представители горной флоры, напр., Betonica grandiflora, составляющая украшение горных лугов всего Кавказа. Здесь почему-то она спустилась сравнительно низко. Часто встречается с этих местах хвощ (Equisetum Telmateja). Особенно красивыми видами отличается ущелье Хулхулау на протяжении первых верст десяти от Эрсеноя, где высокие горы,

имеющие очень изящные очертания, покрыты сплошными лесами. Выше этих мест ущелье уже заметно изменяет свой характер. На десятой или одиннадцатой версте леса становятся заметно реже, появляются более или менее порядочные пространства, покрытые травой, и, кроме того, открываются почти отвесные кручи, достигающие в некоторых местах высоты сажен в 60 или 70. В геологическом смысле это – обнажение мощных миоценовых пластов, которые состоят из гальки, сцементированной лессовидным суглинком. Подобные обнаружения встречаются кое-где вблизи начала ущелья, но там они почти незаметны за сплошными лесами, не образуют таких толщ и принадлежат, как сообщил мне мой спутник, к плиоценовым образованиям. Приблизительно на половине пути от Эрсеноя до Ведено они сменяются миоценовыми, которые образуют упомянутые мощные отложения. Во многих местах здесь обнаруживаются пласты аспидного сланца, между которыми выступают еще прослойки из плотного желтовато-серого мергелистого сланца.

На полпути между Эрсеноем и Ведено в Хулхулау впадает с левой стороны довольно порядочные речка – Элистанжи, которая вытекает верстах в 40 от этих мест из высоких гор, находящихся вблизи озера Эзень-ам. В нее вливается другая довольно большая речка, получающая начало из хребта Бехечо-лам и упомянутой в первой главе вершины Ален-Джейран-корт. Эти речки принимают в себя еще много других, значительно меньших, а так как все они текут в глубоки балках и ущельях, то местность, окружающая их, имеет в высшей степени пересеченный характер. Через Элистанжи, при впадении ее в Хулхулау, переброшен мостик; около него ущелье несколько расширяется и здесь над дорогой построен пост. Другой такой-же находится верстах в пяти ниже этого. Если эти посты не упразднены до сих пор, то, надо думать, дорога в Ведено и в настоящее время не совсем безопасна.

ЗА мостом ущелье Хулхулау снова сильно съуживается и остается таким на протяжении верст пяти. В этих местах лесов в нем уже не так много и, кроме того, качеством они значительно хуже. Здесь часто попадаются на глаза скалы и громадные отвесные или почти отвесные кручи ч обнажением толстых пластов миоценовой формации. Проехав от самого начала ущелья верст 12, мы встретили первый на этом пространстве и к тому-же очень маленький аул – Ца-Ведень. Верстах в 4 или 5 от него местность неожиданно принимает совершенно иной характер: между Хулхулау и небольшой впадающей в нее с левой стороны речкой Шаудан открывается чудная ровная поляна, имеющая верст 8 в длину и до двух верст в ширину. Она образует незначительный и даже незаметный для глаза уклон к северо-бы узкий и длинный гигантских размеров зеленый язык, вытянувшийся между ущельями упомянутых двух речек и окаймляющими их горами. Эта ровная, чистая и гладкая, как стол, поляна покрытая изумрудно-зеленой травой и раскинувшаяся среди лесов, круч, скал и бесчисленного множества гор, которые окружают ее со всех сторон и тянутся на десятки и даже сотни верст, так сильно отличается от всего окружающего ее, что представляется заброшенной сюда нечаян каким-то чудом. Обе только что упомянутые речки текут лишь немного ниже поляны и потому она ограничивается с боков не особенно углубленными балками; по горы, которые тянутся по другую сторону их, поднимаются уже на целые тянутся по другую сторону их, поднимаются уже на целые тысячи футов над уровнем поляны и красивой зеленой стеной окаймляют ее м боков. На этой чудной поляне, расположенной среди живописных окрестностей стоит слобода или укрепление Ведено, бывшее в течение 14 лет местопребыванием знаменитого Шамиля, имама Чечни и Дагестана, который 25 лет с большим или меньшим успехом боролся против русских. Надо отдать ему должную честь и за то, что он сумел выбрать для своей резиденции такое чудное место, как Ведено.

Путешествие от Эрсеноевской станции до Ведено доставило нам только удовольствие, Здесь на протяжении верст 25 нет ни одного места, где глаз мог бы оторваться от чудных видов на ущелье и окружающие его горы. На всем этом протяжении тянется хорошая шоссейная дорога. В Ведено мы приехали незадолго до захода солнца и очень скоро нашли себе квартиру

в две комнаты. Отдельный домик, который мы заняли, со всех сторон был окружен липами, черешнями, яблонями, розами и другими деревьями и кустарниками. Вся наша улица также была покрыта свежей зеленой травой.

По своему местоположению Ведено существенно отличается от Воздвиженской. Последняя расположена на плоскости, при начале гор или при входе в них; Ведено-же лежит внутри гор и со всех сторон окружено ими. Кроме того, Ведено находится на целуя тысячу футов выше Воздвиженской, а именно на высоте около 730 метр. (2394 ф.) над уровнем моря. Оно имеет чудный климат и отличается более здоровым, свежим и прохладным воздухом, чем Воздвиженская. В июле в девятом часу утра, при пасмурном небе, здесь бывало обыкновенно всего лишь 16^0 или 17^0 Ц. Утром, когда стоит хорошая погода, небо в Ведено часто бывает затянуто густыми серыми облаками, которые окутывают вершины всех высоких гор. Эти облака не служат, однако, как в других местах Кавказа, предвестниками дождя и вообще дурной погоды, так как они к полудню в большинстве случаев расходятся и с этого времени начинает светить яркое солнце, которое не скрывается до самого вечера. Ни одного жаркого дня за время моего пребывание в Ведено не было, а по вечерам часто делалось так прохладно, что приходилось надевать пальто. Осадков выпадет в Ведено средним числом 845 мм., наибольшее количество в июне (158,8) и в июле (151,5 мм.), в наименьшее в феврале (20,1 мм.); число дней с осадками равняется 122. Обилием зелени Ведено напоминает Воздвиженскую, а, может быть, даже превосходит ее, Всюду растут в нем на дворах, улицах и в садах огромные липы, акации, тутовые деревья, а также яблони, груши, вишни, черешни и множество роскошных волошских орехов. Один здешний сад представляет целый лес этих деревьев. На дворах Ведено много цветников, все стены и плетни скрываются в густой зелени роз, повители, хмеля, крапивы и других растений; на улицах всюду растет зеленая трава, а многие дома почти не видны за окружающими их садами и цветниками. В южной стороне слободы есть большой парк, состоящий из крупных и высоких лип, диких черешен и кленов. Ведено, как было уже сказано, окружено горами со всех сторон. Особенно высоки те из них, которые находятся к югу и юго-западу от укрепления. Они поднимаются почти тотчас за крайними дворами Ведено и имеют склоны, покрытые густыми сплошными лесами, а на вершинах их располагаются альпийские луга. Эти горы поднимаются до высоты 5 – 5 ½ тысяч футов и тянутся по левую сторону ущелья Хулхулау. Подобные-же им видны на юго-востоке, на правой стороне ущелья, но они более удалены от слободы. К западу и северо-западу от нее горы значительно ниже и на них находится больше не покрытых лесами мест. С любого места слободы открываются очень красивые виды на все эти горы. Слобода расположена почти по средине длины поляны у западной окраины ее и в нескольких десятках сажен от речки Шаудан, которая течет в покрытой лесами балке на несколько десятков футов ниже слободы. Речка Хулхулау прорезывает долину, на которой стоит Ведено, с юго-востока на северо-запад. В обеих речках хорошо купаться. Если ко всему сказанному о Ведено прибавить еще то, что в нем вовсе нет пыли, почти никогда не бывает ветра, зимы теплы, лихорадок также нет, то станет понятным, что укрепление Ведено могло-бы служить прекрасным дачным местом и отличным курортом для больных.

Первые два дня пребывание в Ведено я употребил на осмотр окрестностей укрепления и отчасти его самого. Ведено было занято русскими в 1859 году т разрушено ими до основания, а позднее укреплено снова. Вокруг него и теперь стоят толстые каменные стены с бойницами и батареями. Они должны были защищать слободу от нападения чеченцев и отчасти лезгин. Часть бывшей крепости занята и в настоящее время: в ней стоит рота пехоты и штук 12 полевых и горных орудий, из которых только одно стальное, более или менее современного типа, прочие-же старинные, бронзовые и, за исключением трех или четырех горных, заряжаются с дула. В конце лета или в начале осени из них производится за слободой стрельба боевыми снарядами, главным образом, вероятно, для того, чтобы чеченцы не забывали, что у русских и в горах есть «зеленая арба», как называют они издавна пушки. Упряжных лошадей, однако,

не имеется при орудиях и они только при помощи солдат могут быть вывозимы на позиции за слободу.

Древесной и кустарной растительностью Ведено сильно напоминает Аргунское ущелье вблизи Воздвиженской, но травянистые растения значительно отличаются. Здесь в диком состоянии растет очень много шишек (Mespilus germanica), яблок, груш, алычи (Prunus divaricate Ledb.), боярышника, орешника (Corylus Avellana). Ольхи, черноольхи, граба, бука и т. д. Дуб попадается, но очень редко. Рододендронов или, точнее, азалей (Azalea pontica), которых я не видел около Воздвиженской, здесь очень много; больше всего растет их по опушкам лесов. Часто встречается жимолость (Lonicera Caprifolium и L. Xylosteum). Из травянистых растений обращает на себя внимание Aruncus silvestris, поднимающаяся аршина на два от земли, Spiraea philipendula, Lysimachia vulgaris, Asperula odorata, Rumex crispus и т. д. Красивого, с огромными колосьями цветов Verbascum, который в изобилии растет около Воздвиженской, нет вовсе. На большой поляне, где расположена слобода, больше всего растет мелкого приземистого клевера (Trifolium repens) и белой крупной ромашки (Chrysanthemum vulgare), которая поднимает свои головки довольно высоко над клевером. Нигде не встречал я это растение в таком огромном количестве, как вокруг Ведено. На многих местах оно растет так густо, что поверхность поляны представляется, когда смотришь на нее вдаль, почти белой. Папоротники встречаются около Ведено тоже в изобилии. На скалах по очень сырым и тенистым местам растет Scolopendrium officinale, Polypodium vulgare, Cystopteris fragilis и Asplenium Trichomanes, Anthyrium felix femina и Struthiopteris germanica. Папоротника-орляка я не видел в ущелье Хулхулау нигде, кроме упомянутых уже мест, находящихся недалеко от Эрсеноевской станции. Так как это единственный из кавказских папоротников, который растет на совершенно открытых местах, то при отсутствии его трава на полянах и опушках лесов в окрестностях Ведено оказывается гораздо более чистой и более пригодной для пастьбы скота и для сена, чем на горах западного Кавказа.

Хулхулау, о которой я не сказал еще почти ни слова, протекает верстах в двух к востоку от Ведено. Она представляет средних размеров горную речку, которая довольно быстро катит свои воды по широкому дну ущелья, заваленному белой известковой галькой и валунами. Самая речка имеет в ширину аршин 30, а дно ее ущелья шагов 100 и более. Во время сильных дождей все оно заливается водой. Над дном ущелья и здесь возвышаются отвесные кручи из мелких камней, сцементированных глиной. Встречаются кое-где и довольно толстые напластования из серого песчаника. Все эти образования принадлежит к третичным; вторичные-же, именно меловые, начинаются, как сообщил мне Г. П. Михайловский, на горах в нескольких верстах к югу от Ведено и там они уже вполне господствуют. Из них состоят все горы верховьев Хулхулау, окрестностей озера Эзень-ам и т. д.; третичных-же образований на них нет. Из известняков меловой формации состоят и те валуны, которыми так щедро усыпано русло Хулхулау; но они, конечно, принесены сюда из более или менее далеких мест. Что касается речки Шаудан, то она течет к юго-западу от слободы, напоминает во всех отношениях Хулхулау, но значительно меньше ее. Шаудан вытекает многими ручьями из ближайших к слободе лесистых гор, тогда как истоки Хулхулау находятся гораздо дальше.

Вечером на второй день пребывание в Веденоя познакомился с большой частью здешней интеллигенции – с помощником окружного начальника А. Н. Добровольским, с двумя артиллерийскими офицерами и т. д. Все они держал себя по отношению ко мне и моему спутнику Г. П. Михайловскому в высшей степени любезно и ежедневно приглашали нас на вечерний чай или ужин. Посетил я также здешнего коренного жителя чеченца поручика Шамиля, который живет на хуторе в двух или трех верстах от слободы. Поездка к нему была интересна в том отношении, что вблизи места, занимаемого его хутором, жил когда-то Шамиль, вождь чеченцев и лезгин. Здесь мне показали место, где стоял его дом, где у него отливали пушки и т. д. Место это, расположенное несколько выше Ведено вблизи опушки леса, в течение 14 лет

было, как я уже говорил, резиденцией имама. На хуторе поручика Шамиля мы встретили старика-чеченца, который был одним из сподвижников Шамиля. Ему в настоящее время уже лет 75. Он хорошо рассказывает про былые времена, любит вспоминать Шамиля, но, к сожалению, разговаривать с ним можно только через переводчика.

Рано утром на следующий день я в сопровождении одного чеченца отправился на горы, возвышающиеся к югу от Ведено, чтобы взглянуть на горные луга этой части Кавказа и познакомиться с их растительностью. Тотчас за хутором Шамиля мы въехали в лес и по нему начали подниматься выше и выше. Дорога местами была так крута, что нам приходилось слезать с лошадей и идти пешком. Чеченцы, однако, ухитряются возить по ней сено, которое косят на горных лугах. Лес состоит здесь преимущественно из деревьев средних размеров. Его нельзя назвать ни хорошим, ни плохим. В размеров. Его нельзя назвать ни хорошим, ни плохим. В нем очень много бука, ясеня, остролистного клена (Acer Platanoides), вяза (Ulmus campestris), липы и граба (Carpinus Betulus). Значительно реже попадаются дуб и различные виды вербы. Как благоприятны климат и почва этих мест для роста леса, можно судить по тому, насколько крупны, сочны и жирны листья и молодые побеги на здешних деревьях, особенно на липах, вязах и ясени. Из кустарников в этих лесах растет бузина (Sambucus nigra), жимолость и азалеи. Папоротник Struthiopteris germanica встречается на каждом шагу и образует сплошные заросли. Часто попадается Anthyrium felix femina и другие. У верхней границы лесов растет много роз с розовыми цветами, рядом с ними азалеи (Azalea pontica). Последних здесь, однако, очень мало. На некоторых кустах азалей были еще полуувядшие желтые цветы. Ни одной сосны, если или пихты, которые составляют красу лесов западного Кавказа и в огромном количестве встречаются на границе их с альпийскими лугами, мы не встретили. Очевидно, их здесь и нет вовсе. Горные луга начинаются сравнительно и невысоко, средним числом на высоте 4 ½ или 5 тыс. фут. Над уровнем моря. Таких пышных цветов и высоких трав и бурьянов, как в Кубанской области, а также в Черноморской и Кутаисской губерниях, здесь тоже нет. Растительность этих горных лугов по своему составу сильно напоминает растительность горных лугов западного Кавказа, но в некоторых отношениях отличается от нее. Здесь растет много истодов (Polygala), гераней, лютиков (Ranunculus polyanthemus), генциан, персидской ромашки (Pyrethrum roseum), клевера (Trifolium repens и T. pretense), часто попадается Alchemilla argentea, Campanula, Lotus corniculatus, Inula glandulosa, Orchis с белыми цветами, Spiraea philipendula и т. д. Но на здешних лугах гораздо реже встречается Betonica grandiflora, почти отсутствуют аконитy, Delphinium, Rumex crispus и совершенно нет чемерицы (Veratrum) – растения, которое встречается, на каждом шагу на горных лугах западного Кавказа. Spiraea philipendula, наоборот, там попадается гораздо реже, чем здесь. Замечу, однако, что белых аконитов растет много в лесу выше Ведено, но на горных лугах я их не видел вовсе.

С вершины Таузень-болу-корт и соседних с ним гор открываются очень красивые виды на множество ущелий, долин, балок и хребтов. Вдали на юго-восток по другую сторону глубокого ущелья Хулхулау хорошо видна шоссейная дорога, которая ведет из Ведено в Ботлих. Делая множество зигзагов и крутых поворотов взад и вперед, она в виде светло-серой ленты поднимается выше и выше на хребет Керкет, а затем переходит через перевал Хагалия (6993 Ф.) и спускается к озеру Эзень-ам. Не менее красив вид на ущелье одного из притоков Хулхулау, именно р. Ахкачу, как назвал мне ее мой проводник. Верховья ее окружены целым амфитеатром гор, с которых спускается множество глубоких балок, расположенных веерообразно. Все эти балки покрыты лесами, состоящими по-преимуществу из бука, а вершины гор, окружающих балки и ущелья, горными лугами. С этих-же мест открывается красивый вид на Ведено. На него и окружающую его поляну приходится смотреть почти с птичьего полета. Говорят, на этих горах русские поставили артиллерию и обстреливали с них Ведено перед штурмом его.

По этим горным лугам я с своим проводником проездил целый день. Мы пробирались почти до аула Зивирхи, расположенного вблизи истоков р. Элистанжи. Мне говорили, что в окрестностях этого аула водится довольно много дичи – серн, медведей, кабанов и диких коз. Местность вокруг него очень гориста, местами труднодоступна, небедна лесом, а также скалами, поэтому могла-бы служить надежным приютом для зверей; но на всех здешних горах так людно, что нельзя проехать по горным лугам одной версты, чтобы не встретить пастуха со стадами скота или какого-нибудь чеченца, идущего в Ведено или один из ближайших аулов. За весь день мы не видели ни одного зверя, хотя я перед заходом солнца, когда дичь выходит из леса на чистые места, обошел порядочное пространство вдоль лесных опушек. Только в двух местах у верхней границы лесов, обращенных к Ведено, мне попались свежие следы медведя. Внутри лесов, впрочем, звериных следов больше. Очевидно, звери здесь очень напуганы и боятся выходить на чистые места или выходят на них только ночью.

На горных лугах вблизи одного заброшенного и никем не обитаемого коша, (аул, хутор) на высоте около 5500 ф. над уровнем моря мы сделали привал. Сюда привлек нас хорошенький родничек и обилие дров в виде старых полуразрушенных плетней и заборов. Здесь мы просидели часа два, напились чаю и дали отдохнуть нашим лошадям. Около этой стоянки было довольно много мелких птиц. Больше всего попадалось нам на глаза обыкновенных и луговых чеканов (Saxicola oenanthe L. и Pratincola rubetra L.), голос которых был слышен отовсюду. Несколько раз пролетали над нами и садились на камнях или плетнях маленькие стайки и отдельные парочки красивых королевских вьюрков (Serinus pusillus Pall.). Довольно много было горных овсянок (Emberiza cia L.); по плетням и крышам полуразвалившихся хижин прыгали горихвостки или черногрудки (Ruticilla ochruros Gm.), белозобые дрозды (Merula torquata L.) и чечевицы или красногрудые воробьи (Carpodacus erythrinus Pall.). Здесь-же я видел одного черного дрозда (Merula merula L.) и краснохвостого сарыча (Buteo Menetriesi Bogd.).

По дороге к горным лугам и вообще в окрестностях Ведено мне попадались кроме упомянутых птиц и другие. На лугах вокруг слободы, а в особенности по опушкам лесов очень часто встречаются дрозды-дерябы (Turdus viscivorus L.); внутри же леса много черных дроздов, обыкновенных синиц (Parus major L.) и крапивников (Troglodytes parvulus L). Белые плиски попадаются на лугах, а в особенности внутри слободы, где они и устраивают свои гнезда. Их можно видеть на каждом дворе и притом очень часто с кормом во рту для своих птенцов. Очень много белых плисок попадается также по берегам речек и ручьев. Здесь же по каменистым берегам бегают и горные плиски (Motacilla boarula L.). Дубоносов (Coccothraustes vulgaris Pall.) много во всех садах, где они снуют преимущественно по вишневым деревьям и питаются косточками вишен. Обыкновенный и луговой чеканы встречаются часто около слободы, черногрудки-же (Ruticilla) здесь не попадались мне. Около Ведено я слышал крик горлиц, перепелов, коростелей и кроме того несколько раз видел ягнятника (Gypaetus barbatus L.), белоголовых грифов (Gyps fulvus Gm.) и коршунов (Milvus ater Gm.). По словам охотников, серых куропаток около Ведено вовсе нет, перепелок очень мало, а вальдшнепов весною и осенью бывает много. Видел я диких голубей (Columba livia Briss.), но их, так же, как и витютней, в этих местах мало, вероятно, вследствие того, что хлебопашество здесь слабо развито. В садах и на дворах часто встречается обыкновенная синичка (Parus major L.), лазаревка (Cyanistes coeruleus L.) и пеночка (вероятно, Phylloscopus trochilus L.), щеглы (Carduelus elegans Steph.) и воробьи, при чем полевой воробей (Passer montanus Briss.) встречается реже, чем домашний (P. Domesticus Briss).

Из млекопитающих в горах, окружающих Ведено, водятся те-же роды и виды, которые встречаются в окрестностях Воздвиженской и Шатоя. Медведи (по-чеченски «ча») живут во всех лесах, и в довольно значительном количестве. То-же можно сказать и о диких свиньях (по-чеченски «хека»). За ними охотятся не только русские, но и чеченцы, которые привозят их в Ведено и продают крупных и жирных кабанов по 7 – 8 рублей за штуку. Летом убивают

их по-преимуществу на кукурузных полях, которые в июле и в августе, когда начинает поспевать кукуруза, приходится тщательно оберегать от нашествие кабанов. Зимою чеченцы стреляют их, выслеживая по снегу. Дикие козы («лу» по-чеченски) водится также во всех лесах и притом в довольно значительном количестве. Олени («сей») уже истреблены в горах, окружающих Ведено. Серны встречаются изредка верстах в 15 от слободы, напр., на горах около аула Зивирхи. Рога и шкуры здешних серн (две пары) я видел у одного полесовщика. Хотя эти рога принадлежали старым экземплярам, но были значительно тоньше и короче, чем рога серн Кубанской обл. Очевидно, в густо населенной Чечне этим животным нет того приволья, какое они, как и их рога, уменьшились в росте. По словам полесовщика, ему ни когда не приходилось видеть в этих местах серн с более развитыми рогами, чем те, которые он мне показывал. Безоаровые козлы в окрестностях Ведено не водятся. Волк («бордз») встречается всюду в лесах, а летом за стадами овец отправляется на горные пастбища. Шакалов около Ведено нет вовсе. Лисиц («цоогол») довольно много в горах и на более низких местах. Попадаются здесь типичные красные лисицы, серые горные и черно-бурого цвета. Очень часто видят серых лисиц около озера Эзень-ам (1869 м. над уровнем моря) и еще выше на окружающих его горах; много лисьих шкур привозят в Ведено из соседних частей Дагестанской области. Лисицы темно-бурого цвета ценятся здесь гораздо выше, чем серые и красные. Барсуки («даам») и дикие кошки («аакацицик») встречаются также довольно часто. Из шкур барсуков мне приходилось несколько раз видеть и чехлы на ружьях чеченцев. Куницы («Салор») водятся в лесах около Ведено и в других местах; за ними охотятся чеченцы, но продают шкурки почему-то гораздо дешевле, чем в Кубанской области, именно по 4 и по 5 руб. за штуку. Речная выдра или порешня встречается повсем речкам окрестностей Ведено и часто добывается по всем речкам окрестностей Ведено и часто добывается чеченцами. За зайцами («паагель») охотятся как русские, так и чеченцы. Последние, в противоположность горцам-магометанам Кубанской области и прочих местностей Терской обл., употребляют мясо зайцев в пищу.

Из Ведено я вместе с Г. П. Михайловским отправился в Дарго. Помимо желания ознакомиться с природой его окрестностей мне хотелось посмотреть на аул и окружающую его местность еще и потому, что мне не раз приходилось слышать о знаменитой даргинской экспедиции и о том ужасном положении, в каком оказался большой русский отряд, состоящий под командой самого наместника Кавказа графа Воронцова, около Дарго летом 1845 года.

Дарго находится на запад от Ведено, отстоит от него по прямой линии всего лишь на одиннадцать верст, по дроге-же расстояние до него равняется приблизительно верстам 16 – 18. Это происходит от того, что по пути к Дарго приходится пересечь и отчасти обогнуть несколько очень глубоких балок. Таким образом, добраться из Ведено в Дарго можно только часов за пять.

Верстах в двух от Ведено мы вброд переправились через Хулхулау, проехали аул Дышны-Ведень, расположенный на правом берегу упомянутой речки, и начали подниматься на гору дорогою, которая шла частью по более или менее открытой местности, частью по лесу. Когда мы поднялись на гребень горы, то перед нашими глазами открылась целая система балок, направляющихся с юга на север и дающих начало р. Гудермес. Все они покрыты лесами. На север от нас тянулись не очень высокие горы, на которых лесов было гораздо меньше, но виднелись чеченские аулы и много хлебных полей. Переезд через эти балки довольно утомителен и неприятен: едва успеешь выбраться из одной, как тотчас-же приходится спускаться в другую и т. д. Спуски и подъемы здесь очень круты, поэтому значительную часть их мы должны были пройти пешком. Особенно длинен и крут спуск за последним истоком речки, на тот хребет, который разделяет верховья Гудермеса и Аксая. С этого хребта также открывается обширную вид на горы, чеченские аулы, представляющие своего рода орлиные гнезда, и знаменитые в истории войны с Шамилем Ичкеринские леса. На некотором протяжении дорога идет вдоль гребня этого хребта, покрытого кустами и редким лесом. Особенно поразило

меня здесь необыкновенное обилие шишек или мушмулы (Mespilus germanica). В некоторых местах лес состоит только из одних их и они окаймляют обе стороны дороги почти на всем ее протяжении.

С этого хребта начинается крутой спуск, который тянется вдоль изрытой глубокими оврагами местности и ведет в долину Аксая. Здесь мы остановились на короткое время, в течение которого мой спутник Г. П. Михайловский нашел в глинистых кручах и наносах много раковин миоценовой формации, особенно мактр (Mactra). Отсюда же открывается вид на Дарго и окружающие его горы.

Перед самым Дарго в глубокой крутой балке течет довольно порядочная речка – один из истоков Аксая. Нам надо было переехать через него и затем подняться на очень крутой уступ, который был уже последним на нашем пути. За ним тотчас-же начинается Дарго. Оно расположено на высоте приблизительно 700 м. (2300 ф.) над уровнем моря на более или менее возвышенном красивом выступе или мысе, который с восточной стороны ограничивается балками не скольких небольших речек, а с западной – долиной упомянутого уже притока Аксая. Над дном последней Дарго возвышается сажен на 20 или на 30, образуя везде очень крутые обрывы. Дарго представляет большой аул, который тянется с севера на юг версты на три. Жилые постройки в нем расположены на значительном расстоянии друг от друга, а между ними тянутся дворы, сады и огороды. Дарго, подобно Ведено, утопает в зелени. Вокруг всех домов, а отчасти и на улицах растут груши, алыча, шишки и особенно много волошских орехов. Они растут почти на каждом дворе и в каждом огороде и в некоторых из них образуют целые рощи. Вдоль улиц, вокруг садов и дворов в некоторых местах тянутся густые живые изгороди из них образуют целые рощи. Вдоль улиц, вокруг садов и дворов в некоторых местах тянутся густые живые изгороди из боярышника и шиповника (Rosa). Жилые постройки в Дарго в общем довольно порядочные и чистые. Некоторые из них имеют покрытые травой земляные крыши, а большая часть – черепичные. Есть немало и довольно красивых домиков. На огородах разводится по-преимуществу кукуруза. Вообще Дарго своим видом произвело на меня хорошее впечатление. Аул окружен со всех сторон не особенно высокими красивыми горами. На юге и особенно на юго-западе они покрыты порядочными лесами, на севере же представляют много открытых мест, по которым разбросаны чеченские аулы и растут небольшие лески и рощи.

В Дарго мы приехали часа три до захода солнца, ходили по садам и огородам, а вечером ушли на окраину аула, желая избавиться от целой толпы чеченцев, которая собралась, чтобы смотреть на нас, как на чудо, в кунацкую помощника аульного старшины, у которого мы остановились. Возвратившись в кунацкую в десятом часу, мы снова застали в ней много любопытных. Говорят, впрочем, что оставлять гостей, по чеченским понятием, неделикатно, – поэтому, может быть, они и толпились около нас; но я уверен, главную роль играло здесь любопытство. Вечером нас угостили ужином супом и курицей, приготовленной с перцем, и притом превкусно. После ужина толпа чеченцев все еще не расходилась, и нам пришлось, наконец, через нашего проводника сказать им, что мы устали после дороги и желаем лечь спать. Замечательно, что в постелях чеченцев не оказалась никаких насекомых, и мы проспали на них до самого утра прекрасно. На следующий день почти с восходом солнца я и Г. П. Михайловский отправились посмотреть еще на памятник убитым воинам, поставленный на том месте, где когда-то русские войска, терпевшие крайний недостаток в снарядах и провизия, были окружены чеченцами и под их выстрелами, раздавшимися в густом лесу из-за каждого дерева и куста, должны были сражаться в течение нескольких дней. Экспедиция в Дарго была задумана, как известно, в очень широких размерах по была задумана, как известно, в очень широких размерах по приказанию императора Николая 1-го только что назначенным на Кавказ наместником графом Воронцовым в 1845 году с целью разрушения Дарго, где у Шамиля был арсенал и склады различных запасов. Целая армия под начальством самого Воронца, приближаясь 6-го июля

к Дарго с южной стороны, должна была на протяжении 6 – 7 верст пробираться по густому лесу, где все дороги были испорчены, перекопаны и перегорожены засеками и множеством завалов. Двигаться по этому лесу и брать завалы приходилось под жестоким огнем войск Шамиля, который причинил русским громадные потери. Только к ночи нашим войскам удалось пройти верст пять и добраться до Дарго, которое было сожжено и уже оставлено Шамилем. В следующие дни в том-же лесу и на той-же поляне русским снова пришлось штурмовать завалы, которые были взяты ими 6-го июля, а по уходе их тотчас возобновлены горцами. Здесь потерпела от жестокого огня чеченцев и лезгин колонны генерал-лейтенанта Клюге-фон- Клугенау, высланная Воронцовым из Дарго для встречи транспорта с провиантом и боевыми припасами. Очень сильно пришлось пострадать русским, пробираясь по узким ущельям, и на дальнейшем пути к северу от Дарго. Общие потери во время этой экспедиции выразилась в 3 генералах, 141 офицере, а вместе с нижними чинами в 3631 человек! Подобных потерь у русских в войне с горцами Кавказа никогда не случалось.

Чтобы попасть к упомянутому месту, оставившему по себе такую печальную память в истории Кавказской войны, мы должны были проехать все Дарго с севера на юг и затем, придерживаясь почти того-же направления, подняться на довольно порядочную гору. Дорога на нее, окруженная с обеих сторон лесом, который успел со времен Шамиля значительно поредеть, выводит на длинную узкую поляну, простирающуюся вдоль притупленного гребня Хребта. Проехав по этой поляне версты полторы, мы добрались до того места, на которое главным образом хотели посмотреть. Оно известно у местных жителей под именем **Ахмет-Ирицоу** и представляет собою луг, покрытый свежей зеленой травой и простирающийся в длину версты на две или на три, а в ширину приблизительно на полверсты. Этой поляной, расположенной на высоте приблизительно 1120 метров (3674 ф.), жители Дарго очень дорожать, как хорошим покосным местом, – поэтому дорогу, которая идет через нее на находящиеся вдали горные пастбища, огораживают с боков плетнями и изгородями. На этом лугу, где также происходила отчаянная битва и были погребены сотни, если не тысячи, убитых, поставлен в высшей степени скромный памятник, состоящий из простого белого каменного креста, врытого в землю в вертикальном положении. Он сделан из обыкновенного известняка или, может быть, доломита и имеет в высоту около 2 ½ аршин. На одной стороне его высечена лаконическая надпись: «6 – 13 июля 1845 г. Куринцы и Кабардинцы павшим товарищам». Под нею находится изображение Георгиевского креста с Георгием Победоносцем, поражающим чудовище. На другой стороне памятника также высечена какая-то арабская надпись. В небольшом расстоянии от него кончается поляна и начинается тот густой лес, в котором русские войска дважды подвергались жестокому огню чеченцев, стрелявших почти в упор из-за завалов и деревьев. С поляны, на которой стоит памятник, открывается обширный вид на горы Чечни, долины, ущелья, на все Ичкеринские леса, которые с непролазной грязью их дорог составляли главный оплот Шамиля в войнах против русских, на множество аулов и на Ведено, которое представляется отсюда светлым пятнышком, окруженным морем лесов. Выше поляны также видны леса, которые образуют сравнительно неширокую полосу, и высокие горы, покрытые альпийскими лугами. С этой стороны подходили к Дарго русские войска и должны были пройти упомянутую полосу лесов. Из древесных пород в них встречаются клен, граб, боярышник и рододендроны (Azalea pontica), растущие по-преимуществу у опушек лесов.

В Дарго и его окрестностях встречается довольно много птиц. На огородах и дворах я видел соек (Garrulus Krinickii Kalen.), много черных дроздов, зябликов, городских ласточек (Hirundo rustica L.), серых мухоловок (Muscicapa grilosa L.), пеночек (Phylloscopus throchilus L.), а за аулом пестрых дятлов (Picus Pelzami Bogd.), дроздов-деряб (Turdus viscivorus L.) и краснохвостых сарычей (Buteo Menetriesi Bogb). Недалеко от поляны, на которой стоит памятникам, я встречал также корольковых вьюрков (Serinus pusillus Pall.) и грязных сипов (Neophron percnopterus L.).

IV. Поездка из Ведено к озеру Эзень-ам. Аул Хорочой. Подъем на хребет Керкет. Перевал Хагалия. Озеро Эзень-ам и его окрестности. Дорога к Ботлиху. Ботлих и его окрестности. Аул Ансалты. Хребет Индой-лам. Аул Будты. Возвратный путь.

Из ведено мною была предпринята еще поездка к знаменитому озеру Эзень-ам, которое лежит на границе Терской области с Дагестанской на высоте более 6000 ф. над уровнем моря, и в Андийский округ Дагестанской области. Кроме меня и Г. П. Михайловского к озеру отправлялись в этот-же день два горных инженера, приехавших в Ведено из Грозного, и два офицера – наших новых знакомых. Так как все они должны были ехать на линейках, а я со своим проводником верхом, то мы двое отправились из Ведено часа на полтора раньше всей прочей компании.

Путь наш проходил по ущелью Хулхулау, вдоль которого проложена шоссейная дорога проложена шоссейная дорога. На протяжении первых восьми верст она тянется левым берегом Хулхулау по самому дну ущелья, покрытому мелкой, приземистой травой. В нескольких шагах от дороги начинается лес, одевающий высокие крутые горы, которые составляют левый склон ущелья. Проехав восемь верст по такой местности, мы добрались до довольно порядочного чеченского аула Хорочой, расположенного на высоте 3326 ф. вблизи того места, где р. Хулхулау образуется из двух речек – Хорочой-эхки и Эри-эхки. Еще в Ведено я слышал много разговоров об ауле Хорочой, в котором скрывался тогда известный во всей этой местности абрек Залим-хан. Он в сообществе 2 – 3 чеченцев несколько раз нападал на проезжающих из Грозного в Ведено или Ботлих и, приставив дуло берданки к груди или голове своей жертвы, принуждал ее под страхом смерти отдать все свои деньги. Таким образом он ограбил одного купца и, как рассказывали мне, спустя некоторое время после этого взял с него выкуп, пообещав никогда больше не беспокоить купца во время его частых поездок за товаром в Грозный. Заплатив дань, купец начал ездить из Ведено во всей стороны и во всякое время суток, не опасаясь уже встречи с **Залим-хана**, а также саклю его брата, у которого буд-то бы Залим-хан часто ночует с тем расчетом, чтобы перед рассветом уйти в лес, где у него есть несколько надежных притонов. Перед моим приездом в Ведено начальствующие лица Терской области приезжали в Хорочой и требовали выдачи Залим-хана, угрожая в случае неисполнения этого требования поставить в аул войска. Не зная, чем все это кончилось, но за время моего пребывания в Грозненском округе (более месяца) Залим-хан выдан не был. Ходил Залим, как сообщил мне мой проводник, хорошо знавший его, всегда с берданкой и револьвером, нося при себе до сотни патронов, чтобы иметь возможность отстреливаться и не продать дешево свою жизнь в том случае, если бы его окружили и пытались изловить. К чести Залим-хана надо отнести то, что он занимаясь грабежом, не совершил ни одного убийства и не пролил ни одной капли крови. Мой проводник находил даже, что Залим-хана не за что судить и наказывать, так как он, будучи человеком бедным, никогда не обижает подобных себе бедняков и отбирает деньги только у богатых.

Около Хорочоя шоссейная дорога переходить на противоположный берег речки и начинает подниматься на гору, возвышающуюся за правым берегом Хорочой-эхки. Здесь, как я уже видел раньше с вершины Таузень-болу-корта, она делает множество изгибов и поворотов, поднимаясь все выше и выше. В начале подъема эту дорогу окружают каменистые места, покрытые бедной растительностью, но дальше она становится все свежее и богаче. На высоте тысяч пяти футов над ур. моря мы встретили здесь уже чудные альпийские луга, усеянные множеством красивых цветов. Несмотря на июль. Особенно пышно растет на этих местах Betonica grandiflora с крупными розовыми цветами, а также генцианы, незабудки, пахучие желтые лилии (Lilium monadelphum). Здесь встречал я и чемерицу (Veratrum album), но не везде, а на некоторых более или менее тенистых местах, на протяжении первой половины, подъема нам попадались островки леса, состоявшего по-преимуществу из березы и рябины, дальше-же леса отсутствуют совершенно и притом на большом пространстве. Горы этой местности состоят

из одних только известняков, имеющих сероватый цвет, сильно выветрившихся и потрескавшихся на всех обнаженных местах.

Верстах в 15 от Ведено на шоссе построена будка, в которой живет сторож, наблюдающий за дорогой. Около нее мы остановились на полчаса, чтобы дать отдохнуть нашим лошадям. Отъехав от этой будки еще верст восемь по дороге, которая и в этих местах извивается змеей, образуя множество зигзагов и поворотов, мы сделали еще остановку, чтобы подождать остальных членов нашей компании или по крайней мере узнать, едут-ли они за нами.

С того места, где дорога на некотором протяжении вытянулась почти в прямую линию, открывается в северную сторону чудный вил на покрытые зеленью верховья Хорочоя, Элистанжи и множество других ущелий, вершин, хребтов и балок Чечни. Прождав здесь с полчаса, я наконец увидел на одном из поворотов шоссе движущуюся темную полоску и, взглянув в бинокль, тотчас узнал линейки наших спутников. Мы поехали дальше, решив подождать ихъ у следующей будки, до которой оставалось еще версты три.

Эта будка расположена, по определению анероидом, на высоте около 1900 м. (6230 ф.) над уровнем моря, окружена альпийскими лугами и отстоит от перевала Хагалия только на 4 версты. Несмотря на большую высоту места, на котором стоит будка, вид с нее не так хорош, как с той части пути, на котором мы останавливались полчаса тому назад. Причиною этого являются ближайшие горы, скрывающие даль. Соседние с будкой вершины, напр., Володам – инци, поднимаются до 7490 футов, следовательно, слишком на 1200 ф. выше места занятого будкой. Надо заметить, что около нее дорога захватывает уже Дагестанскую область, но вблизи озера снова входит в Терскую. Через полчаса после отъезда из будки мы поднялись на высшую точку пути по дороге к озеру, на перевал Хагалия, находящийся на хребте Керкет, который тянется приблизительно с востока на запад и отделяет бассейн Хулхулау и Аргуна от бассейна Андийского Кой —су. Этот перевал имеет высоту, как уже было сказано раньше, 2132 м. или 6903 ф. С него открывается очень красивый вид на юг на горы, окружающие озеро, и на глубокую котловину, в которой оно лежит; если – же пройти от перевала несколько десятков шагов, открывается далеко внизу блестящая темно синяя полоса воды: это длинный северный залив озера. Что касается собственно перевала, то он ничего не представляет. Горы, окружающие его, более или менее пологи, почти сплошь покрыты травой, а небольшие скалы встречаются на них как исключение. Снегов в летнее время нигде вблизи перевала нет. Расстояние от перевала Керкет до озера по прямой линии едва ли превосходит две версты, по шоссе, спускаясь с перевала в глубокую котловину, и здесь делает так много зигзагов, что расстояние до озера увеличивается по крайней мере вдвое. Чтобы миновать эти зигзаги, я отдал лошадь своему проводнику и отправился к озеру почти по прямой линии. Мои сапоги подбитые новыми, острыми швейцарскими гвоздями, дали мне возможность свободно спускаться с самых крутых откосов, – поэтому я сильно опередил всех своих спутников, ехавших на линейках. Часа за два до захода солнца все мы спустились уже к берегу озера, и оно раскинулось перед нашими глазами. Мы остановились на несколько минут, чтобы полюбоваться чудной картиной, а затем отправились дальше. Нам надо было объехать все озеро с правой стороны (западной), чтобы попасть к будке, стоящей у юго-западного конца его, и сделать таким образом по берегу озера еще версты четыре. Дорога здесь извивается над самым озером и в некоторых местах сажень на 25 выше уровня его; на значительном протяжении она высечена в сплошной скале. Ехали мы по ней с большим наслаждением, любуясь озером и окружающими его горами, которые были необыкновенно эффектно освещены лучами заходящего солнца. На конец, за час до наступления вечера мы добрались до будки, проехав от Ведено 43 версты и употребив на дорогу вместе с остановками почти целый день.

Будка, имеющая кроме сеней и кухни еще две комнаты для остановки приезжающих на озеро, удалена от него шагов на 200 и стоит на несколько десятков футов выше уровня озера, который находится на высоте 1869 м. или 6130 ф. над уровнем моря. В будке живет

сторож-чеченцев с женою: у него имеется самовар, чайная и обеденная посуда, подушки и т. д., поэтому здесь можно остановиться и не терпеть недостатка в самом необходимом. Тотчас после приезда мы расположились под открытом небом около будки, чтобы пить чай на свежем воздухе; некоторые из моих спутников хлопотали даже о том, чтобы чайный стол был накрыт не на солнце, а в тени, хотя я и говорил, что высота слишком в 6000 ф. после захода солнца скоро даст себя почувствовать. Действительно, едва только скрылось за горами солнце, как уже многие из нас пожелали перебраться в караулку.

После чая при свете луны мы с наслаждением катились по озеру в лодке. В это время мальчишки-чеченцы успели наловить нам несколько десятков форелей, из которых в тот-же вечер была сварена очень вкусная уха.

На следующее утро мы вместе напились чаю, погуляли около озера часа два, еще покатались на лодке, а затем вся наша компания, кроме меня и моего проводника, отправилась назад в Ведено; я-же остался на озере, чтобы лучше осмотреть его, соседние с ним места и затем ехать дальше, в Андийский округ Дагестанской области.

Утром, при ярком сиянии солнца, озеро Эзень-ам показывалось мне еще более красивым. Лежит оно, как уже было замечено, в очень глубокой котловине, окруженной со всех сторон высокими крутыми горами. Одни из них, например, Азал, находящийся к востоку от озера, поднимается до высоты слишком в 8700 ф., другие, состоящие несколько дальше, своей высотой превосходит 9200 ф. Почти все эти горы покрыты лугами, но далеко не такими пышными, как те, по которым мы проезжали перед перевалом Хагалия. С альпийскими лугами западного Кавказа их даже невозможно сравнивать. Скал на этих горах мало, а лесов и вечных снегов нет вовсе. Вследствие этого, как ни красиво озеро Эзень-ам, все-же оно значительно уступает в этом отношении некоторым другим озерам Кавказа, например, озеру Кели, находящемуся в Душетском уезд Тифлисской губернии на высоте более 10000 фут. над уровнем моря. Все окружающие озеро горы более или менее доступны для человека и почти везде на них пасутся стада баранов и крупного рогатого скота. Хотя мне говорили, что на них попадаются иногда безоаровые козлы, но этому я мало верю. Вода в озере очень чиста, прозрачна, имеет красивый темно-синий цвет и сильно напоминает воду морей, напр., Черного, Мраморного и т. д. Температура ее вблизи берегов в июле в 5 часов утра равнялись 10^0 Ц., а в 4 часа полудни 20^0 Ц. Чеченцы, которых мы застали около озера, говорили мне, что оно очень глубоко, но г. Завадский, измерявший глубину его лотом, нашел, что она, если не ошибаюсь, не превосходит 20 сажен. Эзень-ам имеет неправильную форму и состоит из более широкой юго – западной части и двух заливов. Один из них, более короткий, тянется на восток, другой, более длинный и узкий, почти на север. В этот последний впадает небольшая речка Харсум, через которую мы переехали, приближаясь к озеру. Эта речка вытекает из хребта Керкет и сильно заносит илом северный залив озера. В западный залив его впадает другая маленькая горная речка – Кауха. Они в значительной степени питают озеро, так как в сухое время и после того, когда снег уже стает на горах, в него почти ни откуда не течет вода, кроме этих речек. В некоторых местах дно озера сплошь затягивает Polygonum amphium и Myriophyllum; кроме того в озере растут водоросли. В особенности их много вблизи устьев р. Харсум, где к ним присоединяются различные болотные травы, превращающие это место озера в болото, поверхность которого почти сплошь затянута листьями кувшинок и других водных растений. При беглом осмотре озера Эзень – ам можно подумать, что оно не выпускает из себя воды, но это оказывается несправедливым. К северо – западу от озера, приблизительно в версте или двух от него, в глубокой балке, дно которой лежит ниже уровня озера, из земли бьет огромный родник, тотчас – же превращающийся в целую речку, которая соединяется с другими речками, вытекающими из гор к востоку от озера, и направляется дальше через аул Ансалты к Андийскому Кой – су. Не может быть ни малейшего сомнения в том, что этот родник питается водами озера, которые проникают сюда подземным ходом и пробиваются затем на поверхности земли.

По рассказам сторожа и других чеченцев, уровень воды в озере непостоянен. В конце весны и в начале лета она повышается, а к осени заметно понижается. Кроме того. В некоторые годы наблюдается более сильное колебание уровня воды. Вероятно, это совершается в зависимости от количества снега, выпадающего на горах, которые окружают озеро. Строение берегов, покрытых широкой полосой белых, более или менее обмытых кусков известняка, также указывает на колебание уровня воды в озере. Говоря об озере Эзен – ам, нельзя не коснуться вопроса о наиболее вероятной причины происхождения его. Так как это озеро лежит в глубокой котловине и со всех сторон окружено горами, которые начинаются у самого берега и поднимаются на целые тысячи футов выше уровня его, то можно подумать, что причиной образования озера были вулканическими или тектонические силы, какой-нибудь переворот, сброс, глубокое оседание пластов земли и т. под. Но если присмотреться к тем скалам, которые выступает над покрытыми зеленью склонами гор версты, то нельзя не заметить, что залегание и паде пластов по обеим сторонам озера очень согласованы и однообразны, если не считать незначительных, второстепенных изгибов их. Дислокационные явления выразились здесь только в общем наклоне слоев в одну сторону. Все обнаженные скалы на горах, окружающих озеро, состоят только из осадочных пород известняков, и никаких других, не говоря ужепро изверженные, здесь не оказывается вовсе. Все это доказывает, что происхождение озера должно быть совершенно иным. Без сомнения, прежде на месте озера было обыкновенное ущелье с речкой, протекавшей по дну его, но вблизи теперешнего южного конца озера произошел большой обвал, который завалил самую нижнюю часть ущелья (дно его), перегородил русло речки и запрудил ее. Вода начала мало-по-малу накопляться в этой глубокой котловине и таким образом возникло озеро. Может быть, это случилось даже не особенно давно, в исторические времена; подтверждением этого предположения может служить отчасти чеченский миф о происхождении озера на месте какого-то аула, провалившегося под землю.

По дороге к озеру, а в особенности около него мне попадалось довольно много птиц. Вблизи озера я несколько раз видел альпийских галок (Pyrrhocorax alpinus Wiell.), и клушиц (Fregilus graculus L.). Часто прилетают к озеру маленькими стайками и пьют из него воду дикие голуби (Columba Livia L.). По скалам и кучам камней всюду попадаются корольковые вьюрки (Serinus pusillus Pall.) и особенно много чеканов. Из них чаще всего встречается обыкновенная каменка или чекан-попутчик (Saxicola oenanthe L.), который быстро прыгает по камням, забирается в расселины их или взлетает и ловит в воздухе насекомых. Очень часто встречается здесь и другой вид этого рода – черноухий чекан (Saxicola aurita Temm.). По дорогам и лугам снуют горные овсянки (Emberiza cia L.); здесь-же небольшими стайками летают пестрые снежные вьюрки (Plectrofringilla alpicola Pall.). Вблизи озера я встретил еще несколько штук рогатых жаворонков (Otocoris penicillata Guld.), которые прежде мне почти никогда не попадались. Одного из них я застрелил и снял с него шкурку. На голове у него черные длинны торчащие перья образуют как-бы два рога. Найдены были эти жаворонки на холмистой местности, покрытой низкой травой, и на высоте, превышающей лишь на несколько десятков футов высоту озера. Здесь-же попадались хохлатые жаворонки (Alauda cristata L.) и коноплянки (вероятно, Linota bella Hemp. et Ehrb.). Недалеко от озера я видел еще довольно много белозобых дроздов (Merula torquata L.) стервятников или сипов (Neophron percnopterus L.) и белоголовых грифов (Gyps fulvus Gm.). Последние две птицы в этих местах встречаются вообще довольно часто, а значительно реже их черно-бурый гриф (Vultur monachus L.). Вблизи озера летает довольно много белобрюхих стрижей (Cypselus melba L.).

Все только что упомянутые птицы, за исключением снежных вьюрков и рогатых жаворонков, встречались нам и по дороге к озеру, между Хорочоем и перевалом Хагалия. Горных овсянок и корольковых вьюрков там мы видели даже больше, чем вблизи озера, соек-же в той местности я не встречал вовсе. Завирушки (Accentor) и черногрудки (Rhuticilla) вблизи перевала попадаются довольно часто.

По словам пастухов, на горах, окружающих Эзень-ам, часто встречаются небольшие серые змеи с черными пятнами на спине. Они иногда кусают овец, отчего укушенная часть сильно распухает, животное болеет несколько дней и нередко издыхает. Без сомнения, это гадюки (Vipera berus L.) и, может быть, Renardi Christ., которую я неоднократно встречал на горах. Несколько красивых проворных горных ящериц (Lacerta muralis Laur.) ч встретил по дороге к озеру выше Хорочоя, жаб находил вблизи озера, но лягушек в нем не видел вовсе и не слышал их крика. Из рыб в озере водится только форель. Вечером, сидя в одиночестве на берегу озера, я убедился, как много в нем этой рыбы. Плесканье ее было видно непрерывно во всех направлениях; при этом многие форели выскакивали из воды всем телом, подбрасывая его над поверхностью воды на фут, если не более. Водящаяся к Эзень-аме форель (Salmo fario L.) составляет описанную К. Ф. Кес-слером дагестанскую разновидность речной форели. Большая часть экземпляров, пойманных во время нашего пребывания на озере, имели длину от 7 до 9 дюймов (18—23 сант.); но здесь попадаются, по-преимуществу вдали от берегов, и более крупные экземпляры, хотя, конечно такие, какие описываются некоторыми рыболовами.

Окрестности озера, без сомнения, отличаются очень здоровым климатом. В летнее время здесь всегда бывает более или менее прохладно, а ночью, утром и вечером даже холодно. В июле в 5 часов утра я наблюдал два раза температуру в 9 – 10^0 Ц. Зимою выпадает очень много снега, но во всяком случае гораздо меньше, чем на высоких горах западного Кавказа, – поэтому в караулке, находящейся около озера, сторожа живут в течение всего года. Замерзает озеро довольно поздно, именно в декабре. Вблизи озера сеют хлеба, по-преимуществу ячмень, который здесь довольно хорошо вырезает.

Шоссейная дорога от озера Эзень-ам на Ботлих идет вначале по широкой долине почти прямо на юг и проходит через аул Хой, отстоящий от озера версты на три. Хой расположен почти на такой-же высоте, как озеро. Лесов вокруг него нет вовсе и потому весь он построен из камня. Толстая каменная стена, высотою сажени в 4, с заворотами по обоим концам ее, находится в юго-восточной стороне аула и служила прежде своего рода крепостью. В ауле-же находится высокая четырехугольная каменная башня, также служившая для его защиты. Населен Хой чеченцами, но он представляет уже последний в этой местности чеченский аул. Вблизи него и дальше на склонах ущелья всюду видны камни и скалы, состоящие из известняков. Хой расположен в ущелье маленькой речки, получающей начало близ перевала к Ботлиху. Она течет к западу, впадает в речку, питающуюся озером, и принадлежит, следовательно, бассейну Андийского Кой-су, испаряясь в той жаркой пустынной и почти безводной котловине, в которой лежит Ботлих. Ущелье речки выше аула Хой очень тесно, скалисто и всюду завалено камнями. При воспоминании о нем мне прежде всего представляются камни на каждом шагу, а затем множество порхающих по ним мелких птичек – горных овсянок, корольковых вьюрков, чеканов различных видов (Saxicola oenanthe, S. aurita и S. morio), коноплянок и т. д. Нигде не видел я так много снежных вьюрков, как здесь. Они большими стайками весело летают, купаясь в ярком свете альпийского солнца и сверкая своим блестящим, красивым и очень пестрым оперением. Здесь что попадаются на глаза клушицы (Fregilus graculus L.) и альпийские галки (Pyrhocorax alpinus Wieill).

От Зиберхали на пришлось подняться еще выше, еще раз перебраться через невысокий перевал в хребте, разделяющем ручьи и речки бассейнов Андийского Кой-су и Шаро-Аргуна. Этот перевал имеет в высотк 2273 метр (7455 ф.) над уровнем моря. К северу от него и здесь длинной целью протянулся хребет Индой-лам, имеющий высоту в этих местах от 8 до 8 ½ тысяч футов. Гребень его отстоит от перевала по прямой линии всего версты на три. За этим перевалом начинается уже пологий спуск к Будты, который тянется на протяжении пяти верст.

На переезд от Ботлиха до Будты мы затратили 9 часов, включая в это время и один час, употребленный на отдых перед спуском к Зиберхали, и потому порядочно утомились. Рассто-

яние между обоими упомянутыми пунктами по прямой линии равняется всего лишь верстам 18, но дорога здесь, как и почти везде в горном Дагестане, делает так много зигзагов, что расстояние, определяемое по карте, надо увеличить по крайней мере раза в полтора, если необходимо определить время, которое потребуется на проезд его. Почти за целый день езды мы переместились на расстояние, равняющееся на пятиверстной карте только 2/3 дюйма.

Когда мы добрались до Будты, мой проводник прежде всего начал расспрашивать, где живет отставной офицер Исса. На это нам ответили, что в Будты его нет и что он переселился на хутор, который виден из Будты, отстоит от него версты на полторы и отделяется довольно глубокой балкой. Таким образом, нам надо было ехать еще с полчаса. Когда до хутора оставалось не более версты, мой проводник заметил, что черкеска его, лежавшая на седле, потеряна. Это случилось в то время, когда он перед выездом в Будты слезал с лошади, чтобы отворить ворота, ведущие в аул. Он поехал искать черкеску, а я в ожидании его возвращения расположился на лужайке, с которой открывался хороший вид во все стороны и в особенности на Индой-лам. В это время ко мне пришел один старик, житель Будты, говоривший немного по-русски, и вступил со мною в разговор. Он, между прочим, рассказывал мне, что когда-то вместе с Шамилем воевал против русских, сражался под Дарго, Гербелием и во многих других местах и был неоднократно равен. В доказательство последнего он показал мне на голени большой рубец от пулевой раны. Меня очень удивило его в высшей степени любезное и добродушное отношение ко мне, гяуру и, кроме того, русскому. Во Время нашей беседы явился мой проводник, но без черкески. Она была кем-то найдена и припрятана. Ее выручил на следующий день Исса, очевидно, пользующийся здесь влиянием.

В пятом часу вечера мы были, наконец, в его кунацкой. Исса когда-то служил в Петербурге в конвое, получил там чин, но, возвратившись в свой аул, совсем отрекся от всего, что вносит в жизнь цивилизация. На стене его кунацкой висело офицерское пальто с погонами, но сам он ходил в не крытой материей белой овчинной шубе, и поседевшая борода его была выкрашена очень плохо в мутный черный цвет. Рядом с офицерским пальто висели две берданки, с которыми охотился Исса за сернами и другими зверями, несколько хороших азиатских ружей, а также шашки и кинжалы, обделанные в серебро; но воздух в кунацкой был сильно пропитан особенным специфическим запахом, который так часто чувствуется в азиатских саклях. Мы приехали к Иссе не вовремя: от него на наших глазах только что уехало несколько человек гостей, проживших здесь дня три, и, кроме того, в предыдущие дни он был болен и не успел еще понравиться. Особенно опечалить меня разговор с ним об охоте. Исса сообщил, что в соседних с Будты местах водятся дикие козы (косули), в доказательство чего показал ветвистые рожки убитого им козла, изредка попадаются серны и вовсе нет интересовавшего меня безоарового козла. Не встречается он, по словам Иссы, и около Киру, где водился еще недавно. Терять время и, может быть, безрезультатно на охоту за козами или сернами мне было интересно, так как за этой дичью я мог поохотиться при гораздо лучших условиях в Кубанской области, отправляться-же в Хуланды, где как сообщил мне охотник, водится много безоаровых козлов и употребил на это еще по крайней мере неделю, мне неудобно было по многим причинам, – поэтому попытку поохотиться за безоаровыми козлами пришлось отложить до более удобного времени. Возможно, впрочем, что Исса несколько преувеличивал, рассказывая о бедности дичью окрестностей Будты, так как ему после болезни, вероятно, не особенно хотелось отправляться с нами на охоту. С самого начала разговора он выразил сомнение в том, что я могу лазать по таким высоким и труднодоступных местам, на которых водятся для такой охоты и т. д. Но, когда я ему сказал, что охочусь за сернами ежегодно и убил их несколько десятков, показал ему охотничьи штиблеты, каких он никогда не видал, то он снова начал разговор о бедности дичью.

Остаток дня я употребил на осмотр ближайших окрестностей Будты и хутора, на котором мы остановились. Места эти очень красивы и сплошь покрыты зеленью. Будты представляет

небольшой аул, расположенный на левой стороне долины и почти у самых верховьев одной небольшой речки, впадающей в Шаро-Аргун. Эта долина простирается с востока на запад. С южной стороны ее тянется довольно высокий хребет, покрытый в восточной части альпийскими лугами, а в западной густым мелким березовым лесом. Это первый на нашем пути после отъезда из Ведено сплошной и занимающий более или менее обширное пространство лес. Над ним возвышается еще ряд зубчатых остроконечных вершин. С северной стороны той-же долины тянется другой хребет, именно Индой-лам. Южный склон его, обращенный к Будты, совершенно безлесен, но покрыт горными лугами до самого гребня. Кроме того, более пологие места его распаханы и засеяны хлебом. Недалеко от Будты на этом хребте находится много очень высоких обривыстых скал, на которых до сих пор изредка попадаются серны. Исса рассказывал мне, что за несколько дней до моего приезда в Будты он видел на этих скалах самку-серну, с маленьким козленком, но не хотел стрелять ее, чтобы не обрекать на верную смерть слабого и беззащитного козленка.

Перед вечером погода, все время благоприятствовавшая нам, как будто бы начала портиться. Все небо, которое было видно из Будты, покрылось густыми облаками; темные клубы их сначала окутали все вершины гор, а затем начали спускаться ниже и ниже. Эти облака не расходилось в течение всей ночи, а перед восходом солнца сделались еще более а перед восходом солнца сделались еще более темными и густыми. Оставаться в Будты мне ужасно не хотелось, а о вторичном ночлеге в той же кунацкой я думал даже со страхом и не один раз вспоминал свою палатку, в которой хотя и бывало по временам холодно и сыро, но зато всегда можно было дышать чистым и свежим воздухом. Еще с вечера я решил ехать из Будты на следующий день как модно раньше, чтобы воспользоваться утренними часами, более надежными в отношении погоды. Исса, впрочем, уверял, что тучи, которые устрашали меня, не предвещают дождя и что погода не помещает нам ехать; но я отчасти заподозрил искренность его слов, думая, не желает ли он скорее избавиться от гостей, которые ему, еще не успевшему выздороветь, были, вероятно, в тягость. Рано утром мы послали за свои лошадями, наскоро дорогой, да еще через такие места, как окрестности Ботлиха, мне не хотелось, поэтому я решил перебраться через Индой-лам немного восточнее Будты и новой дорогой выехать на Эзень-ам выбрали ближайший, хотя и более высокий.

Первые полчаса нам надо было ехать на восток по знакомой уже долине, а затем круто повернуть на север. Тотчас за этим поворотом начинался очень крутой подъем на Индой-лам. Большую часть его мы принуждены были пройти пешком и употребили на это целый час. Таким образом, ровно в семь с половиной часов утра мы попали на гребень Индой-лама, на высоту, по моему приблизительному определению, в 2600 м. (8525 ф.) над уровнем моря. Так как мой проводник знал эту дорогу плохо, то я очень боялся, чтобы туман и вообще непогода не застала нас на Индой-ламе; поэтому я все время шел очень быстро и сильно вспотел; в это же время дул такой холодный ветер, который насквозь пронизывал мое платье и леденил тело. На гребне хребта ветер был еще сильнее, поэтому я не мог пробыть там более пяти минут, в течение которых едва успел достать свой анероид и записать показание его. Над перевалом тогда неслась туча, но вдали, на юго-западе было видно темно-синее небо и на нем чудно обрисовывался белоснежный Пирикительский хребет. Особенно красив был самый восточный пик его – Диклос-мта (14030 ф.), представлявший тонкую острую пирамиду, с которой спускался большой глетчер. На запад от Диклос-мта тянулся еще целый ряд вершин, украшенных вечными снегами и ледниками. Подпись: ***Н. Я. Динник.*** г. Ставрополь.

«Общинные кузнецы в Чечне»

«Ежегодник кавказского горного общества в гор. Пятигорске». №2. Под редакцией секретаря общества Товарища (заместителя) Председателя И. И. Медведкова. Пятигорск. 1908 год.

С именем Кавказа соединено много древнейших преданий азиатских и европейских народов. Его история связана с историей всего человечества. В его пределах живет много племен, совершенно отличных по языку, типу и культуре, о происхождении которых наука еще не сказала своего последнего слова. Жизнь этих племен представляет много особенностей, возбуждающих высокий научный интерес, изучение которых может пролить свет на многие еще неразрешенные вопросы. К числу таких особенностей можно отнести общинных кузнецов, которых я встретил в горной Чечне, в пределах 6-го участка Грозненского округа; встречаются они и в некоторых местностях соседних 5-го и 7-го участков. Земледельческое население всегда имеет нужду в хорошем кузнеце, для исправного содержание своего инвентаря с железными частями. Между тем, за недостатком вольнопрактикующих кузнецов, в горной Чечне нередки случаи, когда некому отдать в починку сломавшегося плуга или косы в самый разгар полевых работ. Во избежание таких случаев некоторые горные сельские общины наминают годовых общинных кузнецов, которые обязуются исполнять работы для всех членов данной общины бесплатно. Наем производится так. В начале каждого года сельское общество вызывает желающих занять место вызывает желающих занять место общинного кузнеца. Если является несколько кузнецов, то устраивается нечто в роде торгов: общество объявляет свои нормальные условия и конкуренты-кузнецы вступают между собою в соревнование, предлагая с своей стороны всевозможные уступки в пользу сельского общества. Обыкновенно, место остается за тем кузнецом, который предложит наиболее выгодные для общества условия; но так бывает не всегда: общество принимает во внимание качество работы каждого кузнеца и нередко торги оканчиваются в пользу более дорогих мастеров, если они пользуются в народе популярностью, как более искусные или более добросовестные, чем их конкуренты. Затем с кузнецом, за которым останутся торги, общество заключает формальные договор и выдает ему общественный приговор с точным обозначением обязательств, принятых тою и другою стороной. Условия, которые можно назвать нормальными, между сельскими обществами и кузнецами заключаются в следующем. Кузнец обязан круглый год работать на всех членов сельского общества, делая все, что от него потребуют и что он умеет делать. Средний кузнец делает плуги, косы, серпы, топоры, подковы, ножницы для стрижки овец, гвозди и разные предметы домашнего обихода, каковы: щипцы, ножи, цепи для очага, таганы, совки, пулелейки и т. п., а также кует лошадей и починяет сломанные железные вещи. Для исполнения этих работ кузнец должен иметь свою кузницу со всей необходимой обстановкой, которая обыкновенно заключается в следующем: горно с мехом, наковальня, три молотка, трое щипцов, точило, два зубила, сверло и некоторые мелки инструменты, обыкновенно собственного изделия. Сельское общество, с своей стороны, обязуется отвести под кузницу пай земли из общественного надела, предоставить ему право выпаса крупного и мелкого скота, без ограничения количества, на общественном выгоне, освободить его от всех натуральных повинностей и кроме того выплатить ему хлебом – по 2 меры (четверика) кукурузы или деньгами по 50 коп с каждого двора; крупный скот кузнец имеет право выгонять в общественный табун под надзор общественного пастуха, а для мелкого скота должен иметь своего пастуха. От этого основного типа взаимных обязательств между сельскими обществами и общинными кузнецами встречается много отклонений в зависимости, главным образом, от величины сельского общества, но также и от других условий. В больших селениях, имеющих значение местных торговых и промышленных центров, где кузнец может найти частные заработки, вознаграждение его опускается иногда до одной меры кукурузы; наоборот, в небольших глухих селениях оно увеличивается и видоизменяется, так как

во многих горных селениях кукуруза совсем не растет. Для того, чтобы дать боле определенное понятие об отклонениях и видоизменениях нормальных обязательств сельских обществ по отношению к общинным кузнецам, приведу следующие примеры: в сел. Итун-Кале кузнец получает по 2 меры с каждого двора всякого хлеба, какой только сеяла семья; в сел. Хорочой каждый член общества, помимо обычной годовой платы хлебом, обязан кормить кузнеца во все время исполнения заказанной ему работы; в сел. Хангихой кузнец получает по одно мерке хлеба, одному возу и одной копне сена. Небольшие сельские общества для содержания кузнеца соединяются вместе, облегчая таким образом тяжесть мирской раскладки для каждого отдельного домохозяина. Существование описанных вариантов получаемого кузнецами вознаграждение является продуктом не случайного стечения обстоятельств, а известной системы, при помощи которой народ регулирует, с одной стороны, годовой заработок каждого кузнеца; а с другой, количество обязательной для него работы. Установленная вековою практикой норма выражается так: годовой заработок кузнеца в переводе на деньги колеблется между 60 и 65 руб., число же дворов, на некоторые он обязан работать, между 100 и 120. Поэтому, если данное сельское общество не имеет достаточно пахотной земли и поэтому не может выплатить кузнецу нормальное вознаграждение хлебом, на помощь являются сено, дрова и проч.; если же селение не велико, то оно соединяется с другим селением, чтобы довести число дворов до 10 – 120, и только при невозможности соединения прибегает к увеличению мирской раскладки. Помимо мирского раскладочного сбора деньгами и хлебом со всех членов сельской общины, общинные кузнецы от каждого отдельного клиента получают: материал для работы (железо), топливо для горна (уголь) и рабочего на все время исполнения заказа. В некоторых селениях заказчики кроме того обязаны кормить кузнеца во время работы, но в большинстве селений это обязательство в договорах не предусматривается; однако обычай требует, чтобы заказчик вместе с работой принес кузнецу хлеба, сыру, курицу, несколько яиц или, вообще, что нибудь съестное, при чем количество пищи обыкновенно соразмеряется с продолжительностью работы. Обязанности рабочего исполняет обыкновенно сам заказчик: он раздувает мех, носит воду и, вообще, помогает кузнецу в работе. Уголь заказчики выжигают сами, а железо покупают на ближайших рынках по 8 – 9 коп. фунт. Сбор вознаграждение (кукурузы) с каждого двора производит сам кузнец; сельские власти никакого посредничества между ними и членами сельского общества принимать на себя не обязаны. Обыкновенно, каждый двор все свои обязательства перед кузнецом выполняет исправно, и только крайние бедняки, да случайно впавшие в несчастие, которые не в состоянии выплатить кузнецу причитающийся с них сбор, по необходимости бывают не исправными. По установившемуся обычаю, кузнецы сами освобождают вдов, сирот и др. бедных членов сельского общества от взноса основной платы. Правом на труд общинного кузнеца члены общины пользуются по очереди: кто раньше принес работу, какова бы она не была, тот и располагает всецело трудом кузнеца, пока принесенная ему работа будет совершенно окончена. Право очереди соблюдается очень строго; если даже у кого нибудь случится неотложная нужда в кузнеце, например, для починки какого нибудь земледельческого орудия, сломанного в разгар полевых работ, он терпеливо ждет, пока кузнец окончит все поступившие к нему раньше заказы, хотя бы то были какие нибудь пустячные, мало необходимые вещи, вроде пулелеек. Только сам заказчик может уступить право своей очереди более нуждающемуся, как это и бывает всеми членами общины, что никто, как бы не была велика его нужда, не позволяет себе просить об уступке очереди, и если такая уступка совершается, то обыкновенно по предложению того, кому в данный момент принадлежит очередь. В то время, как каждый отдельно член сельской общины имеет право на бесплатный труд кузнеца, вся община в целом своем составе таким правом не пользуется. Так, например, если потребуется какая нибудь кузнечная работа для кого нибудь общественного здания или сооружение, каковы: мечети, мосты и т. п., то община всякий раз выходит с кузнецом в особое соглашение и платит ему за роботу из общественных сумм. Частные заказы общинный кузнец

может принимать только в свободное от своих прямых обязанностей время. Так как свободного времени у него почти никогда не бывает, то и частных заработков он почти никогда не бывает, то и частных заработков он почти не имеет. Да и в свободное время общинные кузнецы принимают частные заказы очень неохотно, во избежание недоразумений с заказчиками; может случиться, что так только кузнец примется за частную работу, к нему явится член общины с своим заказом, и кузнец должен будет оставить начатую работу, чтобы немедленно удовлетворить пришедшего. Помимо возможных вследствие этого недоразумений с частным заказчиком, кузнец в таком положении рискует потерять и затраченный труд и материал. Больше всего работы у кузнецов весной и меньше всего – зимой. В период затишья в работе кузнецы пользуются правом отпуска на заработки в другие места, но не иначе, как с разрешение сельского схода и на срок, точно определенный тем же сходом. Мне остается сказать об ответственности общинных кузнецов перед сельским обществом за исполняемые ими работы. Никакой ответственности ни личной, ни материальной они на себя не принимают. Случается, что заказчик остается недоволен работой кузнеца; случается и так, что кузнец действительно испортить переданный ему заказчиком материал; но все возникающие в таких случаях пререкания разрешаются исключительно путем полюбовного соглашение разрешаются исключительно путем полюбовного соглашение между кузнецом и заказчиком, а общество в дело не вмешивается. Такой порядок объясняется тем, что общество не должно знать, какого кузнеца оно напоминает, а кузнец в свою очередь должен помнить, что его дальнейшая карьера почти всецело будет зависеть от того, насколько им останется довольно общество. При таких условиях понятно, что, в случае недоразумений, обе стороны охотно идут на уступки и дело обыкновенно улаживает к обоюдному удовольствию. Подпись: ***Г. Вертепов***.

«Поездка в Чечню». В. А. Авие

«Исторический вестник» журнал. Январь, 1910 год.

В жаркий июньский день, гуляя по запылившемуся уже владикавказскому бульвару, я, изнывая от жары, размышлял о том, куда бы мне отправиться, чтобы хотя на время избавить себя от всех неприятностей летней городской жизни. Навстречу мне шла знакомая толстая фигура ф офицерском кителе. Какими судьбами? Что вы здесь делаете? – спросил я, узнав своего старого приятеля С., удивившись и обрадовавшись встрече с этим в высшей степени милым человеком. Я знал, что он служит уже третий год в укреплении Шатой (Грозненского округа Терской области) начальником участка ил приставом, как у нас называется эта должность. – Я-то? Я по делам вызван к начальнику области, – отвечал он, крепко пожимая мне руку: – а вот вы что делаете в такую жару в городе? Вы ведь всегда летом удираете куда нибудь ins grüne. Узнав, что я и собираюсь ins grüne, но только еще не решил, куда направить стопы своя, он радостно воскликнул: Так чего же лучше! Поедемте к нам в Шатой. Там у нас теперь чистая благодать, рай земной, не то, что тут у вас городе. Я завтра кончаю дела и послезавтра выеду. Махнемте со мною! Пробудете, сколько поживется, и увидите, что не раскаетесь; а семья моя будет вам очень рада. Судьба сама поднесла мне решение занимавшего меня вопроса; предложение мне понравилось, и мы условились с С. встретиться послезавтра в восемь часов утра на вокзале, чтобы ехать вместе. Предстояло часа четыре езды по железной дороге до Грозного, а оттуда мой приятель должен был довезти меня остающиеся до Шатоя 50 верст на бывшей в его распоряжении земской перекладной, которая ждала его в Грозном. Уложив небольшой чемодан, я аккуратно явился к поездку в назначенное время и застал. С. уже сидящим в вагоне. Промелькнула мимо окон купе пригородная слободка, дымящиеся трубы алагирского свинцового завода, тенистое военное кладбище, и поезд вошел в густую аллею акаций, которую образуют по обе стороны пути живые изгороди подгородных садов. На утреннем солнце ярко сверкает видная как на ладони цепь гор с снеговыми вершинами, круто обрывающаяся у Владикавказа. Кругом за садами расстилаются на необозримое пространство картофельные и подсолнечные плантации, изредка прорезанные полосами пшеницы и кукурузы. До Беслана, первой от Владикавказа станции, путь идет под гору, и мы пролетаем эти 20 верст, как вихрь. От Беслана поезд круто поворачивает на восток, и теперь сияющие на голубом небе горная цепь с лесистыми зелеными подножиями сопровождает нас уже с правой стороны. Дорога до Грозного скучная. Поезд летит все время по волнистой глинистой степи, поросшей какими-то серо-лиловыми колючками; вся земля истоптана бродящими тут стадами баранов, которые каким-то образом находят себе здесь пропитание. Иногда на холме видишь неподвижную фигуру пастуха в бурке, с длинною палкою в руках, около него дремлет собака с коротко обрезанными, по местному обычаю, ушами. По всему протяжению пути разбросаны посты казаков и местной милиции, охраняющие дорогу от ингушей. Но вот, наконец, глаз может отдохнуть от скучного однообразие вида: поезд подходит к станции Серноводск, за которой широко и вольно раскинулась казачья станицы Михайловская, славящаяся горячими серными ключами. Это единственный оазис в просторной унылой степи. Станица утопает в зелени садов и рощ; около чистеньких, белых, большею частью крытых соломою хат вздымаются, как минареты, пирамидальные тополи среди куп фруктовых деревьев. Между сероватою листвою дуплистых столетних верб сверкает уходящая вдаль река Сунжа. В Михайловскую станицу летом съезжаются из окрестностей больные ревматизмами и накожными болезнями из таких, которые находят наши пятигорские воды себе не по карману. Серные воды станицы несколько не слабее пятигорских; температура их так высока, что в ключе, бьющем из-под земли, можно сварить яйцо, и зимой вся станица дымится от горячего пара, выходящего из почвы. Здесь есть и доктора, и аптека, и ванное заведение, но все это, конечно, много попроще и подешевле курортных. Жить приходится в простой каза-

чьей хате и, уж само собою разумеется, петь ни музыки, ни оперетки. Дешевизна и простота жизни привлекают многих, и летом здесь бывает иногда порядочный съезд. Грозный виден с дороги издалека, благодаря окружающим его нефтяным вышкам и колоссальным железным нефтеналивным бакам, выкрашенным в яркую белую или красную краску. Подъезжая, уже за несколько верст слышишь запах нефти; земля местами совершенно голая и чернеет, как перегоревший навоз. Поезд по залитым нефтью путям, уставленным вагонами-цистернами, подкатывает к вокзалу. Обширное здание со множеством мастерских окружено чахлыми акациями. В небольшом, но приличном буфете полно народу; нам с С. подают отличный обед, который мы наскоро съедаем. Ну, едемте, готово, – говорит мне С., который выходил после обеда, чтобы узнать насчет лошадей. У заднего крыльца вокзала, среди обычной сутолоки извозчиков, носильщиков и дрогалей, стоит высокая зеленая телека, запряженная тройкой бойких светло-желтых лошадок, с чеченцем-ямщиком на козлах. Мы сдадимся на веревочный переплет тележки, устланные сеном, носильщик втискивает нам под ноги наш несложный багаж, и тройка, весело гремя и звеня сбруей и бубенчиками, с места мчит нас по грозненским улицам через весь горов. Но что это за город? Он похож на оборванца, который надел бы фрак и цилиндр сверх своих грязных лохмотьев. Немощеные улицы, крошечные, грязные хатки, тонущие в грязи своих дворов, полных навозной жижи и какой-то рухляди. А рядом «стилизованные» новенькие дома, двухэтажные гостиницы с раззолоченными вывесками, шикарные магазины и так называемый «городской сад» с яркими коленкоровыми фонарями у входа. Тройка мчит нас по полуразвалившемуся, дребезжащему деревянному мосту через Сунжу; в темно-желтой, густой, как шоколад, воде ее полощутся голые тела обывателей, ищущих прохлады. Базарная площадь, затянутая зеленой тиной, пуста, и наш бойкий, как и его лошадки, ямщик летит через нее прямо без дороги, нисколько не смущаясь тем, что колеса переезжают через толстую свинью, барахтающуюся в зеленой луже. Свинья с отчаянным визгом, прихрамывая, выскакивает из лужи, а перекладная наша, подпрыгнув на неожиданном препятствии, летит дальше, обдав нас зеленой грязью из-под колес. Но вот мы и за городом. На много верст перед нами бесконечные кукурузные и просяные поля и бахчи с незрелыми еще арбузами и дынями. По межам и полянкам благоухают кусты цветущего шиповника и боярышника; впереди, еще далеко, вздымаются горы, покрытые доверху прекрасным старым лесом. Звон бубенчиков, мерная тряска экипажа, легкий, душистый ветерок и полуденное жужжание насекомых навевают спокойное созерцательное настроение. Дорога пустынна, только изредка попадается телега воздвиженского слобожанина, едущего в город, или верховой чеченец, одетый в тяжелую бурку и папаху, несмотря на горячее июньские солнце. (Горцы уверяют, что в бурке прохладнее. Потому что солнце не пропекает сквозь толстый войлок; может быть, они и правы, но на них даже смотреть жарко летом). Ярко зеленеет под солнечными лучами широкая равнина, и крепкие лошадки все так же мчат нас, все ближе и ближе к горам, до самой слободы Воздвиженской, которая приютилась у склона гор в 25 верстах от Грозного. На грязной земской станции нам быстро перепрягают лошадей, и я успеваю рассмотреть только ряды домиков с крылечками, осененными старыми деревьями, большое здание военного собрание, ничем не огороженный липовый бульвар да множество деревянных будочек и колод здешнего водопровода. На выезде из слободы тянутся длинные кирпичные казармы расположенных здесь войск. За слободой дорога наша врезывается в густой лес с открывающимися кое-где цветущими полянками и скоро начинает подыматься по склону горы. Вот она забралась уже довольно высоко и вползает на мост, перекинутый через широко разливающийся на просторе, только что вырвавшийся из теснины гор, Аргун. На берегу водяная лесопильня, заваленная кругом досками и бревнами, жужжит своими колесами. Прогремев помосту, тройка бодро выносит нас на горку, пролетает мимо милиционерского поста, и через несколько минут мы в глубоком, полном тени и прохлады, ущелье, на дне которого шумит вода. Справа и слева ползет по городам до самой вершины густой, непроходимый, весь пере-

плетавшийся ветвями лес. У самой дороги, выбитой по отвесному склону, из желтой глины и камня торчат искривленные корни деревьев. Узкое шоссе без всякого барьера, кроме кустов, цепляющихся за края обрыва, все поднимается вверх, делая неожиданные повороты, И Аргун уходит от нас все глубже и глубже. Теперь видно только на заворотах дороги сквозь деревья, как он катит внизу свои черные воды в узкой каменистой щели на пятидесятисаженной глубине. Запах цветущего шиповника и бузины, лесной сырости и землянки, выглядывающей из-под перистых листьев папоротника, смешивается с прохладной, влажной струей воздуха, бьющей прямо в лицо снизу, из трещины Аргуна. Могучие ветви навесом спускаются с висящих над дорогою скал, из обрыва выглядывают завитые хмелем верхушки деревьев, сбегающих по отвесу до самого русла реки. Все новые и новые красоты раскрывает ущелье, и хочется вечно ехать так в этой темной, зеленой тени и смотреть, слушая шепот векового леса, глухой плеск и рокот воды. Мой приятель, убаюканный ездою и давно привычный к этим, новым для меня, волшебным картинам, дремлет почти всю дорогу. Но вдруг навстречу нам из-за поворота выезжает кучка верховых чеченцев, вооруженных с ног до головы. Ямщик с оживленным лицом оборачивается к нам с козел. Смотрите, капитан! – громко восклицает он. Мой капитан вздрагивает со сна, и, открыв глаза, тоже оживляется. Куда едете? Зачем? – спрашивает он беспокойно и строго. Не беспокойтесь, капитан, – улыбаясь и кланяясь отвечают ему чеченцы. – Это мы родственника одного провожаем. У него, знаете, кровник есть, так ему нельзя одному ездить. Капитан успокаивается опять мирно засыпает, и я опять в одиночестве любуюсь дорогой. Местами ущелье вдруг расширяется, показывается полянка, засеянная кукурузной, с приютившейся у подножия горы огороженной усадьбой какого-нибудь чеченца. Коровы пасутся возле, куры бродят по траве, на плетеном заборе чеченка развешивает свое тряпье; и странно видеть эту жизнь в таком диком и уединенном месте. На одной из таких полян стоит летнее помещение воздвиженской школы лесоводства. На повороте раскинулось большое здание, окруженное живою изгородью; ученики, молодые люди, которые готовятся здесь на должности лесных кондукторов, работают за оградой своего образцового питомника. Побросав лопаты и грабли, они бегут к изгороди, чтобы посмотреть на редких в этой глуши проезжих. Дальше и выше вьется дорога, и тройка наша должна умерить свою скорость. Когда лошади, кажется, уже выбиваются из сил, подъем вдруг кончается, и мы несколько верст едем на страшной высоте, но уже по ровной дороге. Шоссе местами пересекается каменными лотками для стока бегущей с гор из каждой трещины воды, которая во время дождей образует целые водопады. Скоро горы раздвигаются, расступается просторнее лес, Аргун отходит правее, и широкая, берсты в две, долина, ярко-зеленая, покрытая низкой травой, вся идущая уступами, точно ступеньками, слева направо, открывается взорам. Впереди на пригорке виднеется белый домик с красною крышей и балконом; с пригорка сбегают к дороге кусты, к столбикам балкона привязаны лошади: это милиционерский пост, охраняющий въезд в шатой. Недалеко за ним уже видны большие красные ворота и каменная с бойницами стена укрепления. Ворота раскрыты настежь; тройка наша легко влетает в них, звеня бубенчиками, поворачивает через несколько шагов налево в другие ворота и проскакав по обширной зеленой площади усаженной группами деревьев, мы подкатываем к длинному, окруженному палисадником и старыми липами дому с балконом. Здесь казеная квартира начальника Шатоевского участка, и в ней помещается теперь мой приятель с семьей.

Шатой – маленькое укрепление в горах Терской области, прилепившееся к подножию зеленого лесистого Хайкалама, на высоком и широком плато, спускающемся уступами с одной стороны к Аргуну, а с другой стороны к впадающей в него речке Вердеахь. Шатой весь обнесен толстою стеною с развалившимися башенками по углам, и построен когда-то для защиты округа на случай восстания горцев. Теперь это укрепление на половину утратило свое значение. Лет пятьдесят тому назад там стоял Навагинский полк, а впоследствии линейный батальон, потом упраздненный. От тех времен сохранились там казармы и военная церковь,

совершенно подобная Линейной церкви, выстроенной во Владикавказе на пожертвованные солдатами Навагинского полка серебряные рубли, полученные ими в подарок от государя Александра II во время посещения им Кавказа еще в бытность его наследником. Строил обе эти церкви известный когда-то тех местах священник Мамврийский, который жил до 100 лет и до самой смерти ходил мешком из Грозного во Владикавказ, не признавая другого способа передвижения. В настоящее время в пределах Шатоевского укрепления помещается рота крепостной артиллерии, снабженная какими-то старыми медными пушками, вряд ли могущими кого-нибудь испугать; рота пехоты, лазарет, упомянутая уже церковь, густо обсаженная деревьями, да одна улица домиков – квартир служащих здесь офицеров и чиновников. Большой дом начальника участка стоит отдельно под горою, на которой лепятся артиллерийские казармы, и окружен еще, вместе с большою площадью, особой стеной. В этой цитадели бьет из-под горы толстой струею родник, обделанный каменными плитами, снабжающий водою весь Шатой. Перед балконом дома группа старых деревьев густо сплетает свои толстые ветви; под ними журчит ручей, вытекающий из родника. За стеною крепости раскинулась на углу плато собственно слобода Шатой, не большое селение русских, преимущественно отставных солдат, перемешавшихся теперь с чеченцами. Несколько лавочек с ситцами и дешевой посудой, пекарня, мясная лавка десятка три домов составляют все селение, тонущее во фруктовых садах. За селением растянулись кукурузные поля; по окружающим Шатой горам лежат селения Цугуной, Вашендерой, Барзой и другие, составляющие Шатоевский участок. При въезде в укрепление, у самых ворот, прилепившись к внутренней стороне стены, стоит тюрьма или арестный дом, куда С. сажает своею властью провинившихся чеченцев. Более важные преступники сидят за железными решетками впредь до того, как их отправляют под конвоем в грозненский тюремный замок. При мне сидеть там один «кровник», зарезавший из мести за убитого родственника целую семью. С бритой головой он расхаживал целые дни из угла в угол по своей тесной камере, вращая белками, потрясал решетку и грозил всем наводя ужас на проходящих. Против тюрьмы стоит клуб. Такое громкое название носит небольшое здание, особенное огромными деревьями, под которыми расставлены простые деревянные скамейки. Клуб состоит из нескольких комнат, между которыми одна, убранная прилично, с кроватью и зеркалом, назначается для посещающего иногда местная публика со всеми чадами и домочадцами: три-четыре офицера, почтовый чиновник, симпатичный батюшка, ветеринар, доктор Мужья сражаются на бильярде, а дамы сидят и беседуют; тут же вертятся и дети, и даже чей-то огромный красавец сенбернар мирно спит под бильярдом. Когда игра затянется и все проголодаются, жены приносят в клуб чай, сахар масло и редиску, сыр и яйца, и учиняется общее чаепитие. Есть и крошечная читальня, в которой получаются два раза в неделю с почтою несколько газет, с «Новым Временем» во главе. Каждое воскресенье на площади за крепостью бывает базар. Приезжают слобожане из Воздвиженской с возами овощей, соли, пшеничной муки и глиняной посуды. Чеченцы идут и едут за десятки верст из окрестных селений, чтобы продать кусок сыру или мешок кукурузы, или же променять их на пшеничную муку, огурцы и арбузы, до которых они большие охотники, носами их не сеют. Чеченки тащат кур, горшечки масла, яйца и фрукты и, получив несколько грошей, как настоящие дочери Евы, идут в слободу покупать яркие ситцы на свои костюмы. Костюм же их очень несложен; длинная до земли рубашка с очень длинными рукавами, которые служат вместе и карманами, так как они прячут туда все, что угодно, завязывая рукава узлом; рубашку дополняют такие же длинные шаровары, надетые под нею, да платок на голове: вот и весь наряд. Зимою женщины носят еще большую шаль, в которую укутываются с головою. Дешевизна продуктов изумительная, а потому сюда съезжаются скупщики сельских произведений со всего округа, и базары бывают русских и чеченцев прохаживается какая-то фигура в черном камзоле с бляхой на груди: это единственный шатоевский полицейский, однорукий инвалид с болтающимся пустым рукавом, с кривою старой шашкой на боку

и с палкой в своей единственной, но зато правой руке. В чудное свежее солнечное утро мы пили чай у ручья под деревьями перед домом. Над ними раскинули ветки цветущие липы и старая, в два обхвата, дикая черешня с крупными глянцевитыми листья и мелкими, уже черными, ягодами. Черешни сыплются вокруг, пачкая платье и скатерть, так что приходится выдвинуть стол из пределов этого фруктового дождя. Вид ягод и их аромат соблазнителен настолько, что я невольно беру одну из них в рот, но должен же выплюнуть ее обратно: ягоды горьки, как хина, и я долго не могу отделаться от этого вкуса. – Хотите попробовать не диких а настоящих садовых черешен прямо с дерева? – спрашивает меня хозяйка. – Так пойдемте сегодня в сад к Песи; у него их сколько угодно. Песи, солидный, чисто одетые чеченец: у него свой дом и сад за стеною крепости, над обрывом. Когда мы пришли к нему под вечер, он, вежливо раскланиваясь, провел нас к себе. Деревья его фруктового сада гнутся, увешанные кистями белых, красных и черных плодов. Кушай, пожалуйста, – любезно начал он нас угощать. Мы выразили желание купить черешен. У Песи глаза загорелись негодованием и оскорблением. Не говоря ни слова, он вынул из-за пояса кинжал и начал рубить ближайшие ветки с ягодами, поднося их нам, как букеты. Что ты делаешь? – воскликнули мы в один голос. Мы будем дерева ломать, ветки рубить! Пускай все пропал! Разве Песи продал фрукта? Пришлось уступить гордому чеченцу, считавшему нас своими гостями, а не покупателями, и мы успокоили его только тогда, когда набрали даром столько черешен, сколько могли унести всей компаний. Я подошел к обрыву ничем не огороженного сада. Внизу по широкой долине развивалась на десятки рукавов речка Вердеах, усеянная мельницами, окаймленная зелеными лесистыми уступами. По горам на расчищенных от леса полянах, засеянных кукурузой, ютились селения с высокими минаретами. Две рядом стоящие башни сторожат селение Цугуной. Из труб белых домиков курится дым очагов, на которых в этот час готовится ужин. На нежном серо-голубом небе с золотой полоскою на западе, в прозрачном воздухе над верхушками тополей стоит опрокинутый серебристый серп луны рядом с яркой, играющей лучами Венерой. Вечерняя тишина нарушается тихим журчанием Вердеаха, далеким мычанием и блеянием стаж, спускающихся с пастбища, да из крепости слабо доносятся звуки гармонии и бубна; это солдатики справляют свой вечерний отдых. Мирно ложится на душу прелестная картина, чудный воздух гор ласкает своим свежим дыханием, доносящимся с зеленых вершин. Целые дни шатался я по окрестностям Шатоя, открывая все новые и новые красоты и прелести этого дикого живописного уголка, и редко встречал на своих прогулках кого-нибудь, кроме ребятишек, собиравших ягоды, ковром покрывающие поля и леса Шатоя. Как-то в пасмурный день я не решился гулять, и мы сидели с семьей моего приятеля за чайным столом у ручья под деревьями. Вдруг за воротами крепости раздался какай-то все приближавшийся шум, послышались крики, и во двор ворвалась целая толпа чеченцев. Все они что-то взволнованно кричали, сильно жестикулируя, грозились, и среди них шла закутанная с головою женская фигура. Группа направлялась прямо к нам. Ну, уже происшествие! Давно не бывало, что ли? – воскликнул мой приятель, с неудовольствием оставляя свой начатый стакан чаю и быстро вставая. Он пошел навстречу толпе, а мы остались за столом, наблюдая развертывавшуюся перед нами интересную картину и слушая переговоры, которые велись через переводчика, явившегося с чеченцами. Женщина оказалась украденною невестою, дочерью зажиточного чеченца Беци; она пропадала три недели в горах, и, наконец, родственники нашли ее, отбили у жениха и привели на суд к начальнику участка, спрашивая, что теперь с ней делать. С распорядился выгнать всю ораву за ворота, невесту отвели в сторону, подальше от ворот, послали за кадием и старшиною селения, и мой приятель стал допрашивать девушку в их присутствии. Она открыла лицо и, опустив свои огромные чудные глаза, вся дрожа, отвечала на вопросы. Вдруг девушка побледнела, как стена, зашаталась и, чуть не падая, стала указывать на что-то вдаль отчаянными жестами. Ворвавшись через боковые ворота, которые забыли запереть, окруженный новою толпою, без шапки, с перекошенным яростью лицом,

в разорванном бешмете, шел прямо к ней ее отец Беци с револьвером в руке. Переводчик и начальник участка бросились к нему, стараясь не пропустить дальше, и схватили его за руки. Отбиваясь, не глядя ни на кого, он кричал диким голосом, а за ни волновалась и орала целая толпа его родственников и односельчан, хватаясь за оружие. Долго убеждали отца уйти и дать допросить невесту; но он не сдавался и, когда его обезоружили, стал рвать на себе волосы и, раздирая грудь обеими руками, кричал, что он оскорблен увозом дочери и желает, чтобы ее допросили в его присутствии. Он рвался к девушке, которая старалась спрятаться от него за кади и старшину, стоявших возле нее; его не пускали. Тогда он, как безумный, внезапно выхватил кинжал из-за пояса одного из своих соседей и направил его себе в грудь, крича о своем позоре. Кинжал отняли и опять крепко схватили за руки разъяренного чеченца. Да ведь это не по закону при себе допрашивать! Разве ты своего закона не знаешь? Черт вас дери! – кричал, надрываясь, уже охрипший начальник участка. – Вот кади, вот старшина, при них допросим и все запившем. Потом все узнаешь! Переводчик также надрываясь и крича, переводил его речи, вероятно, выпуская «черта». Невеста дрожала, как в лихорадке, хватаясь руками то за переводчика, то за начальство, но все же успела признаться, что ее увезли с ее согласия и что она не хочет расставаться со своим возлюбленным, который пока спрятался в надежном месте, чтобы его не убили ее оскорбленные родственники. Если бы она сказала это при отце, тот застрелил бы ее на месте. За воротами крепости между тем стоял гул, неслись крики и слышался лязг кинжалов. Две собравшиеся там партии жениха и невесты чуть не перерезались между собою, пока шел допрос. Даже наш повар, чеченец Джамбалт, выскочил из кухни с возбужденным лицом и, хватаясь за кинжал, кричал: «Надо резать, а то срам будет!» – хотя он не имел никакого отношения к действующим лицам. Пришлось послать за милиционерами и с их помощью разогнали и каое-как успокоили взволнованную толпу. Решено было невесту не пускать к отцу, а отдать на сохранение в чужую семью, впредь до примирения сторон. Отца отправили под конвоем домой, а всех родственников жениха С. велели запереть в тюрьму. Это сделано было для их же безопасности, потому что иначе вся эта орава перерезалась бы. Мы, сидя за столом, любовались на зрелище, которое годилось прямо в оперу. Что за жесты, что за позы и лица! Да и сюжет был недурен. Мне с непривычки казалось жутко смотреть на разъяренную толпу чеченцев, но вся семья моего приятеля, очевидно, привыкшая к подобным сценам, глядела только со спокойным любопытством. Наконец двор опустел, и все успокоилось. Бедный С., отдав последние распоряжение переводчику и старшине, отдуваясь и вытирая лицо платком, вернулся к столу и залпом выпил свой остывший стакан чая. Ну, и народ! – охрипшим от крика голосом говорил он – Как тут с ними быть? Наш закон, а тут еще их закон, а они ведь ничего понимать не хотят. Не могу же я ту девицу отдать отцу на расстреляние! А по их понятием так и надо; подай, да и только! Я полюбопытствовал, что же теперь будет дальше из всей этой романтической истории. Что дальше? – переспросил С., усаживаясь за стол и принимаясь за новый, горячий стакан чая. – Переговоры теперь будут, и если жених заплатить рублей триста, то, пожалуй, помирятся. Если же не сойдутся в деньгах, то невесту водворят к отцу, и тогда может пойти резня, хотя бы для того, чтобы кровью омыть позор отца. И, вы думаете, это помешает красавице потом выйти замуж за другого? Ничуть не бывало, хотя она и пропадала в горах с мужчиною. Здесь женихи на это смотрят очень своеобразно: значить, говорят хорошая девка, если ее крали. Все, что вы видите, – особого рода комедия чести, разыгрываемая для приличия, которым они проникнуты до мозга костей. Отец знает, что должен проделать все это, иначе ему житья не будет среди своих; и он, для соблюдения всех правил приличия и чести, готов убить дочь или самого себя, но от денег все-таки не откажется. Во всем этом есть своеобразная смесь рыцарства и торгашества вместе, и это очень характерно для чеченцев. А торгаши они удивительные; доказательством может служить то, что что они совершенно вытеснили из округа всех торговцев, армян и даже евреев. Деньги любят страстно, но это не мешает им не дорожить

жизнью ради чести, понимаемой, конечно, по-своему. Через три дня мы услышали, сидя на своем балконе, какую-то стрельбу на противоположной горе, в селении Цугуной. Стрельба продолжалась все утро, и мой приятель, вернувшись к обеду из своей канцелярии, сказал, что это но случаю свадьбы, которую сегодня справляют у Беци. Дочь его выходит замуж за своего похитителя, заплатившего отцу целых 350 рублей. На родастях родственники стреляют, жарят баранов, варят сыр в масле (любимое кушанье чеченцев), но Беци из приличия на свадьбе не присутствует, делая вид, что он все-таки оскорблен. Тем дело и кончилось, и я уже всех выпустил, – прибавил С.: – вот вам и честь, которую можно купить за 350 рублей. Проснувшись в одно прекрасное солнечное утро, я узнал, что мой начальник участка уехал в дальнее селение на следствие и вернется только к вечеру. Знаю страсть к прогулкам, и мы отправились после обеда навстречу, С. по дороге в Шаро-Аргун. Пройдя верхом мимо артиллерийских казарм, мы полюбовались, как солдаты качаются на гигантских шагах, с веселыми восклицаниями и топотом тяжелых сапог носяс вокруг столба. Надо их чем-нибудь повеселить; они все страшно тоскуют в этих горах, – сказал нам их офицер, подошедший поздороваться. Прошли мы по образцовым солдатским огородам, обсаженным густым вишенником, и, поднявшись довольно высоко на гору, очутились у обрыва в живописную, глубокою и широкую балку, всю заросшую кустами орешника. У края балки пожилой чеченец усердно искал чего-то, ползая на коленях в густой траве; увидя нас, он приподнялся и поклонился. Что потерял? – спросили мы его. Ах, господин! – ответил он: – вы не знаете, какая нам горя! Чеченцев выражался довольно правильно и чисто на русском языке, и из его рассказа мы узнали следующее: сюда в округ приехал какой-то господин, член **археологическог**о общества графини Уваровой, делать раскопки. Получив на это разрешении от начальника Грозненского округа, он нанял рабочих и поехал с ними и с проводником по селениям. Попав в Шаро-Аргун, становился селения, следовательно, лицом почтенным и очень уважаемым чеченцами. Расположившись, как дома, он ел и пил у него четыре дня и все ходил по окрестностям, иногда ездил на лошади старшины и заставлял рабочих раскапывать старые могилы. В конце концов, не найдя ничего интересного, археолог поколотил своего хозяина, будто бы за нерадение, ничего не заплатил ни ему, ни рабочим-чеченцам и еще послал телеграмму начальнику округа, что ему не оказывают содействия в раскопках. Бедный старшина рассказывал все это волнуясь, с азартом и драматическими жестами, весь дрожа от негодования и обиды – Копает могилы, – говорил он: – народ плачет, а он кости вынимает из могилы и берет в мешок. Теперь от этого дождик, ух, большой дождик будет, и хлеба не будет. А еще он все куклы искал в могилах; тут, говорит, должны куклы быть. Вот, он не смотрел меня, а я нашел такую изображению, в роде человека, да на зло ему не дал и спрятал в карман. Теперь вот шел, становился Богу помолиться и потерял ее! Мы стали искать кругом в густой, но низкой траве, и скоро действительно, я увидел и поднял с земли маленькую бронзовую фигурку. Куколка в палец величиною, очень тонко сделанная, изображала воина в шлеме, латах и полном вооружении, с мечом и щитом в руках; она вся почернел и позеленела от долгого лежания в земле. Надо было видеть радость бедного чеченца, который горячо стал нас благодарить, схватил свою куколку и тщательно спрятал ее за пазуху. – Я знаю, что он хотел такую самую изображению найти у нас уже был раз такой господин. Ну, могилы наши, куклы тоже наши; теперь я ее даром не отдам, пускай купить! – говорил он со злорадством, сверкая глазами. На другой же день мы узнали что археолог купил у старшины «изображению» за 25 руб. По правде сказать, мы по правде сказать, мы нисколько не пожалели этого господина, что ему пришлось заплатить за желанную им редкость, тогда как он мог бы получить ее даром, если бы не был так груб и неделикатен с бедными полудикарями. Расставшись с обрадованным чеченцем, мы увидели по ту сторону балки вдали возвращавшегося со следствия С. Спустившись в балку, он поднялся по другому ее склону с нашей стороны и, подъехав к нам, слез с лошади. Милиционер, следовавший за ним, взял лошадь за повод, а С., идя с нами пешком домой, рассказал

по дороге, по какому курьезному поводу его вызывали. Недели две тому назад два чеченца подрались из-за какого-то пустяка и один зацепил другого палкой по голове, не особенно сильно, но все-таки сделал ему маленькую ссадину. Ссадина могла бы зажить в два-три дня; но у этого народа есть две страсти: лечиться и судиться. В данном случае, очевидно, соединились обе эти страсти, и обиженный решил вместе со своими родственниками, которые всегда принимают горячее участие в подобных делах и которых он собрал на семейный совет, что надо стянуть сколько-нибудь с обидчика. Пригласили они своего знахаря и велели ему лечить ушибленную голову с тем, чтобы обидчик заплатил и за знахаря, и за знахаря, и за лекарство как можно больше. Знахарь, осмотрев больного, увидел отлично, что лечить ему тут нечего. Но, во-первых, надо поддержать свой врачебный престиж, а, во-вторых, получить что-нибудь знахарь тоже был не прочь; значит, надо затянуть лечение возможно дольше. Ничто же сумняшеся, знахарь разрезал кинжалом накрест кожу на голове мнимого больного и начал скоблить ему череп. Скоблил он живую кость ежедневно дней десять под ряд, и вчера терпеливый больной отдал Богу душу. Теперь родственники умершего требуют с обидчика 20 рублей, да еще, исполняя обычай кровной мести, собираются его убить, хотя отлично знают, то их больной умер не от удара палкой. Извольте вот их разбирать! Да тут мозги надо наизнанку выворотить, чтобы что-нибудь у них понять и рассудить их так, чтобы все были довольны, – говорил С., идя с нами домой. Вот недавно у меня в селении Барзой тоже интересное дело было. Случилась драка на улице, и дело дошло до перестрелки; а ведь это у них, как пить дать, сейчас пальба, Ну какая-то любопытная баба высунулась в окно посмотреть, что делается и чья-то шальная пуля отстрелила у нее косу. Так, как срезала! У чеченцев же то это страшный позор – бабе без косы быть, да и косы у них хорошие, бабе жалко. Приезжаю. Спрашивается с кого же взять вознаграждение? Потому что позор позором а вознаграждение тут первое дело. Бился я, бился, так виноватого и не нашел; мало ли кто там стрелял! И осталась баба без косы и без вознаграждения. А теперь вся деревня во вражде за эту косу; так и жди, что опять происшествие какое-нибудь будет, и опять меня потянуть на следствие. Когда мы уже подходили к крепости, то увидели идущую к нам навстречу какую-то странную фигуру. На своих прогулках я уже не раз встречал этого оригинального субъекта который бродил по окрестностям с фотографическим аппаратом, иногда в черкеске и модной соломенной шляпе с ленточкой, а иной раз в длинном и странном синем сюртуке и огромной белой папахе с красным верхом. По-видимому, ему особенно нравилась эта смесь костюмов европейского с туземным. Заинтересовавшись, я спросил С., не знает ли он, что это за фигура. – А-а! Это сюда приехал на днях странствующий фотограф. Он из чеченцев, но как будто немножко цивилизованный. Вы посмотрите, какое он у себя объявление вывесил, просто потеха! В тот же вечер мы шли по единственной улице Шатоя к клубу и увидели в одном из домиков яркое освещение. Из раскрытых окон неслись звуки большой басистой гармонии, наяривающей Pas despagne. Подойдя ближе, мы увидели, что комната была полна народу: солдаты и чеченцы сидели вокруг по стульям со стаканами чаю в руках и, видимо, наслаждались зрелищем. Посреди комнаты, к нашему удивлению, несколько пар тех же солдат и чеченцев танцевали друг с другом модный танец. Перед крыльцом стоял столбик с прибитою наверху рамой; в раме под стеклом красовалось несколько карточек солдат с размалеванными красною краской поясами и погонами, в воинственных позах и чеченцев с кинжалами наголо и с зверскими физиономиями. Пониже карточек было прибито объявление, написанное красивым почерком, со всевозможными завитками и украшениями6 «Учитель танцев, пения и музыки, дирижер, фотограф, парикмахер и техник по зубоврачебному искусству». Вот, видите, какой мастер! – смеясь, говорил С. – Этот жулик привез гармонию, фотографический аппарат и клетку с птицами, которые вынимают гадальные билетики. Чеченцы и солдаты к нему толпой валят, а он им и танцы разные нажаривает, и снимает их, и бреет, и зубы рвет, что угодно. Нашего повара теперь оттуда и не выудишь. Боюсь только, чтобы этот

артист чего не натворил тут; а то, Бог с ними, пусть забавляются. Мой пристав отчасти прав был в своих опасениях. Через несколько дней универсальный фотограф исчез, забрав вперед деньги за карточки со своих клиентов и захватив с собою какую-то чеченскую девицу. – Да, блаженное было бы тут житье, – говорил С., когда мы в жаркий день, сидя в нашей так называемой «столовой» под липами, наслаждались тенью, прохладной от ручья и чудной малиной, только что купленной у проходившей чеченки. – Райское было бы житье, если бы не такой народ проклятый. Вот, изволите видеть, никогда покоя нет, опять идут за чем-то; а через час мне надо на происшествие ехать. К лицам подходила через площадь группа старых, почтенных чеченцев с переводчиком во главе. Остановившись недалеко от стола, они раскланялись и почтительно молчали, ожидая вопроса. С начал расспрашивать, в чем дело. Выступив вперед, один из стариков стал объяснять, что они старшины и никак не могут собрать податей со своих сельчан, что-то по 30 коп. с дыма. Не дают, да и только. – Почему же не дают? – Они говорят, у капитана и так денег много; на что ему? – отвечал старик. – Да пойми, не мне же эти деньги идут, я жалованье получаю. Они нужны в казну. Не, царю, царю, понимаешь? – убеждал их С. – Они говорят, если у русского царя денег нет, то откуда же мы, бедные чеченцы, возьмем, – отвечал вежливыми и почтительным тоном один из старшин. Долго бился бедный мой капитан, стараясь убедить их в неизбежности и необходимости платить подати, но ничего не добился. Наконец он велел старикам уходить, обещая сам объехать селение через несколько дней и поговорить с народом. – И каждый раз одна и та же история, когда приходит время собирать подати, – обратился он ко мне. – И, вы думаете, не дадут? Или у них денег нет? Дадут, но только они каждый раз думают: а нельзя ли обойтись без этого? И ломаются до того, что всю душу вытянуть. В это время во двор уже водили оседланных лошадей. Вчера С. посылал в соседнее селение двух милиционеров, чтобы он привели скрывавшегося там бродягу беглого каторжника. Односельчане и родственники не хотели его выдавать, главным образом бабы. Которые пришли в неистовство, исколотили двух несчастных воинов, изорвали на них черкески и в конце концов там же их и заперли в пустую избу. Теперь надо было самому начальнику участка ехать их выручать. Жутко было смотреть, как заряжали ружья и револьверы, говоря, что дело может быть плохо; как, распрощавшись с нами, стараясь шутить, но, видимо, взволнованный, мой приятель сел верхом и в сопровождении пяти верховых милиционеров и переводчика выехал со двора. Мы остались в тревожном ожидании, рассчитывая время когда уехавшие должны были вернуться. Вернулись они скорее, чем мы ожидали, и с полным триумфом: во двор выехала наша кучка верховых; у каждого милиционера была привязана к седлу пара, а то и больше, бунтарей и баб, бежавших за лошадьми. Главного арестанта, бродягу, пристав вел сам. Мужчины шли покорно, опустив головы; они знали отлично, что их засадят ненадолго, только для острастки, а им это в привычку. Зато бабы!.. В разодранных, грязных рубашках, с выбившимися из-под платков космами, они визжали и рвались так, будто их вели вешать. Стараясь вырваться, они падали на землю, кусали милиционеров за руки, рвали на себя волосы и платье и оглашали всю крепость воем и причитаниями. Недаром чеченцы сами говорят, что у них не бабы, а черти. Под деревьями началось обычное судьбище, напоминавшее суд Соломонов под дубом, или Людовика XI в Венсенском лесу, судящего своих подданных. Преступников живо раскассировали и заперли, причем баб предварительно связали по рукам. И долго еще двор оглашался их криками, долетавшими сюда из окон арестантской. Не хотите ли проехать со мною? Я еду сегодня осматривать свой участок дороги между Шатоем и Евдокимовским укреплением. Проедем верст десять; там тоже есть интересные места: Чортов мост посмотрите. Я с радостью принял приглашение С., семья его тоже собралась ехать с нами. Уложив в корзину кое-какую провизию и захватив чай и сахар, мы на простой линейке выехали по дороге, соединяющей Шатой с Евдокимовским, от которого уже другой пристав. Выехав из ворот крепости налево и переехав вброд знакомую мне уже речку Вердеах, мы спустились

к Аргуну и по берегу его, по чудной дороге подъехали к вновь вздымающимся отсюда с южной стороны Шатоя хребтам гор. Кругом нас расстилались зеленые ступеньки, спускающиеся с плато, прямо поднимались отвесные высокие скалы, почти сплошь заросшие лесом. Между скалами узкая, глубокая трещина, полная непроглядной зеленою тенью от нависших с обеих сторон деревьев с перекинутым у самого отверстия мостом. Из черно-зеленой щели, бурно кипя, вырывается Аргун, ударяя пенистыми волнами у устои моста; но теснящим выход его стенам ползет мох, и бледные папоротники свешивают свои зеленые перья В самую воду склоняют ветви могучие деревья; вдали упавший ствол старого бука еще держится корнями за один склон и, перекинувшись на другой, образует фантастический мост, весь окутанный зеленными ветвями. За мостом огороженная поляна, по которой разбросаны деревянные и каменные столбики с разноцветными чеченскими надписями и пестрыми узорами. Большинство столбиков увенчано большими шарами, разрисованными красными, синими и зелеными полосками и похожими на полосатые арбузы: это кладбище селения Вашендерой, которые всползает на гору за этим местом упоения. Проехав мост, с которым я долго не мог расстаться, пленившись красотою вида, мы поворачиваем мимо селения налево в ущелье и по берегу реки быстро поднимаемся на большую высоту, а путь наш вьется все выше и выше по отвесу. По дороге изредка попадаются чеченцы. Причем меня поражает то, что мужчина всегда едет верхом, а его баба бежит за лошадью, да еще тащит на себе и поклажу, которая навьючена не на лошадиной, а на ее спине. Не удивляйтесь, – говорить С.: – я уже пробовал их усовещевать, но они отвечают на это, что 2баба своя, а лошадь купил надо». Неописанная красота захватывает дух. Два параллельно идущих склона почти сходятся вместе своими отвесными стенами, прорезанные только узким руслом Аргуна, над которым выбита в камне дорога. Кругом вековой лес, неприступный на этих крутизнах, местами белые, точно нарочно сложенные из кубических камней, скалы. Дорога без барьера узка настолько, что колеса едва помещаются на ней, и в некоторых, особенно узких местах кажется, что ноги висят с линейки прямо надо пропастью. Навстречу попадаются арба; приходится слезать с экипажа и ждать на повороте, где дорога немного шире. Осторожно проводят встретившиеся экипажи, бока встречных лошадей трутся друг о друга, люди жмутся к стене, и колеса крайнего экипажа вот-вот сорвутся в обрыв. В ущелье темная тень, над нашими головами нависли скалы, как крыша, везде вьется виноград, спускаются сережки хмеля, краснеет кизиль, желтая алыча протягивает ветки, унизанные плодами; из каждой расщелины бьют ключи и журчат в каменных лотках под ногами лошадей. Страшно заглянул вниз: там черный, как чернила, бурлит в своем тесном ложе глубокий Аргун, едва видный между деревьями; и грудь теснит, и голова кружится от наплыва восторга. Ко вот через несколько верст, слегка расширяя ущелье, постепенно расходятся высокие стены, дышать легче и, точно выехав из ворот узкого коридора, мы видим на обширной цветущей поляне широко разбросанные домики селения Нихалой. Кругом пасутся стада, бродят стреноженные лошади; зеленовато-белые, гладко и аккуратно вымазанные местною светлою глиною домики с балкончиками прячут свои черепичные крыши в гуще фруктовых деревьев. При нашем приезде отовсюду высыпал народ, все мужчины; женщины все попрятались при виде нашего экипажа. Мы направились прямо к дому старшины, рассчитывая достать у него самовар. Старик с благородною осанкой, с выкрашенною в красно-рыжий цвет бородою, вышел нам навстречу и, сняв папаху с бритой головы, кланяясь с большим достоинством, пригласил нас к себе. Мы вошли на чистый, выметенный и тщательно убитый глиною двор, окруженный хозяйственный постройками и затененный с одной стороны ветвями, свешивавшимися через плетень из находившегося рядом сада. Нам вынесли под деревья стол, покрытый пестрою клеенкой, и несколько венских стульев; на балконе, окружавшем дом, внучка старшины, хорошенькая черноглазая девочка лет двенадцати, с восемью тонкими косами на голове, в розовой ситцевой рубахе и шароварах, стала раздувать самовар. В ожидании, пока будет

готов чай, мы отправились смотреть Чертов мост, находившийся поблизости. Выйдя со двора старшины, мы попали на довольно круто спускавшуюся куда-то вниз сырую и скользкую тропинку, пробивавшуюся в густом лесу между деревьями и белыми громадными камнями, живописно окаймлявшими ее. Вот потянуло сыростью, запахом воды и свеже-срубленного дерева, и, выйдя из зарослей, мы очутились у края обрыва. Над кручей состоит только что сложенный из свежих бревен дом, вокруг него валяются душистые белые щепки; за углом сруба неожиданно для меня появился Чертов мост длинный, узенький мост, весь сплетенный из хвороста. Как он держится – Аллах его знает! Он прикреплен только к берегам и висит на высоте 80 сажен над Аргуном. Когда мы храбро вступили на него закачался, как живой, за ними кинулось несколько человек сопровождавших нам из вежливости чеченцев, которые испуганно стали хватать всех за руки и за платье. – Так нельзя очень скоро ходить! Ваш, русский, не может на наш мост бегать! – кричали они, в страхе за нашу безопасность. Вероятно они помнят, как недавно тут проезжал, осматривая округ, начальник области Т. и посетил этот мост. Расхрабрившись, генерал пошел было по нем, как и мы но на середине моста, когда его начало качать и подбрасывать, он не выдержал: стал на четвереньки и приполз таким образом назад, суть не в обмороке от страха, проклиная и мост, и чеченцев, которые не предупредили его о свойствах этого сооружения. Подойдя к невысоким, плетеным из хвороста перилам моста, я с часами в руках бросил в Аргун камень. Звук его падения дошел до меня только через восемь секунд. Заглянув вниз, я увидел на узкой полоске берега между водою и отвесной стеной множество побелевших скелетов животных и отдельный костей. – Что это там столько костей лежит7 – спросил я у одного из наших провожатых. Чеченец объяснил мне, что раньше перил у моста не было, их приделали только недавно. И вот, когда коровам или баранам случалось переходить здесь, от сотрясения их выбрасывало, точно пружиною, и они падали вниз десятками. Доставать их оттуда не было никакой возможности, и там скопились все кости несчастных животных, нашедших смерть на этих камнях. Только лошадь могла безопасно переходить через эту дрожащую живую пружину, да и то если всадник был хороший; так говорил чеченец. С трудом оторвавшись от вида темной скважины, тянущейся в обе стороны от Чертова моста, черной, кипящей серою пеною воды в глубине ее, зеленого навеса над нею и белых каменных верхушек гор, еще освещенных солнцем; надышавшись запахом леса и воды, стоявшим в этой глубине прохладной тени, мы вернулись к дому старшины. Все было готово к чаю, маленькая розовая чеченка тащила уже самовар на стол, отворачивая свое хорошенькое личико от его горячего пара, но старшина захотел похвастать перед нами своим житьем-бытьем, и мы должны были пойти осмотреть его хозяйство. Конечно, не все, – отвечал мне С.: – но все-таки бедности они не знают, по крайней мере в нашем округе. Там, глубже в горах и выше, где уже нет леса, почва камениста и холодна, пастбища плохие, о садах и думать нечего, – там чеченцам живется плохо; земли у них в сущности у всех немного, но здесь у нас и урожаи хороши, и скот хорошо водится. А какое подспорье им эти сады и леса! Да и птицу они любят водить, и сбывать все это удобно отсюда. Вы посмотрите, как они едят. Русскому мужику иному во сне не снилось столько сыра и масла, сколько ест его чеченец, а яиц и кур у них столько, что как вы сами видели, они кур по гривеннику продают. Наконец мы сели пить чай, и тотчас же вокруг стола набралось с полсотни зрителей, взрослых и детей. Любуясь на редкое для них зрелище, дети жадно смотрели нам в глаза и охотно ловили куски сахара и галеты, которые мы им бросали; но взрослые, видимо, сердясь, отгоняли их от стола. Окончив чай и собравшись уезжать, мы хотели было воздать нашему хозяину вещественную благодарность за гостеприимство, но он так обиделся, что пришлось оставить наше намерение. Только внучке своей, ставившей нам самовар, он позволил взять за услуги предложенный нами полтинник. А какой вежливый народ, какая врожденная деликатность и благородство даже в манере держать себя! – продолжал мой приятель. – Зато попробуйте иметь с ними дело, когда коснется их предрассудков или обычаев: не то дети, не то звери делаются, и тут уж их ничем

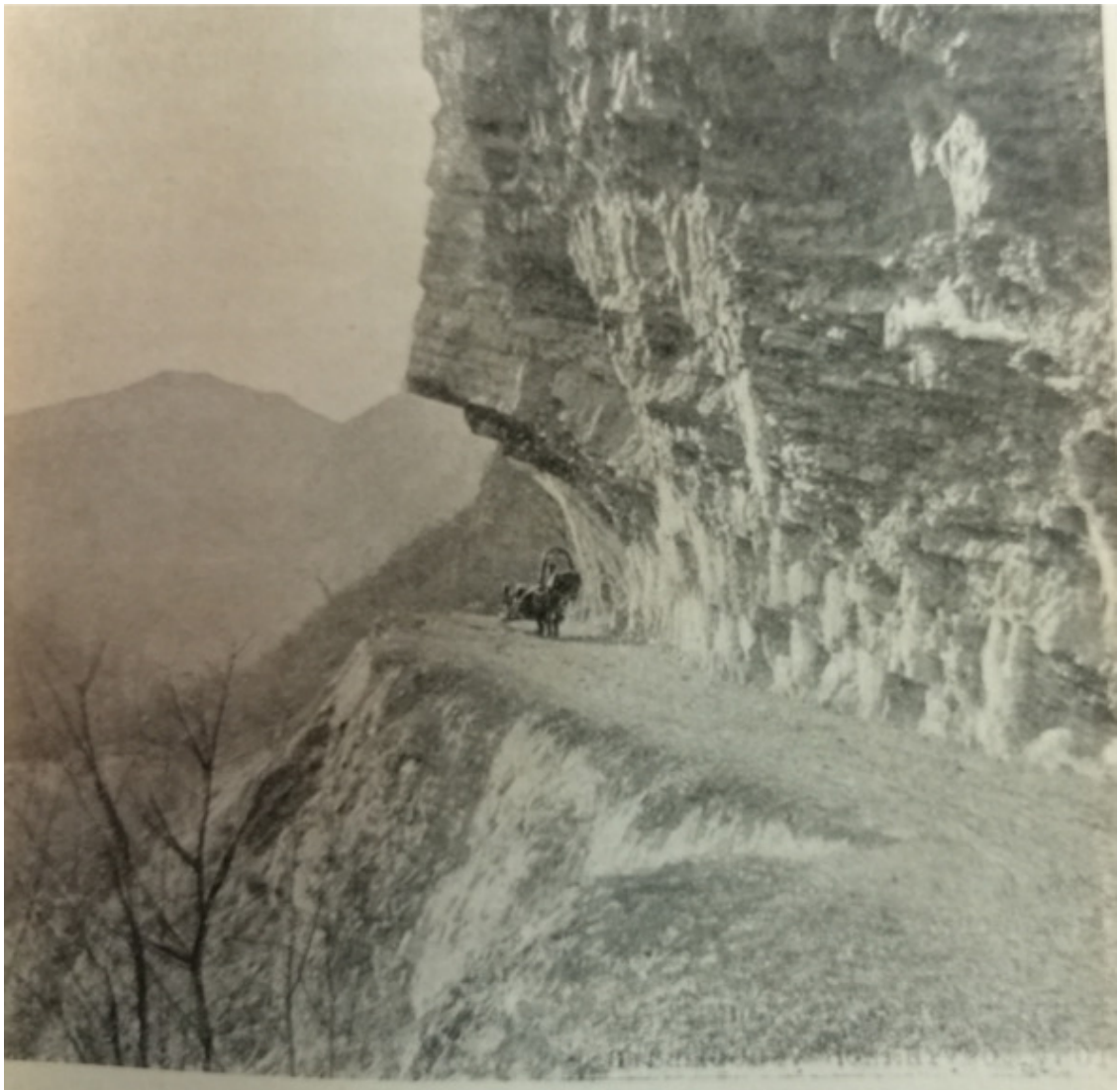
не возьмешь. Да, думал я, трудно русскому человеку понять их и управляться с ними и с их вековыми полудикими нравами. И вот какая чудная природа, какой здоровый, благодатный климат; при здешнем изобилии плодов земных и необычайной дешевизне тут могло бы быть прекрасное дачное место для изнывающих летом горожан Терской области. Но страх перед этим народом, перед вечными кровавыми распрями между ними поневоле останавливает каждого, кто и хотел бы пожить здесь. Кончался срок моего пребывания в Шатое, и я должен был распроститься с моими радушными хозяевами и с маленьким шатоевским обществом, с которым я успел перезнакомиться. В последний раз вышел я на балкон, чтобы окинуть еще раз взором приютивший меня живописный уголок: две башни, сторожащие Цугуной, стояли прямо передо мною среди зеленого леса и скал, и взор мой невольно остановился на их стенах, когда я вспомнил вчерашний день. Как раз накануне моего отъезда крепостная рота артиллерии производила учебную стрельбу. Вывезли из крепости убогие пушки, расставили на горе по ту сторону Аргуна красивые флаги и караульщиков, чтобы предупредить население об опасности попасть в сферу стрельбы. Мишенью для этой стрельбы самым варварским образом избрали две старинные башни. При первом же залпе соседние горы усеяны были народом, высыпавшим из селений и на безопасном расстоянии наблюдавшим стрельбу. Но, не к чести старых пушек, снаряды хотя и попадали в цель, но древние памятники эти, вероятно, прочно были построены: к большой радости и гордости чеченцев, башни остались невредимы и продолжали твердо стоять на своих местах. Я тоже наблюдал стрельбу и невольно подумал при этом большой бестактности поступка распорядителя ученья, который мог бы позаботиться поступка распорядителя ученья, который мог бы позаботиться приготовить другие мишени для такого случая. На лицах чеченцев ясно выражалось презрение к русскому оружию, даже насмешка над несчастными пушками и злоба на неуважение к их старинным памятникам, и между ними раздавались торжествующие, злобные восклицания. Полюбовавшись с балкона в последний раз на широко раскинувшийся живописный вид, я с сожалением выехал из ворот крепости на той же зеленой перекладной, запряженной тройкой светлых, маленьких и крепких чеченских лошадок. Отступив от дороги, стоял пахнувший грибами и бузиною темный лес, раннее утреннее солнышко ласково грело меня, освещая золотым светом яркую поляну; невидимый для глаза, глубоко внизу, в чаще деревьев, провожал меня глухим рокотом буйный Аргун, Я ехал с твердым намерением посетить еще раз этот дивный и оригинальный уголок Кавказа. Подпись: ***В. А. Авіе.***

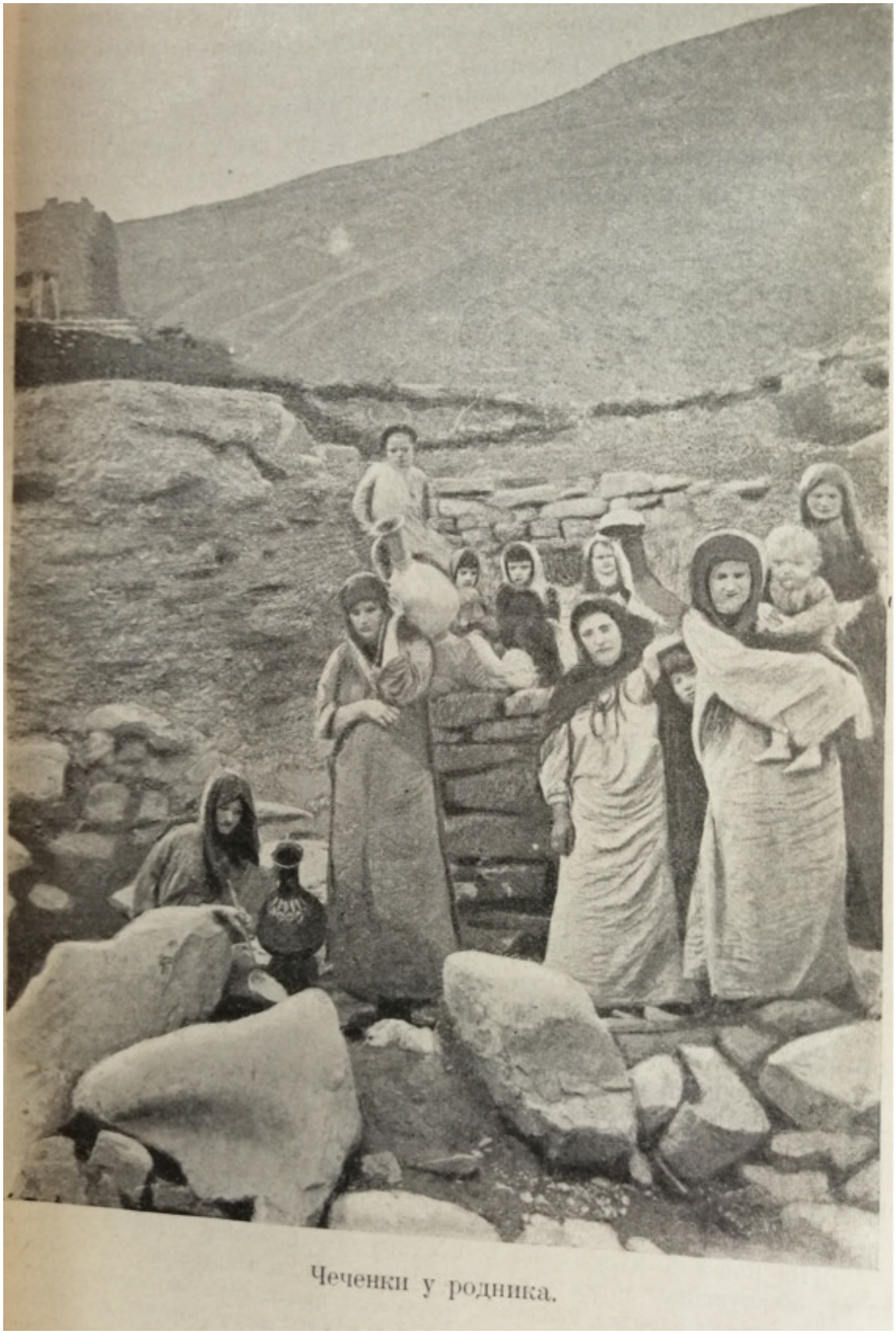
Мостъ черезъ рѣку Аргунь.

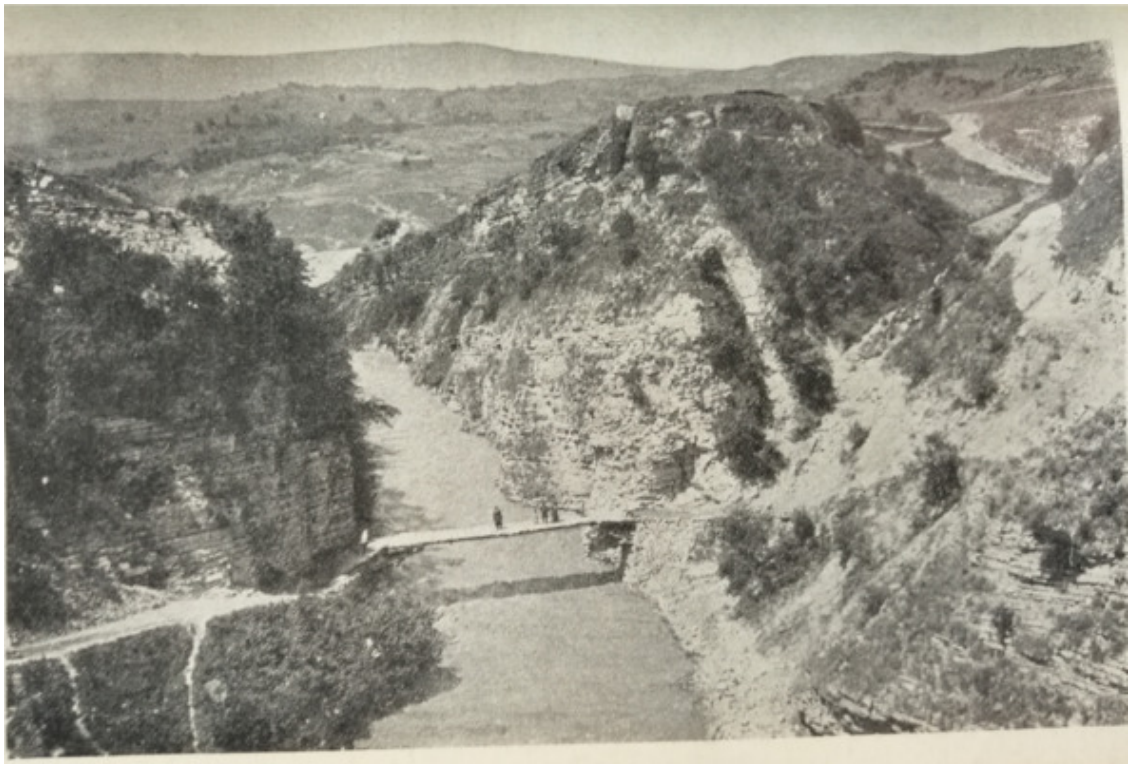
Каменный лотокъ на Шатоевскомъ шоссе.

Подъ навѣсомъ скалъ на Шатоевской дорогѣ.

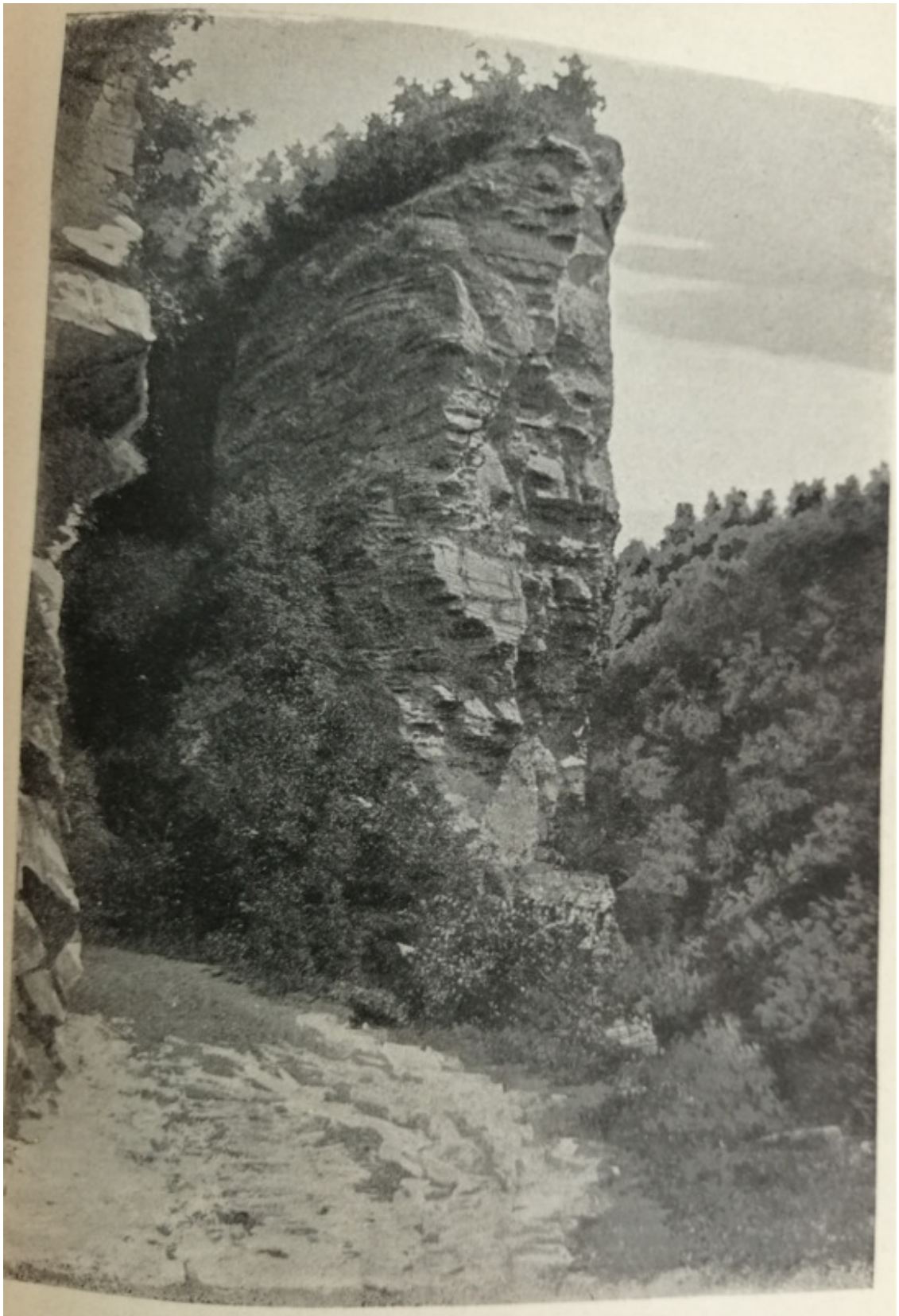
Чеченки у родника.

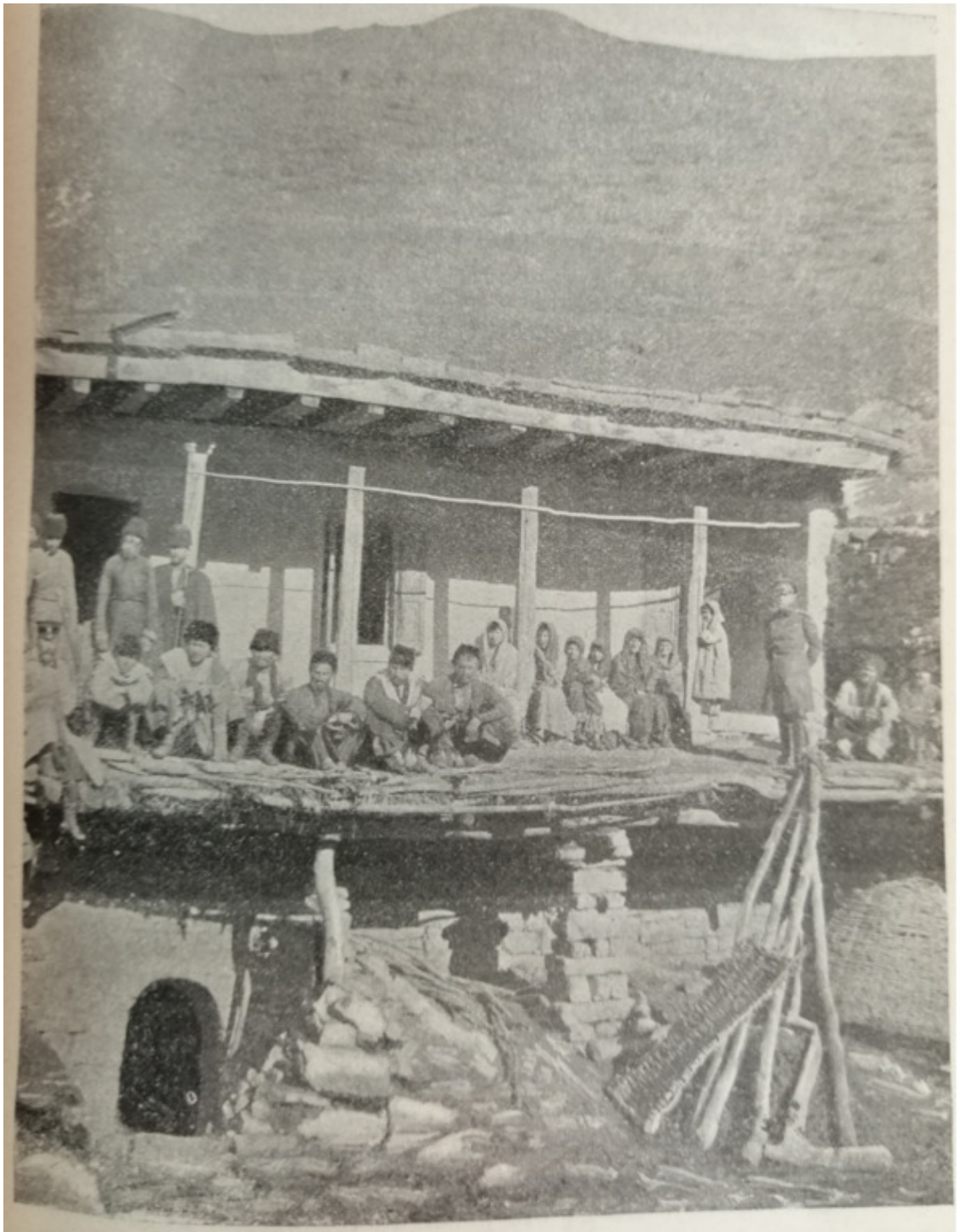
Старый Цугуноевскій мостъ черезъ Аргунь.

Старый могильникъ въ Чечнѣ.

Чортовы скалы на Евдокимовской дорогѣ.

На балконѣ чеченской сакли.

«Набег». К. Белевич

«Несколько картин из кавказской войны и нравов горцев» Санкт-Петербург 1910 год.

Стр. 113… (ИЗ ПОХОДНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ) В 1849 году начальник Владикавказского военного округа, генерал-майор Ильинский, представил главнокомандующему на Кавказе, князю Воронцову проект покорения галашевских обществ, принадлежавших к карабулакскому племени и живущих в горах по реке Ассе, между Нестеровским и Бумутским ущельями. Трудно-доступное убежище хищных карабулаков куда из ближайших покорных и непокорных нам обществ постоянно стекались все беглые абреки, имеет вид дугообразной полосы из второстепенных кряжей гор и глубоких между ними теснин. Эта горная гор и глубоких между ними теснин. Эта горная полоса, от верховьев р. Сунжи, близь Владикавказа, до черты Малой – Чечни – р. Фортанги, – тянется на 80 верст, теснясь на юго-востоке к главному хребту и ограничиваясь с северо-запада высоким лесным хребтом. Хребет этот – предел верхнесунженской линии – прорезывается двумя выше названными параллельными ущельями; из ворот Нестеровского с шумом вырывается на широкую сунженскую долину быстрая Асса. Надо всей этой громадою лесных кряжей возвышается, за пределы облаков, главный хребет Кавказа; среди его зубчатых скал и снежных вершин – в перспективе белый, величавый Казбек выше всех царствует. Несмотря на близость наших поселений, в этом диком уголке Кавказа русское оружие до 49 года еще не пролагало себе дороги из Бумутского ущелья в Нестеровское. Первое из них примечательно в истории кавказских войн и жизни Шамиля. После падения Ахульго, в 1839 г., он с 14-ю мюридами нашел убежище в аулах бумутского общества; казалось, все для него было потеряно; но он с увлекающим жаром начал и здесь проповедывать казать и правила шариата. Но некоторые горцы, недовольные строгостями последнего, взбунтовались против водителя нового учения воспрещавшего даже курение табаку. Главные зачинщики подвергались жестокому наказанию; между ними была два брата Хозрои; один был обезглавлен, другой ослеплен. Слепец, с мщением и кинжалом, однажды забрался ночью в саклю Шамиля и нанес ему несколько ран. Мстительный Хозрой погиб мученической смерть, а чудное избавление от нее Шамиля суеверие горцев приписало святости имама. Вскоре после того, в 40 году, вся Чечня, состоявшая под управлением генерала Пулло, прислала к Шамилю депутатов, с просьбою – стать во главе чеченского народа, для защиты его от неверных. Честолюбивый имам только этого и желал; он обязал чеченцев клятвою действовать совокупно с дагестанскими народами против общего врага. С тех пор до падения власти Шамиля протекло 19 лет, и только в течение этого времени лесистая плоскость Чечни была нами до предгорий от непокорных очищена а их аулы уничтожены в прах. На местах их теперь растет высокий бурьян, и вблизи безмолвствуют обширные кладбища, с бесчисленным множеством шестов и прикрепленных к ним разноцветных лоскутов на могилах битых джигитов. Но куда исчезло отсюда, повидимому, густое население самого воинственного племени на Кавказе? Большая ли половина его пала с оружием в руках, или она, во время беспримерно упорной борьбы, переселилась в другие места? На первую диллему последнего вопроса можно отвечать положительно, потому что с 40-х годов в Чечне, в особенности в Малой, ежегодно разыгрывались кровавые драмы, давшие обильный сбор человеческих костей. В начале тех же годов отряд наш, из 8-ми батальонов, тщетно покушался проникнуть в горы через Бумутское ущелье; мы же прошли через него с 3-мя батальонами и 8-ю сотнями казаков. Вот как это было. Генерал-майор Ильинский, получив разрешение совершил экспедицию в дикие места карабулаков 20-го ноября 1849 года прошел, с двухтысячным отрядом, через лес Нестеровского ущелья и занял позицию близ ручья, впадающего в Ассу. В то же самое время 3 батальона Тенгинского пехотного полка были собраны в Михайловской станице, на Сунженской линии. Мы знали, что были собраны для ночного набега; мы ждали его каждый час. погова-

ривали, что полковник Слепцов поведет нас на Валерик. – Напомню здесь, в кратких чертах, о личности Слепцова тем, для кого память о нем дорога, и тем, кому об этой доблестной русской личности было известно мало. Он был начальник Верхне-сунженской линии и еще молодой человек; но ряд блестящих военных его подвигов, неутомимая энергия, редкая неустрашимость в минуты опасности, редкая душевная доброта и бескорыстие древнего философа, поставили его высоко во мнении умевшего ценить заслуги и личные достоинства покойного князя Воронцова и соделали имя его, как и имя павшего в бою генерал Пассека, популярным в кавказской армии. Вечером 22 ноября мы получили приказание немедленно выступить в ст. Ассинскую, находящуюся в 7 верстах от Михайловской. Уже ночью мы пришли туда и расположились на станичной площади. Во время раздачи солдатам порций спирту, вдруг получил я от своего батальонного командира приказание явиться к Слепцову, для нахождения при нем за адъютанта во время набега. Молча поклонился я батальонному командиру и тотчас поехал явиться к своему новому, на короткое время, начальнику. Он принял меня в квартире с обычной своей ласковостью и с участием заметил, что я легко одет и могу озябнуть. Спустя несколько минут, мы сели на коней и поехали к переправе через Ассу, через которую части войск переходили в брод. Наконец, небольшой наш отряд вытянулся на правом берегу реки и двинулся по дороге на укр. Ачхой. Мы шли форсированным маршем, спереди кавалерия – по три в ряд, за нею горные орудия и пехота. В голове всех ехал Слепцов и тихо разговаривал с лазутчиком. Тускло светила нам луна сквозь прозрачный пар по всей долине. Впереди нас, как через флер, уже чернели широкой полосой леса Малой Чечни; направо зияли гигантские ворота Бумута; до них было 12 верст. Вдруг голова колонны круто повернула к ним: длинная колонна зазмеилась по дороге, и как змея тихо ползла к дремавшим в покое великанам. Что-то торжественное было в этом секретном ночном движении: не слышно было ни одного в полголоса слова; только лошади по временам фыркали, да мерзлая земля глухо стонала. Во втором часу ночи мы вступили в бумутские ворот и расположились в котловине, усеянной копнами неприятельского сена. Направо и налево возвышались почти отвесные горы, поросшие частым лесом; впереди был овраг, в который вела тропинка и на дне которого шумела Фортанга; за оврагом находилась высокая природная терраса поперек, и защищала вход в другую котловину. Кавалерию припустила лошадей к сену. Спустя несколько минут, пришла пехота и легла у оврага. Слепцов отдал приказание, чтобы люди не разговаривали и не курили трубок; сам же завернулся в шинель и лег на развороченную копну сена. Так прошел час. наконец, пехота двинулась и исчезла в овраге. Спустя еще час двинулась и кавалерия, и, поднявшись из оврага на крутую террасу, вступила в другую котловину, где тихо лежала пехота. Было около 4 часов утра; отряд построился. На восток от ущелья уже слышен был лай собак в аулах; но путь предстоял нам в противоположную сторону. Шепотом скомандовали кавалерии, и она, по два в ряд, первая покарабкалась по тропинке, на высокий и чрезвычайно крутой отрез правого лесного кряжа. Толпа шла извилинами; едва мы поднялись по ней с версту, как валежник и срубленные толстые деревья преградили руками расчищать дорогу. Слепцов приказал привести сапер. Я отправился за ними обратно, с трудом пробиваясь между рядами конных, которые буквально давились на узкой тропинке. Прибежали саперы; но кавалерия, без помощи их, уже успела выбраться из завалов и миновав наибольшую крутизну, пошла рысью между разредевшим лесом. Начало светать. Но вот она снова спешилась и снова стала расчищать на пути завалы. Едва показался я на глаза Слепцову, как он опять послал меня назад с приказанием к начальнику пехоты, полковнику Веревкину, – поспешить на присоединение. Время было дорого. Я поскакал с горы, не обращая внимания на крутизну и валежник. Спустя полчаса приказание было передано, – и быстрый мой кабардинец, как на крыльях, нес меня снова вверх и, наконец, вынес на узкий гребень горы. Направо, с северной стороны, тянулось глубокое дефиле с частым лесом, налево такое же другое. За последним, на южной стороне, красиво рисовались, непрерывной и высокой грядою, вертикальные утесы снежного хребта. Из опушки леса, с пра-

вой стороны, уже пощелкивали неприятельские выстрелы и раздавался пронзительный крик «гя-у-у-р?» Лошадь шарахнулась в сторону и вмиг примчала меня к кавалерии, которая стояла в четверти версты вытянувшись фронтом к южному дефиле. Когда я подъехал к Слепцову, он задумавшись стоял над обрывом; внизу, на дне глубокой и живописной котловины, окаймленной висящими чинарами по бокам, был опрятный аул Хандылбас разделенный ручьем на две половины. Горцы, как муравьи, высыпали и суетились с длинными винтовками в руках; но крутизна спуска не позволяли коннице добраться к ним. Среди глубокого молчания, взоры всех на несколько минут были прикованы к чудной картине горной природы, еще новой для глаз русских. Наконец, Слепцов прервал молчание, обратившись ко мне с вопросом: «Скоро-ли будет пехота?» Я отвечал, что не ранее как через час. – «Если так, сказал он, то зададим прежде арштинцам, а то уступим здесь и там.» – Глава его зажглись огнем, и мужественные черты лица приняли грозное выражение. В желт ой черкеске своей он был теперь похож на горца. До прибытия пехоты он распорядился оставить 2 сотни на горе, для наблюдения за Хандылбасом; а с остальной кавалерией устремился в северное дефиле, к аулу Аршты, бывшему у опушки леса. Горцы уходили в чащу, гоня скотину и унося пожитки. Мулла, в белой чалме, последним оставил порог родной сакли. Мы обскакали с двух сторон аул и отбили часть рогатого скота. Вмиг две сотни спешились и заняли опушку леса. Завязалась перестрелка; в это время толп горцев показались на высотах, с северной стороны, где липились их хутора. Огонь все более усиливался, ракеты шипящими змеями понеслись вверх, на гору; аул запылал, и черный дым пожара, соединившись с порохом, затмил первые лучи восходящего солнышка. Слепцов сошел с лошади и отправился в цепь; я последовал за ним. В нескольких шагах от него был убит урядник и ранены два казака. Я с досадою подумал: «какая надобность быть ему в цепи? Уж не ищет ли он смерти?» В это время он послал меня с приказанием, чтобы пехота, уже спускавшаяся с горы, поспешила сменить казаков в лесу; наконец, она, после долгого ожидания, пришла. Шум и пальба еще более усилились; подожженный со всех концов аул еще сильнее запылал, и дым скрыл от наших взоров на высотах неприятеля. Покончив с главным притоном разбойничьего населения, отряд наш снова начал движение вперед, к Нестеровскому ущелью, – вопреки ожиданиям горце, часть которых, до этого, бросилась в бутумский лес, полагая, что мы будем возвращаться по прежней дороге. Хотя накануне набега только Слепцов и Веревкин знали об избранном пути для вторжения в горы, но несколько человек мирных горцев имевших там родственников, желая спасти их от разорения, невидимо следили за нашим ночным движением и, пробравшись в горы кратчайшей дорогой, дали знать о нем арштинцам. Последние, не ожидая чтобы мы решились прийти к ним через Бумутское ущелье, оставили его без внимания, а может быть и не успели занять; но они ожидали нас на другой дороге, по которой Слепцов ходил к ним в 1847 году, но не достиг цели. Теперь они вторично ошиблись в расчете; мы пошли по северному дефиле, на запад. На лево от нас был глубокий овраг, на право высокий хребет, по крутому склону которого пролегала узкая дорога. **Стр. 120**..Прошед по ней верст 14, мы встретили часть галашевского отряда, шедшего к нам на встречу из позиции на левом берегу Ассы, где производилась просека в лесу. Пешие и конные горцы следовали параллельно за нашим движением, по гребню северного хребта, откуда стреляли по колонне вниз: но по причине значительной высоты, на которой они находились, не могли нанести нам особенного вреда. Мы отвечали им ракетами, которые заставляли толпы их разбегаться в стороны. Вечером, мы перевалили через северный галашевский хребет в том месте, где он, загибаясь под прямым углом на юг, образует. Нестеровское ущелье. Перестрелка, стоившая нам 18 человек убитыми и ранеными, кончилась. Мы спустились с крутой горы в ущелье и перешли Ассу в брод. Наступила темная ночь; но зарево горевшего неприятельского сена, зажженного нами по дороге от Арштов до Ассы, освещало нам в темноте остальной, непройденный путь. Наконец мы поднялись на гору и в 10 часов вечера пришли на позицию галашевского отряда. – после слишком суточного движения, в продолжение которого мы сделали 80 верст,

сильная усталость повергла на всех на открытом бивуаке. Все впечатления дня исчезли перед потребностью покоя, и мы на первую ночь зимней экспедиции, продолжавшейся по 20 декабря, сладко вкусили его на снегу, у потухавших костров.

Воспоминания в Чечне. Стр. 205 …Едва ли в мире есть другая страна, подобная Чечне, где с любого возвышения на левом берегу р. Сунжи можно, в ясную погоду, простым глазом окинуть столько орошенных кровью окрестностей, – окрестностей, где каждый куст, каждая рытвина были свидетелями последнего вздоха умиравшего; где каждая поляна, каждый брод через речку, каждый вход в ущелье видели, в продолжение многих лет, за раз сотни и тысячи смертей, паривших над долинами Сунжи и Аргуна… На эти видимые окрестности, разбудившие в пишущем воспоминания, 20-я пехота дивизия, 20-я Артил. Бригада и 2-й Стрелк. Кав. Батальон, не должны глядеть равнодушно, глядеть без волнения: это все окрестности, бывшие местом сцены длинной, непрерывной драмы, в котором эти части войск так словно и с таким героическим самоотвержением выдержали выпавшую им трудную роль. Куда не посмотришь, везде видны широкие, теряющиеся вдали, просеки, оттеняющиеся теперь от вековых лесов, по вершинам гор, яркой зеленью листвы; это все следы гигантских трудов, совершенных в стужу, в слякоть, при различных лишениях, преимущественно руками солдат 20-й дивизии. Не мало их при этом погибло, от оружия недремавшего неприятеля, от упадка сил, от неосторожности, во время падения срубленных громадных дерев. Сколько кавказский солдат, в особенность пехотный, перенес при покорении Кавказа в полном смысле горя, про то знает только Бог, да знали те, которые видели это собственными глазами, но хранили об этом глубокое молчание. Но воскресим в памяти воспоминания в другом роде, для этого сначала станем лицом к западу, к долине бывшей Малой Чечни. Здесь, на рубеже Большой, в 1844 г. было заложено ук. Воздвиженское. Оно есть памятник трудов 20-й дивизии: полки ее с боя взяли это место, на котором ныне, с зачатками будущего городка (каменной церковью, лавками и бульваром), мирно разрастается это укрепление, руками их же воздвигнутое и ими охранявшееся до самого окончания Кавказской войны. В настоящее время собственно укрепление составляет, в центре посада, каменная, неправильной формы, цитадель с башнями по углам. Посад же, на официальном языке, слывет под названием Воздвиженской слободы, которой Высочайше дарована общественная земля, находящаяся в пользовании слишком 120-ти отставных семейных солдат. Интеллигенцию этих новых граждан составляют несколько отставных, семейных же офицеров, имеющих оседлость. За укреп. Воздвиженским, в 5-ти верстах далее, течет в Сунжу ничтожная, с грязной водою, речка Гойта; а сколько на берегах ее было перестрелок! – им нет счету… Ни разу здесь горцы не пропускали наших колонн, не угостив непрошенных гостей меткими пулями. За Гайтой в 10-ти верстах течет также в Сунжу, речка Мартанга: на ней в 1848 г. полками 20-й дивизии под ядрами неприятеля, стрелявшего с окрестных лесистых высот, было построено Урус-Мартанское укрепление, после покорения Кавказа упраздненное. На его месте теперь самый большой в Чечне аул Урус-Мартан, имеющий слишком 1,500 дворов. Отсюда близко впадает в Мартангу маленькая Рошня, видевшая на берегах своих, в 1852 г., смерть наказного атамана кавказского линейного казачьего войска, генерал-майора Крюковского, пылко занесшегося вперед с кавалерией, в деле под начальством князя Барятинского, бывшего фельдмаршала. Уже тело храброго атамана сделалось, было, добычей неприятеля, но было отбито храбрыми куринцами. Оттуда же, верстах в 10-ти, такая же маленькая Гехинка бежит в Сунжу; она дает название Гехинской поляне. Обширная поляна, окаймленная побегами молодого леса, – потомка некогда древнего, вырубленного все также солдатами 20-й дивизии, – славна не одним боем. Здесь в 1850 г. драгоценная жизнь покойного Государя Императора впервые подвергалась опасности: здесь Его Величество, бывши тогда Наследником престола, следуя из ук. Воздвиженского с куринцами и казаками, с кавалерией, во главе, стремительно атаковал опушку леса, из которой, стреляя, показался неприятель. На этой же самой поляне

в 1851 г. умер смертью храбрых наш бессеребрянник – Слепцов, пораженный в грудь выстрелом с дерева, когда тенгинцы и навагинцы шли на завалы. За Гехинкой, верстах в 5-ти, по красноглинистому глубокому руслу течет в Ассу, пересыхая в засуху, памятный нам Валерик. Не даром он по чеченски значит – речка смерти; не даром он увековечен глубоко-прочувствованным стихотворением Лермонтова, видевшего здесь в 1840 г., упорный рукопашный бой с 9-ю тысячами чеченцев, засевших в русле, с клятвой не пропустишь русских полков; в числе их были куринский и кабарднский. Далее, верстах в 23-х к западу же, Асса с шумом несет свои белые и постоянно холодные воды в тихотекущую и теплую Сунжу; а отсюда уже белеют все старые станицы бывшей Сунженской линии, и видно в поле обширное кладбище ст. Слепцовской, с скромным памятником на могиле Бессеребрянника. Здесь воспоминания толпятся, перепутываются, – воспоминания о целом ряде ночных набегов и отплатных визитах мстительного врага. Здесь при виде ближайшего, лесистого хребта, из-за гребня которого на горизонте вдали, «в чалме и ризе парчевой», выглядывает казбек, в памяти воскресает несколько туманных, забытых картин, из сцен же прошлой войны. По этому хребту, давшему столбы и стены для ворот Нестеровского и Бумутского ущелий, среди темного леса пролегает узкая дорога. В 1847 г. она Слепцову служила путем для наказания хищных галашевцев, живших за горою. После сожжения их главного аула Аршты, наша колонны начала отступать по тому же самому пути; но на нем уже были горцы в построенных завалах; взятие их спешенными сунженцами, шедшими в авангарде, стоило храбрейших казаков, в рядах которых сам Слепцов рубил шашкою. При переходе же чрез балку арриергарда, под командою капитана Тенгинского полка Кушелева, – Геркулеса по телосложению и мужеству, – разъяренный неприятель, прорвав цепь, врубился в арриергард. Командир роты, шедшей в хвосте колонны, был убит; люди скучились и в беспорядке теснились на узкой дороге; с распростертыми руками, он загораживает собою путь к бегству; громовым голосом командует «кругом», вызывает людей в цепь и, по восстановлении порядка, приказывает медленно двигаться, а сам идет последним в арриергарде. Отсюда верстах в 8-ми к юго-востоку зияют широкие ворота Бумутского ущелья. При виде их припоминается другая картина: осенью 1849 года к ним, как тать, подходил ночью маленький отряд с 2-мя горными орудиями, колеса которых были обмотаны соломой. За порогом гигантских ворот, в котловине, усеянной копнами сена, тихо лежали два часа тенгинцы и сунженцы, в ожидании луны, бывшей в ущербе. Тишину нарушали только хрустевшее в зубах лошадей сено, да отдаленный лай собак в непокрном ауле. Слепцов, перекрестясь, повалился в бурке на сено, подкрепить сном силы перед вторжением по трудному пути в горы, в которые чрез Бумутское ущелье он первый прошел. **На склоне лесистого хребта, между названным ущельям и верховьями Валерика, был большой аул Шалажи, населенный храбрейшими джигитами Малой Чечне. Только им – была молва – в уважение их дикой храбрости бывший имам, не смотря на строгости шариата, позволил курение табаку. – Не раз подходили к их аулу наши отряды, но без успеха и с чувствительным уроном, и только в 1851 г. – Сплецов добрался и до него, для чего была порублена прорублена в лесу на несколько верст дорога. Но джигиты, устроив впереди аула крепкие завалы, решились в них защищаться.** Тенгинцы взяли несколько завалов, но сами должны были в них засесть, когда подкрепленный неприятель повел жаркую контр-атаку. Вот начальник одной части, отстреливавшейся в завале, посылает просить секурса. Начальник пехоты, подполковник Кушелев наблюдавший под деревом, в некотором расстоянии за ходом дела, выслушав посланного, сказал, обращаясь к своему адъютанту: «что я могу послать, когда мы с вами одни остались в резерве? Иду в секурс сам». С этими словами бесстрашный Кушелев спокойно отправился к угрожаемому пункту, отделенному небольшой поляной. Но секурс не дошел: пораженный из опушки леса залпом из нескольких винтовок, он упал, – но умер спустя неделю, на руках Слепцова, любившего его как брата за неустрашимость и благородство души. От этих облитых кровью окрестностей

перенесемся на левый берег Сунжи, на Грозненскую почтовую дорогу, к курганам «Трех братьев». От которых веет старинной чеченской легендой, – перенесемся мимо сохранившихся валов давно упраздненного редута, в котором, еще во времена Ермолова погиб, при ночном нападении, батальон Навагинского полка. С вершины высоких курганов глазам открывается величественная и неоглядная картина, с колоссальными пейзажами. Горы на юге треснули и расступились глубоким ущельем, дав путь быстрому Аргуну, катящему свои мутные воды по широкому русле, с живописными берегами. У самых ворот ущелья, – в которые только в 1858 г. проникли полки 20-й дивизии и за которыми все, что находится, было до того terra incognita, белеет под горою, на правом берегу реки, опрятный аул. В большом деревянном домике, покрытом черепицей, живет дожив до глубокой старости, бывший наиб Шамиля – Дуба, так храбро отстаивавший Малую Чечню. От Аргунских ворот, охраняемых небольшим каменным редутом, идет вверх по ущелью хорошо разработанная колесная дорога, на 33 версты вверх. В настоящее время она оживлена двумя укреплениями; Шатоевским и Евдокимовским, которые, как и дорога, идущая далее, вьючной тропой, к перевалу и дорога, идущая далее, вьючной тропой, к перевалу в долину Алазани, – также памятник трудов 20-й дивизии. С курганов «Трех братьев», находящихся в 10-ти верстах от г. Грозного, открывается – повторяю величественная панорама колоссальных размеров. Ее составляет тупоугольный треугольник, упирающийся тупым углом, на юго-востоке, в скалистый хребет Андии, а острыми углами, одним, на юго-западе, в Аргунское, другим, на северо-востоке, в Ауховское ущелья. Ипотенузой ему служит широкая и уже одна общая долина Сунжи и Аргуна, начинающаяся против Аргунских ворот. От точки наблюдения до скалистого хребта, на котором покоится горизонт, по прямому направлению приблизительно около 100, а между острыми углами треугольника около 150 верст. Громадный этот треугольник, начиная от правого берега Аргуна, загроможден множеством гор, сравнительно невысоких, но в хаотическом беспорядке выдвинутых и покрытых дремучим и еще почти девственным лесом, – исключая Аргуно – сунженской долины, зеленеющей теперь только кустарником на бывших просеках. Этот-то треугольник в Кавказской войне имел великое значение: он вмещал территорию Большой Чечни и соплеменной с нею кабардинский и куринский, должны устремлять свои взоры, – там искать знакомых им мест, для пробуждения славных воспоминаний… прямо на восток широкой пеленою чернеет лес, подернутый синеватым паром, – это достопамятный Ичкеринский лес. В нем сильный отряд наш, поведенный в 1841 г. к Дарго неверным проводником, по неизвестному безводному пути, томился в зной жаждой и, окруженный многочисленным врагом был близок к погибели; но кабардинский и куринский полки спасли там честь русского оружия… Генерал Граббе, выслушивая на барабане донесения, плакал в том лесу, потому что в нем, отбивая орудия, уступленные неприятелю другими частями, большая половина людей храбрых полков легла костьми – «мертвые бо срама не имут». За этим лесом, к юго-востоку, находится в одном переходе обширная поляна, где на берегу Аксая, – был аул Дарго. На пепелище его в 1845 г. стоял наш главный чеченский отряд, пробившийся из Северного Дагестана чрез Андийские ворота. Отряд, сильно утомленный трудными переходами, оставался на занятой позиции 6 дней, в ожидании вьючного транспорта с жизненными и боевыми припасами, имевшего прибыть из Шуры, но когда колонна, посланная во временное генералом Пассеком, то главный наш отряд очутился в безвыходном положении. Окруженный густыми толпами неприятелю, устроившего завалы на всех возможных к отступлению путях, он начал, наконец, движение, придерживаясь левого берега Аксая к ук. Герзель-Аулу, чрез Ичкеринский лес. Со скудным запасом патронов и орудийных зарядов, со множеством больных и раненных, 5 тысяч тех и других и столько же оставалось под ружьем, он не мог делать более 3 – 4-х верст в день, сражаясь среди леса с препятствиями на каждом шагу. Упав физически силами, войска отряда не упали духом: исхудалые как тени, они с непоколебимым мужеством дрались в продолжении

7-ми дней беспрерывно. В эти дни трудных испытаний особенная часть принадлежит храбрым кабардинцам. Офицеры этого полка, честно исполняя свой долг, умирали героями впереди своих частей. Другие из них, залитые кровью из полученных ими ран, еще мечтали о славе своих знамен. Ротный командир Нейман, в жаркой схватке с неприятелем, был сильно ранен впереди своей роты. Главнокомандующий, очевидец его храбрости, подошел к раненному и спросил: какую он желает получить награду. «Одного желаю», отвечал этот офицер: – «скажите откровенно, Ваше С – во, какой полк храбрее кабардинский или куринский?» – «Кабардинский», сказал ласково, с неизменно доброй улыбкой, кн. Н. С. Воронцов. Другой ротный командир этого полка, поручик Киселев, во время отступления отряда от Дарго, спас самого главнокомандующего от угрожавшей ему близкой опасности. Случай этот, – о котором едва ли где было сказано печатно в то время, но о котором я слышал от нескольких участников в Даргинском походе и, наконец, от самого г. Киселева, – произошел при следующем обстоятельстве. Вследствие поспешного движения головы колонны, она, не доходя версты полторы до аула Шахмал-Берды, разорвалась в лесу, в том месте, где главнокомандующий шел пешком без всякой случайной свиты и в сопровождении одного только штабного офицера. Шагах в 150-ти позади следовал с 3-й егерской ротою, у прикрытия орудий, Киселев. Толпа горцев, чел. в 50, бросилась с гиком, с правой стороны, в образовавшийся в колонне интервал – и прямо устремилась на кн. Воронцова, который прислонясь спиной к толстому дереву, уже, было, обнажил шашку для самозащиты. В это мгновение Киселев, ни минуты не колеблясь – как ему поступить, имея на ответственности сохранение орудий, скомандовал одному взводу своей роты – вперед, бегом марш, и во главе его неустрашимо бросился на перерез неприятельской толпе, бывшей уже в 30-ти шагах от главнокомандующего. Неприятель, встреченный огнем и штыками, был во время остановлен и отброшен в глубину леса. Покойный кн. Воронцов, приказал адъютанту записать фамилию Киселева, при этом взволнованным голосом сказал последнему: «я никогда вас не забуду, – вы будете примерно награждены». Всем же нижним чинам во взводе, 48-ми чел., там же, в присутствии своем, приказал выдать по 50-ти руб. сер. Каждому. После этого случая, едва нестоившего жизни маститому вождю Кавказской армии, храбрый генерал Лабинцов, командовавший арриергардом, сказал ему: 2Вот те страшные горцы, о которых Раше с-во, в первые дни похода, изволили спрашивать: – «Где же они, эти страшные горцы?» Не смотря на все это, не смотря на храбрость храбрейших войск, отряд погибал: потому что патроны уже были на исходе, а солдаты и офицеры уже несколько дней питались кониной и кое-какими растениями. Но вдруг спас его другой отряд, пришедший форсированным маршем на помощь. Он доставил ему боевые припасы, когда у него оставалось всего три картечных заряда, берегшихся на самый крайний случай, – и помог ему выбраться из леса, ударив в тыл неприятелю. Как в праздник Светло-Христова Воскресения чины обоих отрядов, близь урочища Мискит 19 июля, заключали друг друга в объятия и пришедшие на выручку по-братски разделили с бедствовавшими сухари и все что имели. Начальник секурсировавшего отряда, генерал фрейтаг, узнав о бедственном положении главного отряда, не теряя ни одной минуты на сборы, выступил из Грозной к Генерал к Герзель-Аулу, забрав по пути следования в свой маленький отряд мелкие части и даже госпитальные команды. Необыкновенная поспешность сборов и быстрота движения по кружному пути делают величайшую честь этому генералу, умершему во время Венгерской кампании. Узнал же Фрейтаг, бывший в то время начальником левого фланга Кавказской линии, о критическом положении главного отряда от юнкера Кабардинского полка Долотовского. Еще в то время, когда отряд стоял на Даргинской поляне, главнокомандующий тотчас после катастрофы с «сухарной экспедицией», предвидя бедствия и не ходя ни за какие деньги лазутчиков, приказал вызвать охотников, знавших по чеченски и готовых пробраться сквозь неприятельские толпы и подать весть генералу Фрейтагу о положении наших войск в Ичкерии. В числе нескольких вызвавшихся нижних чинов был

и Долотовский. Только одному ему посчастливилось выполнить опасную миссию и подать во время спасительную весть: все его товарищи, ползком выбравшиеся из бивуака ночью, пропали без вести. Покойный Долотовский, убитый абреками в 1861 г., в чине подполковника, так рассказывал об отважном своем странствовании по морю лесов, где, по словам его, он был на краю погибели. Достав у линейных казаков, находившихся в отряде, полный джигитский костюм, т. е. заселенный бешмет, всю в дырах черкеску, вытертую папаху, изношенный чевяки и простой кинжал, – он счастливо прополз между неприятельскими постами и потом уже смело прошел между толпами горцев. Шел он целую ночь и только на рассвете немного соснул в чаще. По утру взобрался на дерево и, высмотрев направление куда идти далее, продолжал путь, не останавливаясь. К полудню он набрел на дорогу и пошел по ней. Вдруг попадается ему на встречу, в полном вооружении, горец. Измерив странника подозрительным взглядом, он спросил его по чеченски: откуда и куда он идет. Заподозренный отвечал: из такого-то в такой-то аул, по своему делу. – «Враг пришел в нашу землю и ее разоряет, а ты ходишь так далеко по своим делам! да – и дорога твоя не здесь… пойдем-ка со мной к наибу – он лучше расспросит, а теперь отдай-ка мне свой кинжал». С этими словами, не в бровь, а в глаз сказанными коренастым чеченцем, он снял грошовый кинжал с Долотовского. Последний безусловно покорился страшному предложению и рядом с первым смиренно пошел по дороге, неудачно избранной. Пройдя так некоторое расстояние, он не придумал ни одного ответа на могущие последовать со стороны наиба вопросы; да – и никакие удачные ответы не спасли бы его уже, потому, что на бороде его были заметны следы бритвы, когда на голове их не было. Вдруг что-то в лесу привлекло внимание неосторожного чеченца: он повернул голову в сторону и стал прислушиваться. В это мгновение мысль о возможности спасения вдруг родилась в уме Долотовского, – в это же мгновение он выхватил у чеченца кинжал из ножен и ловким дуаром в грудь убил его на месте. После этого неприятного случая он шел только ночью, и не по дороге, а по лесным дебрям. На третий день странствования он вышел против ук. Воздвиженского и явился воинскому начальнику. Получив верховую лошадь и конвой, он проскакал 24 версты в Грознуб и доложил Фрейтагу, зачем был послан. К западу от Даргинской поляны, в расстоянии одного дня езды верхом, находится на р. Хулхулау, впадающей в Сунжу, ук. Ведено, – не давно бывшая штаб-квартира куринского полка. Оно построено вблизи места, где был аул этого же названия, в котором была последняя резиденция Шамиля, взятая нашими войсками приступом в 1859 г., после осады, продолжавшейся с 12 февраля по 1-е апреля того года. На прочно и правильно воздвигнутые валы, за которыми в блиндажах упорно отсиживались последние мюриды, предоставлена была честь идти, в голове штурмовых колонн, 1-му батальону Тенгинского полка и 3-му стрелковому, – что теперь 3-й Кавказский стрелковый. За штурм эти батальоны имеют Георгиевские знамена. Ведено, где 25 лет назад существовал центр, откуда распространялась религиозно-фанатическая пропаганда, противоречившая всякому прогрессу европейской цивилизации, – в настоящее время, подобно Воздвиженскому, имеет также задатки для будущего городка. И здесь есть церковь, есть лавки с бакалейными и красными товарами, есть бульвар с гуляющими на нем дамами. Базар же здесь далеко лучше, чем в Воздвиженском, на который из окрестных аулов является много чеченских женщин с живностью, маслом и яйцами, которых им негде сбывать: так как Ведено от Воздвиженского в 50-ти слишком, а от Грозного в 60-ти верстах. Настоящие его коренные жители одного и того же элемента что и в Воздвиженском: это несколько человек заезжих купцов, несколько отставных офицеров и слишком 100 дворов отставных женатых солдат, на всегда здесь поселившихся и занимающихся мелкими промыслами. Но эти первые колонизаторы на завоеванной ими почве, по неимению в нагорной полосе свободных земель, пользуются только небольшим выгоном для пастьбы скота. Верстах в 26-ти к западу от Ведено, у подошвы лесистого хребта, отделяющего Ичкерию от Чечни, в 1852 г. был Талгиков-Аул. Лучший наиб Шамиля (он умер в 1865 г.), управлявший Большою Чечней

и пользовавшийся уважением народа, жил в своем ауле, где у него постоянно находились два полевых орудия. – Вот, в выше сказанном году, в темные сумерки одного мартовского вечера, куринский полк тихо и налегках выступил из Воздвиженского укрепления и, пройдя слишком 20 верст, сделал на рассвете визит Талгику, вовсе неожидавшему гостей. В ауле произошел страшный переполох; хотя хозяин успел выбраться из сакли, но поплатился иллюминацией в своей резиденции и своей артиллерией, находившейся во дворе наиба под сараем, где ею и овладели куринцы после рукопашной схватки. Пока горцы из окрестных аулов собрались на тревогу, полк форсированным маршем быстро отступил по опасной дороге и благополучно возвратился в штаб- квартиру, с небольшой потерею и взятыми у неприятеля орудиями. Эти орудия, подаренные покойным Императором Николаем Павловичем куринскому полку, составляют его собственность и, находясь у крыльца квартиры командира полка, красноречиво говорят молодым солдатам о молодецком подвиге их храбрых предшественников. На половине дороги между Ведено и Грозным, на провом берегу Аргуна, находится обширнейшая и плодороднейшая в Чечне Шалинская поляна. Долго и энергично отстаивали чеченцы свою житницу, окруженную со всех сторон лесом. Когда же после нескольких зимних экспедиций на ней аул Шали переселился поближе к горам; но горцы, – по роспуск нашего отряда, зимою в 1850 г., для удержания за собой дорогого поля, дававшего обильный урожай кукурузы, решились на большие усилия и затраты непривычного для них труда. С этой целью они предприняли серьезные фортификационные работы, которыми в продолжение нескольких месяцев постоянно были заняты тысячи рук: они загородили доступ к поляне глубоким и широким рвом, имевшим не менее версты в длину. По рву был насыпан вал, увенчанный палисадом и охранявшийся постоянно гарнизоном. Об этом сооружении горцев, исполненном под личным наблюдением Тамика и известном под названием Шалинского окопа, носились тогда преувеличенные слухи, как о неприступной твердыне. Но вдруг, летом того же 1850 г. в одну прекрасную ночь у ворот Воздвиженского укрепления явился Слепцов с своим Сунженским полком и потребовал 2 роты куринцев, вместо 2-х рот Тенгинского полка, подхваченных им на Сунже и не могших далее следовать за конницей. Спустя несколько часов, он с этими силами внезапно атаковал твердыню Талгика. Неприятельский гарнизон, приведенный в ужас неожиданным появлением нашей кавалерии и следовавшей за нею бегом пехоты, успел сделать только один залп; но кавалерия, с вождем окопа и опушкой леса. Часть отрезанного гарнизона успела спастись бегством в лес, остальная была изрублена. Славный подвиг взятия Шалинского окопа, совершенной с изумительной быстротой и отвагой, хотя не имел тогда решительных последствий, но он показал горцам всю тщетность их усилий удержать искусственными преградами неудержимую храбрость наших войск. После этого шалинская поляна, до окончания Кавказской войны, не раз посещалась нашими отрядами, имевшими под начальством князя Барятинского, барона Врангеля и графа Евдокимова еще не один жаркий спор за обладание ее. **Наконец, в 1864 г. на поляне этой разыгралась последняя кровавая драма,** ***(Учение «Зикра» придумал Мулла Кунта; оно тот же миридизм только более замаскированный в молитву, пост и покаяние.)*** **когда последователи зикристского учения вздумали, с политической целью, открыто поднять знамя бунта. В январе месяце того года собрались вдруг на поляне 3 тысячи вооруженных зикристов; тщетно начальник отряда, генерал-майор князь Туманов, посылал к ним несколько раз преданных нашему правительству людей – уговорить их разойтись. Видя, что увещания не действуют, а между тем враждебная толпа все увеличивается, он отдал приказание отряду, состоявшему из 7-ми батальонов навагинского, куринского и кабардинского полков и одной батареи, отступать. Лишь только отряд начал движение, как зикристы, надвинув папахи на глаза, с бешенством бросились на отступавшие войска; но картечь и залповой огонь батальонов охладили пыл иступленных фанатиков, уже хватившихся руками**

за штуки. Около 500 тел убитых и раненых сектантов осталось на месте схватки; остальные рассеялись и на другой день сами прислали из среды своей депутатов с повиною. Теперь на Шалинской поляне, в контраст следов гигантского окопа горцев, мирно преуспевает в земледельческом и промышленном развитии богатый аул Шали, в 1,500 дворов. В нем есть постоянные лавки с красными и мелочными товарами, с чаем и сахаром, и в неделю раз, по вторникам, становятся большие базары, на которые приезжают из Воздвиженского, грозного и ближайших станиц. На очерченном мною треугольнике указаны только более или менее замечательные события во время Кавказской войны; сколько же на территорию Большой Чечны, с самого начала войны, предпринималось уничтожения хлебов и сена непокорных, – сколько при этом происходило жарких дел и маловажных перестрелок, их не перечислить, не привесть к итогу никакому историографу русского владычества на Кавказе! Во всех этих кровавых делах в особенности постоянно участвовали 79 куринский Его императорского Высочества Великого Князя Павла Александровича и 80 кабардинский фельдмаршала князя Барятинского пехотные полки, а также 78 пехотный Навагинский полк. Кровью и потом этих полков заслуживших здесь великую честь своим знамен, буквально упитана чеченская земля. 77 же пехотный Тенгинский Его Императорского Высочества Великого Князя Алексея Александровича полк, при покорении Чечни, потрудился, сравнительно, менее: передвинутый с западного Кавказа на Восточный только вскоре после Даргинского похода, он не был участником не в этом походе, ни в кровопролитном деле на Валерике, ни в Ичкеринском лесу. Но тот полк- пользовавшийся благоволением еще Суворова и имеющий от него, как знак этого благоволения, икону Св. Автоном, им свято хранимую, – ища на Кавказе местностей для пробуждения гордых воспоминаний, должен устремлять мысленные взоры на восточный берег Черного моря: на том берегу, не раз обагренном его кровью, есть места, которые вечно будут свидетельствовать о его подвигах и трудах при покорении Кавказа; там еще можно видеть мусор Михайловского укрепления в 1840 году трагически погибшего, вместе с бессмертным рядовым Архипом Осиповым, «во славу русского оружия». Посвятив несколько беглых страниц местам в Чечне, ознаменованным подвигами славных полков, принимавших наибольшее участие в покорении самого воинственного племени Кавказ, в заключение скажу несколько строк и о покоренных. **Чеченское племя принадлежит к коренным кавказским племенам и говорит языком, непонятным кумыку и дагестанцу, горящим татарскими наречиями. Тип этого племени равно отличен; между чеченцами много блондинов, а брюнеты не отличаются азиатская раса**. Малорослых между ними можно встретить редко; все они, по большей части, роста выше среднего. У них нет привилегированных сословий: нет князей и беков, как у кабардинцев, кумыков и дагестанских народцев; за то каждый чеченец говорит: «Я уздень». Но это не мешает им ходить за сохой или возить дрова на базар, а женам их с открытым лицом, приносить туда же на продажу кур. В этом отношении чеченские уздени ни сколько не подражают неразумному обычаю кабардинских уздений и осетинских алдар, которые, когда прижмет нужда, скорее отправляются на воровство, но ни за что не замарают на черной работе своих привилегированных рук. Все чеченцы мусульмане сунитского толка – и, надо полагать, что никогда не были христианами: в Чечне нет памятников древнего христианство. Этого, однако, нельзя сказать об их соплеменниках, живущих от них к западу: акинцах, галгаевцах и ингушах, которые быв издревле христианами, еще очень недавно перешли в магометанство. Кабардинцы и кумыки говорят, что чеченцы были хлопами их предков; последние отвергают это, – но несомненно то, что они кабардинским и кумыкским князьям когда-то платили дань; но данники в конце концов прогнали своих вассалов и сделались, таким образом, народом свободным, без всяких сословных каст. Такими они покорились и под власть Шамиля, в 1840 году. Чеченцами населены округа: Чеченский, Аргунский, Ичкеринский и часть Хасав-юртовского округа. По официальным

сведениям за 1868 год, всех чеченцев в названных округах считалось 120,395 душ обоего пола; в настоящее время, с народившимся с того времени и возвратившимся из Турции, можно их полагать за 150 т. душ обоего пола. Переселившиеся в 1865 году в Турцию на другой же год стали оттуда возвращаться. С тех пор, с началом каждой весны, оборванные и голодные толпы их с привязанными детьми за спиною матерей, выходили до последней нашей войны с Турцией, проклиная свое легкомыслие, своих единоверцев турок, поселивших их в пустынях Аварии, и своих влиятельных одноплеменников, которыми были подстрекнуты на эмиграцию. Возвратившихся на родину местное начальство водворило в аулах, где живут их родственники. Возвратившиеся на родину снова успели поправиться и обзавестись необходимым хозяйством. – Чеченцы вообще трудолюбивы и одарены практическим смыслом. В последние годы они занялись хозяйством и некоторыми промыслами, главные статьи которых: хлебопашество, пчеловодство, вызов на продажу строевого леса и разведение табаку. Лучшие сорты последнего, семена которого принесены выходцами из Турции, скупают у них местные табачные выходцами из Турции, скупают у них местные табачные фабриканты, армяне, и продают за настоящий турецкий. Зажиточные между ними начали обзаводиться домами и некоторой обстановкой на русский манер, а также и самоварами. Бедные, хотя лишены этой роскоши, но держут в доме немножко чаю и сахару – чтобы, при случае, угостить русского кунака. Сближению их с русским населением помогают базары в грозном и больших торговых аулах – Урус-Мартанском и Шалинском. Более зажиточные торгующие в этих пунктах, в последнее время сами стали ездить за товарами в Нижний-Новгород. Такой заметный толчок в их образе жизни, стремление к благосостоянию ясно говорят о начавшемся повороте в их диких нравах. Рельсы Ростово-Владикавказской железной дороги, проведения которой по Сунже и они ждут нетерпеливо, должны окончательно приковать их к России. Этому уже едва ли помещает их прежнее тяготение к Турции, в которой они горько разочаровались. К характеристическим чертам этого храброго народца следует отнести: гостеприимство, замечательную чистоту и опрятность в жилищах и солидную, без чванства гордость. При разговоре об общей воинской повинности, о которой им давно известно, они прежде всего задают вопросы: «А князь служит? А купец служит?» На ответе в положительном смысле они говорят: «Это хорошо, ей-богу хорошо! А жалованье Царь дает? – дает, ответишь. «А чушка не будут давать кушай?» – не будет. «Это хорошо, ей-богу хорошо! можно служить», снова скажут с важностью. Общая воинская повинность, насколько она их может коснуться, многих из них больше всего, кажется, пугает чушкой, в которой они, как мусульмане крепкого закала, питают отвращение. До какой степени оно в них сильно, можно судить по поджогу в Атагинском ауле новенькой мечети, – только потому, что русские рабочие, при побелении стен известью, употребили для этого щетки из свинной щетины. Что будет впереди, предсказать невозможно; но, судя по настоящему благосостояния чеченцев, которым они очень дорожат, позволительно думать, что они – когда настанет время – также станут в народные ряды, для защиты их нового отечества, искренно открывающего им пути к мирному развитию и лучшему будущему. Во время минувшей войны с Турцией, в Чечне не было восстания подобного в Дагестане, и вообще массы чеченцев держали себя благоразумно.

Не святочный рассказ. Стр. 234. Выйдя после службы на Кавказе в отставку, я поселился на покой вблизи широкого, глубокого Днепра и не очень далеко от прибрежного уездного города. Раз как то был я в этом городе, и покончив свои дела, отправился вечером, убить свободное время, к новому моему знакомому, – тоже отставному военному, – жившему недалеко от гостиницы, в которой я остановился. Отправляясь к нему, по пешему хождению, я надел под шинель черкесскую шашку. Встретя меня в передней, он удивился, что на мне шашка, и спрашивает смеясь «Это зачем у нас – в мирной Малороссии»? – по старой кавказской привычке, отвечаю: без оружия – шагу никуда в ночное время. Притом же ваш город один из разбойничьих; давно ли, – говорю, – у вас так называемые

халамидники совершили два убийства среди белого дня, – одно на улице, другое на конной площади? «-Верочка! Верочка!… к нам пришел давно желанный гост, – да еще в каком смертоносном оружии выйди посмотри!…» Вера Константиновна, молодая, наивная дама, недолго заставила себя ожидать и выйдя в гостиную, после первого приветствия, вместе с мужем стали рассматривать великолепную мою шашку, оправленную в серебро под чернь. – Да, это действительное оружие! – говорит добрейший мой знакомый, бывший гусар, слушая серебряный звук искусно выкованного булатного клинка, спрашивает: – «а скажите откровенно, случалось ли вам во врем вашей долгой службы на Кавказе, рубнуть этой шашкой черкеса или турка»? – Поистине говоря, не случалось, но в минуты большой опасности, приходилось дважды обнажить шашку для самозащиты. – «Это должно быть очень интересно; расскажите, расскажите, как это было, – вы доставите нам большое удовольствие», – обратились ко мне с просьбой Вера Константиновна и муж ее. «но это длинная история, мой рассказ вас только утомит» – Нет! нет! – мы вас будем слушать со вниманием; вы так хорошо говорите»! Нечего было делать, я согласился, наконец исполнить просьбу любезных хозяйки, и хозяина, и после чаю и неизбежной в Малороссии закуски, рассказал – без описания красот и картин природы, – этот бывший со мной случай и связанные с ним два случая не со мной. Да, я служил на Кавказе долго: с первых офицерских чинов. В 1850 году, в чине подпоручика, я служил в одном из старых Кавказских полков. 4-й батальон этого полка, в котором я был младшим офицером, осенью того года, перед зимней экспедицией в горы стоял на тесных квартирах в станице Михайловской, на передовой Сунженской линии, начальником которой в то время был уже и тогда с громким именем – Слепцов. Во второй половине ноября мы, в ожидании приказа выступить в подход, были всякий час, как говорится на чеку. Помню, в один туманный с изморозью день, когда дороги покрываются гололедицей, вдруг нежданно негаданно получил я предписание такого рода: «немедленно с получением сего отправиться совместно с батальонным лекарем Торсуговичем в укрепление Закан-Юртовское, для присутствования за депутата при вскрытии тела скоропостижно умершего фельдфебеля пехотного полка и проч. Прочитав предписание, с надписью на конверте «весьма экстренное», я посмотрел на часы – был ровно час дня, а до Закан-Юрта считалось 20 верст. А потому ефрейтору, принесшему мне предписание и имевшему особый запечатанный конверт, для вручения батальонному медику, я приказал как можно скорее идти к нему на квартиру, а деньщику моему – седлать лошадь. Не тотчас удалось мне и ефрейтору разыскать в большой станице нашего эскулапа, он в это время резался в грошовый преферанс у одного из наших ротных командиров. На силу убедил я его разделить затянувшуюся пульку, и то лишь – когда решительно заявил, сто в противном случае я уеду один, так как путь не близок, дорога к вечеру по линии опасна, а быть в укреплении надо сегодня. Когда мы выехали за станичные ворота, было около трех часов пополудни. Мы пустили наших лошадей сразу крупной рысью. Дорога как стеклом, была покрыта гололедицей; сверху моросил не то мельчайший дождь, не то туман. Горячий карабах мой, подкованный на азиатские и сильно стертые подковы, то и дело скользил. Дорога наша лежала по левому, безлесному берегу Сунжи, по правой стороне реки, у самого берега тянулся густой лес. Уже вечерело, когда мы проскакали версты три за постовое казачье укрепление с вышкой, бывшее как раз на половине пути между станицей и Закан-Юртовским укреплением, в котором в горнизоне стояли две роты не нашего полка. Вот, мы молча едем и все поглядываем направо на лес. Вдруг видим: два горца показались из-за опушки леса, и шибко погнали лошадей вброд через не широкую реку и прямо к нас. Доктор в ужасе воскликнул: «ах Бог мой! Да это непременно абреки»! … хлеснул коня своего нагайкой и поскакал во всю прыть. Сообразив, что мы далеко не так вооружены как два погнавшиеся за нами горца, я то же последовал примеру доктора. Проскакав таким образом с версту, я оглянулся назад и увидел: один чеченец с версту, я оглянулся назад и увидел: один чеченец был от нас саженях в восьмидесяти, другой подальше, и, стоя у своей лошади,

поправлял седло – вероятно у него что нибудь оборвалось. В это время мы приблизились к небольшой балочке, через которую шла дорога, доктор проскакал ее благополучно; но мой скакун, на подковах без шипов, как на салазках скользнул и грохнулся, у противоположного подъема; грудью и мордой в крови о мерзлую землю. К счастью, я выпрыгнул из седла без ушиба, схватил коня под уздцы и всего дрожащего вывел из балки. Но садится на него снова и снова удирать в балочку, другой отставший, садился на коня. Я выхватил из кобыру нарезной одноствольный пистолет, а из ножен до половины шашку и держа крепко левою рукой лошадь под уздцы, а в правой пистолет, стал я с лошадью поворачиваться лицом к врагу, наровившему заехать мне в тыл. Не большого роста горцев, с зверской рожей в старой в дырах чухах и рыжей бурке, подскочил ко мне на пистолетный выстрел и ломаным русским языком сказал: «апицер дай лоша, не дай – мая будет трелай»… При этом требовании оборванца, вдруг чувство страха сменилось чувством бешенной злобы, и я почувствовал будто у меня в груди что-то загорелось… Я громко на него крикнул: гайда, гайда, байгуш! Но байгуш не испугался моего грозного крика – он выхватил из-за пояса свой длинный пистолет и спустил курок… Напрасно я уклонил голову за шею лошади, кремневый пистолет в сырую погоду дал осечку… – Благодарение Богу, подумал я: – еще Господь милостив ко мне, – и в свою очередь взвел курок пистолета, на второй взвод и прицелился во врага; но он дал коню нагайку и, отскочив шагов на сто, стал кричать что то по чеченски в сторону своего товарища, скакавшего к балке. В это самое мгновение, когда видя приближение другого врага, я уже решил в уме бросить поводья и, с шашкой в одной руке, и пистолетом в другой, не отдаваться живым в руки хищников, – друг, из-за возвышения впереди показались быстро несущихся пять всадников: то был доктор и четыре казака с ближайшего пикета. Я был спасен; а абреки во всю прыть ударились к реке и, переправясь вброд, скрылись в лесу. Казачий пикет был за пригорком, не далее версты расстояния от места, где я был атакован. Доктор, прискакал на пикет, заявил о погоне за нами абреков и о том, что я, про неизвестной ему причине, отстал. Вследствие его заявления, казаки тотчас вскочили на своих коней, всегда оседланных, и вместе с доктором помчались выручать меня и в самую пору. Настали уже совсем сумерки, и ночные тени все гуще и черней ложились на окрестности, когда мы с казаками, съезжавшими на ночь с пикета, подъехали к воротам укрепления, в окнах казармы которого уже светились огни. Старший ротный командир и вместе воинский начальник укрепления, капитан Кузлов, которому мы, сойдя с коней, прямо явились, принял на с обычным старокавказским радушием и оставил пока у себя; а вскрытие тела скоропостижно умершего назначил на завтра. Вскоре за нами к почтенному, под сединой капитану пришли другой ротный командир, штабс-капитан Завирский и прапорщик Сенин, а за ними и старшина Закан-Юртовского аула, известный в то время храбрец между мирными чеченцами, офицер милиции – Садула. Затем, не замедлили явиться – на одном столе самовар со всеми принадлежностями, а на другом закуска и бутылки. За чаем капитан Кузлов, с которым я был прежде немного знаком, несколько раз на меня пристально взглянул, наконец, спросил: «здоровы ли вы? Вы что-то бледны или, как будто, расстроены»? … От взора старого кавказца, бывшего, вероятно, не раз в подобных передрягах, не укрылось, видно, душевное мое состояние от только что испытанных сильных ощущений. Но прежде, чем я собрался с духом отвечать на заданный мне вопрос, эскулап наш поспешил успокоить капитана, на счет моего здоровья, и рассказать о вероятной причине моей бледной и вытянутой физиономии. Беглый рассказ доктора я, за стаканом чая, дополнил подробностями о бывшем со мною эпизоде. «Значит, вы подпоручик, сначала отдали дань трусу, а когда опомнясь увидели, что дело совсем дрянь, сами захотели крови врага. Оно в подобных случаях почти со всеми так бывает. Только не хорошо то, что вы лошадь вашу в такую позднюю пору года не куете на подковы с шипами. А вам, доктор советую впредь тотчас делить пульку, если вы еще когда нибудь получите, за преферансом, предписание немедленно отправиться на службу… Ведь, здесь не матушка Россия и пускаться за двадцать верст в дорогу в глубокую осень, в три

часа дня, без конвоя, и не с таким оружием как у вас, господа, – уверяю, весьма опасно! … – Вот не далеко ходить за примером: – капитан обратился ко мне, – «всего два месяца назад как погиб, уехавши вперед оказии». А все почему? Авось кривая вывезет… понадеялся на доброго коня и вострую шашку… Да, немало таки за мою здесь службу погибло ни за понюх табачку новичков на Кавказе… один, другой раз сойдет, а в третий смотришь – попал рискач, в недобрый час, как ку во щи»?! После закуски, из азиатского сыру и дичи, запитой бурдючным кахетинским, капитан вытер салфеткой свои большие, с проседью, усы и возобновил беседу на прежнюю тему. «Ну милейший товарищ, – обратился он к штабс-капитану Завирскому, – хоть вы и отличный стрелок, и говорите, что горцы, если не дать им повода на охотников зря не нападают, но смотрите как бы вам, в один прекрасный день, не поплатиться за ваш риск… не далее как вчера: признаюсь, я был в большом за вас беспокойстве… Хоть я вам и очень благодарен за вашу превосходную козлятину и кабанину, без которых, право, не чем было бы угостить наших жданных гостей, но все таки я вас прошу не заходите вперед слишком как это вы сделали вчера. Я же как воинский начальник ответствен перед Богом и высшим начальством за всех здесь, в укреплении. Кстати, пришлось к слову: расскажите, как это вы, когда то на охоте, нарезались чуть ли не на полдесятка красного зверя и всех – слышал я – уложили из вашей двухстволки. Об этом необыкновенном случае было-бы приятно слушать от вас самих». Штабс-капитан Завирский, отпив из стакана кахетинского, на минуту задумался и скромно ответил: – В бывшем со мною на охоте случае особенно необыкновенного не много: сначала я почувствовал холод, как в лихорадке, потом бросило в жар, и когда увидел, что зверь кинулся, чтобы уничтожить меня, я сам сделался зверем и уложил одного за другим, – но не полдесятка, а всего троих. – «Напротив, это весьма необыкновенный, редкий случай – справиться одному с тремя горцами, да еще в лесу. Вы только не скромничайте, – возразил капитан, – а расскажите подробно, при каких именно обстоятельствах посчастливилось вам совершить ваш храбрый подвиг». – Сколько могу припомнить, вот при каких: около трех лет тому назад, когда я служил в другом полку, две наши роты стояли в редуте на Гойте. Скука была смертельная, оказия не часто ходила в Грозную, маркитант у нас был совсем плохой и питаться было почти нечем. Вот, мы давай промышлять за дичью; коз, кабанов, оленей вблизи укрепления было чего больше. Зарядив пустой ствол двустволки пулей, я бегом почти пошел по кровавому следу зверя, думая: авось, поистекет кровью и скоро упадет. След вывел меня на тропинку, мне знакомую; она вела на другую поляну; недалее версты расстояния от первой. На право тянулся глубокий, поросший непроходимой чащей, овраг, на дне которого бежал ручей; налево по крутому косогору, как стена, высился густой, молодой лес, с претолстыми кое-где по местам чинарами, пощаженными через толщину свою топором нашего отряда, давно делавшего там просеку. Тропа так узка, что не везде могли бы идти рядом два человека; ветви с одной и другой сторон беспрестанно цеплялись и хлестали по голове и лицу. Прошел я так с четверть версты, как вдруг, выйдя за крутой поворот тропы влево, вижу: пробираются по ней, на встречу мне, три здоровенных чеченца; ростом не менее Садулы. Винтовки у всех без чахлов и в руках; и передний из низ, не более как в 15-ти шагах от меня на минуту остановился и – - взвел курок… мороз пошел у меня по спине… я тоже остановился, но, в тот же миг, сообразил, что делать: я быстро повернул назад, за поворот тропы, и, прислонясь левой грудью к росшему у самой тропинки старому чинару, взвел у двустволки моей курки… лишь только успел я это сделать, как из-за поворота показались, двигаясь гуськом, чеченцы… – Жаль было также и подстреленного мною оленя, который, может быть, недалеко от рокового места достался в добычу орлу, или хищному зверю, но ротный командир, прибежавший на два мои выстрела, не согласился идти дальше; только, по просьбе прибежавших с ним стрелков, он позволил им снять с убитых оружие, впрочем, грошовое. Я же, на память об этом случае, снял с первого мною убитого шашку с порядочным старинным клинком, которая и теперь у меня хранится. – «Ну, а родственники убитых взяли «камлы» с вас, в укреплении, т. е. кровь за кровь», –

спросил штабс-капитан Садула – как не взяли? Взяли! – сказал он: – сначала мы долгое время не ходили на охоту, а потом стали ходить, но в противоположную сторону от немирного аула, из которого были мною убиты, и притом, ходили очень осторожно и недалеко. А спустя еще некоторое время, убили на дороге приказчика нашего маркитанта, армяшку, ехавшего верхом в Грозную, и уехавшего несколько вперед оказии. На этом «камлы» и кончилось. «Из этого вашего рассказа, – заметил капитан, – я убеждаюсь в ошибочности мнения, что горцы не нападают на наших охотников, и еще убеждаюсь, покрайней мере в двадцатый раз, в том – в той истине, что нет такого храбреца, который при внезапной, неожиданной опасности, -когда смерть перед вами во очию, а другая стоит за плечами; -хотя на одну минуту не струсил бы». – Наши немирные чеченцы на русских охотников, на открытом месте, не нападают, – они их всегда обходят, возразил **Садула**: – эти же, которых уложил **Завирский**, повстречавшись с ним на узкой тропе не могли его обойти, и как их было трое, то они не задумались очистить себе дорогу от одного. А что до того, что и храбрые люди иной раз, в недобрый час, работают – это правда. «значит: и ты, наш храбрейший джигит, также поклонился «трусу?… Значит, я в последнем убеждении не ошибся?» – снова начал капитан обращаясь к Садуле. «Где же и когда это с тобою случилось? Не тогда ли, когда был еще не мирным? Не в схватке ли с нашими линейцами?» – Когда я был немирным, не помню, чтоб когда-либо в деле с русскими я сробел… нет! Аллах свидетель – этого со мной не случалось! Хоть случалось бывать в схватках – не раз, не два – горячих!… но, признаюсь вам, раз в жизни моей я все же струсил – да так крепко, что был болен… Да, я струсил – только не русских и не живых людей: – я струсил шайтанов». Так говорил Садула, мужчина лет пятидесяти, высокого роста, с мужественными чертами лица и глубоким рубцом на левой щеке, – с двумя офицерскими орденами на широкой груди и четырмя серебряными и золотыми медалями, с надписью «за храбрость». – О, да это прелюбопытно! Пожалуйста расскажите, где и как вы видели шайтанов, и что они вам? – почти в один голос воскликнули мы, обращаясь с просьбою к храбрецу.. «Погодите, погодите, господа», – сказал капитан: – «чтоб кто-нибудь из нас не струсил чертовщины, про которую расскажет нам Садула; надо прежде для храбрости выпить кахетинского, а ты, кунак, как не вкушаешь виноградного, выпей-ка рому или очищенной». Предложение хозяина было принято, и Садула, разглаживая рукой свою, с проседью, бороду начал свой рассказал так: – 26 лет тому назад, когда я был немирным, жили мы, т. е., мать моя, меньшой брат мой и еще меньшая сестра, здесь же, в Малой Чечне, у самых черных гор. Вот, раз покойная мать моя говорила: «Садула! Тебе, надо взять жену: тебе уже больше 20-ти лет, а я состарилась, стала хворать, иной раз мне в немоготу спечь вам и чуреки. Знаю у нас нет подходящих для тебя невест – аул наш небольшой. Ты поезжай-ка в Большую Чечню, в аул **Герменчук** к двоюродному моему брату **Траму.** Аул тот большой, девок в нем не мало, да и калым там не такой, как у нас. И меня покойный отец твой взял оттуда же». – Я послушался совета матери и, помню, в один ясный осенний день оседлал моего иноходца, и поехал в Герменчук, до которого от нашего аула был день езды. Вечером того же дня я уже сидел в кунакской моего двоюродного дяди. Передав поклон от моей матери, я объявил, по какому делу приехал к нему в гости. Выслушав меня, он сказал: «Завтра я пойду – поразведаю, если благословит Аллах, ты найдешь у нас то, за чем приехал. А теперь поужинай и отдохни с дороги!» Благодаря старанию моего, давно покойного дяди я засватал в Герменчуке дочь узденя Темира, родственника жены дяди Трама. Прогостил я у них два дня: просят еще остаться погостить – Нет, говорю, благодарствую за угощение! – надо ехать домой: приготовить ко дню свадьбы калым и обрадовать моему тестю бывшие со мною деньги, в число условленного калыма, я на третий день, после раннего обеда, отправился обратно домой. Отъехав я от Герменчука так с четверть пути расстояния, как смотрю – погода хочет перемениться. Задул ветер, тучи откуда не возьмись – набежали и закрыли впереди горы. Я прибавил ходу коню. За Ханкольском ущельем, что против Грозной, пошел мелкий дождь. Проехал я под ним, накинув на себя бурку

и башлык, уже полпути расстояния от Герменчука до нашего аула, но в лесу, что против Алхан-Юртовского теперь поста – где прежде были за Сунжей Алдинские хутора, застигла меня дочь. Я сбился с дороги и стал плутать среди большого леса. Еду уже тихо, не зная сам куда, между толстыми чинарами, лист с которых тогда совсем еще не опал. Навострил я уши и вглядываюсь в темь, но напрасно; только где-то далеко выли шакалы, да чуть виднелись по сторонам чинары, и ветер шумел по их верхушкам. Плутал я так часа три, если не больше, по лесу, ища все дорогу; наконец, выбрался на небольшую поляну. Гляжу: вправо от меня мелькает огонек, я новоротил прямо на него. Еду осторожно, подъезжаю ближе и вижу это огонек светил через круглое оконце в сакле; перед нею чернеет вбитый в землю столб, как обыкновенно это делается у чеченцев для привязывания лошадей приезжим в гости. Подъезжаю уже совсем близко – слышу: в сакле топот – танцуют лезгинку, и бренчит балалайка, да так хорошо, что я, как сам был не последним балалаечником, просто заслушался, сидя на коне! – Э! думаю: это наши… должно быть русские еще не все пожгли хутора в Алдах. Слез я с коня, привязал его к столбу, а сам направился к дверям сакли. Покрутил деревянную завертку – дверь, не запертая изнутри, отворилась. Из сеней вхожу налево в большую кунакскую – она полна народу и больше все молодых женщин и девок: мужчин только трое, а четвертый, не молодой, с бородой как у козла, сидит на корточках и играет на балалайке; остальные хлопают в ладоши танцующим в кругу их лезгинку. Переступив порог, говорю обычный «селям» прошу извинения, что будучи непрошенным и незнакомым, беспокою своим посещением их компанию, что я, возвращаясь домой, сбился с дороги заблудился в лесу. На «селям» мой отвечают, по чеченскому обычаю, также «селямом» и говорят «а! – Садула! просим пожаловать, – добро пожаловать!… очень, очень тебе рады… ты, может, нас не знаешь, да мы знаем тебя хорошо, – и как не знать тебя, первого джигита во всей Малой Чечне! Будь нашим дорогим гостем, повеселись с нами!» Тут, один из молодых мужчин просит моего позволения снять оружие. Я говорю, что спешу домой и зашел к ним в саклю только попросить – указать мне дорогу. «Не отговаривайся, не церемонься, Садула! Будь у нас как свой; знай – ты попал к нам на вечеринку, на свадьбу: дочь моя выходит замуж, – говорит одна из женщин, по-видимому, хозяйка в сакле. – в Самом деле, думаю, пережду дождь, и когда месяц взойдет, поеду. При этом, снял я с себя бурку, бышлык, шашку и винтовку и передал по обычаю, в руки молодому парню, а тот поставил оружие в угол сакли, а бурку и башлык повесил на деревянный гвоздь. «Вот моя дочь – невеста!» – продолжает та же, уже не молодая женщина, – и показывает рукою на совсем молодую и полную девушку, в красном канаусовом бешмете, с серебряными запонками, подпоясанную широким серебряным поясом, в желтых канаусовых же шальварах и красных гевяках. На шее у нее не абазы, а много золотых, разной величины, монет, да таких, каких я никогда не видел. Я поздравил мать и дочь и пожелал последней счастья. «И тебя, Садула, также можно поздравить и пожелать благополучия с первой будущей женой: и ты засватал дочь Темира». – А вы откуда это знаете? Спросил я удивленный.. «Мы?.. мы все знаем раньше всех… мы знаем все, что делается на свете», – говорит мать невесты. Я ничего на это ей не ответил, только подумал: веди они – евреи, – постоянно шляются по аулам и, по правде сказать, раньше всех знают, где что делается. Верно кто-нибудь из них вчера был в Герменчуке, по своим торговым делам и слышал обо мне и моем сватовстве: наши же чеченцы, известно, народ слабый на язык; услышать что и тотчас встречному и поперечному передадут. Наконец, мать невесты говорит: «Саадула! ты голоден, подкрепись с дороги, выпей и закуси». Взяли меня за руку и повели к столу у стенки. Стол такой же, как у нас, на низких ножках; на столе чуреки, круг горского сыру, две больших стеклянных бутылки и чарки, в одной бутылке будто рака, в другой, будто чихирь. К столу прикреплено несколько тонких свечек из желтого воска. – Евреи, – думаю, – непременно евреи: пьют чихирь, и свечек у них говорит много… «Выпей же и закуси без церемоний», – повторяет. – Благодарствую: я не голоден и есть не хочу, ничего – говорю ей неправду, хотя охотно и выпил, закусил бы, если-б предлагали не евреи: наши

от евреев не принимают угощения, – разве в особых каких случаях. – «Если не хочешь, силою не стану приневоливать! Нут, так покрайней мере, сыграй и спой нам, ты на балалайке хорошо играешь, и голос у тебя такой хороший!» – говорит все та же женщина. – Это можно, это с моим удовольствием, хотя я неособенный мастер в этом деле, – отвечаю и беру в руки поданную мне стариком, с козлиной бородой, балалайку. Балалайка, смотрю, хорошая, трехструнная и выкрашенная. Опять ударил я по струнам и запел: как нас четверо джигитов отправились раз ночью за Терек и отбили у табунщиков табун лошадей; казаки с ближнего поста поскакали на перерез нам к переправе, отбили назад табун и убили одного нашего, а меня ранили; как меня и остальных джигитов спасли только наши кони быстрые; как серый мой конь, скакун кабардинский, заболел с перегона, а может с глаза, – и когда вздох, как я печалился по том дорогом коне – больше и дольше, чем по молодой казачке!… – «И это, и это очень хорошая песня, и спел ты ее так, что за душу хватает! Пожалуйста, сыграй и спой еще», – снова просят. – Нет, – говорю – не могу: пальцы болят; в Герменчуке много играл и натер пузыри о струны. Говоря это отдаю старику его балалайку, он протянул за ней руку. Смотрю у него на пальцах, вместо ногтей когти; да такие большие, как у барса!.. Что за диво? Думаю: – а может таким уродился человек? Мало ли родится на свете разных калек за грехи отца и матери!.. – Если не можешь играть «то спой без балалайки, – спой одну только песню», – говорят. – Одна песня без балалайки или зурны ничего не стоит, – отвечаю. – «Ну, так, протанцуй лезгинку», говорят: – мы знаем, что ты джигит и в танцах». – Джигит не джигит я в них, но не последний танцор в нашем ауле. – «Танцуй с нашей невестой – моей дочкой» говорит ее мать – Это можно, – извольте, танцевать буду, – отвечаю. Вот стал я посредине сакли; против меня невеста, старик ударил по балалайке своими когтями – и пошла лезгинка; – не та, что танцуют на линии русские, а лезгинка бешенная, сумасшедшая – с кинжалом в зумах, с пистолетом в руке. Я ловко танцевал, а она еще ловчее: как по ветру носилась, чуть дотрагиваясь пальцами ног до земли; то, как по воде чайка, плыла; одну руку держит у головы, другою манит к себе; то подскочит близко, то отскочит на зад, моргнет и снова поманит рукою; а глазами так и стреляет, так и палит, как огнем… таких ловких и уж очень смелых танцорок я нигде не встречал!.. Вся компания обступила нас кругом, бьет в ладоши и орет: «ай джигит Садула, сау декаду, духо деканду, Садула»!.. Забыл я все, – забыл, что пора ехать, забыл и про коня моего. Вдруг девка подскочила близко, схватила обеими руками за мои плечи, подпрыгнула к лицу и – чмок меня в губы… Я почувствовал боль в плечах, как от укола иголки. И стало мне досадно и, будто стыдно: потому что она нечистая – она еврейка. А компания, между тем, хохочет и орет: «браво девка! Декенду! Обожгла Садула! в губы обожгла»!.. – Постой-же проклятая – думаю, – отплачу я тебе: отобью пулей закрученный кверху носок твоего чевяка. Выхватил я из-за пояса пистолет, держу его стволом к земле, а сам все танцую, да поглядываю ей на руки: нет ли у нее в руках чего острого. Вот она, шайтанка, снова моргает и манит меня рукой. Когда смотрю – выпустила из пальцев когти… Валлах! – думаю: – да что-же это такое?… приглядываюсь к рукам других – и у тех, как у зверя, вместо ногтей, выглядывают когти!… – Э! думаю: это не горские евреи… это не люди!… Здесь вспомнил я рассказы старых людей – и страх нашел на меня, – страх такой, что мороз пошел по спине и зубы стучат. Но сам виду не подаю, что сробел, и все танцую; а балалайщик все шибче и шибче бранчит; так что пот с меня льется, и стены сакли дрожат, а пыль от зеленого пола стоит как по дороге в сушь. Наконец, – думаю, – до каких же это пор я буду потешать их, проклятых?… Пропоют петухи полночь – разорвут они меня когтями своими, а то и живым утащат в тартары. Нет-же! – думаю: – прежде, чем это будет, попробую я наперед за душу свою уложить хоть одного; это будет по нашему обычаю. А сам, тем временем, обратился к Богу с молитвою и шепчу про себя: Аллах Великий, Всемогущий, милостивый! Не дай мою душу на погибель и поругание врагу Твоему! Спаси и защити меня, раба Твоего грешного! И только я это прошептал – взвел курок и трахнул из пистолета, – не под ноги танцорке, как делают

это наши в танцах, а прямо ей в живот. Вытянулся и стою, как столб; закрыл глаза и жду что будет… как вдруг почувствовал холод: ветер откуда-то разом пахнул на меня. Открываю глаза: – нет ничего и никого; ни сакли, ни танцорки, ни балалайщика ни компании!… Стою я на пожарище давно спаленной сакли; а там, где был передний ее угол лежит на земле моя бурка, на ней башлык – и там же мое оружие. Повел я кругом глазами – смотрю: вблизи лес, ветер гудит по лесу, дождя нет, и небо прояснилось; а рогатистый красный месяц высоко поднялся, и выйдя из-за порванных ветром туч, смотрит на поляну и лес кругом. Вот слышу – вправо от меня скрипят арбы; взял я дорогу туда; встречаю три воловых арбы; с кукурузой в мешках на них три чеченца, при оружии. Поздоровался и спрашиваю – куда дорога в аул Садулы? «Э» вернись, джигит назад!» – говорят: «как проедешь – так с четверть часа времени – по этой самой дороге, пойдет от нее вправо в, лес дорога другая, по ней поезжай, там не далеко и аул Садулы». Тут только я смекнул – где я: – я был на Гехиской поляне. «А ты сам откуда, что не знаешь дороги в аул Садулы?» – Я из Большой Чечни; еду от наиба с приказанием к старшине Садуле, да сбился с дороги и заблудился в лесу, – нарочно так отвечаю, не знаю что за люди. Этот самый Садула, которому я прихожусь двоюродным братом, был тогда старшим в нашем ауле. Теперь он сам наиб Шамиля. – А скоро ли будет день: – спрашиваю – должно быть скоро: в час времени назад, как вторые петухи пропели», – отвечают. – Вот, подумал я, почему исчезла, провалилась в тартар шайтанская свадьба, не от выстрела моего из пистоля, а от крика петухов. Правду старые люди говорят, что Аллах дал эту птицу человеку больше для того, чтоб она криком своим пугала шайтанов, когда они ночью выползут из тартара загулять на Божьей земле. Поблагодарил я за указание дороги арабщиков и поскакал по дороге назад. С восходом солнца я был дома. Несколько дней я проболел, и наш горский доктор давал мне пить нашептанную воду и умывать ею-же лицо и плечи: на плечах у меня были знаки – как от укола – когтями кошки. Через неделю я выздоровел, а дней через десять поехал в Герменчук. Садула рассказ свой закончил. Под впечатлением этого простого безыскуственного, но живого рассказа, казалось не вымышлено вылитого из души серьезного горца, мы слушатели были погружены в глубокое молчание. Наконец прапорщик Сенин первый прервал его, воскликнул в полголоса, как бы про себя: «да, друг Горацио! Есть много на свете вещей, о которых нашим мудрецам и не снилось». – А я скажу другу Горацио, – не без иронии заметил доктор, что вещи, подобные тем, о которых сейчас рассказывал господин Садула, самые обыкновенные, самые простые на свете!.. Медицинская наука, сделавшая в последнее время гигантские шаги вперед, положительно, точно определила причину из, и назвала все эти явления манией, галлюцинацией. Причин этих явлений, – причин кроющихся в организме подверженных им субъектов, – много. Главнейшие из них – это сильное возбуждение или расстройство наших нервов, вследствие или чрезмерного умственного напряжения, или морального настроения, потрясения. А чаще всего вследствие не нормального отправления функций желудка, когда недуг, так сказать, не заметным для субъекта подходит, вселяется в его организм. Это бывает, по большей части, в случаях излишнего употребления алкогольных напитков. Господин-же Садула, пред бывшим ему явлением, вероятно, угощался в ауле Герменчуке. А это их горская река, выделываемая первобытным способом из проса, чрезвычайно сильно и вредно действует на организм в особенности на головной мозг, достаточно двух – трех чарок, чтоб в голове человека, не постоянно употребляющего раку явились чертики. Что же касается до последних, действительных, осязаемых, их нет и никогда не было, выдуманы, с известной целью, воображением поэтов и досужими языками пребывающих в грубом невежестве старух и стариков, с целью пугать плачущих ребят. При последних словах доктора, Садула положил руку на рукоятку кинжала и метнул на него такими глазами: что тот свои опустил долу и замолчал не окончив диссертации. Здесь возразил за кунака своего капитан. – «Вы говорите доктор, – сказал он, – что все. Что видел Садула, есть не более как галлюцинация, вследствие нескольких чарок раки, или зародившегося еще прежде болезненного состояния. Я не совсем

с вами согласен; во первых, потому что на веку своем сам лично видал кое какие виды, не страдая расстройством нервов, быв совершено здоровым и не пьяным, – виды которые уму не постижимы – и не такому, каким Господь наделил меня. Во вторых еще и потому, что свято верю нашему Евангелию словам же Его истинные христиане должны верить буквально. В одном месте Его сказано прямо: «Сей род изгоняется постом и молитвою». Эти слова Спасителя, обращенные к апостолам, после повелев им войти в свиное стадо. Вот почему думаю, чертовская свадьба, на которую случайно попал Садула, в мгновение ока исчезла, лишь только он обратился с молитвою Богу; а Бог у всех – христиан и магометан один и тот-же. А что касается до науки, на которую вы ссылаетесь, то скажу вам откровенно: я не верю в безошибочность выводов ни одной из них исключая, разве математики, но подобные предметы, жаль, не подлежат ее решениям. Ваша же медицина со времен Гиппократа не перестает блуждать в потемках; и вы, господа эскулапы, действуя по указаниям ее, часто не в состоянии определить и не сложную болезнь ваших пациентов. А теперь, господа, пора окончить наши философские рассуждение: они ничего нам простым смертным не разъяснять по поводу разных видений, бывавших во все времена, о чем говорят житие многих святых и даже исторические летописи. Лучше покончим с нашим застывшим кахетинским – да и на боковую. Кстати вы доктор, и вы подпоручик, после нашего удиранию во всю конскую прыть и испытанных треволнений, нуждаетесь, полагая, больше всех в отдыхе. Долго не мог уснуть я, после пережитых мною тревожных ощущений, в тот памятный мне день. Мысли мои бродили, то подле балки, где угрожала мне опасность, то переносили меня в лес, в одинокую саклю, где Садула, в глухую ночную пору, танцевал на бесовской свадьбе; то я взвешивал суждения суждение капитана и доктора, – и признаюсь склонялся на сторону суждений последнего. Но ровно через девять лет после того, я вспомнил рассказ Садулы и перестал считать его фантастическим, ибо то, что я, будучи не больным и с воображением не расстроенным, видел чувствовал и осязал – и не один раз, а в продолжении целого ряда ночей, в течении двух месяцев, способно было свести с ума! И может быть, что-либо похожее проклятой, но удобной в других отношениях, квартире… Но история об этом также долга, а оконченный мною рассказ скоротал вечер; а потому, позвольте пожелать вам покойной ночи. Подпись: ***К. Белевич***. Потоки, 6 ноября 1888 г.

«По горам Терской области» Ф. Горепекин

Составил Действительный член Терского Областного Статистического Комитета и член Владикавказ. горного клуба Фома И. Горепекин. Издание Владикавказского Горного Клуба. город Владикавказ 1910 г.

Кавказ с его дивною, величественною природою полною контрастов и разнообразия, с его сложною историческою судьбою и естественными богатствами, давно ждет своих альпинистов. С величайшим удовольствием приветствуем, что в последнее время, Владикавказ по мимо своих, стал видеть у себя тысячами приезжих экскурсантов и в русском обществе начал заметно проявляться интерес к познанию горной природы и созерцанию ее красот. Давно нужно было отрешиться от российской привычки искать красот и прелестей на краю света, в далекой Швейцарии и не замечать те красоты, которые находятся здесь под боком, на нашем прославленном Кавказе. Надо сказать, что экскурсии вообще, и в особенности горные, на Кавказ, доставляют и любителю природы источник величайших эстетических наслаждений в созерцании дивных, величественных картин природы, а специалисту естественнику или антропологу такой же источник новых неразгаданных его древних обитателей.

Кроме этого, горные экскурсии являются могучим воспитательным средством, в особенности для молодежи, способствуя развитию физических сил человека и таких его высоких качеств, как смелость, хладнокровие, настойчивость и выносливость.

Не задаваясь пока обширным целями в ряду исследований гор Терской области и их обитателей, сократим свои благие намерения и на первых порах сосредоточим наше внимание на развитии и урегулировании горных экскурсий. Смело можно надеяться, что там, где впервые пройдет и ученый во всеоружии науки. В виду этого, первою задачею должно явиться изыскание всевозможных мер к облегчению устройства экскурсий по горам Терской области во все ближней и дальние углы её и до самых неприступных вершин, а потому. Владикавказский Горный Клуб при Владикавказском Политехническом обществе считает необходимым, на первых шагах своей деятельности, выпустить в свет настоящее руководство для экскурсантов, заключающее в себе перечень и краткое описание маршрутов экскурсий по горам Терской области, необходимые, практические указания для экскурсантов и некоторые справочные сведение. По мере роста наших духовных и материальных сил, мы надеемся расширить свою деятельностью в этом направлении, пополнить неизбежные в начале пробелы и исправить невольные недочеты, почему и обращаемся ко всем читателям нашего путеводителя с убедительнейшей просьбой о всех замеченных недостатках, неправильностях и пропусках сообщать в Горный Клуб, дабы опыт прошлого полнее был бы использован в будущем. Ф. И. Горепекин.

Маршруты экскурсий. Для обозрения примечательных горных местностей, вершин и ледников, расположенных в пределах Терской области, маршруты экскурсий рассчитаны так, чтобы колесные пути, по возможности, были бы связаны с полотном железной дороги, горные тропы и дороги, горные тропы и дороги расположенные вблизи ледников, между главным и скалистым хребтом, были связаны как непосредственно между собою, так и с главными проездными путями. Эти обстоятельства дают возможность совершать экскурсии как для самостоятельного обозрения небольшого района и подъехать к нему по жел. дороге, так и совершить один большой горный путь от Владикавказа до Кисловодска и т. обр. посетить местности: Саниба, Куртат, Дигорию, Балкарию, Безинги, Чегем и долину Баксана до Кисловодска. Вместе с тем ясно определилось важное значение некоторых населенных пунктов как узловых горных станций для путешественников, как напр. Урусбиево, Куним, Фаснал, Садон. Имея это в виду, желательно было бы, для предоставления в будущем путешественникам наибольших удобств, в смысле обеспечения определенного места ночлега, обязательных специальных проводников, приискания верховых лошадей, доставки корреспонденции, посылок и т. п. имеет общее согла-

шение всех Российских туристических и ученных обществ и клубов и материальную помощь для такового обеспечения путешественников в узловых горных пунктах Центрального Кавказа. Эти удобства неминуемо дадут приток туристов и расширять наши познания в исследованиях Кавказа.

Перечень маршрутов

I. Конкурская сталактитовая пещера.

II. На Столовую гору со стороны Г. Владикавказа.

III. На вершину горы Заманкул.

IV. Военно-Грузинская дорога. – Девдоракский ледник. – Казбек.

V. Владикавказ. – Саниба. – Геналдонский ледник. – Долла-кау-Унал. Садон или Алагир. Долла-кау-Владикавказ.

VI. Сел. Эльхотово – Татартуп.

VII. Священная роща Хетага.

VIII. Военно-Осетинская дорога. – Цей. – Мамисон. – Садон. – Из Садона в Дигорию.

IX. Станция Дарг-Кох. – Фаснал. – Садон. – Стырдигор, – Ледник Карагом, – Перевал Штулувцек. Нар-Куним или Начальник.

X. Нальчик. – Голубые озера. – Куним.

XI. Куним – Перевал Штулувцек. Стырдигор. – Куним-Нар. – Куним-Тубенель.

XII. Нальчик – Тубенель. – Тубенель – куним. – Тубенель-Чегем. – Ледник Безинги.

XIII. Из Пятигорска, Кисловодска или ст. Прохладной в Урусбиево. Окрестные ледники. Восхождение на Эльбрус.

XIV. Пятигорск, Кисловодск и окрестности.

XV. Горный ингушский район.

XVI. Верховье р. Кистинки. – Ледник Кибиша и окружающие

XVIII. Грозный-Шатой. – Укр. Евдокимовское. В Кистетию и Хевсурию. Ледники Тебулос, Кестух-корт и Донос-сита.

XIX. Грозный-Ведено. – Озеро Озень-ам и Ботлих (в Дагестане).

I. Конкурская сталктитовая пещера. Однодневная экскурсия из гор. Владикавказа на расстояние не менее 10 верст в Канкурскую лесную дачу, расположенную по сев. склону Столовой горы (Мят-лом). Главною целью экскурсии будет обозрение сталактитовой пещеры. Дорога пролегает по правую сторону р. Терека, мимо завода Сараджева до хутора Мамилова, что против Реданта (7—8 вер.). До этого хутора идет экипажное сообщение и напр. во Владикавказе возможно нанять рессорные дроги не дороже 2—3 руб. в сутки. Далее хотя и идет колесная дорога до самой пещеры, но она не всегда удобна, т. к. пролегает лесом по хребтам и через балки и после дождей, путь удобен лишь верхом или пешком. От хутора до пещеры подъем постепенный на расстоянии около 4 – 5 верст (1 – 1 ½ часа). Остановка на хуторе дворянина Магомет-Гирея Анзоровича Мамилова. Проводник до пещеры житель хутора Козло Котиев. Эта экскурсия в особенности может быть рекомендуема воспитанникам местных учебных заведений. Пещера имеет в поперечник около 15 сажень, высотой до 2 – 3 саженей. Убедительнейше просят не повреждать сталактитовых конусов в пещере.

II. На столовую гору со стороны гор. Владикавказа. Путники в экипажах или пешком прибывают на хутор Длинная Долина, что против с. Балты на Военно-Грузинской дороге. Рессорные дроги возможно нанять во Владикавказе не дороже 2 руб. 50 коп. в сутки. Остановка и ночевка тоже-на хуторе Длинная Долина в доме Муртуза Цурова. После небольшого роздыха и чая, при лунной ночи возможно продолжать путь ночью (но только с проводником), дабы застать на хребте Вога-дук ранний восход солнца. Проводником может быть жит. хутора Мамилова Козло Котиев или вышеуказанный хозяин дома Муртуз Цуров. От дома Муртуза

Цурова к вершине Столовой горы идут два пути. Первый путь хотя и оживленный, но довольно трудный. Здесь пешеходная тропа пролегает по гребню хребта Вога-дук до вершины березняков и до прохода среди скал. Отсюда во многих местах не ясная тропа идет немного вниз, около скал, а затем делает подъем уже вверх, мимо стелющихся рододендронов. Не зная тропы от прохода среди скал, что в вершине березняка – можно заблудиться. Путь по гребню открывает чудный вид на окрестности Владикавказа и привлекает взоры прелестным ковром разнообразной растительности. Второй путь идет по дну глубокого ущелья Вога-чеч, по южную сторону хребта Вога-дук. Этим ущельем, почти до верховьев березняка, возможно проехать в экипаже. От березняков, как и в первом пути, необходимо следовать с проводником. До самой вершины путь пролегает среди скал и приводит к восточной или западной оконечности Столовой горы, на высоту 9855 фут. при восхождении крайне необходим запас воды или фрукт (но не спиртных напитков). Обратная дорога может быть или через сел. Бойны, огибая Столовую гору (длинее на 12 верст) или по пройденному пути на хутор Длинная Долина. Экскурсию наиболее удобна около времени праздников Петра и Павла (т. е. 29 июня). К этому времени погода бывает более устойчива и под вершиной, с северной стороны, хранятся еще потоки воды от залегающего снега, каковою возможно пользоваться для питься. С южной стороны вершины возможно укрыться от дождя или переночевать в пещерах и уклонах скал. Необходим запас одежды на случай дождя, хороший бинокль и др. принадлежности горных экскурсий. Молоко, яйца, хлеб, чай, сахар, табак и т. п. можно приобретать в мелочных лавочках хутора Длинной Долины. До особой разработки тропы на вершину Столовой горы, путь к лету 1910 г. будет обозначен частым изображением на скалах красною краской руки с указательным пальцем. Летом 1909 г. вершину Столовой горы посетило 112 экскурсантов. На вершине находятся древние капища ингушей: «Мятцели», «Мятр – дэла» и «Сусол – дэла» или «Сусонок» значение коих см. ст. «Первобытная религия чеченцев» Б. Далгат Терский сборник из Терского Обласн. Статист. Комитета кн. II 1894 г.

III. Экскурсия на вершину горы Заманкуль (3021 фут.), расположенной на Мало – Кабардинском хребте. С железно – дорожной станции Владикавказ надо проехать до ст. Дарг – Кох и затем до осетинского селения Заманкуль, на расстоянии до 12 верст. Рессорные дороги на ст. Дарг – Кох до сел. Заманкуль можно нанять не дороже 1 руб. 50 коп. – 2 руб. в один конец. В селении Заманкуль, кроме арбы, других экипажей достать почти невозможно. Остановка в селении в доме Гавди Кусова или в доме казенной лесной караулки, расположенной на хребте, под вершиной. С вершины с. Заманкул открывается очаровательный вид на цепь Кавказских гор и высочайшие его вершины от Эльбруса и до р. Аргуна. Видны Бештау и Машука. Богатый материал для художников. По передовым местам хребта разбросаны громадные валуны, следы ледниковой эпохи; на хребте много древних курганных могильников (в которых случайно находят бронзу, кувшины с изображениями и т. п.) каменные гробы, и каменный крест, давности около V века христианства. Для обозрения большую услугу окажет бинокль. В селении продажа хлеба, пива, лимонада и т. п. В зимнее время с Заманкульского хребта видны снежные бури на вершинах главного хребта, в летнее же время – ясно различаемы пределы растительности и линия вечных снегов. Для экскурсии необходимо выбирать такие дни, когда Главный хребет не закрыт туманом. Из Заманкульского Сельского Правления можно по телефону иметь сношение с Владикавказом через Управление Владикавказ. Округа, Горный Клуб и гостиницу Бурдули.

IV. Военно-Грузинская дорога. – Девдоракский ледник. – Казбек. Описание этого пути имеется во многих литературных источниках, из коих, лучшее «Путеводитель по Кавказу» Е. Вейденбаум, и «Путеводитель по Военно-Грузинской дороге» В. А. Меркулова. Дорога эта интересна для туриста по разнообразию, грандиозности и красоте видов лишь от Владикавказа до Казбека хотя и в этих отношениях она много уступает Военно-Осетинской и, пожа-

луй, Ассинской и Шатоевской. До станции Казбек из Владикавказа рессорные дроги возможно нанять не дороже 8 – 10 руб. плата в экскурсирующем теперь автомобиль от Владикавказа до Казбека и обратно 10 руб. и до Тифлиса 25 руб. Скорость проезда 8 – 10 час. Проезд на почтовых лошадях по 4 коп. за версту и лошадь. Экскурсия по Военно-Грузинской дорог может быть связана с восхождением на Девдоракский ледник, горы Казбека, с осмотром заложенного рудника и с восхождением на вершину Казбека. Казбек имеет 8 ледников, но более доступным и исследованным считается Девдоракский ледник. Путь на этот ледник идет от Гвилетской шоссейная будки, расположенной около железного Гвилетского моста через р. Терек, затем по проложенной на расстоянии до 8 верст тропе надо дойти до Девдоракской будки не менее как часа через 2 ходьбы. Будка расположена у нижнего конца ледника. От Девдоракской будки имеется путь к вершине Казбека. К этому необходимо объяснить, что к северу от Девдоракского ледника спускается ледник Чач, который от Девдоракского отделяется хребтом Барткорт. При начале пути от будки необходимо подняться на хребет Цхуар-корт, ограничивающий с севера нижний конец (до половины) Девдоракского ледника, держась направления от будки на громадный валун «Казначеев камень», а от него уже подниматься по восточному травянистому склону на гр. Цхуар-корт. Этот последний есть отрог большего скалистого хребта Барткорт, почему с Цхуар-корта путь ведет на Барт-корт. На высоте его (в 11800 фут.) находится выстроенное Русским Горным обществом убежище, каковое много облегчает подъем на вершину Казбека. По гребню хребта Цхуар-корт идти на снеговое поле (13150) и в южном направлении на остроконечную гору. Первая Волгишка (14110 ф.) Перевалив чрез нее, продолжать путь по снеговой террасе (много трещин), сливающейся с очень крутым северным склоном конуса Казбека. Здесь, при подъеме, местами приходится вырубать ступеньки во льду. При приближении к вершине, стараться брат левее, дабы не попасть на менее высокую западную вершину. Восточная вершина представляет дугу с острым гребнем. Высшая почка вершины Казбека находится в западной части этой дуги. По этому пути г-жа Преображенская 2 августа 1900 г. поднималась от Девдоракской будки до ночлега на Барт-корте около 6 час. и нас следующий день до вершины около 7 часов, при чем в тот же день спустилась к будке приблизительно за 6 часов. В 1901 г. 27 июля г. І. Касперович и Б. К. Козловский без проводников и носильщиков шли первый день до Волгишки 8 час. и второй день по пояс в снегу до вершины 8 ½ час. Проводники на вершину Казбека от Русского горного общества, братья Безуртановы, находятся в Гвилетской будке. На вершину Казбека впервые взошли по юго-вост. склону 19-го июня 1868 г. англичане Фрешвильд, Туккер и Мур. С севера по Геналдонскому леднику от места Кермадон поднимался на вершину 29 июля 1889 г. Пастухов, составивший карту Казбека в 400 саж. масштабе и 18 (30) сентября 1891 г. Мерцбахер (поднимался 12 час.; спускался 5 час. в один день). Теперь этот путь вследствие громадного обвала недоступен. Литература. «Известия Император. Русск. Географ. Общ.» т. 37 за 1901 г. ст. М. П. Преображенской – восхождение на Казбек в 1900 г. Известия Кавказ отдела Император. Русск. Географ. общ т. 10 за 89 – 91 г. Пастухов, А. В. – восхождение на Казбек 29 июля 89 г. с приложением карты съемки. «Терский сборник вып. 6-й (приложение к Терскому календарю за 1904 г.) ст. Э. А. Штебера0ледниковые обвалы в истоках Генал-дона с планом обвала по наброскам Г. Вертепова.

V. Владикавказ – Саниба – Куртат и в Алагир или Садон. Из Владикавказа путь идет на 12 верст по Военно-Грузинской дороге до станции Балта, отсюда направо по оврагу станции) и оставя налево селение Балту, по косогору горы Бутхуз подняться на перевал (ок. 36 – 33 ф.), соединяющий Бутхуз с г. адай-хохом (Санибанским). Затем, спускаясь вниз по лесу до соединения р. Генал-дона с Гизель-доном (от Балтин. ст. 7 вер.) путь направо по Кобанскому ущелью в Даргавс, или же налево по Генал-дону в сел. Нижне – Санибанское (4020 ф.) В Саниба можно попасть и по другой тропе, через сел. Чми. Для этого около Джераховского укрепл. Надо повернуть на право и переехать через хребет. По этой тропе князь Абхазов с отрядом

войск в 30-х годах прошел в Саниба, Кобан и Даргавс для наказания населения за неповиновение правительству. Дорога по Генал – дону идет по самому дну ущелья, по речке; ущелье, приближаясь к Саниба, суживается до 8 сажень и входит в такую глубокую и узкую трещину, что темно, неба почти не видно и скалистые стены достигают нескольких тысяч футов высоты над поверхностью реки. Здесь приходится ехать по самой воде и во время наводнения едва ли возможно проехать от сильного напора воды. Из этой глубокой трещины, как из сырого подвала, путь входит в относительно широкую Санибанскую котловину, усеянную небольшими деревушками. Местность весьма живописна. Перед взорами открывается Казбек с своим вечными льдами и рядом с ним целые массы снеговых вершин и хребтов. Из под снега бегут по крутой покатости быстрые горные речки и в котловине, соединяясь вместе, образуют одну реку Геналдон. Тропа эта затем разветвляется и ветки ее расходятся по разным селениям котловины. Если нужно ехать в Саниба, то приходится ехать влево. Приехав в Нижний Саниба, вы поворачиваетесь лицом к трещине, которую только что оставили, и видите перед собою две скалистые вершины: направо Адай-хох (8689 ф.), а налево Сагала-ханы-хох, которая выше Адай-хоха. Эти две вершины видны хорошо из Владикавказа. От Балты до Саниба считается приблизительно 20 верст. Продолжая путь далее по той же тропе, вы попадаете в Верхний Саниба и здесь, повернув направо, через речку Коури-дон, переезжаете несколько небольших, но крутых хребтов; затем, минуя аул Каны, вы поднимаетесь по весьма крутой покатости между пашнями и после долгих и беспрерывных отдыхов, взбираетесь, наконец, на перевал хребта, соединяющего Саганы-ханы-хох с Казбекским хребтом. Высота этого перевала, отстоящего от Нижнего Саниба в 7 вер., достигает 5940 ф. К востоку видны гора Мат-хох или Столовая. Спуск далее с этого перевала к аулу Даргавс не особенно крут и не затруднителен в хорошую погоду, за исключением двух мест. Тропа спускается сначала по покатости горы, а потом круто извиваясь, входит в глубокий щебенистый овраг, где по крутой тропе из под ног лошади беспрестанно обрушивается и летит вниз рыхлая земля с мелким гравием. Сел. Даргавс лежит на высоте 4750 ф. и отстоит от Нижнего Саниба на расстоянии около 10 верст. С Даргавса тропа переходит через р. Гизель-дон, проходя посреди аула Какадур, и поднимается по небольшому трогу на хребет, идущий от Тбау-хох. Здесь перевал достигает 5930 ф., отстоя от Даргавса в 5 верстах. От перевала на запад видны прекрасное Куртатинское ущелье, и налево зубчатый снеговой Казбекский хребет; на правой-же возвышается уродливая скалистая гора Кариу-хох. Гору эту также хорошо видно из Владикавказа, по направлению на юго-запад. С Тбау-хохского перевала тропа спускается по ползучей почве в Куртатию. В дурную погоду (дождливую) не особенно приятно путешествовать по этой тропе, пролегающей по мягкому грунту. На полугоре встречается первый Куртатинский аул – Дзуар-кау (4070 ф.). Тропа проходит между домами и чрез дворы этого аула и спускается в овраг небольшой речки; затем, повернув налево, выходит в центральный аул Куртатинского общества Долла-кау (3820 ф.), расположенный по обе стороны р. Фиаг-дона, на расстоянии 15 вер. От Даргавса. Пройдя мост, перекинутый здесь через р. Фиаг-дон, тропа поднимается въ гору через аулъ Кадат наперевал Кариу-хох, соединяющий эту гору с снежными горами Архон. Перевал здесь достигает до 6800 ф., отстоя от аула Долла-кау в 7 вер. На запад от этого места, в хорошую ясную погоду, видно чрезвычайно живописное, широкое, отчасти лесистое Алагирское ущелье. Спускаясь с этого хребта по извилистой тропе, подумаешь что спускаешься в какое то подземелье, т. к. приходится с высоты 6800 ф. спуститься к Унальскому мосту через Ардон, имеющему высоту над морем 3292 ф., что составляет разность высот 3500 ф. и на расстоянии 7 вер. весьма значительное падение. С Унальского моста тропа соединяется с военно-осетинской дорогой, и путник может воспользоваться на 12 верст удобствами хорошей шоссейной дороги до Садонского серебро-свинцового рудника (4200 ф.) и во Владикавказ или на ст. железной дороги Дарг-кох.

VI. Сел. Эльхотово. Татартуп. Место, называемое «Татартуп» расположено на левом берегу р. Терека против сел. Эльхотова, в теснине образованной прорывом р. Терека через

Кабардинский хребет. Это неизвестного происхождения древнее городище. В настоящее время на месте городища стоит только один высокий кирпичный минарет (высокая башня в виде заводской трубы). Но еще в начале текущего столетия были видны здесь развалины мечети, башни, двух кирпичных церквей и следы обширного кладбища. В одной из церквей академик Гюльденштедт мог еще различить на стене изображения Богородицы Ионна Крестителя. Городище пользовалось прежде у кабардинцев и чеченцев величайшим уважением: клятва произнесенная при Татартупе считались священною; преступники прибегавшие под защиту Татартупа, были неприкосновенны; здесь происходили народные собрания и приносились жертвы. Священное значение этого места забыто населением со времени укрепления мусульманства, т. е. в конце прошлого столетия. История умалчивает о городе, бывшем на месте Татартупа, но название показывает, что он был построен или обитаем татарами. Гюльденштедт и Клапрот, осматривавшие развалины церквей, считали их православными и относили сооружение их к времени Иоанна Грозного, по мнению-же кабардинцев, они построены франками, т. е. католиками. Татартуп назывался иногда у нас Верхний Джулад, в отличие от городища, расположенного против ст. Котляревской. Татартуп упоминается у Пушкина в его путешествии от Екатериноград до Владикавказа. В недавнее время на верху башни, по частной инициативе, устроен навес и перила, возобновлена внутренняя лестница, о чем свидетельствует прибитая чугунная доска с надписью. Путь до башни от станции Эльхотово через селение Эльхотово, и на пароме через р. Терек (за плату 3 коп. с пешего человека). Вблизи Татартупа имеются две пещеры. См. «Путеводитель по Кавказу. С. Вейденбаума, стр. 224. Из Эльхотовского сельского правления можно иметь сношение по телефону с Владикавказском через управление Владикавказ. округа и Горный Клуб.

VII. Древняя священная роща Хетага. Место это расположено в 3 вер. к сев. от сел. Ногкау между Алагиром и Кадгароном. Проехать к этой священной роще можно из Владикавказа на ст. Архонскую и через осетинское сел. Ногкау (всего вер.) или от Владикавказа по железной дороге до ст. Дарг-кох, затем прямым путем на Ардон и Ногкау. От ст. Дарг-кох пути до рощи вер. Роща эта видна из окна поезда в виде небольшой площади круглого высокого леса расположенного у входа в Алагирское ущелье. Близь этой рощи располагался раньше осетинский аул Суадаг и роща эта считалась священною как у жителей этого бывшего аула, так и существующего ныне сел. Ногкау и вообще всего Нарского осетинского горного прихода (общества). По верованию этих жителей в роще этой пребывает их древний родовой покровитель Хетаг почему и роща называется Хетаг-дзуар. Обыкновенно один раз в год весною, сюда собираются почитатели и совершают жертвоприношения и возлияния в честь своего покровителя. Местом для жертвоприношений служит северо-восточная часть, где имеется большое дупловатое дерево, а около него набросаны рога жертвенных животных и заостренные палки на коих жарилось мясо. В дупло дерева клались раньше мелкие моменты, вата и т. п., самое-же дерево украшалось лентами, кусками цветной материи и рогами. Об основании Хетагджидзуара существуют различные варианты, но по существу сходны с рассказом записанным Дж. Шанаевым. (Сборн. свед. о кавказ. горцах, вып. III. 1870 г.). «В урочище Хетаг, за р. Кубанью, жили давно, очень давно, три брата, внуки славного Инала. Старшего звали Хетагом, среднего – Биасланом и третьего Исламом. Братья поссорились между собою: Хетаг держал одну сторону, а Биаслан с младшим братом – другую. «Не будем с тобою жить», сказали однажды два брата Хетагу. – «После этого я сам с вами не хочу оставаться», сказать Хетаг, и потому он бежал с двумя сыновьями оттуда. Два брата, узнав о его побеге, порешили догнать и убить его, в том соображении, что если он где поселится и произведет большое потомство, то как он сам, так и его потомство, не оставят их в спокойствии. Бег свой Хетаг направил, налево в направлении Кавказских гор. Когда он приближался уже к месту, где ныне стоит минарет Татартуп, погоня догнала его и убила двух сыновей его, Увиджако и Еналдико; сам-же Хетаг как-то спасся, успевши скрыться в башне, и продолжал свой бег по направлению к Алагиру.

Он уже подходил к месту Суадага, как его опять стали догонять два брата, с большою толпою других людей. Хетаг почти выбился из сил, – так сильно он утомился; он уже подумывать остановиться и отдать себя на произвол братьев. Уже погоня была почти что близь него, когда он услышал голос из леса, расположенного на дальней горе: «в лес, Хетаг, в лес!» Хетаг изнемогая от усталости, прокричал в ответ: «Хетаг уже не поспеет в лес, а пусть лес придет к нему!» Откуда ни возмись, – Хетага окружил маленький красивый лесок. Погоня хотела было проникнуть туда, но их какая-то невидимая сила в виде большого ветра или ангела выбрасывала из лесу и потому они остались дальше бессильными в своем преследовании и вернулись назад. Говорят, даже и теперь еще в средине большого леса видно обнаженное место (поляна) и такой-же формы, откуда поднялся целиком лесок, защитивший Хетага. Отдохнувши от преследования Хетаг направился в местность по военно-асетинской дороге, Нар, в сел. Цими. Там он стал на одном большом белом камне. Предание говорит, что то место, где находились ступни Хетага, получило отпечаток, и что и теперь этот камень находится тем-же, где стоит Нары-кау (аул Наров или Хетагуров) и имеет вид ступни. Здесь Хетаг остался на жительство и от него пошли потомки, нынешние хетагуровцы и вообще все нарцы. Рассказывают, что белый камень с отпечаток ступни Хетага однажды священник бросил в воду, но потом сильно заболел, что суеверный народ приписывает как наказание за оскорбление святыни Хетага. Доселе роща эта сохраняет значение своей святости, и почитание своего покровителя Хетага твердо держится Ногкау. Никто не осмеливается рубить там лес или собирать валежник и даже без нужды заходит туда. Во время жертвоприношений, когда собственно посещаются окраины рощи, даже детям не позволяют укрыться для надобности в кустах, дабы не осквернять священного места. Очень часто можно слышать клятвы именем Хетага. Охотник, убив там какую-либо дичь, не может взять ее домой и должен непременно там-же справиться с нею; вообще всякий, пользовавшийся какими-либо дарами этого священного леска, как-то плодами, ягодами, медом и проч., должен тут-же использовать найденное, не имея права взять его домой, под страхом тяжкой болезни или иного несчастья. В настоящее время, роща хетага представляет около 5 десятин густого и очень старого леса. Опушка рощи состоит из густота орешника (лещины) до 3 – 4 вершков толщиною до 25 вершков в диаметре. Слой чернозема под деревьями на столько толст и мягок, что ходишь там как бы утопая в мягкую перину. Благодаря неприкосновенности рощи и запрету к бесцельным посещениям, там образовались своеобразные постоянные и временные живые обитатели, например: дикий кабан и лесная коза спокойно отдыхают в тени. Дикие голуби и совы мирно уживаются рядом на одном дереве. Смело можно сказать, что только лишь там, в Терской области имеет свое летнее пребывание особый вид аиста; имеющего более 60 шт. гнезд, и стаи крикливых грачей осыпали деревья своими гнездами. Тут же зеленый и черный дятел барабанит на верхушке дерева и мелкие пташки выводят свои трели. Присутствие человека в роще не смущает обитателей вершин деревьев, они там ведут до того крикливый разговор, что голос человека можно слышать только вблизи. Очень интересная минута бывает после выстрела. Вдруг крик на ветвях на минуту моментально прекращается и затем поднимается такой хаос, что поражается происшедшим. Все разнообразное пернатое население рощи вдруг разом приходит в движение, со страшным испуганным криком поднимается выше деревьев, производя сильный ветер и так раскачивают деревья, что долго они не могут остановиться и как бы за нарушение спокойствия сбрасывают на виновного массу сухих веток и эскрементов из гнезд. Наиболее интересное посещение рощи весною, во время гнездованья пернатых обитателей. Необходимо предупредить посетителей не нарушать чем либо вкоренившегося народного чувства почитания священной рощи.

VIII. Военно-Осетинская дорога. – Цей. – Мамисон. – Садон. Из Садона в Дигорию. Со станции жел. дор. Дарг-Кох или из Владикавказа нанимают подводы до Алагира (Из Владикавказа за 6 – 8 руб. и из Дарг-Коха за 3 – 4 руб.) Из Алагира 2,116 ф.) путь идет по шоссированной дороге лесом и на 10 вер. входит в живописный Нахасский проход, за кото-

рым долина Ардона до Нузала становится безлесною. Около аула Биз (на 18 вер.) тянется хребет Черных гор, а на 24 вер. за аулом Унал почти при впадении р. Архон, есть лавка (духан) Гулак, где возможно иметь остановку. На 30 вер. над дорогой стоят нависшие скалы, образующие Бадские ворота. На 30 верст при впадении р. Садона в Ардон стоит электрическая станция горнопромышленного общества. На 32-й версте сел. Нузал, от которого путь идет до урочища св. Николая, стоящего против р. Цеи (3920 ф.) Урочище составляют казарма-приют и дом чинов шоссейной дистанции. От этого пункта далее проезд к Цейскому леднику, причем путь лежит мимо сел. Нижний и Верхний Цей и древнего храма Реком. Путь пролегает около 18 верст по вьючной дороге, а затем по узкой пешеходной тропе. За уроч. Св. Николая Военно-Осетинская дорога проходит далее по живописному Кассарскому ущелью, отвесные склоны коего покрыты сосняком и кустарником. По выходе из этого ущелья местность к с сел. Заромаг (47 вер.) постепенно расширяется и образует красивую котловину (5500 ф.), в которой сходятся, кроме Кассарского еще 4 ущелья. Далее Заромага дорога идет по долине р. Мамисон до сел. Лисри на 61 версте; на 63 вер. стоит шоссейная казарма приют; затем на 71 версте на высоте 9282 ф. расположен перевал Мамисонский или Чанчахи, дающий прелестный вид на долины уже Закавказья. С перевала дорога следует на гор. Они и Кутаис. Военно-Осетинская дорога по красоте своих видов и по отзывам слишком многих экскурсантов может считаться гораздо интереснее Военно-Грузинской. От Алагира до перевала и далее все время возможно проехать на линейке, совершив этот путь до перевала и далее все время возможно проехать на линейке, совершив этот путь до перевела и обратно дня в 4. С 30 версты пути (от Алагира), где при слиянии р. Садон с Ардоном стоит электрическая станция, в право путь идет в сел. Садон. При приближении к Садонскому руднику, на левой стороне стоит совершенно отвесная скалистая стена, высотою над дорогой 560 ф. На верху этой скалы, почти над самым краем стоит сел. Нижний Садон. Миновав эту высокую, безобразную скалу, встречается небольшая площадка, обстроенная со всеми признаками цивилизации. Это и есть Садон, место добычи серебро свинцовой руды. Отсюда путь продолжается в Дигорию (см. путь № IV). Литература: Ежегодник Кавказ. горного общ. В Пятигорске за 1902 и 1903 г. – Экскурсия М. П. Преображенской и К. Зографа по Дигории и Военно-Осетинской дороге. Ткешелашвили – путешествие по Военно-Осетин. дороге (по извлечениям г. Москвича путеводитель по Кавказу).

IX. Станция Дарг-Кох. – Фаснал. – Садон. – Стырдигор. – Ледник Карагом. – Перевал Штулувцек. – Нар-Куним или Нальчик. На железнодорожной станции Дарг-Кох всегда, ко времени прихода дневных поездов, имеются рессорные линейки, развозящие пассажиров по всем направлениям до окрестных селений и в Фаснал. Путь от станции, по местности степного характера, может быть или через сел. Христианское на сел. Магометанскаое или прямо в Магометанское. Отсюда, с 9 версты путь идет по лесистой долине Уруха до места Ахшинта (небольшой площадки). Не доезжая верст 2 до Ахшинта, среди леса у дороги стоит лавка. У поляны Ахшинта через р. Урух перекинуть мост, называемый Чертовым. От поверхности моста до воды Уруха высота 36 саж. или, как говорят, до воды разматывается катушка ниток. От моста далее идет теснина Ахшинта-ком (у моста шириною 2 – 3 саж.) расширяющаяся постепенно до сел. Заделеск, проходя по безлесному пространству. К востоку от Заделеска (верстах в 2-х) находится древняя святыня дигорцев пещера Олисай-дона, в которой турист Н. Я. Дынник нашел около 19 черепов зубра. При слиянии Уруха с правым-притоком Валаком (Айгамути-дон) расположилась довольно ровная поляна Мацута (3654 фут.), на которой имеется постоялый двор и вблизи сел. Нар. От Нара до Фаснала и далее, дорога пойдет вверх по долине р. Валлаком называемой в верховьях Сангути-доном. От Нара путь идет через мост, перекинутый через р. Урух на высоте над морем 3000 фут. Над водою он стоит тоже довольно высоко и когда вступает на него лошадь, он качается, но все же меньше всех других мостов, которые здесь встречаются от моста путь через высокую Нарскую гору к сел. Махческ (4332 ф.)

Вакац и Фаснал, где находится рудник Терского горнопромышленного общества. От Нара идет также другой прямой, лучший путь через Мастиноко в Фаснал. От Фаснала далее путь идет в Садон, сначала через сел. Галиат, затем через Камунты (6433) по крутой дорожке с топкой почвой через Кионский перевал в сел. Згид. Перевал расположен на высоте (8002 ф.) и находится на хребте, служащем связью между вершиною скалистого хребта Кион-хох с Адай-хохом на главном хребте. К западу от хребта путнику представляется ущелья Воллаком, Тапан-Дигор и дальние хребты и вершины Дигории: Уаза и др. Здесь в хорошую погоду любитель природы может вполне насладиться прекрасными видами, как со стороны Дигории, так и со стороны Алагирского ущелья. С перевала дорога спускается по откосу оставляя ущелье Садон-дона с левой стороны и следует до Садонского рудника и на Военно-Осетинскую дорогу. (см. путь № VIII). Из Дунты и Камунты имеется путь в Стырдигор через аул Гулар, где находится контора Терского горнопромышленного общества, и затем через Дзинага по вьючной тропе, трудно прохолимой в грязь. В Стырдигор можно еще приехать из сел. Нар, направляясь по колесной дороге на сел. Ахсау (14 вер.) расположенном слева при впадении р. Билляги-дон на высоком мысу (древней морене). От Ахсу на 8-й версте впадает в Урух р. Карагом, по правому берегу которой идет дорога из аула Дзинага в Стырдигор и Ахсау. На 4-й версте от этого места вверх по левому берегу р. Уруха расположен Стырдигор. От аулов Дзинага или противоположного ему Новокау идет путь к леднику Карагом, до нижнего конца коего верст 5. Левобережная тропа, при исправности мостов, более живописна, но крута и местами неудобна. Карагом самый красивый ледник Кавказа и третий по величине (после Безинги и Дыхсу). Самая нижняя часть ледника довольно ровная и доступная, но почти вся остальная поверхность имеет ужасно дикий вид и напоминает как-бы мгновенно застывшее во время бури море. На нем нет срединных морен, но почти вся остальная поверхность имеет ужасно дикий вид и напоминает как-бы мгновенно застывшее во время бури море. На нем нет срединных морен, но боковые достигают громадной высоты (саж. до 60). Особенно красива правая морена из белого щебня, окаймляющая в виде высокого вала голубоватый ледник, чистота льда коего поразительна. Переход через морены затруднителен. С левой морены вдоль потока, вытекающего из под ледника Фастаг-чете (западнее Карагома), и выше по самому леднику идет путь через перевал Гурдзиевцек (высота 10976 ф.) в сел. Чиору. Перевал этот опасен из за трещин на леднике и на снежном поле северного склона. От Стырдигора вверх по течению р. Уруха, с левой стороны, путь идет мимо Урухского водопада до летнего осетинского курорта Харвем (15 вер.), состоящего из кутана и группы железистых источников. От сего места далее дорога тянется к перевалу Штулувцек через уроч. Гурам (9500 ф.), где недалеко от перевала стоит маленькая хижина с дерновой крышей. (Далее см. путь № XI). От сел. Нар, через Донифарс, идет дорога на перевал Буревцек (9969 ф.) и пересекая русла р. Р. Келадона и Хизны-дона, проходит мимо горы Хызны-бат (10040 ф.), оставляя ее с правой стороны, соединяется с дорогой, что идет от Голубых озер и следует на Куним или Нальчик. (См. путь № X).

X. Нальчик. – Голубые озера. – Куним. С железнодорожной станции Котляревслой по проселочному почтовомк тракту до слободы Нальчик считается 38 верст и от Пятигорска по проселочной дороге через Баксанский пост 88 верст. Из Нальчика по железной дороге через Догужоководо Кашкатау 24 вер., до Голубых озер – 36 вер. и до Кунима – 70 вер. От Догужакова дорога пролегает по левому берегу р. Черека (называемого также Черек-Тхахо, Хулам, Урвак в отличие от Черека Балкарского) и переправившись через него по мосту идет сначала по левому, а затем по правому берегу реки Черека Балкарского. Там, где дорога переходит по мосту с одного берега на другой она входит в лес и через версту проходит около озера Черек-гель (или Церик-гель) длиною шагов 300, шириною шагов 200. Из озера вытекает короткая многоводная речка, глубиною около аршина, впадающая в Черек-Балкарский. Вода в озере замечательно чиста и прозрачна, и благодаря содержанию сернистого водорода имеет беловато-голубоватый оттенок. Озеро это окружено почти непрерывною стеною деревьев и кустар-

ников, а с одной стороны скалистым хребтом. Вид на озере открывается неожиданно и по своей красоте производить сначала прямо поражающее впечатление. Два меньших озера, не столь красивых, расположены верстах в двух к востоку за хребтом, тянувшимся вдоль правого берега Черека Балкарского. В одном из них много форелей. Все три озера называются Голубыми озерами. Версты через три от озера Черек-гель дорога вступает в узкое скалистое Балкарское ущелье, образуемое хребтом черных гор. Здесь дорога местами высечена в отвесных скалах. Далее ущелье постепенно расширяется и образует живописную долину верст 8 длиною и шириною версты в 2, на которой раскинуты Балкарские аулы. Из Нальчика можно проехать еще минуя Догужоково по тропе прямо в Кашкатау и Куним. Путь этот несколько короче, но менее удобен. От Нальчика к Голубым озерам можно доехать на линейках. До Кунима верхом езды один день; пешком – дня два. Из Кошкатау можно подняться по довольно крутой каменистой тропе на хребет высотою около 3500 фут., тянущийся по левому берегу Черека. С вершины его прекрасный вид на общую картину Кавказского хребта и его предгорий. Литература. Записки Кавказ. Отд. Импер. Русск. Географ. общ. Кн. 14 за 90 г. вып. I. Динник, Н. Я. – Поездка в Балкарию. Путешествие 86 г. Нальчик и окрестности; через Догужоково в Куним мимо Голубых озер; Болкарские караулки; ледник Ах-су; ледник Кара-Су. Его же – поездка в Балкарию в 87 г. – Нальчик; пор. Белой и через Кошкатау к Голубым озерам; Куним; ущелья Каштал-су, Тутын-су, и Дых-су, ледник Агштан; перевал Гезевцик; р. Район. Ежегодник Русск. горн. общ. вып. II за 1902 г. Рашевский, Н. Н. – Из Алагира в Нальчик. – В 902 г. через Садон, Нар; перевал Штулувцек и Куним.

XI. Кунним. – Перевал Штулувцек. – Стырдигор. – Куним – Нар. – Куним. – Тубенель. От Нальчика, доехали до Кунима (абс. Высота 3800 ф.), можно иметь путь в сторону Дигории и в сторону сел. Тубенель в Безинги, направляясь в сторону Дигории, От Куннима вьючная тропа идет вверх по долине р. Черека Балкарского. На 3-й версте широкая Балкарская долина переходит в дикое, узкое, чрезвычайно глубокое, лесистое ущелье, левый берег которого загроможден массою громадных гранитных глыб. На 12 версте слева впадает красивая горная речка Коштан-су с чистой прозрачной водою. Течет она по очень крутому руслу и образует множество красивых водопадов. На 15 версте (высота 4900 ф.) впадает слева р. Тутын-су, ущелье которой в одной версте от Черека, делается очень узким. Особенно круты склоны с левой (южной) стороны. По правой стороне идет крутая, но удобная тропа. Версты через 2 справа к этому ущелью примыкает еще более узкое ущелье. Выше река образует множество красивых водопадов. К верховьям реки ущелье расширяется и на высоте около 7700 фут. образует большую красивую котловину, покрытую альпийскими лугами, до которой ходьбы от Черека часа три. Выше котловины с хребта спускается ледник, дающий начало реке. На 20 версте дорога выходит к нижней Балкарской караулке, в которой живут несколько балкарцев, наблюдающих за прогоном скота в Сванетию и Осетию. Караулка (5558 ф.) находится на левом берегу р. Дыхсу (западного истока Черека Балкарского) на пол версты выше слияния с восточным истоком, р. Кара-су, вытекающим из ледника Штулу (восточнее Агштана) и принимающим в свою очередь справа приток Ак-су. От Кунима до караулки часов 5 – 6 пути. От нее следует пройти к леднику Дыхсу, спускающемуся с горы Шхары по узкому, скалистому, дикому ущелью на протяжении 13 верст. В начале ущелье на протяжении 13 верст. В начале ущелье на особенно круто и скалисто и проникнуть в него, и то не всегда, можно только придерживаясь самого берега реки, пробирались между громадными гранитными глыбами, завалившими также и русло, по которому с оглушительным ревом и грохотом от катящихся камней несется, поднимая в ущельи сильней ветер, многоводный поток. До нижнего конца ледника (6716 фут.) часа два ходьбы. По величине это второй ледник Кавказа после Безинги, а по красоте уступает, как ему, так и Карагому и Агштану. По дикости окружающих гор он подобен леднику Шехильды. Возле нижней караулки дорога по мосту переходит реку Дыхсу, а в ½ версте также по мосту Кара-су и по правому берегу последней идет несколько крутым путем верст

5 до другую моста, который переброшен над узкою, глубокою щелью, в которую проваливается р. Кара-су. На левом берегу, недалеко от моста, выстроена средняя Балкарская караулка (имеется комнатка для ветеринарного врача) на замечательно живописной лужайке (высота около 7000 фут.) возле соснового леса. С этой лужайки открывается прекрасный вид к востоку на красивую долину реки Аксу, вершину Гюльчи и перевал Штулувцек, а к западу на высокий скалистый обрыв, с которого свисает ледник Агштан или Финцаргин Главная ветвь (длиною около 5 верст) этого второго по красоте после Карагома ледника спускается с главного хребта в северном направлении, почти параллельно долине р. Кара-су, высоко над нею. С восточной стороны ледника тянется невысокий и узкий хребет. С гребня этого хребта, если подняться на него без тропы из караулки с юго-западном направлении – вид на весь ледник напоминающий благодаря чистоте льда, застывшее во время бури море, замечательно величествен и красив. Подъем крут и занимает около часа. В нижней части, постепенно съуживающийся ледяной поток, имеющий здесь довольно быстрое движение, по значительному уклону встречает по прямой линии преграду в виде высокой скалы, поворачивает под прямым углом на восток и свисает над высоким скалистым обрывом, причем движущийся лед, переходя через скалы, ломается от собственной тяжести и через некоторые промежутки времени отрываются куски льда, которые с грохотом летят вниз к р. Кара-су, разбиваясь и поднимая целое облако блестящей ледяной пыли. Из под льда в нескольких местах падают небольшие потоки. От средней караулки вверх по долине Кара-су идет тропа, которая вскоре разветвляется. Прямо по Кара-су и леднику Штулу идет тропа к перевалу Гезевцик (высота 11270 ф.) ведущему в долину Района и далее к сел. Геби, а направо отходит трое к перевалу Шаривцек (высота 11564 ф.), ведущему в долину Цхенис-Цхали и далее к сел. Махаш. По обоим перевалам прогоняют на продажу слот с севера на юг. Иногда к концу лета перевал Гезевцик из за трещин опасен; тогда в Геби идут перевалом Шаривцек и, спустившись в долину Цхенис-Цхали, переходят через Легчумский хребет перевалом Васис-Цвери (высота 9562 ф.), более крутым, чем оба перевала через главный хребет. Верхняя часть долины р. Кара-су отделяется от долины Аксу отрогом Главного хребта, спускающимся с г. гезе. Отрог этот круто обрывается в долину р. Кара-су, верстах в 2 выше средней караулки, при чем на оконечности его возвышается, издали даже бросающийся в глаза, холм, на котором на высоте около 8500 ф. находится верхняя караулка, каменная, ныне заброшенная. От нее замечательный вид на Дыхтау и окружающие его. От моста у средней караулки вьючная дорога к перевалу Штулувцек идет сначала по правому берегу р. Кара-су, а затем вдоль р. Аксу широкая долина которой весьма живописна, мимо небольшого озерка и группы железистых источников поднимается на перевал (высота 10983 ф.), с которого открывается замечательный вид к западу на высшую часть Главного хребта. Как подъем, так и спуск возле перевала весьма круты. С перевала дорога спускается через уроч. Гурам и проходит к местечку Харвис и в Стырдигор. (См. путь № IX). Из Кунима идет путь в Нар (Дигорию). См. путь IX. Еще есть путь в Тубенель (около 20 вер.) Вьючная тропа поднимается по долине р Чайнашки (приток Черека – Балкарского) на водораздельный хребет между долинами Безингийского и Балкарского, а затем вдоль притока Черека – Гудур-су в Тубенель (4780 ф.) Литература. Известия Император. Русского Географ. общ. т. 39 за 1903 г. вып. I. Маркович В. В. – на Дигории. В 1900 г. вверх по Уруху, перевал Кионский; Садон; перевал Гуларский; Стирдигор. Записки Кавказ. Отд. Император. Русского Географ. общ. кн. 13 за 84 г. Динник Н. Я. – Осетия и верховья Района. I. Алагир. Военно-осетин. дорога; ледник Цейский. Ц. Глола; Геби; верховья Района и Зопхетуры; перевал Гордзивцек; ледник Карагом, Кн. 14 за 90 г. вып. I. Его-же. – Путешествие по Дигории – вверх по Уруху. Стырдигор; ледники Харвес, Барту и Карагом. Его-же. Поездка в Балкарию. – Путешествие 86 г. Нальчик и окрестности; через Догужоково в Кунним мимо Голубых озер; Балкариские караулки; ледник Ах-су; лежник Кара-су. Его-же. Поездка в Балкарию в 87 г. Нальчик; по р. Белой и через Кашкатау к Голубым озерам; Кунним, ущелья Коштан-су, Тутын-су и Дых-су; ледник Ашетан; перевал Гезевцек; р. Район. Ежегодник

Русск. Горн. общ. вып. II. за 902 г. Рашевский, Н. Н. – Из Алагира в Нальчик. – В 902 г. через Садон, Нар; перевал Штулувцек и Кунним. Сборн. Материал. По описанию местн. И племен Кавказа. Вып. 14 за 92 г. Тепцов, В. Я. По истокам Кубани и Терека. I. Долина Накры; перевал Донгуз-Орун; ледник Азау; перевал Чипер-азау; Хурзук. II. Перевал Бурун-таш и Киртык-аут; Урусбиево, Озроковский (Беллым); Ак-топрак. III. Чегем. Ущелье Джилки-су IV. Тубенель; Кунним; ледник Агштан; перевал Шаривцек и Васис-цвери; долина Района.

XII. Нальчик – Тубенель. Тубенель – Кунним. Тубенель – поселок Чегем; ледник Безинги. Кроме вышеописанных маршрутов № X и XI от Нальчика можно посетить район между сел. Кунним и Урусбиевым, проехав прямо в Тубенель от Нальчика. Дорога идет по левому берегу р. Нальчик верст 7 по открытой местности, а затем по лесистой долине левого истока р. Нальчика, поднимаясь на водораздельный перевал хребта (выстою около 5000 фут.) между р. Нальчиком и Череком. С перевала открывается прекрасный вид на ближайшие вершины хребта черных гор и на Кавказский хребет с его предгорьями. На перевале близ тропы, выход песчаника со следами допотопных исполинских птиц. С перевала (к западу от горы Черах-кенд) неудобная тропа спускается круто около 5 верст к месту соединения р. Р. Кара-су и Черека и идет по левому берегу Черека в узком скалистом ущельи Кизги-чирт, от р. Кара-су верстах в 4 ущелье Черека расширяется и переходит в долину, по которой до аула Тубенель (4780 ф.) верст 14. Вправо от дороги, на высоком и крутом утесе, замок Шакмановых – башня Хулам, с которой открывается чудный вид на всю долину. Продолжительность пути верхом часов 9, пешком дня два. Расстояние – верст около 50, перевал на пол-пути. Проводники и лошади в Нальчике. Из Тубенеля пролегает путь в Куним (около 20 верст.). Вьючная дорога поднимается вдоль притока Черека Гудур-су на водораздельный хребет долин Безинги и Балкарии, а затем спускается в Куним по долине р. Чайнашки, притока Черека Балскарского. Путь до Кунима один день. (см. предыдущий путь № XI). Другой путь из Тубенеля идет мимо Хуламской башни в сторону аула Чегем. Вьючная дорога поднимается на обширное с волнистою поверхностью плоскогорие, покрытое альпийскими лугами, топями и болотами и переходя через поселок Нумала, приводит в Чегем, (абс. Выс. 4852 ф.), расположенный при впадении р. Джилки-су в р. Чегем. От Тубенеля до Чегема до 15 верст. Из Тубенеля пролегает путь к леднику Безинги на 12 верст по левой стороне красивой безлесной долины р. Черека. Верстах в 2 к ней с востока подходит красивое ущельер. Думала (вытекающей из ледника Уллу-Ауз, спускающегося с г. Каштантау) по которому можно проехать кружным путем в Куним. Вблизи ледника тропа неудобна и приходится спешиваться. Нижний конец ледника находится на высоте 6538 фут. Ледник составляется из двух ветвей, спускающихся параллельно Главному хребту на встречу друг к другу и сливающихся на высоте около 11180 фут. в общее русло, длиною около 9 верст и шириною около версты. Общая длина по главной ветви, спускающейся с Шхары, верст 17. Нижняя часть ледника довольно доступна. Долина, по дну которой движется величайший ледник Кавказа, окружена с трех сторон гигантскими отвесными стенами. Особенно величествен вид на юг на почти отвесную снежную стену, составляющуюся из гигантских вершин Шхары, Джанги, Катуинтау и Гистолы и возвышающуюся не менее как 700 фут. над верхнею частью ледника. Альпинист Мумери виюле 1888 г. прошел с ледника Безинги на ледник Дыхсу через трудно доступный перевал Дыхни Аут, или Дыхсу, находящийся к северо-востоку от Шахры на высоте 12719 ф. Литература. Рус. Геогр. Общ. кн. 13 за 84 г. Динник, Н. Я. – Горы и ущелья Терской области. Сборн. Материал по описан. Местн. И племен Кав. Вып 14 за 92 г. Тепцов. В. Я. – по истокам Кубани и Терека. Грове, К. – Холодный Кавказ. – Изд. 1879 г. Ильина, описание путешествие в 1874 по горам Центральн. Кавказа.

XIII. Из Пятигорска, Кисловодска или ст. Прохладной в Урусбиево. Окрестные ледники. Восхождение на Эльбрус. Вследствие наибольшей доступности и сосредроточию величественных красот природы на всем Кавказе вокруг сел. Урусбиева, расположенного у подножия грандиозных вершин центрального Кавказа, как Эльбрус и др. путешествие

до сел. Урусбиева есть самое наилучшее. Наилучшие пути до сел. Урусбиева идут от Пятигорска, Кисловодска и ст. Прохладной. Почему всем туристам, едущим из внутренней России к Эльбрусу, в Сванетию, через Баксанские перевалы главного хребта и в Чегем рекомендуется ехать по железной дороге на Пятигорск, а Кавказское Горное общество в Пятигорске, обращающимся к нему экскурсантам, оказывает самое широкое содействие. Напр. такая экскурсия, устраиваемая Кавказским Горным обществом в экипажах и линейках с продовольствием на время 10 – 12 дней по подписной плате обходится в 30 руб. Маршрут обыкновенно такой: из Пятигорска путь идет мимо Тамбуканского озера и г. Юцы, через три р. Золки и р. Малку. Ночлег в сел. Атажукино 1-е. На следующий день отправление в путь через р. Гунделен мимо Гунделеновских памятников до хут. Наурузова, а затем через Чертов мост мимо ауле Азрокова и Корхужана. Ночлег в ауле Урусбиева. На другой день путь вдоль Баксанкскаго ущелья через р. Ирик до поселка Кягит. Привал в казармах Юсенги. Далее через Иткол и Терескол дорога идет по грандиозному сосновому бору до долины Азау. Ночевка в приюте Кавказ. Горного общества, откуда совершаются всевозможные экскурсии по живописным окружающим ущельям. Восхождение на «Кругозор» (12000 фут. нал ур. м.) привал в приюте Кавказ. горн. общества на Кругозоре. Восхождение желающих на вершину Эльбруса. Из Пятигорска можно также проехать по степной местности на ст. Зольскую, Ашабово и Баксанкский поселок – расстояние 70 верст. Верхом или на линейке – дня два. Для ночлега можно заехать в Гунделен и затем в Урусбиево. Из Кисловодска один путь идет по холмистой равнине, покрытой полями и покосами через сел. Кармово и Бабуково до сел. Атажукина 1-е – верст 60. От Атажукино 1-е (восточное) по грунтовой дороге до Урусбиева верст 65. Другой путь от Кисловодска идет до г. Бермамыта (обсал. Выс. 8501 ф.) на расстоянии 32 верст по экипажной дороге, поднимающейся вдоль р. Березовой. Высота подъема от галереи Нарзана 5817 фут. Далее в южном направлении по травянистым крутым склонам водораздельного хребта верховьев р. Р. Малки и Кубани, местами без тропы, спускаются на восток мимо минеральн. Источника к р. Малке и перейдя ее в брод выходит на тропу, ведущую на перевал Кыртык-аут (10633 ф.) с которого по долине р. Кыртык-су спускается в Урусбиево. От Кисловодска до Урусбиева пути верхом 2 ½ дня, пешком 4 дня. От р. Баксана по ущелью р. Адыла на расстоянии около 4 вер. и затем на 4 вер. по ущелью ее левого притока р. Шихильды идет весьма неудобная и даже, из за падающих лавин, опасная пешеходная тропа к леднику Шехельды (на 5 вер. карте Чатын-тау). Абих, Граве и др. путешественники были поражены необычайно диким и грандиозным видом этого ущелья. По дну с оглушительным ревом несется мутный поток. Поверхность ледника на протяжении 7 верст почти вся засыпана толстым слоем камней и щебня от обрушившейся в шестидесятых годах и совершено разбившейся высокой скалистой горы. Путь к леднику в оба конца часов 5 – 6. Величественная гора Кавказа, Эльбрус, стоит совершенно отдельно, примыкая юго западным своим склонам к Главному Кавказ. хребту. Он имеет вид широкого конуса, оканчивающегося двумя также конуса образными вершинами; западо-северо западной, высотою 18470 фут. (5629 метр.) и востоко-юго-восточной высот. 18347 фут. (5593 метра) с расстоянием в 1 ¼ версты между их осями. Седловина при слиянии конусов приходится на высоте 17451 фут. Эльбрус одет сплошным снежным покровом, из под которого кое-где выступают камни и скалистые гребни. С него спускаются 12 ледников. Эльбрус представляет давно потухший вулкан, но сравнительно с Кавказским хребтом недавнего происхождения. Основанием Эльбрусу служат древние породы, те же, что и теперь еще Эльбрус испытывает вулканические сотрясения. 6 октября 1900 г. утром темя его восточной стороны было без снежного покрова, и на конусе появись на одном уровне два черных пятна, от которых тянулись вниз две линии от сорвавшихся и ползущихся вниз скал. 7-го октября следы этой картины были снова занесены снегом (изв. Кавказ, отд. Т. XII.). Склоны Эльбруса не круты, а посему восхождение возможно со все сторон, и, сравнительно с восхождением на некоторые другие вершины Кавказа, технических затруднений не предоставляет. Первая попытка восхождения на Эльбрус была

сделана академикам Лением, который из лагеря генерала Эмануеля 10 июля 1829 г. поднялся по северному склону до высоты 17500 фут., а сопровождавший его кабардинец Хиллар поднялся несколько выше. На западную вершину (18470 фут.) восходили: 1 – 16 июля 1874 г. англичане: Грове, Уокер и Гардинер; 2 – 8 августа 1884 г. венгерец Деши; 3 в 1889 г. итальянец Селла, сделавший с высоты 16500 фут. замечательный фотографический снимок Кавказского хребта; 4 в 1889 г. англичанин Уоллей; 5 – 31 июля 1890г. военный топограф А. В. Пастухов, снявший план вершины Эльбруса; 6 – августа 1891 г. немцы Мерцбахер и Пуртчелер; 7 – 29 августа 1896 г. снова Пастухов; 8 – 12 августа 1903 г. немцы Пфан и Дистель. На восточную вершину (18347 фут.) взошли 19 июня 1868 г. англичане Фрешвильд, Мур и Тукер. Уоллей взошел по северо-восточному склону из долины р. Кыртык-су, а остальные восходили по южному склону из долины Баксана. Затем поднимались на разные высоты следующие лица, описавшие свои восхождение: 1 – в 1865 г. Г. И. Радзе по западному склону до высоты 14300 фут.; 2 – в 1897 г. Н. Я. Динник, по сев. склону до высоты 15000 ф. 3 – в 1881 г. профессор И. В. Мушкетов, Н. Я. Динник и кн. Измаил Урусбиев с ледника Азау до высоты 15340 фут.; 5 – 15 августа 1888 г. с юга до высоты 17150 фут. военный топограф К. М. Голомбиевский, производивший 12 дней съемку на Эльбрусе; 6 – 12 августа 1888 г. Голомбиевский и бар. Унгерн – Штернберг от перевала Прик-чатъ-кара поднялись с Терскому; 7 – 12 августа 1896 г. с юга восходил на восточную вершину до высоты 18000 фут. В. Ф. Новицкий. 8 – 21 августа 1898 г. с юга на седловину до высоты 17500 фут. Н. В. Погенполь. С Эльбруса между долинами р. Р. Терскол и Гарабати (ледник Гарабаши и речка, вытекающая из под него, находятся к западу от ледника Терскол) спускается в южном и юго-восточном направлении высокий горный отрог, по которому удобнее всего восходит на Эльбрус. От выселка Терскол (или Кот Азау), расположенного на высоте 6995 фут. на р. Терскол близ слияния с р. Азау, подъем без тропы идет по южному склону отрога в средней части лесом, причем перед выходом на площадку гребня (высота 9283 фут.) подъем затруднителен, т. к. на некотором протяжении идет по осыпи и крут. Далее путь идет по альпийским лугам вдоль гребня и на высоте 11081 фут. проходит через довольно обширную котловину. Снеговое поле начинается на высоте около 12300 фут. Пути до котловины часов 6 – 7 и далее до снегового поля часа 1 1/2 – 2. До котловины можно доехать верхом, местами спешиваясь. С верхней части отрога замечательно красив и величествен вид на Кавказский хребет, причем особенно выделяется Ушба. Интересен также вид на вершины Эльбруса, которые кажутся совсем близко. Далее по снеговым полям нужно подниматься, обходя трещины, сначала в северо-западном направлении к первой группе скал (на высоте 13461 фут) и от нее в северном направлении по фирновой твердой полуледяной поверхности. На высоте около 14000 фут. выдается меньшая группа скал. От нее ледяной склон делается весьма крутым и приходится одевать кошки, а местами даже вырубать ступеньки. На высоте 16590 фут. находится нижняя оконечность группы скал, спускающейся с восточной вершины. Отсюда с седловины крутой подъем в северо-западном направлении. Перейдя седловину с юга на север, нужно восходить на западную вершину по более пологому ее северо-восточному склону. По этому пути наименее продолжительные подъемы от снеговой линии были: Грове на западную вершину 9 час. 40 мин., спуск 4 часа; Фрешфильд на восточную вершину 8 час. 15 мин.; спуск 4 часа Ночевать при восхождении на вершину лучше не в котловине, а повыше на площадке у снегового поля. Лучшее время для восхождение конец Июля и начало Августа. Проводников, носильщиков и лошадей можно найти в с. Урусбиеве, где князья Урусбиевы всегда оказывали путешественникам гостеприимство и содействие. В. О. Новицкого сопровождал Хаджумар Лихов из Кармова, а Н. В. Ноггенполя Молай Терболазов, Аппай Ахкобеков и Исса Казаков из сел. Урусбиева. Литература. Известия Император. Русского Географич. Общ. т. 18 за 92 г. проф. Мушкетов. Геологическая поездка на Кавказ в 81 г. – Эльбрус и его ледники т. 20 за 84 г. т 35 за 99 г. – Погенполь, Н. В. – К вопросу об устройстве горной метеорологической станции на склонах Эльбруса и о восъождении, предпринятом с этою целью на седловину

Эльбруса в 98 г. т. 39 за 903 г. вып. II – Новицкий В. Ф. – В горах Кавказа. – Три поездки в окрестности Эльбруса в 96 г. – Кисловодск; Бермамыт; Урусбиево; восхождение на Эльбрус; одежда и снаряжение. Записки Кавказ. отд. Импер. Рус. Геогр. Общ. кн. 13 за 84 г. Динник, Н. Я. – Горы и ущелья Терской области. – Путешествие 81 г. I. Нальчик – Тубенель; ледники Безинги и Мижирги. II. Чегем; ущелье Джилки-су; Урусбиево. III. Ледник Азау; восхождение на Эльбрус. IV. Ущелья Адыла и Шехильды. Кн. 15 за 93 г. – Пастухов, А. В. – Восхождение на Эльбрус 13 июля 90 г. – Перевал Донгуз – Орун; восхождение от Терскола. Приложен план вершин составленный автором. Известия Кавказ. отд. Импер. Русск. Географ. общ. т. 6 за 80 г. Динник, Н. Я. – Эльбрус, его отроги и ущелья. – Вверх по реке Хурзуку; истоки Малки; восхождение по северн. склону Эльбруса. Т. 16 за 903 г. Голомбиевский, К. М. – попытка восхождения на Эльбрус в 87 – 88 г. и типография горы и окрестностей. Автор производил съемку этого района. Грове, К. – Холодный Кавказ. – Издание 1879 г., Ильина, ц. 1 руб. – Описание путешествия автора в 1874 г. по горам Центрального Кавказа (первым взошел на высшую точку Эльбруса).

XIV. Пятигорск, Кисловодск и окрестности. Описание горных экскурсий в окрестностях Кавказских минеральных вод помещено в №1 ежегодника Кавказского горного общества в Пятигорске за 1902 и 1903 г., каковое с картою и планами имеется также в путеводителе г. Мосвича. Кавказское горное общество в течение летнего сезона устраивает ряд интересных экскурсий по заранее выработанной программе и на самых выгодных условиях. Правление общества помещается в Пятигорске в Елизаветинской галерее. В общем, из числа многих экскурсий, устраиваются: на Машук (выс. 3255 ф.) Высота подъема от Михайловской галереи 1274 ф. Длина пути 2 вер. 146 саж. Близь вершины находится могила известного альпиниста военного топографа А. В. Пастухова. Бештау (абсол. Выс. 4593 ф.) Высота подъема от Железноводска 2493 ф. и со стороны Пятигорска, от столба, где начинается пешеходная дорожка, 1874 ф. На водопад Юцы (абсол. Выс. 3181ф. Змиевая гора (абсол. Выс. 3285 ф.) Экскурсия на Бермамыт – 32 вер. пути. Утром наблюдение Эльбруса при восходе солнца. Абсолютная высота 8501 ф. В долину Нарзанов в Хасаутском ущельи. Высшая точка перевала (Кич-Малкская гора) 5965 ф.; длина пути 30 вер.

XV. Горный Ингушский район. Экскурсия по долинам р. Армхи и Ассы рекомендуется при участии осведомленного лица или же при некотором знакомстве с литературою об ингушском народе и древних религиозных его верованиях. (Б. Далгат «Первобытная религия чеченцев». Горепекин – «Маги-суда» – языческий бог – покровитель у ингушей». Евг. Максимов. «Чеченцы» и д. см. Терские сборники: вып. 3 кн. II.) Ингушский район закючает до 43 древних языческих капищ и христианские храмы, древние интересные могильник и башни, разнообразный горный пейзаж, суровый ассинский проход места рудных выходов, в горных лесах водится особый седой медведь и седая лисица. Эскурсия должна дать обширный материал для художника, фотографа, этмолога, геолога, ботаника и т. п. Путь для обозрения может быть двоякий. Первый от Владикавказа, через Тарскую станицу. На хут. Бартабос и Ерш, а затем по долинам р. Р. Ассы и Армахи к Сараджеву заводу. Второй же путь может быть обратный описанному, т. е. через Сараджев завод по долинам упомянутых рек, через Тарскую и во Владикавказа. При первом пути нанимаются рессорные дроги из Владик. до хут. Бартабос, через Тарскую (20 вер.) Далее, до хут. Ерш, при входе в Ассинское ущелье и дальше путь будет пешком или верхом. Проводник на хут. Бартабос по найму. Ночевка в сел. Эшкал в доме старика Мажика или в сел. Салги в доме Эльбурзука Эльджаркиева и сел. Могучкал у Магомета Льянова или Сепсо Мамилова. Проводники Сепсо Мамилов и Магомет Льянов. Всего пути кругом до верст. При втором пути нанимают подводы до хут. Длинная Долина или до сел. Фортаух (против Джераховской креп. На Военно-Грузин. дор.) В этом направлении держаться дороги на Могучкал и Тан, т, к. путь далее оживлен и располагает местами ночевок с проводниками.

XVI. По ущелью речки Кистинки от Военно-Грузинской дороги для обозрения ледников Кибиша. Проводники братья Безуртановы в гвилетской будке на Военно-Грузинской дороге. Район верховьев р. Кистинки имеет несколько небольших, еще мало исследованных ледников.

XVII. Экскурсия для обозрения Грозненских нефтяных промыслов. От Владикавказа до Грозного путь по железной дороге в вагоне III. Класса 1 р. 85 к.; проезд около 4 – 5 часов.

XVII. Путь от Грозного на Шатой, Евдокимовское укрепление и ледники и ледники Тебулос – мта и Донос-мта и в Хевсурию. От гор. Грозного идет так называемый Шатоевский тракт, представляющий собою недостроенную кратчайшую перевальную дорогу через Главный Кавк. Хребет, параллельную Военно-Грузинской дороге. По проэкту 50 годов, должен был устроиться перевальный Шоссейный путь через Грозный, Воздвиженскую – Тифлис, но доведен лишь до укр. Евдокимовского, не дойдя до Тифлиса около 85 вер. Дорога эта – памятник грандиозного недоконченного проекта и непрерывное олицетворение чего то волшебно-поэтического, поражающего живописностью местности. От Грозного путь лежит по равниной безлесной местности до слободы Воздвиженской (20 вер.), затем за слободой на 7 верст, при слиянии р. Р. Чанты Аргуна с Шаро-Аргунском, входит в Аргунские ворота или проход, на 9-й версте пересекает мостом р. Чанты-Аргун, без разветлений, приводит нас в бывшее укрепление Шатой, отстоящее от Воздвиженской на 26 вер. По линии Аргунский Мост (на 9 вер.) близь дорог расположены здания Аргунской Лесной Школы. От Грозного до Шатоя существует почтовое сообщение. В Шатое имеется небольшое число русского населения, почта, телеграф, лавки, базар. Минуя Шатой, путь лежит до прославленного Чертова моста, имеющего высоту над водой 75 саж. и далее до укр. Евдокимовского От этого моста путь горною тропою ведет в Кистинское сел. Дусарего и Хевсурские – Шатиль, Гуро, описанные у Др. Радде. (см. «Хевсурия и Хевсуры» Записки Кавказ отд. Импер. Геогр. Общ кн.) Затем от укр. Евдокимовского, следуя вверх по р. Чанты-Аргун на сел. Цацхой, по правому притоку Аргуна Тюильтай-ахк на сел. Саканхай, Понжихой, перейдя р. Тюильтай-ахк в сел. Чамгой и сел. Тюильтай, мы горной тропой достигнем ледников чеченского района Тебулос-мта (42^0 34 34 – 62^0 59 2, выс. 14781 фут.) и перейдем в верховья р. Пирикителской Алазани в Чантию. Тоже от Евдокимов. укр. Направляясь на сел. Ведучи затем по хребту до сел. Атенбау и далее до вершины Чархуныш корт. Отсюда по водораздельному хребту верховьев р. Р. Шаро Аргуна и притоков Чанты Аргуна, мв пройдем на перевал через ледники Кестух-корт, минуя вершину с правой стороны и сел. Дакиюрта, на Пирикительской Алазани, стоящего по течению ее ниже сел. Чонтию. От горы Чархуныш-корт дорога также имеет ветвь на сел. Киселой, отсюда вверх по течению р. Хуландой до сел. Хуландой и вдоль реки, вверх по течению ее придем на ледники Донос-мта или Хорха-лам (42^0 30 24 63 21 26, выс. 13736 фут.) Между Тебулом-мта и Донос-мта расположились еще вершины Большой Качу – 14027, Малый Качу – 14423 и восточнее Донос-мта стоит Диклос-мта – 9830. Район этот заключает сравнительно мало исследованные ледники.

XIX. От Грозного в Ведено, озеро Эзень-ам и Ботлих (в Дагестане). От гор. Широкий Веденский тракт лежит сначала вдоль полотна железной дороги до моста через р. Аргун, близь станции Аргун и селения Устар-Гордой. Отсюда досел. Герменчик. Далее, у подножья чёрных гор, при выезде в ущелье р. гор, при въезде в ущелье р. Хулхулау, стоит почтовая станция Эрсеновой, бывшее укрепление, напоминающие теперь своими развалинами воинственное прошлое Чечни. Отсюда по довольно хорошей, шоссированной дороге, идет въезде в ущелье р. Хулхулау, стоит почтовая станция Эрсеной, бывшее укрепление, напоминающее теперь своими развалинами воинственное прошлое Чечни. Отсюда по довольно хорошей, шоссированной дороге, идет въезд в живописное ущелье р. Хулхулау. Целое море темной зелени букового леса, раскинуто по обеим сторонам ущелья, по дну которого журчит Хулхулау, неся свои

хрустальные воды и извиваясь белою от известкового ложа лентою, незаметно теряющеюся на плоскости, чтобы дальше слиться с бурным Тереком. По одному из склонов, среди леса, лепится военно-хулхулаусская дорога, которая поднимаясь все выше, открывает на каждом повороте то какое нибудь красивое обнажение склона ущелья, с пестрыми рядами всевозможных оттенков наслоений земли, то живописный обрыв, с которого катится ручеек, пересекающий дорогу и, рокоча, ниспадающий белою струкою в Хулхулау. После однообразной, почти степной дороги до станции Эрсеной, взор степной дороги до станции Эрсеной, взор отдыхает на этой роскошной массе зелени, испещренной яркими обнажениями пластов почвы. Поднявшись на высоту, примерно, 2400 ф. н. ур. м., путь проходит по ровной площадке, расположенной в дельте раздвоившегося хулхулау и окруженной со всех сторон горами, склоны которых покрыты лесом, а вершины стоят как бы с обнаженными головами от расположенных на них субъальпийских лугов. На этом горном плато и помещается слобода Ведено со своею крепостью. От Грозн. 58 вер. выше Веденя ущелье р. Хулхулау принимает вид глубокой и тесной котловины, называемой Хорочоевскою, от имени аула Хорочой. По котловине дорога поднимается зигзагами на Керкетский перевал (7377 ф.) Андийского водораздела, на котором находится Форельное озеро или Эзень-ам. Имеющее до 7 вер. в окружности. По прямому направлению на перевал можно считать не более 5 верст, но зигзагами увеличивают путь до 22 верст. По дороге стоят древние сторожевые башни. После трудного подъема на перевал, идет не менее трудный спуск в долину по кочковатой дороге, усеянной камнями. Приходится переехать вброд две речушки и сделать не менее 8 верст зигзагов, чтобы достигнуть южного скалистого берега озера. Берег этот крутым обрывом спускается в озеро и столь-же отвесно уходит в озеро на глубину до 20 саж. Наибольшая глубина озера 35 – 37 саж. Дорога проходит над самым берегом вдоль шоссе 3 вер.) На берегу озера находится жилое строение, сторожевой пост – довольно приличный приют для туристов. Обогнув озеро с зап. стороны, дорога спускается в Андию и выходит к сел. Ботлих (30 вер.). Видны горные пики: малый Керкет (6,279 ф.) и за ним большой Керкет (7380). Окружающие высшие точки здесь, с запада: хребет Кашкер-лам 9030 и без назв. 7920 ф.; с севера: Керкет 7770, с востока: 7300 – 7400 (без названия), Цацакой 8150, Шимерой 7620 ф., Азал 8730 ф.; с юга Абдал-Забузал 8560 ф. По анализу воды озера, главные составные части: углекислая известь и углекисл. Магнезия, солей щелочных металлов не оказывается, есть следы железа.

Что необходимо иметь и знать экскурсанту. Никто не может отрицать того, что приятно путешествовать в местности где есть, в большинстве случаев, удобные и дешевые пути сообщений и благоустроенные места для остановок. К сожалению, надо сказать, что наш край до этого еще достиг. В Терской области, за исключением четырех разработанных проездных путей, остальные едва проходимы верхом. Поэтому, собираясь в путешествие крайне необходимо строго обсудить предварительно: с какими путями сообщения придется иметь дело и по какой местности придется проходить, т. е. населенной или нет, лесной или безлесной, скалистой или снеговой, а затем уже, сделать строгий расчет количества провианта и предметом необходимого снаряжения. Вполне приспособленным снаряжением может располагать или специальное туристическое общество или лица с материальным средствами. При отсутствии же этого, экскурсии могут быть устраиваемы на товарищеских началах складчину деньгами и совместною нравственною и физическою помощью. Вообще, запас собственных необходимых предметов снаряжения и некоторая опытность в применении их – составляют большие удобства в путешествии. Затем, в путешествии, все работы, касающиеся личного удобства каждого экскурсанта, как-то: разбивка палатки, устройство постели, умывание, подача пищи и т. под. Должны исполняться самими или нанять для этого особо человека. Для большей обеспеченности успеха экскурсии и благоустройства, может быть приглашаем платный руководитель, обязанный приискать перезочные средства, сделать запас провизии, указывать дорогу, объяснять и указывать встречающиеся на пути достопримечательности, поддерживать во время пути

порядок, приискивать на пути место для ночлега. В отношении порядка движения и остановок, все участники экскурсии должны согласоваться с указаниями руководителя экскурсии; отступления от намеченного маршрута можно делать только с общего согласия всех участников. Для путешествия по горам Терской области не требуется никого постороннего содействия или особой охраны, т. к. даже без всякой рекомендации, любезная местная администрация всегда и всеми средствами готова помочь путешествующим. Опасности от местных жителей для туриста нет ни какой, почему нет особенной надобности и в оружии, каковое напротив, при незнании языка и местных нравов населения, может послужить во вред. Пред недостатке продовольствия можно почти во всех селениях достать пшеничных или крупчатых лепешек, молока, яиц, курицу, баранину, картофель, сыр. На горных пастбищах у пастухов можно достать полезное и приятное на вкус кислое молоко и кефир. Особенных специальных горных проводников в области пока нет, за исключением братьев Безуртановых, живущих в Гвилетской будке, на Военно-Грузин. дороге, каковые снабжены от Русского Горного Общества провод ническими книжками. Местные жители, как хорошие ходоки, всегда могут заменить проводников в горных местностях, но для экскурсий в ледиковой полосе они не подготовлены. Верховых лошадей можно найти во всех селениях и хуторах за 1 руб. 50 или 2 руб. в сутки за лошадь и человека. Местные жители часто путают географические названия, почему необходимо в дороге еще обращаться к одноверстной карте, которая лучше укажет тропы. Без проводника возможно идти, пока не выйдешь из области долин; при переходах же через перевалы, всегда необходимо иметь опытных местных проводников, т. к. на пастбищах, в осыпях и среди скал тропы или скрываются или бывают едва заметны. Лучшее время для путешествия – с половины Мая до Сентября. Из предметов снаряжения вообще не обходимы:

I. Предметы общие для всех экскурсантов. Двухскатная палатка, небольшой топорик, складной фонарь (вместо стекол слюда) и запас свечей к нему, металлический чайник, керосиновая кухня Грец или спиртовка, посуда с запасом керосина, дорожная аптечка, для укладки вещей специально хуржиновые и непромокаемые мешки (носить удобно на плечах и на седле), дорожная чернильница и письменные принадлежности, кофе, сахар, мятные лепешки, колбаса, сыр, соль, крупа, вермишель, сухой бульон и овощи – все по возможности в жестянках. Бурки, резиновые надувные подушки, глубокие тарелки или чашки, ложки. Необходимо иметь запас веревок и при раскладе и укладке вещей иметь тщательное наблюдение т. к. или могут растащить или же испортиться в дороге.

II. Предметы частные на самом экскурсанте. Плащ дождевой и металлич. кружка на поясе экскурсанта Бутылка аллюминиевая на перевязи, бинокль (лучше всего Цейса), компас, барометр анероид в футляре, сумка с географическими картами и циркуль брелок, перочинный нож, иголки, нитки, часы, спички, палка для путешествия от 2 до 2 ½ арш. с острым железным наконечником внизу, фотографический аппарат, сачек для ловли бабочек (складной и навинчивающиеся на альпеншток, коробка для насекомых, папка для сбора растений и для любителя охотника или зоолога – ружье. Предметы эти распределятся между товарищами, или выбираются из них самые необходимые, а некоторую часть из них можно уложить в плечевой мешок. Кроме сего каждому экскурсанту, а в особенности идущему к снеговой линии и по ледникам, крайне необходимо иметь костюм из шерстяной материи. Удобный фасон можно считать: куртка однобортная, с отложном воротником, двумя карманами на груди и боках. Вместо кушака опоясываются носильным ремнем дождевого плаща, каковой помещается назади. Рубашка должна быть непременно из фланели с длинными рукавами и отложным воротником. Чулки шерстяные, шаровары просторные и не стесняющие шага. По верх чулок и шаровар одевать по местному туземному типу ноговицы из толстой шерстяной материи с подвязками ниже колен. Обувь-из ботинок на шнурках, из толстой кожи, с толстою подошвою; обитою по краям и по каблуку гвоздями. Избегать сапог с голенищами. Для ходьбы по скалам или снеговому полю вполне пригодны туземныя поршни из сыромятной кожи с плетенными подош-

вами (по осетински арчйтэ, ингушески – хульчи). Фуражка с козырьком или туземная войлочная шляпа, Бурка, пальто или плед. Перчатки теплые со всеми пальцами. Палки (Alpenistock). Для подъема на ледники необходим ледоруб в форме кирки, для вырубания ступенек, при чем один конец такого железного молотка длинный и острый с зубцами на нижней стороне, а другой широкий, плоский и острый. Молоток этот насаживается на палку ниже альпенштока и толще его. Очки для путешествия по снегам из простых синих или дымчатых стекол с сетками. При восхождении весьма необходима веревка, лучшая из Манильского троса и не витая, а тканная. Длина веревки должна быть рассчитана по числу путешественников и так, чтобы веревкой было обвязано не более 4 человек и, чтобы между ними было расстояние не менее как в 1 ½ – 2 сажени. Обвязываться следует в 2 обхвата вокруг талии, но так, чтобы не делать петли. При подъеме веревка должна находиться с той же стороны, с которой находится пропасть, в других же случаях она не нужна. По крутым склонам фирна и по льду очень полезны кошки. При переходе через снежные или ледниковые завалы нужно стараться выходит как можно раньше, пока не размок снег от солнечной теплоты. Техника хождения по горам может быть изучена только практически, под руководством опытного туриста или проводника. В общем нужно стараться сохранять силы для чего не лезут прямо на крутизну, а с небольшой передышкой идти зигзагами по склону ставить ногу боком, опираясь на правые или левые края подошвы и каблука, занося альпеншток вперед. Вся техника хождения по фирнам состоит в уменьи избегать скрытых под снегом трещин, весьма опасных – в особенности бершрунтов – концентрического ряда трещин на месте перегиба снежного поля или вдоль скал. В таких случаях впереди идущий непременно должен палкой ощупывать толщину снежного покрова. Если на глубине одного или двух футов палка встретить твердый снег, то опасности провала нет. Нсли она входит глубоко – то это доказывает мягкость смежного покрова и нужно быть на стороже. Если войдет вся палка, то это является доказательством присутствия трещин. Тогда нужно свернуть в сторону и искать проход в другом месте. Иногда под наружно-гладким фирном находится целая сеть скрытых трещин, в таких местах веревка необходима. Когда впереди идущий ощупывает глубину снега, -все остальные туристы стоят на месте поддерживая его натянутой веревкой. При нападении в трещину кого-либо остальным не бросаться вперед, а натянуть веревку, глубоко воткнув палку в снег, обмотать вокруг нее конец веревки, и тогда лишь осторожно подойти к краю трещины, помочь упавшему выйти на поверхность. В ледопадах остерегаться обвалов и потому не проходит там, где видны упавшие глыбы льда, и по близости больших ледяных игол. Не входить никогда в ледяные гроты, из которых вытекают потоки. Переход через снежные мосты с одного края трещины на другой весьма опасны; возможны только имея веревку. Следует всегда опасаться при переходе обвала и потому переходящего через такой мост остальные должны держать на натянутой веревке. Другой опасностью бывают обвалы целых снежных склонов, когда светлый снег лежит на крутой мерзлой поверхности старого снега, не образовывая с ним одной компактной массы, что бывает всегда после снегопада. Избегать в таких случаях переходит поперек через склон, т. к. образование лавины почти неминуемо: разрезанный туристами снежный склон должен соскользнуть в обрыв. Если по характеру местности необходимо перейти через подобный склон, то нужно иметь в виду возможность катастрофы. Все меры предосторожности должны быть приняты: вбивать его древка один конец веревки и идти по очереди, выпуская веревку по мере того, как турист уходит на всю ее длину. В местности вершин встречаются очень опасные места: т. е. где ветер образует под гребнями снежные карнизы. Держаться от них всегда возможно дальше и прежде чем пройти – рядом ощупать палкой. При сильной денутаций скал, опасаться падения камней, особенно в известняках и шиферах. Никогда не бросать камней в пропасть и не следит за их полетом во избежание головокружения. При выборе места для ночлега избегать склонов, с которых могут падать камни.

Некоторые перевалы:

Бурун-Таш – 10080 фут.
Кюртюк-аущ – 10633.
Прик-чач-кара – 11952.
Хотитау – 11634.
Чипер-Азау – 10717.
Донгуз-орун – 10493.
Бечосский (Юсенги) – 110493.
Местийский (Адыр-су) – 12306.
Бых (Твидер) – 11912.
Цаннер нижний (ю.-вост.) – 12859.
Шаривпек – 11564.
Гезе-вцек (Едена-мта) – 11270.
Годи-вцек (Геби) – 11373.
Гурдзи-вцек – 10976.
Мамисонский (Воен. —осет. Дор. – 9282.
Штулу-вцек – 10983.
Кионский (Садонский) – 8002.
Угурский – 6306.

Некоторые ледники:

Терскол (ножн. конец) – 8610 фут.
Азау – 7644.
Шехильды (Чатантау) – 7244.
Безинги (с зап.) – 6538.
Мижирги (с вост.) – 7346.
Тютюк – 8481.
Дыу-су – 6716.
Агштан (Фицнаргин) – 7086.
Карагом – 5702.
Цейский – 6735.
Тменикавский (Майли) – 7644.
Девдоракский – 7532.

Уровень Каспийского моря ниже Черного на 85 фут. Высота линии вечных снегов над ур. Черного моря на главн. Кавказск. Хребте от 9500 ф. до 12,500 фут.; на северном склоне хребта вообще снеговая линия выше чем на южном склоне и эта разница доходит до 1000 фут. и более футов по высоте.

Предел произрастания леса: (березы) – до 8300 фут.
Ячменя – 8100.
Ржи – 7906.
Пшеницы – 7409.
Винограда – 3579.

Предел травяной растительности на Кавказских горах от 9780 ф. до 11000 фут. Высшее обитаемое место в Терской обл. аул Колота на р. Фиагдоне в Осетии 7,746 фут.

Горные клубы и общества в России. Кавказское горное общество в Пятигорск. Открыто 18 апреля 1903 г. правление в Пятигорске. Устраиваются близкие и дальние экскурсии с платным руководителем. Для восхождений на снежные вершины и перевалы имеется комплект альпинистического снаряжения, выписанного из Швейцарии.

Кавказский горный клуб. Открыт 24 Августа 1902 г. Местопребывание клуба зимою в С.-Петербурге (бюро клуба), а в остальное время в Сочи (правление клуба). Для туристов,

при содействии клуба и членов, имеется квартира в Красной Поляне. У перевала Псехатхо выстроен Барак. Клубом организуются экскурсии в Сочи, из красной Поляны и из Гагр.

Крымско-Кавказский горный клуб. Открыт 6 Мая 1890 г. Имеет 5 отделений. Всех членов более 700. Устраиваются экскурсии в Крым и на Кавказ. Правление клуба находится в Одессе адрес. Городской сад, Крымский Горный клуб. Отделения клуба: Ялтинское – Правление в Ялте в собств. доме на набережной. Севастопольское, Екатеринославское. Гагринское и Бессарабское (в Кишиневе).

Русское горное общество. Открыто 21 Апреля 1901 г. Правление в Москве (Абухов переулок, д. 6). Для облегчения восхождения а Казбек выстроено «Ермоловская хижина-приют» на хребте Бартъ-кортъ.

Альпийские клубы за границею (наиболее значительные) основаны: Лондонский в 1857 г.; Австрийский (в Вене) и Итальянский (в Турине) в 1862 г.; Швейцарский в 1863 г.; Немецкий (в Мюнхене) в 1869 г.; Французский (в Париже) в 1874 г. В 1872 г. Немецкий и Австрийский клубы образовали соединенный клуб, насчитывающий до 50000 членов; остальные же перечисленные клубы имеют все вместе до 30000 членов. На всех труднодоступных вершинах Кавказа побывали лишь иностранцы, мы же, владетели Кавказа, смотрим на эти вершины издали. Подпись: ***Фома Горепекин***.

Крепость Терки

Записки Терского Общества Любителей казачьей Старины. №5, Владикавказ, май 1914 год.

II. Первый построенный на Кавказе русскими город был в кабардинский земле и назывался по имени реки – Теркою. Был он построен в 1563 году, но место его в настоящее время неизвестно; предполагают где-нибудь недалеко от Татартупа.

Вторая Терка была против устья Сунжи, на левой стороне Терека, верстах в 3 – 4 от нынешней старой Щедринской станицы. Огромные валы ее до сих пор целы в густом лесу, в полуверсте от берега. По следу старого берега видно, что стояла она прежде на самом берегу, отчего у нее даже стены не было по-над Тереком.

Третья Терка стояла верстах в 10 от Терека, верст на 15 ниже второй, и была, кажется самой грозной. Стояла она на высокой гладкой равнине, так что Терек и притеречные леса видны из нее на далекое пространство, как на ладони. Вода к ней была проведена за несколько верст, по канаве, которая, по преданию, была подземная. Остатки (валы) этой крепости до сих пор видны близ станицы Шелковской; ногайцы называют их Чигим-Кала, т. е. покинутая крепость, передавая, что она была взята посредством отвода воды, – что согласуется и с казачьим старым преданием. На валах этой крепости ясно заметны по 10 башен и по одним воротам с каждой стороны. Вокруг – глубокий ров, в ширине которого я насчитал 52 шага, а глубина даже теперь около аршина.

Как первая, так и остальные две Терки были одна за другой брошены; строились они: первая, как сказано, – в 1563 г., вторая – в 1567 г., а 3-я – в 1577 – 8 г. г.

Четвертая Терка была построена уже сыном Иоанна Грозного, царем Феодором, на устьях Терека, в 1587 – 1588 году, и просуществовала до Петра Великого. Находятся ее валы в 4 в. от ст. Александрийской и называются ногайцами Гюй-ген Кала, т. е. сожженный город, потому что она, перед концом своего существования, была сожжена (крымцами).

Так с Иоанна IV началось вторичное утверждение русских на Кавказе. В 1022 – 1094 г. г. русские проникали сюда из Киева и колонизовались в устьях Кубани; 500 лет спустя, они стали проникать из Москвы и утверждались от устьев Терека.

Но еще ранее появления на Тереке воевод Иоанновых и царского войска там были уже вольные русские люди, казаки: гребенские и терские. Когда они проникли сюда неизвестно, но время Грозного царя они здесь жили. Гребенские казаки занимали надтеречные хребты, между Тереком и Сунжею, у реки «Теплые воды», а терские скитались по большому и малому Копаю, по р. р. Быстрой, Брянце, Зеленой, по Тереку, а по оставлении воеводами строившихся на Тереке городов, занимали их вместе с кабардинцами и охочими людьми из прочих горцев.

Отношение гребенских и терских казаков к ближним кавказских народам было дружественное. Они и кабардинские, а также кумыцкие и окоцкие вольные князья вместе предпринимали походы и грабили проезжих купцов на дорогах.

В случае войны, кабардинские князья часто предводительствовали казаками и ходили служить на царские службы. В этом отношении интересно следующее место из грамоты Шиха, князя окоцкого, к царю Феодору Иоанновичу от 1588 года: «Холоп есми твой, писал ших, для тебя яз в Железных Воротех много нужи терпел есми и саблю есми за тебя доводил. Толи наша вина: 500 человек было казаков и яз Ших Мирза в головах, тобе служачи, Индили словет город и с тем 7 городов взяли есмя… Преж сего которые ваши Государевы на Терке городы были, – и в те поры я отцом своим с Ушарым Мурзою тебе, Государю, верою и правдою служили; и после того как велел еси, Государь, те городы разорити, и мы тогда с твоими Государевыми с Терскими атаманы и казаки тебе Государю служили и твое Государево имя выславляли и з

Турскому и х Крымскому не приставал и им которые прямили, и тех с твоими государевы казаки воевал».

Так было до Петра Великого. Построенный на Старом Тереке – город Терский (4-я Терка) разросся до большого воеводского города, имел монастырь, 2 православных церкви и таможенный двор, где собиралась с проезжих пограничная подать. Петр Великий (1722 г.) сам был на Кавказе; прошел походом всю приморскую область Дагестана и отнял многие города у персов. Он построил в низовьях Сулака новый город, Святого Креста, и поселил там новую линию русских поселенце (1724—6 г. г.) – Аграханскую, а старую Терку велел бросить.

При Анне Иоанновне Петровские завоевания были отданы шаху Персии, и вместо оставленного города Св. Креста, русскими был построен на Тереке новый город, Кизляр (1735 г.), существующий ныне. При Кизляре поселены и те русские люди, которые водворены были Петром Великим по линии Сулака (Аграханское войско). Они составили целый ряд казачьих станиц по нижнему Тереку.

Незадолго перед тем выселились на левый берег Терека также гребенские казаки (1711—12 г.), жившие в своих гребнях правого берега до полутора столетий. Таким образом, почти половина течения Терека, от моря верст на 200 вверх, к 1736 году оказалась сплошь занятой поселениями русских. Но Кавказской войны еще не было. Что это значит?

Значит это вот что. До сих пор русские не предпринимали никаких походов против мелких кавказских народов. Ничего у них не отнимали, ничего не разоряли. Наоборот, они несли им покой и защиту, как я говорил выше. Мусульманская вера среди кавказских народов в такой мере, как теперь, распространена не была. Народы охотно шли в русскую службу, охотно крестились и жили с христианами совместно.

В 1732 году один из кабардинских князей, присланный от кабардинских народов в Москву, так рассказывал о том времени: «И та земля (у Пяти гор) была тогда российская и были они все христианского греческого закону. И ныне «в 1732 году, – в тех обоих Кабардах князья и уздени и другие военные люди, обретаются в магометанском законе; а подданные их земледельцы и крестьяне греческого исповедания, и в тех их деревнях есть благочестивые церкви и священники». Но время шло, обстоятельства менялись.

Об утеснениях и невзгодах от прежних врагов: турок, крымцев и тарковского шамхала стала пропадать память. Всех их сокрушила широкою грудью возрастающая Россия, перед которою смирились и Крым и шамхалы. Крупнейшее же мусульманство заставляло видеть в прежних своих врагах – друзей, единоверцев, а в защитниках и друзьях русских – врагов, иноверцев.

В 1768 году в войне русских с турками кабардинцы изменили России и дали туркам увлечь себя на свою сторону. За это, конечно, их ждало жестокое возмездие. Большое русское войско готово было вторгнуться в Кабарду и погромило их союзников и родичей, черкес закубанских. Видя русскую силу, кабардинцы смирились, но начало было сделано. Отношения испортились, и за первым возмущением последовали многие другие.

Точно то же было с чеченцами. Пока чеченские выходцы из далеких гор были в Чечне малочисленны, чеченцы мирно жили с гребенскими казаками и делили радость и горе совместно; когда же на их стороне стала возрастать сила, а между тем удаленным от русских границ гребенцам подкрепляться было неоткуда, то они начали производить нападения на самих казаков в их горных жилищах. От этих нападений казаки принуждены были уйти за Терек, но и здесь чеченцы не оставляли их в покое.

Городъ Терка въ 1636 г.

Снимокъ съ рисунка Адама Олеарія, посѣтившаго г. Терку въ ноябрѣ 1636 г. въ составѣ голштинскаго посольства.

III. Раз против местных народностей поднято было русское оружие, прежние добрые отношения не могли, конечно, продолжаться. Выселение гребенских казаков на левый берег и необходимость их защиты на этом берегу, вынуждали русское правительство ускорить надвигание своих сил на грани Кавказа. При императрице Екатерине застроены были: средняя линия Терека, линия Малки и поселены русские люди по Куме и Кубани. Моздок (1763 г.), Георгиевск (1777 г.) и целый ряд более мелких крепостей стали грозным заслоном по границе земель кавказских народов, а между ними протянулась цепь станиц и селений.

Могли ли быть кавказские народы этим довольны?

Неся на Кавказ общую безопасность и умиротворение, русское правительство несло вместе с тем и гражданский порядок. Прежде даже гребенские и терские вольные казаки не всегда слушались царского начальства и не хотели возвращать по требованию терских воевод награбленного добра, когда обиженные обращались за удовлетворением к суду воевод терских. Теперь стали требовать прекращения «шалостей» от самих вольных народов: кабардинцев, чеченцев и под.

Могло ли обойтись без кровопролития? … Нет, и кровь готовилась потечь рекою.

Горским народам казалось, что русское правительство нарочно укрепляется, чтобы отнять у них свободу, землю и все прочее, и они, чем могли, ему противодействовали6 угоняли у русских скот, забирали людей в плен, жгли их селения. Но чем сильнее оказывалось противо-

действие местных народов, тем старательнее правительство спешило умножать русские силы. Явилось невольное взаимное непонимание, затем отчуждение, вражда, а потом и ненависть.

В чеченском ауле Алды появился пламенный проповедник Ушарма, иначе называемый Шейх-Мансур, который распространил и укрепил среди полуязычников-чеченцев исламизм и, сплотив, двинул их на русских. Успех ему сопутствовал.

В июле 1785 г. он подступает под Григориополис, поднимает кабардинцев и 19—21 августа, с 12 т. дагестанцев, чеченцев и кумыков, нападает на г. Кизляр, взрывает Каргинской редут со всею командою. Затем направляется вновь в Кабарду, и только поражение, нанесенное ему здесь полковником Нагелем, несколько умиротворило край. Принужденный бежать за Кубань и там непрерывно преследуемый, он достиг турецкой крепости Анапы, вместе с которой и взят графом Гудовичем в 1791 г., окончив дни в Соловецкой обители.

Но нескоро успокоилась смута, которую всколыхнула его борьба и его проповедь. Маюртупский пророк Авко, поддерживаемый хитрым и отважным Бей-Булатом, продолжают дело Ушурмы в большой Чечне.

В глухом дагестанском ауле Гимрах святой мулла (Казы-Мулла) объявляет, что спастись может только тот, кто, подобно первым последователям Магомета, пойдет с оружием в руках против неверных. За ним последовали Гамзат-Бек, а затем Шамиль. Разгоралось пламя «газавата», т. е. священной войны за веру.

Таким образом, войну Кавказскую начало не русское правительство и не оно одно было ее виною. Конечно, ходом исторических судеб Россия неизбежно шла к тому, чтобы обладать Кавказом. Но это было неотвратимо, и, как необходимый исторический акт, совершалось без крови.

Когда начиналась проповедь газавата, почти весь Дагестан был под русским владычеством, как равно Кабарда и отчасти чеченцы. Но в Дагестане не было русских крепостей и русского войска. Страною правили: шамхал Тарковский, аварские ханы, хан Кюринский и проч. Первым действием имамов было уничтожение владетелей и лиц, преданных русским, и овладение их народами. Вскоре были убиты аварские ханы и несколько раз осаждаем шамхал Тарковский, лишившийся почти всех своих владений. Естественно, что теснимые владельцы требовали помощи у государства и естественно, что последнее обязано было давать ее.

IV. К тому времени русская власть была уже перекинута за Кавказ, в Грузию. Когда предкавказские горные народы, окрепши под русскою защитою, и не видя пред собой своих прежних разорителей: татар, шамхалов и крымцев, стали в самих русских видеть притеснителей, – закавказские грузины жили по-прежнему единственной надеждой на русскую помощь и постоянно о ней взывали и к ней обращались. Турки и персы, которые их терзали, не давали им забывать об этом. Много посольств и мольбы обращали они к русским, много раз предлагали свое подданство, ради защиты. Но в течение 3 веков русские могли обещать эту помощь только на словах, будучи лишены возможности оказать ее на деле. Только в 1769 году русские войска в первый раз вошли в Грузию.

Генерал Тотлебен с небольшим отрядом прошел из Моздокской крепости через Дарьяльское ущелье в Тифлис, столицу Грузии. В 1785 г. царь кахетинский, Ираклий, признал над собою власть русских и для постоянной связи с ним России пришлось пролагатьна Кавказе новую «линию». От Моздока до Дарьяла был построен ряд крепостиц и казачьих кордонов. В самом Дарьяле, у входа, был построен первый Владикавказ (1784 г.), первоначальное место которого с точностью неизвестно. Линия эта (в 1787—8 гг.), вместе с Владикавказом, была брошена, но через 10—11 лет пришлось вновь проводить ее.

На этот раз, вместе с отправлением в 1799 году в Грузию 17 егерского полка (ныне лейб Эриванский гренадерский) прежним путем, пришлось все крепости и мосты вновь строить, в том числе и Владикавказскую крепость. Построена она была на новом месте, там где ныне находится площадь старого собора. Впоследствии стены крепости были раздвинуты, вместили

собор и нынешний дом наказного атамана. При крепости поселились слободки. На левой стороне населена была станица, а затем вырос и нынешний город.

По этой линии проехал в Тифлис первый русский главнокомандующий, назначенный в Грузию, генерал Кнорринг 2-й (1801 г.). По ней же прибыл в Тифлис и Ермолов.

Генерал Ермолов устроил новую линию сообщений с Тифлисом, направив ее, вместо Моздока, из Екатериноградской станицы, по левому берегу Терека, и новый ряд русских крепостей и при них поселений потянулся через нынешние станицы: Прохладную, Ардонскую и др. под названием «Военной Грузинской дороги».

Само собою разумеется, что начавшие газават кавказские народы и их вожди, чтобы подорвать силу русских, старались прежде всего нанести вред этим охранительным поселениям и крепостцам русских. Поэтому русские старались сколь возможно быстрее надвигать сюда новых поселенцев, чтобы прочнее укрепить свой охранительный пояс и линию сообщений. Однако сидеть в крепостях, охранять свои поля и табуны, конвоировать транспорты и ждать нападений для русских было невыгодно, и кавказские военачальники предпочитали предупреждать нападения, чем ждать, со стороны неприятеля.

Лучшим средством считались т. Н. «экспедиции», предпринимавшиеся в поселения горцев. Цель экспедиций была двоякая. Заметив или получив сведения, что в каком-либо месте собираются партии и замышляется нападение, военачальники внезапно появлялись в этих местах с отрядом и тушили т. с. Первую искру пожара. Другие экспедиции были карательными. Разорят горцы какое-либо село, отгонят скот, нападут на транспорт, – не успеют они как следует разделить добычу, как вслед за ними является русский отряд, который, в свою очередь, отгоняет скот, разоряет аулы и проч. При этом отомстители старались платить возможно более дорогою ценою, чтобы навести страх и отбить охоту.

Это долго называлось «войною». Но так как война стоила много денег и держала русское население в постоянном страхе, не давая спокойно работать, то продолжать ее вечно не было расчета. Явилась мысль навсегда «умиротворить» Кавказ, т. е., попросту говоря – взять его железною рукою, «покорить Кавказ».

Тогда начали прорубать леса, проникать в самые дебри, строить по горам крепости, пролагать дороги, выгонять затаившиеся в горах горские народности и выдворять их на плоскость, поближе к укрепленным русским линиям, под надзор русской военной власти. Вместе с тем, самые линии придвинулись ближе к горам, для более успешного действия силы.

V. Первый основатель газавата, Кази-Мулла, взявший и разграбивший в 1831 году Кизляр и Александрийскую станицу, был убит в Гимрах. Его преемника, Гамзата, постигла та же участь. Оставался Шамиль. Он поднял Чечню и намеревался проникнуть в кабардинские земли. К счастью, проникновение в Кабарду не удалось ему, и кабардинский народ меньше других пострадал от кавказской войны. Зато чеченский народ почти истекал кровью.

Не было места в Чечне, где бы не побывал Шамиль или его посланники, и почти всякое место в ней обагрено то русскою, то чеченскою кровью. Аулы пылали, а распуганное население разбегалось, как гонимое стадо. В этой злосчастной войне, закипевшей в Дагестане, но разыгравшейся собственно в Чечне, из мирного чеченца выработался тот тип отчаянного рубаки, который наложил на него черты окаменевшего в суровых сечах человека. В 1859 году, 1-го апреля, пала Ведень, чеченская столица Шамиля. Обессилевший чеченский народ отложился от него. **Георгий Ткачев**.

Жизнь и гибель Зелимхана из Харачоя

Подвиг Терского, ныне Дагестанского конного полка поручика Кибирова, уничтожившего абрека Зелимхана. *Князь Д. Багратионъ.*

«Вестник русской конницы» №9, 1913—14 гг. Последние две войны, как нельзя лучше, потвердели необходимость принять меры к развитию в корпус офицеров правления личной военной инициативы в самых широких размерах сообразно с масштабом служебной сферы офицера, во всех родах войск, а в коннице в особенности. Только тот из г.г. офицеров суметь успешно вести бой в современной сложной обстановке войны, кто с юных лет позаботится развить в себе способность разумно проявлять личную инициативу. Это будет верная аттестация его служебных и нравственных качеств.

В Бозе почивший, Великий Князь Николай Николаевич в своих приказах по кавалерии неоднократно указывал на эту сторону самообразования офицеров, как до компании 1877—78 гг., так и после нее.

Августейший генерал-инспектор требовал, чтобы взводные офицеры были действительными командирами в период одиночной подготовки всадников по всем отраслям кавалерийской службы. До 1874 года это легче было выполнять, так как рекрута подучались в резервных эскадронах, не нарушая этим взводной организации в период одиночных занятий. Приходили в эскадроны не новобранцы, а уже подученные молодые всадники, вливаясь в старые ряды.

Жизненная обстановка в дикой кавказской природе, в которой с юных лет вырос казак Черноярской станицы Георгий Алексеевич Кибиров, послужила, так сказать, наковальней, на которой выковались железное здоровье, стальная воля и решительный характер, тонкая военная наблюдательность, гибкая сообразительность, военная отвага до дерзости, самообладание и необходимая осторожность. От природы настойчивый, Кибиров унаследовал казачью сметку, (Примечание: 1) Военная инициатива есть всякое, быстро соображенное и выполненное, действие, которое дает возможность поставить в данный момент противника в невыгодное положение, упредив исполнение его намерений. Преимущество инициативы выражается именно в неожиданности, озадачивающей и смущающий противника.

2) Будучи раненым 10 ½ час. вечера первым же выстрелом Зелимхана, разрывной пулей с раздроблением кости правой руки, Кибиров, лежа в цепи и истекая кровью, продолжал до 5-ти час. утра, под проливным дождем, распоряжаться боем, доведя его до конца. Только после того команда узнала, что начальник тяжело ранен. Весь бешмет был пропитан кровью.)

Стр. 357 …сдобренную военную хитростью, которые, с течением лет, дали возможность моментально оценивать данную обстановку результатом чего всегда является способность к быстрым планомерным действиям. Словом, условия быта Кавказского казака, в постоянной опасности за свою жизнь, бок о бок с горцами разно племенного населения, в особенности в Терской области, представляют собою незаменимую школу для выработки наилучших боевых качеств.

Семья Кибировых с давних лет вошла в Терское казачье войско. Его деды, со стороны отца и матери, -старые рубаки, оставившие славные заветы потомству: «служить верой и правдой Его Величеству и России».

В 1895 году Г. А. Кибиров зачислен на службу в 1-й Горско-Моздокский полк, где служил и его дед до чина майора, и современником был, израненный в боях, дед по матери, Гагенаев. Окончив учебную команду, Георгий Кабиров произведен сначала в приказны, затем в 1896 году в урядники, а через два года назначен в Собственной Его Величества конвой в л.-гв. 4-ю Терскую казачью сотню. По окончании обязательного срока, оставлен на сверхсрочной службе с 1899 года и награжден серебряным шевроном, затем переведен в 3-ю сотню, а 6-го июня 1902 года, для поступления в Николаевское кавалерийское училище, уволен в Тер-

ское войско с награждением собственноручно Его Величеством знаком за службу в конвое 6-го августа того же года определен в училище, где пробыл до марта 1904 г. и вследствие войны, не докончив второго курса, по собственному желанию, определился охотником во 2-й Дагестанский конный полк, во 2-ю сотню подполковника Алиханова, затем подъесаула Бискупскаго. Коня купил себе на театре военных действий за 250 руб.-дончака 10-ти лет, 3-х вершк. На нем прослужил всю компанию и продал в Харбине ротмистру пограничной стражи за 500 руб.

11-го октября 1904 года «за мужество и храбрость, оказанные в разновременных боях с японцами», награжден знаком отличия в боях» награжден чином прапорщика, 18-го августа, приказом 2-й Маньчжурской армии, награжден знаком отличия военного ордена 3-йстепени за №16834, 1-го сентября «за отличие в делах против японцев» награжден орденом Св. Анны 4-й степени. Приказом главнокомандующего от 26-го октября того же года за разновременные отличия в боях, награжден чином хорунжего.

После заключения мира командирован в Дагестанской конный полк вперед до перевода и, с Высочайшего соизволения, 26-го июня 1907 года прикомандирован к Оренбургскому казачьему училищу. По собственному желанию, отчислен в полк в гор. Грозный 12-го сентября 1908 года, а в августе 1909 годов поручики, командирован с 3-й сотней для содействия гражданским властям, и с этого времени вновь начинается боевая служба поручика Кибирова на Кавказе против внутренних врагов. Опыт минувшей войны и, частности, разведки с боем, благодаря наблюдательности поручика Кибирова, дали ему много сноровок пригодившихся при выполнении труднейшего поручение, успешное окончание которого зависело, по мнению Кибирова, оттого, насколько удается ему всесторонние изучить характер действий Зелимхана, его, так сказать тактику, и моральные свойства личности неуловимого абрека. Вместе с тем, громадное значение Кибиров придавал и воспитанию его подчиненных, подметив, что 18-ти и 19-ти летние всадники легче воспринимают приемы воинского искусства, скорее проникаются сущностью дисциплины, с большим увлечением относятся к службе, проявляя необходимый задор и неудержимую отвагу при соревновании. Воздействуя на последнее чувство, офицеру легко воспитать этих юношей так, что они сольются с ним в одну душу, будут без слов понимать его мысли и малейшие желание. При такой спайке начальнику достаточно указать только жестом и приказание будет выполнено.

Стр. 359 …В таких началах Кибиров воспитал 25 своих всадников, из которых большинство поступили на службу 17-ти и 18-ти лет от роду. Чтобы легче объяснить причину успешного исполнения только с 25-ю всадниками Кибировым опасного поручения, которое не удавалось выполнить отряду из 3-х родов войск в течение почти 15-ти лет борьбы с абреком, необходимо упомянуть т о том, что поручик Кибиров признал насущной потребностью самое подробное ознакомление всей команды с местностью, на которой хозяйничал Зелимхан. Поручик Кибиров отлично учел, что Зелимхан, узнав о возвращении своей семьи из ссылки и о пребывании ее в Грозном, конечно, будет держаться невдалеке от этого города, скрываясь в глухих местах окрестных гор. С целью исследовать такие укрытия, он пользовался каждым случаем, чтобы дать практику своим всадникам в ознакомлении с окрестностями, поучая приемам скрытного подхода к намеченному пункту в конном строю и спешиваясь. Задавал неожиданные задачи, ставя критические условия для себя и предрешая удобство для противника. Подметив, что Зелимхан имел наибольший успех, действуя в темноте, Кибиров уделит особое внимание приучение к езде ночью, для чего, выезда производил в разное время дня и ночи, а с момента получения секретного предписания, поездки эти совершал внезапно, по тревоге, нередко по два раза в сутки, то к вечеру, то в глубокую ночь, то в предрассветной мгле с сохранением каждый раз полной тайны, куда и зачем едут, и объясняя людям цель непосредственно перед приближением к намеченному пункту. В таком тренинге он держал команду своих молодцов в течение последних месяцев и наэлектризовал людей до высшего

градуса Пользуясь пребыванием семьи Зелимхана в Грозном, поручик Кибиров многократно посещал ее, стараясь со слов семьи узнать детали характера Зелимхана его образ мыслей, привычки т закулисную сторону жизни абрека, а также выучил несколько «обиходных» фраз разговорного языка чеченцев, стараясь уловить особенность произношения и наречия.

Вооружившись такими сведениями о своем противнике и вы тренировав молодецкую команду в желаемое направлении, поручик Кибиров не считал еще законченной подготовку к предстоящему боевому столкновению с искусным и опытным абреком, террасировавшим все население 15-ти летней своей кровавой деятельностью. Часть население его боялась, часть сочувствовала ему, а часть была убеждена, что от Зелимхана пули отскакали, многие же верили серьезно, что он второй Шамиль, тем более, что и местность была та же, сохранилась даже название городов, селений и аулов, связанных с воспоминаниями легендарном имаме Шамиле, поэтому имя последнего и Зелимхана были для многих синонимов. По слухами даже донесениям, пойманный и убитый не раз, Зелимхан вновь воскресал за 50 – 70 верст, подтверждая лишь свою неуязвимость. На самом же деле никто никогда не видел Зелимхана в лицо, настолько осторожен был грозный абрек, неоднократно оставлявший записку с именной печатью, точно подтверждая свое пребывание среди лиц, которых он посещал, искусно загримировавшись. Поручик Кибиров эту сторону деятельности абрека особенно учел и другого пособия для скорейшего успеха, как шпионаж, не а ходил возможным применить, а потому использовал все, доступные ему, средства и организовал со своей предусмотрительностью и осторожностью этот военный прием в самые последние дни, зная, как непродолжительно удерживается в тайне разведка шпионажем. Если бы подготовка Кибирова раскрылась преждевременно, ему не удалось бы свидание с Зелимханом. После всего изложенного не будет с нашей стороны излишней нескромностью высказать мнение, что для таких офицеров движение по строевой службе не должно быть обыденным, несмотря на то, что выпускного экзамена перед комиссией Кибиров не держал, но зато на глазах подчиненных доказал высшую степень офицерского достоинства, блестяще исполнив долг присяги и запечатлев его кровью. Чтобы возложить такое ответственное поручение на офицера, начальнику, конечно, необходимо близко знать своих подчиненных, что и доказал наказной атаман Терского войска генерал Флейшер, предоставивший начальнику отряда, полковнику Маргани, возложить поимку Зелимхана на одного из самых лихих взводных командиров Дагестанцев, дав ему полную самостоятельность действий. Факт этот лишний раз подтверждает огромное значение, при сокращенных сроках службы, обучение взводов лично своими командирами, младшими офицерами, как основного звена всей армии. Только этим путем младший офицер подготовится к проявлению инициативы и установится духовная связь во всей толще армии.

Во время моей служебной командировки во Владикавказ в сентябре 1913 года мне пришлось видеть ранним утром 25-го сентября следы разгрома в ту же ночь магазина золотых и серебренных вещей шайкой горцев. Еще лежали на улице трупы жертв этого нападения, совершенного с неслыханною дерзостью 9в центре областного города. С разных сторон спустились с окрестных гор 20 -30 учеников Зелимхана или его подражатели, спешились на окраинах Владикавказа и в 2 часа ночи, пользуясь отсутствием освещения в городе, пробрались к магазину Шихмана на центральной бульварной улице, называемой Александровский проспект, открыли частый огонь по всем направлениям, выпустив до 1.000 пуль, ограбили и скрылись через 15 минут бесследно. 27-го сентября в Пятигорске я прочитал в газетах первое известие об уничтожении Зелимхана. Возвращаясь из вторичной командировки 26-гонобря и выходя из поезда на Николаевском вокзале, я увидел на платформе, только что приехавшего также с этим поездом, офицера в Дагестанской форме с подвязанной и забинтованный рукой, поддерживаемого фельдшером. На бедном, исхудалом лице его отражались пережитые страдания. Подойдя к нему и познакомившись, я узнал, что это и есть раненый поручик Кибиров, избавивший Терскую область от грозного абрека Зелимхана, неуловимого в течении 15 лет, в борьбе

с которым погибло 230 нижних чинов, до 60-ти начальствующих лиц и более 100 туземцев. Разбои на Кавказе беспрерывны со времени покорения его, и войскам, там расположенным, памятны имена всех грозных главарей разбойничьих шаек. Многие из них были изловлены и казнены. Так, был пойман, оперировавший с шайкой на военно-грузинской дороге, красавец осетин Алдатов, в детстве учившийся во Владикавказской русской школе. Вследствие чей-то несправедливости к нем, он убил обидчика и сделался абреком. Его повесили. Громче других в 80 годах произносилось имя неуловимого Абдул-Керима, преследовать которого назначен был особый отряд. Но Керим, как дух, перелетал из одной губернии в другую, нередко делая по сто верст в творительном гулянии, щеголевато одетым, как это было в Елизаветполе, где он заплатил 25 руб. за бутоньерку, сказав продавщице: «Бедным – от Абдул – Керима». Население укрывало абрека, поэтому изловить его так и не удалось. Он скрылся в Персию, где долго был начальником курдской конницы. Умер относительно недавно, несколько лет назад. Одновременно с Керимом в Кубинском уезде разбойничала шайка Мешада-Меджида, бежавшего с Ширванского полка полковника Леневича (впоследствии генерал-адъютант, герой Пекина и Японской войны), когда последний возвращался ночью один в экипаже из Дербента в урочище Кусары. Меджид подкараулил его, окружив шайкой в 10 человек, и, остановив лошадей, сказал: «Деньги, ага!» «Всякое сопротивление было немыслимо, пишет Козачковский, и полковник Леневич по тревоге выслал через 10 минут учебную команду, которой удалось в перестрелке убить 2-х разбойников из шайки, но главарь Меджид удрал. Через 2 года один из шайки его выдал, и знаменитый абрек, был повешен близ г. Кубы при стечении 10-ти тысяч лезгин».

Преемников его сделался лезгин каторжник Ших – Заде (1893 – 94 год), а правой рукой у него был беглый сахалинец одноглазый лезгин Салман, прозванный за жестокость «зверь – человеком», перед смертью вырывавший своим жертвам зубы. Шайка состояла из 16-ти головорезов. Они оперировали на сельдяных промыслах по берегу Каспийского моря, обложив рыболовов данью. Шайка совершила 56 убийств и была изловлена приставом Жуковым. Во время перестрелки Заде был убит, а шайка сдалась. 8 из них были казнены весною 1895 года. Далее длинный список разбойников, имена которых передаются в легендах, возбуждая подражание в темной массе диких горцев Кавказа, таковы: Абдул из Казьяна, Талыб и Гейдар, Сафтар и Нугай, Мурод, Заид, Иски, лезгины Мамед-Али и Али-Баба (1905 г.), красавец чеченец Осман Мутуев, в шайке которого одно время приходил «курсы» разбоя и Зелимхан. Шайка эта взяла в плен на Керкетском перевале в конце июля 1905 года инженера-химика Байздренка и богатого коммерсанта Хренова, откупившихся 2 тысячами руб. Отец Мутуева был сподвижник Шамиля. Осман в детстве окончил горскую школу, в такой же школе учился и Зелимхан, о котором дальше подробно расскажет Г. А. Кибиров, рана которого в течение 7-ми месяцев еще не зажила, несмотря на образ новое лечение в клиническом госпитале в Петербурге. Поручик Кибиров прикомандирован к главному упр. государственного коннозаводство.

Прод. №10. Кроме убийств, Зелимхан изощрялся еще в добывании денег взятием в плен капиталистов, которых держал при себе до тех пор, пока родственники не уплатят ему назначенную сумму за выкуп пленника. Иной раз присылал намеченному капиталисту «требование положить известную сумму в назначенном пункте и в известному часу». Первое время по такому предписанию решались не давать денег, но печальный опыт двоих, поплатившихся головою, побудил быть следующих быть исполнительными, тем более, что Зелимхан в своих «предписаниях» всякий раз напоминал о смерти. Угроза приводилась в исполнение вновь поступающим членом шайки. Зелимхан говорил новичку так: «сними голову такому-то, тогда будешь принят».

За последнее время из Кизляра были взяты в плен и откупились следующие лица: Месяцев – 40 тысяч, А. Бредихин – 22 тысячи, его брат – 18 тысяч, Серебряков – 15 тысяч, племянник Бредихина был взят среди бела дня и пропал без вести.

После уничтожения Зелимхана очень многие решились сознаться в «аккуратном исполнении предписаний абрека по доставке десятков тысяч рублей».

Когда, распоряжением правительственной власти, налагались на население денежные штрафы за «сокрытие абрека», то Зелимхан, получив от богачей «выкупные платежи», часть последних выдавал беднейшим жителям в двойном размере против того, сколько с них причиталось правительственного штрафа. Следствием этого укрывательства Зелимхана было вполне обеспечено. Вообще дальновидность и здравый смысл легендарного абрека был удивительный. Система, по которой он организовал шайку, и продуманность нападений поразительны, рисуя наличие неожиданного административного ума и способности распорядиться. Прежде, чем излагать рассказ Кибирова, набросаем вкратце совершенные Зелимханом зверства. Примечание:

1) В 1899 году он со своим отцом лично убил во дворе аула Хорачой своих же одноаульников чеченцев Шугаиба и его отца.

2) в 1901 г. Зелимхан бежал из Грозненской тюрьмы, заколов часового.

3) Через некоторое время застрелил в квартире начальника Веденскаго округа, который, как будет сказано ниже, арестовал Зелимхана и предал его суду за убийство Шугаипа.

4) На Грозненский вокзал.

5) Неудавшееся пленение миллионера Максимова среди бела дня в Грозном.

6) Ограбление днем Кизлярского казначейства, сопровождавшееся неслыханной смелостью, причем Зелимхан был одет в форме подъесаула Терского войска, а шайка казаками. Все 30 человек были верхом на прекрасных кабардинских конях. Перед организованием шайки Зелимхан производил всем вступающим «приемный экзамен в головорез ном искусстве».

Требовались отборные кони, отличное снаряжение, оружие и умение владеть им в совершенстве. Материальная часть, конечно, была добыта грабежом у горцев и казаков. О своем «абречьем походе на Кизляр» Зелимхан торжественно объявил в письме начальнику округа Вербицкому.

7) затем следует зверская засада, устроенная Зелимханом в Ассиновском ущелье отряду стражников и Дагестанцев под командной князя Андроникова после ареста семьи Зелимхана.

8) Не менее кровопролитна была засада Зелимхана на Керкетском перевале, при ограблении инженеров, причем был убит есаул Долидзе, одиннадцать человек Дагестанцев и 4 инженера. Поручик Кибиров застал на шоссе, еще не совсем остывшие, тела своих однополчан, и окровавленный вид этих дорогих сердцу Дагестанцев особенно повлиял на поручика, вызвав в его сердце жизнь 12-ти благородных воинов, честно исполнявших долг присяги. Подробное описание всех кровавых дел Зелимхана потребовало бы тысячи страниц. Материал этот с иллюстрациями (до 1910 г.) собран в книге В. Козачковского и в самой сжатой форме изложен на 30-ти страницах. Поним читатель может составить себе понятие какой звероподобный человек был сам Зелимхан и каких головорезов подбирал он себе в шайку, численный состав которой он изменял в зависимости от масштаба разбоя или набега. После того, как были убиты Беноевцами его отец и брат Султамурат, также абреки его шайки, при Зелимхане более продолжительное время оставались младший брат и два абрека – чеченец Аюб и ингуш «беспощадный» Саламбек, с именами которых связаны самые дерзкие разбои. Аюб был убит в с. Старые Атоги Кизляро – Гребенскими казаками, 6-й сотней которых временно командовал подъесаул Кибиров (Павел), брат Георгия Кибирова.

9) Дерзкое по замыслу ограбление на 1 миллион руб. банка в Грозном во время ярмарки не удалось. Хотя присутствие в этом деле Зелимхана фактически не подтверждается, равно как вызывает теперь сомнение присутствие его в пещере у Хорачоя, откуда будто бы чудом спасся Зелимхан. Если бы ему удалось добыть миллион руб. в Грозном, то будто бы Зелимхан. Уже готов был объявить себя имамом – приемником деяний Шамиля, подняв общее восстание на Кавказе. Кибиров, хорошо ознакомившись с бытовым укладом жизни в Чечне, полагает,

что Зелимхан в состоянии был бы осуществить это. Поставить себе целью ближе изучить прошлое Зелимхана и обстановку, повлиявшую на психологию, образ мыслей и характер неуловимого абрека, Кибиров продолжительное время непосредственно наблюдал за бытовыми чертами жизни чеченцев, присматриваясь к деталям отношений между мюридами и шейхами, для чего счел необходимым побывать у последних. Ниже излагаем его рассказ, записанный мною во время нескольких вечерних бесед с поручиком Кибировым, поразительная скромность которого обрисовало в нем наличие истиной героической натуры, столь присущей нашим молодцам казакам, наблюдательность которых и военная сметка суть наследственный божий дар этой единственной в мире «породы военных людей».

I. Из всех народностей Кавказа дикий обычай кровавой мести тщательно сохраняется до наших дней среди чеченцев, населяющих отдаленные аулы в северо – восточной части Кавказских гор, входящих в территорию Терской обл. тем не менее, с проведением Владикавказской железной дороги, культурная начало постепенно проникают в прилегающую к ней полосу Чечни. В этом районе очень из чеченцев уже занимаются торговлей в широких размерах, в особенности городские жители. Так, в г. Грозном самый богатый магазин и лучший дом принадлежит чеченцу Гиха Мациеву, сыновья которого уже окончили реальное училище, а дочери замужем за офицерами. Чеченцев Мациев совершено мирный, очень религиозный человек, почетный член благотворительных обществ, строитель нескольких русских школ и пр.

Во Владикавказе также не мало богатых чеченцев, ведущих оптовую торговлю, имеющих собственные богатые дома. Другая часть чеченцев занимается земледелием и редко кто скотоводством.

Сословного разделения у чеченцев нет, и жители аулов делятся лишь по древним именам «шейхом». Шейху покланяются, как святому, и приверженцы (мюриды) одного шейха уже в душе непримиримые враги другою. Споры о достоинствах шейхов не редко переходят в кровавую резню, дающую начало кровавой мести и образования целой цепи «кровников»: брат за брата или родственник, хотя бы дальний, должен отомстить за кровь убитого родного самого отдаленного. Родственники и даже свойственники живут дружно на началах «один за всех и все за одного». Шейхи образуют из числа религиозных фанатиков, побывших на поклонении в Мекке возможно большое число раз. Большинство шейхов старики, и редко кому удается быть шейхом ранее 50-ти лет. Живут шейхи в больших горных аулах, и усадьбу их обставлены очень богато. По внутреннему убранству дом шейха нисколько не напоминают о монашеском образе жизни, а скорее представляет музей драгоценного старинного оружия, восточного стиля, турецкого, персидского, китайского, арабского и прочих азиатских народностей. Повсюду на стенах блеск золота и драгоценных камней: редкие шашки, ятаганы, кинжалы, пистолеты и ружья.

На конюшне шейха два три превосходных коня, тонко выезженных лучшими джигитами и, конечно, подведенных шейху «в пешкеш» – подарок вместе с седлом, украшенным драгоценностями.

Братию «воинственного настоятеля» монастыря, как говорит Кибиров, составляют «мюриды» – ближайшая охрана шейха. Почти все население аула, где живет шейх, – мюриды, поголовно женатые, имеющие по 2 – 3 жены. У одного шейха бывает до 10-ти тысяч мюридов окрестных аулов; они вместе с семьями возделывают землю своего шейха и выполняют на него все обеденные работы, для чего с утра ежедневно являются 5 – 6 мюридов, вооруженных кинжалами и винтовкой, и остаются целые сутки в усадьбе шейха.

Каждый мюрид, чтобы он не привез из города, десятую часть отдает шейху, а если продает что либо, например, лошадь за 100 руб. то шейху несет 20 – 25. руб. эта дань шейху называется «садагу».

Городские чеченцы, вместо «садагу», платят за постройку мечети большую часть ее стоимости. По психологии мюрида, он убежден, что, уплачивая «садагу», он приобретает у шейха прощение всякого греха: воровства и убийства, в временности за пределами Чечни.

Лишний раз сотворить намаз – помолиться достаточно, чтобы Аллах через шейха простил. Семью шейха обслуживают ближайшие родственники. Кроме того, если жены шейха особенно религиозны, к ним приходят для услужения 5 – 6 лучших чеченок девушек 16 – 20-ти лет, всегда одетых в чистые белые одежды. Это самые красивые девушки из всей Чечни, они же и седлают лошадь шейху, до седла которого может дотронуться только «красавица». Отслужив шейху неделю, эти своего рода весталки сменяются такими же красавицами. Если красавица приходится родственницей шейху, то не редко после такой «придворной службы» при шейхе прямо выходит замуж. Чтобы жениться, каждый мюрид должен уплатить отцу невесты 50 руб. за девушку, а за дочь вдову – 15 руб. деньги эти невеста привозит молодому мужу, а приданное делает отец. В случае развода муж деньги отцу. Шейх имеет у себя во дворе маленькую мечеть, где сам и живет, но к обеду выходит в соседнюю с мечетью комнату и тогда сюда входят для прислуживания жены или «весталки», Женщины едят после мужчин. Порядочный мюрид – чеченцев, по обычаю, не подает руки женщине; лишь ближайшие родственники при встрече три раза обнимаются, но отнюдь не целуется. Намаз (омовение и молитва). В каждом ауле имеются большая общая мечеть (джюма), куда мулла с вышки минарета собирает прихожан протяжным напевом: Псемиллах Аллах Ирахман Ирахим! (Праведники, к Богу и пророкам)».

Когда мулла сойдет с минарета, мюриды, сняв обувь, а дома предварительно умывшись, входят в мечеть за муллой, который становится впереди, а за ним мюриды размещаются стройными шеренгами и повторяют все его движение и коленопреклонения.

Вместо алтаря, на возвышение перед муллой лежит Коран, по которому он читает и поет. Последнее песнопение повторяют все молящиеся.

II. В таких бытовых условиях родился в 1869 году и вырос чеченцем Зелимхан в горном ауле Хорачое (к югу от Владикавказа), Веденского округа, Терской области, считаясь мюридов шейха Бамат Гирей Халжи аула Автури (45 вест от Хорачоя). Зелимхан был старшим сыном зажиточного мюрида Гушмазуко, имевшего не вдалеке от аула собственный хутор в горах, где находились его бараны, скот и лошади. У Зелимхана были еще младшие братья Султамурат и Шамсудин и несколько сестер. Зелимхан Гушмазукаев женился в 90-х годах, но продолжал жить с отцом. Брату его Султамурата очень нравилась однаульница чеченка красавица Хадыжата, которой, в свою очередь, нравился одноаульник стройный мюрид Шугаибу, род которого был сильнее, т. е. многочисленнее по количеству родни в этом же ауле. Красавица решила отдать руку и сердце Шугаибу, пользовавшемуся большим авторитетом в ауле и потому не дававшему никому спуска. Среди молодежи он слыл за завидного жениха в противоположность Султамурату, неуклюжему меланхолику, над которым все подтрунивали.

Обыкновенно молодые девушки ходят за водой для семьи, и к этому времени у колодца или ручья собирается молодежь, здесь происходит встречи, называется «флирт», и первые стрелы Амура пронзают сердца влюбленных. Несмотря н явное предпочтение Шугаибу, Зелимхан все же рассчитывал женить брата Султамурата на красавице Хадыжате, к которой и сам был не совсем равнодушен. У чеченцев нет поговорки «насильно мил не будешь», а потому, когда стало известно о скорой свадьбе Шугаиба с Хадыжатой, Зелимхан с братом Султамуратом подкараулили ее вечером у реки, когда она пришла туда с кувшином за водой, схватили и, посадив на седло, ускакали в горы на виду почти всего аула и скрылись. Но так как мулле известно было, что красавица была просватана за Шугаиба, то через старшину и муллу девушка была разыскана и водворена к родителям, а затем и выдана замуж за Шугаиба.

С этих пор Зелимхан, как старший брат, считал себя, по местному выражению, сконфуженным за Султамурата и объявил Шугаибу, что рано или поздно все равно он насильно возьмет для брата Хадыжату. Это был пролог на романической почве к развитию затем кровавой

драмы, в которой обычай кровавой мести сыграл свою роль, дав простор к проявлению всех зверских инстинктов, таившихся в дикой, необузданной натуре Зелимхана.

Слушая простой рассказ Кибирова об этой завязке романа, а подумал, какая это тема для писателя романиста или драматурга композитора для создания красивой оперы с превосходными декорациями Кавказской природы… и т. д.

Тем временем Шугаиб, отпраздновав медовый месяц с красавицей женой, через несколько дней по делам отправился верхом в г. Грозный, Когда он возвращался к себе в аул, Зелимхан с братом и родственником Бекмурзаевым устроили вечером засаду на пути Шугаиба, для чего выбрали глухое ущелье, и лишь только беспечно ехавший Шугаиб приблизился, как все трое схватили его, стащили с коня и, обезоружив, требовали, чтобы он, поклявшись на Коране, отказался от своей жены в пользу Султамурата. Произошла отчаянная борьба и в тот момент, когда братья-насильники хотели связать Шугаибу за спину лотки, а Бекмурзаев, как свидетель, находился спереди, предъявляя Коран для клятвы, ловкий Шугаиб сильным движением освободил руку и, выхватив у неповоротливого Султамурата кинжал, им же распорол Бекмурзаеву живот. Все это произошло на краю пропасти. Поражение столь неожиданным поворотом борьбы, братья-разбойники, выпустив Шугаиба, бросились к упавшему раненому, а Шугаиб под покровом ночи быстро скрылся через горы в аул. Смертельно раненого Бекмурзаева привезли в Хорачой, где он утром умер. По обычаю, такая расправа, говорит Кибиров, считается «домашним делом», и администрация в эти «домашние убийства» не вмешивается, лишь близкие родственники принимают все меры к ограждению виновного от преследования властями и мстителями, считая их равнозначными.

Шугаиб не знал, что Бекмурзаев умер, а потому не приняв всех предосторожностей для своей безопасности. Но Зелимхан учел это и в тот же вечер, когда Шугаиб с отцом был у себя во дворе, вбежал туда и обоих застрелил. К этому моменту подоспели отец Зелимхана с Султамуратом, схватили выбежавшую на выстрелы Хадыжату и, пользуясь темнотою, все месте ускакали в горы. Некоторые одноаульники случайно видели в ночном сумраке промелькнувшие тени. Поднялась тревога в ауле, но выгнать убийц старшине с кровниками не удалось. Продолжительное следствие и поиски, в конце концов, закончилось арестом Зелимхана, его брата и отца в горах, в 12-тиверстах от Хорачоя, куда явился офицер, начальник участка, со старшиной и стражниками. Арестованных привели под конвоем в аул, а красавицу вдову водворили в дом ее отца. Затем всех трех разбойников доставили в слободу Ведено, после чего привезли в г. Грозный, где состоялся суд, приговоривший их в 1906 году за убийство в тюрьму.

Через 9 месяцев Зелимхан с братом и отцом, проломив пол в камере, подкопались под каменную ограду и на рассвете выбрались на волю освободил еще 4-х головорезов. Подкравшись к дремавшему часовому, Зелимхан выхватил из его рук винтовку и ее же его заколол, а затем все скрывались в горы, дав обет «абречества».

Во мнении некультурного населения Чечни абрек представляется почти героем, но героем, который внушает смертельный страх, и, под влиянием его, жители аулов оказывают ему всевозможные пособия, абреки же, в свою очередь, никому ни в чем не доверяют. При такой обстановке, погоня за Зелимханом ни к чему не привела, а первый успех вновь сформированный шайки ободрил ее главу.

Спустя две недели после побега из Грозненской тюрьмы совершено было в сл. Ведено убийство начальника округа, к которому в кабинет явился Зелимхан и, застрелив, бесследно скрылся в горах, отомстить ему на свой арест и осуждение. Эти успехи направили в дальнейшем преступную натуру Зелимхана на определенный путь разбойника, державшего в страхе почти все чеченские аулы, чему очень помогло наступившие после 1906 года политическое брожение в России. Следы деятельности Зелимхана, положительно, залиты кровью всех тех, кто так или иначе становился ему поперек дороги. Только один аул Беной, имея среди чеченцев кровников Зелимхана, решился, правда, неоткрыто выступив против него.

III. Весной 1909 года Зелимхан с шайкой в 8 человек вел с собою захваченного в хуторе, в 4-х вер. От Кизляра, для выкупа овцевода Месяцева, направляясь в горы. Девятые сутки за ними следили стражники по распоряжению атамана Кизлярского отдела, причем, хотя и приказано было через аулы не пропускать шайку, но лишь Беноевцы могли это выполнив, устроив засаду у кладбища. В перестрелке был убит отец Зелимхана и двое из шайки, но Месяцева Зелимхан не упустил, потому что осторожный абрек ни держался на некотором расстоянии под прикрытием брата или отца, а в их отсутствии окружал себя верными телохранителями силачами. В числе телохранителей были три брата чеченца, из них один окончил Владикавказское реальное училище, другой гимназию и третий не окончил ее. В этой перестрелке Зелимхану угрожало смерть, но его спас телохранитель.

После выкупа Месяцева, Зелимхан затих и в это время скрытно увез из Веденского округа свою семью и вдову Хадыжату в Назранский округ, выбрав для них пещеру в глухом месте среди неприступных гор, близ берега р. Ассы. Хадыжату там поженил с братом, который в одной из перестрелок был убит. Таким образом разбойничье гнездо Зелимхана, свитое им в горной пещере, дало, наконец, ему возможность обладать и той красавицей, из за которой пролились уже целые потоки крови.

Недолго Зелимхан наслаждался, если можно назвать, гаремным счастьем в пещере, так как с назначением начальником Назрановкого округа князя Андроникова, питомца Николаевского кавалерийского училища и бывшего лихого улана Его Величеств, она была открыта. Князь андроников с стражниками и сотней Дагестанцев, под командой ротмистра Донагуева, неожиданно нагрянули и, захватив всех членов семьи абрека, направились в гор. Владикавказ.

Несмотря на предупреждение жены Зелимхана не идти через Асинское ущелье, где Зелимхан должен был устроить в горах засаду, князь Андроников все-таки пошел туда. Направив вперед арестованных, окруженных конвоем, начальник отряда князь Андроникова следовал с прикрытием за передовыми. Лишь только передовые прошли узкий мост через р. Асу, на который затем въехало прикрытие, как с отвесных скал защелкали выстрелы, и первым же был убит князь Андроников, а также ехавшие с ним саперный поручик Панфилов и 19 человек всадники Дагестанцев. Завязалась горячая перестрелка с невидимым от моста противником. В которое время, кроме убитых первыми выстрелами, были ранены ротмистр Донагуев и 30 человек в отряде. После чего, подобрав убитых и раненых, часть уцеплявших прорвалась вперед за арестованными, а другие обошли опасное ущелье кружным путем.

Такой кровавой угрозой предупреждал Зелимхан администрация, возымевшую смелость дотронуться до гнезда грозного абрека, беспощадно мстившего после этого всем тем, кто так или иначе способствовал его поимке. Дерзость Зелимхана дошла до того, что он написал бывшему тогда начальнику области, что увезет к себе дочь генерала.

Семью Зелимхана, тем не менее, доставили во Владикавказ. А затем создали в Енисейскую губернию. В это время поручик Кибиров находился в Дагестанском конном полку, который, как сказано выше, почти ежедневно выступал отдельными сотнями с отрядами для поимки абреков.

Печальные весть о неудаче в Асинском ущелье быстро облетела не только весь Кавказ, но и всю читающую газеты Россию. Среди туземцев имя Зелимхана произносилось шепотом, администрация же наложила крупный штраф на аулы, и удвоила энергию, но мирные жители в городах и селах, тем не менее, ожидали наступления сумерек со страхом. С таким же страхом совершались переезды по дорогам, и без достаточного конвоя, во всяком случае, нечего было думать пускаться в путь. Но главных артериях сообщение расставлены были для охраны конные войска.

IV. Осенью 1911 года должна была приехать инженерная комиссия для осмотра ремонтных работ на шоссе между Грозным и Темир-Хан-Шурой. К этому времени распространились слухи, что Зелимхан совершит нападение на инженеров.

«Я со взводом Дагестанцев, говорит пор. Кибиров, стоял на охранной службе в Цаведене. Слухи эти дошли и до меня. Но так как не раз такие слухи бывали ложными, а после катастрофы с отрядом князя Андроникова в Асинском ущелье гибель дорогих мне Дагестанцев давила на сердце, горевшее желанием мщения, то я решился лично убедиться в действительности этих слухов. С этой целью, переодевшись в простого рабочего, отправился к партии, исправлявшей шоссе, и нанялся поденщиком. Вечером, по окончанию работ, все мы пошли в шалаш, где и заночевали. Среди рабочих были чеченцы, аварцы и кумыки, язык которых я понимал. Из их разговоров узнал, что к ним подходили какие-то горцы, спрашивая, когда приедут инженеры. Получив 30 коп, за рабочий день я вернулся к знакомому дорожному мастеру, где переодевался и там узнал, что здесь также были неизвестные, справлявшиеся о времени приезда инженеров, после чего «любопытные» ушли в горы. Разговаривали они со сторожам дорожного мастера, который при мне переспросил его и последний подтвердил это, добавив, что люди эти пошли по направлению, где там в горах пастух пасет баранов. Вероятно, с ним они беседовали.

На другой день, утром, я, говорит Кибиров, переодетый чеченцом, отправился с юнкером в горы и, отойдя версты две от шоссе, увидел пастуха и его стадо».

IX. (прод. №11 – №12). Всю ночь до утра я обдумывал, продолжал свой рассказ Кибиров, задавая себе вопросы, что буду делать в разных случаях, предусматривая все возможные неожиданности при предстоящем свидания раскроется, конечно, буду убит. Сердце защемило при мысли, что в станице Черноярской-75-летняя старушка мать и сестра вдова с сиротами без средств, а в Темир-хан-Шуре осталась жена с маленькой дочуркой и в ожидании второго ребенка… Быть может, я их никогда не увижу. Но над этим долго не пришлось задумываться, с этим хороший казак свыкается, служба заслоняет эти чувства. Твердо решив завтра увидеть еще невиданного зверя, я сел за стол, написал завещание в пользу жены, матери и сестры и подробно описал последние событие и что иду в район между лиц, из которых одного знаю давно, упомянув его адрес и имена его родных. Если не вернусь, значит убит и там меня искать. Записку эту и крестик, который я не забыл снят, запер в сундук. Разумеется, никому не говорил ни полслова, лишь перед сумерками отправил к юнкеру Муртазали денщика Али-Кады-Махмудова с запиской, в которой просил удержать его у себя под разными предлогами возможно дальше. Во время отсутствия денщика приобрел в ауле старую, изорванную шинель, опорки и прочие принадлежности костюма каторжника, до соломенной шляпы включатель но, надел все приобретенное и, незамеченный никем, пробрался в аул в кукуруза к назначенному месту, где ожидал агентов. К 4-м часам утра послышалось фырканье лошади и топот копыт. В темноте нельзя было сразу разобрать, кем подавался условленный звук, но вскоре силуэты двух всадников выросли, как из земли. С одной лошади, клячи, слез человек, оказавшийся №1, и №2, вооруженный с ног до головы, сидел на прекрасном кабардинце. Я сел на не оседланную клячу и с №2 отправился, номер же первый возвратился. Было совершено темно, и только после двухчасовой езды стала загораться заря, когда мы подъехали к лесу, на опушке которого стоял, по-видимому, на часах вооруженный горец, пристально всматривавшийся в нас, держа винтовку наготове. Подъехав к нему, мы поклонились (по-чеченски сделали салам), на что он ответил «малеким салам», но винтовку не опустил, зорко всматривались в даль, вероятно, искал глазами, нет ли кого за нами.

«Не это ли Зелимхан?» – подумал я.

Мы слезли с лошадей, завели их в лес и, привязанных к деревьям, направились далее пешком по лесу. Впереди шел №2, не отвечая на мои вопросы. Фигура только что встреченного красавца горца стояла в памяти, и лишь огромный его рост и моложавость рассеивали представление о Зелимхане. Все время шли молча, и, чтобы скрыть свои волнения, я старался внутреннего убедить себя, что я-действительно каторжник, и это меня несколько успокаивало.

Когда Кибиров мне рассказывал это, я подумал, что талантливый актер с сильной волей, вероятно, таким самовнушением входит в роль и играет ее хорошо тогда только, если искренне переживает все душевное настроение изображаемого лица.

Лес шел под небольшой уклон, пройдя по которому минут 10, мы вышли на поляну. По середине ее, под развесистой дикой грушей, сидел человек, к которому мы направились. Я, что называется, вперился в него глазами и рассмотрел его еще издали: в желтоватом халате, в папахе из великолепного рыжего каракуля, с винтовкой между колен.

«Неужели, – думал я, – это тот, который пятнадцать лет держит в страхе всю область, тот, который убил моего дядю, моего отважного Долидзе, храбреца Андроникова и уложил целую гору тел славных Дагестанцев!.. Он, которому давно место, по меньшей мере, в каторге»… Но действительность остановила прилив чувства злобы, так как агент №2 уже остановился перед сидевшим с важной осанкой человеком, низко ему поклонился, сказав «салам алекум», на что незнакомец, полу поднявшись, ответил «малеким салам», противно прозвучавшее в моих ушах. Затем агент отошел в сторону и я очутился лицом к лицу с незнакомцем, смеривши меня с головы до ног своими огненными глазами. Я подошел, глядя ему прямо в глаза, и с поклоном произнес «салам алекум», на что, вставая и держа в левой руке винтовку, незнакомец произнес, незнакомец произнес «малеким салам» и протянув мне свою огромную руку, прикосновение к которой ощущалось, как лед. Какая-то дрожь пробежала у меня по спине, а в памяти запечатлелся, может быть, на всю жизнь, зверский облик бронзово-загорелого лица с налитыми глазами, глазами, орлиным носом, подкрашенной черной, коротко стриженной бородой и седыми волосами из под папахи. Коренастая, широкоплечая фигура моего роста дышала здоровьем и силой.

Осматривая меня с ног до головы, незнакомец на русском языке спросил:

– Что тебя надо?

– За убийство, начал я, двух полковников я был осужден в каторгу на 16 лет… Но он перебил меня, спросив:

– Ты – мусульманин или православный?

– Мусульманин-кабардинец, – ответил я.

– Ну, что же хочешь?

Подавив в себе волнение, я продолжал по-русски нарочно с акцентом:

– На 16 лет осужденный в каторгу, я пробыл 4 года и бежал, сорвав винтовку часового и убив его, пробрался сюда. Слышал еще в каторге и здесь вашу славу, и где ваше имя произносится, там и закон. (Речь эту обдумывал по пути из аула сюда). Мне негде преклонить голову, в аулы никуда показаться нельзя. Возьмите меня к себе, я Кавказ хорошо знаю и вам сослужу, как самый близкий…

– Иди! – повелительно сказал незнакомец, садясь на прежнее место и передавая в правую руку винтовку.

Я не поняв, куда идти, обратился к агенту:

– Куда идти?

На это указывая в сторону рукой, ответил Зелимхан:

– Садись!

Я отошел шагов 10—15 за агента, опустился на землю и тут только заметил по краям поляны стоявших телохранителей, стройных, высоких, вооруженных с ног до головы, 2-х горцев с винтовками, зорко глядевших, один в лес, а другой на дорогу, вьющуюся в горы.

Так в молчании прошло время часов до одиннадцати. Солнце ярко светило. Я немного освоился со своим глупым положением, изучая Зелимхана, который несколько раз вставал и прохаживался. Я заметил, что винтовка у него на ремне и он часто передавал ее из одной руки в другую, но не оставлял. (На коне винтовка тоже висела вниз дулом под левой рукой).

Фигура этого, в сущности, обыкновенного теперь для мен человека, наводила на мысль, почему это с ним не могут справиться, и что будет, если он примет меня? Не использовать ли данный случай, постепенно приблизиться, выхватить его кинжал и убить, но… действительно останавливала, и я старался подавить в себе чувство злобы, откладывая это до более благоприятной обстановки, Размышлением положил конец телохранитель, подошедший к Зелимхану по его знаку и принесший кувшин с водой. Агент подозвал меня, и мы начали омовение, я и №2 омыли ноги, руки и лицо из другого кувшина, а затем впереди стал Зелимхан, которому подстелили бурку, за ним агент; я, сняв шинель и оставшись в одном белье, стал рядом, и начали молитву. Телохранитель все время стоял левее меня, держа винтовку «на руку», что меня смущало. По окончания «намаза», телохранитель сходил в лес и принес котелок с мясом. Зелимхан сел и посадил агента и меня. Я сидел против Зелимхана, которого тщательно разглядел, и вновь явилось сомнение, действительно ли это тот необыкновенный разбойник. Я заметил под его халатом, одетые на перекрест патронташи, на поясе кинжал, по винтовку он, прикладывая из одной руки в другую, крепко сжимал в ладони.

Произнеся «А псимилах Иррахман Ирохим», начали есть баранину с солью и хлебом, затем бульон из большой чашки, передаваемой по очереди. Признаться сказать, ел я через силу, не до еды было. Остатки отнесли другому телохранителю, стоявшему на стороже.

Во время еды винтовка лежала у Зелимхана на коленях, и тут мне бросился в глаза ее номер 22875, хорошо врезавшийся в память.

Поблагодарив хозяина, отошли в сторону, и я присел на землю, продолжая свои наблюдения и тревожась, когда по временам Зелимхан, пристально посмотрев в свою сторону, вдруг вставал со своего места. В эти моменты приходила мысль, не наступает ли конец мне, но, вспомнив об оставленной в сундуке записки, моментально успокаивался, соображая, как бы скорее приблизиться к Зелимхану и выхватить у него оружие. Такие же тревожные минуты я переживал, когда к Зелимхану подходил телохранитель за получением каких-то распоряжений. Тогда я не спускал глаз с этой группы, но к счастью, на меня не обращали внимания, и в сознании моем постепенно укреплялась уверенность что я перехитрил этого хитрейшего из разбойников и с ним, в конце концов, справлюсь, несмотря на то, что вспоминалось, как товарищи по полку уже давно подтрунивали, говоря, что я сделаю то же что Долидзе или вахмистр Чаиров, один убит, а другой ничего не сделал. Несмотря на полную уверенность, что с этим, которого я теперь вижу, я справлюсь, вдруг являлось сомнение: Зелимхан ли это? Где же эта длинная борода, о которой говорили, описывая его внешность, где бросающиеся в глаза шрамы на голове, чалма и прочее. А когда я пытался заговорить об этом с №2, он шепотом, но резко сказал: «не говори». Солнце склонялось к вечеру, и перед закатом опять совершили намаз потом тем же телохранителем принесен был большой котел с мясом и бульоном и хлеб. Мы поели, но в котле оставалось еще много мяса. Телохранитель отнес это в лес и, вернувшись, стал на свой пост, а через короткое время, котел был пустым тот, кто утром стоял на опушке. Мне бросилось в глаза сходство между этими двумя телохранителями, не братья ли они. По видимому, там в лесу была большая компания, если так скоро котел был опорожнен. Затем Зелимхан обратился ко мне на русском языке, и, так как я был совершенно спокоен, то хорошо запомнил его голос, повелительный тон его и слова, произнесённые с большим акцентом. (№13—16 Вест. Русс, конницы стр. 489)

– Ты «мине» не нужен, я «никакой шайка» не набирая, молись Аллаху, «ходи здесь» (указав рукой в сторону, противную той, откуда мы пришли утром), а когда нужно, «я тебя» сам найду.

Тотчас, как из земли, вырос и стал справа от меня телохранитель с винтовкой на изготовку, а с другой стороны подошел №2 и, взяв за рукав, повел. Взволнованный, поклонился, и мы направились в противоположную от несколько шагов, я зорко следил, чтобы улучшить

минуту и вырвать оружие, но не решался, рассчитывая на будущее. Идя рядом с телохранителем, я говорил ему:

– Какие вы счастливые, у вас такой «товарищ», а я все скитаюсь… Но ответа не последовало и мы продолжали идти, вступив в кукурузу, пройдя каковую, вышли на дорогу к лесу, где были лошади. Начало темнеть. Телохранитель повернулся и сейчас же ушел, а агент, сказа, «я сейчас приду», тоже куда-то скрылся.

Мне вообразилось, что меня хотят убить, так как в ушах осталось впечатление противного голоса Зелимхана, пользуясь наступившими сумерками, я отвязал свою клячу, у которой под ногами лежала объеденная кукуруза, и завел ее в кукурузное поле. Так как на такой кляче удрать было нельзя, то я ее бросил там и поспешно пошел краем дороги, стараясь избегать встречных, для чего прятался в кукурузу. Пришлось переходить по пояс брод через реку Хунхулау.

Так в темноте шел я часа два сзади послышался топот лошади я сошел с дороги и прислушивался к легкому свисту, в котором опознал условный знак агента №2, на что ответил тоже свистом. После этого мы встретились, и он удивился, зачем я убежал. Я сказал, что лошадь ушла. Мы объяснили, и тут он сказал, что это и был Зелимхан. Затем №2 предложил мне сесть сзади него на круп лошади, и мы поехали к Шали. Вовремя этого часового путешествия мы разговаривали о том, как хорошо я сделал, что придумал такой костюм, а № высказал удивление моему хладнокровию в разговоре на свидании.

– Даже на лице ничего не было заметно, – сказал мне №2.

Я прихвастнул, что виды видал и даже лошадей воровал, а потому справляюсь с собою очень легко.

– Да, – сказал №2, – ты подходящий для Зелимхана.

Это меня очень подбодрило. Не доезжая до аула, я слез и, распростившись с агентом, пробрался к себе уже к рассвету, никем не замеченный. Когда я увидел себя в зеркало страшно бледным от усталости, я расхохотался.

Раздевшись, я запрятал свой костюм, но заснуть не мог, подводя итоги пережитого, всё-таки сомневаясь, Зелимхана ли видел: ничего особенного в нем нет, а столько моих молодцев убил. Правда, спокойствие его при отдаче распоряжений и дисциплина меня поражали. Вместе с тем, являлся вопрос, как я мог решиться на такое рискованное сидение, но раз оно прошло так благополучно, то меня это радовало и особенно тянуло докончить дело. «Теперь я, думал я, буду искать случая увидеть его в толпе на базаре, так как говорили, будто он бывал в Шали переодетым. Как же мне проверить что это действительно был Зелимхан»?!

Мне пришло в голову послать агента №1 ранее, чем он повидается с №2, кстати этим я проверяю и №2.

Зная самолюбие туземцев и их характер, я немедленно решился его отыскать и, выйдя из дому, первого, кого встретил, был №1, как оказалась, направлявшийся к №2. Я ему сказал:

– Ты говорил, что все хорошо знаешь о Зелимхане, а я думаю, что ты его никогда не видел и ничего о нем не знаешь, а только меня обманываешь.

№1 вспылил и, покраснев, сказал:

– Если мне не веришь, Астимир, то бери себе мое оружие и не надо мне никого разрешения, тогда значит №2 его никогда не видел и те, кто возле Зелимхана, тоже его не знают, и Хорачой его не знает. Если я его не знаю, то никто его не знает, а я даю клятву, что хорошо его знаю: «Оллахи ляазым, билляхи Керим)!», если я его не знаю.

– Вот видишь, – сказал я ему, – ты сердишься, а я с тобой пошутил. Верю, что ты его знаешь, но мне хочется скорее к нему устроиться, вот почему я так недоверчив, дело очень долго тянется.

– Чем же я тебя докажу, – спросил №1, – что я его не знаю, чтобы мне больше не слышать недоверия.

– Скажи, в чем он обыкновенно одет, ну и хотя бы заметь номер винтовки узнаю, а скажу Э что у него в кармане.

После этого мы разошлись. Чтобы не показался странным номер мой продолжительный разговор с №1 среди бела дня в людном месте, я должен сказать, что никому прийти в голову, что №1 – мой тайный агент, так как с ним я был знаком уже года три, стоял у него с командою в доме, и он не раз бывал у меня, конечно, не подозревая, кто его знакомый.

На другой день, вечером, №1 рассказал мне подробно, в чем одет Зелимхан, точно назвал номер винтовки и прочие мелочи, дав мне полную уверенность, что оба агента близки к Зелимхану. После всего этого я написал подробный рапорт начальнику военного отряда, изложив и сведение, и с надежным нарочным отправил его в Грозный.

Дней пять спустя агенты сообщили мне, что Зелимхан будет в ауле Автури, куда под вымышленным предлогом я съездил с хозяином моей квартиры чеченцам и узнал, что в Автури Зелимхана нет. Опять закралось сомнение.

Вскоре я получил приказание прислать лошадей полковника Маргани в Грозный и узнал, что командир произведен за отличие в генералы и уезжает в Персию, а его заместителем назначается наш есаул Штольдер. Через несколько дней ночью я к нему явился и получил на секретном предписании подтверждение моих полномочий, причем новый начальник отряда сказал, чтобы я действовал по собственной инициативе и доносил бы только тогда, когда нужна помощь, самое же лучшее донесение будет о поимке или уничтожении Зелимхана.

Это окончательно развязало мне руки, я удвоил энергию, не отвлекаясь необходимости почти о каждом своем шаге сообщать телеграфом и тем выдавать свои намерения.

16-го сентября №2 доложил, что Зелимхан придет поздно вечером в Шали в крайний дом и что он уговорил Зелимхана меня принять. Перед заходом солнца, переодевшись в простого чеченца, захватив водки, пива, меда и конфет, я с наступлением сумерек был в указанном доме, где устроил с хозяином и хозяйкой пирушки. По обычаю, положив в стакан с пивом золотой пятирублевик, выпил пополам с хозяйкой, после чего имел право называть ее сестрой и бывать даже в отсутствии мужа.

Беседа пошла откровеннее, хозяин порядочно выпил. Пользуясь расположением ко мне хозяйки, я упросил ее помочь мне познакомиться с ее редкими гостями, на что она согласилась и просила, чтобы я остался сегодня до их прихода, но хозяин сказал, что он позовет, когда гости придут. Я не очень настаивал и, в виду наступившей темноты, ушел. Хозяйка проводила меня до ворот, а с хозяином, мы прошли несколько дальше. Я похвалил хозяину внутреннее устройство дома и постройки и в то же время окинул глазом окружающую местность, подумав, что место и случай очень подходяще, для поимки абрека. Распростившись с хозяином, я, отойдя несколько шагов, заметил близ дороги яму, в которой выделывают саманный кирпич, мимо нее должны проходить в ворота дома. Мне пришла в голову мысль сесть в яму для наблюдения, что я и сделал. Это было 9-ти часов, когда наступила полная темнота. Вскоре я увидел, как в ворота вошел человек, но рассмотреть за темнотой, был ли то Зелимхан, не удалось, хотя что-то подсказывало, что это он. Ворота закрылись.

Когда все стихло, я вылез из ямы и ближним путем направился к своей команде, до которой было не более версты, но, как быстро ни собирались, все же времени прошло достаточно. Предупредив команду, что идем окружить крайний дом, я, как был бешмете с кинжалом и револьвером, повел команду, избегая встречных. Нельзя было идти быстро потому, что чеченцы ложатся спать поздно и по улицам постоянно шатается народ с вечеринки на вечеринку. Их-то я и старался избегать, чтобы не заподозрили, что идем на обыск и как ни будь не придупредили. Подходя в полной —тишине к пустырю, смежному с намеченным домом, я разместил команду скрытно за плетнем. Ночь была очень темная. Вдруг вдали блеснул слабый свет, и мы увидели человека со свечей в руке, идущего к воротам этого дома, а затем скрывшегося во дворе. Предупредив, чтобы сохраняли полную тишину и никому не отвечали бы,

я пошел поближе к дому, сквозь ставни которого, пробивался свет. Едва я сделал несколько шагов, как из ворот дома вышел человек, направляясь в мою сторону. Когда мы встретились, я узнал в нем хозяина, рассказавшего мне следующее:

– Я шел к тебе, чтобы сообщить, что Зелимхан не захотел сегодня оставаться дольше, так как, говорить, видел накануне нехороший сон, а потому торопился домой и больше сюда не придет. Когда он уходил, то мы с женой его провожали. Впереди шел его спутник, на которого, откуда не возьмись, бросилась какая—то собака, ухватившая за фалду его черкесски. Зелимхан выхватил кинжал и, замахнувшись на собаку нечаянно задел руку моей жены, близко шедшей, и поранил настолько сильно, что она с криком упала. Ее внесли в дом, и Зелимхан, имея постоянно при себе перевозочные средства, сейчас же перевязал ее рану, отдал свой кинжал телохранителю, взяв его кинжал себе, распростился и сумрачный поспешно ушел.

У чеченцев считается на недостойное пролить кровь женщины, и оружие, которым это сделано, приносит несчастие его владельцу, к тому же и собака коснулась его, а собаку чеченец даже не гладит, так как после этого нельзя делать намаз.

– Что же делать? – спросил я: – мне очень жаль, что поранили сестру. Так как было уже поздно (около часа ночи), то, распростившись и отклонив предложение хозяина меня проводить под предлогом, чтобы нас не видели вместе, я проводил его до ворот, сказав, что завтра зайду паведать сестру. Когда он скрылся за воротами, я подошел к команде и провел ее по окраинам аула, сказав, что того абрека, о котором говорил, не оказалось.

X. На другой день я был у «новой» сестры, и так как поранение было серьезное, то отвез ее с мужем во Владикавказ госпиталь, где, по моей особой просьбе, ее неделю лечили. Когда мы ехали во Владикавказ, муж ее мне сказал:

– Теперь я вер, Астимир, что ты мне близкий.

– Ведь это наш обычай, – ответил я, – иначе нельзя поступить.

– Теперь мне трудно с тобой расстаться, – сказал чеченец, – я у тебя в долгу.

Через день я вернулся в Шали, а 22-го сентября №2 дал мне знать, что в аул Гременчук, в 3-х верстах от меня, где стоит 35 всадников второй сотни под командой прапорщика Абдулаева, придут 6 абреков. Надев черкеску без погон, кинжал и револьвер и взяв с собой юнкера Муртазали, я к вечеру же был в Гременчуке. К Абдулаеву я не заходил, а остановился у одного знакомого, сказав, что хочу просватать этого юнкера на дочери хозяина. Оставив у них юнкера и лошадей и предупредив его, что если не скоро вернусь, то он ехал бы домой и взял мою лошадь, а я приду потом, но чтобы команда была наготове.

№2 должен был меня ждать в заранее указанном мне доме, куда я и пошел. Сквозь открытое окно я увидел танцы, веселые и много народа. По туземному обычаю, всякий может войти гостем, – место ему уступят. Недаром обычай этот воспевается:

«Нам каждый гость дается Богом,
Какой бы не был он среды…
У нас под сенью каждой хаты
Есть уголок для кунака»…

Но я не взошел и лишь заметил №2, седевшего на почетном месте (справа на тахте всегда почетные гости), и рядом с ним двух молодых вооруженных, мне неизвестных. Веселье было в полном разгаре, одни уходили, а новые лица входили. Я посмотрел около полчаса, но никакого «знакомых», кроме №2, не видел. Он вскоре встал и с ним оба вооруженные перешли в соседний двор, откуда минут через 5 выехали 6 всадников в бурках, с головами, обвязанными башлыками. Они поехали мимо меня, освещаемые светом из окон, и направились по окраине в сторону Шали, я пошел за ними, но, у видя, что они свернули в горы, отправился домой.

XI. 24-го сентября, н задолго до рассвета, когда еще спал, я был разбужен сигнальным стуком в окно, открыв которое, увидел №2 в бурке. Быстро одевшись, я пошел на условное место, где №2 мне сказал, что «они» сегодня на хуторе в горах и что он пришел на базар купить для них провизии.

Когда я спросил название хутора, то агент не назвал его, указав лишь направление, при этом добавил, что ему очень нужны патроны к 3-х линейной винтовке и патронашъ.

– Иди покупать провизии на базаре, – сказал я ему, – а я постараюсь принести тебе патроны.

Долго я колебался давать патроны, но затем, размыслив, что этим усыпаю их сомнение в моем желании присоединиться к ним, решил дать свой из черной кожи патронашъ с 55-ю патронами, которые принес под буркой и положил ему в хуржины, (переметные сумы).

Моя квартира была около базара. Быстро вернувшись, я приказал юнкеру Муртазали поседлать мою и его лошадей, и на достаточной дистанции поехали проследить, куда он направится.

Проехав верст 15 до хуторов в 20 – З0 домов, скрывающихся в лесу, мы въехали в глубь леса, где я слез и передал лошадь юнкеру, а сам занял наблюдательный пункт на опушке, откуда были видны окрестности, как на ладони. Спустя час из хутора, куда въехал №2, показались в бурках 8 человек пеших и по тропинке через кукурузу направилась к Шали. Среди них выделялся один своей фигурой – это был мой №2. Пройдя кукурузу, они свернули в хорошо знакомый мне еще с 1911 года лес, в котором были две маленькие уединенные сакли.

В них доживали свой век дряхлые старик и старуха, чеченцы родом из аула Хорачоя, где старик долгое время был пастухом и знал Зелимхана еще с детства. Другого жилья, кроме этих двух саклей, вблизи не было, кругом непролазный, густой лес, через который ведет только одна тропинка в горы, тылом к ним и стоят сакли. Лес этот тянется от подошвы гор почти до аула Шали, до которого было верст 15, и мне хорошо была известна не особенно торная дорога, проходящая от Шали невдалеке от названных саклей, о расположении которых можно было догадаться только тому, кто знал о их существовании, как я, обследовавший окрестности Шали.

Теперь мне ясно поведение №2, мелькнуло у меня в голове, рассказывает Кибиров: №2 в числе 8-ми человек пеших отправился в эти сакли, где, вероятно, и Зелимхан. Вот удобный пункт для захвата абрека, подумал я, и, не теряя ни минуты, отправил юнкера Муртазали в Шали с приказанием, чтобы ни один человек из команды никуда не отлучался до моего возвращения, а сам продолжал следить за опушкой, куда скрылись 8 человек.

Еще с утра небо было покрыто густыми облаками и теперь, несмотря на приближающийся полдень, солнце не на минуту не выглядывало, можно было ожидать к вечеру дождя.

Вскоре из опушки вышли 4 пеших, направившихся через кукурузу в горы, и в течение почти двух скучных часов никого не было видно, пока те же люди не возвратились с гор обратно на опушку леса, откуда выходили. Через короткое время из этого же пункта выехали два всадника и направились в сторону Шали. В одном из них, на знакомом мне вороном коне, я узнал №2.

Сев на коня, я скрытно кружным путем отправился в Шали, куда прискакал к 4 часам. Через полчаса, идя на базар, меня встретил №2 и сказал:

– Сегодня будешь принят, о часе скажу.

XII. Теперь никаких сомнений нет, рассказывает Кибиров, подходят решительные минуты и каждый миг дорог. План созрел окончательно, и я, не слыша с ним поехал в Гременчук, где стояла команда 2- й сотни с прапорщиком Абдулаевым; быстро собрал их в укромном месте, оставив двух всадников чеченцев и больных на конюшне, обратился к собранным людям со следующими словами:

– все вы хорошо знаете, сколько в Терской области погублено абреками ваших братьев, и мы в преследовании всегда терпели неудачу. Теперь предстоит окружить две сакли. Где это место и кто там есть, сейчас я говорить не буду, но дайте мне слово, что каждый будет в тех саклях. Но помните, что стрелять только по моему приказанию. Там будет человек (не произнеся имени Зелимхана, подробно описал, кроме халата, одежду его, фигуру и назвал номер винтовки), которого и нужно уничтожать. Кто боится идти на это дело, – оставайся, а я даю клятву, что не только не упрекну того, но даже и когда не произнесу его имени.

Эти слова перевел на кумыкский и аварский языки юнкер Закаря-Гебеков.

Все в один голос ответили:

– Готовы умереть с тобой!

– Дайте клятву в том, что ни одного слова никому не передадите из того, что я вам говорил.

После этого принесли Коран, и все поклялись, а я, в свою очередь, побожился, сказав, что если кто ни будь отстанет хотя на шаг от товарищей или если выпустит оттуда хотя одного, то их будет счастье, если я буду убит, если же уцелею, то отставших перестреляю. Эти слова юнкер тоже перевел, после чего все громко ответили:

– Не отстанем и никого живьем не выпустим.

Прапорщику Абдулаеву приказал тотчас выдать по 120-ти патронов, людям одет только бешметы, взять кинжалы и винтовки, но шашек и бурок не брать. В бурках ночью быстро засыпают, особенно в дождь, а небо все хмурилось и хмурилось, и, в конце концов, полил дождь.

Через 10 минут команда была готова, и я лично осмотрел, чтобы не было спичек и папирос, зная их непреодолимую страсть к курению.

В своем присутствии приказал седлать, взять торбы с овсом для лошадей, и через 1,4 часа мы выступили из аула, после чего прапорщику Абдулаеву приказал вести команду по кукурузе к Шали, куда не входить, а ожидать меня, сам же я быстро туда поехал с юнкером. Приехав в Шали, я так же поступил со своей командой, назначив, на случай моей смерти, заместителей юнкеров Муртазали и Гебекова.

Навстречу Абдулаеву послал всадника ожидать меня в кукурузе, отнюдь не въезжая в аул, сам же вошел к себе в квартиру и заготовил телеграммы: 1) Иду окружить, людей мало. 2) Окружил, перестрелка идет. 3) Зелимхан взят в плен. 4) Зелимхан убит, с нашей стороны ранены… Как прикажите поступить с трупом?

Отдаленные еще пока глухие, раскаты грома, усиливающийся дождь, наступившая темнота, прерываемая далекой молнией, повышали боевое настроение, давая мне повод думать, что обстановка складывается в мою пользу: «лече будет подойти незамеченным».

Обратите, читатель, на это особое внимание. Меня эти слова привели в восторг, я подумал: «дирижабли и аэропланы, что вы будете делать в такой обстановке?» Только «чистокровная военная натура)», каковая у большинства наших молодцов казаков, может так чутко реагировать. Когда Кибиров рассказывал мне это вместо место и ему подобные, всякий раз в интонации его голоса чувствовался соответствующий подъем, улавливался тон искренности, из чего можно заключить, что он, действительно, вновь переживал настроение, несмотря на то, что с тех пор прошло уже семь месяцев и утром в день этого рассказа ему вынули из незажившей раны осколок кости. Я невольно подумал: «кто же должен быть в составе комиссии для производства поручику Кибирову офицерского экзамена? Не попросить ли спиритов вызвать из царства теней дух Скобелева?» – так ответило мое крайнее разумение.

Но послушаем, что дальше говорить казак Кибиров. Затем послал правительственному старшине Михаилу Зелихову (бывший урядник из вольноопределяющихся) предписания арестов «одного человека», могущего меня выдать. В последнюю минуту перед уходом послал вышеупомянутую первую депешу, а остальное и чистую бумагу взял с собою, написал письмо

матери и жене, вложил его в конверт с завещаниям и, заперев сундук, вышел, сказав денщику, который всегда просился взять его в дело, что еду в Грозное. Темнота и дождь усилились.

XIII. Вызвав команду, провел е в кукурузу к месту ожидания прапорщика Абдулаева и всех повел опушкой аула по направлению к пути на «Две сакли».

Гроза подходила все ближе и ближе, и дождь, после ослепительной молнии и трескучих ударов грома, переходил в ливень. Такой грозы, как в ночь на 25-е сентября, я давно не помню. Выйдя за околицу аула, остановил отряд и послал за старшиной и его помощников, сказав, чтобы они были верхом; не выходя из кукурузы, спешился, передал свою винтовку и ушел к «особому дому», приказав меня ждать. На мой стук в окно вышел №2, и я ему предложил «отправился и передать», что я приду сейчас; конечно, я ничего не сказало подготовке команд. Вышел и №1, оказавшийся в том же «особняке».

Условившись о месте встречи на перекрестке, скрытно дождавшись их выезда, я поторопился к команде, которой сказал, что ко мне выйдут два человека и я буду с ними говорить, но из команды, не смотря ни на что, никто не должен подходить, словом, до моего приказания себя не выдавать. В это время подъехал старшина и сказал, что «того» нет, он за несколько минут ушел в поле и взял с собою обильный ужин. Потребовать, чтобы немедленно его вернули, иначе старшина будет отвечать «по закону об усиленной охране» (я был начальник гарнизона), я посадил команду и повел в направлении «Двух саклей». Не прошло и полчаса, как привели «его» нам навстречу, в руках у этого человека был полный ужин с мясом, белый хлеб и виноград. Его отвели в арестный дом в Шали. Ясно было, для кого он нес ужин.

Отойдя широким шагом верст 7 и объяснив за это время прапорщику Абдулаеву и юнкерам мой план, а место им было хорошо известно, я приказал вести команду юнкеру Муртазали, сам же поехал вперед рысью на порядочное расстояние и через 3 версты встретил №1 и №2, поджидавших меня в условленном месте, с которыми и отправился дальше. Ливший дождь скрывал шум от движения команд. Команда Абдулаева шла в отдалении. Дойдя до перекрестка, остановился, как бы желая с ними обдумать подробности предстоящего свидания, а, в сущности, для того, чтобы дать приблизиться команде, которая под шум ливня, выросла, как из земли.

Сильно смущенным голосом оба номера спросили:

– Что это за люди?

Я ответил, что это моя команда, которая решила «перейти» вместе со мною. Прошло минут пять в переговорах. Я настойчиво говорил, что, в доказательство искренности нашего намерения, передадим раньше оружие, а затем явимся по очереди и т. д. Словом, не дал им возможности отвечать и, заметя, что №1 догадался, в чем дело, подозвал условленным знаком прапорщика Абдулаева, которому передал №1, направив с его командой по заранее объясненному Абдулаеву обходу в тыл саклям, на путь могущего быть отступления абреком в горы. При этом шепотом напомнил Абдулаеву, чтобы ушел, когда мы тронемся, и подтвердил ему, чтобы, не взирая на выстрелы у меня, на обум не стрелял и со своей позиции не сходил. №2 стоял в двух шагах, оцепенев от неожиданности.

Затем я с ним поехал вперед, а за нами мои молодцы. Перейдя речку, свернули лесом прямо к саклям, в двух верстах от которых спешился и лошадей привязал к деревьям так, чтобы не могли драться, оставив при них 4-х человек. №2 тоже спешил и уже не отпускал его от себя ни на шаг, не говоря с ним ни слова. Старшему при коноводах приказал, чтобы, при приближении кого либо, прежде всего «брать на изготовку», а затем окликать. Распорядился так потому, что бывали случаи, что абрек, прорвавшись, подбегал к лошадям, вскакивали в седло и угонял лошадь.

Гроза и дождь, временно затихшие, снова усиливались. Все мы, конечно, давно промокли до нитки. Все мои помыслы теперь были у «Двух саклей». В такой ливень и грозу, конечно, нас не ожидают, и из сакли никто не выйдет, поэтому приблизиться возможно будет совершенно

незаметно. Быстро построив 24 человека в колонну по три (средний был начальником тройки, которого должны были беспрекословно слушаться), я с №2 пошли вперед, имея из команды Абдулаева переводчиком, чтобы контролировать №2 при переговорах с Зелимханом. Юнкеру Гебекову подчинил 12 человек головных, а Муртазали со своими 12-ю следовал за ними.

По сторонам дорожки была непролазная чаща. Подходили, по временам прислушиваясь. По мере приближения, сильно взволнованный №2 начал упрашивать, чтобы, когда пойдем, пустить его вперед, что я для успокоение ему и обещал.

Зная, что у дороги стоял стог, за которым нужно было начать окружение, так как от него оставалась до саклей не больше 40 – 50-ти шагов, а за темнотою и дождем трудно было что либо различить, я шел медленно, напряженно прислушиваясь и вглядываясь.

Настроение было сильно приподнято по понятным причинам. Развязка, так долго ожидаемая, могла вот, вот начаться. Дождь, ливший, как из ведра, совершено застилал глаза, а грохотавший над головою гром грозно разносился раскатами по соседним горам. По грязной дороге струился целый ручей, по которому шли почти по щиколотку.

Вдруг отдаленным отблеском молнии на мгновение осветились верхушка силуэта стога в 5-ти шагах от меня и вслед за ним послышался со стороны саклей лай собаки, сливаясь с которым, оттуда же ясно раздался крик по чеченский:

– Хо милю (кто такой)?

Я мигом оттолкнул №2 (который, как оказался потом, удрал к коноводам). Ко мне подскочил юнкер Муртазали, люди же столпились за стог. Вдруг заблестела сквозь деревья полоска света из сакли, обрисовав дверь, завешанную паласом. Я бросился вперед на этот свет, но между мно и саклей оказалось бегающая вдоль веревки, растянутой на двух ниже моего роста кольях, и с остервенением лающая ценная собака. Я крикнул на ходу: «окружить саклю!», и в это время из сакли, отодвинув палас, выскочили две фигуры, скрывавшиеся в темноте. Подбадривая людей, я крикнул в их сторону:

– С вами ли бояться мне кого либо! – и бросился к двери, но в этот момент свет в сакле потух. Собака бросилась в сторону, куда один фланг цепи моих стрелков уже подходил, а я, нагнувшись под веревку, приблизился к сакле, но, споткнувшись обо что-то, или меня столкнула собака, хорошо не помню, я упал и, поднимаясь, услышал из другой сакли старческой голос женщины, унимавшей собаку. Повернувшись в ту сторону, я близко от себя заместил в темноте фигуру. Чтобы яснее различить ее, я присел к земле и мне обрисовался силуэт шагах в 6-ти. Боясь, что это старик или старуха, я окликнул по-чеченски:

– Если ты хозяин, то иди ко мне.

На это последовал выстрел и снова щелкнул затвор, а я почувствовал удар в правое плечо чем-то тяжелым и тупым, после чего правая рука будто стала вертеться, произвольно выделывая необъяснимое движения. Падая на спину, я понял, что ранен и передо мною не хозяин. На мгновение я потерял сознание, но, быстро придя в себя и ощущая сильнейшую боль в правом плече и руке, я почувствовал, как что-то горячее течет от плеча по правому боку, спине и руке, которая совершенно онемела.

Никогда я не испытывал такого чувства злобы, как в этот момент, поняв, что я ранен Зелимханом, с имением которого в миг вспомнились все его убийства. Напрягая все силы, чтобы встать, я вдруг услышал второй выстрел, и пуля ударилась где-то в землю, обдав мне лицо грязью, и я снова на мгновение потерял сознание. Но столь же мгновенно левой рукой я вырвал револьвер из кобуры и, привстав на корточки, вытянул его вперед на изготовку в сторону, откуда были выстрелы. Силуэта, стрелявшего в меня, за темнотою и дождем не различал. Вдруг несколько непрерывных молний осветили, стоявшую ко мне правым плечом в 5-ти шагах от меня, знакомую фигуру Зелимхана, смотревшего влево, висок которого приходился на мушке револьвера. «Само небо, подумал я, покровительствует мне», и эта мысль заглушила боль. Одет он был в бешмет верблюжьего сукна, накрест патронташи и подпоясан моим

патронташем, на голове знакомая коричневая папаха, весь измокший от дождя, с напряженным взглядом, устремленным к правому флангу цепи моих стрелков, куда бросалась собака, в руках сжимал винтовку, держа ее на изготовку. Внимание его к правому флангу, вероятно, и спасло меня.

Моментально я произвел один за другим 4 выстрела, целясь в правый висок, но последние выстрелы были в темноте. Вслед за первым раздался резкий крик: «Ой! Аллах», и что-то грохнулось на землю. Блеск молнии дал возможность разглядеть в 4-х шагах от меня Зелимхана, облепленного грязью, с окровавленным лицом, на корточках направляющегося в мою сторону, держа винтовку на изготовке. На миг наши глаза встретились, и он произвел еще выстрел уже в темноте, пуля пролетела возле моего уха. Сильный удар грома и за ним ливень и темнота скрыли нас друг от друга. Но как сейчас помню этот, вероятно, оставшийся на веки в памяти, кровожадный взор разбойника и его окровавленный нос, с которого стекала на обе мокрые щеки кровь.

От большой потери крови я стал ослабевать. Напрягая все усилия, я пополз назад к цепи и наткнулся на юнкера Муртазали, который, как оказалось, полз ко мне. Коснувшись меня, он спросил «кто?», и лишь успел ответить: «тише это я», как со стороны Зелимхана раздался одиночный выстрел.

– Стреляй! – крикнул я.

С обеих сторон поднялся жаркая перестрелка, продолжавшаяся минут 5 – 8, во время которой молния неоднократно освещала Зелимхана, то лежащего, то на одном колене, а, в конце концов, куда-то скрывавшегося. Резкие удары и грохот грома с раскатами в горах почти заглушали треск выстрелов и свист пуль. Что-то дьявольское творилось в природе. Такой адской обстановки не приходилось переживать и на войне.

На мгновение перестрелка и раскаты грома затихли, а сквозь шум дождя послышался из сакли протяжный голос женского дисканта, называвшего по аварский и чеченский какие-то имена, после чего совершенно ясно на русском языке раздались слова:

– Я женщина, меня убивают. Ох! умираю, умираю! – и все стихло.

Вслед за этим кто-то меня коснулся сзади. По голосу я узнал старшину Дзелихова, который шепотом сказал:

– Я пришел сюда на выстрелы от Абдулаева. Ты, кажется, ранен, я тебя перевяжу.

– Да, в руку, – ответил я, – но прошу не выдавай этого, чтобы не узнали люди, а ты иди обратно к Абдулаеву и передай, чтобы о ставились на местах. Прошел, я думая, час или полтора, мы лежали в молчании. Сквозь шум утихавшего дождя издали доносился вой собаки, вероятно, сорвавшейся с цепи и куда-то убежавшей. Через несколько времени вернулся старшина, передав, то цепь Абдулаева на месте. Раскаты грома и дождь постепенно прекратились. Вдруг на левом фланге раздался выстрел, а за ним пошла трескотня, продолжавшаяся минут 10, во время которой слышались из сакли крики, прерываемые стоном. Затем стрельба прекратились и все стихло.

Потом мне рассказали, что кто-то перед самой цепью в полголоса обратился по-аварски:

– Раздвиньтесь, а то близко лежите друг к другу. На это из цепи, думая, что свой, что приказано не сходить с места. Вслед затем впереди говоривший выстрелил, ранив всадника Абдулазиса Закаря. Прошло несколько времени в полной тишине, после чего с разных сторон из цепи раздались возгласы:

– Ваше благородие, разрешите войти в сакли, убили!

На это я крикнул по-русски и по-кумыцки:

– Не разрешаю! оставайтесь на местах и нечего просить разрешения!

И снова водворилась тишина, и мне самому показалось, что Зелимхана убили, но темнота все-таки скрывала действительность, пока не начало светать.

Лежавшему около меня, старшине я приказал подозвать всадника. Он призвал еще и своего помощника. Им я приказал поехать в Шали и подать начальнику отряда телеграмму, которая была мною заготовлена перед выступлением, но она оказалась пропитанной моей кровью, как все белье и бешмет, а потому я передал на словах: «перестрелка продолжается, есть раненые». Говорил я ослабевшим голосом на мгновение потерял сознание, но, вскоре придя в себя, их уже не видел. Они поторопились уйти и, потом оказалось, под впечатлением моего обморока, отправили телеграмму иного содержания: «15 человек ранено, поручик убит».

Я не мог лежать иначе, как на спине, слегка на левом боку, головой к сакле, так как только в таком положении перебитая права рука менее девала себя чувствовать, когда нужно было следить за саклей, для чего, не шевеля плечами и упираясь затылком, выгибал поясницу, что девало возможность смотреть, оглядываясь назад через лоб.

Предрассветная сумерки постепенно сменялись началом утренней зари и влажный, густой воздух закрывал от меня небо. Лежа на спине, я ясно ощущал, что завяз в растворившуюся от дождя грязь. Как потом оказалось, я и часть цепи лежали всю ночь на полянке сжатой кукурузы, потому-то и образовалось подо мною жидкая грязь. Вдруг издалека за саклями раздалось несколько выстрелов). Я оглянулся в сторону саклей и в предрассветном тумане в 20ти шагах от цепи заметил быстро вышедшего из сакли Зелимхана без сапог с кувшином в руке; через плечо висела на ремне винтовка. Опускаясь на землю, он очень громко и скороговоркой сказал на кумыкском языке:

– Вы видите, я не ранен, время молиться Аллаху, подойдите ко мне и знайте, что пуля меня не берет)

В первый момент я не верил своим глазам и ушам, но, быстро отдав себе отчет после слов «Аллах», напрягая последние усилие и заглушая его слова, крикнул:

– Не слушайте его, у него нет Бога, он много нашей крови пролил. Стреляй!

Тотчас раздались выстрелы всадников, и Зелимхан упал, но мигом вскочил и произвел несколько выстрелов из винтовки и револьвера. Трескотня шла страшная. Совсем рассвело и ясно было видно, как от метких пуль всадников он падал, но, вновь поднимаясь весь окровавленный, все-таки еще успел выстрелить и ранить бросившего на него юнкера, за которым бросилась и всадники, закричавшие:

– Убит, убит!

Но тут силы меня совсем оставили, и, сделав попытку подняться, я на мгновение впал в обморок, а затем а затем криком обратил на себя внимание пришедших в азарт всадников, окруживших труп абрека. Моментально с юнкером Ихласом Асламбековым подбежали несколько человек и, увидя меня в крови, спросился, что со мной? Пытаясь поднять левую руку, я сказал: «возьмите за нее и поднимайте», Лишь только подняли, я потерял сознание…

XV. Прошло, как потом говорили, минут десять, и они думали, рассказывает Кибиров, что я умер.

Но, как бы сквозь сон, постепенно отрывочно врываются в сознание произносимые вокруг меня слова и, наконец, ясно слышу:

– Лучше бы меня убил… жаль!

На этом я пришел в себя, очнувшись в двух шагах от окровавленного трупа Зелимхана, в одной руке которого был зажат револьвером, а в другой винтовка.

Чувство победы, вызывая во всеоружии волю, придает удивительную энергию победителю, и чем дороже стоила победа, тем сильнее чувствуется ее сладость.

Перенеситесь, читатель, в ту обстановку, которая окружала Кибирова в 5 ½ часов утра 26-го сентября 1913 года.

Он был тяжело ранен 25-го сентября, около 9-ти часов ночи, а пролежал до 6-ти часов утра под грозным ливнем в жидкой грязи с раздробленной костью правого предплечья на 1/3 верхней его части. Так как пуля была с накрест надрезным концом, то выходное

отверстие представляло разорванную в ладонь величины зияющую рану, из которой торчали осколки костей, окровавленная вата и куски бешмета и белья. При малейшем движении обломанные кости терлись друг о друга, вдавливаясь в оголенное мясо руки. А Кибиров в течение этих 10-ти часов не только не думал о перевязке, но, подавив железной волей невероятно мучительную боль, заставил себя остаться в бою начальником, хотя и небольшого отряда, но лицом к лицу с таким противником, которого 14 ½ лет не могли победить отряды из 3-х родов войск, постоянно терпевшие поражение и несшие странный урон в людях.

Поручик Кибиров вполне планомерно использовал элемент времени, точно выбрав на выгоднейший для себя момент, напав внезапно в пункте, куда сосредоточил подавляющее над противником количество сил, а потому, выражаясь научно: «разбил его на голову» – уничтожив врага. Нечего говорить, что поручик Кибировым проявлено личное мужество, храбрость, хладнокровие и распорядительность в бою в наивысшей для воина степени, и это неудивительно, потому что он удалой казак. Если к этому добавить, что подчиненные ему доблестные воинские чины точно выполняли им намеченное, увлекаясь его примером, то все, сделанное Кибировым с момента данного ему полномочие, иначе, как «блестящим воинским подвигом», назвать нельзя. Кибиров-партизан высокого класса, невольно воскрешающий воспоминания о Денисе Давыдове, Фигнере, Сеславине и прочих доблестных партизанах.

Не будет с нашей стороны в увлечением, если скажем, что подвиг Кибирова достоин быть детально изученным именно с военной точки зрения и не таким, как я, кустарем военной науки, а «сих дел мастерами», ибо совершении этого подвига по всем граням проявлен зародыш военного таланта, а партизанского без сомнения, что в наше время с сентиментальными мотивами является редкостью. Когда же с Запада «пахнет порохом», то нужно проявление таких подвигов ставит на высокий пьедестал. Между тем из-за того, что Кибиров не докончил Николаевского Кавалерийского училища, четыре, ниже его стоявшие в полку, поручика уже к 6-му мая произведены в штабс-ротмистры. Командир полка оценил этот подвиг и вошел с представлением по команде о сохранении Кибирову хотя своего старшинства, но на какой-то из ступенек представление это остановилась, не пройдя всего пути «по команде».

Я решился остановиться на этом дольше, полагая, что случай достоин внимания. Но послушаем, что произошло после окончания боя 26-го сентября.

Страшная жажда, продолжал Кибиров, мучила меня невыразимо, но, хотя кругом стояли лужи, а пить было нечего… Узнав, что убитых нет, я приказал поднести раненых, из которых двое сами подошли, а юнкера Захаря Гебекова, тяжело раненного в самое чувствительное место, поднесли и положили рядом на подостланную, взятую из сакли, бурку.

Радостные лица моих молодцов всадников придали мне силы и ободрили раненных, в особенности, когда я сказал, что пусть, ка хотят называют этого абрека, как я рассказывал, и на винтовке №22875.

Ближайшие нагнулись и радостно воскликнули:

– №22875!

Затем достали арбуз из сакли, где был Зелимхан, отрезали мне и раненым по куску которым я, наконец, утолил жажду.

После этого я приказал прапорщику Абдулаеву и старшине Дзелихову осмотреть саклю и вынести оттуда и переписать из Шали три парных фаэтона, не говоря ничего в ауле о том, что происходит у «двух саклей». Фургоны ждали у коноводов, где они слышали перестрелку, но не знали, в чем дело. Из сакли вынесли халат, сапоги и небольшой ручной чемодан, в котором был бинокль, думаю нашего полка, перевязочные средства, в бутылке лекарство, записки и две печати: одна, сделанная из старой серебряной монеты с двуглавым орлом, вокруг которого вырезано вязью «Зелимхан Гушмазукаев» а другая вся из слоновой кости, по середине Коран, а вокруг по-аварски «Зелимхан Гушмазукаев»; у серебряной-ручка костяная. Кроме

того в чемодане же напильник, парчевая золотая чалма и на толстом листе бумаги изображение мечети в Мекке, под которым текст золотыми буквами.

Труп Зелимхана, в котором насчитали 32 раны, лежал на спине. В черепе было 6 сквозных ран. Рост его был 2 аршина 7 вершков; особенно бросались в глаза широкие плечи, на левой стороне груди огромная рана, в которую впились гильзы от разорвавшихся патронов. Поясной патронташ был действительно мой, данный накануне №2. Может быть, моими же патронами я был ранен, хотя моя рана и еще у одного всадника были нанесены разрезными пулями. На револьверной черной глянцевой кобуре имелась монограмма Ч в левой застывшей руке браунинг, отобранный им у пленного им в 1911 году на Керкетском перевале инженера подполковника Чикалина.

На кожаном со стальными пластинками и золотой насечкой поясе висел кинжал в золоченных ножнах. На шее висела, два раза закрученная, массивная цепь от часов, которые лежали в жилете ниже грудной раны. В кармане черных брюк был пузырек с хинной краской для бороды и еще пузырек с маслом, вывезенным (по обычаю) из Мекки для смазывания умирающего. В другом кармане два опойковых портмоне, разделенные на клетки с надписями имен убитых офицеров, а потому перечеркнутых, а из подлежащих убить первым был князь Каралов; денег не было. Кроме того, были три белых платка и в чистой тряпочке, перевязанной лентой с бантиком, завернуты два зуба и клок седых волос. Волосы, как говорят, шейха, в знак того, что владельцу их можно помогать. Винтовка №22875, укороченного образца, застыла в правой руке.

Труп лежал в 10—12ти шагов от сакли, занимающей 3 квадратных аршина, высотою 2 аршина 6 вершков, с плоской земляной крышей. Внутри была тахта, покрытая циновкой, 2 грязных подушки и старое одеяло. Под тахтой несколько арбузов и тыква. Под потолком висела ляшка баранины, на полу в чашке коровье масло и кукурузный хлеб. Сакля освещалась маленьким окошечком, вместо двери висел палас. Признаком присутствия других людей не было, вероятно, малые размеры сакли и ненастья с грозой были причиной, что Зелимхан оказался один, тем более, что, не доверяя никому, он скрывал от шайки свой ночлег, появляясь лишь перед рассветом.

Когда окончили переписывать вещи, принесли кукурузной соломы, бурку и подложили подушку, так как меня начала трясти лихорадка. Особенно стонал бедный юнкер Закаря с пробитым бедром и раненный в месте соединения ног. Помочь ему нельзя было ничем.

Затем привели хозяина и хозяйку, сгорбленных, дряхлых, столетних стариков, которых, в присутствии всей команды, я спросил по-чеченски:

– Кто этот убитый?

В один голос, поклявшись, старик и старуха сказали:

– Это-Зелимхан.

Через переводчика я передал, что, если они солгут, то оба пойдут в Сибирь, на что они ответили:

– Хоть повесить, а это Зелимхан.

– Почему же вы его так хорошо знаете? – спросил я.

– Мы его знаем давно, еще когда он был мальчиком, мы жили в Хорачое, а я, – сказал старик, -тогда нас баранов, поэтому он здесь часто бывал.

– Почему же, -спросил я, -ты никому не говорил?

– Да мы никуда не ходили, а когда он здесь, так нас не отпускал.

Я не расспрашивал, кто и когда здесь бывал, боясь, чтобы не назвали моих №2, и №1.

По прибытии ветеринарного фельдшера Мапуги, приказал ему сделать перевязку всем раненым, для чего взяли и марлю из чемодана Зелимхана.

Меня начал перевязывать старшина, предварительно разрезав рукав ватного бешмета, насквозь пропитанного кровью. Только теперь выяснилось, что верхняя треть плечевой кости

раздроблена, кости прорвались в наружу и слышен был их хруст. Промыть рану марлей, которой не хватило, а потому обвязали носовыми платками, завернули руку в башлык и с согнутым локтем притянули ее к груди, чтобы не болталась.

Было уже около 8-ми часов утра 26-го сентября.

Так как заготовленные телеграммы пропитались кровью, то, посылая юнкера Муртазали в Шали, приказал ему подать телеграмму начальнику отряда: «Зелимхан убит, как прикажете поступить с трупом?». На эту депешу получен был ответ, чтобы сдать труп охране, и что на автомобиле из Грозного высланы врачи, которые меня перевезут на вокзал.

Вспомнив неоднократные случаи, когда вместо Зелимхана убивали других разбойников, я решил не передавать труп, а взять его с собою, для чего попал в поле за арбой, которую вскоре и привели. Затем приказал прапорщику Абдулаеву послать за лошадьми и выстроить команду. Было около 11-ти часов утра, воздух был туманный, сырой, но теплый.

Команда выстроилась, люди оказались все, подали фаэтон, куда положили раненых, а я, поддерживаемый старшиной и юнкером Муртазали, поблагодарил людей за молодецкое дело.

Всегда надеялся и был уверен, что не осрамите наш славный полк, а 6-ая сотня, хотя и очень пострадала когда-то, но теперь, вместе с командой 5-й сотни, отомстила, как следует.

Дружное «рады стараться» разнеслось по горам.

Вызвав двух всадников, отправил их в аул Бачи-Юрт доложить своему командиру (6-й) сотни шт. рот. Данагуеву.

XVI. Труп абрека был уложен на арбу под охраной часовых. Затем, выслав вперед отделение всадников, за ними последовал в экипаже я с раненым юнкером и старшиной. За нами следовала арба с трупом, охраняемая по бокам часовыми, за ней экипаж с 5-ю ранеными всадниками и в замке остальные всадники.

Было тихое сырое утро, сменившие грозную роковую ночь. В воздухе стояла дымка тумана, когда, наконец, мы выбрались на дорогу, по которой 12 часов тому назад шли, не зная, кому суждено будет вернуться, и направились в Шали. Несмотря на то, что подвигались очень медленно, каждый толчок экипажа отдавался страшной болью в ране, а бедный юнкер Закаря страдал да того, что не мог удержать стона.

Выехав из лесу, все мы были встревожены, заметив, что со всех сторон к нам приближаются скачущих узнали мирных чеченцев из разных аулов, к которым, по-видимому, уже дошло известие о случившемся.

Подъезжавшие взволнованно спрашивали, «куда убежал», настолько они уверены были, что Зелимхан не убит, а куда либо скрылся, но, поравнявшись с арбой и взглянув на труп, вскрикивали:

– Это он, Зелимхан, Зелимхан!

Некоторые даже божились, что это труп Зелимхана.

Одним из первых подъехал чеченец из Шали, хозяин дома, где я жил, необыкновенный толстяк Токказ Ахтаев. Дрожащим от волнения голосом он спросил о моем здоровье и сколько раненых. Я приказал остановить экипаж и, вместо ответа, указал ему на арбу, следовавшую за нами, куда толстяк и повернул своего коня. Заглянув в арбу, где был труп абрека, он быстро подъехал ко мне и, улыбаясь во весь рот, во весь голос произнес по-чеченски:

– Слава Аллаху, теперь чеченский народ свободен и будет за тебя молиться.

Затем Токказ Ахтаев рассказал, что за 2—3 дня до этого он получил от Зелимхана «предписание с печатью» уплатил 1.200 рублей, а ранее этого, по такому же «указу», положил в назначенное место у дороги 800 рублей, но никому не говорил, зная участь других, доносивших в таких случаях.

Теперь мне стало понятным, говорить Кибиров, почему особенно искренно радовался толстяк, живший под постоянно угрозой ограбления. С другой стороны, его подозревали в сношениях и покровительство Зелимхану и даже производило всегда безрезультатные обыски.

По мере приближения к аулу количество конных и пеших чеченцев и окрестных жителей все увеличивалось. Подъезжавшие к арбе, отскакивали с радостными криками, джигитуя и стреляя в воздух из своих длинных старинных ружей.

Кругом царило какое-то неописуемое движение, шум и клики.

Настроение было настолько необычно радостное. Что я даже позабыл о своем поранении, а бедный юнкер Закаря-Гебеков тоже перестал стонать. Вся эта грандиозная толпа пеших и конных, окружавшая наш отряд, выражала какую-то общую радость, несмотря на то, что мрачное, туманное утро и грязь совсем не располагали к такому праздничному настроению. Движение казалось каким-то торжественным шествием, в особенности, когда подошли к Шали. Здесь женщины, девушки и дети стояли шпалерами по обе стороны дороги и, снимая платки, кланялись в пояс, мужчины пели какую-то победную песнь, сопровождая ее ружейным залпами.

Сквозь плотные ряды толпы протиснулся к нашему экипажу мой вестовой Али-Кади-Махмутов (казанский татарин) и, взволнованных почти до слез голосом, упрекнул меня, что я не взял его ловить Зелимхана, а сказал, что еду в Грозный.

Так, окруженные ликующей толпой, мы доехали до моей квартиры, где меня встретил сельский мулла Хаджи-Мурат и, справившись о моем и раненных здоровье, произнес приветствие, после которого обратился к народу:

– Завтра-пятница, соберемся в мечеть, где все месте помолимся за выздоровление раненых и поблагодарим Аллаха за избавление.

Меня внесли в верхний этаж, где силы меня совсем оставили, и я потерял сознание, что повторялось неоднократно. Когда я приходил в себя, то каждый раз видел озабоченные лица хозяина и правительство старшины…

Раненых поместили в другом доме, а труп абрека ввезли во двор моей квартиры. У каменных ворот были поставлены часовые с приказанием никого не впускать.

Через несколько часов прибыл начальник Веденского округа князь Каралов, поздравил меня и затем распорядился, чтобы труп вывезли на площадь, так как приехали Хорачоевцы, которые, хорошо зная Зелимхана, скорее убедят и тех, кто сомневался, что Зелимхан мог быть убит. Таких было не мало. Хорачоевцы тотчас узнали в трупе Зелимхан, надоевшего им частыми посещениями, за что не раз они подвергались штрафу.

После этого из толпы раздались крики:

– Дайте я ему голову снесу, это он моего отца убил!

– Он брата у меня убил! – кричит другой.

Словом, толпа начала свирепеть, гул возгласов негодования стоял в воздухе, и, если бы не караул, труп, наверное, был бы растерзан в клочки. Пришлось усилить наряд караула и расширить цепь.

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Кня
Алексѣй Николаевичъ.

Семья разбойника Зелимхана: въ центрѣ его жены Бити и Хадыжата.

Зелимхан, убитый 26-го сентября 1913 года

Раненый Кибиров и шашка Шамиля подарок.

Вскоре приехали командиры 2-й сотни Мусалаев и нашей 6-й сотни шт.-ротм. Донагуев. Поблагодарив меня, он расспросил о подробностях, позаботился о раненых и затем в прочувственных словах высказал благодарность моим молодцам всадникам. Оба эти лихие командиры были вместе со мной на войне во 2-м Дагестанском полку полковника Хана-Нахичевского. Теперь втроем мы радостно свиделись, считая, что за погибших товарищей Дагестанцев отомстили. Затем приехал командир 3й сотни ротмистр Котиев, иза ним стали прибывать административные лица, из которых не мало было вечером приехал полковой врач Холодвский и с ним еще двое из слобод Воздвиженский и из Ведено. Они сделали перевязку мне и всадникам. Сильно страдавшего юнкера Закаря-Гебекова отправили в Грозненский военный госпиталь.

Во время перевязки, которая была чрезвычайно болезненна, я находился в полузабытьи.

XVII. Несколько успокоившись к вечеру, я лежал в постели, когда неожиданно вошел князь Каралов, ротмистр Котиев, Мусалаев, Донагуев, шт. ротм. федоров, сельский мулла и несколько стариков Чеченцев. Князь Каралов, держа в руках шашку, обратился ко мне с горячей речью от общества, говоря, что население, благодарное за избавление от грозного абрека, подносит мне драгоценную шашку Шамиля, хранившуюся у наиба Талхикова (чеченца), и про-

сить принять ее, как почестное оружие, вместе с тем предлагают взят на себя и расходы по лечению.

Меня эта, продолжал Кибиров, неожиданность разстроила, что я не нашел подходящих слов для ответа и просил передать мою благодарность. Как оказалось потом, сначала мне хотели поднести лошадь с седлом, но предпочли шашку, потому что вспомнили, как я когда-то видел ее у наиба Талхихова, любовался ею и справлялся, не продаст ли ее владелец. По преданиям, шашка эта настоящая «гурда из Нубии», изготовлена была много веков тому назад специально для царедворца и как говорит легенда, чтобы ни у кого такой шашки больше не было, мастеру, изготовившему ее, после поднесения ея, была ею же отрублена голова. Затем шашку взяли у меня, чтобы сделать на ней надпись *«На добрую память поручику Астемиру Минбулатовичу Кибирову отъ Шалинского общества, по приговору отъ 27-го сентября 1913 года за №79, за избавление Чеченского* народа *отъ злейшего врага разбойника Зелимхана Гушмазокаева 26-го сентября 1913 года, въ 5 ½ часов утра».* Шашка с серебряной золоченой рукояткой и в таких же ножнах на портупее из кованного серебра. Привезли ее, когда я был уже во Владикавказе в военном госпитале, и с нею приговор, подписанный 612 именами выборных от всех аулов с муллами во главе, и предложили 200 рублей на лечение, от которых я, конечно, отказался.

Знак такой общественной оценки чеченцами деятельности поручика Кибирова есть наилучшие вещественное доказательство того, что он уничтожением Зелимхана, действительно, совершил героический подвиг огромного значения для всего района, потому что этим поднял авторитет правительственной власти, почти парализованный неуловимым абреком, имевшим постоянный успех в течение почти 15-ти лет.

XVIII. На другой день, утром, мне наложили гипсовую повязку и лубки, а операцию решили сделать во Владикавказе, так как обе кости оказались раздроблены с отделением мелких осколков. После наложения лубков самочувствие мое, рассказывает Кибиров, значительно улучшилось. Дали поесть куриного бульона, после чего сознание постепенно восстановилось. Но тут явилась новая беда-с 10-ти часов утра 27-го сентября несколько фотографов начали осаждать просьбами разрешить сделать снимки. В конце концов, перед отъездом на станцию Аргун (25 верст от Шали) фотографы сняли группу с командой моих молодцов и еще несколько снимков. Кстати сказать, уже после моего отъезда из Шали в разных иллюстрациях и приложениях к газетам появились снимки с подписями, где указаны лица, не только не принимавшие никого участия, но даже и не бывшие близ «Двух саклей». Так, например, на одном из снимков Шевченко, бывший писарь, назван начальником отряда, уничтожившего Зелимхана, и прочие небылицы.

Собираясь уже отъезжать, вдруг я из окна заметил направлявшийся к нам автомобиль. Оказалось, что в нем приехал начальник Грозненского округа полковник Стрижов с семьей Зелимхана: его жена брата Султамурата (Хадыжата, из-за которой началась кровавая драма), дочь Зелимхана и два сына. Лишь только увидели они труп, узнали его и бросились к нему, а женщины даже прослезились…

Ходили слухи, что Зелимхан будто бы приходил в Грозный к семье, когда она была там, но даже теперь жены отрицают это.

Я отошел от окна, что бы не видеть неприятной сцены свидания, но вскоре пришли с просьбой принять семью Зелимхана. Несмотря на неоднократные отказы, в конце концов, пришлось согласиться, тем более, что всех их я от него избавиться. Во время таких разговоров семья рада была бы от него избавиться. Во время таких разговоров семья высказывала похвалы по адресу приютивших ее русских, у которых жилось много спокойнее, нежели с абреком, к тому же ни один из аулов, даже Хорачой, не хотел их принимать, боясь, что абрек будет их посещать, а кровники тогда разорять тот дом.

Наконец, семья вошла ко мне в комнату, и все пять человек быстро встали на колени и что-то начали говорить по-русски. Я приказал им встать после чего Хадыжата обратились ко мне со следующими словами:

– Как твое здоровье? Мы много представили и еще страдали бы больше, а теперь очень тебе благодарны за то, что избавил нас от преследований и тяжелой жизни.

– я понимаю вас, – ответил я, – что, может быть, сейчас вам трудно, но вспомните тех, у кого он убил близких и дорогих, -тем еще больнее, как и нам, Дагестанцев, невинно от него много пострадавшим, и если вы говорите мне от души, то я вас благодарю. Если же вы пришли показать сыновьям, кто кровник их, то это-ошибка с вашей стороны, так как этого вам не простят.

На это ответили, что слышать это им обидно, после чего их увели.

К 6-ти часам вечера подали фаэтон, на котором, в сопровождении врача Холодовского, урядника и правительственного старшины Михаила Дзелихова, к 8-ми часам вечера я приехал на станцию Аргун. На последнем слове Кибиров взволновано прервал свой рассказ, говоря, что он узнал впоследствии об увольнении от должности Дзелихова и его помощника будто бы за недонесение о том, что Кибиров выступил ночью для поимки Зелимхана.

На самом деле Дзелихов и не мог своевременно донести, как видно выше из описания, так как, продолжал свой рассказ Кибиров, я приказал старшине ночью ехать со мною, умышленно не говоря ему, куда, с целью, чтобы не раскрыть никому своих намерений, зная, как быстро доходили до Зелимхана все распоряжения, направленные против него.

На станции Грозное Кибирова встретили товарищи по полку и несколько господ офицеров Кизляро-Гребенского полка, горячо приветствуя его по случаю победного окончания Зелимхановской эпопеи.

Уже поздно вечером приехал я, продолжал Кибиров, во Владикавказ. При проезде по станциям передавали из публики сомнения, что Зелимхан уничтожен. Прибыв в госпиталь, узнал, что в ночь на 25-ое сентября было совершено ограбление горцами магазина серебряных вещей, сопровождавшееся убийством з-х человек. Этот разбой приписывали Зелимхану, вызывая тем сомнение об уничтожении его в Шали.

Почти на рассвете приехал ко мне в госпиталь старший помощник наказного атамана по административной части, генерал Степенов, знавший меня еще с 1911 года и потому сердечно отнесшийся теперь ко мне, те более, что он был сторонником передачи дела поимки Зелимхана в мои руки.

Подойдя к моей постели и горячо поздравив меня, проявив столько отеческая заботы ко мне, что искренние чувства мои к этому благодарнейшему человеке никогда не изгладятся в моем сердце. Он немедленно распорядился перевести меня из общей палаты в отдельную комнату, приказав обратить особенно внимание на тщательный уход за мною. Расспросив о подробностях дела, он там же высказал, что, вероятно, появится немало нелепых слухов от недоброжелателей, но в таком случае предложил свое заступничество, так как его руках были сосредоточены все нити местной администрации.

Вскоре прибыл корпусной командир, герой Порт-Артура, генерал Ирманов которого я видел еще вовремя войны. Поздравив меня, он поблагодарил то, что после уничтожения Зелимхана, наконец, удастся ему, корпусному командиру, увидеть собранным весь славный Дагестанский полк, который вот уже три года раздробленными частями действовал против Зелимхана и потому не мог ни разу представиться на смотру.

– Постараюсь исходатайствовать вам золотое оружие, кажется, подходить под статус, – сказал генерал и сделал представление.

Затем посетили меня начальник дивизии генерал Хелмицкий и командир полка полковник Кобиев. Все отечески заботились о здоровье и тем оказали нравственную поддержку, столь необходимую то время, так как рана болела невыносимо. Особенно мучительны были ощуще-

ния, когда руку в гипсовой повязке вытянули по продолжению плеча, и только нежная забота, почти не отходившего от меня, консультанта госпиталя, действительно статского советника Салтыкова, почтенного старика, заставляла меня молча переносить мучения.

Особенно меня удивило прибытие прокуроров Тифлисской судебной палаты и Владикавказского окружного суда. Первый приехал в парадной форме и своею горячею, длинной речью тронул меня до слез.

Удостоил меня своим вниманием и начальник области, прибывший через несколько дней в госпиталь и передавший мне следующую радостную весть: «По телеграмме об уничтожении чинами Дагестанского конного полка разбойника Зелимхана, Государь Император Собственноручно изволил начертать: *Поручику Кибирову жалую орден Св. Владимира 4-й степени, остальных представить к соответствующим наградам».*

Затем генерал Степанов передал мне, по распоряжению Наместника Его Величества, две тысячи рублей на лечение раны.

XIX. Несмотря на удачную операцию по извлечению осколков костей, излечение раны не поддавалось, а потому признано было необходимым для дальнейшего специального лечения отправить меня в Петербург.

16-го ноября получено было от генерала Степанова письмо о последовавшем Высочайшем разрешении перевезти меня с денщиком в С.-Петербургский госпиталь, куда я прибыл 26-го ноября.

Переезд этот был труднее, чем от саклей до Шали месяц тому назад. Дело в том, что от штаба Терской области я был снабжен предложением на перевозку по Лит. А. во 2-м классе, и лишь заботами генерала Степанова я доехал до Ростова в отдельным купе 1-го класса. Денщик и фельдшер ехали в 3-м классе. Вскоре по отъезде я почувствовал приступ лихорадки и постепенно увеличивающуюся боль раны. По прибытии 24-го ноября в Ростов, фельдшер, желая переменить повязку, всю пропитанную кровью, счел нужным ее разрезать, после чего зачем-то ушел. В это время меня, согласно предложению, перевели во 2-й класс и поместили в купе, где уже сидело три пассажира. Фельдшер, не зная о моем переводе в другой вагон, не мог меня найти, а его не мог отыскать денщик, а тем временем поезд отошел. Не перевязанная рана нестерпимо разболелась. Лихорадка трясла, увеличивая этим страдания. Через соседа пассажира я просил у старшего кондуктора достать фельдшера, чтобы перевязать рану, но это не удалось, и так я доехал до Таганрога, где железнодорожные врачи, по телеграфу предупрежденные из Ростова, оказали самое любезное внимание, перенесли меня в лазарет и тщательно перевязали. Там я пролежал целый день, так как температура была выше 39, и, по мнению врачей, если жар не понизится, дальнейшее путешествие было рискованно. К вечеру, однако, температура спала до 38, и я, докупив билет до 1-го класса, был помещен в отдельном купе и при сопутствии чрезвычайно внимательного железнодорожного врача и догнавшего меня фельдшера отправился далее.

В Петербурге с вокзала, наконец, добрался до Николаевского госпиталя, откуда был направлен в Клинический, где дежурный врач поместил сначала в общую палату, а через 2 дня отвели отдельную комнату.

Вскоре обрадовала меня посещением баронесса Мейеидорф, вдова бывшего моего командира, когда я имел честь служить в Собственном Его Величество конвое, затем генерал Шульга и многие товарищи по боевой службе: полковник лейб-гвардии Конного полка Гартман и другие. Такое ласковое внимание ко мне знакомых, конечно, повысило душевное мое состояние и успокоило расходившееся, было, нервы.

10-го декабря, в 10 часов утра, во время перевязки изволил прибыть военный министр генерал-адъютант Сухомлинов, обратившийся ко мне со следующими словами:

Рана упорно не поддавалась лечению, и пришлось вновь оперативным путем извлекать мелкие осколки. Только после того, как профессор Оппель произвел выскабливание краев

костей, рана начала заметно улучшаться и общее состояние духа и здоровья пришло почти в равновесие. Но тогда стали являться построение, незнакомые мне посетители с выражением своих чувств. Вначале было немало молодежи с Кавказа, называвшей имена своих родственников, погибших от руки Зелимхана.

Расспросим не было конца, и, несмотря на уклонение мое от рассказов, все-таки в газеты проникли самые вымышленные сведения.

Более всего я был удивлен, когда комендантский адъютант, явись со старшим врачом клинического госпиталя, предложил мне от имени коменданта перейти в Николаевского военный госпиталь, так как там есть караул, который будет меня охранять. Удивлению моему не было конца, когда оказалось, что какой-то досужий репортер поместил в газетах небылицы, будто с Кавказа приехали 4 чеченца для выполнения обычая кровавой мести за смерть в Клиническом госпитале.

Тем не менее, газеты перепечатали эту утку с комментариями. Пришлось написать опровержение. К сожалению, по дошедшим до меня сведениям, некоторые господа извратили эту утку и пустили обидный для меня слух, будто я сам просил поставить караул для охраны моей особы, и прочее. Полагаю, что таким господам столь же не трудно изобретать всякие небылицы, как и легко подхватывать их для сплетни…

На этом Кибиров окончил свой рассказ.

К сожалению, приходится констатировать в нашей общественной жизни наличие нередко встречаемого порока «зависти», под действием каковой человеку, не награжденному благородными инстинктами, приходят в голову самые нелепые мысли, и, вместо восхищения подвигом героя, такой «болеющий завистью убогий тип» ищет случая умалить достоинства героя.

Таких «больных завистью» приходится жалеть, пока они не приносят другим вреда, героические же натуры их обыкновенно презирают, но обществу следовало бы относиться к таким людям со всею строгостью, так как в военной жизни «завистливые типы» обыкновенно лишены и чувства благородства, они не могут быть беспрестанными, принося этим огромный вред делу военного воспитания, в основе которого должны лежать рыцарские начала, понятия, идеально чистые, душевные порывы, кристаллически чистые.

Я позволил себе остановиться на этом вопросе о значении «зависти людской», потому что молодецкие деяния казака Кибирова старались окутать всевозможной паутиной, лишь бы пдвиг его не вырисовывался во всей яркости его величия, между тем, с точки зрения рыцарски военной Кибиров проявил во всем блеске те боевые качества воина, которые по смыслу текста присяги особенно подчеркиваются: храбрость, мужество, находчивость в сложной боевой обстановке, исполнение долга, «пока жив буду», и решимость «победить или умереть», и прочее.

Что же еще следовало бы совершить Кибирову, чтобы деяния его назвать «подвигом»?

Державный Вождь российских войск тотчас по донесении наградил поручика Кибирова орденом Св. Владимира 4-й степени, а, по ознакомлении с подробностями боевых действий молодецкого взвода Дагестанского конного полка в ночь на 25-е сентября 1913 г. под командой поручика Кибирова, военный министр представил Его Императорскому Величеству ходатайство о производстве Кибирова в штабс-ротмистры *«за особые отличия»*, как и сказано в Высочайшем приказе от 22-го июня сего года.

Таким образом, *«за Богом молитва, а за Царем служба не пропадают»*.

После 6-ти месяцев лечения оказалось, что окончательное заживление раны не может скоро наступить, а потому, по представлению военного министра, состоялось Высочайшее повеление о прикомандировании Кибирова на год к главному управлению управлению государственного коннозаводства. Прошло уже 10 месяцев лечения, но рана все еще сочится и от времени до времени выделяются с материей мелкие осколки костей. Для дальнейшего

лечения штабс-ротмистра Кибирова перевели в Красное село *(В Офицерский госпиталь имени Ея Императорского Высочества Великой Княгини Марии Павловны).*

Смеем надеяться, что этот простой рассказ Кибирова, занесенный на страницы «Вестника Русской Конницы», принесет известную пользу военной молодежи, а подвиг молодца казачьего офицера не скоро изгладится из памяти читателей.

Когда этот рассказ уже был в типографии для набора, штабс-ротмистр Кибиров рапортом донес, что 11-го июля, при посещении госпиталя Их Императорскими Высочествами Великими Княгинями Борисом Владимировичем и Андреем Владимировичем, Августейшие Особы осчастливили Кибирова милостивым вниманием к его здоровью и интересовались подробностями дела с Зелимханом.

12-го июля Его Императорское Величество Государь Император, при посещении госпиталя, осчастливил Кибирова Своим Царским вниманием, осведомившись о здоровье и милостиво одобрив действия штабс-ротмистра и обнадежив его в будущем.

Таким образом, старая военная поговорка еще раз подтвердились: «За Богом молитва, а за Царем служба не пропадают». ***Князь Д. Багратионъ (позднее командир Дикой дивизии).***

«Набеги хищников». Федор Чернозубов

Записки терского общества Любителей Казачьей Старины. №7 Владикавказ 1914 год.

Время первого наказного атамана Кавказского Линейного войска генерал-майора Верзилина совпадает с объединение горцев под властью Кази-Муллы, Гамзат-Бека и Шамиля. Началась Кавказская война в своем остром периоде но независимо от крупных военных действий, продолжались набеги партий хищников на нашу Линию. Теперь только, с усмирением Кабарды, центр тяжести их перенесся на левый фланг, куда, естественно, направлялись чеченские удальцы. Русское начальство не относило эти партизанских действий горцев к актам Кавказской войны, а придавало им только хищническое значение и называло все столкновения на Тереке и Кубани «хищническими происшествиями», что, конечно, не соответствовало истине; беспокойство нашей Линии в этот период времени безусловно входило в план военных действий имамов. В этом можно убедиться из периодичности и планомерности самых незначительных набегов. Только незнакомому с нравами и обычаями, а также с воинственными способностями горцев могли казаться эти нападения исключительно грабительскими предприятиями с действиями напролом, как следствие удали и храбрости. Самая организация и выполнение набегов производились строго систематично и настолько обдуманно, что действия горцев могут быть безусловно предметом подражания для наших разведчиков. Об них и поведем мы речь. Задумав набег, горцы прежде всего формировывали партии пешие или конные. Если предполагалось только переправиться через Терек и кордон с целью скрыться в приречном лесу, а затем захватить пленных или угнать несколько голов скота, то собирались пешие партии человек в 5 – 6. При желании же горцев прокрасться глубже в наши пределы для совершения хищничеств в нескольких десятках верст от кордона, например в ногайских степях, то набирались конные шайки, человек в 20 – 30. Соединялись в партии обыкновенно жители одного селения, из которых часть имела уже широкий опыт в подобных набегах, а другая половина являлась новичками, жаждавшими славы и добычи. Все предприятие держалось в глубокой тайне из боязни доноса какого-либо лазутчика русским властям, что часто практиковалось кабардинцами и в особенности чеченцами для сведения старых счетов с участниками предполагаемого набега на почве кровной мести и из желания попутно заработать за доставленное русским сведение. Сговорившись для набега и избрав из среды своей начальника, участники намечали цель действий. Прежде всего старались разобраться в обстановке и для того обращались к мирным туземцам. Живя около кордона, обыкновенно за нашими передовыми линиями, чеченцы и кабардинцы мирных аулов проходили незамеченными взад и вперед наши линии и имели постоянные и непрерывные сношения со своими «непокорными родичами». Мирные туземцы по этому получали полную возможность знать о силе русских в каждом укреплении, на каждом пикете и кордоне, разведывали о политических смутах, наших намерениях и слабых местах, о сборных пунктах русских отрядов. Пользуясь правом приезда в наши станицы для торговли и других целей, они прекрасно знали соседние с их аулами участки нашей линии, переправы через Терек, кордонный лес и дороги, связывавшие наши посты и станицы. Для горцев также своими людьми были ногайцы. Кочевники эти занимались извозом, служили пастухами и работниками у казаков и других русских людей и потому хорошо знали все изгибы местности, заслонения от горцев казачьим кордоном. Но самые полные и лучшие сведения доставляли казаки ренегаты и отщепенцы, которые, спасаясь от кандалов и тюрьмы, должны были спасаться бегством к непокорным горцам. Там они якшались с самыми отчаянными чеченскими абреками. Избрав себе по полученным сведениям цель для набега, шайка искала себе вожака, т. е. проводника. Для этого требовался храбрый опытный смельчак, хорош знакомый с местностью, который обязывался провести партию секретно

через нашу кордонную линию и быть ее путеводителем в наших пределах. Вожак должен был находиться всегда впереди как при переправе через Терек, так и при проходе кордонного леса и в случае открытия хищников он первый поражал русского жили мирные туземцы, абреки, но в особенности ценились беглые казаки, бесконечно храбрые, прекрасно знакомые с местностью, с укладом кордонной и степной жизни и имевшие прочных друзей на родине, с которыми предусмотрительно поддерживали сношения. Сговорившись с вожаком, который отправлялся для более точной последней разведки намеченной для предприятия местности, партия начинала приготовляться. Приготовлений эти заключались в подготовке лошадей к большим и быстрым переходам, в приготовлении бурдюков или тулуков и в заготовке патронов. Тренировка производилась довольно странным образом Лошадей готовили к пробегу не втягиванием в работу при усиленном питании а голодом. Для этого черкесы (кабардинцы) держали своих коней за несколько дней до набега впроголодь, а за сутки перед выступлением вовсе не кормили и не поили. Чеченцы изменяли эту тренировку, выдерживали в течение 5 – 6 дней своих лошадей на просе, отчего они становились поджарыми, не теряя, однако, крепости, мускулистости и сил для совершения дальних и быстрых движений. Кабардинский способ тренировки шел от персов. Перспектива перехода через Терек заставляла заботиться о средствах для переправы – тулуках или бурдюках, которыми издавна пользовались на Кавказе туземцы и казаки. На этом интересном и недостаточно известном поплавке следует остановиться: тулуком называется мешок из воловьей, а преимущественно бараньей или козьей кожи, сшитый шерстью во внутрь, надутый воздухом и снаружи осмоленный или обмазанный жиром или другим веществом, не пропускающим воздуха. У тулука два отверстия: большое и маленькое. Вложив оружие, исподнее платье, чурек и другие припасы, большое отверстие крепко завязывается веревкою, а через тулук надувается и крепко стягивается. И вот поплавок, в роде пузыря для плаванья, готов. Тогда два тулука подвязывают под передние лопатки лошадей. Когда это исполнено, хищники в полном вооружении, имея ружья наготове в правой руке, а боевые патроны заткнутыми вокруг папах, садятся на коней и гуськом, один за другим начинают переправу. Пешие кабардинцы или чеченцы, имеющие только по одному бурдюку, привязывают его к своей спине и легко переплывают при помощи его Терек и Кубань. В бурдюке пешего хранится не только одежа, но и кинжал, пистолет и патроны. Ружье входит в тулук только по замок, а ствол находится наружи, при чем для предохранения от воды дуло плотно затыкается. Те же кабардинцы, которые имеют по два бурдюка, переплывают. Кубань и Терек, привязывая их у пояса по бокам или под мышками. Заготовление патронов составляло главную заботу хищников, так как в порохе и свинце всегда ощущался большой недостаток у горцев. Русские огнестрельные припасы добывались с трудом и дорогою ценою. Из Турции порох доставлялся в мере сил и возможности, но оставался по преимуществу у закубанцев и кабардинцев и редко доходил до Чечни. Во время Шамиля, правда, в Ведено был образован пороховой завод, которым заведовал русский беглый фейерверкер, но порох выходил очень скверного качества. Еще труднее было со свинцом. Недостаток в пулях был у горцев настолько велик, что после перестрелки с русскими войсками в лесах, чеченцы после боя тщательно осматривали деревья и доставали из их стволов все засевшие пули. Поэтому забота о порохе и пулях была постоянная и большая. Изготовившись к предстоящему набегу, горцы собирались в назначенное время в условленное скрытное место. Отсюда, пробираясь лесами и труднопроходимыми урочищами, шайка прокрадывалась через передовые линии наши и искала приюта в одном из мирных аулов, лежавших недалеко от Терека, игравшего роль базиса для дальнейших операций. В этом отношении особенно славились чеченские аулы Старый-Юрт и Брагуны. Без такого пристанища, не имея ни места, ни возможности, где укрыться, хищники не могли бы долговременно держаться на нашей стороне и производить нападения с такою удачею. Войдя в селение, шайка отдыхала. Иногда, из опасения быть открытыми, хищники останавливались вблизи, в скрытом месте и получали продукты и фураж от жителей мирного аула. Скрывавший в своем

доме и кормивший хищников участвовал в добыче и получал долю ее. Отдохнув, подкрепившись и произведя последнюю разведку, шайка вечером выступала к Тереку. Во главе шел вожак, указывая скрытный и вернейший путь к реке. Тут только начинались настоящие трудности, требовалась строгая тишина и полное внимание. Подойдя к Тереку и засевши в скрытом месте, партия приступала к осматриванию берега и к наблюдению за действиями казаков на том берегу. Важнее всего было выбрать место для переправы вдали от секрета, заложенного кордонным начальством. Это всецело лежало на обязанности вожака, пускавшегося на разного рода хитрости. Он перекликался голосами разных местных птиц и зверей, бросал вперед, вправо и влево камни или комья грязи, надеясь вызвать выстрел секрета, словом, весь обращался в слух и внимание. В случае необходимости, вожак рисковал переправиться один на левый берег и тщательно высматривал места, куда закладывались секреты, и разведывал когда посыпались разъезды. На это уходило иногда несколько суток. Способ переправы зависел от времени года и высоты воды в Тереке. Как горная река, он постоянно меняет свой уровень. То Терек «возвышается и заграждает переезды, то падает и открывает свои заставы-броды по отмелям». Наиболее трудно проходим Терек, начиная с апреля по сентябрь во время таяния снегов и дождей в горах. Тогда по бродам нет переходу и переплывать его можно только в каюках и на тулуках. В это время переправляются преимущественно пешие хищнические партии. В период же времени с октября по апрель, когда вода в реке не так высока, а ночи длинные и темные, прокрадываются на наш берег конные партии. Пробирались они к нам также во время сильных морозов, когда лед окрепнет и переход делается безопасным. Только в то время, когда по Тереку шел шерш или лед, или при очень током льде набеги горцев считались невозможными, и казаки отдыхали. Впрочем, это, так казать, общие правила; в частности бесстрашные удальцы-чеченцы, рискуя утонуть и замерзнуть, появлялись около станиц в то время, когда не было совсем вероятий видеть этих неприятных и нежданных гостей. В виду этого соображения даже в самое безопасное время кордонное начальство старалось затруднить переход через Терек, обрубая круче удобные для выхода места берега, прорубая круче удобные для выхода места берега, прорубая полыньи во льду и т. п. Определив по возможности расположение секретов, вдали от них, обыкновенно в темную бурную и дождливую ночь, хищники вплавь или по бродам перебирались на наш берег. Все это совершалось при соблюдении поной тишины. Достаточно было слишком сильного плеска воды, лязга оружия и стремен, фырканья лошадей, чтобы привлечь внимание чуткого уха казака, залегшего в секрете. Открытая на самой переправе хищническая партия поворачивала назад, притом обыкновенно без потерь. Но если хищникам удавалось незаметным образом попасть на левый берег Терека, первая часть задачи была выполнена. Теперь предстояло прорваться через кордон. А это тоже было далеко нелегкое дело. В чащах прибрежного леса, в незаметной яме или за бугорком, обыкновенно меняя места, лежали казаки. Поэтому в ночь по переправе хищники, в особенности пешие, старались найти в лесу укромное место, обыкновенно заранее намеченное вожаком, где можно было скрыться, отдохнуть, а главное оглядеться. Утром с рассветом казачьи секреты возвращались на пикеты, а горцы, хорошо знавшие их местоположение, пользовались дневным светом, чтоб произвести разведку. В особенности чувствовали они себя покойными в кордоном лесу, если переправа через Терек была совершена в ненастную погоду и дождь залил их сакму или след. В противном случае посылаемый с рассветом бдительный разъезд увидал бы сакму, поднял бы тревогу и вызвал бы погоню, которая во всяком случае нарушила бы все планы шайки. Если все шло удачно, то с приближением сумерек, за два часа или за час до заката солнца, хищники приступали к работе. Случалось довольно часто, что со свойственною азиатам осторожностью и веками выработанным терпением они скучивались в притеречном лесу по несколько суток, пока не признавали возможным действовать с полною достоверностью на успех. Хищнические предприятия мелких пеших партий имели целью: 1) засесть в лесу около большой дороги, грабить и захватывать в плен проезжающих, 2) нападать на работающих в садах и уво-

дить с собою, по преимуществу, женщин и детей, 3) прокрадываются ночью через станичную ограду для увода скота и в особенности лошадей. Конные шайки ставили себе более широкие задачи: 1) нападения на работавших в поле с целью увода в плен, 2) увода больших стад рогатого скота и овец или табунов коней и 3) дальних предприятий для грабежа всякого рода. Притаившись в кордонном лесу, по возможности дальше от пикета, пешие хищники выжидали приближения сумерек, когда казаки с работ спешили на ночь попасть в станицу. Если ехало несколько подвод вместе – горцы не рисковали нападать, боясь сопротивления. Но стоило отстать подводе от своих повозок, в особенности с подростками, а еще лучше с женщинами, разбойниками бросались из засады, быстро уводили пленников в лес, а лошадей выпрягали. Повозка прятались в густой чаще. Если все грабительство совершалось тихо и гладко, шайки таким же порядком поступали со следующими проезжими, будь то почта, курьер или едущий чиновник или офицер. Весь успех нападения зижделся на внезапности нападения хищников и неосторожности или халатности проезжего. Так собирались в гущине кордонного леса добыча. Для нападений на работавших в садах определенного времени суток не существовало. Помимо наступления сумерек, хищники любили появляться в садах, когда, после полуденного обеда, истомленные трудом и жарою казаки, положив около себя ружье, мирно предавались отдыху. Прокрадываться ночью через станичную ограду решались гололобые, так звали также чеченцев казаки, если вожак был из числа жителей станицы, бежавший к непокорным горцам. Такой проводник, конечно, прекрасно знал расположение всех домов в своем родном гнезде, а также все обычаи станицы. При участии этих ужасных выходцев хищники тихонько пробирались к хлеву какого-нибудь казака, выводили скотину или лошадей и через проделанный в станичном валу лаз или переход выводили краденых животных. Предприятие это являлось безусловно крайне рискованным, требовавшим соблюдения особенной осторожности и тишины при железном хладнокровии. Достаточно было крика животного, лая собаки, неожиданной встречи с обходом или с заботливым хозяином, чтобы шайка рисковала, если не пленом, то во всяком случае жизнью. Поэтому уводить из станиц людей хищники не рисковали. Все действия пеших хищников основывались на хитрости и осторожности. Целью их было – незаметно, без шума и тревоги, захватить добычу и скрыться в лесу. Конные грабители соединяли хитрость с нахрапом, т. е. с ошеломляющею внезапностью. Высмотрев работавших в поле, опять-таки по преимуществу невооруженных и одиноких людей, они старались быстро увести свою добычу в кордонный лес или в глубь ногайских степей. Точно также поступали они, поставив себе задачею угон скота или лошадей. И в том и другом случае казаки редко позволяли захватить себя, не оказав должного сопротивления. Раздавался выстрел, другой. А это был вполне достаточный повод для сбора на шум рядом находившегося на работе народа. Завязывались перестрелки, рукопашные схватки, и горцы спешили скорее укрыться с добычею из опасения погони. Таким образом, хищники, конные или пешие, старались скрыться с добычею под защиту кордонного леса или в глубь степи. Собрав всю добычу в какой-либо балке притеречного леса, хищники сажали пленников на похищенных лошадей, крепко связывая их и привязывая к седлам. Нагрузив добычу на вьюки и собрав скот, шайка начинала обратный путь. Если действия хищников не были обнаружены, шло осторожное движение и по возможности тихая переправа. Если же шайка считала свое присутствие открытым, она спешила к реке, чтобы скорее попасть на спасательный свой правый берег Терека. В последнем случае первыми переправлялись несколько хищников, которые, спешившись, занимали стрелковую позицию на чеченской стороне. За ними переходила добыча и в арьергарде следовали остальные горцы. Очутившись на том берегу, шайка быстро двигались по кратчайшему пути в горы или искала отдыха и укрытия в одном из мирных аулов. Там каждый житель готов был их спрятать и помочь обмануть ненавистных русских. Чаще, однако, злодейства, хищников открывались. Тогда поднималась тревога, которая вызывала погоню станичного резерва за Терек, «несущуюся большею частью на один перегон доброго коня. Прекращались она обыкновенно

у правого берега Сунжи, в верхней части ее течения, где возможны уже броды, а за бродами чеченские леса». В конечном результате, обыкновенно хищникам удавалось скрыться с добычею. Случалось, однако, что след хищников обнаруживался рано. Тогда резервам удавалось застигнуть грабителей в кордонном лесу или во время переправы, и грабителям приходилось плохо. Настигнув хищников, казаки открывали перестрелку. Горцы им отвечали слабо из боязни обнаружить свое направление выстрелами в ночной темноте. Но знаки все же каким-то чутьем, основанном на знании местности, начинали отрезывать шайку от бродов. Тогда чеченцы обыкновенно шалели: начинали бросать скот, заводных лошадей, добычу и даже пленных. Они думали лишь о спасении и об увозе тел своих убитых товарищей. А гибло их особенно много в таких случаях от казачьих пуль при переправе через Терек, или от казачьих шашек во время погони на чеченской стороне. «В направлении погони, запоздавшей, когда неприятель уже успел скрыться из виду, много значило схватить простывший след и прочесть по нем все нужное. Горцы были неистощимы», – говорить **Попко**, – в изворотах замять, порознить, запутать свой след, а казаки, в свою очередь, изощрялись в навыке открывать и толковать его». Искусство это в особенности развилось во времена кн. Барятинского, а потому о нем будет сказано в свое время. Когда наши казаки, дойдя до Сунжи, видели, что им не перехватить уведенной хищниками добычи, они в свою очередь хватили первый попавшийся под руку чеченский скот и с ним отходили назад к линии. «Тогда собирался новый неприятель и в свою очередь делал за казаками погоню. Теснимые этою обратною погонею, казаки искали опереться на мирные аула, но тут обнаруживалось предательство последних: шкалы оставались верными своей природе». Конные партии не только укрывались в кордонном лесу, но искали убежища в ногайских степях, среди бурунов и песков этой бесприютной местности. Пристанище находили они здесь около кочевок ногайцев, снабжавших их необходимыми средствами для существования. Осмотревшись и произвела подробные рекогносцировки, шайки нападали на проезжих, угоняли скот и выводили снова на Терек, где переправлялись с награбленной добычею. Но след таких прорвавшихся шаек открывали очень скоро. Тогда в погоню частью на перерез, частью по самке, скакали казачьи партии. В то же время сгущались кордонная линия чтобы захватить хищников при обратной переправе через Терек. Подпись: **Федор Чернозубов.**

Песня об абреке Хамзате. Ахмед Цаликов

«В горах Кавказа». Быль, очерки и легенды. Ахмед Цаликов. 1914 год.

Стр. 51 …Давно я слышал эту красивую песню об удалом абреке Хамзате. В горах Чечни, куда закинула меня судьба в годы юности, мне пел ее Али-бек. Горы, как бы расположившиеся станом на отдых, богатыри, в белоснежных папахах на гордых головах, задумчиво слушали песню об отважном абреке. Яркую песню бесшабашной удали.

Смотрите: в лазурном небе белый ястреб ловит когтями добычу. Ловит, и тут же клюет. Смотрите: быстрыми прыжками догоняет и рвет могучими когтями пестрый барс красного зверя… Нет!.. Это не белый ястреб и не пестрый барс, это – смелый наездник Хамзат, кидается в волны Терека. Переправляется на левый берег с удалыми товарищами. Быстрей ястреба, отважней барса, несется он в степи ногайские. Там пасутся табуны белых коней. Налетает, как вихрь, удалой Хамзат и гонит по степи белых коней. Гонит к Тереку. Переправляется. К утру возвращается обратно. Путь опасен… Устали наездники… Остановились на отдых. Скрыли в лесу добычу свою. Поднялся Хамзат на высокий курган. Смотрит во все стороны… Не видно ли врагов? Не курит ли дорога? Не гонится-ль за ним русский отряд? Смотрит Хамзат и видит: На переправе у Терека темнеет черное пятно. Растет и ширится… Быстро приближается… Так же быстро приближаются тучи, когда гонит их по глади небес ветер. Спускается Хамзат с кургана и говорит удальцам-сотоварищам: как летит туча в небе, гонимая ветром, так мчатся за ними наши враги. Не бойтесь, сегодня будем драться мы, как голодные барсы. И, помолчав, добавляет: – Нужно сделать завалы. Перережем лошадей. Окружим себя высокой оградой. Только находясь за ней, мы будем в состоянии защищаться.

Сел Хамзат с товарищи за кровавый завал. Приказал одному наблюдать за врагами. Стоит часовой… Смотрит… Видит скачет всадник. Узнает… Скачет князь Кагерман. Подскакавши, спрашивает:

«Эй, скажи-ка, приятель, что вы за люди, какого из князей?»

Вышел из-за вала смелый Хамзат. Подошел к всаднику.

– Что тебе нужно от нас? – спросил Хамзат.

– «Я хотел узнать, чьи люди вы, какогог из князей?»

Усмехнулся Хамзат. – Мы и знать не хотим никаких князей, мы наездники из гор, а приехали мы сюда за добычей…

– «Не Хамзат ли ты? – спросил Кагерман.

– Да, я Хамзат! – ответил ему последний.

– «Так вот послушай, Хамзат, напрасно ты приехал сюда… Теперь тебя догнал русский отряд. Ты окружен со всех сторон… Ты и твои товарищи погибли.

«Разве может быть отрастут у нас крылья, тогда вы еще скроетесь? Прислал меня к вам начальник русского отряда. Он пощадит вас, если вы сдадитесь и не будете сражаться».

Гневом вспыхнуло сердце Хамзата и он крикнул князю Кагерману.

– Не бедность побудила меня приехать сюда, князь Кагерман. Я приехал сюда, чтобы заслужить славу наездника и умереть славной смертью в бою с врагами…

– Ты хочешь, чтобы я сдался тебе и чтобы весь гехинский народ посмеялся надо мной.

Нет, ты этого не дождешься. Хамзат будет биться, как раненый барс. Как усталый, голодный волк хочет до3,браться до лесу, как горячий конь рвется в степь широкую, так жаждут мои сотоварищи боя смертельного. Не боюсь, я тебя, Кагерман, смеюсь над тобой и твоим отрядом. Иди туда, откуда ты пришел. И продолжал Хамзат говорить, пылая гневом: – Правда золота, добычи искали мы, но сегодня черный порох будет для нас драгоценней золота. Золото для нас больше – не золото, надежная винтовка – дороже драгоценностей мира!..

Повернулся Хамзат и пошел к своим… Воротился и Кагерман. И донес он начальнику русского отряда, что не хочет сдаваться Хамзат. Скоро густой дым от выстрелов поднялся к небу. И сказал Хамзат: – Да будет проклят настоящий день. Какой жаркий день!.. Только на тень от наших шашек можем мы рассчитывать! И снова сказал Хамзат: – Какой густой дым валит, как темно вокруг. Только надежда на свет от ружейных выстрелов. И снова сказал Хамзат своим товарищам: – Там высоко, в небе, гурии рая смотрят на нас. Каждая хочет выбрать себе лучшего мужа. Они ссорятся из-за нас… И говорил это Хамзат, чтоб подбодрить товарищей, а сам думал: нет уж больше надежды на спасение. Близок час смерти. Увидел он в небе перелетных птиц. В родное ущелье летели птицы. Поднял руку Хамзат и сказал он птицам – странникам небес:

– Передайте вы, птицы, воздушные странники, наш последний вздох родному народу. Передайте привет чернооким красавицам – белым девушкам. Скажите, что вражьи пули поразили нас, скажите, что умерли мы славною смертью джигитов.

Знаем: не поплачут над нашими могилами сестры, не пожалеет народ, вместо плача сестер будем слышать мы над собой вой волков, вместо толпы родственников – соберутся над нами стаи черных воронов. И скажите вы им: – На черкесской горе от пуль христиан, с окровавленными шашками в руках, мы лежим мертвыми.

Так поет старинная песня, песня сурового чеченского народа. И слушает ее молодое поколение, жадной толпой окружает народных певцов, и кто знает, что загорается в юных сердцах, какой огонь вспыхивает в крепкой груди, какой воли и подвигов жаждет взволнованный дух. И где те люди, которые хотели бы понять народ, его тяжелые думы, его буйную душу, его порывы?

«Абрек Эскерхан». С. К. Бердяев

«Разбои на Северном Кавказе». Из воспоминаний старого администратора. (Период 1907—1915 г.) Париж, 1936.

Грозно высится на недоступных гордынях Чечни аул Саясан. Шпили кавказских гор ушли от зеленых долин в голубое царство, где в светло—лазуревом эфире плавают прозрачные облака, да летают пернатые цари. А выше облаков теснятся серые громады голых и угрюмых скал Дагестана, взятого у грозного Имама ценою моря русской крови. И вот посреди величества этой природы в том самом **ауле Саясан**,

Где когда-то слышны были.
Звуки рыцарских мечей,
Где в ущельях ядра выли
Наших грозных батарей

И где с шашками встречались шашки на скале, и была моя резиденция, откуда волею судьбу я управлял горной Чечней. Так вот там, начавшийся с пяти часов утра проливной июльский дождь не переставал до наступления ночи. Сотни мелких горных потоков низвергались с диким ревом с уступов, пробивая себе путь среди обломков скал в зияющую волшебную бездну, где ворчливо, в свое змееобразное русло, принимала их собирательница горных потоков, вечно бурливая река Яман – Су. К ночи, собрав все силы, она вышла из своих высоких берегов и вступила в сферу грозной стихии. Казалось что она годами копила свой гнев против обитателей прибрежных диких гор Чечни. Все ей мешало по пути ее бешеного точения. И недавно осевшие на ее красивом берегу хуторки, и маленькие горные мельницы, и самочинно, давно разросшийся на горных приступах, лесок. Все она беспощадно сносила до основания. Рогатый скот, овцы и козы с диким ревом, наполнявшим ущелье, уносились в неведомую даль пенистыми волнами Яман – Су. С оглушительным треском срывались с своих основ чеченские мельнички, обращаясь в щены, верх—тормашкой плыли мосты и мостики. Сердито завывал и лютый ветер, под раскаты грозы, скрывая с кореньями сосны и бросая их волнам Яман – Су, как бы платя ей какую-то дань. Напрасны были вопли отчаяния горцев – чеченцев, тщетны были и молитвы муллы с высоты минарета: грозная стихия была безжалостна, Яман —Су неумолима.

Стемнело. Мерцанье огоньков в ауле поредело.
Гроза утихла, лишь шумят
С высоких гор потоки дождевые,
И быстро тучи громовые
По небу темному летят…
Ночные тени покрывают:
Долины, горы, черный лес…
Огни, звездящие, небес,
Меж туч едва мерцают.
В ущельях лег густой туман. Все мрачно. Тихо меж горами
Итак все стихло. Все мирное и трудящееся предалось сну.
Но не спал абрек – Эскерхан!
«Гор житель отважный,
В безумьи своем
Разбоем себя утешает

И «в вражьи» пределы с мечем и огнем
Непрошенным гостем въезжает.
Он к вольным наездам
Привык среди скал…
В разбоях лишь радость находит
Безжалостно в грудь он вонзает кинжал,
Иль в плен он уводит позорный.
Набросив ужасный свой меткий аркан,
Он требует выкуп безмерный,
Тем временем пленный, страдая от ран,
Как раб угасает презренный…»

Пять лет прошло с тех пор, как областная власть объявила его вне закона за грабежи и убийства. Пять лет прошло с тех пор, как он существует под защитой скал и лесов. Пять лет они поют одну и ту же абрецкую песню:

«Эх, ты лес, наш родной,
Наш отец дорогой;
Ту один лишь у нас покровитель…
А в тени твоих древних могучих дерев
Может каждый из нас наслаждаться,
Но за то уж с абреком
В тенистом лесу мирный житель
Не должен встречаться.
Не успеет он глазом окинуть врага,
Как уж меткая пуля абрека
Вмиг наложит печать на уста
И не станет врага – человека».

Только в ненастную ночь, заволоченную густым горным туманом, только в лютую бурю с проливным дождем, Эскерхан въезжал на своем мощном ретивом коне, под буркой, до зубов вооруженный, в свой, погруженный в глубокий сон, родной аул, где на окраине, к скалистой стене приютилась его маленькая бедная сакля, а в ней жена молодая с малюткой Асхабом. К рассвету его конь, на стальных своих ногах, выносил его и аула незамеченным. Сегодняшний день, как никогда, создал для него благоприятную возможность навестить свою красавицу Зару и сына Асхаба; и чем больше свирепствовала Яман—Су, тем пропасть между мною и Эскерханом становилась обширней и менее для меня доступной. Он был счастлив… В этот день молился богу грозы, богу ветра и реке Яман—Су. До причиненных стихией бедствий ему не было дела. Сегодня он привезет своей горной красавице подарки от награбленного добра. Я сказал – с наступлением этой ночи не спал абрек Эскерхан. Да, он не спал – он торопился в аул. Но не спал и мой Эльмурза в том же самом ауле, находившемся от моей ставки на расстоянии всего лишь десятки верст, по ту сторону Яман-Су. Он знал привычки абреков… он старый, опытный агент. Не сводил он своего зоркого глаза с кремнистой тропинки, ведущей к сакле Эскерхана. На циферблате его часов стрелка показала 11 час. ночи, когда Эскерхан на своем гнедом товарище, под буркой, с смелостью, больше чем нужной, въехал в маленький разгороженный дворик своей сакли. Встрепенулась красавица – чуткая Зара услышав знакомый топот из – под стальных подков неутомимого коня. «Проснись, Асхаб, пророк прислал отца нам твоего» – Произнесла она, толкнув ребенка в люльке. Итак теперь он дома. Он счастлив, а Яман —Су обеспечила ему ласки его горной красавицы до рассвета, а может быть и больше. Глу-

бокая мрачная полночь. Жуткая тишина, временами нарушаемая однообразным лаем аульных собак, да там внизу, в глубокой пропасти, не перестает клокотать, ревет и влиться Яма —Су. Слышу звонок телефона. Беру трубку; это звонит из соседнего аула Эльмурза – с той стороны Яман—Су «Вам пакет», доложил он (условная между нами фраза) и выразил сожаление по поводу прерванного сообщения с аулом Эскерхана. И действительно я был в отчаянии. Задача в исполнении – невозможная. Взять кавказского разбойника, или ликвидировать его – дело не из легких в вековых дебрях и скалистых заслонах для него – (оно сопряжено с явною опасностью для собственной жизни), но дело это считалось для нас обязательным к исполнению; взять же Яман-Су, да еще ночью и, не теряя ни одной минуты, было немыслимо. Предо мною был Сан-Готард – надо было строить «Чортов мост», да еще ночью и скоро, Я вспомнил отрывок из песни кавказских ветеранов:

«Справа дьявольские кручи,
Слева скалы до небес,
Перед носом ходят тучи,
За ноги хватает бес».

Раздумывать я не мог, и надумать ничего нельзя было. Надо было, сломя голову, на что-то решаться. Был я молод и энергичен. Мы били переполнены любовью к Родине. Мы не были воспитаны в духе сибаритизма. – «Все на алтарь Отечества!» – таков был наш священный девиз. Нас сама обстановка учила пренебрегать опасностью.

«Наши деды, ведь, издревле,
Смерть и раны презирали,
И в свой смертный час и нам
Свой завет передавали,
Чтоб идти по их следам».

Позвал я переводчика своего и приказал ему, чтобы партизаны мои седлали коней. (Команда состояла из чеченцев). 40 мин. и я, спустившись с плато, на котором была расположена моя ставка, подъехал к сердитому Яман—Су. Остановил команду и мрачно посмотрел на бешенную реку. – «Неужели начальник поведет вплавь?» – перешептывались всадники. Итак, посмотрев на Яман-су, я не мог отыскать ни малейшей возможности не только переехать, но и въехать в нее, т. к. вода покрывала крутые обрывы глубиной 7—10 метров, а по реке еще плыли остатки разрушенных мельниц и мостов; плетни, деревья и пр. Идти вплавь значило вести команду на верную и глупую гибель. – Ну, как братцы, поплывем? – спросил я моих головорезов. – Как прикажешь, начальник, если надо умереть, то веди, – был их ответ. Чего бы ни стоило, а нужно было найти выход и абрека взять живым или мертвым. Я боялся подумать вернуться с берега Яман—Су домой. Что-же мне, коренному кавказцу, готовил завтрашний день? – Позор и только! – «Слезай!» – скомандовал я, – «Сботовать коней и оставить их при трех коноводах, а остальные за мной!» Ночь была черна, как могила. Только зловеще белели уродливыми привидениями скалистые уступы сред неприглядного мрака. Мы стали поднимать на вершину береговых высот с уступа на уступ, с утеса на утес, подсаживая один другого. Острые обломки скал изрядно нам руки и колени. После двух – часовой гимнастики, мы вскарабкались на вершину высот. Я стал искать самое узкое место ущелья и нашел. Расстояние от одной вершины до противоположной, через реку, не более 30 метр. Вот – рукой подать, а уже с той стороны реки, верст шесть – семь и аул Эскерхана. Трудно было себе представить, что делалось внизу, в мрачной бездне этого ущелья, где рыдала бешенная Яман—Су. Мои партизаны (аборигены подоблачной выси) убедили меня в том, что река в этом месте несо-

мненно запружена смытыми и наносными чинарами и соснами, а также, сорванными течением, мостами и мельничками. Таким образом нам предстояло приятное путешествие: спуститься на дно поверхности воды, переправиться через реку по заготовленному рекой сатанинскому мосту и подняться по отвесному скалистому противоположному берегу реки. приказал связать концы четырех вьючек (веревки). Один конец был привязан к скале, а другой спущен в пропасть. По этой то веревке и поползли в путь в одиночку. (Удовольствие такого рода вряд ли испытал смелый турист в Кордильерах). Ноги и локти бились об острые выступы скал, рвали нам одежду и тело; гибкая ветки безжалостно хлестали по лицу. Терпение нужно было иметь дьявольское. Действительно, партизаны мои были правы: деревья, мосты, плетни и проч. Так забаррикадировали ущелье, что получится своего рода чортов мост. Злее злого запротестовали пенистые волны, при появлении непрошенных гостей. Заревела, зарыдала Яман—Су, как разъяренная пантера и беспощадно начала нас заливать своими бушующими холодными волнами, – нас, дерзнувших спуститься на лоно вод е холодных, в таинственное царство джинов. Борясь с дикими волнами, заливавшими нас с головой, переступая с одного дерева на другое, с одной ненадежной опоры на другую, мы одолели стихию и переправились на противоположный грозный берег. По отвесной, почти, скале повела нас козья дорожка. Один неверный шаг и человек погиб в пропасти. Пришлось подниматься больше ползком, изредка цепляясь за веточки. Наконец, мы на широком плато… Мы у цели. Посмотрел я на часы. Время позволяло выжать одежду, отдохнуть и команде помолиться. Лица, руки и ноги были у всех так поцарапаны и побиты, что доктору хватило работы на две недели. Лесное пространство мы прошли быстро. Аул близок… Огней не видно… Все спит… Даже собаки, чуя приближение рассвета, снялись с ночной сторожевки и погрузились в сон; одна лишь неугомонная пустолайка тявкала где-то на окраине аула. Из-под темной кисеи предрассветного тумана обрисовался, затонувший в море серых скал, маленький аул Вокруг хмурились на нас утесы, грозя оторваться от груди своих великанов и ринуться с нами в раскрытую пасть, жадно тянувшейся к нам, бездны. А там дальше – клокотали потоки в глубоких змееобразных морщинах горных хребтов, ворчливо уносясь в далекие низины. Мы вошли в аул… Сакля оцеплена… Эскерхан в кольце. Я приказал переводчике будить абрека и предложить ему добровольно сдаться мне. – Эй, Эскерхан! – Эй! – послышался хриплый голос из мрачной сакли. – Сакля твоя оцеплена! Начальник участка приказывает тебе сдаться, – продолжал переводчик, – выбрось в окошко винтовку, револьвер, патроны и сам выходи на двор! – Я мужчина! Вы возьмете мой труп, но живых сдаваться, как сдаваться, как женщина, я не могу! – Мы сейчас обстреляем твою саклю, – погибнешь ты, а с тобою жена и неповинный ребенок! – Если хулиганы, а не мусульмане и не мужчины, то стреляйте, но знайте, что за трупы наши, вы заплатите трупами вашими! Я буду с вами драться до последнего патрона! – и произвел из маленького окошка пять выстрелов по разным направлениям, но партизаны были расположены в оцеплении вне всякой опасности. Я хотел открыть огонь по сакле, (сакля была турлучная и была бы изрешетена перекрестным огнем), но я не решился сделать это. Я бы заклеймил себя позором. Я был бы измучен моею совестью, т. к. неизбежными жертвами должны были быть женщина и ребенок в люльке. Я приказал переводчику передать жене абрека, чтобы она вышла с ребенком из сакли. – Стреляйте, мусульмане, – сказала она, показавшись во весь свой рост в дверях, – из сакли я не уйду и от мужа не отойду ни на один шаг! – и вошла обратно в саклю. Лениво стала заниматься заря на востоке и нежным румянцем обдала скалы, но аул еще не просыпался. Я повторил мое требование и опять из окошка грянуло пять выстрелов раскатистым эхом пронесшихся по ущельям угрюмых скал пять лет скрывавших Эскерхана. Я решил искать другой выход, чтобы избежать невинных жертв. Я послал партизана к старшине аула с приказанием явиться ко мне с стариками, ближайшими родственниками абрека. Плавно всплыло красивым румянцем ранее утро над кавказским хребтом и, опоясанное алой зарею, улыбнулось природе. На высокой площадке, покрытой редким леском, у самого подножья стремнин, в неизъяснимо – прелестной панораме,

открылся, во всей дикой красоте, и аул. Показались беленькие, приземистые сакли, хаотически раскинутые в кривых улицах аула, а посреди аула красовалась такая же приземистая мечеть, но с высоким минаретом, заканчивающимся большим блестящим полумесяцем. «Ля-илляхилль Алла! Магомет расуль Алла!» прозвучал на минарете мулла своим козитонным гнусявым голоском. Аул стал просыпаться. Появился передо мною и старшина с пятью стариками. Старикам я приказал войти в саклю и заставить абрека сдаться мне. Переговоры стариков, ведшиеся через запертую дверь, не обещали желательных результатов. Эскерхан упрямился. Сакля была оцеплена в 4 ч утра, – было уже 12 ч. Дня. Страдая от ранений, полученных при тяжелом переходе и, простояв в напряженном положении на скалистых выступах в продолжении восьми часов, партизаны мои окончательно измучились и начали протестовать против моей медлительности в стрельбе по сакле, убеждая меня в том, что абрек имеет в виду вести разговоры до наступления темноты, чтобы бежать под покровом ночи, пользуясь сильно усеченной местностью. Всеми мерами я сдерживал чеченцев не выходит из моего повиновения. Наконец и мое терпение пришло к концу. Я дал абреку на размышление 10 мин., заверив его, что с одиннадцатой минуты снимаю ответственность с моей совести и подвергаю саклю обстрелу, где погибнут его из Терской обл., а аул будет наказан экзекуцией. Убедившись в бесполезности дальнейшего сопротивления, Эскерхан крикнул: – Толмач, спроси начальника, что со мною будет, если возьмете меня после вооруженного вам сопротивления? – Будет повешен, – ответил я. – А если я сдамся? – Тоже будет повешен. Передав в окошко все оружие своему дяде. Эскерхан вышел на двор. Зазвякали железные браслеты, и абрек был закован. – Начальник! – обратился ко мне абрек, – я сдался тебе потому только, что не хотел гибели моей жены и сына. Не хочу и наказания аула. Ты выполнил служебный долг с благородством. Закон царский не обязывал тебя щадить мою семью, когда я оказал тебе вооруженное сопротивление. Я стрелял в тебя, и ты терпел. Аллах благословит пути твоей жизни. Возьми коня моего; он тебе никогда не изменит. А теперь вели снять с меня наручники и разреши помолиться и проситься с сыном. – Просьбу абрека я исполнил. Красавица Зара была полна неизъяснимо – таинственной прелести. Она не проронила ни одного слова и ни одной слезинки, при аресте Эскерхана. Я это отнес к мужественности, присущей горной чеченке, но, когда вывели его мощного коня, верного товарища, она истерически разрыдалась: «Кант! (мальчик) кому ты теперь будешь предан? Кто сможет купить твое сердце? Кого ты будешь носить на своей стальной спине? О, великий Пророк, пропасти, но ты не прав!» Ночь окутала своим флером природу, когда мы утомленные, избитые и оборванные скалами, въехали с Эскерханом в скучный двор моей ставки. В 10 час. утра, другого дня, Эскерхан был в руках тюремного начальства, а через два месяца, военно—окруженный суд кавказского военного округа вынес свой суровый, но справедливый приговор. Подпись: ***С. К. Бердяев***.

Населенные места Чечни 1874 года

Терская область. Список населенных мест по сведениям 1874 года. Издан Кавказским комитетом при главном управлении наместника Кавказского. Составлен главным редактором Комитета Н. Зейдлицем. Тифлис, 1878.

I. ОБЩІЙ ВЫВОДЪ ИЗЪ СПИСКА НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ.

НАЗВАНІЕ ГОРОДОВЪ И ОКРУГОВЪ.	Число населенныхъ мѣстъ.		Число дворовъ.		Число жителей.				Обоего пола.
					Въ городахъ.		Въ округахъ.		
	Въ городахъ.	Въ округахъ.	Въ городахъ.	Въ округахъ.	муж.	жен.	муж.	жен.	
Владикавказъ, областной городъ	1	—	1,847	—	14,018	6,039	—	—	20,057
Владикавказ. округъ.	—	315	—	17,239	—	—	61,451	55,519	116,970
Шатой, слобода	1	—	41	—	56	38	—	—	94
Аргунскій округъ	—	212	—	4,711	—	—	11,140	11,386	22,526
Ведено, слобода и укрѣпленіе.	1	—	72	—	141	127	—	—	268
Веденскій округъ	—	59	—	5,067	—	—	11,484	10,844	22,328
Хасав-юртъ, слобода	1	—	483	—	3,238	670	—	—	3,908
Хасав-юртовскій округъ.	—	61	—	10,771	—	—	27,055	24,203	51,258
Кизляръ, уѣздный городъ	1	—	1,500	—	5,093	4,083	—	—	9,176
Кизлярскій округъ.	—	38	—	3,531	—	—	9,998	10,037	20,035
Грозный, окружной городъ	1	—	935	—	5,630	2,822	—	—	8,452
Грозненскій округъ	—	82	—	20,922	—	—	55,328	52,576	107,904
Пятигорскъ, окружной городъ	1	—	1,408	—	8,331	5,334	—	—	13,665
Георгіевскъ, городъ безъуѣздный	1	—	526	—	2,319	1,026	—	—	3,345
Нальчикъ, слобода съ еврейскимъ поселкомъ	1	—	296	—	887	861	—	—	1,748
Эдессія, мѣстечко	1	—	326	—	1,313	1,218	—	—	2,531
Пятигорскій округъ	—	159	—	16,649	—	—	60,625	57,711	118,336
Моздокъ, городъ безъуѣздный	1	—	1,367	—	4,339	4,040	—	—	8,379
Всего въ области	11	926	8,801	78,890	45,365	26,258	237,081	222,276	530,980

Примѣчаніе: Слободы: Шатой, Ведено, Хасав-юртъ, Нальчикъ и мѣстечко Эдессія отнесены къ городскимъ населеніямъ области, такъ какъ они носятъ характеръ городскаго населенія и, кромѣ того, составляютъ административные центры округовъ, къ которымъ они принадлежатъ.

*) Городъ Моздокъ составляетъ особую административную единицу, не входящую въ составъ никакого округа.

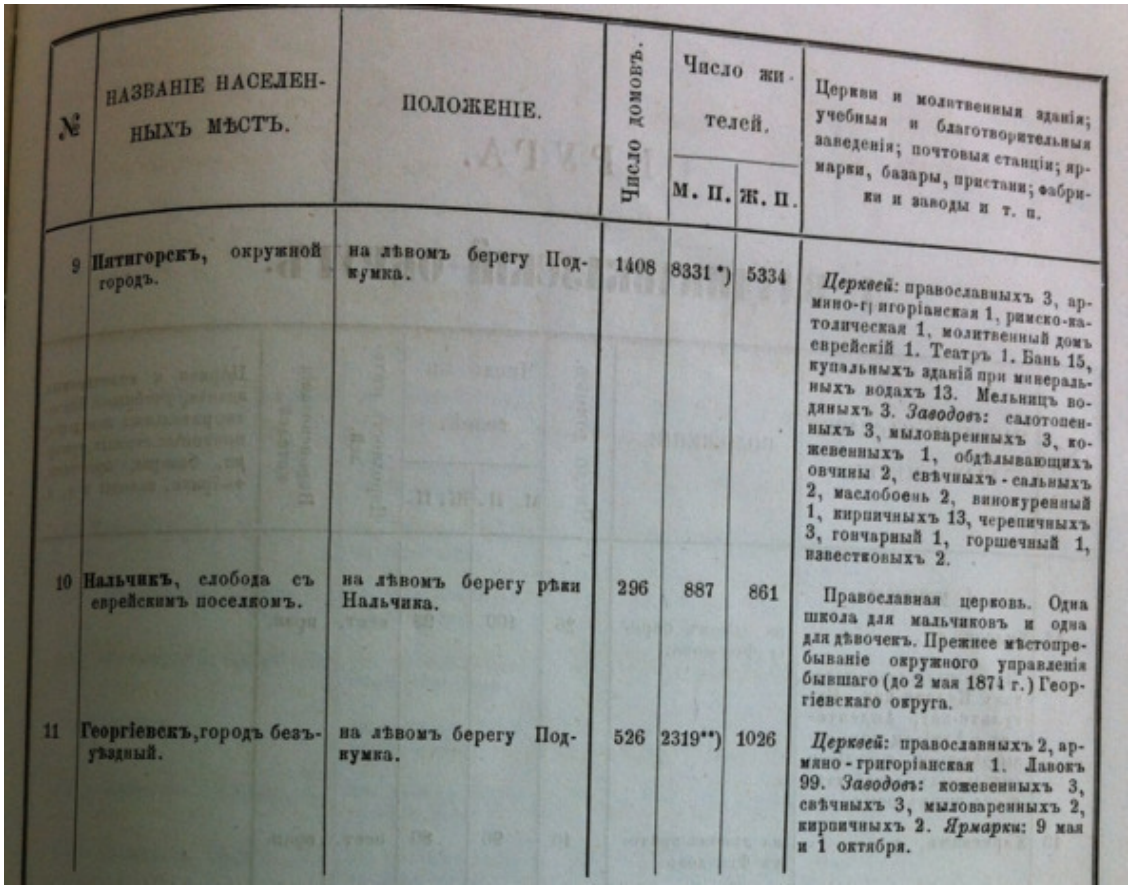
№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей.		Церкви и молитвенныя зданія; учебныя и благотворительныя заведенія; почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики и заводы и т. п.
				М. П.	Ж. П.	
1	**Владикавказъ**, областной городъ.	по обоимъ берегамъ Терека.	1847	14018*)	6039	Церквей православныхъ 6, молитвенный домъ 1. Заведеній: учебныхъ 7, благотворительныхъ 1. Почтовая станція 1, телеграфная станція 1, желѣзно-дорожная станція 2-го класса, въ 652-хъ верстахъ отъ Ростова-на-Дону. *Ярмарокъ*: въ году 2. Базаровъ въ недѣлю 3. *Фабрикъ*: табачныхъ 4, хлопчато-бумажныхъ 2. *Заводовъ*: салотопенныхъ 8, воскобойныхъ 2, свѣчныхъ-сальныхъ 6, свѣчныхъ-восковыхъ 1, мыловаренныхъ 2, выдѣлывающихъ овчины 2, пиво и медоваренныхъ 1, водочныхъ 6, кирпичныхъ 55, черепичныхъ 21, горшечныхъ 5, кожевенныхъ 2, маслобоень 2. *Оптовыхъ складовъ*: вина и спирта 9, русскаго листоваго табаку 1. *Мельницъ*: водяныхъ 7, дѣйствующихъ лошадьми 2. Театръ 1, общественный садъ 1, вольная типографія 1, библіотека для чтенія 1.
2	**Шатой**, слобода.	на правомъ берегу Аргуна.	41	56	38	Мѣстопребываніе полицейскаго управленія Аргунскаго округа и пристава 1-го участка. Мѣстная команда. Лавокъ 18.

*) Въ томъ числѣ 5978 чел. разнаго рода войскъ.

Терск. область.

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей.		Церкви и молитвенныя зданія; учебныя и благотворительныя заведенія; почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики и заводы и т. п.
				м. п.	ж. п.	
3	**Ведень (Веденó)**, слобода и укрѣпленіе.	на правомъ берегу лѣваго притока р. Хулхулау.	72	141	127	Мѣстопребыв. Веденск. окружного управленія и пристава 1-го участка. Начальная школа. Базаръ еженедѣльно по воскресеньямъ. Въ 1 верстѣ къ ю.-в. находятся развалины *Ведень*, бывшаго мѣстопребыванія Шамиля.
4	**Хасав-юртъ**, слобода.	на р. Ярак-су, на почтовой дорогѣ изъ Владикавказа въ Петровскъ и Прикаспійскій край.	483	3238 *)	670	Православная церковь 1; еврейскихъ синагогъ 2; первоначальная школа. Почтовая и телеграфная станціи; еженедѣльный базаръ. Кожевенный заводъ 1. Ярмарка. Мѣстопребываніе окружного управленія. Шт.-кв. 80-го пѣхотн. Кабардинскаго генер.-фельдм. кн. Барятинскаго полка.
5	**Кизляръ**, уѣздн. городъ (съ причисленною къ нему **Кизлярскою станицею**).	при рѣкѣ Старомъ Теречкѣ и Таловкѣ.	1500	5093	4083	Православный монастырь, православ. церквей 2, армянскихъ 3, мечетей 8. Винокуренныхъ заводовъ 16.
6	**Моздокъ**, городъ безъуѣздный.	на лѣвомъ берегу Терека.	1367	4339	4040	*Церквей* православныхъ 4, армяно-григоріанскихъ 3, римско-католическая 1. *Училищъ*: русское 1, духовное православное 1 и армяно-григоріанское 1. Почтовая контора 1, станція 1, телеграфная станція 1. Ярмарокъ 3, недѣльный базаръ 1. Заводовъ: пивоваренный 1, кожевенныхъ 5, свѣчныхъ церковныхъ 2. Уѣздное казначейство. Особое полицейское управленіе. Городовое положеніе. Мировой судъ. Судебный слѣдователь.
7	**Эдессія**, мѣстечко. (Жители армяно-григоріане).	на лѣвомъ берегу рѣки Куры.	326	1313	1218	Церковь 1. Общественная школа.
8	**Грозный**, окружной городъ.	на обоихъ берегахъ р. Сунжи, на почтовой дорогѣ, идущей отъ Тифлиса и Владикавказа въ Дагестанъ и Кизляръ.	935	5630**)	2822	*Церкви:* Православная, домовая православная, католическая, армяно-григоріанская. Мечеть, синагогъ 2. Мужское и женское начальныя училища. Почтовая станція. Двѣ ярмарки: 20 мая и 25 октября; базаръ. Кирпичныхъ заводовъ 6 и черепичныхъ 1; небольшихъ кожевенныхъ заводовъ 2.

*) Въ томъ числѣ регулярнаго войска 2512 человѣкъ.
**) Въ томъ числѣ 2508 чел. регулярныхъ войскъ по переписи, произведенной въ мартѣ 1873 года.

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей.		Церкви и молитвенныя зданія; учебныя и благотворительныя заведенія; почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики и заводы и т. п.
				М. П.	Ж. П.	
9	**Пятигорскъ**, окружной городъ.	на лѣвомъ берегу Подкумка.	1408	8331 *)	5334	*Церквей*: православныхъ 3, армяно-григоріанская 1, римско-католическая 1, молитвенный домъ еврейскій 1. Театръ 1. Бань 15, купальныхъ зданій при минеральныхъ водахъ 13. Мельницъ водяныхъ 3. *Заводовъ*: салотопенныхъ 3, мыловаренныхъ 3, кожевенныхъ 1, обдѣлывающихъ овчины 2, свѣчныхъ-сальныхъ 2, маслобоень 2, винокуренный 1, кирпичныхъ 13, черепичныхъ 3, гончарный 1, горшечный 1, известковыхъ 2.
10	**Нальчикъ**, слобода съ еврейскимъ поселкомъ.	на лѣвомъ берегу рѣки Нальчика.	296	887	861	Православная церковь. Одна школа для мальчиковъ и одна для дѣвочекъ. Прежнее мѣстопребываніе окружного управленія бывшаго (до 2 мая 1871 г.) Георгіевскаго округа.
11	**Георгіевскъ**, городъ безъуѣздный.	на лѣвомъ берегу Подкумка.	526	2319**)	1026	*Церквей*: православныхъ 2, армяно-григоріанская 1. Лавокъ 99. *Заводовъ*: кожевенныхъ 3, свѣчныхъ 3, мыловаренныхъ 2, кирпичныхъ 2. *Ярмарки*: 9 мая и 1 октября.

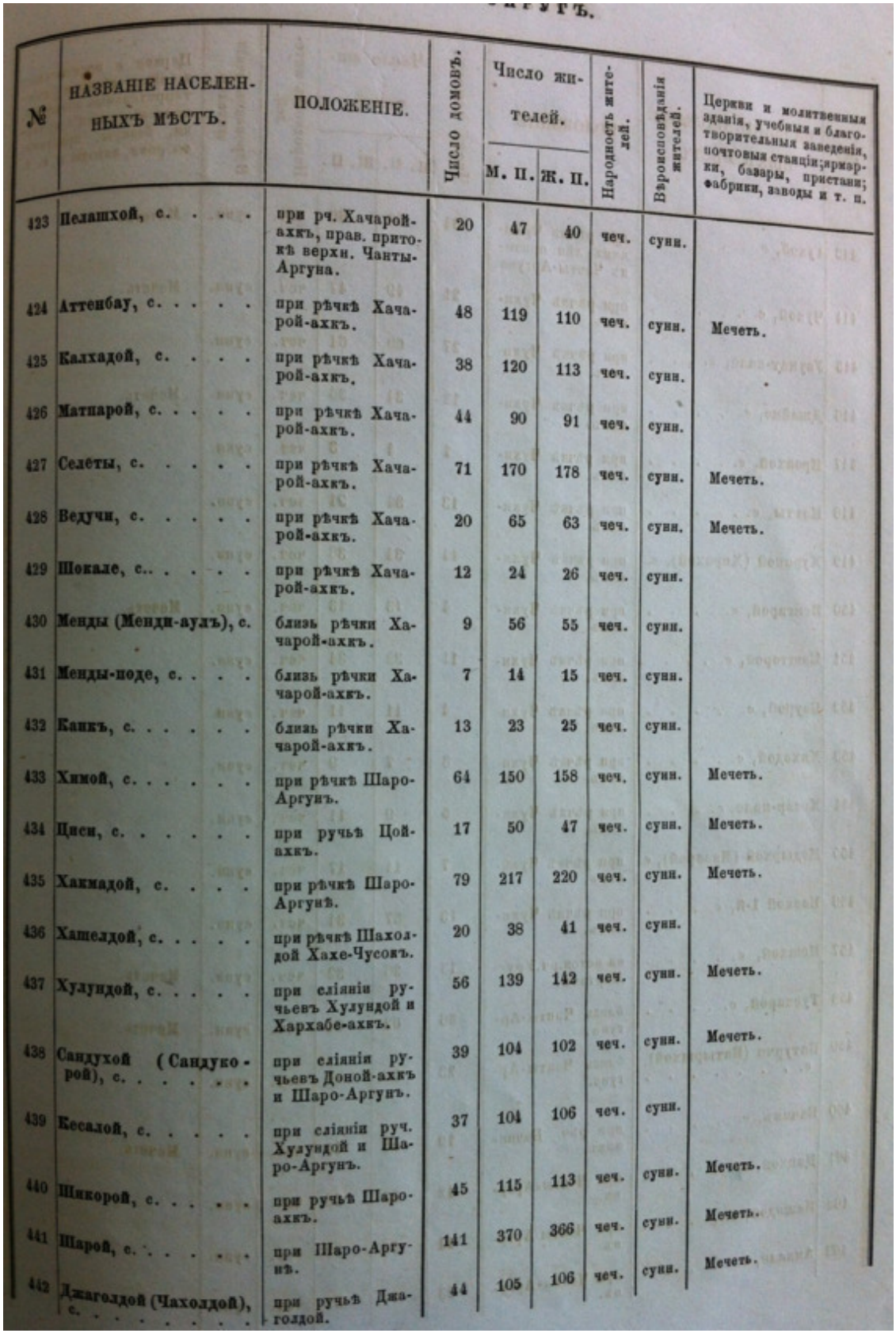
№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей.		Народность жителей.	Вѣроисповѣданіе жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи, ярмарки, базары, пристани, фабрики, заводы и т. п.
				М. П.	Ж. П.			
	I участокъ.							
327	**Сеной**, с.	на лѣвомъ притокѣ р. Шаро-Аргуна.	29	56	66	чеч.	сунн.	
328	**Хали-кале**, с.	на притокѣ Шаро-Аргуна.	101	366	352	чеч.	сунн.	Мечеть.
329	**Гатын-кале**, с.	близъ р. Аргуна.	65	120	122	чеч.	сунн.	Мечеть.
330	**Беной**, с.	между рѣчками Муши-ахкъ и Беноевскою.	28	77	65	чеч.	сунн.	
331	**Мариш-кале**, с. . . .	близъ р. Шаро-Аргуна.	41	101	106	чеч.	сунн.	
332	**Хани-кале**, с.	между рр. Аргуномъ и Шаро-Аргуномъ.	24	55	60	чеч.	сунн.	Мечеть.
333	**Мусен-кале (Мусультъ)**, с.	близъ Шаро-Аргуна.	23	42	42	чеч.	сунн.	
334	**Сатты**, с.	на маломъ притокѣ Аргуна.	36	80	85	чеч.	сунн.	
335	**Юкер-келой**, с.	при рѣчкѣ Кипчиамъ, съ правой стороны.	34	72	74	чеч.	сунн.	
336	**Наметой**, с.	близъ р. Аргуна.	35	75	81	чеч.	сунн.	Мечеть.
337	**Бекум-кале**, с.	близъ р. Аргуна.	35	85	89	чеч.	сунн.	
338	**Гуриш-кортъ**, с.	съ лѣвой стороны рѣчки Верды-ахкъ.	23	60	65	чеч.	сунн.	
339	**Нихолой**, с.	на лѣвомъ берегу Аргуна.	42	94	96	чеч.	сунн.	
340	**Варвой (Варзы-хой)**, с.	близъ р. Аргуна.	84	195	190	чеч.	сунн.	Мечеть.
341	**Реадухке**, с.	на р. Аргунѣ.	93	210	216	чеч.	сунн.	
342	**Вашиндарой (Вашендерой)**, с.	при р. Аргунѣ.	108	240	245	чеч.	сунн.	Мечеть.
343	**Цогоной, (Воугие, Цогоне)**, с.	при р. Аргунѣ.	78	140	150	чеч.	сунн.	Мечеть.

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей.		Народность жителей.	Вѣроисповѣданіе жителей.	Церкви и молитвенныя зданія; учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
				М. П.	Ж. П.			
344	Варанды Большія, с. .	на рѣчкѣ Вараддой, притокѣ Аргуна.	116	260	270	чеч.	сунн.	Мечеть.
345	Варанды Малыя, с. .	при р. Аргунѣ.	65	150	155	чеч.	сунн.	Мечеть.
346	Чишки, с.	на Аргунѣ, съ лѣвой стороны.	43	80	81	чеч.	сунн.	Мечеть.
347	Дачу-Барзой, с. . .	при р. Шаро-Аргунѣ.	90	230	233	чеч.	сунн.	Мечеть.
348	Хой, с.	близъ (озера) Э-зен-амъ.	82	170	176	чеч.	сунн.	Мечеть.
349	Разеной, с.	на притокѣ Андійскаго Койсу.	10	21	20	чеч.	сунн.	
350	Харкорой, с.	на притокѣ Андійскаго Койсу.	31	70	71	чеч.	сунн.	
351	Макажой, с.	на притокѣ Андійскаго Койсу.	146	350	361	чеч.	сунн.	
352	Тундухой (Тундокъ), с.	на притокѣ Андійскаго Койсу.	10	20	20	чеч.	сунн.	
353	Садой, с.	на притокѣ Андійскаго Койсу.	53	85	86	чеч.	сунн.	
354	Урсой (Орсо), с. . .	на притокѣ Андійскаго Койсу.	20	55	61	чеч.	сунн.	
355	Хиндой, с.	при сліяніи рѣч. Анчу-ахкъ съ Шаро-Аргуномъ.	36	65	68	чеч.	сунн.	
356	Восхой, с.	близъ р. Аргуна.	37	54	56	чеч.	сунн.	
357	Цикорой, с.	на притокѣ Андійскаго Койсу.	30	73	75	чеч.	сунн.	
358	Кери, с.	при р. Шаро-Аргунѣ.	22	52	55	чеч.	сунн.	
359	Нахчи-Келой, с. . .	при рѣчкѣ Акелой.	81	181	189	чеч.	сунн.	
360	Буни, с.	на притокѣ Андійскаго Койсу.	36	90	95	чеч.	сунн.	
361	Ригахой, с.	на рѣчкѣ Ачалой-ахкъ.	58	105	107	чеч.	сунн.	
362	Ачалой, с.	на рѣчкѣ Ачалой-ахкъ.	30	45	45	чеч.	сунн.	
363	Чубахкенрой, с. . . .	на рѣчкѣ Ачалой-ахкъ.	40	72	75	чеч.	сунн.	
364	Кулой, с.	на рѣчкѣ Ачалой-ахкъ.	24	40	42	чеч.	сунн.	

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей. М. П.	Число жителей. Ж. П.	Народность жителей.	Вѣроисповѣданія жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
365	Босой, с.	на правомъ притокѣ Шаро-Аргуна.	36	90	93	чеч.	сунн.	
366	Дай, с.	при р. Шаро-Аргунѣ.	67	115	121	чеч.	сунн.	
367	Басты-Ирзау, с. . .	при р. Шаро-Аргунѣ.	17	40	42	чеч.	сунн.	
368	Нижелой, с.	на правомъ берегу Чанты-Аргуна.	130	290	295	чеч.	сунн.	
369	Багачарой, с. . . .	на правомъ притокѣ Шаро-Аргуна.	12	24	26	чеч.	сунн.	
370	Хахе-Цугуной, с. . .	при р. Аргунѣ.	18	35	40	чеч.	сунн.	
371	Салбюры, с.	на правомъ притокѣ Шаро-Аргуна.	12	32	34	чеч.	сунн.	
372	Нюхой (Нунхой), с. .	на правомъ притокѣ Шаро-Аргуна.	15	37	40	чеч.	сунн.	
373	Лашкерой, с.	на правомъ притокѣ Шаро-Аргуна.	5	12	13	чеч.	сунн.	
374	Ихорой, с.	близъ ручья Хочерой-ахкъ.	24	65	66	чеч.	сунн.	
375	Акки, с.	на притокѣ р. Гехи.	25	72	70	чеч.	сунн.	Мечеть, и въ ней школа.
376	Керты, с.	на притокѣ р. Гехи.	12	36	35	чеч.	сунн.	
377	Орзми-кале, с. . . .	на притокѣ р. Гехи.	7	13	13	чеч.	сунн.	
378	Итыр-кале, с.	на притокѣ р. Гехи.	9	31	32	чеч.	сунн.	
379	Мозыркъ, башня. . .	на притокѣ р. Гехи.	5	15	14	чеч.	сунн.	
380	Вауги (Гурчи), с. . .	на притокѣ р. Гехи.	3	6	7	чеч.	сунн.	
381	Коршхо (Галанчожи), с.	при р. Гехи.	4	5	5	чеч.	сунн.	
382	Кербичи, с.	при р. Гехи.	7	9	9	чеч.	сунн.	
383	Ахкбосъ, с.	при р. Гехи.	14	35	37	чеч.	сунн.	
384	Эйсы-Лышекъ, с. . .	при р. Гехи.	11	25	24	чеч.	сунн.	
385	Ялхерой Верхн., с. .	на притокѣ р. Гехи.	15	37	39	чеч.	сунн.	
386	Ялхерой Нижн., с. . .	на притокѣ р. Гехи.	15	36	38	чеч.	сунн.	Мечеть.

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей. М. П.	Число жителей. Ж. П.	Народность жителей.	Вѣроисповѣданіе жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
387	Ашхой, башня. . . .	на притокѣ р. Гехи.	7	16	18	чеч.	сунн.	
388	Таалы, башня. . . .	близь р. Гехи.	4	6	5	чеч.	сунн.	
389	Велахъ, башня. . . .	близь р. Гехи.	6	15	12	чеч.	сунн.	
390	Сарали-Оніевъ, с. . .	на р. Мартанъ.	8	24	22	чеч.	сунн.	
391	Мереджи, с.	на р. Мартанъ.	28	69	71	чеч.	сунн.	Мечеть.
392	Шуиды, с.	близь рѣчки, впадающей въ р. Аргунъ.	9	20	21	чеч.	сунн.	
393	Бурты, с.	близь рч. Кій, впадающей въ Аргунъ.	4	11	12	чеч.	сунн.	
394	Гойты, с.	близь рч. Кій, впадающей въ Аргунъ.	5	12	11	чеч.	сунн.	
395	Маштарой, с.	близь рч. Кій, впадающей въ Аргунъ.	3	5	4	чеч.	сунн.	
396	Гимры, с.	близь рч. Кій, впадающей въ Аргунъ.	8	16	15	чеч.	сунн.	
397	Кій Нижн., с.	на верховьяхъ р. Кій.	10	21	22	чеч.	сунн.	
398	Кій Верхн., с. . . .	на верховьяхъ р. Кій.	10	18	17	чеч.	сунн.	Мечеть.
399	Хали (Хилахой, Хилой), с.	на верховьяхъ притока р. Гехи, у подошвы горъ Эрзен-кортъ и Камби-кортъ.	15	44	46	чеч.	сунн.	
400	Тестархой, с. . . .	на правомъ притокѣ р. Гехи.	8	15	15	чеч.	сунн.	
401	Чирихмой (Чирихмой, Чермхой), с. . . .	на правомъ притокѣ р. Гехи, у подошвы горы Микуаыр-кортъ.	14	25	27	чеч.	сунн.	
402	Хайбахъ, с.	на правомъ притокѣ р. Гехи.	14	28	39	чеч.	сунн.	
403	Мазарой (Мадырхой), с.	на правомъ притокѣ р. Гехи.	16	40	42	чеч.	сунн.	Мечеть.
404	Баулой, с.	на рѣчкѣ Баулой-ахкъ, впадающей въ Чанты-Аргунъ.	17	31	30	чеч.	сунн.	Мечеть.
405	Тухой (Тандухой), с. .	недалеко отъ Чанты-Аргуна.	12	14	15	чеч.	сунн.	

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей.		Народность жителей.	Вѣроисповѣданіе жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
				М. П.	Ж. П.			
406	Идахой, с.	близъ Чанты-Аргуна.	9	14	15	чеч.	сунн.	
407	Боры, с.	на правомъ притокѣ Чанты-Аргуна.	18	51	53	чеч.	сунн.	
408	Сенухой, с.	у подошвы горы Гези-ламъ.	6	15	14	чеч.	сунн.	
409	Желишки, с.	близъ Чанты-Аргуна.	7	15	16	чеч.	сунн.	
410	Котыхой, с.	близъ Чанты-Аргуна.	4	8	9	чеч.	сунн.	
411	Генухой, с.	на лѣвомъ притокѣ Чанты-Аргуна.	10	26	24	чеч.	сунн.	
412	Ошни (Эшты), с. . . .	на лѣвомъ притокѣ Чанты-Аргуна.	15	39	41	чеч.	сунн.	Мечеть.
413	Мацкарой (Муцарой), с.	на лѣвомъ притокѣ Чанты-Аргуна.	3	3	3	чеч.	сунн.	
414	Атты, с.	на лѣвомъ притокѣ Чанты-Аргуна.	7	20	22	чеч.	сунн.	
415	Бошни, с.	у лѣваго притока Чанты-Аргуна.	5	13	13	чеч.	сунн.	
416	Гезехой, с.	близъ лѣваго берега Чанты-Аргуна.	10	22	20	чеч.	сунн.	
417	Басхой, с.	на притокѣ р. Кій, на рѣчкѣ Ахкерой, подъ горою Босохой-ламъ.	3	4	3	чеч.	сунн.	
418	Пежой, с.	близъ Чанты-Аргуна.	8	19	21	чеч.	сунн.	
419	Арстхой, с.	близъ Чанты-Аргуна.	4	8	8	чеч.	сунн.	Мечеть.
420	Курячой, с.	близъ Чанты-Аргуна.	6	7	11	чеч.	сунн.	
421	Никирой, с.	при рѣчкѣ Терхой, впадающей въ Чанты-Аргунъ.	31	72	75	чеч.	сунн.	Мечеть.
	II участокъ.							
422	Гангой, с.	при рѣчкѣ Хачарой-ахкъ.	39	95	98	чеч.	сунн.	

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей. М. П.	Число жителей. Ж. П.	Народность жителей.	Вѣроисповѣданія жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
423	Пелашхой, с. . . .	при рч. Хачарой-ахкъ, прав. притокѣ верхн. Чанты-Аргуна.	20	47	40	чеч.	сунн.	
424	Аттенбау, с.	при рѣчкѣ Хачарой-ахкъ.	48	119	110	чеч.	сунн.	Мечеть.
425	Калхадой, с. . . .	при рѣчкѣ Хачарой-ахкъ.	38	120	113	чеч.	сунн.	
426	Матпарой, с.	при рѣчкѣ Хачарой-ахкъ.	44	90	91	чеч.	сунн.	
427	Селѣты, с.	при рѣчкѣ Хачарой-ахкъ.	71	170	178	чеч.	сунн.	Мечеть.
428	Ведучи, с.	при рѣчкѣ Хачарой-ахкъ.	20	65	63	чеч.	сунн.	Мечеть.
429	Шокалс, с..	при рѣчкѣ Хачарой-ахкъ.	12	24	26	чеч.	сунн.	
430	Менды (Менди-аулъ), с.	близъ рѣчки Хачарой-ахкъ.	9	56	55	чеч.	сунн.	
431	Менды-поде, с. . . .	близъ рѣчки Хачарой-ахкъ.	7	14	15	чеч.	сунн.	
432	Канкъ, с.	близъ рѣчки Хачарой-ахкъ.	13	23	25	чеч.	сунн.	
433	Химой, с.	при рѣчкѣ Шаро-Аргунъ.	64	150	158	чеч.	сунн.	Мечеть.
434	Цисн, с.	при ручьѣ Цой-ахкъ.	17	50	47	чеч.	сунн.	Мечеть.
435	Хакмадой, с. . . .	при рѣчкѣ Шаро-Аргунѣ.	79	217	220	чеч.	сунн.	Мечеть.
436	Хашелдой, с.	при рѣчкѣ Шахолдой Хахе-Чусовъ.	20	38	41	чеч.	сунн.	
437	Хулундой, с.	при сліяніи ручьевъ Хулундой и Хархабе-ахкъ.	56	139	142	чеч.	сунн.	Мечеть.
438	Сандухой (Сандукорой), с.	при сліяніи ручьевъ Доной-ахкъ и Шаро-Аргунъ.	39	104	102	чеч.	сунн.	Мечеть.
439	Кесалой, с.	при сліяніи руч. Хулундой и Шаро-Аргунъ.	37	104	106	чеч.	сунн.	
440	Шикорой, с.	при ручьѣ Шаро-ахкъ.	45	115	113	чеч.	сунн.	Мечеть.
441	Шарой, с.	при Шаро-Аргунѣ.	141	370	366	чеч.	сунн.	Мечеть.
442	Джаголдой (Чахолдой), с.	при ручьѣ Джаголдой.	44	105	106	чеч.	сунн.	Мечеть.

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей.		Народность жителей.	Вѣроисповѣданіе жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи, ярмарки, базары, пристани, фабрики, заводы и т. п.
				М. П.	Ж. П.			
443	Гухой, с.	при рѣчкѣ Чухиахкъ, лѣв. притокѣ Чанты-Аргуна.	34	63	66	чеч.	сунн.	Мечеть.
444	Чухой, с.	при рѣчкѣ Чухиахкъ.	21	49	47	чеч.	сунн.	Мечеть.
445	Узумат-кале, с. . . .	при рѣчкѣ Чухиахкъ.	27	60	61	чеч.	сунн.	
446	Джайне, с.	при рѣчкѣ Чухиахкъ.	12	34	36	чеч.	сунн.	Мечеть.
447	Ирзахой, с.	при рѣчкѣ Чухиахкъ.	1	4	3	чеч.	сунн.	
448	Котты, с.	при рѣчкѣ Чухиахкъ.	13	34	34	чеч.	сунн.	
449	Хурикой (Хирахой), с.	при рѣчкѣ Чухиахкъ.	14	34	36	чеч.	сунн.	
450	Бенгарой, с.	при рѣчкѣ Чухиахкъ.	4	13	13	чеч.	сунн.	Мечеть.
451	Каштарой, с.	при рѣчкѣ Чухиахкъ.	11	32	34	чеч.	сунн.	
452	Баурой, с.	при рѣчкѣ Чухиахкъ.	4	11	11	чеч.	сунн.	
453	Хахадой, с.	при рѣчкѣ Чухиахкъ.	3	7	9	чеч.	сунн.	
454	Хозар-кале, с. . . .	при рѣчкѣ Чухиахкъ.	5	9	11	чеч.	сунн.	
455	Медырхой (Мазирой), с.	при рѣчкѣ Чухиахкъ.	7	14	17	чеч.	сунн.	
456	Басхой 1-й, с. . . .	при рѣчкѣ Чухиахкъ.	13	37	34	чеч.	сунн.	
457	Пешхой, с.	на исток. рч. Урус-Мартанъ.	13	26	32	чеч.	сунн.	Мечеть.
458	Тусхарой, с.	близъ Чанты-Аргуна.	36	62	64	чеч.	сунн.	Мечеть.
459	Батурчи (Батыршхой), с.	близъ Чанты-Аргуна.	23	56	60	чеч.	сунн.	
460	Бачикъ, с.	при рѣч. Бачикахкъ.	19	48	49	чеч.	сунн.	Мечеть.
461	Цацхой, с.	при Чанты-Аргунѣ.	12	35	38	чеч.	сунн.	
462	Пажидой, с.	при Чанты-Аргунѣ.	11	38	37	чеч.	сунн.	
463	Амкале, с.	при Чанты-Аргунѣ.	23	50	51	чеч.	сунн.	

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей. М. П.	Число жителей. Ж. П.	Народность жителей.	Вѣроисповѣданія жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
464	Басхой 2-й, с. . . .	при ручьѣ Цигурахкъ.	24	64	61	чеч.	сунн.	
465	Занхой, с.	при ручьѣ Баіякъ.	23	59	59	чеч.	сунн.	Мечеть.
466	Чамга, с.	при рѣчкѣ Пероіахкъ.	7	23	24	чеч.	сунн.	
467	Паженирой, с. . . .	при рѣчкѣ Пероіахкъ.	6	18	18	чеч.	сунн.	
468	Хангихой, с. . . .	при рѣчкѣ Пираахкъ.	13	40	41	чеч.	сунн.	
469	Гарсатхой, с. . . .	при рѣчкѣ Пираахкъ.	7	11	11	чеч.	сунн.	
470	Пажихой, с.	при рѣчкѣ Пираахкъ.	10	19	21	чеч.	сунн.	
471	Керете (Керестхой), с.	при рѣчкѣ Пираахкъ.	10	30	32	чеч.	сунн.	
472	Сакенхой, с.	при рѣчкѣ Пероіахкъ.	12	32	31	чеч.	сунн.	
473	Дуршихой, с. . . .	при ручьѣ.	9	30	29	чеч.	сунн.	
474	Перой, с.	при рѣчкѣ Пероіахкъ.	22	52	50	чеч.	сунн.	Мечеть.
475	Цилой, с.	при рѣчкѣ Пероіахкъ.	4	11	12	чеч.	сунн.	
476	Лунгихой, с. . . .	при рѣчкѣ Пероіахкъ.	11	24	24	чеч.	сунн.	
477	Тюйли (Тіюлой), с. .	на истокахъ Тюильтой-ахкъ, подъ горою Тебулосмта (14781' в.у.м.)	4	16	15	чеч.	сунн.	
478	Моніара, с.	при ручьѣ Дзумсо-ахкъ.	12	32	33	чеч.	сунн.	
479	Энкале, с.	при ручьѣ Дзумсо-ахкъ.	6	15	15	чеч.	сунн.	
480	Махты-кале, с. . . .	при ручьѣ Дзумсо-ахкъ.	7	18	17	чеч.	сунн.	
481	Чата-кале, с. . . .	при ручьѣ Дзумсо-ахкъ.	4	11	10	чеч.	сунн.	
482	Исмаил-кале, с. . .	при ручьѣ Дзумсо-ахкъ.	7	20	22	чеч.	сунн.	Мечеть.
483	Алдам-кале, с. . . .	при ручьѣ Дзумсо-ахкъ.	7	18	17	чеч.	сунн.	Мечеть.
484	Хельдыха, с.	при ручьѣ Дзумсо-ахкъ.	15	50	45	чеч.	сунн.	

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей.		Народность жителей.	Вѣроисповѣданія жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи, ярмарки, базары, пристани, фабрики, заводы и т. п.
				М. П.	Ж. П.			
485	Кумурт-кале, с. . .	при ручьѣ Дзумсо-ахкъ.	24	56	57	чеч.	сунн.	
486	Гудерхой, с.	при ручьѣ Дзумсо-ахкъ.	7	14	15	чеч.	сунн.	
487	Кошты, с.	при ручьѣ Дзумсо-ахкъ.	12	34	33	чеч.	сунн.	
488	Хахедорой, с. . . .	при ручьѣ Дзумсо-ахкъ.	5	12	12	чеч.	сунн.	Мечеть.
489	Санкале, с.	при ручьѣ Дзумсо-ахкъ.	17	46	45	чеч.	сунн.	
490	Астхой (Эсты), с. . .	при ручьѣ Дзумсо-ахкъ.	11	17	16	чеч.	сунн.	Мечеть.
491	Дугури (Дукко), с. .	при ручьѣ Дзумсо-ахкъ.	6	13	14	чеч.	сунн.	
492	Хавхорой, с.	при ручьѣ Дзумсо-ахкъ.	4	7	6	чеч.	сунн.	
493	Цорен-кале, с. . . .	при ручьѣ Дзумсо-ахкъ.	5	8	8	чеч.	сунн.	
494	Тумур-кале, с. . . .	при ручьѣ Дзумсо-ахкъ.	7	21	21	чеч.	сунн.	
495	Басхой 3-й, с. . . .	при ручьѣ Дзумсо-ахкъ.	4	13	14	чеч.	сунн.	
496	Джан-кале, с. . . .	при ручьѣ Дзумсо-ахкъ.	7	17	16	чеч.	сунн.	
497	Бугурой, с.	при ручьѣ Дзумсо-ахкъ.	13	32	32	чеч.	сунн.	
498	Ден-кале, с.	при ручьѣ Дзумсо-ахкъ.	17	47	48	чеч.	сунн.	
499	Канчихой, с.	при ручьѣ.	10	23	22	чеч.	сунн.	
500	Сапрой (Серой) с. . .	при рѣчкѣ Аухахкъ.	18	44	44	чеч.	сунн.	Мечеть.
501	Дан-кале, с.	при Джумсой-(Дзумсо)-ахкъ.	23	40	41	чеч.	сунн.	Мечеть.
502	Цикарой, с.	при Джумсой-(Дзумсо)-ахкъ.	6	16	17	чеч.	сунн.	
503	Ушкалой, с.	при Чанты-Аргунѣ.	25	55	56	чеч.	сунн.	
504	Тумур-ахки, с. . . .	при ручьѣ.	3	6	7	чеч.	сунн.	
505	Атхой, с.	при Чанты-Аргунѣ.	5	11	12	чеч.	сунн.	
506	Іордаты (Хахедуккъ), с.	близъ Чанты-Аргуна.	4	17	17	чеч.	сунн.	

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей.		Народность жителей.	Вѣроисповѣданія жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
				М. П.	Ж. П.			
530	Тазбичу, с.	при рч. Чанты-ахкъ.	7	11	17	чеч.	сунн.	Мечеть.
531	Заки, с.	при рч. Чанты-ахкъ.	4	14	18	чеч.	сунн.	
532	Хаттаркой, с. . . .	при рч. Чанты-ахкъ.	3	8	8	чеч.	сунн.	
533	Марюшки, с.	при рч. Чанты-ахкъ.	6	16	16	чеч.	сунн.	
534	Дан-кале, с.	при рч. Чанты-ахкъ.	6	18	22	чеч.	сунн.	
535	Хази-кале, с. . . .	при рч. Чанты-ахкъ.	9	24	24	чеч.	сунн.	
536	Тыччаханы, с. . . .	при рч. Чанты-ахкъ.	6	16	16	чеч.	сунн.	
537	Шулухой, с.	при рч. Чанты-ахкъ.	5	16	17	чеч.	сунн.	
538	Итынкалишъ, с. . .	при рч. Чанты-ахкъ.	5	16	16	чеч.	сунн.	

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей. М. П.	Число жителей. Ж. П.	Народность жителей.	Вѣроисповѣданія жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
	I участокъ.							
539	Махкеты, с. к. . . .	на лѣв. берегу р. Басъ, близъ сліянія съ нею рч. Бирменъ.	236	539	512	ичк. *)	сунн.	Мечеть.
540	Заверганой, с. . . .	при р. Вашендара, притокѣ р. Шаро-Аргуна.	21	52	49	ичк.	сунн.	
541	Таувень, с.	на прав. берегу р. Басъ.	241	545	443	ичк.	сунн.	Мечеть.
542	Хатуни, с.	близъ р. Басъ.	182	334	242	ичк.	сунн.	Мечеть.
543	Агашты, с.	при р. Басъ, у подошвы горы Маих-Баса.	100	210	220	ичк.	сунн.	Мечеть.
544	Зивирхи, с.	при р. Элистанджи (Ал-), при впаденіи въ Хулхулау (называется Арджиахкъ).	35	80	78	ичк.	сунн.	Въ 8 верстахъ на сѣверъ, при той-же рѣчкѣ, развалины большого аула Элистанджи.
545	Хорочой, с.	при р. Хулхулау.	120	262	256	ичк.	сунн.	Мечеть.
546	Дышны-Веденъ, с. .	на прав. берегу р. Хулхулау.	208	416	423	ичк.	сунн.	Мечеть.
547	Ца-Веденъ, с. . . .	по обѣ стороны р. Хулхулау, въ 3 верстахъ выше деревни.	98	189	166	ичк.	сунн.	Мечеть.
548	Вени, хуторъ. . . .	на лѣв. берегу р. Хулхулау.	2	7	3	ичк.	сунн.	
549	Эрсеной, с.	слѣва (на З в.) отъ р. Гудермесъ, подъ горою Эрсеной-кортъ.	131	282	279	ичк.	сунн.	Мечеть.
550	Агашпатой (Ахишбаты), с.	слѣва отъ р. Гудермесъ, подъ горою Эрсеной-кортъ.	105	186	170	ичк.	сунн.	Мечеть.

*) Ичкеринцы—чеченскаго племени.

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей.		Народность жителей.	Вѣроисповѣданіе жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
				М. П.	Ж. П.			
551	Гуни, с.	слѣва отъ р. Гудермесъ.	132	255	241	ччк.	сунн.	Мечеть.
552	Ачарышки, с. . . .	слѣва отъ р. Гудермесъ.	106	223	211	ччк.	сунн.	Мечеть.
553	Эйты-кале, с. *) . .	при р. Гудермесъ.	—	—	—	ччк.	сунн.	
554	Курембій (Курин-бере), с.	на лѣв. берегу р. Гудермесъ.	81	188	178	ччк.	сунн.	Мечеть.
555	Эни-кале, с. *) . . .	на прав. берегу р. Гудермесъ.	—	—	—	ччк.	сунн.	
556	Алхой-мохкъ (Ялхуи-), с.	на прав. берегу р. Гудермесъ.	86	166	163	ччк.	сунн.	Мечеть.
557	Ахкин-баразъ, с. *) .	на прав. берегу р. Гудермесъ.	—	—	—	ччк.	сунн.	
558	Гезенчу (Гиз—), с. .	справа отъ р. Гудермесъ.	58	124	144	ччк.	сунн.	Мечеть.
559	Шерды-мохкъ, с. *) .	справа отъ р. Гудермесъ.	—	—	—	ччк.	сунн.	
560	Хашки-мохкъ, с. . .	на хребтѣ между рр. Гудермесъ и Аксай.	127	455	423	ччк.	сунн.	Мечеть.
561	Гордали, Большіе и Малые, с.	на хребтѣ по лѣвую сторону р. Аксай.	210	477	438	ччк.	сунн.	Мечеть.
562	Бурчали, Верхніе, Средніе и Нижніе, с. . . .	на хребтѣ по правую сторону р. Гудермесъ.	147	312	332	ччк.	сунн.	Мечеть.
563	Цонтари, с.	на хребтѣ по лѣвую сторону р. Аксай.	190	444	440	ччк.	сунн.	Мечеть.
564	Тезень-кале, с. . . .	на хребтѣ по правую сторону р. Гудермесъ.	181	351	392	ччк.	сунн.	Мечеть.
565	Ножи, с. *).	на хребтѣ по правую сторону р. Гудермесъ.	—	—	—	ччк.	сунн.	
566	Юкарычъ-Гунь с. *). .	на хребтѣ по правую сторону р. Гудермесъ.	—	—	—	ччк.	сунн.	
567	Белгатой, с.	на хребтѣ по лѣвую сторону р. Аксай.	134	292	302	ччк.	сунн.	Мечеть.
568	Дарго, с.	на правой сторонѣ р. Аксай.	152	365	333	ччк.	сунн.	Мечеть.

*) Въ селен. Эйты-кале, Эни-кале, Ахкин-баразъ, Шерды-мохкъ, Ножи и Юкарычъ-Гунь населеніе показано въ числѣ предъидущихъ №№.

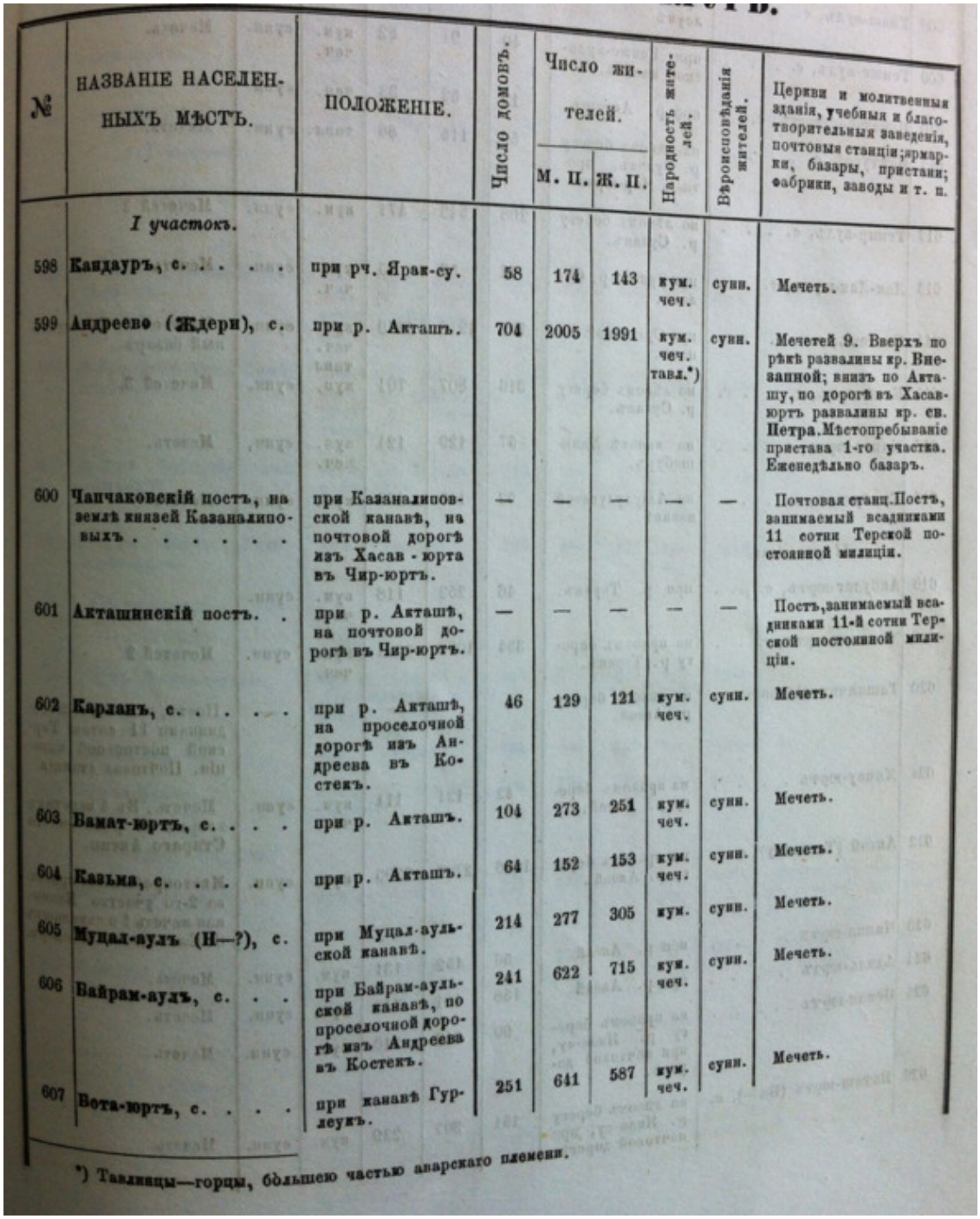
№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей. М. П.	Число жителей. Ж. П.	Народность жителей.	Вѣроисповѣданіе жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи, ярмарки, базары, пристани, фабрики, заводы и т. п.
569	Иса-юртъ, с.	на лѣвомъ берегу р. Аксай.	70	158	139	ичк.	сунн.	
570	Шуани, Большіе и Малые, с.	по лѣвую сторону р. Аксай.	51	103	109	ичк.	сунн.	Мечеть.
571	Турту, хуторъ *). . .	близъ р. Аксай.	—	—	—	ичк.	сунн.	Мечеть.
572	Аллерой, с.	на лѣвомъ берегу р. Аксай.	100	237	206	ичк.	сунн.	Мечеть.
573	Давлет-бій, хуторъ *).	на лѣвомъ берегу р. Аксай.	—	—	—	ичк.	сунн.	
574	Шамхал-берды, отс. *)	на лѣвомъ берегу р. Аксай.	—	—	—	ичк.	сунн.	
575	Сагуиты (Сук—), с. .	на лѣвомъ берегу р. Аксай.	165	306	299	ичк.	сунн.	
576	Мескеты *) отс. . .	на лѣвомъ берегу р. Аксай.	—	—	—	ичк.	сунн.	Мечеть.
577	Замай, хуторъ. . . .	на прав. сторонѣ р. Аксай.	27	47	56	ичк.	сунн.	
	II участокъ.							
578	Беной, с.	на р. Аксай, у подошвы горы Тергень-дукъ.	278	670	604	Беноев. **) фамил.	сунн. сунн.	Нефтяные источники.
579	Энгеной, с.	на р. Аксай, на горѣ Энгеной-кортъ.	68	167	172	Энген. фам. **)	сунн.	Отъ этого аула отдѣлены 4 хутора, которые находятся въ разстояніи пяти верстъ.
580	Саясанъ (Сесен-юртъ), с.	на р. Аксай.	56	118	114	—	сунн.	
581	Бехтимохкъ, с. . . .	на р. Аксай.	44	95	100	Ишхоев. **)	сунн.	
582	Галешки (Голай-отаръ), с.	на р. Аксай.	46	121	109	фамил.	сунн.	
583	Бильт-аулъ, с. . .	на р. Аксай.	85	193	171	Биль. тинс. **)	сунн.	
584	Баласу, с.	при р. Яман-су.	48	114	125	фамил.	сунн.	
585	Ножай-юртъ, с. . .	при р. Яман-су.	89	266	209	Биль-тинс. **)	сунн.	
586	Айтимохкъ, с. . . .	при рч. Яман-су, на возвышенности.	53	136	128	фамил.	сунн.	

Ж.Ж. *) Въ селен. Турту, Давлет-бій, Шамхал-берды и Мескеты населеніе показано въ числѣ предъидущихъ.

**) Беноевская, Энгеноевская, Ишхоевская и Бильтинская фамиліи—чеченскаго племени.

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей. М. П.	Число жителей. Ж. П.	Народность жителей.	Вѣроисповѣданіе жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
587	Саурго, с.	надъ рч. Яман-су, на хребтѣ Саурго.	10	27	27	Аллед. фам. *)	сунн.	Мечеть.
588	Бильты (Билитли), с.	по хребту Какори-дукъ.	66	172	161	Бильтин. *) фамил.	сунн.	Мечеть.
589	Рогум-кажи, с. . . .	по хребту Какоръ-Дукъ.	71	185	172	фамил.	сунн.	Мечеть.
590	Датыхъ (Даттахы), с.	въ верховьяхъ р. Яман-су.	55	127	126	Энгеноев.*) фамил.	сунн.	Мечеть.
591	Зандакара, с. . . .	по хребту безъ названія, лежащему по лѣв. сторону рч. Яман-су.	75	171	175	Зандак. *)	сунн.	Мечеть.
592	Гендригенъ, с. . . .		41	105	92	фамил.	сунн.	Мечеть.
593	Чечелюхъ, с. . . .	подъ горою Хаим-кортъ.	46	125	98	Энгеноев.*) фамил.	сунн.	Мечеть.
594	Зандакъ, с.	близъ р. Ярак-су.	256	717	664	Зандак. *) фамил.	сунн.	Мечеть.
595	Гилени, с.	при р. Ярак-су.	126	323	294		сунн.	Мечеть.
596	Самеиръ, хуторъ. . .	по правую сторону р. Ярак-су, въ верховьяхъ оной.	31	—	—	Зандак. *) фамил.	сунн.	
597	Замай-отаръ, хуторъ .	на склонѣ горы безъ названія, по правую сторону р. Аксай.	27	47	56	Бильтин. *) фамил.	сунн.	Мечеть.

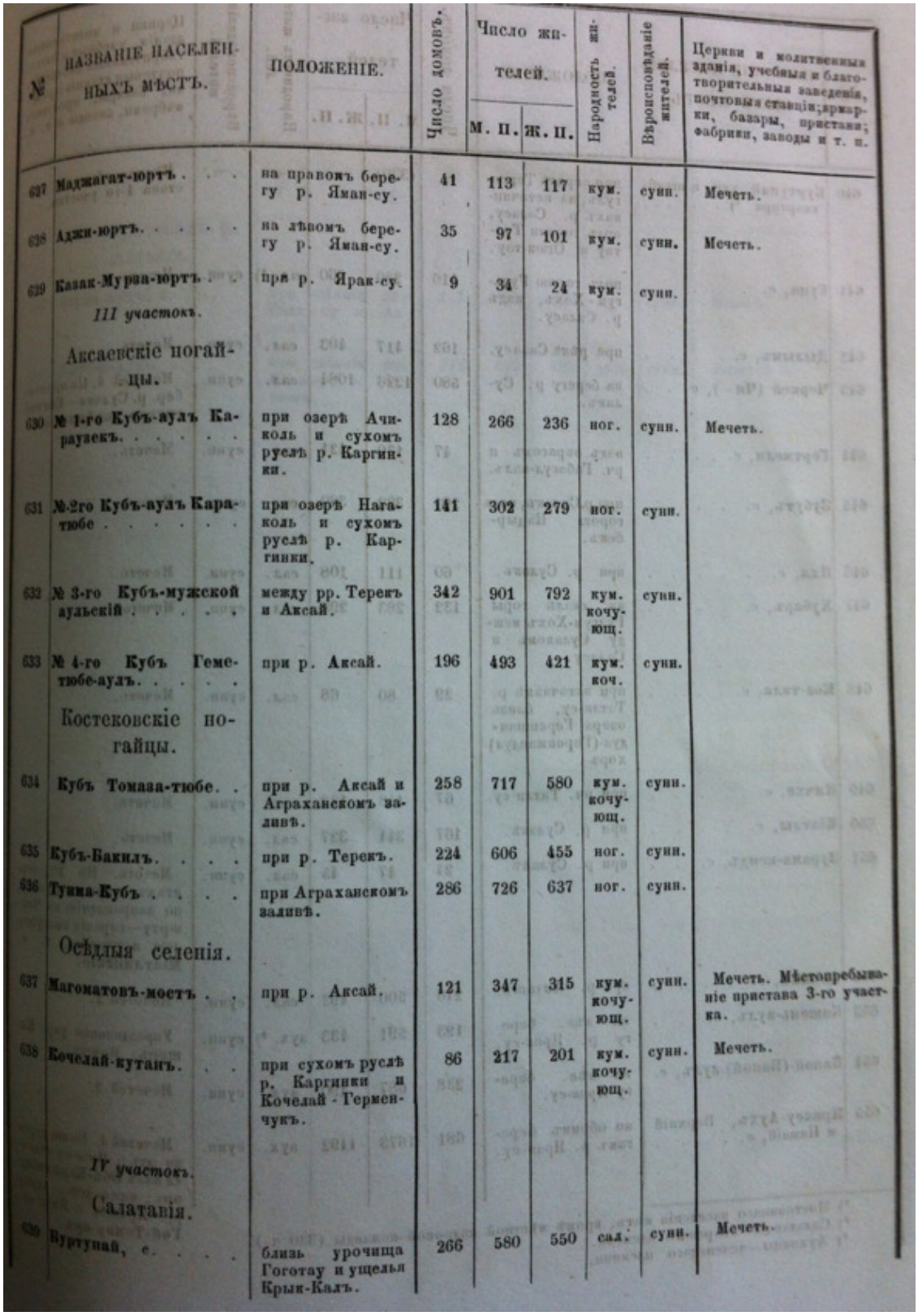
*) Беноевская, Энгеноевская, Ишхоевская, Бильтинская, Алледаевская и Зандаковская фамиліи—чеченскаго племени.

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей. М. П.	Число жителей. Ж. П.	Народность жителей.	Вѣроисповѣданія жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
	I участокъ.							
598	Кандауръ, с.	при рч. Яракъ-су.	58	174	143	кум. чеч.	сунн.	Мечеть.
599	Андреево (Ждери), с.	при р. Акташъ.	704	2005	1991	кум. чеч. тавл.*)	сунн.	Мечетей 9. Вверхъ по рѣкѣ развалины кр. Внезапной; внизъ по Акташу, по дорогѣ въ Хасавюртъ развалины кр. св. Петра. Мѣстопребываніе пристава 1-го участка. Еженедѣльно базаръ.
600	Чапчаковскій постъ, на землѣ князей Казаналиповыхъ	при Казаналиповской канавѣ, на почтовой дорогѣ изъ Хасав-юрта въ Чир-юртъ.	—	—	—	—	—	Почтовая станц. Постъ, занимаемый всадниками 11 сотни Терской постоянной милиціи.
601	Акташинскій постъ. .	при р. Акташѣ, на почтовой дорогѣ въ Чир-юртъ.	—	—	—	—	—	Постъ, занимаемый всадниками 11-й сотни Терской постоянной милиціи.
602	Карланъ, с.	при р. Акташѣ, на проселочной дорогѣ изъ Андреева въ Костекъ.	46	129	121	кум. чеч.	сунн.	Мечеть.
603	Бамат-юртъ, с. . . .	при р. Акташъ.	104	273	251	кум. чеч.	сунн.	Мечеть.
604	Казьма, с.	при р. Акташъ.	64	152	153	кум. чеч.	сунн.	Мечеть.
605	Муцал-аулъ (Н—?), с.	при Муцал-аульской канавѣ.	214	277	305	кум.	сунн.	Мечеть.
606	Байрам-аулъ, с. . .	при Байрам-аульской канавѣ, по проселочной дорогѣ изъ Андреева въ Костекъ.	241	622	715	кум. чеч.	сунн.	Мечеть.
607	Вота-юртъ, с. . . .	при канавѣ Гурлеукъ.	251	641	587	кум. чеч.	сунн.	Мечеть.

*) Тавлинцы—горцы, большею частью аварскаго племени.

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей.		Народность жителей.	Вѣроисповѣданіе жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
				М. П.	Ж. П.			
608	Умаш-аулъ, с. . . .	при канавѣ Гурлеукъ.	69	204	189	кум. чеч.	сунн.	Мечеть
609	Генже-аулъ, с. . . .	при Генже-ауль-ской канавѣ.	40	91	82	кум. чеч.	сунн.	Мечеть.
610	Бамат-бек-юртъ, с. . .	при р. Акташъ.	19	52	33	чеч.	сунн.	
611	Бавтугай, с.	на лѣвомъ берегу р. Сулакъ, противъ Чир-юрта.	50	115	88	тавл.	сунн.	Мечеть.
612	Темир-аулъ, с. . . .	на лѣвомъ берегу р. Сулакъ.	208	543	471	кум.	сунн.	Мечетей 2.
613	Лак-Лак-юртъ, с. . .	при рукавѣ р. Сулакъ.	24	57	55	кум. чеч.	сунн.	Мечеть.
614	Костекъ, с.	при Сулакской канавѣ.	729	1916	1679	кум. чеч. тавл.	сунн.	Мечетей 6. Еженедѣльный базаръ.
615	Казй-юртъ, с. . . .	на лѣвомъ берегу р. Сулакъ.	316	807	701	кум.	сунн.	Мечетей 3.
616	Хамза-юртъ, с. . . .	на канавѣ Ханшабуръ.	57	129	124	кум. чеч.	сунн.	Мечеть.
617	Камбулатъ, с. . . .	на Алдулулукской канавѣ.	52	110	103	кум.	сунн.	Мечеть.
	II участокъ.							
618	Акбулаг-юртъ, с. . .	при р. Терекъ.	46	252	118	кум. чеч.	сунн.	
619	Хамамат-юртъ, с. . .	на правомъ берегу р. Терекъ.	354	1079	1001	кум. чеч.	сунн.	Мечетей 2.
620	Ташкичинскій постъ. .	на лѣвомъ берегу р. Аксай.	—	—	—	—	—	Постъ, занимаемый всадниками 11 сотни Терской постоянной милиціи. Почтовая станція.
621	Хамау-юртъ	на правомъ берегу р. Аксай.	42	121	114	кум. чеч.	сунн.	Мечеть. Въ 4 верстахъ вверхъ по рѣкѣ—мѣсто **Стараго Аксая**.
622	Аксай (Ташкичу), с. .	на правомъ берегу р. Аксай.	1076	2707	2305	кум.	сунн.	Мѣстопребываніе пристава 2-го участка. Каменная мечеть 1 и саманныхъ 8. Еженедѣльный базаръ.
623	Чанка-юртъ	при р. Аксай.	56	152	131	кум.	сунн.	Мечеть.
624	Адиль-юртъ	при р. Аксай.	158	401	317	кум.	сунн.	Мечеть.
625	Осман-юртъ	на правомъ берегу р. Яман-су, при почтовой дорогѣ.	90	213	210	кум.	сунн.	Мечеть.
626	Боташ-юртъ (Ба—), с.	на лѣвомъ берегу р. Яман-су, при почтовой дорогѣ.	151	307	229	кум.	сунн.	Мечеть.

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей. М. П.	Число жителей. Ж. П.	Народность жителей.	Вѣроисповѣданіе жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
627	Маджагат-юртъ . . .	на правомъ берегу р. Яман-су.	41	113	117	кум.	сунн.	Мечеть.
628	Аджи-юртъ	на лѣвомъ берегу р. Яман-су.	35	97	101	кум.	сунн.	Мечеть.
629	Казак-Мурза-юртъ . .	при р. Ярак-су.	9	34	24	кум.	сунн.	
	III участокъ.							
	Аксаевскіе ногайцы.							
630	№ 1-го Кубъ-аулъ Карауекъ	при озерѣ Ачи-коль и сухомъ руслѣ р. Каргиники.	128	266	236	ног.	сунн.	Мечеть.
631	№ 2-го Кубъ-аулъ Каратюбе	при озерѣ Нагаколь и сухомъ руслѣ р. Каргиники.	141	302	279	ног.	сунн.	
632	№ 3-го Кубъ-мужской аульскій	между рр. Терекъ и Аксай.	342	901	792	кум. кочующ.	сунн.	
633	№ 4-го Кубъ Гемете-тюбе-аулъ	при р. Аксай.	196	493	421	кум. коч.	сунн.	
	Костековскіе ногайцы.							
634	Кубъ Томаза-тюбе . .	при р. Аксай и Астраханскомъ заливѣ.	258	717	580	кум. кочующ.	сунн.	
635	Кубъ-Бакилъ	при р. Терекъ.	224	606	455	ног.	сунн.	
636	Тунна-Кубъ	при Астраханскомъ заливѣ.	286	726	637	ног.	сунн.	
	Осѣдлыя селенія.							
637	Магоматовъ-мостъ . .	при р. Аксай.	121	347	315	кум. кочующ.	сунн.	Мечеть. Мѣстопребываніе пристава 3-го участка.
638	Кочелай-кутанъ . . .	при сухомъ руслѣ р. Каргиники и Кочелай-Гермен-чукъ.	86	217	201	кум. кочующ.	сунн.	Мечеть.
	IV участокъ.							
	Салатавія.							
639	Куртунай, с.	близъ урочища Гоготау и ущелья Крык-Калъ.	266	580	550	сал.	сунн.	Мечеть.

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей.		Народность жителей.	Вѣроисповѣданіе жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
				М. П.	Ж. П.			
640	**Буртунай**, укр. и штаб-квартира [1]	при оврагѣ Теренгулъ, на источникахъ р. Салгасу, подъ горами Тузтау и Огюз-тау.	—	(330)	—	—	—	Мѣстопребываніе пристава 4-го участка.
641	**Гуни**, с.	подъ горою Гульгум-Хохъ, надъ р. Салгасу.	116	280	260	сал. [2]	сунн.	Мечеть.
642	**Дылымъ**, с.	при рѣкѣ Салгасу.	162	417	403	сал.	сунн.	Мечеть.
643	**Черкей (Чи—)**, с . .	на берегу р. Сулакъ.	580	1226	1084	сал.	сунн.	Мечетей 4. На правомъ бер. р. Сулакъ—**Евгеніевское укрѣпленіе.**
644	**Гертмели**, с.	надъ оврагомъ и рч. Габагул-калъ.	47	130	121	сал.	сунн.	Мечеть.
645	**Зубутъ**, с.	при р. Сулакъ, подъ горою Надырбекъ.	200	382	380	сал.	сунн.	Мечеть.
646	**Иха**, с.	при р. Сулакъ.	60	111	108	сал.	сунн.	Мечеть.
647	**Хубаръ**, с.	на скалѣ горы Гулгум-Хохъ между Сулакомъ и Салгасу.	132	283	298	сал.	сунн.	Мечеть.
648	**Коз-тала**, с.	при источникѣ р. Татли-су, близъ озера Гереншандул-(Горенжандул) хоръ.	29	80	68	сал.	сунн.	Мечеть.
649	**Инчхе**, с.	при рч. Татли-су.	67	148	122	сал.	сунн.	Мечеть.
650	**Міатлы**, с.	при р. Сулакѣ.	167	344	327	сал.	сунн.	Мечеть.
651	**Зурама-кендъ**, с. . .	при р. Сулакѣ.	24	47	45	сал.	сунн.	Мечеть. Въ $2^1/_2$ верстахъ внизъ по Сулаку, по направленію къ Чиркюрту—горячіе минеральные источники, т. н. **Міатлинскіе.**
652	**Алмакъ**, с.	при р. Акташѣ.	216	500	492	сал.	сунн.	Мечетей 2.
653	**Кишень-аулъ**, с. . .	на лѣв. берегу р. Ярак-су.	193	591	433	аух. [3]	сунн.	Упраздненное укр. **Кишень.** Мечеть.
654	**Баной-(Баной)-аулъ**, с.	на лѣв. берегу Ярак-су.	238	687	490	аух.	сунн.	Мечетей 2.
655	**Яракеу-Аухъ**, Верхній и Нижній, с.	по обоимъ берегамъ р. Ярак-су.	681	1673	1492	аух.	сунн.	Мечетей 4. Выше деревни отъ р. Яман-су тянется валъ **Оба-Карадебир-оръ**; ниже дер., между рр. Ярак-су и Яман-су, **Гой-Темир-оръ.**

[1]) Постояннаго населенія нѣтъ, кромѣ мѣстной кадровой команды (330 ч.).
[2]) Салатавцы—аварскаго племени.
[3]) Ауховцы—чеченскаго племени.

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей. М. П.	Число жителей. Ж. П.	Народность жителей.	Вѣроисповѣданіе жителей.	Церкви и молитвенныя зданія; учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
659	**Червленная (Червленская)**, каз. ст. . . .	близъ Терека, на почтовой дорогѣ.	734	2069	2170	рус.	старообр.,	Почтовая станція.
660	**Щедринская**, каз. ст.	на берегу р. Терекъ.	380	1078	1070	рус.	прав., старообр. сунн.	Православная церковь. На почтовой дорогѣ въ Шелкозаводскую станицу — развалины **Некрасовской крѣпости**.
661	**Щедринской**, ст. хуторъ (въ числѣ станичныхъ жителей) . .	при озерѣ Поповомъ, на почтовой дорогѣ въ Астрахань и Дагестанъ.	—	—	—	—	—	Почтовая станція.
662	**Парубочь (Парбочева)**, с. врем. обяз. кр. .	при Терекѣ и почтовой дорогѣ.	12	29	36	рус.	прав.	
663	**Шелкозаводское**, сел. врем. обяз. кр. . . .	при Терекѣ и почтовой дорогѣ.	46	117	92	рус.	прав.	
664	**Шелкозаводская (Шелковская)**, каз. ст. .	при Терекѣ, гдѣ раздѣляется почтовая дорога въ Дагестанъ и Астрахань.	120	309	285	рус. груз.	прав.	Православная церковь. Почтовая станція.
665	**Шелковская**, слобода отставныхъ солдатъ . .	при Терекѣ.	19	22	24	рус.	прав.	
666	**Новогладковская**, каз. ст.	на Терекѣ.	230	830	745	рус.	прав., старовѣры, сунн.	Православная церковь.
667	**Новогладковской**, стан. хут. (въ числѣ станичныхъ жителей) . . .	на почтовой дорогѣ въ Астрахань.	—	—	—	—	—	
668	**Старогладковская**, каз. ст.	при Терекѣ и почтовой дорогѣ.	230	704	696	рус.	прав., старообр.	Православная церковь.
669	**Щербаковская**, почт. станц.	на почтовой дорогѣ.	—	—	—	—	—	
670	**Курдюковская**, каз. ст.	при почтовой дорогѣ, близъ Терека.	171	411	439	рус.	прав., старообр.	

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей. М. П.	Число жителей. Ж. П.	Народность жителей.	Вѣроисповѣданіе жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
671	**Каргалинская**, каз. ст.	при Терекѣ и почтовой дорогѣ.	278	731	744	рус.	прав., старообр.	Православная церковь.
672	**Дубовская**, каз. ст. .	при Терекѣ.	237	611	643	рус.	прав.	Православная церковь.
673	**Дубовской**, ст. хуторъ.	на почтовой дорогѣ въ Кизляръ.	—	—	—	—	—	Почтовая станція.
674	**Бороздинская**, каз. ст.	при рѣкѣ Прорвѣ, на почтовой дорогѣ.	153	424	428	рус.	прав.	Православная церковь.
675	**Александро-невская (Сасаплинская)**, каз. ст.	близъ р. Прорвы и Астраханской почтовой дороги.	84	241	234	рус. груз.	прав.	Православная церковь.
676	**Чунгульская (Аджихановская)**, почт. ст. .	близъ Чунгульскаго озера и Прорвы, на Астраханскомъ почтовомъ трактѣ.	—	—	—	—	—	
677	**Тарумовка**, с. врем. обяз. кр.	при р. Средней.	101	377	369	рус.	прав.	Православная церковь.
678	**Раздолье**, с. госуд. кр.	при р. Средней.	62	209	240	рус.	прав.	Православная церковь.
679	**Черный рынокъ**, с. госуд. кр.	при р. Прорвѣ, близъ Каспійскаго моря.	168	391	442	рус.	прав.	Православная церковь. Казенный рыболовный откупъ.
680	**Бирюзякъ**, с. гос. кр.	на берегу Каспійскаго моря, смежно съ пристанью Серебряковскою.	13	58	64	рус.	прав.	
681	**Серебряковская пристань** (постоянно живущихъ нѣтъ). . . .	при Каспійскомъ морѣ.	—	—	—	—	—	Карантинно-таможенный постъ.
682	**Янги-юртъ**, с. . . .	при каналѣ Атай-Батханъ, на землѣ князей Бековичей Черкасскихъ.	35	96	88	кум.	сунн.	
683	**Казанка, (Качкачева)** хут. вл. (пост. жив. нѣтъ).	при р. Таловкѣ.	—	—	—	—	—	
684	**Коктюбей**, сел. гос. кр.	близъ Каспійскаго моря.	38	111	97	рус.	прав.	
685	**Брянское**, с.	на берегу Каспійскаго моря.	70	186	211	рус.	прав.	Православная церковь. Пристань.
686	**Арешевка Малая**, с. врем. обяз. кр. . .	при каналѣ Атай-Батханъ.	44	94	91	рус.	прав.	
687	**Аглицевка (Макаровка)**, хут. влад. (Аглицевыхъ)	при каналѣ Атай-Батханъ.	22	56	53	рус.	прав.	

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей.		Народность жителей.	Вѣроисповѣданіе жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
				М. П.	Ж. П.			
688	**Арешевка Большая (Березекъ)**, сел. врем. обяз. кр.	при каналѣ Атай-Батханъ.	40	102	119	рус.	прав.	
689	**Шандруковская** пристань (постоянно живущихъ нѣтъ) . . .	при Каспійскомъ морѣ.	—	—	—	—	—	Карантинно - таможенный постъ.
690	**Серебряковка**, с. врем. обяз. кр.	при каналѣ Куру-Терекъ.	16	48	35	рус.	прав.	
691	**Цвѣтовка**, хуторъ кр. собств.	при каналѣ Куру-Терекъ.	6	14	11	рус.	прав.	
692	**Александрійская (Капайская)**, каз. ст. .	при р. Терекѣ.	222	680	611	рус.	прав.	Православная церковь.
693	**Мамаджановыхъ**, хут. влад. (постоянно живущихъ нѣтъ). . . .	близъ ст. Александрійской.	—	—	—	—	—	
694	**Бектемировскій** рыбн. промыселъ, на землѣ Волоцкаго (постоянно живущихъ нѣтъ). . .	на западномъ берегу Каспійскаго моря.	—	—	—	—	—	
695	**Украинскій** рыбн. промыселъ, на землѣ ст. Александрійской (постоянно живущ. нѣтъ).	на западномъ берегу Каспійскаго моря.	—	—	—	—	—	
696	**Чечень**, островъ, принадлежитъ Терскому казачьему войску (постоянно живущихъ нѣтъ).	въ Каспійскомъ морѣ.	—	—	—	—	—	Маякъ съ башнею.

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей. М. П.	Число жителей. Ж. П.	Народность жителей.	Вѣроисповѣданіе жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
	I Надтеречный участокъ.							
697	**Стодеревская**, каз. ст.	на лѣв. берегу р. Терека, на почтовомъ трактѣ, изъ Ставр. въ Грозный и Дагестанъ.	176	627	664	рус.	прав.	Православная церковь.
698	**Нагай-мирза-юртъ**, с.	на прав. берегу р. Терека.	133	372	375	чеч.	сунн.	Мечеть.
699	**Галюгаевская**, каз. ст.	на лѣв. берегу р. Терека, на почтовомъ трактѣ, идущемъ въ Грозный и Дагестанъ.	340	1173	1033	каз.	прав.	Церковь. Почтовая станція. Станичное училище.
700	**Алхасова**, хут. чеченск. кнзз. Алхасовыхъ. .	на прав. берегу р. Терека.	7	11	8	чеч.	сунн.	
701	**Бено-юртъ**, с. . . .	на прав. берегу р. Терека.	211	503	471	чеч.	сунн.	Мечеть.
702	**Чулик-юртъ**, (**Мундар-юртъ**), с. на землѣ князя Эльдарова . .	на прав. берегу р. Терека.	179	463	397	чеч.	сунн.	Мечетей 2.
703	**Ищерская**, каз. ст. .	на лѣв. берегу р. Терека, на Дагестанскомъ трактѣ.	357	1220	1236	рус.	прав.	Церковь. Почтовая станція. Станичное училище.
704	**Науръ Верхній**, с. . .	на прав. берегу р. Терека.	208	445	412	чеч.	сунн.	Мечеть.
705	**Науръ Нижній** (**Ново-Мусинъ**), с.	на прав. берегу р. Терека.	265	653	594	чеч.	сунн.	Мечеть.
706	**Наурская**, каз. ст. . .	на лѣв. берегу р. Терека, на Дагестанскомъ трактѣ.	496	2025	1883	рус.	прав.	Церковь. Почтовая станція. Ярмарка 14 сентября. Винокуренный заводъ. Станичное училище съ ремесленнымъ отдѣленіемъ и войсковая больница.
707	**Мекенская**, каз. ст. .	на лѣв. берегу Терека, на Дагестанскомъ трактѣ.	320	1068	1057	рус.	прав., старообр.	Церковь; молитвенный старообрядческій домъ. Станичное училище.

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей.		Народность жителей.	Вѣроисповѣданіе жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
				М. П.	Ж. П.			
708	**Савельевскій**, каз. поселокъ	на лѣв. берегу Терека, на Дагестанскомъ трактѣ.	44	103	102	рус.	старообр.	Молитвенный старообрядческій домъ.
709	**Калиновская**, каз. ст. .	на лѣв. берегу Терека, на Дагестанскомъ трактѣ.	576	2236	2283	рус.	прав., старообр.	Церковь и старообрядческій молитвен. домъ. Почтовая станція.
710	**Зибир-юртъ** (**Ачкишкихъ**), с.	при рч. Ачкишки, у подошвы возвышенности Ачкишкъ (Хаищь-Бупешкъ) 1663' в. у. м.	151	375	391	чеч.	сунн.	Мечетей 2.
711	**Кенъ-юртъ** (**Кени—**), с.	на прав. берегу Терека, при впаденіи въ него рч. Ачкишки.	170	445	392	чеч.	сунн.	Мечетей 2.
712	**Шеды-юртъ**, хут. влад. (населенъ чеченцами, числящимися по спискамъ въ с. **Старый-юртъ**).	на прав. берегу Терека.	84	211	201	чеч.	сунн.	Мечеть.
713	**Аду-юртъ**, влад. хут. (населенъ такимъ-же образ. какъ предъидущій).	на прав. берегу Терека.	60	165	157	чеч.	сунн.	Мечеть.
714	**Николаевская**, каз. ст.	на лѣв. берегу Терека, на трактѣ, идущемъ въ Грозный и Дагестанъ.	189	658	667	рус.	прав.	Церковь. Почтовая станція. Двѣ ярмарки: 10 апрѣля и 26 августа. Станичная школа. Мостъ черезъ р. Терекъ.
715	**Горячеводскій**, поселокъ каз.	на минеральныхъ ключахъ.	81	191	181	рус.	прав.	Церковь. Горячіе минеральные источники. Госпитальное отдѣленіе въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ.
716	**Старый-юртъ**, с. . .	на ручьѣ, идущемъ изъ минеральныхъ ключей Горячеводскихъ.	518	1352	1235	чеч.	сунн.	Мечетей 8. Ставка пристава. По пятницамъ базаръ. Сельская школа.
717	**Новый-юртъ**, с. . .	на прав. берегу Терека.	197	505	461	чеч.	сунн.	Мечетей 2.
718	**Брагуны**, с.	на Сунжѣ, близъ впаденія ея въ Терекъ.	468	1359	1227	чеч.	сунн.	Мечетей 6. Сельская школа. Довольно значительная по количеству выдѣлка вина. Вблизи добываніе нефти и горячій минеральный источникъ.
719	**Али-юртъ**, с.	на прав. берегу Терека.	242	547	499	чеч.	сунн.	Мечетей 2.
720	**Эман-судой**, чеченскій поселокъ.	на прав. берегу Терека.	44	105	119	чеч.	сунн.	Мечеть.

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей. М. П.	Число жителей. Ж. П.	Народность жителей.	Вѣроисповѣданіе жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
	II Урус-Мартановскій участокъ.							
721	**Урус-Мартанъ**, с. . .	при слiяніи рѣкъ Тенгеликъ и Мартанъ, на проселочной дорогѣ изъ Аргунск. ущелья въ станицы: Ассинскую, Слѣпцовскую и Михайловскую.	1245	3506	3404	чеч.	сунн.	Мечетей 9. Ставка пристава 2-го участка. Сельская школа. Базаръ по средамъ.
722	**Гехи**, с.	при р. Гехи, притокѣ Мартанъ.	553	1494	1418	чеч.	сунн.	Мечетей 5.
723	**Гойты (Геленгойтъ)**, с.	на р. Гойтѣ, притокѣ Сунжи.	516	1347	1272	чеч.	сунн.	Мечетей 4.
724	**Алды (Ново-Алдинское)**, с.	при слiяніи Гойты съ Сунжею.	405	1020	986	чеч.	сунн.	Мечетей 4.
725	**Атаги Старыя (Атага Большая)**, с. . . .	на лѣв. берегу Аргуна.	412	1064	1040	чеч.	сунн.	Мечетей 4.
726	**Грозненская**, каз. ст. .	на прав. берегу Сунжи, смежно съ гор. Грознымъ.	246	646	639	рус.	прав.	
727	**Воздвиженская слобода**	на лѣв. берегу Аргуна.	103	211	176	рус.	прав.	Штаб-квартира Навагинскаго пѣхотнаго полка. Полковая церковь. Базаръ.
	III Качкалыковскій участокъ.							
728	**Бачи-юртъ (Бачин-юртъ)**, с.	при р. Гонсолъ.	375	830	817	чеч.	сунн.	Мечетей 4.
729	**Аллерой**, с.	на р. Мичикѣ.	216	494	504	чеч.	сунн.	Мечетей 2.
730	**Цанторой (Це—)**, с. .	на р. Мичикѣ.	144	337	329	чеч.	сунн.	Мечеть.
731	**Ишхо-юртъ**, с. . . .	при р. Аксаѣ.	131	306	287	чеч.	сунн.	Мечетей 2.
732	**Гервель-аулъ**, с. . .	на р. Аксаѣ, на дорогѣ изъ Грознаго въ слободу Хасав-юртъ.	112	280	284	чеч.	сунн.	Мечеть. Упраздненное укрѣпленіе того-же имени.
733	**Хошгельды (К—)**, с. .	на канавѣ, на дорогѣ, идущей изъ Грознаго въ Хасав-юртъ.	198	499	483	чеч.	сунн.	Мечетей 2.
734	**Найберды**, с.	при канавѣ, на дорогѣ, идущей изъ Грознаго въ Хасав-юртъ.	157	386	341	чеч.	сунн.	Мечеть.
735	**Ойсунгуръ**, с.	при канавѣ, на дорогѣ, идущей изъ Грознаго въ Хасав-юртъ.	158	371	392	чеч.	сунн.	Мечеть. Въ 3 верстахъ на зап. бывшее укр. **Куринское**, а въ 6 на югъ бывшее укр. **Хоби-Шавдонъ**.

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей.		Народность жителей.	Вѣроисповѣданіе жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; кумирни, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
				М. П.	Ж. П.			
736	**Истису**, с.	на горячихъ источникахъ, на дорогѣ, идущей изъ Грознаго въ Хасав-юртъ.	375	918	915	чеч.	сунн.	Мечетей 4. Станка пристава 3-го участка. Базаръ.
737	**Кадй-юртъ**, с. . . .	на канавѣ.	190	427	414	чеч.	сунн.	Мечетей 2.
738	**Энгель-юртъ**, с. . . .	на канавѣ.	286	664	620	чеч.	сунн.	Мечетей 4.
739	**Гудермесъ**, с. . . .	на р. Бѣлой.	320	818	794	чеч.	сунн.	Мечетей 4.
740	**Умахан-юртовская**, каз. ст.	при слiяніи р. Бѣлой съ Сунжею.	235	753	706	рус.	прав., старообр.	Православная церковь, станичное училище.
741	**Бата-юртъ**, с. на влад. землѣ.	на прав. берегу Терека, при впаденіи Сунжи.	15	40	38	чеч.	сунн.	Мечеть.
742	**Амир-Аджи-юртъ**, с. .	на прав. берегу Терека, противъ Щедринской ст.	93	217	226	чеч.	сунн.	Мечеть.
743	**Азамат-юртъ**, с. . .	на прав. берегу Терека.	118	313	336	чеч.	сунн.	Мечетей 2.
	IV Автуринскій участокъ.							
744	**Устар-Гордой**, с. . .	на прав. берегу Аргуна.	172	431	392	чеч.	сунн.	Мечетей 4. Мѣстопребываніе пристава 4-го участка. Мостъ чрезъ Аргунъ.
745	**Турло-юртъ**, чеч. пос. на влад. землѣ. . . .	при слiяніи Джалки съ Сунжею.	43	107	98	чеч.	сунн.	Мечеть.
746	**Джалкинскій** каз. поселокъ	на лѣв. берегу Сунжи, противъ Турло-юрта.	67	183	167	рус.	прав.	Церковь.
747	**Цацан-юртъ**, с. . .	на р. Хулхулау.	337	876	741	чеч.	сунн.	Мечетей 4.
748	**Автуры**, с.	по обоимъ берегамъ р. Хулхулау.	430	1073	928	чеч.	сунн.	Мечетей 5.
749	**Гельдиген**ъ, с. . . .	на небольшомъ притокѣ р. Хулхулау.	260	525	532	чеч.	сунн.	Мечетей 2.
750	**Курчалой-юртъ**, с. . .	на притокѣ р. Гумсъ, притока Бѣлой.	353	873	857	чеч.	сунн.	Мечетей 4.
751	**Маiортупъ (Маiор-Тобъ)**, с.	на прит. р. Гумсъ (Гудермесъ).	256	598	542	чеч.	сунн.	Мечетей 3.
752	**Джугурты**, с. . . .	на р. Гумсъ (Гудермесъ).	49	125	102	чеч.	сунн.	Мечеть.
753	**Элиехан-юртъ**, с. . .	на р. Мичикѣ.	245	519	447	чеч.	сунн.	Мечетей 2.

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей. М. П.	Число жителей. Ж. П.	Народность жителей.	Вѣроисповѣданіе жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія; почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
	I Ачхоевскій участокъ.							
	на правомъ берегу Сунжи.							
754	Ачхой (Ачхой-Мартанъ), с.	при р. Фортангѣ, на проселочн. дорогѣ изъ Слѣпцовской ст. въ Аргунское ущелье.	452	1063	1006	чеч.	сунн.	Мечетей 4.
755	Мережой-Беремъ, с. .	на вер. р. Нетхой, притока Ассы.	47	128	122	чеч.	сунн.	Мечеть.
756	Катер-юртъ. с. . . .	на р. Шалажъ.	272	663	610	чеч.	сунн.	Мечетей 2.
757	Шама-юртъ, с. . . .	на р. Шалажъ.	178	489	427	чеч.	сунн.	Мечетей 2. Ставка пристава 5-го участка.
758	Валерикъ, с.	при р. Валерикъ, притокѣ Сунжи.	228	532	535	чеч.	сунн.	Мечетей 2. Сельская школа.
759	Хадис-юртъ, с. . . .	на р. Сунжѣ.	105	260	249	чеч.	сунн.	Мечеть.
760	Куллары, с.	при р. Сунжѣ.	158	409	382	чеч.	сунн.	Мечетей 2.
761	Алхан-юртъ, с. . . .	при сліяніи р. Мартанъ съ Сунжею.	339	718	714	чеч.	сунн.	Мечетей 3.
	на лѣвомъ берегу Сунжи.							
762	Самашкинская, каз. ст.	на Сунжѣ.	331	913	883	рус.	прав.	Православная церковь. Почтовая станція. Станичное училище.
763	Закан-юртовская, каз. ст.	на Сунжѣ.	306	832	822	рус.	прав., помор.	Православная церковь. Станичное училище.
764	Алхан-юртовская каз. ст.	на Сунжѣ.	440	1284	1227	рус.	прав., старообряд.	Православная церковь. Старообрядческ. молитвенный домъ. Почтовая станція. Станичное училище.
	VI Аргунскій участокъ.							
765	Арду-юртъ, поселокъ на влад. землѣ	на канавѣ, взятой изъ Аргуна и проведенной въ Сунжу, близъ с. Старосунженскаго.	22	69	68	чеч.	сунн.	
766	Касим-юртъ, поселокъ на влад. землѣ. . . .	на канавѣ, взятой изъ Аргуна и проведенной въ Сунжу, близъ сел. Старо-сунженскаго.	18	61	51	чеч.	сунн.	

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ	Число жителей.		Народность жителей.	Вѣроисповѣданіе жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи, ярмарки, базары, пристани, фабрики, заводы и т. п.
				М. П.	Ж. П.			
767	**Старо-Сунженское**, с.	на прав. берегу Сунжи.	341	750	703	чеч.	сунн.	Мечетей 3.
768	**Петропавловская**, каз. ст.	на лѣв. берегу Сунжи, при почтовой дорогѣ изъ Грознаго въ ст. Николаевскую.	239	660	566	рус.	прав.	Православная церковь. Почтовая станція. Станичная школа. Винокуренный заводъ.
769	**Дуба-юртъ**, с.	на прав. берегу Аргуна.	214	517	471	чеч.	сунн.	Мечетей 2. При входѣ въ Аргунское ущелье, въ 3 верстахъ къ ю.-з. вверхъ по Аргуну—упраздненное укрѣпленіе **Аргунское**.
770	**Атаги-Новые или Малые**, с.	на прав. берегу Аргуна.	407	951	933	чеч.	сунн.	Мечетей 3.
771	**Чечень (Большой Чечень)**, с.	на лѣв. берегу Аргуна.	283	688	641	чеч.	сунн.	Мечетей 2.
772	**Белгатой**, с.	на каналѣ, недалеко отъ праваго берега Аргуна.	117	241	261	чеч.	сунн.	Мечеть.
773	**Бердыкель**, с.	на лѣв. берегу Аргуна.	283	703	651	чеч.	сунн.	Мечетей 3. Близъ аула—упраздненное укрѣпленіе того же имени.
774	**Шали**, с.	при р. Бассъ.	1047	2511	2227	чеч.	сунн.	Мечетей 8. Базаръ.
775	**Герменчукъ**, с.	при р. Бассъ.	392	933	876	чеч.	сунн.	Мечетей 3. Мѣстопребываніе пристава 6-го участка.
776	**Мискиръ-юртъ**, с.	при р. Джалкѣ.	282	672	690	чеч.	сунн.	Мечети 2.
777	**Али-Мирза-юртъ**, пос. на влад. землѣ.	при р. Джалкѣ.	18	57	44	чеч.	сунн.	Мечеть.
778	**Сержен-юртъ**, с.	при р. Хулхулау, недалеко отъ входа въ Хулхулауское ущелье.	72	161	145	чеч.	сунн.	Мечеть. Вблизи укрѣпленіе **Эрсеной**.

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей. М. П.	Число жителей. Ж. П.	Народность жителей.	Вѣроисповѣданія жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
179	Ардонское, с. . . .	при рр. Тархайдонѣ и Ардонѣ.	298	1056	1001	осет.	прав.	Приходская православная церковь и зданіе для школы.
180	Христіанское (Ново-Христіанское), с. . .	при р. Бѣлой (Урс-донѣ).	394	1516	1420	диг.	прав.	Приходская православная церковь. Школа.
181	Магометанское (Ново-Магометанское), с. .	при р. Шаголла (Змѣйкѣ).	193	778	707	осет.	сунн.	Мечеть.
182	Караджаево, с. . . .	при устьѣ рѣчки Кила-донъ, лѣваго притока р. Уруха.	15	48	40	осет.	прав.	
183	Ново-Урухское, с. . .	на лѣвой сторонѣ р. Уруха.	119	505	414	диг.	сунн.	
184	Дур-дуръ, (Туганова селеніе).	на рѣчкѣ Дур-дурѣ на лѣвой сторонѣ.	121	473	436	осет.	часть христ. прав.	Приходская православная церковь.
185	Кора, с.	при рѣч. Урс-донѣ (Бѣлой) на лѣвой сторонѣ.	20	124	99	осет.	прав.	Къ югу отъ селенія въ 200 саженяхъ древняя башня Кубатіевыхъ.
186	Урс-донъ, с.	при рѣчкѣ Урс-донѣ, на правой сторонѣ.	6	17	23	осет.	прав.	
187	Карагачъ, с.	при рѣчкѣ Урс-донѣ, на правой сторонѣ.	17	58	57	осет.	прав.	
188	Синдзи-кау, с. . .	при р. Бѣлой (Урс-донѣ) на лѣвой сторонѣ.	21	99	77	осет.	прав.	
189	Ардонская казачья станица	при рр. Тархайдонѣ и Ардонѣ.	340	799	779	каз.	прав.	Православная церковь и училище.
190	Николаевская казачья станица	при сліяніи рр. Дур-дура и Бѣлой (Урс-дона).	179	458	412	каз.	прав.	Православная церковь.
191	Змѣйская казачья станица	на лѣвомъ берегу р. Терека.	270	818	702	каз.	прав.	Православная церковь.
192	Алагирское, с. . . .	на лѣвомъ берегу р. Ардона.	212	1388	510	рус.	прав.	Православная церковь и серебро-свинцовый заводъ. Штаб-квартира 76-го пѣх. Кубан. полка.
	III-й, Сунженскій, участокъ.							
193	Кяни, с.	при источникѣ р. Арм-хи (Кистинка).	4	10	12 *)	галг. (кист.)	сунн.	
194	Гу, с.	при источникѣ р. Арм-хи.	2	4	6	галг.	сунн.	
195	Салги, с.	при источникѣ р. Арм-хи.	11	27	37	галг.	сунн.	

*) Галгаевцы или кистины—чеченскаго племени.

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей.		Народность жителей.	Вѣроисповѣданія жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
				М. П.	Ж. П.			
196	Хули, с.	на притокѣ рѣч. Арм-хи.	27	98	83	галг.	сунн.	
197	Торшъ (Таршъ), с. .	на притокѣ рѣч. Арм-хи.	10	42	44	галг.	сунн.	
198	Белгинъ (Белханъ), с.	на притокѣ рѣч. Арм-хи.	4	11	9	галг.	сунн.	
199	Шоанъ (Шуанъ), с. .	на притокѣ рѣч. Арм-хи.	20	36	52	галг.	сунн.	Мечеть.
200	Агенты, с.	близъ р. Арм-хи.	2	6	7	галг.	сунн.	
201	Эрьаи (Арзи), с. . .	близъ р. Арм-хи.	31	97	70	галг.	сунн.	
202	Алготъ (Альгитэ), с.	на лѣвомъ берегу р. Арм-хи.	5	10	10	галг.	сунн.	
203	Хамешки, с.	близъ р. Арм-хи.	8	15	18	галг.	сунн.	
204	Кишкинъ (Кошкинъ) с.	близъ р. Арм-хи.	9	27	24	галг.	сунн.	
205	Ляжги, с.	на правомъ берегу р. Арм-хи.	27	64	65	галг.	сунн.	
206	Геракъ, с.	на правомъ притокѣ р. Арм-хи.	24	42	47	галг.	сунн.	
207	Мецхалъ, с.	на правомъ притокѣ р. Арм-хи.	16	52	41	галг.	сунн.	
208	Моручь (Муручи), с. .	на правомъ притокѣ р. Арм-хи.	12	12	10	галг.	сунн.	
209	Обшнь (Обшнъ), с. .	близъ р. Арм-хи.	27	67	50	галг.	сунн.	
210	Байни (Бейна), с. . .	на правомъ притокѣ р. Арм-хи.	18	62	44	галг.	сунн.	
211	Фараны, с.	на правомъ притокѣ р. Арм-хи.	11	33	27	галг.	сунн.	
212	Кашетъ, с.	на правомъ притокѣ р. Арм-хи.	8	23	26	галг.	сунн.	
213	Гоуст-хи, с.	на правомъ притокѣ р. Арм-хи.	10	34	20	галг.	сунн.	
214	Могол-кали (Махо-кали), с.	при р. Арм-хи.	18	52	47	галг.	сунн.	
215	Эголь-кали (Эгол-кали), с.	при р. Арм-хи.	16	43	45	галг.	сунн.	
216	Памытъ (Памятъ), с.	при р. Арм-хи.	20	70	70	галг.	сунн.	
217	Озми Верхн., с. . . .	близъ р. Арм-хи.	26	73	53	галг.	сунн.	
218	Озми Нижн., с. . .	при р. Арм-хи, близъ слiянiя ея съ Терекомъ.	10	33	32	галг.	сунн.	

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей. М. П.	Число жителей. Ж. П.	Народность жителей.	Вѣроисповѣданія жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
219	Фортоугъ, с.	при р. Арм-хи, близъ сліянія ея съ Терекомъ.	20	83	68	галг.	сунн.	
220	Хани, с.	на р. Чулой-хи, прав. притокѣ р. Арм-хи.	6	10	16	галг.	сунн.	
221	Лялехъ, с.	на р. Чулой-хи, прав. притокѣ р. Арм-хи.	17	45	45	галг.	сунн.	
222	Догургиджъ, с. . . .	на правой сторонѣ р. Арм-хи.	11	34	23	галг.	сунн.	
223	Ут-Венгешты, с. . .	на правой сторонѣ р. Арм-хи.	3	11	7	галг.	сунн.	
224	Хастмаки, с.	на правой сторонѣ р. Арм-хи.	2	8	5	галг.	сунн.	
225	Фалхидъ, с.	на правой сторонѣ р. Арм-хи.	17	34	37	галг.	сунн.	
	По р. Ассѣ и ея притокамъ.							
226	Голушки, с.	близъ лѣваго притока Ассы.	10	27	33	галг.	сунн.	
227	Тумгой Верхн., с. . .	близъ лѣваго притока Ассы.	4	19	13	галг.	сунн.	
228	Тумгой Нижн., с. . .	близъ лѣваго притока Ассы.	28	87	85	галг.	сунн.	
229	Накистъ, с.	близъ лѣваго притока Ассы.	7	20	22	галг.	сунн.	
230	Цоли Верхн. и Нижн., с.	на лѣвомъ притокѣ Ассы.	5	17	13	галг.	сунн.	
231	Гани (Гапни), башни. .	на лѣвомъ притокѣ Ассы.	3	11	10	галг.	сунн.	
232	Пуй (Пуи), с. . . .	при р. Ассѣ.	14	42	36	галг.	сунн.	
233	Костъ, с.	близъ р. Ассы.	14	40	36	галг.	сунн.	
234	Кихкъ, с.	близъ р. Ассы.	16	51	53	галг.	сунн.	Мечеть.
235	Хайрыхъ, с.	при р. Ассѣ.	11	25	26	галг.	сунн.	
236	Исманлова, с. . . .	при р. Ассѣ.	4	9	7	галг.	сунн.	
237	Хамхи, с.	близъ р. Ассы.	36	81	81	галг.	сунн.	
238	Гадыборши (Гадыберта), с.	близъ р. Ассы.	10	33	49	галг.	сунн.	
239	Дошакли (Дошакалъ), с.	на лѣвомъ притокѣ Ассы.	5	8	11	галг.	сунн.	

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей. М. П.	Число жителей. Ж. П.	Народность жителей.	Вѣроисповѣданія жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
240	Картъ, с.	на лѣвомъ притокѣ Ассы.	16	44	48	галг.	сунн.	
241	Лейми Верхн., с. . .	на лѣвомъ притокѣ Ассы.	7	25	20	галг.	сунн.	
242	Лейми Нижн., с. . .	на лѣвомъ притокѣ Ассы.	5	12	10	галг.	сунн.	
243	Одзыкъ Верхн., с. . .	на лѣвомъ притокѣ Ассы.	5	9	8	галг.	сунн.	
244	Одзыкъ Средн., с. . .	на лѣвомъ притокѣ Ассы.	14	52	44	галг.	сунн.	
245	Одзыкъ Нижн., с. . .	на лѣвомъ притокѣ Ассы.	8	26	27	галг.	сунн.	
246	Агйкалъ, с.	близъ р. Ассы.	24	68	70	галг.	сунн.	
247	Тюрхи, с.	близъ р. Ассы.	4	11	11	галг.	сунн.	
248	Нилхъ (Нельхъ), с. .	при р. Чоуро Точь-Доохи, правомъ притокѣ Ассы.	19	49	64	галг.	сунн.	
249	Коки, с.	близъ рѣч. Тхаба-чочь (Бауки-хи), на правомъ притокѣ Ассы.	22	56	47	галг.	сунн.	
250	Гулъ (Кулъ), с. . . .	при источникахъ р. Тхаба-чочь (Бауки-хи).	24	65	57	галг.	сунн.	Мечеть.
251	Горшки, с.	при источникахъ р. Тхаба-чочь.	11	23	20	галг.	сунн.	
252	Осси (Осиге, Коси), с.	на правомъ берегу Тхаба-чочь.	8	17	10	галг.	сунн.	
253	Цори, с.	на правомъ притокѣ р. Тхаба-чочь.	39	109	117	галг.	сунн.	Мечеть.
254	Ляжги, с.	при р. Тхаба-чочь.	25	54	47	галг.	сунн.	
255	Мохулъ (Энты), с. . .	на правомъ притокѣ р. Тхаба-чочь, подъ хребтомъ Цорой-ламъ.	19	48	48	галг.	сунн.	
256	Башты (Бошто), с. . .	при р. Тхаба-чочь.	17	42	47	галг.	сунн.	
257	Ангехты, с.	подъ хребтомъ Цорой-ламъ, на правомъ притокѣ р. Тхаба-чочь.	2	5	5	галг.	сунн.	
258	Мусіева (Муса-конги-юртъ), с.	на правомъ притокѣ р. Тхаба-чочь, подъ хребтомъ Цорой-ламъ.	10	30	32	галг.	сунн.	
259	Цхоритэ (Цхверите), с.	на правомъ притокѣ р. Тхаба-чочь.	5	17	14	галг.	сунн.	

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей. М. П.	Число жителей. Ж. П.	Народность жителей.	Вѣроисповѣданія жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
260	Ляшке (Ляжги), с.	на правомъ притокѣ р. Тхаба-чочь.	22	47	52	галг.	сунн.	
261	Анти, башня.	на лѣвомъ притокѣ р. Тхаба-чочь.	2	8	9	галг.	сунн.	
262	Мяшхе, с.	на лѣвомъ притокѣ р. Тхаба-чочь.	17	42	46	галг.	сунн.	
263	Озди, с.	при р. Тхаба-чочь.	2	9	6	галг.	сунн.	
264	Берхи (Берги), с.	на лѣвомъ берегу р. Тхаба-чочь.	5	16	14	галг.	сунн.	
265	Голи, с.	на правомъ притокѣ р. Тхаба-чочь.	3	10	10	галг.	сунн.	
266	Генты (Генте), с.	на правомъ притокѣ р. Тхаба-чочь.	15	41	48	галг.	сунн.	
267	Ваурнышки, с.	при р. Тхаба-чочь.	3	7	8	галг.	сунн.	
268	Нуй, с.	на правомъ притокѣ р. Тхаба-чочь.	29	68	70	галг.	сунн.	
269	Палынкъ, с.	на правомъ притокѣ р. Тхаба-чочь.	19	48	52	галг.	сунн.	
270	Іеулой (Е—), с.	на правомъ притокѣ р. Тхаба-чочь.	12	36	31	галг.	сунн.	
271	Таргимъ, с.	при р. Ассѣ.	13	38	38	галг.	сунн.	
272	Герете, с.	близъ р. Ассы.	8	19	22	галг.	сунн.	
273	Аршхауги, с.	въ ущельѣ Цори-чоджъ.	8	20	25	галг.	сунн.	
274	Бошто, башня.	въ ущельѣ Бошто-чоджъ.	3	9	12	галг.	сунн.	
275	Агутыръ, с.	въ ущельѣ Бошто-чоджъ.	6	36	28	галг.	сунн.	
276	Койрыхъ, с.	въ ущельѣ Чарой-чоджъ.	6	24	22	галг.	сунн.	
277	Мелйръ, с.	въ ущельѣ Мелир-чоджъ.	8	27	20	галг.	сунн.	
278	Никойте (Никоты), с.	на горѣ Никоты.	7	22	21	галг.	сунн.	
279	Цизди, с.	въ ущельѣ Никоты-чоджъ.	3	14	14	галг.	сунн.	
280	Корбе, с.	въ ущельѣ Мяшхи-чоджъ.	5	15	9	галг.	сунн.	
281	Докали, с.	въ ущельѣ Мохало-чоджъ.	6	12	12	галг.	сунн.	
282	Хай, с.	на горѣ Хай, на правой сторонѣ р. Ассы.	5	9	10	галг.	сунн.	

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей.		Народность жителей.	Вѣроисповѣданіе жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
				М. П.	Ж. П.			
283	Берхли, с.	близъ р. Ассы.	7	31	26	галг.	сунн.	
284	Барыхъ, с.	близъ р. Ассы, на правой сторонѣ.	25	75	77	галг.	сунн.	
285	Коли, с.	на лѣвомъ притокѣ р. Ассы.	11	28	26	галг.	сунн.	
286	Басирхо, с.	на правомъ притокѣ р. Ассы.	7	14	12	галг.	сунн.	
287	Алкунскій, постъ *). .	при р. Ассѣ, у подошвы горы Лонжи-кортъ.	—	—	—	—	—	
288	Мужичій, постъ *). .	при р. Ассѣ и рѣч. Базай-али.	—	—	—	—	—	
289	Галашевская, казачья станица	при р. Ассѣ, у сліянія ея съ рѣчкою Гонша.	154	449	434	рус.	прав.	Православная церковь.
290	Фельдмаршальская, казачья станица . . .	близъ р. Ассы.	165	425	365	рус.	прав.	Православная церковь.
	Въ верховьяхъ р. Сунжи.							
291	Аки-юртовская, казачья станица	при р. Джамок-Солджъ (Малая Сунжа).	107	233	254	рус.	прав.	Православная церковь.
292	Сунженская, казачья станица	при р. Сунжѣ.	401	1280	1213	рус.	прав.	Православная церковь.
	Въ верховьяхъ р. Камбилеевки (Камбеи, Гельми по-чеч.)							
293	Тарская, казачья станица.	при сліяніи рѣч. Ардж-хи и Борцхи, составляющихъ Камбилеевку.	232	784	751	рус.	прав.	Православная церковь.
	IV участокъ.							
294	Камбилеевскій, постъ .	при р. Камбилеевкѣ.	—	—	—	—	—	
295	Бушека (Камбилеевская) ферма.	при р. Камбилеевкѣ, на почтовой дорогѣ изъ Владикавказа въ Моздокъ.	(1)	(4)	(3)	(рус.)	(прав.)	Школа садоводства и земледѣлія.
296	Базоркина, с.	при р. Камбилеевкѣ.	53	1010	1011	инг.	сунн.	
297	Кантышевская, почтовая станція.	при р. Камбилеевкѣ, по московскому тракту.	—	—	—	—	—	

*) Постоянныхъ жителей на этихъ двухъ постахъ нѣтъ, а занимаются таковые казаками, содержащими кордонъ.

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	Число домовъ.	Число жителей. М. П.	Число жителей. Ж. П.	Народность жителей.	Вѣроисповѣданіе жителей.	Церкви и молитвенныя зданія, учебныя и благотворительныя заведенія, почтовыя станціи; ярмарки, базары, пристани; фабрики, заводы и т. п.
298	**Кантышево**, с. . . .	при р. Камбилеевкѣ.	280	771	729	инг. *)	сунн.	
299	**Долаково**, с.	при р. Камбилеевкѣ.	120	344	299	инг.	сунн.	
300	**Насыр-кортъ**, с. . . .	близъ р. Сунжи, при почтовой дорогѣ изъ Владикавказа въ Грозный.	411	1179	1088	инг.	сунн.	
301	**Альты**, с.	близъ р. Сунжи, при грозненской почтовой дорогѣ.	130	339	330	инг.	сунн.	
302	**Гамураіева**, с.	при Сунжѣ, на грозненской почтовой дорогѣ.	220	637	574	инг.	сунн.	
303	**Назрановское, укрѣпленіе**.	при Сунжѣ, на грозненской почтовой дорогѣ.	(16)	(155**)	(15)	(рус.)	(прав.)	Почтовая станція. Мѣстопребываніе пристава 4 участка. Горская 2-хъклассная школа.
304	**Пліева**, с.	при Сунжѣ, на грозненской почтовой дорогѣ.	247	645	670	инг.	сунн.	
305	**Карабулакская**, казачья станица.	при Сунжѣ, на грозненской почтовой дорогѣ.	227	768	686	рус.	прав.	Православная церковь, въ 4 верстахъ къ с.-в. нефтян. колодцы. Школа.
306	**Троицкая**, казачья станица	при Сунжѣ, на грозненской почтовой дорогѣ.	306	1152	1112	рус.	прав.	Православная церковь. Школа.
307	**Слѣпцовская**, казач. станица	при Сунжѣ, на грозненской почтовой дорогѣ.	519	1424	1285	рус.	прав.	Православная церковь. Почтовая станція. Вблизи Слѣпцова кургана въ $^1/_2$ верстѣ къ свв. источникъ холодный минеральной воды. 1 сентября ярмарка. 2 кожевенныхъ и 1 кирпичный заводы. Школа.
308	**Михайловская**, казачья станица.	при Сунжѣ, на грозненской почтовой дорогѣ.	324	1016	982	рус.	прав.	На правомъ берегу Сунжи—Аѳанасьевъ курганъ. Въ 3 верстахъ къ с.—Михайловскія и Слѣпцовскія воды. Сѣрный источникъ. Школа. Еженедѣльный базаръ по воскресеньямъ. 2 кирпичныхъ завода.
309	**Сурхо-хи**, с.	близъ р. Кодчи, при дорогѣ изъ Назрановскаго укрѣпленія въ Фельдмаршальскую станицу.	366	1055	1047	инг.	сунн.	

*) Ингуши и назрановцы—чеченскаго племени.
**) Въ томъ числѣ 100 чел. войска.